

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

ВОЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ XIII

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян (научный редактор), М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков, А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников, О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

Т. В. Волокитина, И. Э. Магадеев, В. Б. Маковский, А. А. Недашковский, А. Ф. Носкова, Е. О. Обичкина, Т. А. Покивайлова, А. В. Ревякин, С. А. Романенко

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 13: Военная дипломатия — 2015. — 344 с. ISBN 978-5-9228-1313-6

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1313-6 (т. 13)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: Сталин И. В., Рузвельт Ф., Черчилль У. фотографируются для прессы в дни работы Тегеранской конференции, 1943 г., место съемки: Тегеран; автор съемки: не установлен, РГАКФД.

Книга тридцать восьмая

ДИПЛОМАТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР

В. О. Печатнов*

Борьба советской дипломатии за открытие второго фронта. К лету 1943 года отношения между ведущими державами антигитлеровской коалиции складывались весьма непросто. Главным осложняющим фактором оставался вопрос о втором фронте, открыть который союзники ранее обещали в том же году. Однако на англо-американских переговорах под кодовым названием «Трайдент», проходивших в Вашингтоне с 12 по 25 мая, это обещание вновь было нарушено. На сей раз, в отличие от предыдущей англо-американской встречи в Касабланке, вопрос о приглашении СССР даже не обсуждался, что было неудивительно с учетом принятых на ней решений. К тому времени операции союзников в Тунисе наконец завершились и установление контроля над Северной Африкой стало весомым дополнительным аргументом в пользу продолжения «средиземноморской стратегии» англичан. В ходе вашингтонских переговоров Черчилль и его военное командование смогли убедить Рузвельта в том, что развитие успеха в Средиземноморье будет означать эффективное использование уже имеющихся там сил для вывода из войны Италии и приведет к оттягиванию сил вермахта с Восточного фронта, вступлению в войну Турции на стороне союзников и увеличению их военного вклада в разгром стран «оси». Американцы, со своей стороны, сумели настоять на продолжении плана «Болеро» — концентрации сил на Британских островах для последующего вторжения на европейский континент. Само вторжение вновь откладывалось,

но впервые по настоянию США определялась его ориентировочная дата — 1 мая 1944 г.

4 июня в Москве было получено послание Рузвельта с информацией о решениях, принятых на «Трайденте». Дополнительная информация с детализацией позиции союзников была получена от посла И. М. Майского по результатам его беседы с Черчиллем 9 июня. «Черчилль, — сообщил посол, — выражал всяческие сожаления по поводу того, что англо-американцам пришлось отложить операции «через канал» до будущего года, но заверял, что «ничего лучшего сейчас, к сожалению, нельзя придумать»... во всех рассуждениях Черчилля об операциях во Франции чувствовалось чрезвычайное желание как-нибудь, под каким-либо подходящим предлогом их избежать, ибо это трудные операции, неизбежно требующие больших жертв и усилий». «Изложенный разговор с Черчиллем, — резюмировал Майский, — окончательно определяет позицию Англии и США в этой войне, по крайней мере, на данном этапе. Говорю «окончательно», ибо во все время разговора чувствовалось, что высказываемые Черчиллем мысли, расчеты и наметки глубоко продуманы и прочувствованы и что Черчилль будет их отстаивать с упорством английского бульдога»¹.

В те же дни подробное донесение из Вашингтона отправил в НКВД посол М. М. Литвинов. В нем ветеран советской дипломатии с тревогой писал об антисоветской подоплеке отсрочек с открытием второго фронта, о сохранении враждебности к СССР со стороны значительной части общественного мнения,

* Владимир Олегович Печатнов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ИПСЕА МГИМО(У) МИД России.

о сопротивлении Рузвельтовской политике и колебаниях самого президента в отношении советского союзника².

Сталин, видимо, тоже понимал окончательность решений «Трайдента». Поэтому в своем ответе от 11 июня он не стал оспаривать или переубеждать Рузвельта и Черчилля, а просто обвинил союзников в грубом нарушении данных обещаний и констатировал тяжкие последствия принятых ими решений для своей страны. «Это Ваше решение, — писал он, — создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом.

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий.

Что касается советского правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны³.

Жесткость этого ответа не стала неожиданностью для союзников, опасавшихся, что их сообщение явится для Сталина «разорвавшейся бомбой» (так окрестили вести о «Трайденте» для СССР в кругах Форин-офиса)⁴. «Сдержанность его тона, — комментировал из Москвы британский посол А. Керр, — на мой взгляд, не должна вводить нас в заблуждение о том, что он не испытывает настоящей тревоги и возмущения и что его вера в наши намерения не была серьезно подорвана. Он не преувеличивает того впечатления, которое это новое разочарование наверняка произведет на народ, которому предстоит еще одна голодная зима, и на Красную армию, которая поймет, что ей придется и дальше нести на себе главное бремя сухопутной войны еще месяцев десять или около того»⁵.

Получив этот ответ главы советского правительства, Черчилль решил дать более развернутое оправдание позиции союзников и с согласия Рузвельта направил Сталину новое послание, полученное в Москве 19 июня. При

его составлении премьер прислушался к совету Керра, который подчеркивал, что единственная надежда смягчить последствия решения о новой отсрочке второго фронта — это срочно провести встречу на высшем уровне с тем, чтобы Сталин не чувствовал, что важнейшие решения коалиционной войны принимаются без участия СССР. Иначе, заключал посол, эта новая отсрочка «окончательно утвердит Сталина и его народ в их глубоком убеждении (которое только-только начало ослабевать) в том, что мы и американцы не ведем с ними честную игру, а намеренно даем им истечь кровью до самой смерти»⁶. Соответственно, в конце послания Черчилль, словно в ответ на недовольство Сталина исключением СССР из принятия важнейших стратегических решений, предложил провести встречу «большой тройки» на военной базе в Скапа-Флоу на севере Шотландии.

Однако оправдательный тон послания был, видно, Черчиллю в тягость. Свое подлинное настроение премьер откровенно изложил в телеграмме Керру от 16 июня: «Как Вы увидите из моей последующей телеграммы, я посылаю Сталину мягкий ответ. В то же время нам нет нужды извиняться. Наша стратегия и наступление в Средиземноморье, по всей вероятности, оттягивают германское наступление в России и, значит, оказывают им огромную услугу. Вам следует проявлять твердость в отношении любых новых жалоб... В сложившейся обстановке ничто не заставит меня пойти на то, что, по мнению моих советников и моему собственному убеждению, будет не чем иным, как бесполезным истреблением британских войск на берегах Канала только ради того, чтобы рассеять советские подозрения. Я порядком устал от этих постоянных выговоров, продиктованных лишь одним хладнокровным эгоизмом и полным презрением к нашим жизням и благополучию. В удобный момент Вы можете по-дружески намекнуть Сталину, что не безопасно обижать две западные державы, чья военная мощь растет с каждым месяцем и которые в будущем могут быть полезны России. Даже мое долготерпение имеет предел»¹.

Однако расчет британского премьера оправдать решения «Трайдента» не сработал. Сталин обоснованно видел в Черчилле главного вдохновителя двойной игры союзников в вопросе о втором фронте и ответил ему гневным посланием от 24 июня, в котором с цитатами перечислялись все предыдущие обещания премьера на сей счет. В заключение послания го-

ворилось: «...Это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и Президентом без участия Советского Правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики.

Нечего и говорить, что Советское Правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага. Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»⁷.

Отповедь Сталина вызвала в Лондоне большой резонанс. «Звучит очень внушительно, особенно когда цитируются предыдущие послания премьер-министра!» — записал в своем дневнике первый заместитель Э. Идена А. Кадоган⁸. Черчилля особенно уязвило обвинение в сознательном обмане своего боевого союзника, оскорбительное для потомка герцога Мальборо. Майский, встретившийся с премьером 3 июля, в своей депеше в Москву дал живое описание этой реакции: «Хотя послание товарища Сталина является очень искусным полемическим документом, — сказал премьер, по сообщению посла, — оно не вполне учитывает действительное положение вещей. Когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искренне верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков». «Но мы не боги, — продолжал Черчилль, — мы делаем ошибки. Война полна всяких неожиданностей... Приходится на ходу перестраиваться, менять планы». «В ходе разговора, — добавлял посол, — Черчилль несколько раз возвращался к той фразе послания товарища Сталина, в которой говорится о «доверии к союзникам» (в самом конце послания). Эта фраза явно не давала покоя Черчиллю и вызывала в нем большое смущение»⁹.

Хотя премьер-министр ответил Сталину весьма сдержанно, он был настолько уязвлен,

что решил было прекратить переписку с советским вождем. Об этом Черчилль сообщил послу Керру, заключив, что «нет никакого смысла превращать ее в инструмент обвинений». Керр в ответ призвал премьера отказаться от своего намерения и войти в положение Кремля: «Здесь, в Москве, наша слабость очевидна. Сталин дважды во всеуслышание заявлял о нашем намерении высадиться в этом году в Западной Европе, и дважды нам приходилось его разочаровывать. Наша слабость — не в неспособности открыть второй фронт, а в том, что мы уверили его в намерении это сделать». Посол напомнил Черчиллю о необходимости сотрудничать со Сталиным «не только в разгроме Гитлера, но и в последующие годы, поскольку от этого зависят жизни миллионов людей, а во многом — и будущее всего мира. Поэтому я считаю, что мы должны сохранять его доверие даже с ущербом для себя...»¹⁰. О своем намерении прекратить переписку премьер говорил и Майскому 3 июля. Тот объяснил тон послания Сталина огромными жертвами и «крайним недоумением нашего народа и нашей армии постоянным откладыванием второго фронта на западе»ⁱⁱ. В отчете для Кремля посол опустил свои аргументы в пользу продолжения переписки, сохранившиеся в английской записи беседы. Переписка, говорил он согласно этой записи, «принесит еще больше пользы, когда обе стороны говорят напрямик», и премьеру не стоит обращать внимания на «резкую манеру» Сталина. Когда Черчилль спросил его, что означает фраза «Советское правительство не может примириться» — какой-то «зловещий намек или просто выговор» в его адрес, Майский заверил его, что имелось в виду, конечно, второе. В итоге Черчилль, так и не дождавшись ответа от Сталина на свое послание, сам возобновил переписку в начале июля.

Другим ответом Сталина на решения «Трайдента» и суровым предупреждением союзникам стал отзыв популярных на западе послов — ветеранов советской дипломатии Майского и Литвинова, которых сменили молодые дипломаты жесткой молотовской школы Ф. Т. Гусев и А. А. Громыко. Не случайно Майский получил указание о вызове его и Литвинова в Москву 25 июня, то есть — на следующий день после гневного сталинского ответа Черчиллю на его послание от 19 июня, которое, видимо, переполнило чашу терпения Сталина. Официально послы вызывались в Москву для консультаций («включая и обсуждение в англо-американских кругах послевоенных проблем»), как говорилось

в телеграмме Молотова)¹¹, но опытные дипломаты догадывались о том, что происходит. Это сообщение, телеграфировал в Москву Майский 29 июня, произвело на Идена впечатление, «близкое к впечатлению от разорвавшейся бомбы...» Из слов Идена можно было понять, что мой вызов в Москву он связал с посланием тов. Сталина от 24 июня и все это вместе истолковал как явный симптом ухудшения отношений между СССР и Англией¹². О том же телеграфировал в Москву и Громыко, описывая американскую реакцию на отзыв Литвинова¹³.

Под влиянием Вашингтонских решений союзников изменилась и позиция Сталина в вопросе о встрече с Рузвельтом, обсуждавшейся во время майского визита Дж. Дэвиса. Сначала он затянул с ответом на напоминания из Вашингтона, а в начале августа послал Рузвельту вежливый отказ от этой идеи, ссылаясь на обстановку на советско-германском фронте, где развернулась решающая фаза битвы на Курской дуге. Это выглядело весьма убедительно, но, думается, что Сталин, помимо прочего, хотел еще раз выразить союзникам свое недовольство. К тому же сама встреча теряла смысл, поскольку главные стратегические решения уже были приняты без участия СССР. Советскому руководству стало ясно, что и в 1943 году в войне с Германией придется рассчитывать лишь на собственные силы. Не менее очевидным было и то, что только новый большой успех на полях сражений мог заставить англо-американцев всерьез считаться с интересами Советского Союза и подвинуть их к проведению согласованной коалиционной стратегии.

Таким успехом стала победа советских войск на Курской дуге, ознаменовавшая коренной перелом в ходе войны. Союзники были не слишком готовы к такому исходу. Подготовка немцами операции «Цитадель» не была для них секретом: в послании от 5 мая Рузвельт даже предупредил Сталина о готовящемся наступлении вермахта «против центра Вашей линии»¹⁴. Однако прогнозы американской разведки были крайне осторожными. Бывший военный атташе США в Москве Дж. Микела на брифинге для руководства армейской разведки в начале мая предсказывал: «В целом будущее восточного фронта не безнадежно, и шансы Советов выстоять являются чуть более предпочтительными. Но решительное германское наступление против южной части центрального фронта станет большой угрозой, и шансы на его успех будут обратно пропорциональны размаху опе-

раций союзников на Западе. Если союзники вторгнутся в Европу, Советы смогут начать наступление — но никак не иначе». Эта оценка полностью совпадала с позицией всей военной разведки¹⁵. Управление стратегических служб (УСС) в своей июньской оценке военного потенциала СССР было еще более сдержанным: «Можно ожидать, что Советский Союз этим летом окажет, по крайней мере, не меньшее сопротивление, чем летом 1942 года, но его ценой будет растущая нехватка живой силы, промышленных материалов и опасное истощение запасов продовольствия»¹⁶. Черчилль в своем уже упомянутом послании Сталину от 19 июня настолько увлекся описанием успехов союзников в Северной Африке, что предположил, что они «расстроили германскую стратегию» и заставили Гитлера «отложить свои планы крупного наступления против России этим летом»¹⁷ — и это буквально за две недели до начала операции «Цитадель»!

В Кремле могли счесть это сообщение за сознательную дезинформацию, поскольку советское командование было хорошо информировано о подлинных планах немцев. Благодаря тщательной подготовке, Красная армия сумела не только отразить наступление вермахта, но и перехватить инициативу, развернув Орловскую и Белгородско-Харьковскую наступательные операции. В сражениях на Курской дуге Красная Армия сломала «хребет нацистской Германии»¹⁸, и путем колоссального напряжения сил (только людские потери составили 863 тысячи человек, в том числе около 254,5 тысячи — безвозвратные) нанесла Германии удар, от которого она уже не смогла оправиться. По советским источникам, вермахт в ходе Курской битвы потерял 1,5 тыс. танков, свыше 3,7 тыс. самолетов и 3 тыс. орудий. Согласно немецким данным, потери сухопутных сил вермахта на всем советско-германском фронте в июле и августе 1943 г. составили 474,4 тыс. человек¹⁹. Как признавал после войны генерал Г. Гудериан, «в результате провала наступления „Цитадель“ мы потерпели решительное поражение... больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику»²⁰. «Три огромных сражения под Курском, Орлом и Харьковом, занявшие всего два месяца, — напишет впоследствии Черчилль в своих мемуарах, — означали конец германской армии на восточном фронте»²¹.

Военная разведка США и Великобритания в своих оценках ситуации, сложившейся в ре-

зультате летнего советского контрнаступления, пришла к выводу о том, что вермахт отныне не сможет перебросить значительные силы на запад для противодействия будущей высадке союзников; напротив, ему пришлось оголить западный фронт для сдерживания Красной армии²². При этом некоторые военные аналитики так и не смогли разгадать «загадку советских военных успехов» в борьбе с самой мощной военной машиной в мире, как писал уже после взятия Орла глава отдела ВВС британской военной миссии в Москве вице-маршал авиации Дж. Бабингтон в своем отчете, который он так и озаглавил — «Загадка советских военных успехов»²³. Хотя официальная реакция союзников на решающие события на советско-германском фронте была весьма сдержанной, «про себя» они хорошо понимали их истинное значение в сравнении со своими пока еще скромными усилиями в Италии. «В то время как в Сицилии силам Великобритании и Соединенных Штатов противостоят две германские дивизии, на русском фронте сосредоточено около двухсот немецких дивизий, — писал в начале августа высокопоставленный американский военный (по всей видимости, это был глава Комитета стратегического обзора КНШ генерал С. Эмбрик). — Когда бы союзники ни открыли на континенте второй фронт, он будет явно второстепенным по отношению к русскому фронту, который останется главным. Без России в войне страны «оси» не могут быть побеждены в Европе и положение Объединенных Наций останется крайне шатким»²⁴. Так победы на первом фронте прокладывали дорогу к успеху второго.

Политика СССР в отношении третьих стран

Это коренное изменение военно-стратегической обстановки приводило союзников к новой оценке ситуации и дальнейших перспектив войны. Становилось ясно, что разгром Германии отныне является лишь вопросом времени. Западные союзники начинали понимать необходимость более тесного взаимодействия с СССР на основе учета его интересов, а советское руководство обрело новую уверенность в своих силах. Не случайно именно в начале августа — как только успех на Курской дуге после взятия Орла стал очевидным — Сталин прервал свое более чем месячное молчание в переписке с союзниками и дал принципиальное согласие на встречу с Рузвельтом и Черчиллем, предложив ее несколько отложить. В то же время

в западных столицах нарастали опасения долгосрочных последствий усиления роли Советского Союза, зародившиеся еще после Сталинградской битвы. Это подпитывало стремление союзников закрепить в своей сфере влияния, не допустив там укрепления советских позиций.

Важным регионом такого соперничества стала Италия, которая после высадки союзников в Сицилии в начале июля 1943 г. стала выходить из войны на стороне Германии. 25 июля режим Муссолини пал, и было образовано новое правительство во главе с маршалом П. Бадольо. Перед союзниками вставал вопрос об условиях капитуляции Италии и обращении с этой страной. Поскольку Италия была главным сателлитом нацистской Германии в Европе и первым крупным государством, выходящим из войны, вопрос этот имел принципиальное значение. Хотя Италия находилась в сфере действия англо-американских войск, участие СССР в решении этого вопроса представлялось необходимым не только в Москве, но и в западных столицах. Оно подразумевалось условиями советско-английского договора 1942 года, и дипломаты союзников понимали опасность грубого отстранения Советского Союза от итальянских дел, призывая, по крайней мере, своевременно информировать Москву о своих действиях в Италии. Иначе, предупреждал посол США в СССР У. Стэндли, у советского руководства будут основания считать, что «к нему относятся не в духе сотрудничества»²⁵. Дело было еще и в том, что исключение СССР грозило создать опасный прецедент для самих западных союзников: «Когда наступит перелом и русские армии начнут продвигаться вперед, нам тоже захочется влиять на условия капитуляции и оккупации враждебной и союзной территории», — писал из Лондона посол США Дж. Вайнант²⁶. В то же время союзники стремились свети реальное советское участие в итальянских делах к минимуму, дабы сохранить свое преимущественное влияние в Италии.

Э. Иден в контактах с временным поверенным в делах СССР в Лондоне А. А. Соболевым обещал, что «до сообщения условий [капитуляции] итальянцам они будут сообщены Советскому правительству и обсуждены с ним в полном согласовании с англо-советским договором о союзе»²⁷. У самого Соболева, однако, сложилось впечатление, что эти заверения даются скорее «для отвода глаз» и что на самом деле «имеет место стговор и согласование условий между Британским и Американским правительствами,

а потом, когда эти условия будут окончательно сформулированы и согласованы, в самый последний момент они будут предложены Советскому правительству для рассмотрения»²⁸. 30 июля британское правительство в памятной записке информировало Москву о предварительных условиях капитуляции Италии. Хотя они были разработаны без советского участия, правительство СССР не стало против них возражать, поручив главнокомандующему на средиземноморском театре генералу Д. Эйзенхауэру подписать их от своего имени²⁹. 3 августа Керр передал Молотову так называемые «краткие» условия капитуляции, касавшиеся военных вопросов. Однако на этом консультации прекратились, хотя обстановка вокруг капитуляции Италии стремительно менялась. Англоамериканцы стремились минимизировать свои потери за счет сделки с любыми итальянскими властями, способными обеспечить вывод Италии из войны. Безо всяких консультаций с Москвой они де факто признали правительство Бадольо, вступив с ним в переговоры о капитуляции. Это вызывало в Кремле понятное подозрение и недовольство. Только 18 августа Рузвельт и Черчилль направили Сталину послание с информацией о ходе переговоров с Бадольо и новых условиях капитуляции. К тому же при передаче послания в нем оказались пропуски, затруднявшие его понимание.

Реакция Кремля была весьма резкой. В ответном послании Рузвельту и Черчиллю Сталин выразил крайнее недовольство недостаточной информированностью советской стороны о действиях союзников в Италии, почти дословно используя фразеологию депеши Соболева. «До сих пор, — писал он, — дело обстоит так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдателя. Должен Вам сказать, что терпеть дальше такое положение невозможно». Для исправления ситуации глава советского правительства предложил «создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран — США, Великобритании и СССР — для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии» (прежде всего — с Италией), расположив эту комиссию на первое время в Сицилии³⁰.

Резкий тон сталинского послания, по словам Идена в беседе с Майским, «вызвал сильное раздражение у Черчилля и Рузвельта, и ему, Идену, будто бы пришлось затратить немало

усилий на то, чтобы рассосать такое их настроение. Я ответил, — продолжал в своей телеграмме Майский, — что если бы Черчилль или Рузвельт могли прикоснуться к «советской земле» нынешним летом и пощупать политический пульс нашего народа, то они пришли бы к выводу, что тов. Сталин говорил еще слишком мягко в своих выражениях»³¹.

Тем не менее союзники были вынуждены согласиться с законным требованием главы СССР. Хотя советское участие в такой комиссии может стать «помехой», телеграфировал Идену посол Керр, «допуск Советского правительства в создаваемые нами органы откроет дверь для нас и американцев, когда придет время определять будущее Финляндии и Восточной Европы»³². Британский кабинет также одобрил эту идею и поручил Черчиллю информировать об этом Сталина, что и было сделано в совместном послании англо-американских лидеров от 29 августа.

Согласившись на создание военно-политической комиссии по Италии, союзники не спешили с реализацией этой идеи. Они всячески затягивали решение данного вопроса, а также стремились заранее ограничить юрисдикцию и полномочия будущего органа, особенно — в военных делах. Об этом свидетельствовали послания Черчилля и Рузвельта Сталину от 4 сентября; последний, в частности, предлагал послать советского представителя в штаб Эйзенхауэра. Это предложение было призвано создать впечатление советского участия в итальянских делах, ослабив необходимость в других его формах.

В ответ на проволочки союзников Сталин писал: «После получения Ваших предыдущих сообщений я ожидал, что вопрос о создании военно-политической комиссии трех стран будет решен положительно и безотлагательно. Однако решение столь срочного вопроса затянулось. Дело, конечно, не в тех или иных деталях, о которых нетрудно будет сговориться. Что касается посылки советского офицера к генералу Эйзенхауэру, то она никак не может заменить военно-политическую комиссию, которая должна была бы уже работать, а между тем ее все еще нет»³³.

8 сентября под давлением союзников правительство Бадольо объявило о капитуляции Италии. Это объявление было приурочено к высадке англо-американских войск в Салерно (операция «Аваланш») с тем, чтобы исключить сопротивление итальянских войск и повернуть их против немцев. В ответ войска вермахта быстро заняли Рим, а правительство Бадольо

бежало на юг страны под защиту союзников. Высадка пошла успешно, но вскоре, ввиду упорного сопротивления свежих частей вермахта и ошибок англо-американского командования, продвижение союзников захлебнулось.

Начало «Аваланша», заставившего немцев перебросить в Италию дополнительные крупные резервы, было хорошей новостью для СССР, хотя эта передислокация еще не затронула силы вермахта на советско-германском фронте. В своем поздравлении союзникам Сталин признал их вклад в облегчение положения Красной армии. Военные успехи сопутствовали и советским вооруженным силам: 16 сентября был взят Новороссийск — один из последних опорных пунктов вермахта на Кавказе. Боевые победы улучшали общую атмосферу союзных отношений, создавая благоприятный фон для предстоящих встреч представителей трех великих держав и делая их все более необходимыми. К сентябрю, отмечалось в отчете посольства США, «военная ситуация стремительно развивалась, и успех советского наступления приближал время для решения важных политических проблем. Все стороны понимали, что существующие политические отношения между СССР и его союзниками нельзя дальше пускать на самотек во избежание большой опасности. Напряженность была несколько ослаблена согласием президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля на создание средиземноморской комиссии, предложенной Советским Союзом, который придавал ей большое значение»³⁴.

Действительно, настойчивость советской дипломатии в вопросе о создании военно-политической комиссии по Италии дала свои плоды. Посовещавшись, Черчилль и Рузвельт ускорили эту работу, определившись с составом и полномочиями нового органа, которые они постарались свести к чисто совещательным функциям. Черчилль назначил британским членом комиссии своего представителя при штабе Эйзенхауэра Г. Макмиллана, а Рузвельт — известного дипломата Р. Мэрфи. По инициативе Черчилля и с согласия Москвы и Вашингтона в состав комиссии был также приглашен представитель Французского комитета национального освобождения. Советским представителем в комиссии стал первый заместитель Молотова А. А. Вышинский, что лишней раз свидетельствовало о большом значении, которое придавалось ее работе в Москве.

Иначе подходили к этому вопросу в западных столицах. Рузвельт предложил создать

в ближайшем будущем Союзную комиссию под началом генерала Эйзенхауэра, которая надеялась широкими контрольными полномочиями и, по существу, выхолащивала функции трехсторонней военно-политической комиссии по Италии. Советское руководство не согласилось с этой идеей и настаивало на передаче всех контрольных полномочий за исключением руководства военными операциями военно-политической комиссии³⁵. Такое решение предоставило бы Советскому Союзу реальное участие в важнейших итальянских делах на равных с США и Великобританией. Однако именно поэтому данный вариант явно не устраивал западных союзников. Советское предложение подчинить Союзную комиссию трехсторонней комиссии, говорил на заседании британского кабинета Черчилль, «для нас явно исключено»³⁶. Хотя англоамериканцы, по словам авторитетного американского историка У. Кимбэлла, «хотели бы избежать создания исключаящего прецедента, который Сталин мог бы затем использовать против них, опасность допуска русских в Италию представлялась слишком большой, особенно — с учетом сильного влияния итальянских коммунистов»³⁷. Информирование советской стороны об этой американской инициативе носило чисто формальный характер, поскольку еще до получения советского ответа Рузвельт уже направил соответствующую директиву Эйзенхауэру³⁸.

13 октября Италия наконец объявила войну Германии, и в тот же день была опубликована согласованная с Москвой «Декларация о признании Италии совместно воюющей стороной». В ней одобрялось это решение правительства Бадольо и заявлялось о готовности сотрудничать с ним, но в то же время признавалось право итальянского народа на последующее изменение своего политического строя. При этом подписанные ранее условия капитуляции Италии полностью сохраняли свою силу.

Тем временем союзники продолжали курс на сведение к минимуму реальных полномочий трехсторонней комиссии по Италии (вскоре переименованной в Консультативный совет по вопросам Италии). В изобретении для этого благовидных предлогов американская дипломатия усердствовала даже больше, чем британская. 14 октября НКВД получил меморандум посольства США, в котором предлагалось «пойти навстречу» просьбам Китая, Бразилии, Греции и Югославии о включении их в состав этой комиссии³⁹. Комментируя эту затею в своем

кругу, Черчилль с иронией писал Идену: «Госдепартамент теперь атакует эту комиссию с другой стороны, предлагая включить в нее Китай и Бразилию. Это, конечно, смехотворно, но, вероятно, нацелено на то, чтобы убить ее»⁴⁰. В последующем союзники продолжили свою линию на умаление роли СССР в итальянских делах, а Сталин в свою очередь умело использовал этот прецедент для обеспечения преимущественных советских позиций в союзных контрольных органах в Венгрии, Болгарии и Румынии.

Важным направлением советской внешней политики было укрепление отношений с французским Сопротивлением в лице организации «Сражающаяся Франция» и ее лидера генерала Шарля де Голля. Рузвельт и Черчилль относились к нему с большой неприязнью, считая своевольного генерала сумасбродным карьеристом, не имеющим прочной поддержки в самой Франции и неприязненно настроенным в отношении англосаксов. Англоамериканцы делали главную ставку на более послушную и предсказуемую фигуру — главнокомандующего французской армией генерала А. Жиро. В конце мая Черчилль даже предложил своему кабинету обсудить, «не стоит ли нам устранить де Голля как политическую силу и поставить этот вопрос перед Парламентом и самой Францией»⁴¹.

Советское руководство относилось к организации де Голля гораздо более позитивно. Еще в марте 1942 г. в Москве появилась миссия связи «Свободной Франции» во главе с Р. Гарро. Летом того же года движение «Свободная Франция» было переименовано в «Сражающуюся Францию», а ее Национальный комитет — во Французский национальный комитет, который обратился к союзникам с просьбой о признании. Москва заявила о своей согласии, но союзники заблокировали этот шаг. Идя навстречу предложениям де Голля об участии его организации в совместной борьбе со странами «оси», советское руководство одобрило создание французского авиаотряда на советской территории — знаменитой впоследствии эскадрильи, а потом и авиаполка «Нормандия — Неман». Помимо военной помощи, СССР оказывал «Сражающейся Франции» и скрытую политическую поддержку через Коминтерн, настраивая французскую компартию на сотрудничество с де Голлем в целях объединения всех антифашистских сил страны.

Такая позиция объяснялась тем, что в Москве видели в де Голле и его организации более демократическую и независимую политическую силу, настроенную на решительную борьбу

с гитлеровской Германией. Подобный настрой подогревался интригами США и Великобритании против де Голля, которые воспринимались в Москве с подозрениями. Донесения советской разведки говорили о том, что «в результате визита Идена [в Вашингтон в марте 1943 г.] между Англией и США достигнута полная договоренность по французскому вопросу. Правительства обеих стран недовольны позицией де Голля из-за его усиливающегося стремления играть большую политическую роль в послевоенной Франции. Обе стороны доверяют больше Жиро, лишенному политических амбиций. Англия и США решили добиться соглашения между Жиро и де Голлем, имея в виду, однако, не дать последнему возможность играть доминирующую роль в этом соглашении»⁴².

Однако объединение французского Сопротивления вокруг организации де Голля набирало силу. В мае 1943 года в Алжире был создан Национальный совет Сопротивления, объявивший де Голля «единственным руководителем французского Сопротивления». На этой основе 3 июня организация была преобразована во Французский комитет национального освобождения (ФКНО), объединивший силы французского сопротивления за границей и в самой Франции. Комитет, руководство которым де Голль на первых порах разделял с Жиро, обратился к Объединенным Нациям с просьбой о своем официальном признании в качестве единственного законного представителя Франции.

Выбор Москвы был ясен. В ориентировке Богомолу от 16 июня Молотов подчеркивал: «Мы даем предпочтение де Голлю, так как он является непримиримым к правительству Виши и гитлеровской Германии, тогда как у генерала Жиро отсутствует такая непримиримость. Мы предпочитаем поддерживать де Голля, так как он твердо отстаивает политику восстановления республиканской Франции с ее демократическими традициями, тогда как генерал Жиро проявляет враждебность в отношении республиканских демократических традиций Франции и боится иметь тесный контакт с народными массами Франции»⁴³. 19 июня Молотов в письме британскому послу Керру заявил о готовности советского правительства признать ФКНО. Задержка в его признании, подчеркивал нарком, «отнюдь не может служить облегчению дела сплочения антигитлеровских французских сил»⁴⁴. Однако британское правительство при поддержке Белого дома не только отказалось

это сделать, но и попросило Москву последовать своему примеру⁴⁵. В послании от 23 июня Черчилль призвал Сталина повременить с признанием ФКНО, неубедительно мотивируя это сомнениями англо-американского командования относительно дальнейших намерений де Голля. Посол США Стэндли получил аналогичное указание Госдепартамента для передачи Молотову, в котором говорилось, что признание ФКНО «было бы крайне нежелательным и даже вредным с точки зрения наших общих военных усилий против стран оси»⁴⁶. О том, как расценили эти обращения в Кремле, ясно говорит ориентировка Молотова для Богомолова от 25 июня: «Как Вы видите, англичане и американцы продолжают откладывать признание Комитета, добиваясь, возможно, полного подчинения де Голля Жиро, то есть по существу — подчинения своей линии в вопросе об отношении к Французскому комитету и французским делам вообще или же — устранения де Голля»⁴⁷.

Однако из уважения к союзникам Сталин согласился на время отложить официальное признание ФКНО, оставаясь, тем не менее, на своей принципиальной позиции в оценке его деятельности. «Советское Правительство, — отвечал он Черчиллю, — не располагает в настоящее время информацией, которая могла бы подтвердить нынешнюю позицию Британского Правительства относительно Французского Комитета Национального Освобождения и, в частности, относительно генерала де Голля. Поскольку, однако, Британское Правительство просит отложить признание Французского Комитета и дало через своего Посла заверение, что без консультации с советским правительством не будет предпринято никаких шагов в этом деле, Советское Правительство готово пойти на встречу Британскому Правительству»⁴⁸.

Одновременно для выяснения обстановки, сложившейся в Алжире вокруг де Голля и Жиро, советское руководство решило направить туда посла Богомолова. Но Лондон и Вашингтон воспротивились этой миссии, опасаясь советского вмешательства в их отношения с ФКНО и укрепления позиций де Голля в результате этого визита. Форин-офис информировал Майского о том, что «поездка Богомолова в Алжир нежелательна в настоящее время» ввиду сложности военной обстановки⁴⁹. Аналогичные разъяснения получил в Вашингтоне и А. А. Громыко от госсекретаря К. Хэлла, который заявил, что, «поскольку визит Богомолова в Алжир связан с политической ситуацией, он почти наверняка

осложнил бы и без того деликатную политическую обстановку в ущерб предстоящим военным операциям»⁵⁰. Надуманность подобных доводов лишь усиливала подозрения в Москве относительно подлинных намерений союзников в этом важном вопросе. Согласившись отложить миссию Богомолова, советское руководство тем не менее установило прямой контакт с де Голлем в Алжире, направив туда советского разведчика И. И. Агаянца как представителя международной Комиссии по репатриации, имевшей свое отделение в Алжире⁵¹.

Окончательно вопрос об официальном признании ФКНО был решен лишь в конце лета 1943 года, когда 26 августа под давлением СССР и после взаимного согласования союзники объявили об этом публично. Но США сделали это с существенными оговорками, признав ФКНО «как орган, управляющий теми французскими территориями, которые признают его власть». Сходным образом сформулировала свою позицию и Великобритания. Москва же заявила о своем безоговорочном признании ФКНО «как представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании»⁵². Как писал впоследствии в своих мемуарах сам де Голль, «Вашингтон счел нужным ограничиться самым сдержанным заявлением... Лондон прибег к тем же выражениям... Москва проявила настоящую широту»⁵³. В октябре полномочным представителем СССР при ФКНО был назначен А. Е. Богомолов. Тогда же страны обменялись официальными военными миссиями, образованными в Москве и Алжире.

Хотя это еще не означало установления межгосударственных отношений, поддержка Советского Союза сыграла важную роль в дальнейшем укреплении позиций ФКНО как вне Франции, так и внутри нее. Вместе с тем советская дипломатия умело сочетала поддержку де Голля и его организации с необходимостью согласования этой своей линии с западными союзниками: она подталкивала их к более активной поддержке ФКНО и в то же время не шла на поводу у амбициозного де Голля, торопившего Москву с официальным признанием своего комитета. Генерал и его окружение, сообщал позднее из Алжира Богомолов, «хотят признания Национального Комитета временным французским правительством до освобождения Франции и нащупывают наше отношение к этому вопросу. Союзники до открытия ими

сколько-нибудь серьезных военных действий в Европе хотят спихнуть де Голля и заменить его более слабым политическим деятелем...»⁵⁴. Советская формула признания Комитета, уточнил Молотов на встрече с Гарро в начале ноября, «означает, что мы еще не считаем Комитет французским правительством, но видим в нем зародыш французского правительства»⁵⁵.

Перелом в ходе войны, наметившийся уже после Сталинградской битвы, ставил перед советским руководством новые задачи по закладыванию основ послевоенного порядка в Европе. Эти проблемы стали активно обсуждаться и в англо-американских переговорах, прежде всего — во время визита в США Идена (19 марта — 4 апреля 1943 г.). Союзники скупно информировали Москву об их содержании, заверяя в отсутствии планов каких-либо закулисных сделок за спиной СССР. В Москве относились к этим заверениям с понятной настороженностью, тем более что одной из идей, активно обсуждавшейся тогда в западных политических кругах, было создание конфедеративных объединений в Восточной Европе. Однако союзники понимали, что без согласия СССР подобные планы неподалеку от советских границ имеют мало шансов на реализацию. Иден, сообщал в Москву Майский после беседы с британским министром о его поездке в США, «ясно отдает себе отчет, что без согласия СССР ни польско-чешская, ни балканская и другие федерации невозможны»⁵⁶. В Кремле же такие проекты рассматривались как попытка возрождения пресловутого «санитарного кордона» на западных границах Советского Союза. Эти подозрения были не напрасными. В Форин-офисе и Госдепартаменте такие конфедерации обсуждались под углом «сдерживания советского влияния», о чем, в частности, свидетельствуют документы американской «комиссии Ноттера»⁵⁷. «...Идея конфедерации рассматривается советскими кругами не только как безжизненная, но и как вредная и опасная для нашего общего дела борьбы с немецким заислением в Европе, — говорилось в указаниях Молотова Майскому от 11 марта 1943 г. — С другой стороны, советские круги учитывают заинтересованность славянских народов в укреплении своих взаимоотношений, и советским кругам было бы понятно, если бы это нашло свое выражение в заключении между этими народами пакта о взаимопомощи как на время войны с Германией и ее союзниками, так и на послевоенный период»⁵⁸.

Советское правительство, как видно, продолжало в духе традиции 1930-х годов рассматривать двусторонние и коллективные договоры о взаимопомощи как основу обеспечения совместной борьбы с фашизмом и послевоенной безопасности. Однако на сей раз к геополитическим соображениям добавлялись и национально-исторические, основанные на идее славянской солидарности, которая заметно укрепилась в годы войны. Славянские народы Европы стали основными жертвами германской агрессии и породили наиболее массовое движение Сопротивления. Стремление к объединению их усилий в борьбе против фашистской тирании и угрозы ее рецидивов после войны было вполне естественным, и Советский Союз, как самая могущественная славянская держава, мог стать признанным лидером в этом процессе. Нагляднее всего это тяготение к СССР проявилось в политике эмигрантского правительства Чехословакии во главе с Э. Бенешем. Оно усвоило горький урок Мюнхена и в отличие от польского правительства в Лондоне не страдало русофобией. 19 марта 1943 г. в ходе встречи с Богомолковым чехословацкий премьер выступил с инициативой заключения пакта о взаимопомощи с СССР по типу советско-английского договора 1942 года на время войны и послевоенный период. Кроме того, Бенеш предложил заключить и трехсторонний договор с участием Польши. Москва положительно откликнулась на первое предложение, сочтя второе несколько преждевременным с учетом антисоветской позиции эмигрантского правительства Польши.

Начался процесс согласования содержания двустороннего договора по дипломатическим каналам, который вскоре натолкнулся на сопротивление британской дипломатии. Стремясь сохранить свои особые позиции в Европе и вынашивая идею сколачивания под британской эгидой послевоенного «западного блока», Лондон был отнюдь не заинтересован в создании системы коллективной безопасности на континенте с опорой на СССР. Позиция Вашингтона была более позитивной: американцев устраивало, что договор не предусматривал советского вмешательства во внутренние дела Чехословакии, ограничивая ее зависимость от Советского Союза сферой безопасности. Поэтому во время своего майского визита 1943 года в США Бенеш не встретил со стороны Рузвельта возражений против заключения договора с СССР. Но Лондон не оставлял попыток заблокировать такое со-

глашение. В конце июня Бенеш информировал Богомолова о том, что Иден возражает против заключения советско-чехословацкого договора, мотивируя это наличием некоего «молчаливого джентльменского соглашения» между СССР и Великобританией о том, что они не будут заключать никаких соглашений с малыми странами по послевоенным вопросам без взаимного согласования⁵⁹. (Иден назвал этот принцип «самоограничением» великих держав.) Подобная мотивировка была явной натяжкой, поскольку, хотя этот вопрос и обсуждался во время визита Молотова в Лондон летом 1942 года, никакого соглашения на сей счет достигнуто не было. «Иден передергивает», — резко отреагировал Молотов в телеграмме Богомолову, добавив, что «если Бенеш сомневается, то лучше Бенешу самому отложить свою поездку в Москву до более благоприятного момента»⁶⁰. Советская сторона стремилась сохранить свободу рук в заключении подобных договоров с соседними малыми странами, не ставя это в зависимость от согласований с Лондоном и Вашингтоном. Истинная причина вмешательства англичан, как писал в НКВД заместитель Богомолова П. Д. Орлов, «определяется их большой боязнью того, что вслед за Чехословакией, по ее пути, могут последовать и другие страны, что, конечно, не в английских интересах»⁶¹. Обструкционистская позиция Идена получила поддержку британского кабинета и самого Черчилля.

Правительство Бенеша оказалось в сложном положении. Не желая отказываться от своей инициативы, оно в то же время опасалось испортить отношения с британским союзником, оказывавшим покровительство и финансовую поддержку эмигрантскому правительству Чехословакии. Поэтому Бенеш стал откладывать свой визит в СССР, намеченный на первую половину июля, выжидая, чтобы Москва и Лондон сами урегулировали свои разногласия по данному вопросу. «Наша политика — сближать русских и англичан и русских, а не разделять их, — телеграфировал он своему послу в Москве Фирлингеру 28 июня. — ...Кроме того, последствия всего спора англичане возложили бы на нас, а мы не настолько сильны, чтобы позволить себе это, и, наконец, мы еще существенно зависим от Англии в вопросах наших границ, продовольствия, сырья и финансах...»⁶². «Бенеш сперва хотел свалить на нас ответственность за откладывание своего визита в СССР, но затем изменил свое мнение и свалил всю ответственность за это на англопра, — сообщал

в НКВД Богомолов после очередной беседы с премьером. — ...Его сомнения — это просто страх перед англичанами, которые могут ему сильно напакостить и у которых он сидит в кармане»⁶³. В Москве проявили гибкость и согласились повременить с визитом, рассчитывая тем временем смягчить позицию Лондона. Однако нотная переписка между НКВД и Форин-офисом по данному вопросу не дала ощутимого результата⁶⁴. Иден продолжал упорствовать, препятствуя в том числе опубликованию уже подготовленного проекта договора в печати. Глава британской дипломатии, по словам Бенеша в беседе с советским представителем, имел установку — «против договора не возражать, но немедленному подписанию всячески препятствовать, так как за Чехословакией могут последовать другие»⁶⁵.

Как и в случае с ФКНО, советская дипломатия придерживалась последовательной самостоятельной линии: активно добивалась согласия англичан на заключение союзного договора с Чехословакией и в то же время воздействовала на колеблющегося Бенеша с «целью затруднить ему отступление от прежде занятой им позиции», как говорилось в указаниях Молотова Богомолову⁶⁶. Окончательно сломить сопротивление англичан удалось только в октябре на Московской конференции министров иностранных дел союзных держав. После ее завершения состоялся так долго откладывавшийся визит Бенеша в Москву, во время которого 12 декабря и был подписан советско-чехословацкий «Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» сроком на 20 лет. Он был составлен по типу советско-английского договора 1942 г. и предусматривал оказание помощи (в том числе военной) в случае угрозы агрессии со стороны Германии или другого государства. Подписание договора стало крупной победой советской дипломатии, закрепившей советско-чехословацкое сближение на годы вперед. «Чехословацкая модель» наряду с советско-английским договором 1942 года могла стать прообразом новых отношений между СССР и европейскими странами на послевоенный период.

Начавшийся со Сталинграда коренной поворот в ходе войны дал мощный импульс движению Сопротивления, прежде всего — в оккупированных Германией и Италией странах Европы. В Югославии, Албании, Болгарии началось формирование национально-освободительных армий на базе партизанских отрядов.

Наибольший размах вооруженное сопротивление приняло в Югославии, Национально-освободительная армия которой уже к концу 1942 г. насчитывала почти четверть миллиона человек. Ее главной организующей силой стала компартия Югославии, а признанным лидером — главнокомандующий НОАЮ маршал И. Броз Тито. СССР оказывал югославскому сопротивлению большую военную помощь: с начала 1944 г. и до конца войны НОАЮ получила вооружение для 12 пехотных и 2 авиационных дивизий, включая 491 самолет, 895 артиллерийских орудий, 65 танков Т-34⁶⁷. В феврале — апреле 1944 г. Советский Союз и Югославия обменялись военными миссиями⁶⁸. Вместе с тем Москва сдерживала Тито в его борьбе за власть с югославским королем Петром и эмигрантским правительством, не желая обострять отношения с союзниками и ослаблять общий фронт антифашистских сил в стране. В связи с созданием НОАЮ Г. Димитров рекомендовал Тито учитывать, что «Советский Союз находится в договорных отношениях с югославским королем и правительством и что открытое выступление против последних создаст добавочные трудности в деле общих военных усилий и во взаимоотношениях между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Америкой, с другой стороны»⁶⁹.

В Албании вооруженное сопротивление было направлено против итальянских оккупационных войск. В декабре 1942 г. советское правительство выступило с декларацией «О независимости Албании», в которой выражалась уверенность в том, что «борьба албанского народа за свою независимость сольется с освободительной борьбой других угнетаемых итало-германскими оккупантами балканских народов, которые в союзе со всеми... странами изгоняют захватчиков со своей земли. Вопрос о будущем государственном строе в Албании и является ее внутренним делом, и должен быть решен самим албанским народом»⁷⁰. Изложенные в этом документе демократические принципы впоследствии стали основой всей советской программы в отношении поработанных фашистами стран.

Очередное англо-американское совещание по вопросам стратегии ведения войны, намеченное на август в канадском Квебеке (кодовое название «Квадрант»), союзники решили провести без участия и даже без формального приглашения на него СССР. Посол Керр, правда, рекомендовал заблаговременно информировать Сталина о предстоящем совещании и при-

гласить его или Молотова в Квебек, а в случае отказа советской стороны — предложить визит Идена в Москву после «Квадранта» для информирования советской стороны о его решениях. Керр объяснял затянувшееся молчание Сталина в переписке с Черчиллем и Рузвельтом недовольством отстранением Кремля от принятия ключевых военно-политических решений⁷¹. Сам Иден предложил премьер-министру несколько иной вариант — информировать Москву о предстоящей встрече и «дать Сталину или Молотову шанс принять в ней участие» с уверенным расчетом на их самоотвод⁷². Однако Черчилль выступил категорически против и этого символического жеста. 1 августа он телеграфировал Идену: «Не может быть и речи о приглашении русских на эту встречу, которая служит продолжением наших обсуждений в начале года, была заложена в тогдашних решениях и к тому же имеет дело в основном с проблемами войны против Японии, в которой Россия не является воюющей стороной». Премьер мотивировал это нежеланием ставить под угрозу конфиденциальность англо-американских консультаций⁷³. В итоге 7 августа на имя Сталина было направлено послание британского правительства, в котором сообщалось о предстоящей англо-американской встрече, содержалось обещание информировать советское правительство обо всех ее решениях, касающихся европейского театра, и повторялось предложение Черчилля о встрече трех лидеров в Скапа-Флоу (Шотландия) или «в любом месте, которое удобно Маршалу и Президенту»⁷⁴.

Это послание и послужило поводом для сталинского ответа премьеру от 9 августа. Рузвельту он ответил днем раньше, вежливо забрав назад свое предложение о летней встрече с президентом за пределами СССР, переданное через Дэвиса. Сталин объяснял свой отказ занятостью делами фронта, что в условиях развернувшегося советского наступления звучало вполне правдоподобно. Но главным, пожалуй, было то, что «Сталин не хотел идти на трехстороннюю встречу с пустыми руками. Ему нужны были впечатляющие победы на советско-германском фронте, чтобы при встрече с Рузвельтом и Черчиллем можно было жестко и уверенно ставить важнейшие военно-политические вопросы, по которым союзники не имели согласия»⁷⁵.

Однако отказ от скорой встречи на высшем уровне нужно было как-то смягчить. Кроме того, ясно понимая всю важность такой встречи и будучи чужд импровизаций, Сталин хотел как

следует ее подготовить и в дипломатическом отношении. Не случайно в составленный Молотовым проект послания Рузвельту он собственноручно добавил четыре последних абзаца, предложив провести встречу «ответственных представителей» обеих стран с возможным подключением англичан⁷⁶. При этом, правда, оставалось не совсем ясным, какой именно уровень представительства имелся в виду.

Но уже на следующий день у Сталина, видимо, окончательно созрела мысль о проведении совещания представителей всех трех держав до встречи «Большой тройки». В его послании Черчиллю от 9 августа тезис об откладывании встречи на высшем уровне сочетался со вполне определенным предложением: «Тем не менее, чтобы не откладывать выяснения вопросов, интересующих наши страны, целесообразно было бы организовать встречу ответственных представителей наших государств, причем о месте и времени такой встречи можно было бы договориться в ближайшее время»⁷⁷. Так появилась на свет идея проведения совещания министров иностранных дел, которая вскоре начнет воплощаться в жизнь. Тем не менее в западной (а иногда и российской) литературе авторство этой идеи нередко ошибочно приписывается англоамериканцам.

В Лондоне и Вашингтоне, где были встревожены долгим молчанием Кремля и ожидали его негативной реакции на свои новые сепаратные переговоры, вздохнули с облегчением: «Оно [послание Сталина] гораздо лучше, чем я смел надеяться, и серьезно разряжает обстановку, — телеграфировал Иден Черчиллю в Квебек. — Нам, видимо, следует сразу же согласиться на такую встречу в принципе, а время, место, повестку дня и состав участников определить позднее»⁷⁸. Рекомендации Идена премьеру были одобрены на заседании кабинета 11 августа. Министры «выразили общее удовлетворение тоном и содержанием послания Премьера Сталина»⁷⁹. Посол США в Лондоне Дж. Вайнант в тот же день сообщал в Вашингтон, что сталинская идея встречи «второго уровня» была сразу же подхвачена в Форин-офисе как «крайне полезная» и руководство министерства уже начинало продумывать её содержание⁸⁰. Одним из мотивов столь быстрой положительной реакции было желание сгладить негативный общественный резонанс вокруг отсутствия СССР на «Квадранте». «Тот факт, что Россия не будет представлена на предстоящем совещании в Канаде, наверняка станет предметом публичного обсуждения, — говорилось в ре-

шении упомянутого заседания кабинета. — Поэтому стоит ускорить подготовку конференции, предложенной премьером Сталиным»⁸¹. В совместном послании Сталину от 29 августа Рузвельт и Черчилль выразили полное согласие с его предложениями.

Но еще до этого оба лидера направили в Москву другое совместное послание — об итогах «Квадранта», подготовленное в Объединенном комитете начальников штабов⁸². На совещании в Квебеке (14–24 августа) союзники в развитии «Трайдента» договорились о приоритете подготовки вторжения на север Франции при продолжении операций в Средиземноморье с целью окончательно оторвать Италию от стран «оси» и оккупировать ее. Планы операции «Оверлорд» стали обретать конкретные очертания: после захвата плацдарма предполагалось расширять его за счет переброски на континент 3–5 новых дивизий ежемесячно. Попытки Черчилля перенести основной упор на военные действия в Италии и захват островов в Эгейском море для выхода на Балканы были отвергнуты американской стороной, хорошо понимавшей суть британских маневров.

Накануне конференции в Квебеке военный министр Г. Стимсон передал Рузвельту меморандум, в котором, в частности, говорилось: «Британская концепция... состоит в том, что Германия может быть разбита серией изматывающих операций — на севере Италии, в восточном Средиземноморье, в Греции, на Балканах, в Румынии и других сателлитах — и что по-настоящему тяжелые сражения, которые необходимы, будет вести Россия. На мой взгляд, в свете грядущих послевоенных проблем такое отношение к России является крайне опасным. Ничуть не менее Великобритании мы обязались открыть подлинный второй фронт и не можем рассчитывать на то, что подобные методы «булавочной» войны смогут одурачить Сталина, заставив его поверить в нашу верность данному слову»⁸³.

Однако вопрос о сроках начала «Оверлорда» в совместном послании обоих лидеров был обойден стороной. Информировав Сталина о принятых в Квебеке решениях, союзники умалчивали и о заключении там секретного соглашения по продолжению англо-американского сотрудничества в области создания атомного оружия, разработка которого должна была оставаться в глубокой тайне от советского союзника. Сталин не стал отвечать на это послание союзников.

Укрепление международных позиций СССР

Колоссальные изменения, произошедшие в ходе войны в течение 1943 года, оказали глубокое воздействие на внешнюю политику и дипломатию СССР. Главным сдвигом стало резкое усиление международных позиций Советского Союза. Коренным перелом в ходе войны, наметившийся после Сталинградской битвы и закрепленный исполинскими сражениями на Курской дуге, создавал новую расстановку сил внутри «Большой тройки». Становилось ясно, что Советский Союз сможет теперь не только разбить основные силы вермахта, но и выйдет из войны новой великой державой с заметно укрепившимися позициями в мире. К этому сводились прогнозы как военных планировщиков, так и гражданских экспертов США, еще недавно прорабатывавших сценарии «падения России». «Если СССР выйдет из этой войны покорителем Германии, — писал летом 1943 г. один из основоположников современной геополитики Х. Маккиндер, — он станет самой мощной сухопутной державой мира». Что еще важнее, предсказывал Маккиндер, Советский Союз будет контролировать «величайшую естественную крепость Земли» — евразийский «хартлэнд»⁸⁴. «Когда Германия будет разгромлена, — подчеркивалось в меморандуме Комитета стратегического обзора (сентябрь 1943 г.), — Россия будет обладать военной машиной, которой к востоку от Рейна и Адриатики не сможет бросить успешный вызов ни одна страна или комбинация стран»⁸⁵.

Из этой ставшей очевидной перспективы делались прямо противоположные выводы: одни — такие как бывший посол США в Москве У. Буллит — предлагали попытаться предотвратить советское доминирование в Европе путем опережения Красной армии силами западных союзников, другие — как генерал Эмбик — ратовали за сближение с новым мировым гигантом. «Поскольку Россия является решающим фактором в войне, нам следует предоставить ей всю возможную помощь и не жалеть усилий для завоевания ее дружбы, — подчеркивал он в уже упомянутом меморандуме. — Равным образом, поскольку Россия, несомненно, будет преобладать в Европе после разгрома стран «оси», тем более важно развивать и поддерживать с нею самые дружественные отношения»⁸⁶. Эта последняя позиция разделялась и самим Рузвельтом, который пресекал попытки «ястребов» ужесточить политику США в отношении СССР⁸⁷.

Так или иначе, Советский Союз, который на протяжении большей части межвоенного периода находился в относительной международной изоляции и рассматривался подчас как «изгой» Версальской системы, теперь выходил на авансцену мировой политики. Эта трансформация глобального порядка сопровождалась серьезными изменениями во внешней и внутренней политике самого СССР, отражалась на том, как его руководство позиционировало свое государство и как оно действовало на международной арене и внутри страны.

Международные позиции Советского Союза укреплялись. Одним из показателей было количество государств, установивших с ним дипломатические отношения. Их число достигло к концу 1943 г. уже 31 по сравнению с 24 в сентябре 1942 г.⁸⁸. Помимо государств Латинской Америки, среди них были такие крупные страны, как Канада, Австралия, Египет. Повысился и уровень дипломатического представительства: к концу 1943 года со всеми странами, кроме Австралии, Болгарии, Кубы и Швеции, установились отношения на уровне послов. В большинстве случаев эти страны сами тянулись к налаживанию отношений с СССР как новой мировой державой, отказываясь от прежних претензий и условий. Советские дипломаты даже получали указания из Москвы не проявлять особой заинтересованности в этом вопросе, а дожидаться предложений иностранных государств. Когда Египет в августе 1943 г. попытался сопроводить установление дипломатических отношений обязательством Москвы не вмешиваться во внутренние дела Египта (ссылаясь на советско-английское соглашение 1921 года), Майский, находившийся в Каире проездом в Москву, дал ясно понять: ситуация 1921 г. и та, что существует сейчас, радикально отличаются⁸⁹.

В том, что касается усиления позиций СССР в мире, серьезное значение имела и субъективная сторона дела — советское руководство ощущало себя все более уверенно. Обсуждая осенью 1943 г. план мероприятий в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции, Политбюро ЦК ВКП(б) среди тем партийных докладов выделило «Укрепление международного положения Советского Союза»⁹⁰. О скором поражении Германии руководители НКВД стали упоминать и в беседах с иностранными представителями⁹¹. Британский посол А. Керр в своих донесениях отмечал «новое чувство уверенности в своих силах» как в советском руководстве

и армии, так и среди простых людей: он видел его проявления в салютах в честь новых побед, в быстром восстановлении колхозной жизни, возвращении дипломатического корпуса в Москву и многих других приметах⁹². В отчете президенту Рузвельту о своих встречах в Кремле эмиссар президента Дж. Дэвис также писал, что вынес «очень твердое убеждение в том, что руководители [советского] правительства и народ вновь обрели себя и полны новой глубокой уверенности в своих силах»⁹³.

Превращение СССР в великую державу сопровождалось важными изменениями во внешнеполитическом инструментарии. Налицо была определенная «традиционализация» советской внешней политики — усиление ее преемственности с политикой исторической России, а также снижение роли «революционной» составляющей. Большой резонанс в дипломатических и разведывательных кругах западных союзников получили известные шаги советского руководства — примирение государства с церковью («разительный отход от духа марксизма-ленинизма», по оценке Управления стратегических служб), роспуск «штаба мировой революции» — Коминтерна, снижение роли партийных комиссаров в армии и возрождение в ней традиционных офицерских званий и знаков отличий, перестройка вселенско-большевистской идеологии и символики в более традиционном национально-патриотическом ключе, включая знаковую замену «Интернационала» новым гимном (слова которого, как сообщало посольство США в Москве, «не содержат никаких ссылок на марксизм, а апеллируют к национальной гордости»). Особенно большой отклик в западных столицах получил роспуск Коминтерна, который, как отмечалось в отчете Посольства США в Москве за 1943 г., «стал ободряющим признаком желания Советского Союза улучшить отношения с союзниками... и внес важный вклад в улучшение этих отношений»⁹⁴.

Все это способствовало новому взгляду на состояние и перспективы советской системы, которая все чаще рассматривалась как переходящая из революционной в «термидорианскую» стадию и постепенно превращающаяся в подобие нормальной великой державы авторитарного типа с легитимными национальными интересами и рациональными мотивами поведения⁹⁵. Подводя итоги переломного 1943 года, специалисты УСС подчеркивали: «Советский режим выдержал испытание войны в 1943 г. с удивительной твердостью... Давление войны усили-

ло тенденцию к возрождению традиционных взглядов и практики, которые усиливают национальную солидарность и публичную власть...».

Среди этих проявлений особо отмечался рост «иерархии в профессиональной, военной и гражданской среде», и в более широком плане — «растущая в СССР тенденция к развитию более нормальных и менее «чрезвычайных» типов институтов по мере усиления и стабилизации режима... Диктатура продемонстрировала отзывчивость к факторам общественной жизни, отражающим желания народа». События года, подводился итог в докладе, «бесспорно, усиливают тенденции кристаллизации советской нации, для которой социализм будет лишь одной из сторон национальной жизни»⁹⁶.

По сути, сталинское руководство стремилось связать идеалы социализма с национально-патриотической риторикой и практикой, вписать социалистическую стадию развития в контекст исторического пути России. Так, планируя агитационную работу в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции, Политбюро постановило: «В докладах и беседах, а также в областных, краевых и республиканских газетах необходимо показать, что в результате Октябрьской революции преодолена вековая отсталость России и наша страна превратилась в могущественную индустриальную и колхозную державу, способную отстоять свою свободу и независимость. Красная Армия и советский народ защищают свое социалистическое отечество, защищают самый передовой строй в мире — советский строй»⁹⁷.

Западные аналитики обращали особое внимание на усиление «славянской» линии во внешней политике СССР, проявившееся, в частности, в создании Всеславянского комитета, который стал налаживать связи с другими славянскими народами. Комментируя работу его пленума в октябре 1943 г., поверенный в делах США в СССР М. Гамильтон отмечал, что речь идет о «дрейфе» советской политики в сторону «панславизма старого типа, когда Россия претендовала на лидерство в славянском мире»⁹⁸. Британские политики, учитывавшие давний опыт отношений Великобритании с царской Россией, тоже заговорили о том, что внешняя политика СССР при Сталине «быстро возвращается к традиционным линиям давних царских дней»⁹⁹. Суммируя настроения экспертов Северного департамента Форин-офиса, ответственного за отношения с СССР, британский историк М. Фолли пишет: «Они полагали, что

Сталин и его политика „социализма в отдельно взятой стране” превратили Советский Союз из „революционной идеи” в национальное государство. Война ускорила изменения в советском государстве, имеющие консервативный характер»¹⁰⁰. В целом подобная трансформация советской внешней политики воспринималась на Западе как весьма позитивное явление, поскольку эта политика становилась более прагматической, предсказуемой и открытой для реалистических компромиссов.

Важным процессом в рамках укрепления международных позиций СССР была его легитимация как «нормального» государства, полноценного члена международного сообщества Объединенных Наций. Изменение образа советского государства за рубежом и его восприятия союзниками по антигитлеровской коалиции создавали более благоприятные условия для проведения Москвой эффективной внешней политики. В американском и британском общественном мнении СССР к осени 1943 г. все явственнее представал в качестве надежного союзника в войне и даже государства, напоминавшего западные демократии. Популярный американский журнал «Кольерс», в октябре 1939 г. убеждавший своих читателей в том, что «никакого реального различия между коммунизмом и фашизмом не существует», в 1943 г. писал уже совсем в другом ключе. Россия, говорилось на его страницах, «эволюционирует... в сторону чего-то напоминающего демократию, в том виде, как она существует у нас и в Великобритании»¹⁰¹. Улучшению образа СССР в американском общественном мнении большое значение придавал президент США Ф. Рузвельт. В частности, он опекал работу над фильмом «Миссия в Москву» по одноименной книге близкого к нему Дж. Дэвиса. По мнению Управления военной информации, этот фильм «представлял русский народ очень доброжелательно. Были приложены все усилия, чтобы показать, что русские и американцы не так уж сильно отличаются друг от друга»¹⁰². В таком же духе велась и армейская пропаганда. «Ленин и Сталин, — говорилось, например, в «Брошюре о России» — наставлении для личного состава вооруженных сил США, выпущенным военным министерством в разгаре войны, — спасли молодое советское государство и постепенно создали условия для политического, экономического и военного развития сегодняшней России... Важнейшим результатом и лучшим оправданием пятилетних планов промышленного развития стало то,

что СССР в итоге заполучил средства самообороны, обеспечившие поражение гитлеризма»¹⁰³. Как видим, подобные оценки немногим отличались от пропагандистских установок Политбюро ЦК ВКП(б).

Еще более радикальным было изменение прежних представлений об СССР в Великобритании. Лорд Бивербрук, сочувствующий к политике сотрудничества с СССР, еще в феврале 1942 г. подчеркивал: «Когда мы вступили в союз с Россией, прошлое было забыто»¹⁰⁴. Действительно, ранее сложно было представить, что британское правительство на высоком официальном уровне будет пышно праздновать День Красной армии (как это было в лондонском Альберт-холле в феврале 1943 г.) или то, что Черчилль будет поздравлять Сталина с годовщиной рождения советского государства, которое он ранее призывал «задушить в колыбели». Все это отражало атмосферу союзнических отношений той поры. В январе 1944 г. Черчилль писал Идену о «глубоких изменениях, которые происходят в характере Русского государства и правительства», и даже отмечал «новое доверие, которое зреет в наших сердцах в отношении Сталина»¹⁰⁵. В обзорах британского общественного мнения за июль — август 1943 г., поступавших в Министерство информации, также говорилось о «восхищении военными успехами России, ее стратегией, о вере в возможности советского союзника»¹⁰⁶. Решающим фактором были ослепительные победы Красной армии: «...во время войны, — писал в отчете представитель Совинформбюро в Лондоне С. Н. Ростовский (Эрнст Генри), — основным советским пропагандистом в Англии была Красная Армия, на танках которой двигалось и широко разглашалось советское слово...»¹⁰⁷.

Особую роль в восприятии СССР за рубежом играл вопрос об отношениях советского государства с Русской православной церковью. Примирение советской власти с церковью, отмеченное исторической встречей Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 4 сентября 1943 г., безусловно, было связано с патриотической деятельностью церкви во время Великой Отечественной войны. Однако на этот шаг влияли и внешнеполитические соображения, а сам он в свою очередь имел заметные международные последствия. Нормализация отношений церкви с государством должна была продемонстрировать возросшую зрелость советской системы, укрепив благоприятный образ СССР в глазах общественного мнения

стран-союзников. С образованием Совета по делам РПЦ при СНК СССР (который не случайно курировал Молотов), резко расширились международные контакты РПЦ, начиная с визита в Москву делегации англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским С. Гарбеттом в октябре 1943 г.

В ответ на запрос Управления стратегических служб, в котором говорилось об «огромном интересе» УСС к новой религиозной политике советских властей, Посольство США в Москве характеризовало эти изменения как «беспрецедентно благожелательное отношение советского государства к Церкви», которое необходимо принимать во внимание при оценке «общей ситуации» в советско-американских отношениях¹⁰⁸. Для аналитиков Госдепартамента, настроенных несколько более скептически, новая религиозная политика Москвы была частью «славянской» внешнеполитической линии. Эксперт по европейским проблемам Э. Дюрброу указывал в октябре 1943 г. на «возможную связь между [панславянским] движением и признанием и восстановлением Патриарха православной церкви в России. Есть основания предполагать, что среди южных славян, которые также являются православными, подавление религии [в СССР] было одним из препятствий для выражения полной симпатии советскому правительству»¹⁰⁹.

Отмеченные изменения во внешней и внутренней политике СССР были прежде всего связаны с необходимостью мобилизации и национального сплочения всей страны в борьбе со смертельным врагом. Но в то же время они служили своеобразной данью участия Советского Союза в антигитлеровской коалиции, поскольку учитывали общественное мнение и запросы его западных союзников.

В целом укрепление международных позиций СССР, рост его авторитета и престижа во всем мире стали большим политическим капиталом советской внешней политики, создавая благоприятные возможности для достижения ее целей и укрепления антигитлеровской коалиции.

Вместе с тем эти процессы имели и свою теневую сторону — в военно-политических кругах Запада нарастали опасения, связанные с усилением Советского Союза и угрозой его превращения в опасного конкурента. Уже после Сталинградской битвы военные и политические планировщики США и Великобритании стали задаваться вопросами о том, насколько

далеко зайдет Красная армия в своем продвижении на Запад и какую цену запросит СССР за свой решающий вклад в разгром гитлеровской Германии¹¹⁰. Пока эти опасения накапливались подспудно, но советская внешняя политика должна была учитывать и эту реальность.

Новая роль СССР в составе антигитлеровской коалиции ярко проявилась в ходе подготовки Московской конференции министров иностранных дел, а также Тегеранской конференции. Выбор мест проведения этих встреч стал предметом острого дипломатического торга между Сталиным и союзниками, которые предлагали другие, более удобные для себя варианты. Но Сталин не уступал. В посланиях Рузвельту и Черчиллю от 8 сентября он предложил местом встречи представителей трех держав назначить Москву и не собирался отступать от своего выбора. Дело было не только в соображениях престижа. Проведение конференции у себя под боком давало Сталину явное преимущество перед Рузвельтом и Черчиллем в отслеживании работы конференции и воздействии на ее ход. Что касается Тегерана, то и здесь позиция Кремля с самого начала была непреклонной, несмотря на сильное сопротивление Рузвельта, называвшего возможный срыв встречи из-за этих разногласий «трагедией». «Совпра не намерено отступать от намеченного ранее для встречи с Рузвельтом пункта встречи, — сообщал Молотов Громыко 12 октября «для личной ориентировки». — Каир или какой-то крейсер не могут быть приняты для этого»¹¹¹. Тегеран, находившийся недалеко от границы с СССР и рядом с зоной оккупации советских войск, был гораздо удобней для Сталина, чем для его партнеров, особенно — Рузвельта, которому пришлось отправиться за тысячи миль для встречи с советским лидером. То, что Сталин сумел настоять на своем выборе, говорило не столько о его дипломатическом искусстве, сколько о новом авторитете СССР, с которым приходилось считаться его западным партнерам.

Коренной перелом в ходе войны ставил перед советской дипломатией и новые задачи. В отношении нейтральных государств цель удержания их от перехода на сторону «оси» сменялась необходимостью противодействия их «мирным проискам» — попыткам стать посредниками в заключении сепаратного мира СССР с Германией. Подобный зондаж с лета 1943 г. начал предприниматься японской дипломатией; в нейтральной Швеции такие предложения по-

ступали непосредственно от германских эмиссаров. Следуя своим союзническим обязательствам, Москва добросовестно информировала Вашингтон и Лондон о подобных контактах, ожидая от них взаимности. Новой задачей стал отрыв от Германии ее европейских сателлитов — Финляндии, Болгарии, Венгрии и Румынии. Уже летом 1943 года советская дипломатия начала прилагать большие усилия, чтобы вывести из войны Финляндию. Весной следующего года с ней было заключено перемирие на весьма щадящих для финнов условиях. Правительства Болгарии, Венгрии и Румынии, которые Москва призывала порвать с Германией пока не поздно, не решились повернуть оружие против вермахта, что впоследствии по условиям перемирий привело к размещению на их территории советских войск.

Планирование послевоенного мира

Наиболее явно смена внешнеполитических приоритетов отразилась в развернувшейся подготовке к завершению войны и послевоенному урегулированию. Расширение дипломатических связей и укрепление мировых позиций СССР ставило в повестку дня вопрос об организации системы подготовки профессиональных дипломатических кадров. Осенью 1943 года было принято решение о создании в Московском государственном университете факультета международных отношений. В октябре следующего года постановлением СНК на базе этого факультета и Московского института востоковедения был создан самостоятельный Институт международных отношений, ставший вскоре главной кузницей дипломатических кадров¹¹². Принципиальные основы советской программы послевоенного миропорядка были впервые изложены в докладе Сталина 6 ноября 1943 г. в связи с 26-летней годовщиной Октябрьской революции. Она включала в себя следующие пункты: освобождение народов Европы от фашистских агрессоров и оказание им содействия в восстановлении своей государственной независимости, предоставление освобожденным народам полного права самим решать вопрос о своем государственном строе, наказание фашистских преступников за совершенные ими злодеяния, создание условий для исключения новой агрессии со стороны Германии, восстановление разрушенной оккупантами экономики на базе всестороннего сотрудничества европейских народов¹¹³. Наряду с провозглашением этих публично заявленных целей в Москве на-

чалась аналитическая проработка конкретных проблем перехода от войны к миру.

Важной площадкой открытого обсуждения этой проблематики стал новый журнал «Война и рабочий класс», который начал выходить с июня 1943 г. С самых первых номеров этого издания на его страницах по инициативе М.М. Литвинова (выступавшего под псевдонимом Малинин) началось обсуждение послевоенных международных проблем¹¹⁴. Постановлением СНК в соответствии с решением Политбюро от 4 сентября 1943 г. при НКВД были созданы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М.М. Литвиновым и Комиссия по вопросам перемирия во главе с К.Е. Ворошиловым¹¹⁵. В ноябре к ним добавилась Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, которую возглавил И.М. Майский. Комиссии были составлены из опытных советских дипломатов, ученых и военных, которые в закрытом режиме занялись анализом поставленных перед ними проблем и выработкой практических рекомендаций по их решению. Деятельность этих комиссий широко развернулась с начала 1944 года, но уже и в первых их разработках просматривались принципиальные черты подхода советской дипломатии к проблемам послевоенного устройства.

Основу этого подхода составлял поиск обеспечения безопасности Советского Союза с учетом геополитических уроков межвоенного периода и самой войны. Великая Отечественная война с ее огромными материальными и людскими потерями, оккупацией значительной части страны, само существование которой было поставлено на карту, преисполнила советское руководство решимостью не допустить повторения подобной катастрофы в будущем. Война выявила опасные уязвимые места в обеспечении безопасности страны: проницаемость ее западных границ, ограниченность выхода в мировой океан, отсутствие надежных союзников и стратегических опорных пунктов за пределами страны, острая нехватка потенциала проецирования мощи (стратегической и транспортной авиации, современного океанского флота), недостаточность военно-технологической базы. Грядущая победа давала уникальную возможность ослабить эти уязвимости, перевести огромные жертвы советского народа и военные успехи Красной армии в долговременное укрепление международных позиций СССР и тем самым — восстановить историческую спра-

ведливость в отношении России, нарушенную в неудачных войнах предшествовавших десятилетий. Приближавшийся разгром сильнейших исторических противников России — Германии и Японии, — военное доминирование Красной армии на евразийском пространстве, новый международный авторитет СССР как признанного члена победоносной антифашистской коалиции — все это открывало редкую возможность для коренного укрепления мировых позиций СССР, обеспечения интересов его безопасности на десятилетия вперед.

Главной стратегической задачей оставалась защита огромной и уязвимой территории страны. В политическом плане это предполагало предотвращение возникновения враждебной коалиции держав, превосходящих по своей военной мощи Советский Союз. Долговременное обезвреживание Германии (а в Азии — Японии) в сочетании со скорым, как ожидалось, выводом американских войск из Европы сулило благоприятный военный баланс на европейском континенте, при котором, как писал в своей записке начала 1944 года «Желательные основы послевоенного мира» Майский, «в послевоенной Европе была бы только одна могущественная сухопутная держава — СССР и только одна могущественная морская держава — Англия»¹¹⁶. Поэтому возрождение Франции представлялось желательным «без ее бывшего военного могущества», а Италию следовало ослабить репарациями, изъятием колоний и сужением границ. «Моральный принцип наказания — он неплох на будущее время, — говорил на заседании комиссии Литвинова академик Е.В. Тарле, — ведь предстоят еще тревожные времена, и память об известном рода ущербе, который влечет за собой нападение на Россию, будет иметь воздействие даже для итальянского народа, впечатлительного, легко увлекающегося и трижды воевавшего против нас без провокаций с нашей стороны»¹¹⁷.

В отношении Германии среди советских экспертов еще не было единой позиции, хотя необходимость ликвидации ее военного потенциала и денацификации признавалась всеми. Члены комиссии Литвинова выступали за максимально жесткое обращение с поверженной Германией, вплоть до ее расчленения. Эта позиция порождалась сомнениями относительно возможности проведения единой союзной политики в Германии. «Теоретически можно было бы совершенно обезвредить Германию на долгие годы путем разоружения и репараций, — го-

ворил Литвинов на заседании комиссии в марте 1944 г., — но при условии, что соответственные мероприятия проводились бы последовательно и под неослабным контролем трех великих держав, для чего требуется длительное согласие между ними. Ввиду отсутствия гарантий такого согласия и возможности расхождений возникает опасность сознательного ослабления контроля со стороны некоторых держав и даже активного поощрения вооружения и реиндустриализации Германии. Расчленение затруднит подобные попытки. Вновь вооружить расчлененную на множество независимых государств Германию и снова превратить ее в мощное промышленное государство — дело многих и многих десятилетий. И только в этом я вижу смысл расчленения»¹¹⁸. Комиссия Ворошилова предлагала более умеренное обращение с Германией, и эта линия в конечном счете возобладала¹¹⁹.

В геополитическом отношении главное решение проблемы безопасности виделось в наращивании глубины обороны, прежде всего — на западном направлении, служившем основным коридором вражеских вторжений. Учитывался опыт войны и межвоенного периода («санитарный кордон»), когда большинство стран Восточной Европы служили средством изоляции СССР, а затем присоединились к странам «оси». Поэтому главным способом решения этой задачи считалось сохранение расширенных западных границ 1941 года наряду с созданием пояса безопасности из дружественных государств, которые бы шли в фарватере советской внешней политики.

Отдавая дань официальной марксистско-ленинской идеологии, советские дипломаты не исключали и революционного пути развития послевоенной Европы, который мог резко обострить отношения с союзниками, превратив СССР и США, по словам Майского, в «противоположные полюса социального напряжения». «Пролетарские революции» в Европе и особенно в Германии, как подчеркивал он, создадут принципиально иную политическую ситуацию в мире и потребуют «пересмотра» всей внешнеполитической стратегии СССР. Но «это пока еще музыка будущего». Превращение континентальной Европы в социалистическую Майский относил на 30–50 лет, или «два поколения» вперед¹²⁰.

Поэтому основным сценарием было эволюционное развитие Европы в буржуазно-демократическом либеральном направлении. При таком развитии событий не предвиделось

серьезных противоречий с западными союзниками. Громыко в своей большой аналитической записке лета 1944 года уверенно предсказывал, что при отсутствии революционных потрясений «США будут сочувствовать и способствовать установлению в западно-европейских странах, и прежде всего в Германии, буржуазно-демократических политических режимов»¹²¹. Того же мнения придерживался и Майский: «Есть основания думать, — заключал он в своей записке, — что по вопросу о демократическом режиме в странах послевоенной Европы сотрудничество между СССР, США и Англией окажется возможным, хотя и не всегда легким»¹²². И даже Литвинов, рассматривавший возможность такого сотрудничества более скептически, усматривал интерес США в «нормализации жизни европейских стран», «установлении таких буржуазно-демократических или даже консервативных форм правления, при которых не приходилось бы опасаться социальных потрясений»¹²³.

При таком варианте западные соседи СССР сохраняли свое независимое существование, хотя и входили бы в советскую сферу безопасности. В этом русле шли предложения Майского о заключении договоров о взаимопомощи с Румынией, Югославией и Болгарией, о размещении советских военных баз в Финляндии. Отсюда же — и рекомендации комиссий Литвинова и Майского об отношении к тем или иным восточно-европейским странам. «...Мы не заинтересованы в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши, — откровенно писал Майский. — В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР... никто с определенностью сказать не может». Литвинов и Лозовский также были против «чрезмерного усиления» Польши как «барьера против нас и острия» в руках английской политики¹²⁴. То же самое относилось к Венгрии и Румынии. Другое дело — Чехословакия, способная, по словам Майского, «стать проводником нашего влияния в центральной и юго-восточной Европе»: поэтому, «если при окончательной перекройке карты Европы окажется возможным еще что-либо прирезать к Чехословакии, это следует сделать»¹²⁵. При всей откровенности этих выкладок за ними, несомненно, крылась презумпция независимого, «не советского» статуса этих стран — иначе зачем было бы ослаблять лояльных союзников? Другими словами, под «дружественными государствами» подра-

зумевалось нечто вроде традиционной, «открытой» сферы влияния, с которой готовы были смириться и западные планировщики.

На Дальнем Востоке ту же задачу наращивания глубины обороны предлагалось решить за счет возвращения территорий и прав, утраченных Россией в войне с Японией или уступленных ей позднее (Южный Сахалин, Порт-Артур, порт Дальний, КВЖД и ЮМЖД), плюс Южные Курилы. В сочетании с планировавшимся советским участием в оккупации Северного Хоккайдо это обеспечивало бы полный контроль над Охотским морем и устойчивый выход советского флота в Тихий океан.

Самым уязвимым флангом оставалась южная граница СССР в районе Закавказья с выходом на недружественные Турцию и Иран и расположенными поблизости главными месторождениями нефти и производственными мощностями по ее переработке. Это признавала в своих оценках и разведка западных союзников, а в Москве хорошо понимали, что в случае войны район Баку станет одной из главных стратегических целей противника (о чем свидетельствовали и известные в Кремле англо-американские планы его бомбардировок в 1940 г.). Опыт войны также показал стратегическое значение Ирана как транзитного коридора, ведущего к территории СССР: Иран, писал в той же записке Майский, «прикрывает наш Кавказ и обеспечивает нашу связь с Персидским заливом»¹²⁶. В этом контексте рассматривался проект создания просоветского Иранского Азербайджана на севере Ирана, продолжавший в новой форме усилия царской дипломатии рубежа XIX–XX вв. по укреплению там сферы влияния России в пику Великобритании. Сюда же можно отнести и предпринятую позднее попытку вернуть пограничные районы — Карс и Ардаган, отошедшие в 1921 к Турции (когда, по словам Молотова в беседе с турецким послом, СССР «был обижен в территориальном вопросе») ¹²⁷.

Другой важнейший урок войны состоял в необходимости обеспечения свободного выхода через Балтийское и Черное моря, которые активно использовались германским флотом против СССР. С этой целью советская дипломатия планировала заполучить Кенигсберг с прилегающим к нему районом Восточной Пруссии, придавала большое значение укреплению советского влияния над режимом Балтийских проливов. Они, подчеркивал Литвинов в специальной записке на имя Сталина и Молотова, лежат «на

линии коммуникаций между советскими портами Балтийского моря и портами СССР в Ледовитом океане, в Белом и Черном море и в Тихом океане... и имеют такое же значение для Советского Союза, как, например, Панамский канал для США... Опыт первой и второй мировых войн показывает, какой ущерб может быть нанесен Советскому Союзу при овладении господством над проливами враждебным государством и разъединении советских балтийских портов со всем остальным миром»¹²⁸. Для решения этой задачи Литвинов акцентировал необходимость интернационализации Кильского канала и балтийских проливов, а НКВМФ и соответствующий региональный отдел НКВД предлагали склонить Норвегию и Данию к соглашению о совместной обороне архипелага Шпицберген и острова Борнхольм¹²⁹.

По той же схеме предлагалось оказать давление на Турцию с целью обеспечения свободного прохода через черноморские проливы. В 1944–1945 гг. эксперты НКВД разработали несколько вариантов решения этой проблемы, начиная с частичного пересмотра конвенции Монтрё и кончая совместной советско-турецкой охраной проливов с предоставлением Советскому Союзу военно-морской базы в зоне проливов (последняя идея была заимствована из разработок царской дипломатии конца XIX века)¹³⁰.

В целом стратегические проекты советских планировщиков шли в русле традиционных геополитических устремлений России и при всей своей амбициозности не имели характера глобальной геополитической или идеологической экспансии. Эти запросы представлялись в Москве обоснованными не только стратегически, но и морально, ибо считались заслуженной долей геополитических трофеев войны, по праву причитающейся Советскому Союзу за его огромные потери и решающий вклад в разгром фашизма. По этой логике СССР, превратившийся за годы войны из международного парии в общепризнанную великую державу, имел, по крайней мере, не меньше прав, чем США и Великобритания, на свою сферу безопасности.

Стратегическая обоснованность большей части этих геополитических запросов СССР поначалу признавалась и на Западе — как экспертами в открытой печати¹³¹, так и во внутренних оценках англо-американских военных и дипломатов. Например, в специальном аналитическом докладе 1944 года «Стратегические интересы России с точки зрения ее безопасности»

эксперты высшего органа британской разведки, Объединенного комитета по разведке, ставили себя на место советских планировщиков, исходя из соображений геополитической и военной логики, общей для всех великих держав. При этом они стремились к максимальной объективности и вряд ли были склонны преувеличивать советские потребности в сфере безопасности.

В докладе констатировалось, что главными стратегическими приоритетами СССР должны являться необходимость защиты огромных границ (особенно — на самом уязвимом западном направлении), ликвидация на возможно долгий период способности главных исторических врагов России — Германии и Японии — к новой агрессии, обеспечение свободного выхода в мировой океан и грандиозная задача послевоенного восстановления народного хозяйства страны. Для решения этих задач, резонно подчеркивали авторы, СССР «будет стремиться создать такую систему безопасности за пределами своих границ, которая смогла бы, насколько это в человеческих силах, обеспечить ей мир и навсегда предотвратить угрозу ужасающих разрушений и бедствий войны, дважды испытанных ею в течение жизни одного поколения»¹³². В целях обеспечения своей безопасности СССР, считали британские аналитики, пойдет «путем создания системы буферных государств вдоль своих границ, тесно связанных с Россией, и ликвидации на возможно более длительный период способности Германии и Японии к агрессии. В Европе Россия будет считать Финляндию, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и в меньшей степени Югославию в качестве своего защитного пояса... Она захочет преобладать в Черном море и быть в состоянии контролировать проход военных кораблей через Проливы. На Среднем Востоке она захочет контролировать Северную Персию. На Дальнем Востоке помимо приобретения Южного Сахалина и Курил она будет стремиться заполучить какую-то форму контроля над Маньчжурией и Кореей, вероятно — в духе тех привилегий, которые она имела в Маньчжурии до 1904 года, когда Россия владела Дайреном и Порт-Артуром и ведущими к ним коммуникациями»¹³³.

По ряду пунктов британские планировщики предусматривали даже более обширную сферу советских интересов безопасности, чем та, на которую впоследствии реально претендовал Советский Союз. Вопреки их прогнозам Москва не пошла на захват Маньчжурии и Кореи, не стала перекрывать для Запада доступ к не-

фтяным ресурсам Ирана, Ирака и Саудовской Аравии или добиваться нейтрального статуса для Норвегии и Турции. Показательно, что даже столь расширенное толкование сферы советского влияния не вызывало тогда большой тревоги британской разведки. Прогнозируемая ими на послевоенный период «стратегическая система» Советского Союза почти не пересекалась со стратегической орбитой Британской империи, а значит, сохранялась возможность существования и даже сотрудничества «Большой тройки» после войны¹³⁴.

Советские планировщики также исходили из того, что подобное расширение советской зоны безопасности удастся совместить с сохранением равных отношений с Западом. Эти надежды зиждились на нескольких основных посылах. Одной из них было представление о США как о мощной и растущей, но отдаленной державе, интересы которой мало сталкиваются с интересами СССР и которая не сможет представлять реальную военную угрозу Советскому Союзу. Литвинов, например, считал, что «отсутствуют основательные причины для серьезных и длительных конфликтов между США и СССР в какой-либо части света (за исключением, может быть, Китая)»¹³⁵. Другой важной посылкой была надежда на возможность «полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства» с Великобританией (Литвинов), которая выйдет из войны резко ослабленной, столкнется с сильнейшей американской конкуренцией и будет заинтересована в стабилизации отношений с СССР. В сферу интересов Великобритании, по мнению Литвинова, могли войти Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция, а Норвегия, Дания, Германия, Австрия и Италия могли бы составить «нейтральную зону».

Считавшийся неизбежным «англо-американский антагонизм» не только исключал (или, по крайней мере, сильно затруднял) формирование англо-американской коалиции против СССР, но и сулил советской дипломатии повышенную свободу рук и возможность использовать эти противоречия в своих интересах. Так, например, признавая «огромную стратегическую важность» бывших итальянских колоний в Африке для Великобритании и предвидя ее сильное сопротивление советским запросам, Литвинов рассчитывал в этом на помощь США как противника британского империализма: «Для того чтобы сбить Англию с ее позиций, нам, несомненно, потребуется

сильная поддержка со стороны США», — писал он. В то же время и Великобритания с её флотом и широкой сетью военных баз, считал Майский, «может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США».

В целом вырисовывался своеобразный «концерт» трех великих держав, основанный на разграничении и взаимном признании сфер интересов друг друга. Хорошо понимая опасность раскола мира на враждующие военно-политические блоки, советские планировщики рассчитывали избежать его как путем сохранения сотрудничества между членами «Большой тройки», так и за счет сохранения этих сфер открытыми и ограниченными лишь вопросами безопасности. Так, «полюбовный раздел» с Великобританией, по Литвинову, должен был быть основан на том, что «Англия должна обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и само собой не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности». Для придания этим сферам большего международно-правового обоснования Литвинов даже предлагал облечь их в форму «региональных секций» в рамках будущей ООН, которые бы закрепили лидирующее положение великих держав в пределах зон их региональной ответственности без ущемления независимости остальных входящих в них стран (зона США при этом должна была охватывать все Западное полушарие и большую часть Азиатско-Тихоокеанского региона).

В обеспечении послевоенной безопасности, по мнению комиссий НКВД, СССР должен был опираться прежде всего на свои собственные силы, сохраняя свободу действий. Как подчеркивал в сентябре 1943 г. видный дипломат Б. Е. Штейн в одном из докладов комиссии Литвинова, «в интересах Советского Союза будет сохранение полной свободы маневрирования в Европе»¹³⁶. Важнейшей предпосылкой этого было дальнейшее укрепление оборонного потенциала страны, прежде всего — его промышленной и научной базы. Советское руководство, с его настороженностью к капиталистическому Западу и тяжелым опытом прошлого в отношениях с ним, было готово при необходимости отстаивать свои интересы и в одиночку.

Вместе с тем советские дипломаты исходили из того, что оптимальным путем достижения намеченных целей будет сохранение сотрудничества с США и Великобританией. Оно было необходимо не только для окончательного разгрома общего врага, но и для совместного обезвреживания Германии и Японии после войны. В рамках такого сотрудничества было бы легче заключать мирные договоры с сателлитами Германии, добиваться международно-правового признания послевоенных границ СССР, отставлять дружественные правительства в соседних государствах. Хотя в Москве знали, что здесь предстоит упорный торг (особенно — по Польше), согласованный раздел сфер безопасности был гораздо предпочтительней конфронтационно-силового. Кроме того, только при сохранении отношений в рамках «Большой тройки», можно было рассчитывать на использование англо-американских противоречий, выдерживая при этом «генеральную линию нашей внешней политики» (по словам С. А. Лозовского на заседании комиссии Литвинова) — «не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза»¹³⁷.

Наконец, сотрудничество с Западом, особенно с США, считалось необходимым для получения экономической и финансовой помощи, столь насущной для восстановления разрушенного войной хозяйства страны. Не случайно на встрече с главой Управления военного производства США Д. Нельсоном в октябре 1943 г. Сталин поднял вопрос о масштабных закупках американского промышленного оборудования после войны за счет долгосрочного кредита¹³⁸. По оценкам экспертов Наркомата внешней торговли, сделанным в тот же период, потребность СССР в таком кредите от США составляла 6 млрд долл., а от Великобритании — 1 млрд долл. (оба с погашением в течение 25 лет)¹³⁹. В мае 1943 года советская делегация приняла участие в работе конференции Объединенных Наций по послевоенным продовольственным проблемам, а в октябре того же года было принято решение об участии советских экспертов в совещании по подготовке создания Международного валютного фонда и Всемирного банка реконструкции и развития.

Даже в чувствительной области военного сотрудничества советское руководство не исключало взаимодействия с союзниками после войны. Еще во время поездки Молотова в США (май 1942 г.) Сталин поддержал рузвельтовскую идею «четырех полицейских» — создания «объ-

единенной вооруженной силы» Англии, СССР, США и Китая для предотвращения агрессий в будущем¹⁴⁰. Несмотря на то что Рузвельт в дальнейших переговорах с Молотовым уклонился от развития этой темы, это отнюдь не охладило интереса к ней Сталина. На это указывает его депеша Молотову от 4 июня, в которой он в качестве важного результата вашингтонских переговоров назвал «договоренность с Рузвельтом о создании после войны международной вооруженной силы для предупреждения агрессии»¹⁴¹, хотя никакой реальной договоренности достигнуто не было. Через полтора года Сталин опять вернулся к развитию этой идеи во время личных бесед с Рузвельтом в Тегеране, поставив перед Рузвельтом вопрос о создании «стратегических пунктов» великих держав не только для контроля над Германией, но и над стратегически важными точками Европы, Дальнего Востока и Северной Африки. Президент ответил, что поддерживает эту идею «на все сто процентов», но уклонился от ее конкретизации¹⁴². Возможность для дальнейшей проработки этого вопроса была упущена.

Возвращаясь к проектам советских экспертов о послевоенном мире, можно сказать, что при ретроспективном взгляде очевидны как сильные, так и слабые их стороны. Оставаясь на позициях экономического детерминизма, советские планировщики явно переоценили потенциал «межимпериалистических противоречий» (как между США и Англией, так и между англосаксами, с одной стороны, и Германией с Японией — с другой). По логике большевистской теории империализма, США и Великобритания не должны были быть заинтересованы в усилении своих потенциальных конкурентов. Так, например, Майский предлагал склонить США и Великобританию к искомой сумме репараций с Германии, давая им «понять, что США и Англия в конечном счете должны выиграть в связи с исчезновением столь опасного конкурента, как Германия. Однако это надо делать в осторожной форме, так как в силу свойственного им лицемерия англо-американцы не захотят признать правильность данного вывода открыто»¹⁴³. Англо-американские же стратеги видели в Германии не только конкурента.

Как следствие, советские эксперты недооценили солидарность Запада, особенно перед лицом угрозы расширения советского влияния. Сосредоточенность на американской финансово-экономической экспансии заслонила

для них другую — военно-стратегическую экспансию США, связанную с новым глобальным пониманием ими своих интересов безопасности и угроз этим интересам. Этот же экономический детерминизм приводил советских экспертов к преувеличению западной заинтересованности в развитии торгово-экономических связей с СССР. Не оправдались и расчеты на сохранение советской сферы влияния открытой и ограниченной, поскольку кремлевское руководство в условиях растущих противоречий с Западом встало на путь советизации Восточной Европы. Планы «полюбовного раздела» европейского континента на сферы интересов оказались нежизнеспособными еще и потому, что подобное согласованное размежевание потребовало бы определенного уровня взаимного доверия и совместимости подхо-

дов обеих сторон, до чего в действительности было очень далеко.

Тем не менее между проектами советских планировщиков и их западных коллег существовала определенная переключка в вопросе о сферах интересов¹⁴⁴. Однако советских планировщиков отличал широкий полет мысли, повышенный оптимизм в отношении продолжения сотрудничества с Западом и весьма позитивный для большевизма взгляд на роль США и Великобритании в послевоенном мире. Построения их англо-американских коллег были гораздо более приземленными и негативными по своим оценкам советского союзника, хотя порой и более реалистичными в прогнозах расхождений интересов великих держав. В Вашингтоне и Лондоне готовились к худшему, а в Москве — к лучшему, и это не сулило большого взаимопонимания в будущем.

¹ Майский — НКВД, 9–10 июня 1943 г. // Архив внешней политики МИД РФ (далее — АВП РФ). Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 288–290.

² Политика США, 2 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 28. Д. 327. Л. 16, 21.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1958 (далее — Переписка). Т. 2. С. 69–70.

⁴ Warner to Kerr, 8th July, 1943 // The National Archives (Kew, Richmond) (далее — TNA), Foreign Office (далее — FO) 800/301.

⁵ From Moscow to Foreign Office, 14th June, 1943 // TNA, Prime Minister's Office (далее — PREM) 3/333/5.

⁶ From Foreign Office to Moscow, 16th June, 1943 // Ibid.

⁷ Переписка. Т. 1. С. 138.

⁸ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945 / Ed. by D. Dilks. London, 1971. P. 538.

⁹ Майский — НКВД, 3 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 295–298.

¹⁰ From Moscow to Foreign Office, July 1, 1943 // TNA, PREM 3/333/5.

¹¹ Молотов — Майскому, 25 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 22. Д. 177. Л. 29.

¹² Майский — НКВД, 29 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 59. Л. 132–130.

¹³ Громыко — Молотову, 22 августа 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 3. Д. 25. Л. 265.

¹⁴ Переписка. Т. 2. С. 63.

¹⁵ Kahn M. From Assured Defeat to the „Riddle of Soviet Military Success“: Anglo-American Government Assessments of Soviet War Potential, 1941–1943. // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 26. N 3 (2013). P. 480.

¹⁶ 25 June 1943, R&A Report N 917 // National Archives (College Park, Maryland) (далее — NA), Record Group (далее — RG), 224, Reel 2.

¹⁷ Переписка. Т. 1. С. 133–134.

¹⁸ История Великой войны, 1941–1945: В 2 ч. Ч. 1. М., 2010. С. 430.

¹⁹ Там же. С. 428. См. также: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 574.

²⁰ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1999. С. 431.

²¹ Churchill W. The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. London, 1951. P. 259.

²² Possible Transfer of German divisions from Russia, November 20, 1943 // NA, RG 165, Military Intelligence Division. Regional Files, 1922–1944. Union of Soviet Socialist Republics. Box 3140.

²³ The Riddle of Soviet Military Success, August 10, 1943 // TNA, FO 371/36960.

²⁴ Memorandum for Mr. H. Hopkins, August 10, 1943 // Franklin D. Roosevelt Library (далее — FDRL), H. Hopkins Papers, Box 217.

²⁵ Memorandum for the President, 31 July, 1943 // FDRL, Map Room Files (далее — MR), Box 8.

²⁶ Winant to the President and Secretary of State, July 26, 1943 // Foreign Relations of the United States (далее — FRUS), 1943, Europe, Vol. II. Washington, 1964. P. 335.

²⁷ Соболев — НКВД, 27 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 302.

²⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 410.

²⁹ Там же. С. 412–413.

- 30 Переписка. Т. 1. С. 149.
- 31 Майский — Молотову, 31 августа 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 64. Л. 189–182.
- 32 FDRL, MR, Box 8.
- 33 Переписка. Т. 1. С. 157.
- 34 Review of Soviet Foreign Relations during 1943. February 8, 1944 // NA, RG 84, 800 Soviet Union, Box 46.
- 35 Обмен этими письмами см. в изд.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: в 2 т. М.: 1984. Т. 1. С. 368–369, 371–372.
- 36 W.M. (43) 142nd Conclusions, Minute 3, Confidential Annex, 18 October 1943 // TNA, CAB 65/40/5.
- 37 Kimball W. Forged in War: Roosevelt, Churchill, and the Second World War. Chicago, 1997. P. 223.
- 38 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 368–369, 371–372.
- 39 Переписка. Т. 2. С. 285–286.
- 40 Prime Minister to Foreign Secretary, 18th October, 1943 // Churchill Archive Centre, Churchill College, Cambridge University, Chartwell Papers (далее — CHAR) 20/148.
- 41 Prime Minister for Deputy Prime Minister and Foreign Secretary, 21st May, 1943 // CHAR 20/128.
- 42 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: в 5 т. М., 1995–2008. Т. 4. Кн. 1. С. 418.
- 43 Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 398.
- 44 Там же; СССР и Франция в годы Второй мировой войны / Под ред. М. М. Наринского. М., 2006. С. 222.
- 45 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 Т. 1. С. 394–395.
- 46 SecState to American Embassy, Moscow, June 30, 1943 // NA, RG 84, U.S. Embassy Moscow, Classified General Records, 1940–1944, Box 18, 711. French Committee of National Liberation.
- 47 Молотов — Богомолу, 25 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 183. Л. 99–96.
- 48 Переписка. Т. 1. С. 138–139.
- 49 Майский — НКВД, 1 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 59. Л. 172–171.
- 50 SecState to American Embassy, Moscow, July 7, 1943 // NA, RG 84, U.S. Embassy Moscow, Classified General Records, 1940–1944, Box 18, 711. Italy.
- 51 СССР и Франция в годы Второй мировой войны. С. 151–152.
- 52 Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 246–248, 252.
- 53 Голль Ш. де. Военные мемуары: В 2 т. М., 1957–1960. Т. 2. С. 161.
- 54 Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 323.
- 55 Молотов — Богомолу, 4 ноября 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 179. Л. 140–138.
- 56 Майский — Молотову, 14 апреля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 4. Л. 105–110.
- 57 См.: Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. Советско-американские отношения в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 222–223.
- 58 Молотов — Богомолу, 11 марта 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 22. Д. 174. Л. 102–101.
- 59 Богомолу — Молотову, 29 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 22. Д. 177. Л. 40.
- 60 Молотов — Богомолу, 2 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 183. Л. 113.
- 61 Орлов — НКВД, 20 октября 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 6. Д. 53, Л. 235–233.
- 62 Марьина В. Э. Бенеш: между Лондоном и Москвой // Россия XXI. 2008. № 4. С. 135–136.
- 63 Богомолу — НКВД, 7 июля 1943 г. // Там же. Д. 52. Л. 260–257.
- 64 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 408–409, 422–423.
- 65 Орлов — Молотову, 19 октября 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 6. Д. 53. Л. 230.
- 66 Молотов — Богомолу, 13 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 183. Л. 126.
- 67 История Второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. М., 1973–1982. Т. 10. С. 212.
- 68 Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг. М., 1998. С. 222, 233.
- 69 Коминтерн и Вторая мировая война: В 2 ч. М., 1994–1998. Ч. 2: После 22 июня 1941 г. С. 36.
- 70 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 2 т. М., 1944–1946. Т. 1. С. 329.
- 71 From Moscow to Foreign Office, 30th July, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
- 72 Minute from the Foreign Secretary to the Prime Minister, 31.7.43 // Ibid.
- 73 Prime Minister for Foreign Secretary, 1.8.43. // CHAR 20/129.
- 74 См.: Переписка. Т. 1. С. 393.
- 75 Иванов Р. Ф. Сталин и союзники. 1941–1945 годы. М., 2005. С. 250.
- 76 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 366. Л. 16–19.
- 77 Переписка. Т. 1. С. 142.
- 78 For Prime Minister from Foreign Secretary, 10 August 1943// TNA, PREM 3/172/1.

- ⁷⁹ W.M. (43) 114th Conclusions, Minute 2. Confidential Annex, 11th August, 1943 // TNA, Cabinet Office (далее — CAB) 65/39/10.
- ⁸⁰ From London to the Secretary of State, August 11, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
- ⁸¹ W.M. (43) 114th Conclusions, Minute 2. Confidential Annex, 11th August, 1943 // TNA, CAB 65/39/10.
- ⁸² Memorandum for the President and Prime Minister, 24 August, 1943 // FDRL, MR, Box 8.
- ⁸³ August 10, 1943 // Library of Congress, Manuscript Division, H. Stimson Diaries.
- ⁸⁴ Mackinder H. The Round World and the Winning of Peace / Foreign Affairs. July 1943. P. 595–605.
- ⁸⁵ JCS 506, September 18, 1943 // NA, RG 218, Geographic File, 1042–1945, CCS 337 (9-12-43), Sec. 1.
- ⁸⁶ Memorandum for Mr. H. Hopkins, August 10, 1943 // FDRL, H. Hopkins Papers, Box 217.
- ⁸⁷ W. Bullit to F. Roosevelt, May 12, 1943 / FDRL, PSF, Department of the Navy; Мальков В.Л. Франклин Рузвельт: Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. С. 264.
- ⁸⁸ СССР и германский вопрос: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации / Сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. Т. 1. М., 1996. С. 27.
- ⁸⁹ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата 1925–1945 гг. М., 1971. С. 679.
- ⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 131.
- ⁹¹ Foo Y.W. Chiang Kaishek's Last Ambassador to Moscow: the Wartime Diaries of Fu Bingchang. Basingstoke, 2011. P. 94.
- ⁹² From Moscow to Foreign Office, 14th October, 1943 // TNA, FO 371/36960.
- ⁹³ Davies to Roosevelt, May 29, 1943 // NARA, RG 84, US Embassy Moscow, Box 22, 800.2.
- ⁹⁴ Review of Soviet Foreign Relations during 1943. February 8, 1944 // NA, RG 84, 800 Soviet Union, Box 46.
- ⁹⁵ Подробнее об этом пересмотре см.: Mark E. October or Thermidor? Interpretations of Stalinism and the Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927–1947 / The American Historical Review. Vol. 94. N 4 (October 1989). P. 945–951.
- ⁹⁶ Survey of Domestic Political Developments in 1943 // NA, RG 226, R&A Reports, M 1250.
- ⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 130.
- ⁹⁸ FRUS. 1943. Europe. Vol. III. Washington, 1963. P. 584.
- ⁹⁹ W.P. (42) 524, November 12, 1942 // TNA, CAB 66/31/4.
- ¹⁰⁰ Folly M. „A Long, Slow and Painful Road“: The Anglo-American Alliance and the Issue of Co-operation with the USSR from Teheran to D-Day // Diplomacy & Statecraft. 2012. Vol. 23. No. 3. P. 477.
- ¹⁰¹ Adler L. K., Paterson T.G. Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930's — 1950's // The American History Review. 1970. Vol. 75. No. 4. P. 1050–1051.
- ¹⁰² Bennett T. Culture, Power, and Mission to Moscow: Film and Soviet-American Relations during the World War II // The Journal of American History. 2001. N. 2. P. 506, 509.
- ¹⁰³ «Russia Booklet» // NA, RG 334, Box 26.
- ¹⁰⁴ W.P. (42) 71, February 7, 1942 // TNA, CAB/66/22/1.
- ¹⁰⁵ Reynolds D. From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006. P. 119.
- ¹⁰⁶ См. подробнее: Поздеева Л.В. Лондон — Москва: Британское общественное мнение и СССР, 1939–1945. М., 2000.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1006. Л. 189–190.
- ¹⁰⁸ To Embassy Moscow, October 12, 1943 // NA, RG 59, Decimal Files, 105.918/1793B; FRUS. 1943. Vol. III. P. 863.
- ¹⁰⁹ FRUS. 1943. Vol. III. P. 861n.
- ¹¹⁰ См.: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. М., 2006. С. 212–213.
- ¹¹¹ Молотов — Громыко, 12 октября 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 19. Д. 150. Л. 64.
- ¹¹² Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 303.
- ¹¹³ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 101–103.
- ¹¹⁴ Малинин Н. Литвинов М.М. О «целях войны» // Война и рабочий класс. 1943. № 3.
- ¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 108–109.
- ¹¹⁶ Майский — Молотову, 11 января 1944 г. // АВП РФ. Ф.06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 21–22.
- ¹¹⁷ Об отношении к Италии // АВП РФ. Ф.06. Оп. 2. П. 8. Д. 4. Л. 110–111.
- ¹¹⁸ Протокол № 4 частного совещания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства. 14 марта 1944 г. // АВП РФ. Ф.06. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 118.
- ¹¹⁹ Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71.
- ¹²⁰ АВП РФ. Ф.06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 37, 8, 3.
- ¹²¹ К вопросу о советско-американских отношениях, 14 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф.06. Оп. 6. П. 45. Д. 603. Л. 22, 23.
- ¹²² АВП РФ. Ф.06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 23–24.
- ¹²³ О взаимоотношениях с США. 10 января 1945 г. // АВП РФ. Ф.06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л.
- ¹²⁴ АВП РФ. Ф.06. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 116–117.
- ¹²⁵ АВП РФ. Ф.06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 13.
- ¹²⁶ АВП РФ. Ф.06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 27.

- 127 АВП РФ. Ф.06. Оп. 7. П. 2. Д. 31. Л. 7.
- 128 АВП РФ. Ф.06. Оп. 07. П. 17. Д. 175. Л. 162–163.
- 129 Советско-норвежские отношения, 1917–1955. М., 1997. С. 360, 383–386.
- 130 Мартенс Ф.Ф. Записка о проливах Босфорском и Дарданельском // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов: Документальная публикация / Сост. И.С. Рыбаченок. М., 2004. С. 94–96.
- 131 The New York Times. 1945. May 28.
- 132 Russia's Strategic Interests from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442, 18 October, 1944 // TNA, CAB 81/125.
- 133 Russia's Strategic Interests and Intentions from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442, 18 December, 1944 // TNA, CAB 81/126.
- 134 Печатнов В. Большая стратегия СССР после войны глазами британской разведки // Россия XXI. 2010. № 5.
- 135 АВП РФ. Ф.06. Оп. 07. П. 17. Д. 173. Л. 50.
- 136 АВП РФ. Ф.0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 11.
- 137 АВП РФ. Ф.07. Оп. 2. П. 8. Д. 4. Л. 51.
- 138 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 380–384.
- 139 Предложения по вопросу о займе Союзу ССР от США. 22 октября 1943 г.; Предложения по вопросу о займе Союзу ССР от Великобритании. 23 октября 1943 г. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6866. Л. 42; Д. 8058. Л. 58.
- 140 Ржешевский О. А. Война и дипломатия: Документы, комментарии, 1941–1942. М., 1997. С. 204.
- 141 Там же.
- 142 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов: В 6 т. М., 1978–1984. Т. 2: Тегеранская конференция. С. 117–118.
- 143 Формула по репарациям с Германии, 17 января 1945 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 69.
- 144 Подробнее см.: Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. С. 207–238; Mark E. American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // Journal of American History. Vol. 68. N 2 (September 1981).

Документы

Президентский комитет Советского протокола Вашингтон, 10 августа 1943 г.

МЕМОРАНДУМ ДЛЯ М-РА ГОПКИНСА¹
ПРЕДМЕТ: РОССИЯ

1. Ниже следует военно-стратегическая оценка России, исходящая от очень высокопоставленного представителя США²:

«Положение России» (2 августа 1943 г.).

«Положение России во Второй мировой войне разительно отличается от ситуации Первой мировой войны. Тогда она потерпела крах еще до окончания войны и не оказала никакого влияния на окончательное поражение Германии, достигнутое союзниками без ее помощи. Во Второй мировой войне Россия занимает доминирующее положение и является решающим фактором, ведущим к поражению стран «оси» в Европе. Тогда как в Сицилии силам Соединенных Штатов и Великобритании противостоят 2 германские дивизии, русский фронт притягивает к себе около 200 германских дивизий. Когда бы союзники ни открыли на континенте второй фронт, он будет явно второстепенным по отношению к русскому фронту, который останется главным. Без России в войне страны «оси» не могут быть побеждены в Европе, и положение Объединенных Наций останется крайне шатким.

Равным образом, и после войны Россия будет занимать в Европе доминирующее положение. После разгрома Германии в Европе не останется сил, способных противостоять ее огромной воен-

ной мощи. Великобритания, правда, наращивает свои позиции в Средиземноморье в пик России, которые она может использовать для поддержания баланса сил на континенте. Но даже там она не сможет противостоять России без посторонней поддержки».

Вытекающие отсюда выводы очевидны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, нам следует предоставить ей всю возможную помощь и не жалеть усилий для завоевания ее дружбы. Равным образом, поскольку Россия, несомненно, будет преобладать в Европе после разгрома стран «оси», тем более важно развивать и поддерживать с нею самые дружественные отношения.

«Наконец, важнейший фактор, который Соединенным Штатам необходимо учитывать в отношениях с Россией, это ведение войны на Тихом океане. Если Россия будет нашим союзником в войне с Японией, эта война может быть закончена скорее и с меньшими затратами материальных и людских ресурсов, чем в случае, если этого не произойдет. Если война на Тихом океане будет вестись при негативном или недружественном отношении России, наши трудности неизмеримо возрастут, а военные действия могут оказаться безуспешными».

2. Вывод состоит в том, что Россия настолько необходима в условиях как войны, так и мира, что нам нужно оказать ей всю возможную помощь и не жалеть сил для поддержания и развития самых дружественных отношений с ней.
3. Как известно, мы посылаем в Россию максимум того, что можно доставить через Тихий океан и Персидский залив. Атлантические конвои на север России позволят нам осуществлять дополнительные поставки. Помощь в виде военных действий зависит не только от нас.
4. Что касается поддержания дружественных отношений, то этот вывод полностью соответствует позиции Президента, который в недавней речи сказал о России следующее:
«...Эта страна будет рада стать хорошим соседом и искренним другом в мире будущего».
5. Вопрос состоит в том, как нам добиться таких отношений и сохранять их в будущем? Это зависит от многих каждодневно принимаемых мер, которые будут доказывать России, что мы действительно стремимся стать ее настоящим и искренним другом не только в войне, но и на многие годы после нее.

Эта задача вполне посильна, поскольку русский народ в большинстве своем уважает Америку, восхищается ею и относится к нам с инстинктивным дружелюбием. Поэтому надо полагать, что на нашу щедрость он ответит взаимностью. При этом, естественно, мы не должны делать или обещать нечто, не соответствующее нашим интересам, принципам и политике.

Предложения

- А) У нас есть немало должностных лиц, которые находятся в контакте с советскими представителями, но не доверяют России и не следуют политике «добраго соседа и друга» в ее отношении. Они не способствуют установлению взаимного доверия и дружественных отношений. Их следует либо заменить, либо обязать лояльно поддерживать такую политику.
- Б) Недавняя публичная критика в адрес России нашим послом в Москве³ за то, что она якобы замалчивает оказываемую ей помощь по ленд-лизу, получила международную огласку и создает неприглядный образ России как неблагодарной страны. Этот инцидент оставил след, поскольку задел русскую гордость. Для исправления этой дипломатической ошибки практически ничего не было сделано, хотя, надо признать, что ее последствия не были целиком негативными. Посол упомянул, что обратился к президенту с просьбой не оставлять его еще на одну зиму в Москве. Его следовало бы заменить высокопоставленным гражданским послом, который следует политике добрососедства и дружбы в отношении России.
- В) Судя по всему, в России склонны считать, что Америка и Англия настолько близки, что нам трудно поставить отношения с Англией и Россией на равную основу. Поэтому нам важно сохранять сравнительную независимость в обращении с обеими этими странами как добрыми соседями и искренними друзьями, справедливо учитывая их положение, стремления и цели.
- Г) Наши официальные лица в своих речах нередко заявляют, что мы ведем войну ради уничтожения диктатур. Россия — это диктатура, причем самая законченная из всех, которые когда-либо видел мир. Но русские очень гордятся достижениями своей диктатуры, без которой, по правде говоря, Германия, скорее всего, выиграла бы войну.

- Д) Адмирал Кинг⁴ недавно сделал очень простое, но действенное заявление относительно России. Он сказал, что в силу своего географического положения Россия несет на себе основное бремя войны с Германией и нам следует оказать ей всю возможную помощь поставками, а также предпринять такие военные действия, которые отвлекут как можно больше немецких сил с ее фронта. Такие заявления, безусловно, способствуют дружеским чувствам русских в отношении американских ВМС. Предлагается, чтобы генерал Маршалл⁵ послал начальнику Генерального штаба Красной Армии поздравление с их недавними победами и присоединился бы к заявлению адмирала Кинга. Это помогло бы укреплению дружеских чувств в России также и в отношении американских сухопутных сил.
- Е) Один из болезненных вопросов в отношениях с Россией — североатлантические конвои. Необходимо предпринять героические усилия для их отправки. Понятно, что это в основном зависит от англичан, но, как следует из заявления адмирала Кинга, он готов отстаивать такую позицию и помочь в решении этой проблемы.
- Ж) Огромную пользу может принести откровенное и детальное обсуждение высшим руководством США и России проблем войны и послевоенного мира. Несмотря на неудачу нескольких попыток организовать такую встречу, целесообразно продолжать усилия в этом направлении.

Генерал-майор Бёрнс⁶

¹ Memorandum for Mr. Hopkins, August 10, 1943 // Franklin D. Roosevelt Library (Hyde Park, New York), Harry L. Hopkins Papers, Box 217. Краткие выдержки из этого документа опубликованы в: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958. Т. 2.

² Глава Комитета стратегического обзора при КНШ США генерал С. Эмбик.

³ Речь идет о пресс-конференции для иностранных журналистов посла США в Москве У. Стэндли, в ходе которой он обвинил советскую сторону в замалчивании масштабов поставок по ленд-лизу, осуществляемых западными союзниками. Это заявление имело большой резонанс в западной прессе и вызвало недовольство советских властей. Однако, как отмечали потом западные дипломаты, после этого инцидента число публикаций о помощи союзников в советской прессе заметно возросло.

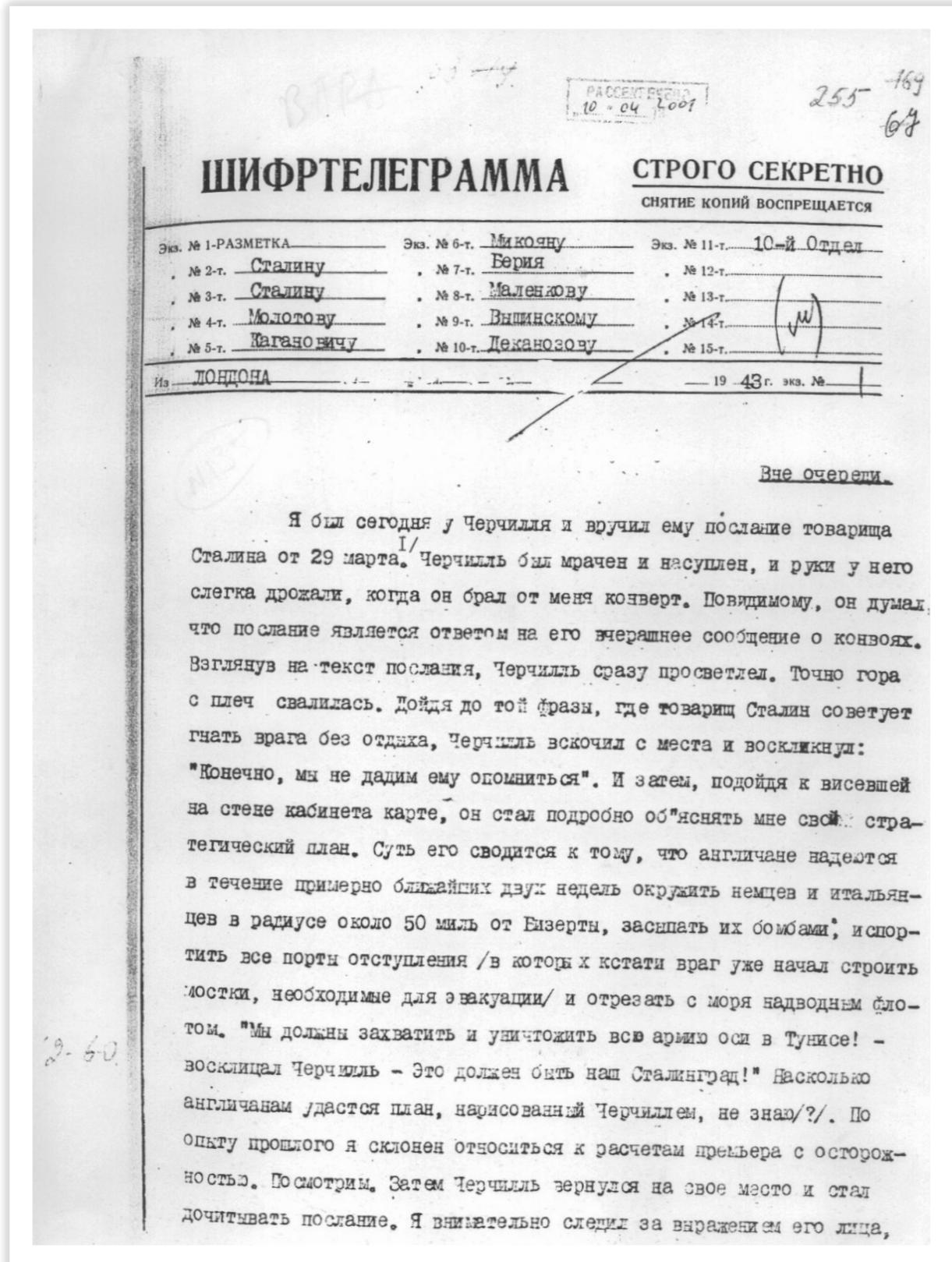
⁴ Адмирал Э. Кинг — главнокомандующий военно-морским флотом США.

⁵ Генерал Дж. Маршалл — начальник штаба сухопутных сил США.

⁶ Генерал Дж. Бёрнс — исполнительный директор Президентского комитета Советского протокола, курировавшего поставки в СССР по ленд-лизу. Главой комитета был Г. Гопкинс.

Телеграмма И. М. Майского о беседе с У. Черчиллем 31 марта 1943 г. АВР РФ. Ф.059а. Оп.7. П.13. Д.6. Л.255-262.

Документ предоставлен Историко-документальным департаментом МИД РФ

256

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

№ _____ пол. _____ час. _____ мин. / 19 _____ г. экз. № _____

- 2 -

вот он дошел до фразы о "подлецах всяких", которые утверждают, будто бы "Англия никак не воеет", и какая-то судорога прошла по лицу Черчилля. В сильном волнении он на мгновение закрыл глаза и, когда их вновь открыл, они были полны слез. Это не была игра. Натура у Черчилля художественно-эмоциональная. Я это наблюдал неоднократно и раньше, еще в довоенные годы. Он легко поддается внезапным порывам чувств, и в такие моменты легко может потерять себя и дать обещания, которых потом в обстановке более трезвых, нормальных настроений не исполнить. Но это между прочим. Сейчас было видно, что Черчилль действительно сильно тронут и до глубины души переживает послание товарища Сталина. Затем он повернулся ко мне и сказал: "Вы еще никогда не приносили мне такого замечательного послания. Горячее спасибо Сталину!"

31/III-1943 г. МАЙСКИЙ.

I/ СРАВНА: При этом было передано ответное послание тов. Сталина на послание Черчилля от 28/III.

10 04 2001 257 82

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. <u>Микояну</u>	Экз. № 11-т. <u>10-й Отдел</u>
№ 2-т. <u>Сталину</u>	№ 7-т. <u>Берия</u>	№ 12-т.
№ 3-т. <u>Сталину</u>	№ 8-т. <u>Маленкову</u>	№ 13-т.
№ 4-т. <u>Молотову</u>	№ 9-т. <u>Вышинскому</u>	№ 14-т.
№ 5-т. <u>Вагановичу</u>	№ 10-т. <u>Деканозову</u>	№ 15-т.
Из <u>ЛОНДОНА</u>		19 <u>43</u> г. экз. № <u>1</u>

ОСОБО ВАЖНО

Вне очереди.

1/ После того, как вопрос о послании товарища Сталина был исчерпан [REDACTED], я перешел к вопросу о конвоях. Я сказал, что еще не имею никаких указаний от Совпра и пришел говорить с Черчиллем от своего личного имени. Сообщение Черчилля товарищу Сталину от 30 марта, копию которого я вчера получил от Кадогана, произвело на меня прямо потрясающее впечатление. Ведь о чем оно говорит? Оно говорит прежде всего о том, что до сентября северных конвоев вполне определенно не будет. Но я сомневаюсь, чтобы конвой пошел и в сентябре, ибо возможность их отправки даже в этом месяце обставлена /?/ такими "если", которые делают иллюзорными все обещания Черчилля. Более вероятным мне кажется, что конвой не будет возобновлен до наступления полной темноты в Арктике, то-есть до ноября-декабря: Иными словами, снабжение СССР северным путем прекращается, по крайней мере, на 8 месяцев - перспектива, с которой мы никак не можем мириться.

2/ Теперь далее: какой эффект решения Черчилля и Рузвельта будут иметь в СССР? Очень отрицательный, как в военном, так и в политическом смысле. Наш народ и наша армия вот уже

По истечении 48-ми часов с момента получения телеграммы подлежит возвращению в 10-й Отдел НКВД

67-6

258
УД

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА _____	Экз. № 6-т. _____	Экз. № 11-т. _____
№ 2-т. _____	№ 7-т. _____	№ 12-т. _____
№ 3-т. _____	№ 8-т. _____	№ 13-т. _____
№ 4-т. _____	№ 9-т. _____	№ 14-т. _____
№ 5-т. _____	№ 10-т. _____	№ 15-т. _____

Из _____ час. _____ мин. / 19 _____ г. экз. № _____

- 2 -

почти два года в одиночку ведут жестокую борьбу со всей мощью германской военной машины. Конечно, очень хорошо, что англичане делают в Африке, и переданное мной сегодня послание товарища Сталина ясно говорит, что мы отдаем должное британской борьбе, - но ведь для Черчилля не секрет, сколько германских дивизий отвлекает африканский фронт. Чего мы ждем от союзников в нынешнем году? Второго фронта. Будет ли он? Черчиллю это лучше знать. У меня лично, судя по всему тому, что я здесь вижу и слышу, создается в этом отношении не очень-то благоприятное впечатление. Самое лучшее, что я могу сказать, это то, что в вопросе о втором фронте нет определенности: может быть будет, а может быть и нет. И вот в дополнение теперь прекращаются конвои, сильно сокращается снабжение. Как могут реагировать на это наши люди? Не вправе ли они будут сказать, обращаясь к англичанам и американцам: так в чем же выражается Ваша помощь нам в нашем общем деле? Ни второго фронта, ни снабжения.... Какие же это союзники, как Вы думаете, кто может выиграть от роста таких настроений в рядах нашего народа и нашей армии?

3/ Черчилль был явно взволнован моими словами. Он встал со своего места, подошел к камину, остановился и несколько срывающимся голосом сказал: "Да, да, я понимаю, - это тяжелый удар.

259
01

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из _____ час. _____ мин. / 19 _____ г. экз. № _____

- 3 -

По истечении 48-ми часов с момента получения телеграмма подается обратно в штаб-квартиру

Это ужасно.... Я боюсь, что это глубоко отзовется на наших отношениях с Вами....". На глазах Черчилля опять **показались** слезы. "Но что мне было делать? - продолжал он - У меня не было выхода". И далее Черчилль стал подробно развивать мне все те мысли и соображения, которые изложены в его послании товарищу Сталину от 30 марта. "Поймите - закончил Черчилль - что я не могу, не имею права ставить под удар весь ход войны даже ради Вашего снабжения. Не могу. Не могу...". Было видно, что мысль о необходимости отменить северные конвои окончательно овладела Черчиллем, и что с этой мыслью его никак не сдвинешь. "И вот, при таких обстоятельствах, - прибавил Черчилль - я решил прямо сказать Сталину, что есть. Никогда нельзя вводить в заблуждение союзника. Мы же войны. Мы должны уметь мужественно встречать даже самые неприятные известия". И затем совсем другим голосом, внимательно глядя мне в глаза, Черчилль спросил: "Но скажите Вы, лично, что Вы думаете? поведет это к разрыву между мной и Сталиным? Поведеет?...". Я ответил, что не могу ничего сказать за товарища Сталина. Он сам скажет. В одном я не сомневаюсь, что прекращение конвоев вызовет в товарище Сталине очень сильные чувства/?/. Черчилль продолжал: "Все, что угодно, но только не разрыв. Я не хочу разрыва. Я

260
ju

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из _____ д.с. _____ мин. / 19 _____ г. экз. № _____

- 4 -

хочу работать с Вами. Я уверен, что я могу работать со Сталиным. Я не сомневаюсь, что, если мне суждено будет еще пожить, я смогу оказаться Вам очень полезным в деле налаживания дружественных отношений с США. Мы - три великие державы - должны во что бы то ни стало обеспечить дружественное сотрудничество после войны.... Какая жалость, что я должен был послать свою вчерашнюю телеграмму как раз тогда, когда Сталин отправил мне вот это послание". Черчилль кивнул на лежащее на столе послание товарища Сталина, которое он получил от меня за полчаса перед тем. "Да, мы, три великие державы, - вновь заговорил Черчилль - должны быть вместе. Это основа всего. Американцы обиделись, что в своей последней радио-речи я не упомянул Китай в качестве четвертого партнера. Как я мог это сделать?.. Конечно, я люблю и глубоко уважаю Китай. Китайцы - замечательный народ. Но разве можно сравнивать Китай с СССР, с США, с Британской империей? Это же ни в какие ворота не лезет... Это почти оскорбление. Представьте себе на момент, что Чан-Кай Ши умер или исчез, - что станет с Китаем? Китай превратится в хаос. Нет, я слишком стар для того, чтобы ради дешевых аплодисментов райка говорить неправду".

4/ Когда порыв Черчилля несколько стих, я вновь заговорил и предложил перейти к более практическим вопросам. Поскольку

По истечении 48-ми часов с момента получения телеграммы подлежит возвращению в Ю-ч. Отдел НКВД

261
163

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из _____ час. _____ мин. / 19 _____ г. экз. № _____

- 5 -

Черчилль категорически заявляет о полной невозможности северных конвоев, я считаю, что надо изыскать те или иные пути для компенсации нас за проистекший отсюда ущерб. Мои конкретные предложения сводятся к следующему:

а/ Мартовский конвой не ликвидировать и не разгружать, а отправить вокруг Африки в Персидский залив /сам же Черчилль заверяет, что пропускная способность Ирана быстро возрастет/и

б/ С приходом Идена /его ждут в Лондоне в начале будущей недели/ создать под его председательством небольшую, но авторитетную Комиссию, которая в срочном порядке разработала бы программу практических мероприятий по компенсации нас за потерю северных конвоев. Черчилль встретил мои предложения с горячим сочувствием. Он внес в них однако две поправки.

Первая: Мартовский конвой сохранить, но не отправлять его сразу же вокруг Африки /около 2 1/2 месяцев пути до Басры/, а выждать 2-3 недели. Если за это время, как рассчитывает Черчилль, Тунис будет очищен от осов, конвой пойдет через Средиземное море, что сильно сократит время и расходы. Вторая: Приезда Идена не ожидать, а создать комиссию теперь же под председательством Литльтона. Черчилль предложил также мне присутствовать на комиссии в сопровождении тех наших экспертов, которых я сочту нужным взять с собой. Я не возражал, но еще

По истечении 48-ми часов с момента получения, телеграмма подлежит возвращению в пункт отправления

262

68

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

Из _____ час. _____ мин. / _____ 19 _____ г. экз. № _____

- 6 -

раз напомнил Черчиллю, что никаких инструкций из Москвы по данному вопросу еще не имею, и что Советское правительство может принять совсем иные решения. Лично я, однако, не вижу ничего лучшего. Возможно, что с транспортной точки зрения нам выгоднее получать грузы в Архангельске и Мурманске, а не на Каспии, но из сегодняшнего разговора с Черчиллем я вынес вполне определенное впечатление, что на продолжении северных конвоев он сейчас ни за что не пойдет. К тому же решение Черчилля /пропуск 3 групп. Запрошено/ Рузвельтом. После первого заседания комиссии я сообщу Вам, какие перспективы намечаются. Тогда Вы сможете принять те или иные решения. Если у Вас есть какие-либо указания к заседанию комиссии /которое будет, вероятно, 3 апреля/, срочите.

31/III-1943 г. МАЙСКИИ.

По истечении времени...

Восточная Европа в советской политике в годы Великой Отечественной войны

А. Ф. Носкова*

В истекшие 20–25 лет в российской исторической науке происходили существенные перемены в понимании прошлого, в том числе и истории отношений со странами Восточной Европы. Процесс осмысления совершался на основе собственного, жизненного и творческого, опыта и благодаря открывшемуся доступу в архивы. Новая информация позволяла научному сообществу, политически активной или заинтересованной части общества проходить «ускоренный курс» усвоения уроков пройденного пути, в том числе советских целей и действий на международной арене.

Страны Восточной Европы, расположенные по периметру границ СССР, а также Югославия и Албания занимали особое место во внешнеполитическом курсе страны и в исторической науке СССР. Это объяснялось объективными обстоятельствами: многовековое соседство государственных территорий, общие славянские корни титульных этносов в ряде стран региона. Напоминанием служили рожденная в XIX веке идея «славянской взаимности»¹ и славянский сегмент населения «внутреннего» и «внешнего» приграничья неславянских государств. Играли роль традиции сосуществования «малых» славянских этносов в многонациональных странах и некая духовная, в основном православная, «родственность» со славянским зарубежьем титульного населения, например румынского.

Все вместе взятое определяло отдельное геополитическое место Восточной Европы на континенте, формировало здесь зону приложения, взаимодействия и столкновения противоречи-

вых интересов крупных европейских государств, а в годы мировых войн и США, создавало конфликтную атмосферу национально-политического и международного напряжения.

Для советского руководства, обремененного идеологическими постулатами монополично правившей компартии и недеклалируемыми территориальными претензиями к ряду «малых» соседних стран, Восточная Европа представляла особый внешнеполитический интерес. После Первой мировой войны, в условиях революционного подъема в Европе, реализация приоритетных интересов государства с новым общественным строем виделась в продвижении на Запад идеи социализма и применения советского опыта. Однако в реальной политике Москвы откровенно идеологическая составляющая ее намерений уже в 20-е гг. смещалась на политическую периферию. Определяющей тенденцией выступала задача обеспечить безопасность страны на западном направлении путем обретения геополитического влияния в центре и на востоке континента.

В связи с неисполнимостью в 30-е годы идеи создания института коллективной безопасности с участием СССР, а также в связи с изоляционным симптомом в политике западных держав, поданным Москве из Мюнхена осенью 1938 г., акцент делался на тезисе враждебного окружения СССР, рассчитанном прежде всего на потребление в стране. Одновременно прилагались усилия к тому, чтобы избежать участия СССР в большой «внутренней» войне западного мира. С началом Второй мировой

* Альбина Федоровна Носкова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

войны определяющей целью внешней политики все больше становился вопрос послевоенной геополитической безопасности СССР вместе со странами Восточной Европы.

Для западных держав — создателей геополитической карты Восточной Европы по итогам Первой мировой войны, озабоченных собственной безопасностью, восточноевропейская территория виделась в межвоенное время «санитарным кордоном», ограждавшим континент от влияния СССР и одновременно служившим препятствием советскому участию в европейской политике. Власть набиравшей силу нацистской Германии рассматривала «малые» страны востока и юго-востока Европы как стартовую зону борьбы за «жизненное пространство» германской расы и мировое господство.

Геополитические цели «малых» стран в ту пору не были консолидированными. Одни стремились наладить отношения с Германией, другие безуспешно пытались объединиться в интересах нейтрализации угрозы и с Запада (Германия), и с Востока (СССР). Между 1 сентября 1939 г. и 22 июня 1941 г. действовавшие в эмиграции правительства Польши и Чехословакии, захваченных гитлеровцами, возобновили попытки создать региональный инструмент безопасности региона после войны. Но идея конфедерирования выглядела малопродуктивной по причине несовпадающего отношения лидеров этих стран к союзу с СССР и разной мере их заинтересованности в объединении.

После 22 июня 1941 г. ситуация принципиально изменилась. Общность цели — борьба с Германией — рождала широкую коалицию, включая СССР. Этот факт изменял и геополитическое предназначение восточноевропейского «пространства». Движение процессу определения его роли в послевоенной Европе придали поддержка Советского Союза, выраженная У. Черчиллем и Ф. Д. Рузвельтом летом 1941 г., сопротивление Красной армии войскам вермахта, ее крупная победа под Москвой и предложенная в декабре 1941 г. Сталиным схема советско-польской и польско-германской границ, ставшая важнейшим элементом послевоенной реконструкции континента. Проект региональной конфедерации «малых» стран не обретал перспективы как из-за нараставших непреодолимых разногласий между лидерами Польши (В. Сикорский) и Чехословакии (Э. Бенеш) в понимании роли СССР в войне и определении геополитической судьбы региона, так и из-за негативной реакции советского руководства.

К концу 1943 г. прояснилось единодушное мнение «Большой тройки» о предназначении региона быть барьером от повторной германской агрессии. СССР доставалась роль гаранта безопасности и мира в регионе. В конечном счете, благодаря победам Красной армии, общими военно-политическими усилиями великих держав, через противоречия и компромиссы, состоялось превращение замысла в реальность. СССР становился одной из великих держав мирового сообщества, а Восточная Европа сферой его геополитического контроля, в чем Москва видела достаточное условие обеспечения генерального интереса государства, а именно его безопасности.

На обоснование этой стратегической цели средствами идеологии и конкретно-историческими материалами, на оправдание непомерно высокой цены, заплаченной в годы войны за ее достижение, и была направлена советская историография. Она лишь воспроизводила, как правило, достоверный, но отретушированный и идеологически ранжированный фактографический ряд событий без соотнесения их с ситуацией в странах региона и в отрыве от объективных возможностей собственной страны.

С распадом СССР, с исчезновением просоветского геополитического «пространства» в Восточной Европе становилась неактуальной выстроенная советскими историками модель внешней политики в военные годы. В России начался этап верификации национально-государственных интересов, включая инструменты их внешнеполитического обеспечения. В новой ситуации определялось место увеличившегося территориально «внешнего» восточноевропейского региона в стратегии и внешнеполитической деятельности России. Согласно новым знаниям и объективным условиям в стране, совершался критический анализ допущенных ошибок в отношениях с союзниками по советскому блоку, действовавшему более 40 лет. Пересматривались концептуальные установки и субординация целей в этой части зарубежья. Одновременно в отечественной историографии происходил процесс освобождения от советских идеологических догм.

Исторически корректное отражение внешней политики СССР в Восточной Европе формировалось в постсоветской историографии постепенно. Первой попыткой дать отчасти обновленное толкование роли СССР в истории стран Восточной Европы стали однотомные обобщающие коллективные моно-

графии — «Краткие истории с древнейших времен до наших дней» Болгарии (1987), Румынии (1987), Чехословакии (1988), Венгрии (1991), Албании (1992), и Польши (1993). Хотя авторскими коллективами руководили признанные ученые — Г. Г. Литаврин, В. Н. Виноградов, А. Х. Клеванский, Т. М. Исламов, Г. Л. Арш, В. А. Дьяков, — книги готовились в условиях, когда отечественные архивы только открывались и процесс осмысления прошлого лишь начинался. Наибольшие сложности ожидали авторов разделов, посвященных внешней политике СССР межвоенного времени, периода Второй мировой войны, а также первого послевоенного десятилетия для стран, находившихся в составе советского блока. Удавалось тогда не все. Серьезные пробелы в обеспечении достоверными источниками в знании не позволяли объяснять «забытые» или «спрятанные» ранее события.

Несколько лучше обстояло дело с качеством текстов в «Краткой истории Польши», которая вышла в 1993 г. и замыкала всю серию. В отечественной науке уже были внесены коррективы в толкование политики на польском направлении, пересматривались оценки советско-германского пакта 1939 г., признана ответственность НКВД за расстрел в 1940 г. пленных польских военнослужащих, констатировался сложный антигитлеровский и антисоветский политический облик многоликого военно-политического подполья, признавался вклад Армии Крайовой в общую борьбу с гитлеровцами. Однако в книге присутствовали и прежние интерпретации. Дань прошлому сказывалась в оценках деятельности коммунистического подполья, в «сглаживании» военной и политической роли СССР в процессе утверждения новой власти в Польше. Тем не менее книга, вместе со всей серией, состоялась как переходный научный труд, отразив актуальную ситуацию в сообществе историков.

На рубеже 80–90-х годов и в начале XXI века главной формой научной жизни российских специалистов по истории восточноевропейских стран и роли СССР в этой истории были дискуссии, конференции по общим темам и конкретным вопросам. Так, с 1988 г. в формате «круглого стола» обсуждалась, как тогда казалось, менее политически уязвимая проблема антифашистского движения Сопротивления в странах региона. Акцент делался на анализе советского воздействия на формирование политических целей, облика и размежевания в движении. Со-

хранялась, правда, подчеркнута преувеличенная роль в Сопротивлении прокоммунистических политических структур и партизанских отрядов. Итогом стала книга, подготовленная в основном сотрудниками Института славяноведения РАН². Ее следует в той же мере, что и предыдущие, отнести к переходным работам.

Понятно, что научный интерес в ту пору концентрировался на тех вопросах, которые прежде цензурировались, их толкование задавалось не научными изысканиями, а руководством страны или политическими предпочтениями ученых. В истории региона к таким вопросам, безусловно, относили события, связанные с последствиями пакта Риббентроп — Молотов и внешнеполитической деятельностью руководства СССР на начальном этапе Второй мировой войны, когда жертвами германской агрессии стали страны восточноевропейского региона. Первые итоги размышлений ученых отражены в сборнике статей «Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (1989). Заслуживает быть отмеченной в этой связи книга «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления» (2007). В ней опубликованы материалы «круглых столов», прошедших в Институте славяноведения в 1989–1990 и 2000–2002 гг. Работу открывает обширная статья С. З. Случа, где критически анализируется историография времен «перестройки». Издательство «Наука» в аннотации к книге представило позицию Случа как «современный взгляд на события 1939–1941 гг.». Правда, были тогда, как есть и сегодня, современные, но иные взгляды. Дискуссии продолжаются.

Останавливаясь на историографии названного периода, надо подчеркнуть, что такой временной «старт» и отраженный в историографии повышенный интерес к событиям между августом–сентябром 1939 г. и июнем 1941 г. совершенно естественны. С этим временем неразрывно связано содержание внешней политики СССР в отношении региона после 22 июня 1941 г. Между двумя этапами «большой войны» не было «пропасти» в истории, нет ее и в исследованиях войны Великой Отечественной.

Дискуссии рубежа XX и XXI веков показали многообразие тематики и порой существенные расхождения в оценках учеными советской внешней политики. Это многообразие отражено в коллективных трудах и сборниках статей, изданных в России за последние 20–25 лет. Кни-

ги прямо касаются восточноевропейского региона, или он расположен «внутри» тематически широких обобщающих работ³.

Неполный их перечень дает основания говорить, что сложился коллектив ученых, интерес которых концентрируется на особенностях советской внешней политики в регионе. Исследования академика А. О. Чубарьяна, работы докторов и кандидатов наук О. А. Ржешевского, М. М. Наринского, В. С. Парсадановой, Л. Н. Нежинского, Т. М. Исламова, В. В. Марьиной, М. И. Мельтюхова, Н. С. Лебедевой, Л. Я. Гибианского, С. З. Случа, И. С. Яжборовской, А. Ф. Носковой, Г. П. Мурашко, Т. В. Волокитиной, А. С. Стыкалина, Т. А. Покивайловой, Е. Л. Валевой, В. А. Нежежина, Ю. Л. Дьякова, Н. В. Васильевой, В. А. Гаврилова, Т. С. Бушуевой, Л. П. Колодниковой и многих других авторов составляют основу книг, сформированных из проблемных статей, как правило, монографического свойства. Так общими усилиями закладывались основания в современную российскую концепцию советской внешней политики в годы войны, из «небытия» извлекались замыслы и подлинные результаты деятельности руководства СССР, в том числе относительно стран и народов Восточной Европы.

Многочисленные публикации документов советского времени из архивохранилищ России, обсуждения в научном сообществе способствовали разработке ранее выведенных из научного поиска проблем советской внешней политики, переосмыслению комплекса действий руководства СССР, его целеполагающих установок, промежуточных и стратегических задач. Происходил переход исследований на уровень монографий⁴. В этом формате изучению вновь подвергался этап, предшествовавший началу Великой Отечественной войны. Ученые тщательно выявляли просчеты советского руководства, раскрывали подлинные интересы западных держав, намерения и ошибки лидеров «малых» стран региона, повлекшие за собой национальные трагедии кануна и времени войны. С изъятиями в советской политике они связывали движение Германии к нападению на СССР и причины крупного поражения Красной армии летом–осенью 1941 г.

К настоящему времени из архивной «тишины» извлечен почти весь комплекс событий, предшествовавших заключению пакта Риббентроп — Молотов, и его последствий. На добротной документальной основе исследуются причины подписания Москвой документа, до сих

пор не имеющего единодушных оценок. Среди российских ученых бытуют как полярные суждения, так и мнения более сложные. Далеко не все специалисты согласны с исключительно негативной оценкой пакта, нанесшего, как полагают, например, С. З. Случ, Н. С. Лебедева, И. С. Яжборовская и др., лишь вред СССР с точки зрения его международного имиджа, кратко- и долгосрочных внешнеполитических интересов, идеологических целей, текущих и будущих отношений с рядом «малых» государств. Специалисты полемизируют с таким подходом к событию кануна войны, эквивалентному по последствиям для стран Восточной Европы договоренностям западных держав с Гитлером в Мюнхене осенью 1938 г.

Не склонен к категоричным выводам и однозначным оценкам действий СССР летом–осенью 1939 г. академик А. О. Чубарьян. Отмечая стратегические просчеты и созвучные внешнеполитической атмосфере того времени моральные изъятия этого шага руководства СССР, он относит к тактическим выгодам пакта с Гитлером неожиданную «на определенном отрезке времени» перспективу утвердиться в Восточной Европе, при этом «оставаясь как бы в стороне от военного противостояния»⁵.

Выводы многих ученых опираются на всесторонний анализ основной тенденции в советской внешней политике до 22 июня 1941 г. — любой ценой избегая участия в войне, не допустить консолидации Европы без учета интересов СССР. В этой связи анализируется политика западных держав и Польши, элита которой «не разглядела» в приоритетной тенденции советского курса отложенного во времени национального интереса своей страны. Как элемент эпохи исследователи отмечают имевшую место, не всегда открытую, «встречную» взаимную враждебность некоторых государств восточноевропейского региона и СССР, что, несомненно, воздействовало на планы и дела людей, подписывавших договоры и формировавших ситуацию в Европе накануне 22 июня 1941 г.

Стремлением не маскировать негативные и не преувеличивать позитивные результаты пакта с Гитлером отличаются работы ряда отечественных историков. Заслуживают быть упомянутыми новейшие исследования, авторы которых соотносят действия Сталина летом 1939 г. с текущими задачами обеспечения безопасности СССР. М. М. Наринский видит в этих действиях тактический выигрыш при стратегическом просчете ставки на сотрудничество с Германией.

В. С. Парсаданова приходит к выводу, что летом 1939 г. «СССР стремился избежать вовлечения в войну, сохранить тогда польское государство... отвести угрозу, направив германскую агрессию на Запад». Это, как известно, удалось в краткосрочной перспективе, отношение же Сталина к сохранению польского государства изменилось в сентябре, когда Красная армия заняла восточные воеводства Польши⁶.

Сторонником выдвигания на первый план позитивных для СССР последствий пакта, события, столь резкого по воздействию на ситуацию в Европе и не ставшего препятствием для 22 июня 1941 г., является М. И. Мельтюхов. Он расценивает советско-германский договор о ненападении «как значительный успех советской дипломатии». Иное дело — договор от 28 сентября 1939 г., который в российской историографии почти единодушно расценивается как ошибочный. Мельтюхов разделяет те суждения, которые есть в отечественной науке: раздел довоенной территории Польши произошел, но СССР не приобрел этнически польских земель, что соответствует действительности⁷. Он лишь восстановил «историческую справедливость», соединив разделенные границей украинский, белорусский и литовский народы, выступил «в качестве третьей силы, действующей в собственных интересах»⁸.

В таких заключениях, несомненно, есть рациональное зерно, если не учитывать интересы тех государств, целостность и независимость которых разрушалась силой. Если же учитывать, то понятно, почему в «исторической памяти» поляков, румын, народов бывшей советской Прибалтики этот договор остается символом сговора двух диктаторов и двух виновников войны, а в «исторической памяти» украинцев и белорусов его оценки разные, в том числе и другие⁹.

Эта неоднородная «память» о прошлом активно эксплуатируется новой государственной элитой стран Восточной Европы, превращает исторический факт в инструмент актуальной внутренней и внешней политики, что не всегда способствует благожелательным отношениям современной России с соседними странами.

На новых документах российские историки изучают иные события и обстоятельства политики Москвы, такие, например, как долгосрочные внешние и внутривосточные последствия польско-советской войны 1920 г.¹⁰ Среди них отметим для России отложенную во времени проблему Западной Украины и Западной Белоруссии, для Польши — националь-

ную эйфорию после «чуда на Висле» и консолидацию нации на основе национализма и антисоветизма. Отметим формирование на этнически не польских землях очага украинского национального движения и сепаратизма, угрожавших ее территориальной целостности. Отметим возникновение потенциально конфликтной зоны на границе двух стран и появление разного по содержанию территориального фактора во внешней политике двух стран, а также ООН в качестве «третьей» силы¹¹. Отметим советскую партийную пропаганду как инструмент политики внутренней и внешней. Эти и некоторые другие «производные» войны 1920 года, кажущиеся упомянутыми «не к месту», на самом деле воздействовали на долгосрочные цели руководства СССР, позволяли историкам продвигаться к объективным оценкам сложного содержания советской политики в годы войны.

Известно, что отношения Советского Союза с Чехословакией и Югославией, а также с Румынией были поначалу разрушены развитием внешнеполитической ситуации в Европе. Без объявления сторонами состояния войны были прерваны отношения с Польшей. Для СССР основанием служила международная норма (*rebussicantibus*), допускавшая вследствие «коренного изменения ситуации» военные действия Красной армии в сентябре 1939 г.¹² С началом Отечественной войны межгосударственные контакты были восстановлены с правительствами этих стран, сформированными в эмиграции.

В советское время история их двусторонних отношений не была обойдена вниманием ученых, но преобладала критическая тональность в адрес польского правительства. Основные усилия историков были тогда направлены на описание процесса создания компартиями оккупированных Польши, Чехословакии, Югославии и Албании подпольных политических организаций и партизанских отрядов, на разоблачение фашистских, как тогда полагали, политических режимов в Венгрии, Румынии и Болгарии. Много писали о формировании во всех странах региона антигитлеровских и антифашистских национальных фронтов, об освобожденной миссии Красной армии в Восточной Европе в 1944–1945 гг. и возникновении власти, где решающими позициями располагали коммунисты¹³.

Начавшееся с середины 80-х годов открытие российских архивов и освобождение уче-

ных от идеологических предписаний позволило создавать работы, отвечавшие научным требованиям максимально правдивого воссоздания событий военного времени и разносторонней советской политики в отношении оккупированных гитлеровцами или зависимых от них стран. Появились монографические исследования, книги и статьи, воспроизводившие отношения СССР с правительствами в эмиграции, историю выхода стран-сателлитов из союза с Германией и урегулирования отношений с СССР¹⁴.

Нет возможности перечислить многие десятки книг и статей, опубликованных в настоящее время российскими специалистами по восточноевропейскому региону. Так в отечественной науке создавался задел для глубоких исследований всех проявлений советского воздействия на историю стран Восточной Европы, в том числе долгосрочных советских целей, оформление которых начиналось во время войны и завершалось в первые послевоенные годы. В результате сложилось многоаспектное исследовательское направление, получившее собирательное наименование *советский фактор в странах Восточной Европы*. Это широкое понятие вмещало в себя ряд крупных исторических, весьма сложных и неоднозначных сюжетов, трудных для объяснения и восприятия в СССР/России и регионе как в прошлом, так и настоящем.

К ним относятся тесно связанные между собой:

- геополитические и геостратегические интересы СССР в регионе в обстановке перехода Европы от войны к миру;
- различные использованные Москвой инструменты утверждения советского влияния;
- участие СССР в организации многопартийной национальной власти, и прежде всего силовых структур;
- внутриполитическая борьба за ее облик;
- присутствие советских войск и обеспечительные меры сохранения коммунистами решающих властных позиций;
- роль советского руководства в рождении советского, или восточного, военно-политического блока.

Изучение отечественными учеными комплекса этих ключевых проблем представлено в настоящее время рядом авторских и коллективных монографий¹⁵, а также многими десятками монографических статей, публикация которых предшествовала, сопровождала или была

резонансом выходу крупных и фундаментальных работ, сопровождала их выход или была откликом на него¹⁶.

Отметим некоторые в разной мере разработанные на сегодняшний день важные научные проблемы: внутреннее положение в регионе в военное время; развитие двусторонних отношений «малых» стран с СССР; облик и национальная специфика движения Сопротивления в оккупированных и зависимых от Германии странах; деятельность коммунистов в условиях оккупации и эмиграции и переход компартий с общественной периферии в начале Отечественной войны в центр политической жизни в 1944–1945 гг. при поддержке СССР. Многие из перечисленных работ коллег по профессии предстают как небольшие по объему, но законченные исследования того или иного исторического факта, события, эпизода ушедшей войны. На конкретных материалах исследуются геостратегические интересы СССР в Центральной Европе и на Балканах; выявляются замысел и причины поражений двух крупных антигитлеровских восстаний в горах Словакии и в Варшаве; дается основанная на документах, максимально приближенная к объективной оценка замысла руководителей восстаний, действий советского руководства в отношении повстанцев, в том числе боевых возможностей 1-го Белорусского фронта взять Варшаву в августе–сентябре 1944 г.¹⁷

На национальном материале историки отвечают на вопросы, ставшие актуальными в наше время. Такие, например: как воспринимало население освобожденных Красной армией стран пришедшие советские войска, оккупантами или освободителями; всегда ли достойно вели себя советские солдаты за рубежом; только ли освобождение от гитлеризма и спасение жизни принес народам Восточной Европы советский солдат? Ответы на эти непростые вопросы прозвучали на международной конференции «Образ СССР в зарубежной Европе в 1945 г.», которая состоялась в МГИМО(У) в марте 2010 г., и опубликованы в виде статей российских и зарубежных ученых. Восприятие советского солдата в Болгарии, Румынии, Югославии и роль советской пропаганды в годы войны неоднократно рассматривались в статьях Т. В. Волокитиной¹⁸.

Правдивые ответы на подобные вопросы были невозможны в советской историографии. В новых российских условиях они обсуждались во время подлинно научных свободных дис-

куссий 1990-х годов — начала XXI века. Судя дело к его сути, констатируем, что главным предметом острых дискуссий среди российских (и зарубежных) ученых в 90-е годы были: национально-государственные интересы СССР в понимании советского руководства, его внешнеполитические действия по реализации этих интересов в Восточной Европе, облик власти и характер режима, установленного в регионе на рубеже войны и мира. Громче других звучал центральный вопрос о воздействии советского фактора на их характер в 1944–1945 гг. Он состоял из целого ряда «уточняющих» вопросов.

Мнения ученых на этот счет, звучавшие в 1990-е годы в дискуссиях и научных публикациях, можно сгруппировать и в основном свести к двум точкам зрения.

Сторонники одной из них (Л. Я. Гибианский, В. К. Волков, А. В. Карпов, И. С. Яжборовская) считали, что идеология, классовые принципы определяли намерения и реальную политику советского руководства независимо от конкретных национальных обстоятельств и международных обязательств СССР перед антигитлеровской коалицией. Они настаивали, что политика Москвы изначально была направлена на коммунизацию или советизацию и вела к установлению советского общественного строя в странах Восточной Европы. Так, в 1990-е гг. Л. Я. Гибианский писал, что на 1943 и 1944 гг. «пришелся не только процесс складывания концепции „социалистического лагеря“, но и начало ее реализации». Автор связывал это с «качественным» изменением ситуации летом–осенью 1944 г., когда советские войска пришли в Восточную Европу и «в силу вступил новый, военный фактор, который оказал решающее воздействие на дальнейший ход событий», и именно он обеспечил приход к власти коммунистов, которые опирались на «собственное военно-политическое превосходство» в одних странах (Югославия), или их преобладание во власти обеспечивалось советским военным присутствием в других странах (Польша). Здесь, констатирует Гибианский, «внешнему фактору принадлежало определяющее значение в решении вопроса о том, какие силы придут к власти в момент освобождения от фашистской оккупации», и делает вывод: «Тень тоталитаризма сразу же нависла над политическим строем только рождавшейся „народной демократии“»¹⁹.

При таком подходе, на наш взгляд, выводятся за скобки те принципы общественного

устройства, которые были налицо в регионе в первые послевоенные годы (система связи с обществом через многопартийность, коалиционный облик правительств, сформированных в 1944–1945 гг. реальная политическая борьба за власть и внешнеполитическую ориентацию с элементами борьбы вооруженной в отдельных странах, буржуазно-демократические преобразования в экономике, социальной и культурной сферах, далеко не советская модель отношений с преобладавшими церквями), но не укладываются в принятый наукой образ тоталитарной власти и характер общества. Сохранение этих «рудиментов» прошлого Л. Я. Гибианский и его единомышленники объясняют лавированием и примитивным обманом населения коммунистами, относят лишь к тактике, камуфляжу, уловкам, спектаклям, коммунистической пропаганде²⁰. В своих утверждениях они игнорируют действие «внешнего», западного, фактора на развитие общественных процессов в регионе. Абсолютизированное ими «внутреннее» советское присутствие, как они полагают, и обусловило изначальную обреченность региона на социализм советского типа, независимо от общественных позиций и настроений.

Истины ради надо отметить, что позиция активного представителя такого понимания ситуации в регионе Л. Я. Гибианского претерпела некоторую эволюцию. В более поздних работах он пишет, что в политике руководства СССР и лично Сталина присутствовали, «сливаясь в единое целое», два компонента: идеологически мотивированное распространение коммунистической власти за пределами СССР и геополитическая задача — обеспечить безопасность советских границ. Автор теперь различает две модели советизации стран региона: форсированную в Югославии и Албании и «растянутую», несоветскую по форме советизацию в других странах, что объясняется политической мимикрией коммунистов²¹.

Такая корректировка позиции может быть перспективной, но возникают новые вопросы. Например, что такое советизация, «несоветская по форме»? Всегда ли за решением проблемы безопасности границ СССР и сферы его влияния на том или ином участке следовала советизация?

Сторонники иной точки зрения (Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. А. Покивайлова) учитывают влияние советского фактора в Восточной Европе, но считают, что нет достаточных оснований говорить о «слиянии»

в действиях Москвы хотя бы в равной мере идеологических задач (распространения социалистического строя в конкретном регионе) с геополитическими целями (исключением внешней угрозы вообще). Можно привести примеры, когда в сфере своего влияния Москва в конечном итоге ограничивалась решением геополитических задач (Австрия, Финляндия).

Опираясь на документы высшего эшелона советской власти, изучая его реальные политические установки, эти авторы не видят оснований говорить об изначальной обреченности всего региона на советизацию. Они полагают, что на рубеже войны и мира в субординации внешнеполитических приоритетов советского руководства было сохранение взаимодействия с партнерами по коалиции, а вовсе не социалистическая перестройка, тем более мировая революция. Основным приоритетом в национально-государственных интересах выступало обеспечение послевоенной безопасности страны, в том числе посредством создания «пояса» из дружественных (по терминологии тех лет) сопредельных государств. В этом виделось надежное средство защиты от возможного повторения, как тогда считали, новой германской агрессии, обеспечения целостности страны и безопасности стран региона, гарантом чего выступал СССР. Все то, что активно вставало на пути, подавлялось политическими и силовыми инструментами. При таком подходе, пишет Т. В. Волокитина, «проблема безопасности приобрела фактически аксиоматический характер и явилась основой стратегического курса СССР»²².

Второй основной аргумент этих историков состоит в утверждении, что советская сторона при реализации своего приоритетного интереса учитывала сложные позиции каждого конкретного общества и обусловленную тем меру своих возможностей²³. Поэтому Москва содействовала созданию, безусловно, невраждебной СССР, хотя идеологически вовсе «неродственной» коалиционной власти. В ней участвовали разные силы, объединенные общей программой преобразований в соответствии с социальными запросами большинства населения. Опубликованные документы того времени дают этим историкам основания считать, что целью советского военно-политического пребывания в регионе не было намерение установить свою оккупационную администрацию или насадить советский опыт, используя военную силу или политический приказ компартиям. По их мнению, идеологическая составляющая в политике

СССР (классовое содержание власти и изменение общественного строя) ряд лет имела в регионе явно подчиненный характер²⁴.

В обоснование этой позиции приводятся конкретно-исторические материалы, которые свидетельствуют о последовательном стремлении Москвы, передавая везде разную долю власти своим классовым союзникам — коммунистам, не вызывать социальные противостояния и политические конфликты, разрешаемые лишь принуждением. Эти материалы позволяют рассматривать тактику демократических блоков как форму объединения во власти различных политических сил, принимавших новую роль СССР и участие коммунистов во власти. Социально-политический компромисс, этот антипод классовой конфронтации и основной способ обеспечить внутреннюю стабильность для восстановления и развития региона, был ключевым словом в рассуждениях Сталина, который располагал опытом сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции и переносил его на внутреннюю жизнь стран Восточной Европы. Идея компромисса лежала в основе концепции «национальных путей к социализму». В этом состояло, по мнению сторонников второй точки зрения, принципиальное отличие режима народной демократии от советского типа власти. Даже весьма высокая доля участия компартий во власти, настаивают они, не являлась еще определяющим признаком, а была лишь возможной предпосылкой советизации, если под этим термином понимать советскую модель организации власти. Утверждение иного общественного строя, резюмируют историки, пришлось на следующую эпоху, когда с исчезновением общего врага разрушилась военно-политическая коалиция великих держав и в их политике оформилась другая целеполагающая установка: идеология стала играть первостепенную роль в определении стратегии. Советизация и «стягивание» стран региона в военно-политический блок были признаны в Москве и компартиями стран региона решающим условием их общей безопасности²⁵.

Таким образом, постепенно среди специалистов по истории Восточной Европы наметились заметные шаги к сближению, которые заслуживают внимания с точки зрения поиска научной истины. Сторонники оценки народно-демократического режима как многопартийного для переходного общества все активней вводят в свои аргументы геополитические мотивы намерений Москвы. Сторонники же мне-

ния о преобладающем влиянии идеологии на ее действия в регионе соглашаются, что замыслы советского руководства и компартий стран региона развивались, приспособляясь к обстановке и переменам в политике великих держав. Это означает, что обсуждение учеными времени народной демократии в Восточной Европе все еще имеет место.

В ходе дискуссий российскими историками был поднят и в разной мере исследован ряд проблем, находившихся в советской историографии на периферии как идеологически оформленные факты. К ним относится принудительное перемещение крупных этнических групп коренного населения в результате изменения границ и территорий, прежде всего за счет потерпевшей поражение Германии. Теперь это одна из актуальных научных проблем. Как полагают исследователи, при реконструкции карты Восточной Европы победители стремились, наказывая Германию, исключить и существование национальных меньшинств, чтобы предотвратить внутри- и межгосударственные противоречия в регионе. Решением проблемы служили массовые принудительные депортации (выселения, переселения, эвакуации, перемещения, оптации или обмен населением). Они затронули судьбы многих миллионов немцев, поляков, украинцев, венгров, словаков, сербов, румын и других народов.

К настоящему времени эта проблема рассматривается отечественными авторами ряда индивидуальных и коллективных монографий²⁶. На конкретно-историческом материале рассматривается важная, если не решающая, геополитическая роль СССР в послевоенной реконструкции региона. Заслуживает быть отмеченной по этому поводу коллективная монография «Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948». В ней не только охвачен весь регион, включая СССР, но и представлены такие аспекты межгосударственных отношений, на которые в советские времена был наложен запрет, например их «турецкий» или «македонский» сегменты на Балканах.

В многочисленных статьях монографического характера приводится новый документальный материал истории национально-территориальных конфликтов и способов их разрешения²⁷. Анализируются проекты, которые создавались в эмигрантских правительствах стран Восточной Европы, исследуются с этой точки зрения материалы заседаний глав антигитлеровской коалиции. Ученые отмечают

геополитическую заинтересованность СССР в перемещении немецкого населения из Польши, Чехословакии и Венгрии на территорию послевоенной Германии и прямое в этом его участие. Ставятся вопросы, которые в советские времена не звучали, в научный оборот вводятся новые документы. Они воспроизводят атмосферу во многом объяснимой необычайной жестокости, с которой происходили переселения немцев из Польши и Чехословакии, и трагизм положения тех сотен тысяч поляков, которые оставляли землю предков, переезжая из СССР в Польшу, украинцев, белорусов, двигавшихся в обратном направлении.

В научной литературе констатируется, что моральный фактор, а именно права человека и гуманитарные условия переезда на новые места жительства, на деле не исполнялись. Историки утверждают, что для тех, кто выселялся, это были операции порой войсковые, для тех, кого выселяли, — нравственные и физические страдания, в том числе гибель. Из научных разработок следует, что таким путем и такой ценой была достигнута стабильность государственных границ большинства стран региона при смене политических режимов на рубеже XX–XXI веков²⁸.

До недавнего времени общественная функция церкви в военные годы, церковная политика пришедших в 1944–1945 гг. к власти в странах Восточной Европы правительств с участием коммунистов, отношение церковей разных конфессий к этой власти оставались вне научного поиска историков. Ситуация поправилась с первыми дискуссиями в Институте славяноведения на рубеже XX и XXI вв., с выходом в свет специальной монографии, ряда сборников и отдельных статей. Пожалуй, впервые в отечественной науке объектом исследования стало советское воздействие на процесс оформления государственно-церковных отношений на рубеже войны и мира²⁹.

Объектом исследования Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко и А. Ф. Носковой³⁰, основанного на изучении национальной литературы по этому вопросу и результатах многолетних изысканий в архивах, является конкретно-исторический материал, раскрывающий историю взаимоотношений власти и церкви в регионе. Точкой отсчета послужило время войны и оккупации, когда обнажились разные патриотические или приспособленческие, а то и антипатриотические позиции священнослужителей. Начиная с весны 1944 г., полагают авторы, Москва и лично И. В. Сталин участвовали в опре-

делении и затем в проведении компартиями региона курса на компромисс и одновременно давление на церковные власти, включая применение репрессий в отношении активных противников власти из рядов священнослужителей в католических Польше, Чехословакии, Венгрии, православных Румынии и Болгарии, а также римо-католиков Югославии. Специальное внимание исследователи уделяют представлению той идейной, моральной и фактической поддержки, которую оказывали священнослужители Украинской греко-католической церкви участникам ОУН–УПА, пытавшимся при поддержке Германии силой решить проблему создания «Соборной Украины». Обоснованно утверждается, что постепенно в регионе на рубеже 40–50-х годов сложилась модель государственно-церковных отношений, свойственная тоталитарным режимам, но для ее функционирования история отвела краткое время.

На сегодняшний день история советской политики в Восточной Европе в годы войны объемно и обстоятельно представлена завершенной серией книг «Славянские народы

в XX веке». В этой серии вышли обобщающие коллективные труды: Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003; Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории: В 2 кн. М., 2005; Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011; Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012. Названные коллективные монографии отражают современный уровень научных знаний ведущих отечественных специалистов, понимание ими роли СССР в истории стран Восточной Европы.

Итак, за прошедшие годы российская историческая наука предоставила обществу большой объем доброкачественного конкретно-исторического материала, благодаря чему восприятие советской политики в Восточной Европе перестало быть одноцветным и линейным. Возникло понимание многогранности и противоречивости этой политики, направленной на достижение генеральной цели, а именно — безопасности страны, посредством влияния, контроля и разной меры соотношения советских интересов с интересами стран Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны.

¹ Марьина В. В. Славянская идея в годы Второй мировой войны: (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997; Романенко С. А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX — начало XXI века. М., 2002.

² Советское славяноведение. 1989. № 1; Новая и новейшая история. 1990. № 6; Движение Сопrotивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945 гг. М., 1995.

³ См.: Советские военнопленные и движение Сопrotивления на польских землях в годы Второй мировой войны: Сб. ст. М., 1991; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941 г.). М., 1992; Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994; Другая война, 1939–1945. М., 1995; Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995; Великая Отечественная война: Военно-исторические очерки: В 4 кн. Кн. 3. М., 1999; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941. М., 1999; Война и политика, 1939–1941. М., 2001; Россия — Польша — Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002; Славянский мир в социокультурном измерении. Вып. 1. Ставрополь, 2004; Польша — СССР, 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; Россия в XX веке. Война 1939–1945 гг.: Современные подходы. М., 2005; «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО-Университет. М., 2009; Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006; Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010; Славянский мир в поисках идентичности. М., 2011; Великая Отечественная война. 1941 год. М., 2011; Великая Отечественная война. 1942 год. М., 2012; Великая Отечественная война. 1943 год. М., 2013; Великая Отечественная война. 1944 год. М., 2014; Великая Отечественная война. 1945 год. М., 2015.

⁴ См.: Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992; Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; Васильева Н. В., Гаврилов В. А. Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941: (Документы. Факты. Суждения). М., 2000, 2002 (2-е изд.); Марьина В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003; Васильева Н. В., Гаврилов В. А., Миркинский В. А. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005; Мягков М. Ю. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях, 1941–1945. М., 2006; Невежин В. А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда 30–40-х годов. М., 2007; Яковлева Е. В. Польша против СССР, 1939–1950. М., 2007; Мартиросян А. Б. На пути к мировой войне. М., 2008; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина: Схватка за Европу, 1939–1941 гг. М., 2008; Широкоград А. Б. Непримириное соседство. М., 2008; Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008; Марьина В. В. СССР и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны: В 2 кн. М., 2007. Кн. 1: 1939–1941 гг.; Марьина В. В. Советский Союз & Чехословакия, 1939–1941: Очерки истории: Документы, факты, комментарии. Электронная книга, 2012; Марьина В. В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. М., 2013; Покивайлова Т. А., Исламов Т. М. Трансильванский вопрос, 1940–1946. Клуж-Напока, 2013; Борисенко Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013.

- ⁵ Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 30–31.
- ⁶ Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012. С. 269. «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО-Университет. М., 2009. С. 65, 42–44.
- ⁷ В общей численности населения этих территорий в 1931 г. поляки составляли менее 29,3 %; преобладали украинцы — 41,3 %, белорусы — 17 %, евреи — 9,3, прочие — 3,2 %. *Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki, 1939–1959. Atlas ziem polskich.* DEMART. Warszawa, 2008. S. 12, 14.
- ⁸ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 408. Близкой позиции придерживается и украинский историк и юрист В. С. Макачук — автор книги «Государственно-правовой статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование» (М., 2010. С. 43, 87–88, 107, 135–137, 441–442).
- ⁹ Росов О. Операция «Перелом»: Неизвестные подробности гражданского конфликта на Западной Украине // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1; Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. СПб., 2011; Шубин А. Украинский фактор в развитии международной ситуации 1938–1939 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1 (4); Петровская О. Формирование границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1.
- ¹⁰ Михутина И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994; Невежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «наступательных боев», 1939–1941. М., 1997; Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша: синдром войны 1920 г.: 1914–1918–1920–1987–2004. М., 2005; Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008; Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен. М., 2011.
- ¹¹ Несомненным «ответом» на общественный интерес и потребность научного осмысления столь сложной проблемы стала фундаментальная публикация документов из ряда отечественных и зарубежных архивов: «Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы: В 2 т. Т. 1: 1939–1943; Т. 2: 1944–1945» (М., 2012). Рецензию А. Ф. Носковой на это издание см.: Новая и новейшая история. 2013. № 3.
- ¹² Мельтюхов М. «Санитарный кордон»: стратегическая проблема и ее решение // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2012. № 1 (4); Гибианский Л. Я. Советский Союз и сербский военный переворот 27 марта 1941 г.: Историческая действительность, мифы, загадки // Из истории Сербии и русско-сербских связей, 1812–1912–2012. М., 2014; Гибианский Л. Я. Проблема Бессарабии и противоречия между СССР и Румынией в общем контексте территориальных переделов и советско-германских отношений в Юго-Восточной Европе на начальном этапе Второй мировой войны // *Basarabia — 1812. Problemă națională, implicații internaționale: Materialele Conferinței Științifice Internaționale 14–16 mai 2012.* București, 2014.
- ¹³ Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985.
- ¹⁴ См., напр.: Парсаданова В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1982; Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия, 1941–1947. М., 1987; Парсаданова В. С. Советско-польские отношения, 1945–1949. М., 1990; Марьина В. В. Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4; Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001, 2009; Желицки Б. Й. Венгрия в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2004. № 6; Носкова А. Ф. Польша в политике Москвы, 1943–1945 // Польша — СССР, 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; Марьина В. В. СССР и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны: В 2 кн. М., 2009. Кн. 2: 1941–1945; Валева Е. Л. Болгария во Второй мировой войне // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; Восточный блок и советско-венгерские отношения, 1945–1989 гг. СПб., 2010; Парсаданова В. С. Военные годы, 1941–1945 // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.; Марьина В. В. В Словакию через Карпаты: К 70-летию Словацкого национального восстания и Карпатско-Дуклинской операции Красной армии // Россия, XXI век. № 3; Марьина В. В. Э. Бенеш в Москве: шесть бесед с чехословацкими коммунистами (декабрь 1943 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии: Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014; Марьина В. В. Славянская идея в СССР накануне, во время и после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: Историческая память. М.; СПб., 2014; Марьина В. В. Российская историография Второй мировой войны. Конец XX — начало XXI века // Современные историографические исследования в России и Чехии. СПб., 2014; Валева Е. Л. Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне Второй мировой войны // Славянский мир в третьем тысячелетии: Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014; Волостонова Н. В. К вопросу о роли Словацкого национального восстания 1944 года в исторической памяти словацкого народа // Историки-слависты МГУ. Кн. 10: Славянский мир профессора Матвеева. М., 2013; Иванов Ю. В. Очерки истории российско-польских (советско)-польских отношений в документах, 1914–1945. М., 2014; Ганин А. В. Русские генштабисты-эмигранты в годы Второй мировой войны // Славянский мир в третьем тысячелетии: Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014; Гибианский Л. Я. Проекты федерации на Балканах в годы Второй мировой войны и начале холодной войны // Балканы в европейских политических проектах XIX–XX вв. М., 2014; Стыкалин А. С. Советский Союз и проблема урегулирования трансильванского вопроса на заключительном этапе Второй мировой войны и после ее окончания // Яссо-Кишиневская операция: мифы и реалии: К 70-летию освобождения Молдавии и Юго-Восточной Европы от фашистской оккупации. Chișinău, 2014.
- ¹⁵ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в странах Восточной Европы в 1944–1948 гг. М., 1993; У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995; Желицки Б. Й. Регент Венгрии Миклош Хорти // Новая и новейшая история. 1996. № 2–3; Война и политика, 1939–1941. М., 1999; Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. Вып. 2: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. М., 2002; Власть и общество: непростые взаимоотношения: (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008; Носкова А. Ф. Послевоенное десяти-

титетие, 1945–1955: (Режим народной демократии для переходного времени) // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.

¹⁶ См., напр.: Гибианский Л.Я. Балканский узел // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995; Гибианский Л.Я. Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 40-е годы // Холодная война: новые подходы, новые документы. М., 1995; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Создание соцлагеря // Советское общество: возникновение, развитие, финал: В 2 т. М., 1997. Т. 2.; Наринский М.М. Европа: проблема границ и сфер влияния (1939–1947) // Свободная мысль. 1998. № 3; Марьина В.В. «Ворота на Балканы»: Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии, 1939–1941 // Война и политика, 1939–1941. М., 1999; Марьина В.В. Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4; Гуськова Е.Ю. Балканы как отражение геополитических итогов Второй мировой войны // Военный альманах. М., 2005; Носкова А.Ф. Сталин, польские коммунисты и создание ПКНО // Славяноведение. 2008. № 3; Яжборовская И.С. Вовлечение Польши в сталинскую блоковую политику: Проблемы и методы давления на польское руководство, 1940-е годы // Сталин и холодная война. М., 2004; Покивайлова Т.А. Об отношении между Коминтерном и румынскими коммунистами (лето 1941 — осень 1943): Об одной неудавшейся миссии // *Stucii si material de istorie contemporanu. Serie Noua. Bucureşti*, 2003. Vol. 2; Волокитина Т.В. Операция Красной армии на Черноморском побережье Румынии и Болгарии в контексте геостратегических интересов СССР // *Comisia bilaterală istoricilor din România și Federația Rusă: Sesiunea a IX-a. Constanța*, 2005; Марьина В.В. Э. Бенеш: между Лондоном и Москвой: От проекта чехословацко-польской конфедерации к идее советско-чехословацкого договора 1943 г. // Россия XXI. 2008. № 3; Валева Е.Л., Волокитина Т.В. Советский фактор в Болгарии в годы Второй мировой войны: Дискуссионные вопросы болгарской историографии // Славяноведение. 2011. № 3; Валева Е.Л. Болгарский вектор во внешней политике СССР и Германии, 1939–1941 // Великая Отечественная война. 1941 год. М., 2011; Носкова А.Ф. Советско-польские отношения: Интересы, возможности и противоречия, 1941–1942 гг. // Великая Отечественная война. 1942 год. М., 2012; Носкова А.Ф. Польша: проблема границ и территории в дипломатическом дискурсе 1943 г. // Великая Отечественная война. 1943 год. М., 2013; Носкова А.Ф. 1944 год: компромиссы и смена вех в советской политике на польском направлении // Великая Отечественная война. 1944 год. М., 2014; Валева Е.Л. Болгария на заключительном этапе Второй мировой войны // Великая Отечественная война. 1944 год. М., 2014; Покивайлова Т.А. За кулисами переговоров о выходе Румынии из фашистского блока // Великая Отечественная война. 1944 год. М., 2014; Желички Б.Й. Военно-политическая ситуация в Венгрии и гитлеровская оккупация 1944г. // Великая Отечественная война. 1944 год. М., 2014; Стыкалин А.С. Выход Венгрии из войны и западные союзники // Великая Отечественная война. 1944 год. М., 2014; Покивайлова Т.А. Загадка гибели командующего 4-й румынской армии генерала г. Аврамеску // Славяноведение. 2015. № 1.

¹⁷ Алексеев В.М. Варшавское восстание: Варшава в борьбе против гитлеровских захватчиков, 1939–1945. СПб., 1999; Иванов С.Г. Варшавская трагедия 1944 года: виновники истинные и мнимые // Военно-исторический журнал. 1999. № 4; Мельтохов М.И. Место Варшавы в действиях Красной армии летом 1944 г. // Клио. 2002. № 4(19).

¹⁸ Вестник МГИМО-Университет. 2010. № 5(14) (раздел «История»), а также: Носкова А.Ф. Красная армия в Восточной Европе: образы, интерпретации, реальность // Историки-слависты МГУ. Кн. 10: Славянский мир профессора Матвеева. М., 2013; Волокитина Т.В. «Друзья» и «враги» в советской пропаганде военных лет // Россия — Болгария: векторы взаимопонимания, XVIII–XXI вв.: Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010; Волокитина Т.В. Парадоксы историографии: Красная армия в Болгарии осенью 1944 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии: Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011; Волокитина Т.В. Красная армия в Болгарии: образ и реальность // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. М., 2011; Волокитина Т.В. Румыния в советской пропаганде военных лет, 1941–1945 // Материалы XVI заседания Комиссии историков России и Румынии. Клуж-Напока, 2011; Волокитина Т.В. Вчера — противник, сегодня — союзник... Советская военная пропаганда в годы Великой Отечественной войны // *Arhivele totalitarizmu lui / 1–2*, 2011 (на румынском яз.); Волокитина Т.В. «Перо приравнено к штыку!»: Советская печатная пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Славяне и Россия. Славянские и балканские народы в периодической печати: К 90-летию со дня рождения А.А.Улуняна. М., 2014.

¹⁹ У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 16–17, 19, 35.

²⁰ СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине — второй половине 40-х годов // Славяноведение. 1991. № 6; Гибианский Л.Я. Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: Некоторые проблемы исследования и интерпретации новых документов // Славянские народы: Общность истории и культуры. М., 2000.

²¹ Гибианский Л.Я. Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: Споры в историографии и проблемы изучения источников // *Russian Histori — Histoire Rüsse. The soviet global impact: 1945–1991. Idyllwild, California. Vol. 29. 2002. Nos. 2–4. P. 210–111, 214*; Гибианский Л.Я. Форсирование советской блоковой политики // Холодная война, 1945–1963 гг.: Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 142.

²² Волокитина Т.В. Сталинизм в Восточной Европе в 40-е годы XX века: К проблеме изучения: (Дискуссионные аспекты) // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития: Материалы Всероссийского совещания славистов. М., 2005. С. 32–38; Носкова А.Ф. Геополитические планы СССР и трагедия Армии Крайовой // *Studia Slavica — Polonica: K 90-летию И.И. Костюшко*. М., 2009. С. 217.

²³ В этой связи можно привести мнение одного из самых вдумчивых польских исследователей истории Польши в период войны и первые послевоенные годы: «Каким было польское общество после пятилетней войны и оккупации — вот вопрос, который должен быть поставлен, когда изучаешь историю формирования коммунистической системы власти. Независимо от внешних условий, созданных международными договорами и непосредственно от присутствия Красной армии в Польше общество, его состояние, позиции и поведение решающим образом воздействовало на характер политических процессов. Нельзя понять событий того времени без осознания положения в момент окончания войны, в котором находилось 24 млн поляков» (Kersten K. *Narodziny systemu władzy. Polska, 1943–1947*. Warszawa, 1985. S. 119).

- ²⁴ См. подр.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественные процессы в странах Восточной Европы в 1944–1948 гг. М., 1993; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа: Становление политических режимов советского типа, 1949–1953: Очерки истории. М., 2002. С. 27–60; М., 2008. С. 31–64.
- ²⁵ Подр. см., напр.: Носкова А.Ф. Октябрьская революция 1917 года в России и проблема советизации стран Восточной Европы на рубеже 40–50-х годов XX века // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. М., 2009.
- ²⁶ Очаги тревоги в Восточной Европе: (Драма национальных противоречий). М., 1994; Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. М., 1995; Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944–1948. М., 2004; Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина, 1939–1945. М., 2003; Пушкаш А.И. Цивилизация или варварство: Закарпатье, 1918–1945. М., 2006; Мельтюхов М.И. Освободительный поход Сталина: Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях, 1917–1940. М., 2006; Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле Великих держав: Трансильванский вопрос, 1940–1946. М., 2008; Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. СПб., 2009; Покивайлова Т.А. И все же Трансильвания. 2-е изд. Служ-Нарока, 2010; Восточный блок и советско-венгерские отношения, 1945–1989 гг. СПб., 2010; Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. М., 2011; Миграционные последствия Второй мировой войны: Этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Новосибирск, 2012; Вып. 2. Новосибирск, 2013; Стыкалин А.С. Почему не реализовались новые планы по расширению Советской Украины за счет Румынии в 1945 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии: Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014.
- ²⁷ См., напр.: Серапионава Е.П. Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918–1945 гг.) // Славяноведение. 2000. № 5; Гибианский Л.Я. СССР и отношения между коммунистами Болгарии и Югославии по поводу Македонии и федерации на Балканах (1943–1945) // Блгария и Русия през XX век: Блгаро-руски научни дискусии. София, 2000; Марьина В.В. Выселения немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи, 1944–1946 гг. // Славяноведение. 2003. № 3; Романенко С.А. «Неистовая, ожесточенная война за существование»: Национальные движения народов Югославии // Славянский альманах: 2004. М., 2005; Сальков А.П. СССР и национально-территориальное переустройство в Юго-Восточной Европе (1938–1941) // Отечественная история. 2005. № 3; Стыкалин А.С. Советско-германское противостояние в Дунайском бассейне и румыно-венгерский территориальный спор вокруг Трансильвании // Великая Отечественная война. 1941 год. М., 2011; Мурашко Г.П. Судьбы венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны: Переселение или словакизация? // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. М., 2011; Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.: Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России. СПб., 2011; Черногорцы в России. М., 2011; Миграционные последствия Второй мировой войны: Этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Новосибирск, 2012; Вып. 2. Новосибирск, 2013; Носкова А.Ф. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны, 1939–1945: Историкографический очерк // Новая и новейшая история. 2013. № 3.
- ²⁸ Миграционные последствия Второй мировой войны: Этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Новосибирск, 2012; Вып. 2. Новосибирск, 2013.
- ²⁹ Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы, 1939–1958: Дискуссионные аспекты. М., 2003; Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Греко-католическая церковь в годы Второй мировой войны (восточноевропейский регион) // Белоруссия и Украина: история и культура: Ежегодник: 2003. М., 2003; Волокитина Т.В. Конфессиональный фактор в геополитике и Русская православная церковь на рубеже войны и мира // Konec druhej svetovej politiky v nasledujcim období. Bratislava, 2006; Государство и церковь в XX веке: Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты: Опыт России и Европы. М., 2011; Беляков С.С. Идеологи усташского движения о католицизме, исламе и православии: К истории одного мифа // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. М., 2011; Стыкалин А.С. Кардинал Миндсенти на политической арене Венгрии (1945–1956 гг.) // Государство и церковь в XX веке: Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты: Опыт России и Европы. М., 2011.
- ³⁰ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа: Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008 (раздел I, гл. 1–2).

Восстановление Югославии и планы переустройства Юго-Восточной Европы

С. А. Романенко*

Планы послевоенного переустройства Европы в целом и в первую очередь ее юго-восточного и центрального регионов начали обсуждаться как участниками антигитлеровской коалиции, так и государствами «оси» сразу же после нападения Германии на СССР. Естественно, каждая сторона планировала свою победу. В обсуждении этих планов принимали участие несколько групп политико-правовых субъектов:

1. Великие державы — члены антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания);
2. Правительства в изгнании в Лондоне, представлявшие потерпевшие военное поражение монархические государства региона — Югославию и Грецию (к ним типологически следует добавить и центральноевропейские правительства Польши и Чехословакии);
3. Два лагеря в Соппротивлении на оккупированных территориях — антикоммунистический, политически и идеологически связанный с правительствами в Лондоне, и коммунистический, связанный с СССР и Коминтерном;
4. Германия и Италия — два главных государства «оси»;
5. Суверенные государства — их союзники: Венгрия, Болгария, Румыния;
6. Псевдонезависимые государства и марионеточные государственные образования, созданные в результате агрессии Германии и Италии, — Первая Словацкая республика, Независимое государство Хорва-

тия (НГХ), Сербия (комиссариат Милана Ачимовича, правительство национального спасения Милана Недича), Словения (Люблянская провинция), Черногория, Великая Албания; Греческое государство;

7. Нейтральная Турция, объявившая войну Германии и Италии только в феврале 1945 г. Различные варианты этнополитической и идеологической трансформации строились на разных концептуальных основаниях. Это были и традиционные национальные и национально-государственные интересы (как их понимала каждая конкретная сторона), политическая идеология, региональная (балканская) и панэтническая (славянская) идеи, отношения с союзниками и соседями. Решения конкретных этнотерриториальных проблем тесно переплетались с общей стратегией и тактикой каждого правительства и национально-освободительного движения (прежде всего в Югославии).

Цели, преследуемые вышеназванными государствами и иными субъектами международных отношений в Юго-Восточной Европе в 1941–1945 гг., можно классифицировать следующим образом:

1. Антинацистское антикоммунистическое Соппротивление: национальное освобождение, восстановление государств в их прежних границах (возможно присоединение этнических территорий соседей — ревизия границ в рамках Версальской системы) при полном или частичном сохранении прежних политических режимов с возможной модернизацией в направлении либераль-

* Романенко Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и внешней политики Историко-архивного института РГГУ.

но-демократического развития; внешнеполитическая ориентация на Великобританию и США;

2. Антинацистское коммунистическое Сопротивление: национальное освобождение, восстановление государств в их прежних границах (возможно присоединение этнических территорий соседей — ревизия границ в рамках Версальской системы), изменение внутреннего национально-политического устройства (национальная революция), изменение социально-политического строя и экономической основы общества и государства (социальная, в данном конкретном случае — социалистическая революция), внешнеполитическая ориентация на СССР;
3. Государства и псевдонезависимые государственные образования — союзники Германии: сохранение обретенных в ходе военных захватов государственных границ, сохранение обретенного политического статуса, сохранение монархических или тоталитарных режимов, политически и идеологически ориентированных на Германию и (или) Италию.

Проблемы во взаимоотношениях между субъектами международных отношений в Юго-Восточной Европе возникали непосредственно в ходе конфликта 1941–1945 гг., а также были унаследованы от прошлого — периода после Берлинского конгресса 1878 г., Первой мировой войны и периода 1920–1930-х гг.

1. Межгосударственные отношения СССР с королевским правительством Югославии в изгнании и планы переустройства Балкан (1941–1943)

С июня 1941 г. до 15 декабря 1943 г. у Советского Союза в Югославии было два политических партнера. Первый — официальное королевское правительство Петра II Карагеоргиевича в изгнании. Второй — партизанское коммунистическое сопротивление во главе с Иосипом Брозом Тито. Вслед за выбором между Германией и Югославией в апреле–мае 1941 г. Сталину в 1941–1943 гг. предстояло сделать выбор между королем Петром и Тито, между монархической и социалистической Югославией¹².

Если источник достоверен, то, прощаясь с югославской делегацией после подписания Договора о дружбе и ненападении глубокой ночью с 5 на 6 апреля 1941 г., И. В. Сталин заявил: «Будущее в союзе всех славянских народов»³.

Эти слова Сталина расходились, по-видимому, им самим лично написанным «Опровержением ТАСС» от 10 мая 1940 г., в котором решительно отвергались сообщения английской и французской печати о «переходе советской политики на рельсы панславизма», поскольку, «по мнению ответственных советских кругов, панславизм вообще, а в области внешней политики в особенности, есть насквозь реакционное течение, совершенно несовместимое с политикой Советского государства»⁴. Стратегически и идеологически «союз славянских народов» заменил идею Коминтерна 1920-х гг. о балканской коммунистической федерации⁵.

Ранним утром 6 апреля Гитлер вторгся в Югославию, которая через одиннадцать дней, 17 апреля, капитулировала⁶. Тем самым была реализована директива ОКВ № 25 от 27 марта 1941 г., принятая сразу же после переворота в Белграде, свергнувшего правительство Югославии, согласившееся на присоединение Югославии к Тройственному пакту: «Военный путч в Югославии изменил политическую обстановку на Балканах. Югославию, даже если она на первых порах сделает заявление о своей лояльности, следует рассматривать как врага, а потому разгромить как можно скорее...»⁷.

Поставленный перед выбором между Договором о ненападении и Договором о дружбе и границе от 23 августа и 28 сентября 1939 г. с Германией, с одной стороны, и Договором о дружбе и ненападении с Югославией от 5 апреля 1941-го — с другой⁸, Сталин 8 мая 1941 г. во имя, возможно, одного ему известного плана выбрал пакт и разорвал дипломатические отношения с югославским королевским правительством. Член ЦК ВКП(б), первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, вручил посланнику М. Гавриловичу ноту о том, что советское правительство «не видит в настоящее время каких-либо юридических оснований для дальнейшей деятельности в СССР югославской миссии»⁹. Кроме того, Гавриловичем был поставлен вопрос, «может ли он, покинув Москву, оставить здесь [Божина] Симича». На это Вышинский ответил, что «со своей стороны препятствий к этому не видит»¹⁰.

Решение об отказе советского правительства признать дипломатический статус за миссиями Норвегии, Бельгии и Югославии в Москве было опубликовано 9 мая 1941 г.

По мнению хорватского историка Б. Кризмана, информацией об этой встрече Гаврилович «удивил министра иностранных дел коро-

левского правительства Момчило Нинчича»¹¹. «Что вы с нами сделали?» — воскликнул и посыл Югославии в Лондоне Иван Суботич, входя 12 мая в кабинет советского посла И. М. Майского. А ведь месяц назад тот же Суботич, после подписания советско-югославского договора сказал своему советскому коллеге, что «заключение этого пакта спасло душу ЮС». Более того, 15 апреля, когда оставалось всего лишь два дня до капитуляции югославской армии, Суботич сообщил, что получил телеграмму от своего премьер-министра Д. Симовича, текст которой «таков, как если бы СССР был союзником ЮС». Майский ответил ему, что разъяснений из Москвы по этому поводу не имеет, но он считает, что «телеграмма Симовича является естественным выводом из тех действительно дружественных отношений, которые теперь установились между нашими странами»¹².

Уже после нападения Германии на СССР, 23 июля 1941 г., в беседе с Суботичем Майский заявил, что «Советское правительство решило выступать всеми средствами за то, чтобы независимость Югославии была восстановлена полностью», и что «государственный режим Югославии является ее внутренним делом»¹³.

Не дожидаясь капитуляции своей армии, король Петр II Карагеоргиевич, правительство Душана Симовича и военное командование 15 апреля 1941 г. вылетели в Грецию. Впоследствии, добираясь через Египет и Палестину, 21 июня 1941 г. король, премьер-министр и ряд членов кабинета оказались в Лондоне, а некоторые министры — в США. В период войны именно Лондон стал местом пребывания югославского королевского правительства в изгнании.

6 апреля 1941 г. на первой полосе «Правды» был опубликован текст советско-югославского Договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией сроком на пять лет и передовая статья, разъяснявшая его смысл с точки зрения Сталина. С 8 апреля в газете, в разделе международных событий, пошли военные сводки о войне в Югославии и Греции, причем собственных, «правдинских» и югославских сводок не было — только германские и итальянские, а также информация британских и американских изданий, которая носила характер хроники боевых действий без каких-либо политических оценок. К 20 апреля информация о Югославии исчезла. Однако «Правда» не опубликовала даже заметки о капитуляции Югославии, не говоря уже о варварской бомбардировке Белграда в самом начале войны. 20 мая 1941 г. газета в рубри-

ке «В последний час» поставила в известность читателей о том, что создано «Национальное Хорватское Государство» во главе с «хорватским националистом» Павеличем. Однако сообщение это было опубликовано не после фактического прихода Павелича к власти 10 апреля, а после формального провозглашения 18 мая номинальным главой Хорватии — королем — итальянского герцога Сполето¹⁴. Сообщалось также об итало-хорватском соглашении по территориальным проблемам¹⁵. Таким образом, Сталин проинформировал Гитлера и Муссолини, что он принял к сведению изменение этнополитической карты Балкан. Однако эту информацию ни в коей мере нельзя считать официальным признанием НГХ со стороны СССР. На встрече с А. Я. Вышинским 8 мая 1941 г. по случаю прекращения дипломатических отношений СССР с Югославией Гаврилович задал прямой вопрос: «Не идет ли речь о признании Хорватского государства и со стороны СССР?» (как это сделала Румыния). Заместитель наркома В. М. Молотова, только 6 мая переставшего быть председателем СНК СССР, не отвергая любую возможность, ответил, что «в данное время об этом речь не идет»¹⁶. Тем более что был признан суверенитет власти короля, а не «поглавника». 12 июня была провозглашена «независимость» Черногории под властью Италии. Вплоть до 24 июня 1941 г. упоминаний о Югославии в «Правде» более не встречалось¹⁷.

В заявлении королевского правительства из Иерусалима от 4 мая 1941 г. говорилось: «Вероломная Германия со своими союзниками навязала нам войну, а мы самим ходом событий, в столкновении двух непримиримых устремлений — устремлений захватнических государств „Оси” и устремлений всех сербов, хорватов и словенцев сохранить свободу и единство, выбрали дорогу чести и свободы, рядом со своими старыми друзьями и союзниками, куда нас вели наше национальное чувство и национальные интересы. С СССР у нас уже был [подписан] договор о дружбе. Помощь, которую нам сами предложили Великобритания и Североамериканские Соединенные Штаты, мы приняли с тем большим удовлетворением, что нас с этими державами связывали союзнические воспоминания из времен [Первой] мировой войны, и на мирной конференции в 1919 г. их забота и дружба имели решающее значение для создания Королевства Югославии»¹⁸.

Но оттенок разочарования последующим поступком Москвы и негативная оценка ее по-

литики не могли не проявиться. В архивном варианте того же документа содержится следующий пассаж: «Великобритания и Североамериканские Соединенные Штаты и Союз Советских Социалистических Республик признают и за малыми народами и государствами право свободно жить и не считают их жизненным пространством великих держав. Военные цели наших союзников состоят в том, чтобы создать такой международный порядок, в котором бы право и мораль возобладали над насилием и при котором будут править возвышенные принципы свободы и независимости народов, а также уважение человеческой личности. Вот те идеалы, за которые сербы, хорваты и словенцы никогда не жалели [принесенных] жертв и никогда не прекращали бороться. Это была святая цель их многовековой борьбы за национальное освобождение и объединение, равно как и за свободу всех балканских народов». Но слова «Союз Советских Социалистических Республик» в этом фрагменте перечеркнуты¹⁹.

В своем выступлении 27 июня 1941 г., неделю спустя после прибытия в Лондон, глава королевского правительства Симович заявил: «Что касается позиции Югославии в отношении недавнего нападения Германии на Россию, то югославское правительство полностью присоединяется к точке зрения Союзного британского правительства»²⁰. Как известно, Уинстон Черчилль в своем знаменитом выступлении по радио 22 июня 1941 г. заявил о том, что «опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам», и высказался в поддержку СССР²¹. А 11 июля Симович подтвердил свою позицию особой декларацией. Вскоре после нападения Германии на СССР прошли неофициальные встречи советских и югославских представителей. 11 июля посол Майский заявил, что готов всеми средствами способствовать восстановлению независимости Югославии и что прерванные ранее отношения сейчас полностью восстанавливаются²². Югославская сторона рассматривала восстановление как совершившийся факт, однако подписание соглашения об этом откладывалось по настоянию советской стороны²³.

17 июля были официально восстановлены дипломатические отношения, а 19 июля «Чрезвычайный Посланник и Полномочный министр Югославии в СССР г-н Гаврилович» вернулся в Москву²⁴. 21 июля первый заместитель наркома иностранных дел Вышинский заявил ему, что в соглашении о восстановлении дипломати-

ческих отношений «нет необходимости, так как мы формально не порывали отношений с Югославией и ни в каких документах это не отразили»²⁵. Все же 28 августа был подписан договор о возобновлении дипломатических отношений.

Позиция СССР относительно поддержки «восстановления чехословацкого и югославского государств» была определена уже 3 июля 1941 года. Она состояла в том, что в этих государствах «вопрос о характере государственного режима является их внутренним делом»²⁶. А 16 декабря того же года во время визита Э. Идена в Москву Сталин заявил о своем видении схемы реорганизации европейских границ: «Югославия должна быть восстановлена в своих старых границах и несколько расширена за счет Италии (Триест, Фиуме, острова в Адриатическом море и т.д.)»²⁷.

При всей корректности вновь установленных взаимоотношений с королевским правительством симпатии Сталина, несмотря на противоречия, о которых пойдет речь ниже, очевидно были на стороне Тито и его приверженцев. Несмотря на идеологическое родство и прямую политическую заинтересованность, Москве нелегко дался выбор в пользу коммунистических партизан²⁸.

«Для советского правительства решающим был фактор международного признания эмигрантского правительства, а также то, что оно встретило благожелательный прием со стороны британского правительства и было включено в число дружественных правительств», — вспоминал руководитель представительства Тито в Лондоне в 1943–1945 гг. Владимир Велебит²⁹. Поэтому именно с королевским правительством в изгнании было подготовлено возобновление договора о дружбе и взаимной помощи 1941 г. Однако его подписание, по совету Черчилля, посчитавшего неразумным заключать подобный договор во время войны, было 26 мая 1942 г. отложено «на долгий срок»: как оказалось — навсегда³⁰. Дальнейшие события показали, что это было ошибкой со стороны и британского премьера, и правительства Петра II. Хотя летом 1942 г. Москва начала получать сведения от партизан о сотрудничестве «четников» Дражи Михайловича с оккупантами, ее отношения с эмигрантским правительством сохранялись. Советское руководство проводило на практике четкую грань между правительством и одним из его министров. Но позиция СССР по отношению к югославскому королевскому правительству не была однозначной и с течением времени изменялась.

Проблематика славянского братства в связи с позицией СССР занимала югославских политиков в первые месяцы советско-германской войны постоянно. Это было связано и с планами королевского правительства на восстановление Югославии как стабильного государства в довоенных границах, и с обеспечением, учитывая этнический состав соседних государств, своих внешнеполитических позиций после победоносного для антигитлеровской коалиции ее окончания. Упомянув цитировавшиеся выше слова Сталина после подписания советско-югославского договора («Будущее в союзе всех славянских народов...»), посол Гаврилович свое развернутое экспозе от 4 августа 1941 г. целиком посвятил югославско-советским отношениям³¹.

В условиях войны «славянская идея» сразу же приобрела этнозащитную функцию, в особенности когда все славянские народы в большинстве своем оказались по одну сторону баррикад в войне, носившей, помимо всего прочего, и расовый характер. Однако это не устранило политические противоречия и соперничество между славянскими государствами, созданными после Первой мировой войны³².

Вероятно, уже прочитав это послание, министр иностранных дел Нинчич 7 августа 1941 г. неофициально беседовал с Майским и определил цели королевского правительства в отношениях с СССР. Югославский политик «трактует нынешнюю позицию как стремление к постоянному сотрудничеству между двумя... государствами для защиты от общего врага. Надеется на поддержку СССР на мирной конференции. В особенности он рассчитывает на то, что нашим врагам, которые оккупировали части нашей страны, не сохранят их, а также на то, что они не извлекут пользы из своего сотрудничества с Германией». Министр королевского правительства выразил удовлетворение позицией СССР. Советский посол в ответ заявил, что «несколько дней назад московские газеты сообщили, что правительство СССР признает югославско-советский договор, заключенный перед нападением Германии (5 апреля), и он в дальнейшем остается в силе». При этом уже в августе 1941 года значительная часть пяти- или шестичасовой беседы между ними касалась «вопросов послевоенного устройства мира». Словно отвечая на заявление от 4 мая, Майский подчеркнул, что «его недавние высказывания о Югославии являются официальной позицией его правительства, т.е. должна быть полно-

стью восстановлена независимая Югославия в ее нынешних границах, а что форма внутреннего режима — дело воли ее населения, т.е. ее внутреннее дело». Согласно донесению, говоря о будущем Балкан, Майский считал, что «будет очень сложно найти решение проблемы болгарско-югославских отношений. Г. Нинчич повторил, что они не стремятся к уничтожению или расчленению Болгарии, но хотят так устроить дело, чтобы Болгария потеряла желание вновь сотрудничать с агрессорами и Германией против них. Решение проблемы югославско-болгарских отношений надо искать в рамках решения более широкой проблемы, а именно балканского блока»³³.

Отношение правительства короля Петра II и его отдельных министров к «славянской идее» в принципе и в контексте южнославянских и балканских проблем было сложным. Первый всеславянский митинг, состоявшийся в Москве 10–11 августа 1941 г., в Лондоне не остался незамеченным. Он свидетельствовал об отходе в условиях войны от вышеупомянутой официальной (конечно, тогда же ставшей известной и в Белграде) оценки 1940 г. панславизма как «насквозь реакционного течения». С другой стороны, выраженная на митинге идея 1920-х годов о самоопределении македонского и черногорского народов вызвала официальный протест королевского правительства, поскольку «тезис о черногорском и македонском народах одновременно является и тезисом итальянской и германской пропаганды, что сейчас она напрямую вредит и что в самой Югославии она вызовет противодействие»³⁴.

По-видимому, не случайно именно в августе 1941 г. Исполком Коминтерна принял решение по вопросу о македонской партийной организации. В нем говорилось о том, что партизанское движение получило значительное развитие «на территории Югославии и под руководством Югославии. Сербская [Вардарская] Македония должна стать одной из баз этого движения, которое дезорганизует тылы Германии и Италии на Балканах. Учитывая военное положение Македонии, необходимо организовать самое тесное сотрудничество между Югославией и Болгарией». Однако в нем не содержалось признания отдельной идентичности македонцев: «Необходимы усилия для обеспечения сотрудничества между болгарским и югославянским народами против общего врага»³⁵.

Круги от этого митинга еще долго расходились по поверхности отношений королевского

правительства и Кремля. «Я имел долгую беседу с Вышинским о славянском митинге. Он мне сказал, что может быть организован еще один митинг. Я сказал ему, что первый митинг должен был оставить в Королевстве впечатление, что [организаторы митинга] согласны с итальянским официальным лозунгом о черногорской нации, — сообщал в Лондон 23 августа Гаврилович. — Он говорил со мной и о Македонии. Вышинский старался понять, в чем дело, признавая, что недостаточно информирован. Он сказал мне, что они обсудят эту проблему, и добавил: „Мы признаём Югославию и считаем, что решение внутренних вопросов, если они существуют, — исключительно внутреннее дело Югославии“. Я ответил ему, что для них самих все это имеет уже сейчас практическое значение, поскольку в нашей стране они добились результата противоположного тому, которого ожидали»³⁶.

13 августа 1941 г. Нинчич в Лондоне определил свою позицию относительно высказанных в письме Гавриловича проблем и идей. Во-первых, исходя из сложившейся на тот момент ситуации, он выступил против того, чтобы все славянские государства на мирной конференции выступили «полностью солидарно, учитывая их требования друг к другу». Во-вторых, он согласился и с тем, что «эта война должна решить вопрос о вхождении Болгарии в состав Югославии, и уж тем более, что тут нельзя останавливаться перед любыми трудностями. Для сербского народа было бы очень опасно находиться после этой войны в одном государстве с болгарами. Не будет никаких гарантий, что болгары откажутся от своих притязаний на Македонию и [территорию] Сербии восточнее р. Моравы». В то же время он согласился на «создание крупного Балканского союза, в который вошли бы все балканские государства, включая Румынию и Турцию»³⁷.

Другой министр королевского правительства, М. Грол, 15 августа 1941 г. посвятил несколько страниц в своем дневнике проблеме «славянского братства» с точки зрения будущего переустройства Балканского полуострова³⁸.

Ответом на обновление в Москве коминтерновских идей начала 1920-х годов должно было стать восстановление в расширенном виде Балканской Антанты.

Однако в данном контексте уместно вспомнить характеристику перспектив сотрудничества балканских государств, данную еще до того, как балканские государства оказались

разделены линией фронта, послом Югославии в Лондоне Суботичем в беседе с советским коллегой Майским 2 января 1940 г.: «Никаких сенсационных решений от открывшейся сегодня в Белграде конференции Балканской Антанты он [Суботич] не ждет. Причина проста: Антанта имеет внутреннюю червоточину: в нее не входит Болгария. Болгария могла бы в нее войти, если бы Румыния отдала ей Добруджу. Румыния, пожалуй, на это согласилась бы, если бы вопрос о Добрудже решался изолированно. Но она боится, что, если Добруджа вернется к Болгарии, Венгрия немедленно потребует себе Трансильванию, а СССР — Бессарабию. Поэтому Румыния цепляется за Добруджу. Поэтому невозможно вступление Болгарии в Балканскую Антанту. Получается заколдованный круг»³⁹.

6 сентября 1941 г. король Петр II произнес официальную программную речь. Подчеркнув, что, «для того, чтобы жить в Югославии будучи свободными и равноправными гражданами, и сербы, и хорваты, и словенцы прежде всего должны стремиться к тому, чтобы Югославия сохранилась и победила», король не упомянул ни черногорцев, ни македонцев, ни боснийских мусульман. Во внешней политике правительство сделало выбор в пользу не общеславянской, а балканской солидарности: «Югославии и ее географическим положением, и ее традициями, и ее значением, и ее связями со всеми соседями — предопределено быть вместе с союзной Грецией, одним из создателей балканской солидарности. Поэтому всем своим молодым пылом я принимаю идею балканской свободы и призываю все народы Балкан (т. е., вероятно, включая антинацистские силы у болгар, румын, албанцев. — С. Р.), которые хотят мира и согласия, к сотрудничеству и союзу!»⁴⁰

20 сентября Грол более детально высказался по поводу «славянской идеи»⁴¹ в той ее форме, о которой сообщал из Москвы вернувшийся туда посланник Гаврилович (югославский дипломат демонстративно не участвовал в митинге, несмотря на приглашение советской стороны). О том, сколь большое значение в Кремле придавалось новой славянской идее, свидетельствует тот факт, что материалы митингов публиковались в центральной партийной печати — газете «Правда» и журнале «Большевик», а брошюра «Славянские народы в борьбе с фашизмом» была издана официальными органами пропаганды (агитпропом) в серии «В помощь пропагандистам и агитаторам»⁴².

Славянская идея в глазах Москвы и Коминтерна показала свою эффективность. 5 октября 1941 г. в Москве был создан Всеславянский комитет. Его непосредственной задачей стала организация связей с антифашистским движением в славянских странах, а также со славянскими диаспорами во всем мире. «Славянские мотивы» и борьба народов Югославии против оккупантов в 1941–1945 годах неоднократно упоминались и в выступлениях Сталина и его приказов как Верховного главнокомандующего⁴³.

У советского правительства, по-видимому, до второй половины 1942 г. сохранялись весьма доверительные отношения с королевским правительством в Лондоне, хотя расхождения постепенно нарастали. 18 мая 1942 г. Посол А. Е. Богомолов встретился с премьер-министром Йовановичем. Однако, несмотря на выраженное советским дипломатом «положительное отношение» к инициативе югославского правительства относительно дальнейшего улучшения советско-югославских отношений, стороны не смогли прийти к согласию по вопросу о Михайловиче. Через два дня замнаркоминдел Вышинский в Москве встретился с посланником Югославии С. Симичем. Тот сообщил о существовании в Лондоне проекта «создания в Центральной Европе блока католических держав в составе: Баварии, Словакии, Венгрии, Австрии, Хорватии и Словении. Югославия как целое в этом проекте отсутствует». Эти контакты получили свое развитие во время остановки Молотова в Лондоне в июне 1942 г. на обратном пути из США. Он встретился с министром иностранных дел королевского правительства М. Ниничем (однако не с премьером Йовановичем — видимо, чтобы не придавать этой встрече слишком большого официального значения)⁴⁴.

Встреча состоялась 10 июня в советском посольстве по просьбе Нинича. К сожалению, кроме официальной советской дипломатической записи пока не удалось обнаружить никаких иных источников об этой встрече. Эта беседа не получила отражения ни в документах королевского правительства (по крайней мере в их публикации 1981 г.), ни в дневниковых записях И. М. Майского, К. Павловича и М. Грола, ни в мемуарно-аналитических статьях С. Йовановича. Содержание переговоров Нинич хранил в тайне даже от членов кабинета, которые могли лишь строить предположения об обсуждавшихся вопросах⁴⁵. Нинич пожаловался Молотову на трудности в отношениях с британцами в Каире (были урегулированы 19 октября

1942 г.)⁴⁶, рассказал о планируемом визите короля Петра и премьера Йовановича в США.

Нинич подчеркнул, что югославское правительство стремится иметь хорошие отношения с СССР. Осознав ошибку, допущенную 26 мая (откладывание подписания советско-югославского договора), предложил заключить договор о взаимопомощи не только во время войны, но и в послевоенный период. К сожалению, проект текста договора еще до конца не разработан, заявил Нинич, хотя все члены правительства в принципе согласны в необходимости такого договора. Согласно документу, Молотов проигнорировал предложение о заключении договора, однако заявил, что Советское правительство готово оказывать помощь Югославскому правительству и хотело бы видеть Югославию не только восстановленной, но и расширенной за счет Италии.

Поддержка СССР предполагает, заметил глава правительства СССР, что югославское правительство обладает стабильной властью в стране и хорошими отношениями с СССР. Югославский министр поблагодарил своего советского коллегу за дружественные высказывания и подчеркнул, что югославское правительство и военный министр Михайлович обладают всей полнотой власти в стране. Молотов тотчас заметил в ответ, что советское правительство обладает очень противоречивой информацией о Михайловиче, но что в любом случае это — внутреннее дело Югославии и СССР не имеет намерения в них вмешиваться. Ниничу ничего не оставалось делать, как только передать «наилучшие пожелания товарищу Сталину»⁴⁷.

Проблема Д. Михайловича была одновременно и причиной и поводом для ухудшения, а впоследствии и разрыва отношений между СССР и королевским правительством Югославии и королем Петром. Протоколы заседаний и другие документы королевского правительства, а также дневниковые записи К. Павловича и М. Грола позволяют пролить свет на обострение проблемы Михайловича и ее значение для двусторонних отношений. 27 января 1943 г. «советский посол Александр Ефремович Богомолов посетил Йовановича ... и передал ему ответ советского правительства на нашу прошлогоднюю сентябрьскую ноту, в которой мы описали творимые партизанами зверства. Ответ холодный, и в нем лишь утверждается, что мы располагаем односторонней информацией, что советское правительство располагает и другой информацией. В ходе беседы Богомо-

лов расспрашивал, обеспечивают ли нам англичане непосредственный контакт с Михайловичем. На вопрос Йовановича, что ему известно о так называемой Учредительной сессии в Бихаче (имеется в виду Первая сессия АВНОЮ 26–27 ноября 1942, на которой была подтверждена легитимность новой югославской государственности), Богомолов ответил, что он знает только то, что ему сообщил Грол»⁴⁸.

20 февраля у Йовановича была новая беседа с Богомоловым, сюжет которой по сути повторил сюжет обсуждения советско-югославских отношений и проблемы Михайловича на встрече Нинчича и Молотова⁴⁹. Однако попытка югославского королевского правительства использовать в своих целях «славянство» политики СССР наряду с собственным «балканством», направленным против нее, сразу же натолкнулась на препятствия. Москва также обдумывала будущее устройство Балкан, и в глазах Сталина и его окружения картина рисовалась совершенно иная. Одним из непосредственных поводов для более глубокого вмешательства в дела Балкан, используя войну, была Болгария⁵⁰. Сложившаяся ситуация взволновала не только Гавриловича, но и посла Турции в Москве.

Несмотря на тяжелое положение на фронтах, уже с конца 1941 г. активно шло обсуждение форм и принципов послевоенного устройства. 11 октября 1941 г. югославский дипломат сообщал начальству: «Несколько дней назад в своем известном приветствии английской и американской делегациям Сталин среди прочего сказал, что Болгария „превратилась в гитлеровский плацдарм против СССР”». К этому добавилась информация о словах Сталина, сказанных министру иностранных дел Турции г-н Сараджоглу, о том, что «вопрос о Болгарии непосредственно касается Советской России». Все это привело дипломатов к выводу о том, что «Советская Россия хочет убедить мир в [существовании] постоянной опасности со стороны Болгарии и что поэтому у нее есть право решить болгарский вопрос в свою пользу». На осуществление подобных намерений Москвы — даже если бы там не находились у власти большевики — югославское правительство, претендовавшее на ведущую роль в регионе и имевшее давние непростые отношения с Софией, согласиться не могло никогда.

Эта позиция соответствовала и настроению турецкой дипломатии. «Ни вы, ни греки, ни мы не планируем пускать Советскую Россию на Балканы», — сказал турецкий дипломат

югославскому. «Я ответил ему, что мы и не планируем пустить на Балканы ни одну из великих держав, — писал Гаврилович. — Он согласился со мной и высказался в том смысле, что надо вернуться к попытке покойного короля Александра и Ататюрка более тесно связать всех нас на Балканах, так, чтобы и мы однажды смогли все вместе решительно заявить, что если кто-то сунется на Балканы, то должен будет считаться с риском войны со всеми Балканами. Я сказал ему, что в нынешней ситуации это — дело будущего и что мы всегда были за политику „Балканы — балканским народам”». Единственное, в чем разошлись послы, так это во мнении относительно того, кто является «самым большим врагом Балкан»: турок считал, что Италия, а югослав — «что это Германия, а что Италия получит на Балканах только то место, которое ей определит Германия»⁵¹.

При этом на переговорах с министром иностранных дел Э. Иденом в декабре 1941 г. Сталин заявил, что он не возражал бы против создания в Европе тех или иных государственных федераций⁵². Что же касается судьбы Югославии, то тогда же в проекте секретного дополнительного протокола к англо-советскому договору, предложенного Сталиным Идену, говорилось о намерении «восстановить Югославию и расширить ее территории за счет Италии по побережью Адриатического моря и путем присоединения прилегающих островов»⁵³. Иными словами, был подтвержден отказ от Лондонского договора 1915 г. и от Рапалльского договора 1920 г., что означало принципиальный поворот в отношениях с Италией, которые были весьма дружественными в 1920–1930-х гг.

Одним из шагов на пути организации послевоенного устройства со стороны балканских членов антигитлеровской коалиции стало подписание между правительствами Югославии и Греции соглашения о Балканском союзе (15 января 1942 г.)⁵⁴. Министр иностранных дел лондонского правительства Нинчич полагал, что этот документ будет «основой для будущей организации Балканского пакта». Иными словами, речь шла о воссоздании межвоенного Балканского пакта (Балканской Антанты) 1934–1941 гг. Он исходил из известного лозунга XIX в. «Балканы — балканским народам», что предусматривало «создание политических и экономических органов, объединенного генерального штаба наряду с существованием национальных генштабов, постоянного секретариата и т.д.». Планировались «координация внешней поли-

тики и совместные действия в этой области, объединенный экономический план с целью заключения таможенной унии, а также валютной», предусматривались и «меры по совместной охране границ»⁵⁵.

Однако соглашение не было воплощено в жизнь как из-за изначального противодействия СССР, который усматривал в нем альтернативу собственным послевоенным планам в Средней Европе, в том числе и на Балканах (проявлением этого стало практическое отсутствие информации об этом соглашении в советской печати)⁵⁶, которые в тот момент основывались на «общеславянских принципах»⁵⁷, так и из-за того, что вскоре королевское правительство и король Петр II Карагеоргиевич были полностью вытеснены из политической жизни Югославии. Замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозов в беседе с посланником Греции в СССР Пипинелисом «пустил пробный шар»: «В Югославии, как я слышал, это движение (сопротивление оккупантам. — С.Р.) приняло такие размеры, что оно, возможно, могло бы протянуть руку и соседним странам, и тогда это движение выйдет уже за рамки одной страны и превратится в широкое движение против оккупантов»⁵⁸.

Чрезвычайно содержательна, интересна и показательна дискуссия по вопросам внешней политики, состоявшаяся на официальных заседаниях правительства в Лондоне с 22 сентября по 7 ноября 1942 г. В ней приняли участие премьер Слободан Йованович, министр иностранных дел Момчило Нинчич, а также его коллеги Миха Крек, Юрай Крньевич, Милан Грол, Срджан Будисавлевич, Йован Баньянин, Милош Тирифунович. Высказанные ими идеи и предложения затрагивали тактику и стратегию правительства, целью которого было добиться своего международного признания, а также определить этнотерриториальные требования Югославии к своим соседям, воевавшим на стороне Германии, и Италии, то есть Австрии, Венгрии, Болгарии. Последний — болгарский — вопрос был тесно связан с традиционными для сербских политиков планами создания общего с Болгарией государства, что неизбежно затрагивало и проблемы внутреннего устройства восстановленного государства. Обсуждался также и подход к албанской проблеме — восстановление независимого государства или его раздел с Грецией. В данном случае сыграли свою роль итало-югославское соперничество в этом регионе и проблема безопасности Сербии и Югославии.

Эта дискуссия показала не столько сходства, сколько расхождения в подходе ко всем вышеназванным проблемам между представителями словенского, хорватского и сербского национальных лагерей, каждый из которых стремился представить свои собственные этнотерриториальные претензии как первоочередные и важнейшие для общего государства. Эти уходящие истоками в прошлое претензии покоились на этническом принципе и изображались как стремление к восстановлению территориально-политического единства каждого из трех народов.

Югославское королевское правительство отношения с СССР практически не увязывало со «славянской идеей», даже если она и упоминалась. Если речь шла о совместной борьбе с общим врагом — она играла некоторую роль; если же об устройстве послевоенной Европы, шире — послевоенного мира, то в действие вступали совершенно иные, социально-политические и региональные интересы, связанные прежде всего с сохранением государственного суверенитета, социальной системы и внешней политики. СССР воспринимался отнюдь не как «славяно-православная» Россия, но именно как коммунистический СССР. Рассматривались исключительно политические альтернативы — либо «славянство» с опорой на СССР и угрозой «советизации», либо Балканский (или даже более широкий, с привлечением Венгрии и Турции) союз независимых государств — как гарантия от вмешательства со стороны всех крупных держав, либо — одно общее государство балканских славян с включением в него Болгарии. Министры имели в виду угрозу навязывания СССР Югославии не только внешнеполитического курса, но и внутренних изменений, возможность которых была продекларирована в заявлении того же королевского правительства от 30 марта 1941 г. Основная идея его была такова: опереться на СССР во время войны, опереться для осуществления своих планов, но в послевоенном мире дистанцироваться от него. Наряду с идеологическим неприятием, как и в 1920–1930-е годы, сказывалось и отношение к СССР-России как к геополитическому сопернику в борьбе за влияние в Балканском регионе.

Имея в виду кратко- и среднесрочную перспективу совместной борьбы, министры высказывали обеспокоенность ухудшением отношений с СССР, что выразилось в незаключении двустороннего договора, который так или иначе являлся бы актом признания со стороны

СССР королевского правительства и стал бы некоторой гарантией на будущее перед лицом набравшего силу движения партизан Тито, доказавшего свою силу и жизнеспособность. СССР рассматривал югославскую политическую территорию как сферу различных комбинаций и не хотел связывать себе руки признанием одной из сторон. В итоге ни старый договор от 5 апреля 1941 г. о дружбе и ненападении не был ратифицирован, ни новый так и не был подписан. Что же касается долгосрочных перспектив, многие выражали стремление к воссозданию региональной общности — союза, каковой была Балканская Антанта. С соперничеством двух центров власти в Югославии за поддержку Москвы было связано и крайне чувствительное отношение в Лондоне к отказу советской стороны признать и поддержать отряды Дражи Михайловича, который с января 1942 г. по июнь 1944 г. был военным министром королевского правительства в двух правительствах Слободана Йовановича, а также Милоша Трифуновича и Божидара Пурича⁵⁹.

В заключительном слове министр Нинчич отверг утверждения коллег о том, что «наши отношения с Советской Россией сейчас менее благоприятны, чем в прошлом году»: «В прошлом году, во время нашего визита в Лондон, у нас не было даже нормальных дипломатических отношений с Россией. Когда впоследствии отношения восстановились, не было причин для того, чтобы они перестали быть дружественными»⁶⁰. В целом же и в заключительном ответе Нинчича, и в выступлении премьера Йовановича тема отношений с СССР не занимала особого места; во всяком случае, несоразмерно мало по сравнению с выступлениями остальных участников дискуссии.

Москва, по мере того как вопросы послевоенного устройства мира, включая конкретные вопросы статуса и границ отдельных государств в Средней Европе, становились все более актуальными, внимательно следила и за развитием межнациональных отношений не только в стране, но и в эмигрантской среде. По-видимому, доводя до сведения одного из министров королевского правительства, председателя сербской Демократической партии Милана Грота, позицию СССР, в апреле 1943 г. посол А. Е. Богомоллов выразил обеспокоенность «развитием шовинизма как великосербского, так и великохорватского». «Если сербы считают весь хорватский народ ұсташами, т.е. преступниками, а с другой стороны, осуждают подобным

же образом и партизан, то им стоит подумать о последствиях. Сколько же у них окажется врагов?» — спросил советский дипломат⁶¹. Словно отвечая ему, на заседании кабинета 10 июня 1943 г. Йован Баньянин, обосновывая необходимость сохранения целостности Югославии, говорил о том, что «разрушение Югославии означает гибель сербов, гибель хорватов, гибель словенцев. Эти границы были бы использованы соседями — начиная с итальянцев и заканчивая всеми остальными»⁶². Министр Грол и сам применял политико-дипломатическую «тактику», когда в январе 1943 г. на приеме у посла Богомоллова уверял его в том, что «нельзя в этой стране заниматься политикой, не учитывая отношение к русским и России, независимо от идеологии. Это инстинктивное ощущение у нас в крови, оно издавна является одним из условий самого нашего существования, и с этим Россия должна считаться»⁶³.

Целью «традиционных» партий в оккупированной Словении, ориентированных на лондонское правительство, было восстановление подновленной королевской Югославии, и они занимали «контрреволюционные» и антикоммунистические позиции. Национальное вече колебалось между сопротивлением и умеренным коллаборационизмом. Возможность победы антигитлеровской коалиции оставляла дверь открытой и в другом направлении, в направлении находящегося в лондонском изгнании правительства. Уже в 1941 году, когда судьба войны еще была отнюдь не решена, некоммунистические политики выработали соглашение относительно своих требований в случае победы союзников. Они выступали за создание объединенной Словении, которая вошла бы в состав федеративного Королевства Югославии, а также за объединение Югославии и Болгарии⁶⁴.

Существовали и иные федеративные проекты. Впоследствии, обвиняя коммунистов в стремлении создать «Дунайскую федерацию», клерикалы (группа католиков Ламберта Эрлиха) игнорировали югославский вариант и сами подумывали о католической федерации средневропейских государств — с Польшей и Чехией⁶⁵. Позднее, в 1945 г., пытаясь любыми путями воспрепятствовать господству коммунистов, словенские политики пытались найти всевозможные новые формы государственного устройства. Среди них было создание «Великой Словении», или «Словенской Республики», во главе с Леоном Рупником⁶⁶ при конфедерации с НГХ⁶⁷.

Если СССР устами Сталина изначально заявил о своем стремлении восстановить территориальную целостность и суверенитет Югославии при некоторых территориальных приращениях и о «союзе славянских народов», то президент США Франклин Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль 14 августа 1941 г. подписали Атлантическую хартию. В ней, в частности, говорилось «об отказе от захвата чужих территорий; о праве всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить»; о восстановлении суверенных прав и самоуправления народов, которые были их лишены насильственным путем; и, наконец, о том, что после окончательного уничтожения нацистской тирании США и Великобритания надеются установить мир, который даст возможность всем нациям жить в безопасности в собственных границах и который обеспечит всем людям во всех странах жизнь, свободную от страха и нищеты»⁶⁸.

1 января 1942 г. посол королевского правительства в Вашингтоне Константин Фотич наряду с Рузвельтом, Черчиллем и послом СССР в США М. М. Литвиновым, а также послом Греции Ц. Диамантопулосом поставил свою подпись под декларацией Объединенных Наций⁶⁹. Балканские государства окончательно оказались разделенными линией фронта и уровнем легитимности с точки зрения международного права.

Визит короля Петра II в США состоялся в июле 1942 г., несмотря на негативное отношение к этому большинства членов правительства. Встретившиеся с ним в Вашингтоне Рузвельт и Черчилль высказались за восстановление Югославии, «внутренне консолидированной и неподдаваемой национальными конфликтами»⁷⁰.

Сотрудничество двух правительств отразилось в целом ряде официальных документов. 14 мая 1942 г. в Вашингтоне было подписано Соглашение, достигнутое путем обмена нот между США и Королевством Югославией о военной службе граждан одного государства в вооруженных силах другого. 24 июля того же года там же — Прелиминарное соглашение между США и Королевством Югославии относительно принципов, распространяемых на взаимную помощь в ведении войны против агрессии⁷¹.

Президент США в феврале — марте 1943 г. высказывал иные по сравнению с Атлантической хартией идеи: «Югославия, возможно, должна быть разделена. Возможно, будет об-

разовано государство Сербия во главе с королем Петром, а в Хорватии проведен плебисцит. Положительное решение о самостоятельности Хорватии должно получить поддержку не менее двух третей от участвовавших в плебисците»⁷². Эта же позиция (по форме перекликавшаяся с позицией дипломатии царской России в период Первой мировой войны, с сомнением воспринимавшей идею создания единого югославского государства) была подтверждена им вновь в октябре 1943 года: «Президент не уверен, что Югославия должна быть восстановлена как союзное государство. Возможно, Хорватия должна быть отделена от Сербии»⁷³.

Министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден еще 22 апреля 1941 г. направил главе правительства Королевства Югославии генералу Д. Симовичу послание о поддержке его правительством полного восстановления независимости Югославии⁷⁴. Контакты между королевским правительством Югославии с правительствами Великобритании и США были довольно интенсивными.

Сложную политику вело правительство Черчилля и в отношении югославско-итальянских противоречий. Еще в августе 1942 г. в среде югославской и итальянской эмиграции в Лондоне стал циркулировать проект о возможности вхождения Италии в Балканскую конфедерацию. Дефашизированная Италия должна была выступить «с заявлением о том, что Балканы принадлежат балканским народам и что Италия здесь ничего не требует». Причем одним или даже единственным центром этой конфедерации предполагался Рим⁷⁵.

Среди югославско-британских дипломатических документов отметим письмо Черчилля премьеру Йовановичу от 29 марта 1943 г. с критикой заявления Дражи Михайловича, которое символизировало поворот в британской политике в Югославии⁷⁶.

23 июля 1943 г. королевское правительство направило правительству Великобритании ноту относительно югославских территориальных требований к Италии. В нем содержалось требование отказа от Лондонского договора 1915 г., от Рапалльского договора 1920 г. и Римского договора 1924 г.⁷⁷

С течением времени сербские политики в эмиграции все более и более критические стали относиться к политике Великобритании, по мере того как Черчилль все больше уступал давлению Сталина в вопросе о Драже Михайловиче, за которым стояла судьба самой королевской Юго-

славии и некоммунистического сопротивления. 1 сентября 1943 г. Йованович высказал озабоченность развитием коммунизма в Югославии и опасение большевизации страны. Своей политикой англичане играют на руку коммунистам⁷⁸.

Впоследствии Йованович поднял свою критику британской политики по отношению к Югославии на концептуальный уровень — с точки зрения воспрепятствования распространению коммунистических идей, политики СССР и судьбы сербского народа⁷⁹. С Йовановичем был согласен и его бывший министр иностранных дел Нинчич. 28 декабря 1943 г. он говорил, что «никак не может понять английскую политику и убежден, что она — следствие русского давления»⁸⁰.

17 ноября 1943 г. Йованович сказал, что «все больше приходит к выводу о том, что у англичан относительно Югославии нет никакой определенной политики и что они пускают развитие событий на самотек. Он опасается, что они, если Советы будут утверждать себя на Балканах, присоединят к Австрии наиболее их интересующую часть Югославии (Далмацию, БиГ, Хорватию, Славонию и Словению), а Сербию и Черногорию оставят Советам. «Если русские будут требовать [установления] коммунизма, в Сербии будет разрыв. Если они удовлетворятся широкой демократией, то, боюсь, все сербы будут на их стороне»⁸¹.

И действительно, Черчилль внес на конференции в Тегеране предложение о создании конфедерации с включением в нее Австрии, Венгрии и некоторых южных провинций Германии. Однако Сталин высказался за независимость Австрии и Венгрии.

О поисках различных вариантов послевоенного устройства Средней Европы (Центрально-Европейского и Балканского регионов) свидетельствует и письмо очередному премьеру королевского правительства Божидару Пуричу от 6 декабря 1943 года. В нем говорилось: «Из частного источника, близкого венгерскому посольству, я (т.е. автор письма. — С.Р.) узнал, что идея Дунайской конфедерации распространяется в областях западнее Дрины. Причина: страх перед коммунизмом и вера в то, что Сербия будет не в состоянии обеспечить порядок; страх перед Россией и убеждение, что Великобритания не захочет и не сможет защитить эту часть Европы от этого воздействия. Идея реставрации Габсбургов не играет при этом никакой роли». Югославский историк Бранко Петранович утверждал, что «это был отголо-

сок упоминавшейся идеи, инициаторами которой были ватиканские круги, военный министр США Генри Льюис Стимсон и часть британских консерваторов»⁸².

В тот же день, 6 декабря, чиновник, состоявший на службе королевского правительства, встретился с профессором-балканистом, изучавшим проблемы региона с начала XX в., Робертом Уильямом Сетон-Уотсоном и побеседовал с ним «об АВНОЮ, Албании, Италии и конфедерации балканских стран». Британский ученый воспроизвел официальный тезис своего правительства о том, что «Албания должна быть независимой». Греция же, сказал он, тяготеет к разделу Албании между ней и Югославией. Лично Сетон-Уотсон считал, что «югославскому правительству не следовало бы входить в подобные комбинации». Учитывая устройство самого Балканского полуострова, он считает, что лучшим выходом была бы конфедерация балканских стран, в которую вошли бы Албания, а также Турция. По мнению политического аналитика, Албании было бы трудно существовать как самостоятельному государству и экономически (это он особенно подчеркнул), и политически. Вся конфедерация должна была бы быть русофильской и опираться на Россию. Армия этой конфедерации была бы расквартирована также и в Албании и занимала бы важнейшие стратегические позиции на албанском побережье для защиты албанской независимости (возможно, от Италии)»⁸³.

Вероятно, тот факт, что различные варианты региональных союзов и наднациональных федераций в Центральной Европе и на Балканах могли иметь и антисоветский характер, учитывался и в Москве. В телеграмме от 13 апреля 1943 г. Майский информировал Кремль о своих беседах с министром иностранных дел Великобритании Иденом (состоявшихся 7 и 12 апреля 1943 г.) по поводу визита последнего в Вашингтон в марте 1943 г. В центре как визита Идена, так и его бесед с Майским были переговоры об устройстве послевоенного мира. Дело в том, что, хотя США официально выступили за возрождение Югославии как независимой страны, сам Рузвельт не верил тогда в возможность восстановления Югославии как целостного государства. Причина этого была в том, что он опасался ее «нежизнеспособности» вследствие нерешенности, по его мнению, национальных противоречий. На переговорах с Иденом в марте 1943 г. он высказал идею отделения Хорватии и Словении, причем с передачей Хорватии под опеку⁸⁴.

«Рузвельт и его сотрудники очень интересуются судьбой Балкан, но не имеют вполне ясной установки по этому вопросу и не знают, что там произойдет после войны, — писал советский посол. — Несколько туманно говорят о желательности балканской федерации, но не уверены, получится ли она. Спрашивали Идена, сможет ли сохраниться объединенная Югославия или она распадется на части. Иден высказывался в том смысле, что желательно всячески поддержать объединенную Югославию, так как в Европе и без того имеется слишком много мелких государств. Незачем увеличивать их число». Далее Иден сообщил, что «рузвельтовцы считают желательным участие в балканской федерации Болгарии, но вместе с тем находят необходимым, чтобы Болгария вышла из войны наказанной за свое поведение, однако не до бесчувствия. Они признают также, что в решении балканских вопросов СССР должен играть значительную роль»⁸⁵.

27 августа 1943 г. премьер-министр Пурич просил посла в СССР Станое Симича⁸⁶ «объяснить Советскому правительству, что одной из целей югославского правительства является достижение самых дружеских отношений с Советским Союзом как в ходе войны, так и после ее окончания. Постарайтесь убедить местные круги, что единая и сильная Югославия — первостепенная задача как для нас, так и для наших союзников. Это необходимо для того, чтобы объединенными усилиями вышвырнуть врага из страны, а также после войны, в содружестве с союзниками, быть в состоянии защищать будущий мир», — писал он, не только имея в виду восстановление государственной целостности Югославии, но и пытаясь защитить Михайловича и его «четников», а также наладить их сотрудничество с партизанами Тито⁸⁷.

В январе 1944 г. в совершенно секретной записке Молотову уже в ранге заместителя министра иностранных дел и руководителя комиссии НКВД по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, Майский настаивал на том, что «не в интересах СССР, по крайней мере в первый период после войны, способствовать созданию различного рода федераций — Дунайской, Балканской, Центрально-Европейской, Скандинавской и т.п., — о которых сейчас так много говорят на Западе. Поэтому наша линия в данном вопросе должна оставаться отрицательной в духе тех заявлений, которые были сделаны советской делегацией на Московской конферен-

ции»⁸⁸. Советский дипломат полагал, что целью политики СССР в отношении Югославии должно быть «заключение пакта о взаимопомощи на длительный срок» с возможной увязкой с «тройным пактом» между Англией, СССР и Югославией. «В силу географических и иных условий тройной пакт с Югославией или Болгарией фактически означал бы закрепление здесь советского влияния», — заключал Майский⁸⁹.

Имелась в документе и антибританская составляющая: «Англичане, зная Европу лучше и имея политического опыта больше, чем американцы, наделали значительно меньше ошибок в европейских делах, чем их союзники. <...> Лучшим примером тому служит Югославия: едва выяснилось, что партизаны являются реальной силой в этой стране, как британское правительство поспешило отправить свою военную миссию к Тито, несмотря на свою длительную и еще далеко не ликвидированную связь с Михайловичем», — говорилось в том же документе⁹⁰.

В письме посла Илии Шуменковича из Анкары премьеру Пуричу от 5 апреля 1944 г., в частности, приводилось мнение министра иностранных дел Турции Нумана Менеменджоглу о том, что Молотов на торжественном обеде по случаю дня Красной армии пригласил за свой стол югославского посла в Москве. «Господин Менеменджоглу ранее истолковал этот жест г-на Молотова как акт панславистской пропаганды. Теперь видно, что он обманулся. Г-н Симич [посол] высказался в пользу Тито. Г-н Молотов хотел этим жестом показать англичанам, что тот, кто поддерживает Тито, в то же время [поддерживает] и Советскую Россию»⁹¹.

В телеграмме посла США в СССР А. Гарримана в разделе «Балканский вопрос» сообщалось о переговорах Сталина и Черчилля в октябре 1944 г.: «Я не могу сейчас говорить о точных цифрах и подтвердить данные, приведенные вчера мистером [Эрнстом] Бевином, но я могу вспомнить суть договоренностей, которые были достигнуты на переговорах: 1. Свобода рук для Британии в Греции. 2. Признание равных прав в Югославии... На Ялтинской конференции три державы подтвердили свою приверженность Декларации об освобожденных территориях [Освобожденной Европе] и договоренности между Тито и Шубашичем относительно Югославии»⁹².

Двойственность советской политики на югославском направлении была устранена 15 декабря 1943 г. В этот день было объявлено, что правительство СССР разрывает дипломатические отношения с югославским

правительством в изгнании и признает Комитет национального освобождения Югославии (КНОЮ), созданный 29 ноября 1943 г. на Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии в г. Яйце (проходила одновременно с Тегеранской конференцией И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля 28 ноября — 1 декабря). Решениями этой сессии АВНОЮ был преобразован в верховный законодательный и исполнительный представительный орган, создан КНОЮ во главе с И. Брозом Тито, было запрещено королю Петру II Карагеоргиевичу возвращаться в страну, а королевское правительство лишено всех прав законного правительства в Югославии.

Наряду с этим Тито и его товарищи предпринимали усилия на итальянском и на балканском направлениях. 30 ноября 1943 г. АВНОЮ приняло постановление о присоединении Словенского Приморья, Венецианской Словении, Истрии, Хорватского приморья, Далмации и хорватских островов в Адриатическом море к Югославии. Оно с международно-правовой точки зрения подтверждало решения, принятые, соответственно, Освободительным фронтом (ОФ) словенского народа 16 сентября 1943 г., Государственным антифашистским веча национального освобождения Хорватии (ZAVNOH) 20 сентября 1943 г.⁹³ Однако далеко не все территории, перечисленные как в ноте королевского правительства в изгнании от 20 июля 1943 г.,⁹⁴ так и в документах АВНОЮ были переданы Югославии. Прежде всего это касается Триеста. Свою роль в определении этногосударственной границы сыграл в этом идеологический характер режима, установленного в Югославии в 1945 г.

Что касается Балкан, то 20 и 25 июня 1943 г. были проведены две встречи представителей Центральных комитетов коммунистических партий и Верховных штабов народно-освободительных армий Югославии, Греции и Албании. На них шла речь о единстве политических и военных действий с целью создания в недалеком будущем единой Балканской федерации и преодоления межнациональных противоречий⁹⁵.

В ноябре — декабре 1944 г. и в январе 1945 г. велась активная работа по созданию политико-правовой базы в югославско-болгарских отношениях. Было подготовлено четыре проекта договора, три межгосударственных и один — о создании единой федерации с тем, чтобы Болгария фактически стала седьмым федеральным образованием в составе Югославии⁹⁶. Однако все эти проекты в конце концов не были приняты.

2. Взаимоотношения между германскими сателлитами и их планы переустройства Балкан

Директива ОКВ № 26 от 3 апреля 1941 г. «Сотрудничество с союзниками на Балканах» гласила: «Задачи, намеченные для государств Юго-Восточной Европы в военной кампании против Югославии, вытекают из следующих политических целей: Венгрия, которой должен достаться Банат, будет осуществлять захват преимущественно этого района, однако она выразила свою готовность сверх того содействовать уничтожению противника. Болгария должна получить назад Македонию, а поэтому будет заинтересована в наступлении главным образом в этом направлении, однако без особого давления с германской стороны. Кроме того, болгарам, опираясь на германское танковое соединение, придется взять на себя тыловое прикрытие против Турции (договор Германии и Турции о дружбе был подписан 18 июня 1941 г. — С.Р.). Для этой цели Болгария привлечет также три дивизии, стоящие на греческой границе. Румыния, как в собственных, так и в германских интересах, ограничит свою задачу обеспечением границы против Югославии и против России. Через главу миссии германского вермахта следует добиваться, чтобы готовность Румынии к войне против России была повышена. <...> Задачи по оккупации, выпадающие на долю различных государств после окончания кампании, будут определены мною позже. Уже во время операций самим характером сотрудничества всячески подчеркивать братство по оружию для достижения общей политической цели»⁹⁷. Таким образом, изначально речь шла не только о военных целях и о судьбе югославского государства, но и об изменении границ в регионе в соответствии с этническими (реальными или вымышленными) границами, а также о создании нового военно-политического и идеологического союза на Балканах.

24 апреля в Вене были обнародованы итоги германско-итальянских переговоров о разделе территории Югославии⁹⁸. Почти месяц спустя, 17 мая 1941 г., МИД Германии направил циркулярное письмо о разделе территории Югославии⁹⁹.

Относительно решения этнотерриториальных проблем Балкан шли интенсивные поиски и в лагере держав «оси», причем выдвигались «различные варианты политического устройства Балкан». Германские военачальники упоминали дискуссии сентября 1943 г. «по вопросу о черногорско-албанском государстве»¹⁰⁰.

В условиях оккупации 1941–1945 гг. и среди сербов, и среди хорватов, и среди словенцев, и среди боснийских мусульман, и среди представителей других народов Югославии нашлись силы и деятели, стремившиеся использовать представившуюся возможность для достижения национального самоопределения в виде создания своих псевдонезависимых «этнически чистых», т.е. моноэтнических государств на великодержавной основе. Легитимация подобных образований в глазах германских нацистов и итальянских фашистов была неизбежно связана с декларативной сменой культурно-конфессиональной и региональной самоидентификации (отречением от «славянства») во имя этнополитических интересов и попыток создания при опоре на германских нацистов своей псевдонациональной государственности во второй половине 30-х — первой половине 40-х годов.

Полковник, впоследствии генерал, Драголюб (Дража) Михайлович, руководитель партизанского антикоммунистического сопротивления и военный министр королевского правительства — фигура до крайности противоречивая, и ее оценки и восприятие до сих пор крайне политизированы. Дело в том, что и по отношению к правительствам в Лондоне, в состав которых он номинально входил, он был фигурой самостоятельной и его взгляды отнюдь не всегда совпадали с программой правительства. В то же время логика противостояния во Второй мировой войне привела его из лагеря антинацистского сопротивления в лагерь воевавших на стороне гитлеровских оккупантов.

Целью движения четников было обеспечение доминирующего положения Сербии на Балканах. Главным идеологом движения Дражи Михайловича стал Стеван Мольевич. Его перу принадлежит труд под названием «Гомогенная Сербия», написанный в июне 1941 г. В нем утверждалось, что, вследствие своей долгой и упорной борьбы против турок, а также сопротивления германской экспансии на Балканах, сербы имеют право на положение главенствующей нации в регионе¹⁰¹.

Восстановленная Югославия, согласно его плану, должна была стать федеративным государством, состоящим из трех образований — Сербии, Хорватии и Словении. Когда же все сербские области окажутся в составе единой гомогенной Сербии, считал Мольевич, можно будет подумать и о более тесном сближении

с болгарями. «Сильное сербство, Великая Югославия, федеративные Балканы — вот цель нашей национальной борьбы», — провозгласил «Глас равноргорске омладине» 1 марта 1943 г.¹⁰²

Размышляя о планах послевоенного урегулирования и устройстве Балкан и Югославии, автор четнической газеты «Уединено српство» писал 23 июля 1944 г., что нельзя повторять ошибок 1918 г. «Основной порок Версальской системы проистекал из неоправданного оптимизма ее творцов. <...> Они верили в силу самоопределения народов: достаточно на руинах отживших империй Австро-Венгрии, России и Турции создать независимые национальные государства, границы которых будут совпадать с этническими, чтобы исчезли все источники недовольства и возможных конфликтов»¹⁰³.

Идеи «чистого» этнофедерализма у четников относились к устройству не только Югославии, но и всего Балканского полуострова¹⁰⁴. «Сотрудничая с политическими представителями балканских государств, которые обладают подлинным большинством и признанием у своих народов, распространяя свою организацию и деятельность на весь Балканский полуостров, а также подчеркивая программу освобождения и объединения всех балканских государств на демократическо-федеративных принципах, Югославия превратилась в балканский Пьемонт и в качестве такового заслужила право решающего голоса в вопросах, касающихся балканского пространства», — утверждалось в статье, опубликованной в ноябре 1944 г. газетой «Препород»¹⁰⁵. Таким образом, федеративное устройство предполагалось использовать не для достижения равноправия народов и тем более граждан, а для обеспечения господства «Великой Сербии» не только в границах Югославии, но и во всем Балканском регионе. Под разговоры о том, что «сербы не боролись и не борются за то, что им не принадлежит», подобный принцип «балканского согласия» четники распространяли на греков, турок и румын¹⁰⁶.

В концентрированном виде взгляды главы «правительства национального спасения» Сербии Милана Недича были изложены в написанном им вместе со своим братом Милутином в сочинении «Сербия и сербские земли. Этнографические проблемы сербской нации». На основании этого «исследования» Недич в 1941 г. составил меморандум, направленный верховному коменданту Сербии германскому генералу П. Бадеру и министру иностранных дел Германии И. фон Риббентропу. В нем Недич

ходатайствовал перед германскими властями о расширении границ оккупированной Сербии и присоединении к ней территорий, на которых проживало более или менее значительное сербское меньшинство, путем обмена территорий с НГХ А. Павелича. Свою позицию он обосновывал тем, что по отношению к сербам, значительная часть которых проживала вне границ Сербии, совершались преступления, и тем, что в Сербию ежедневно прибывали тысячи беженцев со всех концов оккупированной Югославии. Это ухудшало и без того катастрофическое положение в экономике Сербии¹⁰⁷.

Перечислив области Югославии, в которых проживали сербы — Воеводина, Срем, Славония, Хорватия, Далмация, Босния и Герцеговина, — Милан Недич «подсчитал», что вне границ собственно Сербии проживало 2 337 936 сербов, т. е. более 31 % всех сербов. Он полагал, что тяжелые последствия разъединения сербского народа были бы ликвидированы «формированием интегрального единства сербско-хорватского народа».

Недич предложил свое решение проблемы: определить территорию, «принадлежащую» сербской нации, добиться переселения на нее всех сербов, остающихся вне Сербии, и выселить оттуда «инородные элементы, проживающие ныне на территориях, которые должны принадлежать сербской нации». При этом автор исходил из того, что за редким исключением все православные по вероисповеданию являются сербами, а все католики — хорватами.

На первом этапе предполагалось присоединение к Сербии части Боснии и Герцеговины, на втором — Срема и части Далмации, а на третьем — территорий, из которых прибыло наибольшее количество беженцев. План предусматривал также проведение новых границ, в связи с чем планировалось выселение католиков из Герцеговины, Боснии, Далмации и Срема — всего 771 168 чел. На их место должны были переселиться сербы из тех же областей и Хорватии общим числом 750 263 чел. Во многом это было проявлением старых сербско-хорватских противоречий относительно этнотерриториального размежевания, а также взаимных претензий на территорию Боснии и Герцеговины. Такое решение, полагал Недич, приведет к «реальному объединению», к «созданию условий для интегрального освобождения сербской нации». Но эти устремления М. Недича противоречили как интересам Германии и ее союзников, так и интересам НГХ А. Павелича.

Позднее Недич выдвинул идею создания федерации Сербии, Черногории и Санджака. На пост президента он предлагал свою кандидатуру. Предполагалось, что это будет экономическая и финансовая уния. Исполнительные органы и вооруженные силы должны были остаться под контролем центра. Но и этот план не получил одобрения Берлина.

В январе 1945 г., когда исход Второй мировой и народно-освободительной войн уже не вызывал сомнений, а само «правительство» бежало из Сербии в Австрию, Недич обратился с меморандумом к германским властям, пытаясь сохранить не только свое политическое, но и физическое существование. Даже находясь на краю пропасти, в одном из последних своих документов он упрекал своих хозяев в том, что они до сих пор не уведомили сербский народ о том, «какие границы Сербии предполагает Германия». Это, утверждал он, «есть самый больной вопрос, который оказывает наибольшее влияние на характер сотрудничества Сербии и Германии». Подчеркивая общность интересов «сербского и немецкого народов», бежавший «премьер» упорно предлагал себя (и «свой» народ) потерпевшей полное поражение фашистской Германии и твердил, что «сербский народ трудолюбив, конструктивен, позитивен, способен к образованию государства и в своей наилучшей части не заражен никакой деструктивной идеологией» (т. е. «большевизмом»), а также «претендует на то, что он является на Балканах самым способным к здоровой, позитивной и конструктивной политике порядка, труда и прогресса» народом. Более того, он утверждал, что «во время оккупации Сербии с 1941 по 1944 г. сербский народ, хотя и находился в тяжелейшей военной ситуации, был лояльным [союзником] Великого Германского Рейха». Но сейчас сербский народ, подпавший «под советскую оккупацию и коммунистический режим, находится в чрезвычайно тяжелой ситуации»: «на его шею повисли его кровные враги — Советы, коммунисты, хорваты и болгары». Поэтому Недич из обоза германской армии предлагал Германии сотрудничество в будущей «общеевропейской войне против коммунизма»¹⁰⁸.

Противоречия режимов М. Недича в Белграде и А. Павелича в Загребе касались и этнотерриториальных проблем (оба стремились к созданию крупных этнически «чистых» государств), и соперничества за «влияние» на германские и итальянские власти. Это им не мешало, впрочем, установить между собой некое

подобие дипломатических отношений, и в Белграде почти до самого конца обоих режимов просуществовало консульство НГХ¹⁰⁹.

«Принципы» хорватского «ушастского» движения состояли в следующем: хорватам с самого начала их истории присуща национальная индивидуальность и исключительность; они издревле обладают своим собственным этнонимом, общим отечеством и неделимым государством, границы которого охватывают территории от рек Муры и Дравы до Дрины, от Дуная до Адриатического моря, а также долины рек Зрманья, Сава, Босна и Неретва и города Вараждин, Сень, Сараево, Мостар, Осиек, Макарска; хорваты не признают на территории Хорватии никаких иных наций и национальностей; непрерывная традиция хорватского исторического государственного права является основой хорватского государства и государственности. Отсюда вытекало и требование присоединения к хорватскому государству всех районов, которые в разные исторические периоды входили в состав хорватского государства (и в которых проживали хорваты, включая и районы Боснии и Герцеговины), а также отрицание всяких форм государственной связи с другими южнославянскими народами. Не допускалось и мысли о том, чтобы Хорватия стала частью какого-либо другого государства, того, чтобы хорватская нация с кем-то делила свой суверенитет, а хорваты как национальность-нация — власть¹¹⁰. Эти идеи и стали фундаментом внешней политики НГХ.

В брошюре «Хорватский вопрос», изданной первоначально на немецком языке в Германии в 1936 г. (там же и перепечатанной во время войны), а в Хорватии — только в 1942 г., Павелич попытался, так же как это делали сербские националисты, придать своей позиции и трактовке общенациональных интересов и требований некоторое наукообразие. Он резко отрицательно отзывался о «версальском диктате», в результате которого хорватский народ оказался вынужденным жить в «чужом государстве». Но целостность этого государства, вынужденного вести борьбу за свое единство, по мнению Павелича, постоянно оказывалась под угрозой¹¹¹.

Отвергая концепцию «интегрального югославизма», Павелич подчеркивал, что хорваты и сербы не являются ни одной нацией, ни одной национальностью, поскольку история, культура и раса определяют индивидуальность хорватов. «Уже тысячу лет, — писал он, — хорватский народ принадлежит к западной культуре и цивилизации. Находясь на границе Запада и Востока,

он, успешно защищая эту культуру и цивилизацию от византийской и турецкой агрессии, принес тяжелейшие жертвы во имя не только своих собственных, но и европейских интересов». Идеолог экстремистского хорватского национализма, критикуя либеральный югославизм конца XIX в. и не проводя различия между ним и экстремистским «интегральным югославизмом», а также исходя из негативного отношения к Австро-Венгрии, утверждал, что «югославянская идеология вплоть до конца прошлого столетия была орудием венской политики». Он пытался убедить читателя, что в «широких слоях хорватской нации никогда не существовало никакого общеславянского сознания, которое можно было бы противопоставить хорватскому национальному сознанию». Слои, «не чувствовавшие своей принадлежности к славянству, отвергли, как нечто чуждое и опасное, славянскую и югославянскую инициативу, исходившую в предшествующем веке из Праги, Москвы и Белграда». Этот неопровержимый, по мнению Павелича, факт якобы свидетельствовал, что хорваты по происхождению не славяне, а готы.

«Поглавник» писал, что делегация Национального вече, присоединившаяся 1 декабря 1918 г. в Белграде к провозглашению Королевства сербов, хорватов и словенцев, не имела на то никаких полномочий. Кроме того, он считал, что страны Антанты, победившие в Первой мировой войне, силой вынудили хорватов объединиться с Сербией. Тем самым Хорватия оказалась вовлеченной в «балканский хаос», и поэтому «хорватский вопрос» является не только внутренней проблемой Югославии, но и проблемой международной политики.

Подобно сербским националистам, Павелич провозглашал целью национального движения создание «свободного и независимого национального [хорватского] государства на всей его исторической территории и [этническом] пространстве хорватского народа». В число врагов хорватской нации Павелич включил сербское государство, масонов — «вольных каменщиков», евреев и коммунистов.

Как утверждает германский военный историк, государству Анте Павелича было суждено сыграть негативную роль в военных операциях в 1945 г. «Было совершенно ясно, что всем вооруженным силам, действовавшим на юго-востоке, следовало продолжить отход к границам Германии. Данное Гитлером главе хорватского государства обещание оборонять Хорватию до последнего немецкого солдата как раз и поме-

шало осуществить это единственно правильное решение. Вместо этого вопреки всякому здравому смыслу 6 марта 1945 года немецкие войска начали наступление через Драву в общем направлении на север с целью соединиться с группировкой немецких войск, наступавшей из района Секешфехервара. Наступление это, конечно, провалилось. Марионеточное хорватское государство, являвшееся карикатурной копией национал-социалистского рейха, требовало от немцев пожертвовать для обороны своей страны всей группой армий «Юго-Восток». Оно, видите ли, желало удерживать Сараево в то время, когда уже пал Бреслау. Уверенность в скорой победе подняла все балканские народы на восстание, которое приняло колоссальные размеры, так как восставшие снабжались теперь не только оружием и боеприпасами, но и советскими комиссарами. Оно вспыхнуло ярким пламенем, подобно тому, как вспыхивают тлеющие угли, если на них сильно подуть. Одетые в немецкую форму и имевшие немецкое вооружение и немецких инструкторов хорватские войска дезертировали целыми полками»¹¹².

Упомянем типологически схожие с «теориями» Павелича «концепции» части национальных деятелей-мусульман, не принимавших политику НГХ. 1 ноября 1942 и 20 января 1943 г. они обратилась к Гитлеру с идеей о выделении Боснии и Герцеговины из состава НГХ и создании босняцко-мусульманской автономии под германским протекторатом. В меморандуме они выражали разочарование тем, что Босния не осталась под управлением германской военной администрации, а вошла в состав НГХ; утверждали, что босняки-мусульмане надеялись, что после оккупации их положение улучшится, а оно ухудшилось, что им не предоставили свободу (в своих этнодемографических «изысканиях» Павелич назвал этот народ «хорватами исламского вероисповедания», «цветом хорватской нации», а 5 апреля 1941 г. выступил с обращением к «хорватам, солдатам, католикам и мусульманам») ¹¹³. Тем не менее авторы меморандума высказались против массовых убийств сербов и натравливания на них мусульман.

В то же время босняцкий этноколлорационизм сталкивался с хорватским. Так же как Павелич использовал «готскую теорию» против великосербской идеи, мусульмане-босняки использовали ее же против идеи великохорватской. Их представители, пошедшие на сотрудничество с оккупантами, утверждали: «Мы, босняки, по расе и крови не славяне, мы готского

происхождения, которое нас связывает с немецким народом», поскольку «между некоторыми основными принципами ислама, богомилства и древней религии готов много общего». «Мы в 1463 г. встретили турок как спасителей, поскольку сербы, хорваты и венгры стремились нас уничтожить, а турки нам предоставили автономию. В период австро-венгерской оккупации мы обладали конфессиональной, а частично — и политической автономией», — писали авторы первого документа. Авторы январского послания пытались убедить фюрера в том, что «босняки все равно, что готы, то есть, будучи германским племенем под именем «босны», пришли в III в. с севера на Балканы, в тогдашнюю римскую провинцию Иллирия»; что «духовные и антропологические различия между нами, босняками, с одной стороны, и славянскими племенами, т.е. хорватами и сербами (показательно: босняки называют хорватов славянами в противовес утверждениям Павелича! — С. Р.), с другой, сохранились и поныне»; что «сербы сразу же приняли восточное христианство, хорваты — римско-католическое, а босняки сохранили твердую верность своей готской, арийской религии, согласно которой Иисус является не Богом, а божественным существом, олицетворением совершенства; что одна из основных причин перехода в ислам, наряду с вышеупомянутыми основными вероисповедными принципами, состояла в том, что и восточная римская церковь, т.е. сербы, и западная римская церковь, т.е. хорваты и венгры, вели против нашего государства крестовые походы, поскольку мы [для них] были неверными» и т.д.¹¹⁴ Все это, по-видимому, было написано для того, чтобы обосновать просьбу о предоставлении Боснии и Герцеговине как этнополитическому образованию боснийских мусульман особого статуса в Третьем рейхе. Но, как и в случае с Недичем в Сербии и Павеличем в Хорватии, надежды на решение проблем национального самоопределения с помощью «внешнего фактора», в данном случае — фашистских оккупантов, не осуществились. И никакие попытки изменить или сменить самоидентификацию не помогли — в Берлине ясно видели их политический смысл. Не говоря уже о том, что в реальности подобная смена и не могла осуществиться.

Различные варианты действия и противодействий различных сил на Балканах обсуждались и в Загребе, и в Софии. В одном из политических докладов, ежегодно отправлявшихся из Софии в Загреб, говорилось о некоем бол-

гарском политике, который полагал, что «тот факт, что сербы по-прежнему доверяют радио Москвы и Лондона, погубит сербский народ, но пойдет на пользу и Болгарии, и Хорватии»¹¹⁵.

Отражением этой полемики, пропаганды и контрпропаганды стало сообщение министра Крека премьеру Йовановичу о ситуации в Словении от 1 июня 1943 г.: «1. Все словенцы, кроме коммунистов, стремятся и борются за объединение и освобождение всех словенцев в [рамках] Югославии, которая должна быть устроена на федеративных [началах]. 2. Партизаны-коммунисты не признают ни Югославию, ни лондонское правительство, ни Короля, они сотрудничают с итальянскими и австрийскими коммунистами, выступают против англичан и американцев и требуют, чтобы Словения вошла в союз советских республик Средней Европы или в союз Южнославянских советских республик». Однако, согласно югославскому историку Б. Петрановичу, «эта пропаганда была лишена оснований. Делегаты Словении не присутствовали на учредительной сессии АВНОЮ¹¹⁶ в г. Бихач [26–27 ноября 1942 г.], но Исполнительный комитет Освободительного фронта словенского народа добровольно выразил свое согласие с директивами Учредительной сессии АВНОЮ, делегировав в декабре 1942 г. восемь человек в новый орган власти»¹¹⁷.

Ситуация на территории Словении во время Второй мировой войны, будучи в чем-то схожей с ситуацией в Сербии и Хорватии, имела и существенные отличия. Специфика положения словенцев состояла в том, что активная ассимиляторская политика итальянских властей, откровенный геноцид германской администрации по отношению к словенцам, аннексионистские устремления Будапешта — все это толкало к сопротивлению широкие слои населения. Хотя «реакция на оккупацию первоначально была спокойной, особенно в итальянской зоне»¹¹⁸, многие словенцы очень скоро поняли, что цель оккупантов, которую те и не скрывали, — уничтожение словенцев и как этнической общности, и как нации¹¹⁹.

Национальное вече, в которое вошли традиционные словенские политические партии — либералы, социал-демократы и клерикалы (Словенская народная партия), не исключало сотрудничества с оккупационными властями, выступало за восстановление королевской Югославии при некоторых реформах, максимально возможное объединение словенских этнических территорий и опору на Англию

и США. Словенские политики в Лондоне были непримиримо настроены по отношению к оккупантам, однако ставили своей целью восстановление «старой» Югославии, выступали с антикоммунистических позиций против социальной революции и за объединение всех словенских территорий. Находясь на антикоммунистических и антиреволюционных позициях, Лондонское правительство обнаружило гораздо большую склонность к сотрудничеству с традиционными партиями, чем с Освободительным фронтом.

«Контрреволюционный лагерь» обвинял ОФ в стремлении создать среднеевропейское коммунистическое государство и, следовательно, в антиюгославизме, в антинациональном курсе¹²⁰. В то же время югославизм стал господствующим политическим течением у словенцев в годы Второй мировой войны, в известном смысле единственной словенской национальной идеей и возможностью самосохранения.

6 апреля 1941 г. в Любляне представители «традиционных партий» образовали Национальное вече, которое робко попыталось взять власть, когда прекратилась связь с Белградом. После того как власть полностью перешла в руки оккупантов, вече попыталось добиться для Словении положения, сходного с положением, которое имела Словакия¹²¹. Но бывшая Дравская бановина была безжалостно разделена, и входившие в вече партии предлагали свои услуги и немцам, и итальянцам. Востребованы они были лишь последними в рамках их более мягкой и хитрой оккупационной политики с предоставлением Люблянской провинции особого статуса — «культурной автономии». Это означало присоединение к Италии при этнической и культурной автономии, участие в управлении, двуязычие и освобождение мужчин от военной службы. Но Люблянская провинция была включена в итальянскую политическую экономическую и правовую системы, что предполагало не только «сближение», но и ассимиляцию словенцев¹²². Однако уже в 1942 г. Бенито Муссолини признал: «Наша политика была наивной».

Первым программным документом и первой реакцией на сложившуюся в словенских землях ситуацию было обращение, с которым 20 апреля 1941 г. выступили Миха Крек, Франц Сной, Франц Габровшек и Алоизий Кухар. Они осудили нападение на Югославию и заявили, что национальной целью должно стать «освобождение и объединение всех областей и краев, в которых проживает словенский на-

род»¹²³ (фактически это означало пересмотр Сен-Жерменского договора с Австрией 1919 г. и результатов плебисцита 1920 г., отрицание Лондонского соглашения 1915 г. держав Антанты с Италией). Они считали, что только объединение Словении в границах Югославии может дать ей свободу и «защитит ее только вместе с другими славянскими братьями, в особенности с сербами и хорватами». По сути дела так ставили вопрос в ходе Второй мировой войны все словенские национально-политические программы — и революционного, и контрреволюционного лагеря, расходясь только в степени последовательности и решительности применения принципов суверенности и федерализма. Лишь группа правых католиков Ламберта Эрлиха игнорировала югославский вариант и выступала за «католическую средневропейскую конфедерацию»¹²⁴. И впоследствии, обвиняя коммунистов в стремлении создать «Дунайскую федерацию», клерикалы сами подумывали о католической федерации средневропейских государств — с Польшей и Чехией¹²⁵.

Осенью 1941 г. Словенская народная партия в «Лондонских пунктах» выступила за свободную и независимую Словению, как равноправную часть обновленной и федеративной Югославии. Партия предполагала также установить связь Югославии с Болгарией и создать Балканскую федерацию. В 1943 г. эта идея перекочевала и в программу Освободительного фронта¹²⁶.

1 мая 1941 г. «группа словенских эмигрантов в Англии» следующим образом очертила границы существования словенского этноса: в Австрии — от Каринтии до Плецкен пасса и реки Крки, в Венгрии — до Моноштра, в Италии — до реки Талиаменто¹²⁷. Это была объяснимая в условиях войны максималистская националистическая программа этнотерриториальных претензий к соседним государствам, совершившим агрессию, где, однако, проживали и представители других народов, также считавших эти территории своими.

Пытаясь любыми путями воспрепятствовать наступлению господства коммунистов, словенские политики пытались найти всевозможные новые формы государственного устройства — это и объединение словенских земель, включая Целовец, под итальянским протекторатом (в тот момент Италия уже воевала на стороне антигитлеровской коалиции!); передача Краньске (Крайны) под немецкий протекторат, о чем подумывал Л. Рупник; создание «Великой Словении» или Словенской республики

во главе с Рупником; конфедерация с НГХ; средневропейская католическая федерация и т. д.¹²⁸ Правые — антикоммунистические и коллаборационистские силы — сильно отставали от Освободительного фронта и в области стратегии будущего развития словенской государственности, и в ее реализации¹²⁹. Не говоря уже о том, что все эти планы в сложившейся ситуации были абсолютно утопичны.

Обсуждалось возможное соотношение сил и реорганизация балканского этнополитического мира и в странах — союзниках Германии. В болгарской газете «Зóра» 3 апреля 1943 г. журналист Васил Сеизов написал, что «югославянская идея окончательно похоронена в сознании хорватского и сербского народов». Сообщалось об информации швейцарского и шведского радио о возможности создания «т. наз. балканской армии, в которую вошли бы болгарская, хорватская и венгерская армии, а также 30 итальянских дивизий, находящихся на Балканах». Она должна была находиться под германским руководством и командованием. Как утверждалось, «немцы делают это в рамках своих оборонительных мер на Балканах»¹³⁰.

Спустя всего десять дней, анализируя возможное развитие событий, хорватский дипломат писал, что в случае открытия «второго фронта» немцы попали бы в клещи. В частности, «русские напали бы на Балканы, и Советы высадили бы десант на болгарском и черноморском побережье»¹³¹. В то же время посланник НГХ в Софии Владимир Жидовец 24 мая 1943 года сообщал о советско-британских противоречиях на Балканах, выражая надежду, что они создадут «благоприятное положение для Германии на Балканах». «Англия не может позволить России, несмотря на то большевистская она, царская или националистическая, выйти к Дарданеллам, поскольку в тот же момент под русским влиянием оказалась бы и Греция, и очень быстро Россия добралась бы и до Египта и Суэца, и однажды был бы навсегда перерезан жизненно важный для Англии путь на восток». Кроме того, по мнению представлявшего режим Павелича дипломата, «и различие общих интересов между Англией и Россией создает благоприятные перспективы для Германии»¹³². 12 августа того же года он писал об опасениях Великобритании относительно заключения мира между Германией и СССР (этот мотив часто присутствует в донесениях и докладах Жидовца, но обсуждение реальной возможности такого развития событий выходит за рамки данного

исследования), которое «может передать все Балканы [в руки] Советов»¹³³.

Анализируя положение после падения в Италии режима Муссолини 24–25 июля 1943 г., хорватский дипломат обращал внимание на то, что НГХ угрожает непосредственная опасность как со стороны англосаксов, так и со стороны коммунизма на Балканах (т.е. движения Тито и «планов Советской России, которая везде подчеркивает, что Балканы входят в сферу ее влияния»; в этой связи дипломат сослался на данные японской секретной службы о том, что «русский главный штаб в Батуме с начала 1943 г. готовит возможный десант на Балканы»¹³⁴). С этой точки зрения различий в подходе к балканским проблемам между лондонским правительством короля Петра II и «поглавником» Павеличем не было. Со своей стороны, правительство СССР в представлении правительству Болгарии в сентябре 1941 года обвиняло ее в том, что «теперь Болгария превратилась в плацдарм для военного нападения Германии и ее союзников на Советский Союз с использованием территории Болгарии для нападения на Одессу, Крым и Кавказ (так в документе. — С. Р.)»¹³⁵.

В то же время посланник Германии в Загребе Зигфрид Каше 11 февраля 1944 г. писал в своем докладе: «Хорватия предлагает нам силу, которая представляет собой сильный противовес югославянской интеграции»¹³⁶.

Таким образом, политика государств «оси» заключалась в сохранении созданных в результате военных действий и международных политико-правовых актов 1938–1941 гг. всевозможных этнонациональных государств и государственных образований, на «преодоление» Версальской системы. Основой этой системы было политико-идеологическое единообразие (принятие идей национал-социализма, фашизма и радикального этнонационализма. Германия и Италия становились в таком случае «регуляторами» межгосударственных и межнациональных отношений, а также государственных границ в Центральной и Юго-Восточной Европе.

* * *

Внешнеполитическим концепциям государств и национальных движений балканского региона в ходе Второй мировой войны независимо от их политико-идеологической основы и внешнеполитической ориентации были присущи два парадоксальным образом соединенных между собой политико-идеологических и психо-

логических комплекса. Первый — идея и чувство общности интересов и сотрудничества, стремление (исходя из исторического опыта второй половины XIX — начала XX в.) не допускать вмешательства в дела региона внешних сил, прежде всего любой великой державы. Лозунг «Балканы — балканским народам» был объединен с идеей национального и социального освобождения и национального самоопределения.

Второй — этнотерриториальные претензии друг к другу в условиях смешанного и (или) чересполосного проживания двух или нескольких народов, требование создания суверенного независимого этнического государства в максимально расширенных границах. Противоречия, созданные не в последнюю очередь политикой великих держав, начиная с Берлинского конгресса 1878 г. лишали «балканцев» возможности самостоятельного их преодоления, а новые попытки их «урегулирования» со стороны великих держав, исходивших не только из своих политических, экономических и военных интересов, но и идеологических построений, лишь усиливали напряженность и формировали новые очаги конфликтности. Балканская Антанта распалась, и балканские государства именно в силу этнотерриториальных противоречий оказались в разных противоборствовавших коалициях.

Противоречия национально-государственных интересов и традиций, а также фундаментальные политико-идеологические расхождения существовали даже между союзниками. В центре этих конфликтов и планов их возможного решения находилось крупнейшее государство балканского региона — Югославия.

Династия Карагеоргиевичей и королевское правительство в Лондоне в своей политике исходили из идей монархизма, централизма (или федерализма) во внутреннем устройстве, «балканизма» — идеи союза балканских государств — в области внешней политики, стратегической ориентации на Великобританию при осознании необходимости до последней возможности (британско-советского разрыва) поддерживать хорошие отношения также с СССР и, естественно, антикоммунизма.

Коммунисты выдвигали в противовес этническому национализму классовую теорию. Основными элементами мировоззрения и политики Тито были: коммунистическая идеология, соединение пролетарского интернационализма с югославизмом, а также с внутрюгославским и региональным, балканским,

федерализмом, «балканизм», поставленный на службу Югославии и югославскому авторитарному коммунистическому государству, новому политическому классу, компартии Югославии и ее вождю. Объединяло югославских коммунистов и монархистов одно — стремление восстановить независимость и целостность страны при территориальных приращениях на основе естественного права, будь то каждого отдельного народа (коммунисты) или югославян в целом (монархисты), а также этнодемографической ситуации.

Национально-государственные интересы Югославии (Королевство Югославия, Демократическая Федеративная Югославия) формировались как сумма исторически сложившихся принципов и этнополитических претензий национальных движений югославянских народов к соседним народам и государствам под лозунгом полного объединения этнических территорий и национального самоопределения¹³⁷. А эти интересы объективно зачастую не только не совпадали с интересами и целями СССР, но и прямо противоречили им. Новая Югославия и ее заново формировавшийся политический класс — «аппарат» — объективно стали наследниками проблем и вариантов их решения, выдвигавшихся как королевским правительством, так и КПЮ в 1920–1930-е годы.

Опираясь на легитимность победителя в войне, КПЮ и югославское государство стали наследниками и выразителями этих этнотерриториальных претензий в максималистской форме. Требования сербов, хорватов, словенцев, боснийских мусульман, черногорцев и македонцев (не говоря уже о неславянских национальных меньшинствах, например албанцах, также далеко не всегда совпадали с геополитическими представлениями и государственными интересами Москвы.

Этнонациональные компоненты югославского политического сознания соединялись и объединялись региональной формой полиэтнического национализма (славянской идеи) — югославизма. Формально провозглашенный коммунистический «пролетарский интернационализм» не смог победить этнический национализм. Наоборот, он стал его наиболее агрессивным выражением, опирающимся на силу государства. Это стало результатом совпадения социальной и национальной революций — национальное объединение и восстановление югославского государства воспринималось в неразрывной связи не только с долгожданным

национальным освобождением, но и с созданием нового общества «социальной справедливости».

Политика государств антигитлеровской коалиции, движений Сопротивления и правительств в изгнании была направлена на восстановление и исправление Версальской системы — расширение границ своих государств после их освобождения за счет соседних государств-противников.

Политика СССР на Балканах строилась на соединении традиций политики Российской империи и собственных интересов, идеи Пролетарского интернационализма и славизма (поворот произошел в 1940–1941 гг., в особенности — после нападения Германии). Идея балканского, как, впрочем, и любого внутрирегионального сотрудничества других государств, была СССР изначально чужда. СССР интересовала не конфедерация или федерация, союз государств или тем более единое государство, а система двусторонних договоров между балканскими странами, между СССР и балканскими странами.

В македонском вопросе Германия поддерживала Болгарию, а СССР — Югославию. Кроме того, советская сторона не отказалась от зафиксированного в документах Коминтерна в 1920-е гг. признания существования македонской нации как особой этнополитической и территориальной общности.

В результате того, что Италия оказалась ближайшим союзником Германии, произошло коренное изменение политики СССР по отношению к югославско-итальянским отношениям. В 1920–1930-е гг. советское государство поддерживало отношения с итальянским государством — противником королевской Югославии. После нападения Германии и ее союзников на СССР, Москва стала поддерживать требования к Италии, выдвинутые союзниками, сначала — королевским правительством Югославии в изгнании, а затем — Народно-освободительным движением и созданными в 1943–1945 гг. новыми государственными институтами. Они были направлены на территориальные изменения в пользу Югославии на основе естественного права и принципа национального самоопределения.

Проблема федерализма на Балканах имела два аспекта. Первый — «узкий» — касался создания федерации как формы восстановленного югославского государства. В представлениях коммунистов она должна была стать копией советской государственности.

Второй — «широкий» — рассматривался как одна из форм этнополитической организации всего региона. В представлениях социал-демократов балканских стран это позволило бы устранить отождествление этнонациональных и государственных границ и, таким образом, преодолеть межнациональные этнотерриториальные конфликты, в том числе и религиозно-конфессиональной составляющей. Югославское государство — централистское или федеративное, в этом случае должно было бы объединиться с другими государствами региона в рамках более крупной федерации или межгосударственного союза — возможно, конфедерации.

Идея федерации как формы регионального устройства Балкан и Средней Европы в целом выступала в нескольких формах: Балканская федерация, восходившая к идеям балканской социал-демократии накануне Первой мировой войны и концепциям Коминтерна, британская идея системы федераций в Центральной и Юго-Восточной Европе, центрально-европейская Дунайская федерация, федерация католических государств.

Наряду с федеративным проектом существовал и иной — создание союза балканских государств при сохранении каждым из них своего суверенитета. Этот вариант исходил из идеи существования Балкан как особого политического и экономического региона. Однако и идеи этнического родства (прежде всего, южных славян) не были ему чужды. Прежде всего это касалось отношений между Югославией и Болгарией. Границы подобного регионального союза зачастую толковались весьма широко и предполагали включение в него даже Венгрии, Турции и Италии.

Независимо от социально-политической идеологии планы переустройства региона, выдвигавшиеся как государствами антигитлеровской коалиции, так и государствами «оси», как ведущими державами, так и государствами региона, как агрессорами, так и жертвами агрессии и освободительными движениями, состояли из нескольких концептуальных элементов, каждый из которых мог причудливым образом соединяться со всеми остальными, а мог и противоречить им. Это были концепция национальных интересов каждого народа, начавшая формироваться еще в начале XIX в.; концепция славянской близости (общности и солидарности), общеславянской (включая и Россию) или средневропейской или балканской, проти-

востоящей России, в особенности Советской (т.е. СССР); концепция региональной — балканской или средневропейской — общности; идеи федерализма; монархизма, республиканизма. Идеи демократии и национального освобождения противостояли идеям тоталитаризма и национал-социализма.

Подводя итог, можно сделать вывод, что вся история народов, населявших Балканы, — это попытка найти единственно верное соотношение между этническими территориями и границами государств. Различные политические силы внутри самих балканских государств для решения этой задачи опирались во вне на разные государства и, соответственно, коалиции, а также на различные типы идеологии.

Как свидетельствуют источники, название региона было разным — Балканы, Юго-Восточная Европа. Оба этих «регионима» использовались политиками и аналитиками обеих противоборствующих сторон.

Проблема федерализма на Балканах имела два аспекта. Первый — «узкий» — касался федерации как формы восстановленного югославского государства (копия советской государственности, восходившей также к традиции балканской социал-демократии, что и было реализовано).

Второй — «широкий» — рассматривался как одна из форм организации всего региона, т.е. устранения отождествления этнонациональных и государственных границ и, таким образом, межнациональных этнотерриториальных конфликтов, содержащих зачастую религиозно-конфессиональный элемент. Югославия — централистская и федеративная — должна была объединиться с другими государствами региона в рамках более крупной федерации или межгосударственного союза — возможно, конфедерации.

Идея федерации как формы регионального устройства Балкан и Средней Европы в целом выступала в нескольких формах: Балканская федерация, восходящая к идеям балканской социал-демократии накануне Первой мировой войны и концепциям Коминтерна, британская идея системы федераций в Центральной и Юго-Восточной Европе, центрально-европейская Дунайская федерация, федерация католических государств.

Независимо от идеологии планы переустройства региона, выдвигавшиеся как государствами антигитлеровской коалиции, так и странами «оси», как ведущими державами, так и государствами региона и жертвами агрес-

сии, состояли из нескольких концептуальных элементов, каждый из которых мог причудливым образом соединяться со всеми остальными, а мог противоречить им. Это были концепция национальных интересов каждого народа, начавшая формироваться еще в начале XIX в.; концепция славянской близости (общности), общеславянской (включая и Россию), или средневропейской, или балканской, противостоящей России, в особенности Советской (СССР); концепция региональной — балканской или средневропейской — общности; идеи федерализма; монархизма, республиканизма. Первая предполагала максимально расширенные границы, совпадавшие с границами расселения данного этноса. Границы двух других общностей определялись конкретным положением государства и политической ситуацией — включать Венгрию, Турцию и Италию.

И славизм, и балканизм опирались на две соперничавшие политико-правовые концепции — федерализм и идею союза независимых государств. Иными словами одни пытались принести решение этнотерриториальных конфликтов двумя типами сотрудничества: путем объединения конфликтующих национальных движений и государств в одно государство (некоторым образом вернуться к Австро-Венгрии, опыт которой показал невозможность подобно-

го решения); балканская федерация — балканские социал-демократы, которым наследовала КПЮ. Идею монархической федерации выдвинула еще российской императорской дипломатией в 1910-х гг.

Вторая концепция этнополитического устройства Балкан — союз суверенных национальных государств, опиравшийся на опыт с 1860-х гг. XIX в., 1912 г. и 1934–1940 гг. принципы монархизма и республиканизма. Социально-политической и идеологической основой как федерализма могли быть как коммунизм (пролетарский интернационализм и соединения социальной революции с социальной, т. е. социалистической), так и либерализм и консерватизм, категорически отрицавшие идею социальной революции. Третьим вариантом был национал-социализм и экстремистский этнический национализм, исходивший из идеи полного тождества этнической территории и границ государства.

Вся история народов, населявших Балканы, — это попытка найти единственно верное соотношение между этническими территориями и границами государств. Различные политические силы внутри самих балканских государств для решения этой задачи опирались за их пределами на разные государства и, соответственно, коалиции, а также на различные типы идеологии.

¹ Королевское правительство с 21 июня 1941 г. до 10 августа 1943 г. находилось в Лондоне. Его возглавляли Душан Симович (черногорец, генерал, 27 марта 1941 — 12 января 1942), Слободан Йованович (серб, вне партий, 12 января 1942 — 26 июня 1943), Милош Трифунович (Сербская радикальная партия, 26 июня — 10 августа 1943). Затем правительство переехало в Каир. Там им руководили Божидар Пурич (серб, вне партий, 10 августа 1943 — 8 июля 1944), Иван Шубашич (Хорватская крестьянская партия, 8 июля 1944 — 30 января 1945), Драго Марушич (словенец, вне партий, 30 января — 7 марта 1945).

Министры иностранных дел Момчило Нинчич (16 апреля 1941–1 января 1943, оба правительства Д. Симовича и первое правительство С. Йовановича), Слободан Йованович (2 января — 26 июня 1943, второе правительство С. Йовановича), Милан Грол (Югославянская демократическая партия, 26 июня — 10 августа 1943), Божидар Пурич (10 августа 1943 — 1 июня 1944), Иван Шубашич (1 июня 1944 — 17 октября 1945). Очень часто премьер брал на себя функцию и министра иностранных дел, что было оправдано и логично в условиях тех лет.

Посланник Югославии в СССР Милан Гаврилович (он занял этот пост сразу после установления дипломатических отношений между двумя странами на уровне миссий 24 июня 1940 г.) вскоре после восстановления дипломатических отношений (прекращены 8 мая 1941 г.; официально восстановлены 17 июля; и 19 июля 1941 г. «Чрезвычайный Посланник и Полномочный министр Югославии в СССР г-н Гаврилович» вернулся в Москву), в конце августа — начале сентября 1941 г., переехал в Лондон, где продолжал заниматься политикой в эмиграции. В 1942 г. посланником югославского королевского правительства стал Станое Симич (с 1943 г. — посол), впоследствии перешедший на сторону Тито. Он занимал этот пост до весны 1945 г.

Советским послом при союзных правительствах в Лондоне (в том числе и при югославском дворе) 3 сентября 1941 г. был назначен А. Е. Богомолов. 12 ноября 1943 г. его сменил В. З. Лебедев. С 13 марта 1945 г. до 26 февраля 1946 г. этот пост занимал И. В. Садчиков. После переезда в августе 1943 г. королевского правительства из Лондона в Каир дипломатические отношения осуществлялись через миссию СССР в Египте. Советский посол в Каире Н. В. Новиков с 1 ноября 1943 года стал послом, аккредитованным при югославском королевском правительстве.

В образованном 28 ноября 1943 г. на II сессии АВНОЮ Комитете национального освобождения (КНОЮ) пост комиссара иностранных дел (уполномоченного по иностранным делам) с 29 ноября 1943 г. по 7 марта 1945 г. занимал Иосип Смодляк. В созданном 7 марта 1945 г. временном правительстве Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ) министром иностранных дел стал И. Шубашич. 10 августа 1945 г., уже после окончания войны и освобождения Югославии, была официально провозглашена ДФЮ, а 29 ноября 1945 г. — Федеративная Народная республика Югославия.

- ² Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах). М., 1989. С. 424–433.
- ³ Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. Zagreb, 1981. S. 173.
- ⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 253. Далее — ДВП.
- ⁵ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов: В 2 ч. М., 2000–2003.
- ⁶ Balkanski ugovorni odnosi. Т. 2. S. 483–489, 493–496.
- ⁷ Цит. по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы: В 2 т. М., 1973. Т. 1: Подготовка и развертывание нацистской стратегии в Европе, 1933–1941. С. 711.
- ⁸ Тексты договоров ср., напр., по: Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 4: Вторая мировая война: Документы и материалы. С. 81, 182. К этому, конечно, надо добавить и секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года, разъяснение к нему от сентября 1939 года, секретные дополнительные протоколы к нему от 28 сентября 1939 года, а также от 10 января 1941 года. В этих документах использовалось словосочетание «сферы интересов» и указывалось на возможность «территориально-политического переустройства» областей, входивших в состав других государств. См: Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 154.
- ⁹ ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 662; Отношения России (СССР) с Югославией, 1941–1945 гг. М., 1998. С. 37–38.
- ¹⁰ ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. С. 661.
- ¹¹ Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 14, 131.
- ¹² Майский И. М. Дневник дипломата: Лондон, 1934–1943: В 2 кн. М., 2006–2009. Кн. 2. Ч. 1. С. 394–395, 366–367, 378–379.
- ¹³ Отношения России (СССР) с Югославией. С. 53.
- ¹⁴ Представитель Савойской династии — князь Аймоне Маргарита Мария Джузеппе ди Торино, наследный герцог Сполето — под именем Томислава II был провозглашен королем НГХ. Его власть была символической как по отношению к Гитлеру и Муссолини, так и по отношению к Павеличу. Своих формальных полномочий он лишился после выхода Италии из войны 12 октября 1943 года. Умер в 1947 г. в эмиграции в Аргентине
- ¹⁵ Balkanski ugovorni odnosi. S. 498–499, 503–505.
- ¹⁶ ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. С. 662.
- ¹⁷ См.: Правда. 1941. 6 апреля, 8–20 апреля, 20 мая, 24 и 27 июня. Также см.: Отношения России (СССР) с Югославией. С. 30–35.
- ¹⁸ Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 117.
- ¹⁹ Ibid. S. 117.
- ²⁰ Отношения России (СССР) с Югославией. С. 43.
- ²¹ См.: Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 т. М., 1997–1998. Т. 3: Великий союз. С. 191–193.
- ²² Balkanski ugovorni odnosi. Т. 2. S. 503.
- ²³ См. запись беседы И. Суботича с И. М. Майским 23 июля 1941 года: Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 167.
- ²⁴ Правда. 1941. 20 июня.
- ²⁵ Отношения России (СССР) с Югославией. С. 52.
- ²⁶ ДВП. Т. 24. С. 107, 111–112.
- ²⁷ ДВП. Т. 24. С. 502.
- ²⁸ Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 453.
- ²⁹ Velebit V. Sećanja. Zagreb, 1983. S. 139.
- ³⁰ Подробнее об этом см., напр.: Отношения между Россией (СССР) и Югославией. С. 52–54, 58–59 и др.
- ³¹ Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 173–174.
- ³² Ibid. S. 174–177.
- ³³ Ibid. S. 178–179.
- ³⁴ Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 183; Отношения России (СССР) и Югославии. С. 60; Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 7. S. 483.
- ³⁵ Balkanski ugovorni odnosi. Т. 2. S. 509–510
- ³⁶ Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 186.
- ³⁷ Ibid. S. 177.
- ³⁸ Groj M. Londonski dnevnik. Beograd: Filip Višnjić, 1990. S. 9–10, 12.
- ³⁹ Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 2. Ч. 1. С. 118.
- ⁴⁰ Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 203–204
- ⁴¹ Поповић Н. Југославија и свесловенски комитет (1941–1945) // Југословенско-советските односи во втората светска војна (1941–1945). Скопје, 1991. С. 158–159, 163; Groj M. Londonski dnevnik. S. 26–27.
- ⁴² Правда. 1941. 12 авг.; Большевик. 1942. № 5; Поповић Н. Југославија и свесловенски комитет. С. 159. Ссылки на многочисленные публикации в советской печати 1941–1945 гг., посвященные борьбе партизан Тито, и фрагменты из них см.: Отношения между Россией (СССР) и Югославией. С. 53, 56–58, 62–63, 68–70, 126–127, 143–144 и др. Пример пропаганды сторонников королевского правительства см.: Europe under the Nazis. Yugoslavia in Arms. L. 1942.

- ⁴³ См.: Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 31, 50, 53, 71, 107–108, 125, 145, 155, 161–162, 172, 188.
- ⁴⁴ См.: Отношения России (СССР) с Югославией. С. 118–120; Ржешевский О. А. Визит В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 года. Переговоры с У. Черчиллем, А. Иденом и переписка с И. В. Сталиным // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 179. Об отношениях югославского королевского правительства в Лондоне с СССР и имевших место концепциях и контактах двух сторон также см.: Слободан Јовановић у емиграцији: Разговори и записи. Београд, 1993.
- ⁴⁵ Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 415.
- ⁴⁶ Balkanski ugovorni odnosi. T. 2. S. 527–530.
- ⁴⁷ Rzeshevsky O. A. War and diplomacy: The making of a great Alliance. Amsterdam, 1996. P. 300–301.
- ⁴⁸ Павловић К. Ст. Разговори са Слободаном Јовановичем, 1941–1958 // Слободан Јовановић у емиграцији: Разговори и записи. С. 30.
- ⁴⁹ Ibid. С. 31. Также см. С. 33.
- ⁵⁰ Югославия 4 мая 1941 г. объявила войну Болгарии и Венгрии. 22 октября того же года, уже из Лондона, королевское правительство в ноте, направленной союзным государствам, протестовало против того, что «болгарское правительство считает, что эти [оккупированные] области окончательно включены в [состав] болгарской государственной территории». См.: Petranović B., Zečević M. Jugoslavija, 1918–1984. Beograd, 1985. S. 422, 425.
- ⁵¹ Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 219.
- ⁵² Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории: В 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 406.
- ⁵³ Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 364.
- ⁵⁴ Balkanski ugovorni odnosi. S. 512–515
- ⁵⁵ Отношения России (СССР) и Югославии. С. 89–90.
- ⁵⁶ Там же. С. 92.
- ⁵⁷ Там же. С. 496.
- ⁵⁸ ДВП. Т. 24. С. 394. Также см.: Майский И. М. Дневник дипломата. Кн. 2. Ч. 2. С. 68–69.
- ⁵⁹ Дискуссия (за исключением самого доклада Нинчича!) была опубликована в: Jugoslavenske vlade u izbeglištvu, 1941–1943. S. 399–471.
- ⁶⁰ Ibid. S. 459.
- ⁶¹ Grol M. Londonski dnevnik. S. 324
- ⁶² Ibid. S. 368.
- ⁶³ Ibid. S. 276.
- ⁶⁴ Enciklopedija Jugoslavije. Sv 7. S. 263.
- ⁶⁵ Prunk J. Slovenski narodni vzpon. Narodna politika (1768–1992). Ljubljana, 1992. S. 302, 331.
- ⁶⁶ Рупник (Rupnik) Леон — бригадный генерал разгромленной югославской армии. После оккупации Италией части Словении (Люблянская провинция) стал градоначальником Любляны. Создал части «гражданской обороны». После капитуляции Италии, уже в период германского правления, создал формирования словенских «домобранов».
- ⁶⁷ Slovenska kronika XX stoljetja. S. 60.
- ⁶⁸ Balkanski ugovorni odnosi. II. S. 508–509; Внешняя политика СССР в период Отечественной войны: В 3 т. М., 1944–1947. Т. 1. С. 147–148; Юнгблюд В. Т., Костин А. А. Политика США в Югославии в 1941–1945 гг. Киров, 2004.
- ⁶⁹ Balkanski ugovorni odnosi. II. S. 511.
- ⁷⁰ Čizmić I. O političkom djelovanju hrvatskih i srpskih iseljenika u Sjedinjenima Američkim Državama u Drugome svjetskom ratu. — <http://www.cpi.hr/download/links/hr/11691.pdf> Воспоминания короля об этой поездке см. — http://www.novosti.rs/dodatni_sadržaj/clanci.119.html:426813-Ruzvelt-Cercil-i-ja
- ⁷¹ Balkanski ugovorni odnosi. S. 515–518, 521–523.
- ⁷² Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 436.
- ⁷³ Там же С. 455.
- ⁷⁴ Balkanski ugovorni odnosi. T. 2. S. 497.
- ⁷⁵ Grol M. Londonski dnevnik. S. 174.
- ⁷⁶ Balkanski ugovorni odnosi. T. 2. S. 537–538.
- ⁷⁷ Ibid. S. 546–548.
- ⁷⁸ Павловић К. Ст. Разговори са Слободаном Јовановичем. С. 43. Также см. С. 44–46.
- ⁷⁹ Ibid. С. 46.
- ⁸⁰ Ibid. С. 48.
- ⁸¹ Ibid.
- ⁸² Jugoslovenske vlade u izbeglištvu, 1943–1945. Zagreb, 1981. S. 260.
- ⁸³ Ibid. S. 261–262.
- ⁸⁴ Отношения России (СССР) с Югославией. С. 184, 527. В издании, к сожалению, не уточняется, под чью опеку и в какой форме.

- ⁸⁵ Там же. С. 184–185.
- ⁸⁶ Официально вступил в должность 10 января 1942 г. вместо отбывшего в Лондон 10 декабря 1941 г. М. Гавриловича. Впоследствии перешел на сторону Тито. Однофамилец Божина Симича. Об отзыве Гавриловича см.: Отношения России (СССР) и Югославии. С. 78–79; ДВП. Т. 24. С. 418–420.
- ⁸⁷ ДВП. Т. 24. С. 192.
- ⁸⁸ Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953: Документы: В 2 т. М., 1999. Т. 1: 1944–1948. С. 29. В своем дневнике начиная с 1943 г. Майский уделил большое внимание разработке и обоснованию политики СССР в Средней Европе и проблеме федераций. В беседе с Иденом 10 марта посол высказался в том духе, что «общее настроение наших политических кругов в отношении федераций очень настороженное. Причина понятна. Вопрос о федерациях не абстрактный вопрос. Надо точно знать, о каких федерациях идет речь? Будет ли та или иная федерация дружественна или, наоборот, враждебна СССР?» (Майский И. М. Дневник посла. Кн. 2. Ч. 2. С. 240, а также 318, 333–334).
- ⁸⁹ Там же. С. 31, 32.
- ⁹⁰ Там же. С. 37.
- ⁹¹ Jugoslovenske vlade u izbeglištvu, 1943–1945. S. 317.
- ⁹² Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 596.
- ⁹³ Balkanski ugovorni odnosi. S. 575–577.
- ⁹⁴ Ibid. S. 546–550.
- ⁹⁵ Ibid. S. 541–546.
- ⁹⁶ Ibid. S. 641–648, 652–655.
- ⁹⁷ Цит. по.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 713
- ⁹⁸ Balkanski ugovorni odnosi. S. 498–499
- ⁹⁹ Ibid. S. 503–504.
- ¹⁰⁰ Srbi u ratnom dnevniku Vermahta. Beograd, 2003. S. 96.
- ¹⁰¹ Tomašević J. Četnici u drugom svjetskom ratu, 1941–1945 / Prevod sa engleskoga. Zagreb, 1979. S. 156–157. Также см.: Hadri A. Narodnooslobodilački pokret na Kosovu, 1941–1945. Beograd, 1973. S. 275–281.
- ¹⁰² Цит. по: Матић М. Равногорска идеја у штампи и пропаганди. Београд, 1995. С. 158.
- ¹⁰³ Матић М. Ор. cit. С.20. Чуть больше месяца спустя хорватские политики в эмиграции также поминали 1918 г. недобрым словом: «Чтобы воспрепятствовать братоубийственной войне (и для того чтобы не повторился 1918 г.), надо, чтобы Хорватия осталась в нынешних границах НГХ как единой административной территории до тех пор, пока не будут урегулированы отношения с Сербией». Boban Lj. Hrvatska u diplomatskim izveštajima izbegličke vlade, 1941–1943. Druga knjiga. Zagreb, 1988. S. 292.
- ¹⁰⁴ О перипетиях тактических маневров и борьбы великосербского и югославистского течений в четническом движении см. уже упоминавшуюся выше очень интересную, хотя и далеко не бесспорную книгу М. Станишича.
- ¹⁰⁵ Цит. по.: Матић М. Ор. cit. С. 177.
- ¹⁰⁶ Ibid. С. 210.
- ¹⁰⁷ Этот документ опубликован в 1968 г. в книге сербского историка С. Кракова «Milan Nedić» (München, 1968). В книге цит. по: Etničko čišćenje. Povijesni dokumenti o jednoj srpskoj ideologiji / Priredili Marko Grmek, Marc Gjedara i Neven Simac. Zagreb, 1993. S. 135–141. См. также: Borković M. Milan Nedić. Zagreb, 1985. S. 268–320.
- ¹⁰⁸ Павловић И. Милан Ђ. Недић и његова доба. Књига 1. Отаџбинско издање. Београд, 1994. С. 167–171.
- ¹⁰⁹ Vojinović A. NDH u Beogradu. Zagreb, 1995. Также см.: Borković M. Kontrarevolucija u Srbiji. Kvislinška uprava, 1941–1944. Knjiga druga: 1943–1944. Beograd, 1979. S. 239–243; Документи о издајству Драже Михаиловића. I. Beograd, 1946. С. 203–209.
- ¹¹⁰ Dokumenti ustaša / Priredio Petar Požar. Zagreb, 1995. S. 57–89. См. также: Matković H. Povijest Jugoslavije. Zagreb, 1998. S. 243–245; Matković H. Povijest Nezavisne Države Hrvatske. Zagreb, 1994.
- ¹¹¹ Dokumenti ustaša. S. 95–109. Также см.: Pavelic A. Die kroatische Frage. Berlin, 1941; Horvat R. Hrvatska na mučilištu. Zagreb, 1992; Barišić M. Ante Pavelić. Zagreb, 1985; Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 8, S. 438–444; Этнодемографическую концепцию хорватского экстремистского радикального национализма см.: Lorković M. Narod i zemlja Hrvata. Zagreb, 1996 (первое издание — Zagreb: Matica hrvatska, 1939).
- ¹¹² Мировая война, 1939–1945 / Пер. с немецкого. М.; СПб., 2000. С. 174.
- ¹¹³ Horvat R. Hrvatska na mučilištu. Zagreb, 1992. S. 621; Duraković N. Prokletstvo Muslimana. Sarajevo, 1993. S. 125; Imamović M. Istorija Bošnjaka. Sarajevo, 1998. S. 531.
- ¹¹⁴ Цит. по: Redžić E. Bosna i Hercegovina u drugom svjetskom ratu. Sarajevo, 1998. S. 334. О позиции различных течений в национальном движении боснийских мусульман во время Второй мировой войны также см.: Filandra S. Bošnjačka politika u XX stoljeću. Sarajevo, 1998. S. 157–195; Brkljača S., Pelešić M., Kamberović H. Bosna i Hercegovina u toku Drugog svjetskog rata // Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svjetskog rata. 2 izd. Sarajevo, 1996. S. 352–356.
- ¹¹⁵ Poslanstvo NDH u Sofiji: Diplomatski izvještaji, 1941–1945. Sv. 2 / Priredila Nada Kisić-Kolanović. Zagreb, 2003. S. 277. Далее — Poslanstvo NDH u Sofiji. 2.
- ¹¹⁶ Антифашистское вече народного освобождения Югославии.
- ¹¹⁷ Jugoslovenske vlade u izbeglištvu, 1943–1945. S. 99–100.
- ¹¹⁸ Slovenska kronika XX stoljetja, 1941–1995. Ljubljana, 1997. S. 11.

■ Том XIII. Военная дипломатия

- ¹¹⁹ Габрич А., Чепич З. Развитие словенской государственности в 1941–1991 гг. // Словения: Путь к самостоятельности: Документы. М., 2000. С. 55–56.
- ¹²⁰ Prunk J. Slovenski narodni vzpon: Narodna politika (1768–1992). Ljubljana, 1992. S. 326.
- ¹²¹ Напр., см.: Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 58, 364; Семиряга М. И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 253–257.
- ¹²² Slovenska kronika XX stoljetja. S. 14.
- ¹²³ Prunk J. Op. cit. S. 301.
- ¹²⁴ Ibid. S. 302
- ¹²⁵ Ibid. S. 331
- ¹²⁶ Slovenska kronika XX stoljetja. S. 59.
- ¹²⁷ Ibid. S. 302.
- ¹²⁸ Slovenska kronika XX stoljetja. S. 60.
- ¹²⁹ Габрич А., Чепич З. Указ. соч. С. 60; Balkanski ugovorni odnosi. S. 575–578.
- ¹³⁰ Poslanstvo NDH u Sofiji. 2. S. 272, 275.
- ¹³¹ Ibid. S. 507.
- ¹³² Ibid. S. 530, 578.
- ¹³³ Ibid. S. 582.
- ¹³⁴ Ibid. S. 578.
- ¹³⁵ ДВП. Т. 24. С. 293.
- ¹³⁶ Srbi u ratnom dnevniku Vermahta. S. 151. О ситуации в Сербии и Хорватии в 1941–1942 гг. см.: Гальдер. Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: В. 3 т. М., 1968–1971. Т. 3. Кн. 1. С. 49, 363, 226, 291, 333, 342; Кн. 2. С. 26, 98.
- ¹³⁷ А те, со своей стороны, также имели однотипные требования к югославянским народам и к югославскому государству.

Документы

Восстановление югославского государства и планы переустройства Балканского региона

Данная подборка документов содержит источники нескольких видов — политические договоры, декларации, документы коммунистических партий, дипломатическую переписку, официальные и личные дневники политиков и дипломатических представителей. При формировании этого блока мы исходили из следующих требований: это должны быть документы, не опубликованные на русском языке (ссылки на многие уже опубликованные важные документы содержатся в комментариях); они должны дополнять тексты статей, составляя с ними единый авторский научно-аналитический комплекс. Тематически они преимущественно посвящены теме межнациональных и межгосударственных отношений на Балканах в 1941–1945 гг. и стратегическим концепциям трансформации этнополитического пространства, которые разрабатывались государствами антифашистской коалиции и странами «оси» на случай победы того или иного лагеря. Представленные в публикации документы по разным причинам не были опубликованы на русском языке. При этом и каждый из них в отдельности, и взятые в совокупности, они позволяют восстановить и объяснить причины, развитие и исторический результат.

Подборка документов состоит из трех разделов :

1. Отношения между королевским правительством Югославии в изгнании и СССР;
2. Планы реформирования этнополитической карты Балкан членами Антигитлеровской коалиции
3. Планы реформирования этнополитической карты Балкан государствами — членами «оси».

Составление и перевод документов с сербского и хорватского языков выполнены д. и. н. профессором РГГУ, вед. н. с. Института экономики РАН С. А. Романенко.

1. Отношения между королевским правительством Югославии в изгнании и СССР

Слободан Йованович¹

Внешняя политика [Момчило] Нинчича²

После капитуляции³ правительство [Югославии] на наших самолетах вылетело в Грецию, а от туда английскими самолетами было переброшено в Иерусалим. Здесь мы были полностью отрезаны от [остального] мира, и если мы хотели заниматься какой-либо политической деятельностью, то прежде всего нам нужно было постараться добраться до Лондона. Ни Россия, ни Соединенные Штаты еще не находились в состоянии войны с Германией. Единственным политическим центром, откуда можно было продолжать борьбу против Германии, был Лондон.

Англичане не очень-то спешили предоставить нам возможность перебраться в их столицу. В конце концов они согласились принять у себя Короля и часть [министров] правительства⁴. Поскольку авиационный перелет во время войны был делом непростым и нелегким, первым в Лондон отбыл Король⁵ с Симовичем⁶ и Нинчичем, что было абсолютно нормально, поскольку первый был председателем правительства, а второй — министром иностранных дел. Вслед за ними, когда представится случай, должны были прилететь Шутей, Крньевич, Грол⁷ и я. Часть остальных членов правительства переехала в Северную Америку, чтобы посмотреть, можно ли там что-нибудь сделать в нашем эмигрантском [сообществе] либо в самом правительстве США, если бы оно, как ожидалось, начало воевать с Германией; остальные министры отправились в Южную Африку, где мы поначалу хотели разместить наших беженцев⁸. Военный министр генерал Илич⁹ остался в Египте с остатками армии, сумевшими эвакуироваться из страны.

Мы с Крневичем прибыли в Лондон последними, в конце июля. Первым, что я услышал от Нинчича, было [его сообщение] о намерении заключить договор о союзе с греками. Это вдохновляло и Нинчича, и Симовича. Совместное выступление Югославии и Греции было необходимо не только на предстоящей мирной конференции, но и в еще большей мере после нее, потому что для наведения порядка на Балканах [надо было] обеспечить преимущественное влияние двум государствам, которые в обеих мировых войнах боролись на стороне западных демократий. Симович придавал греческо-югославскому договору столь большую важность, что хотел, чтобы вопреки установленному обычаю его подписали главы правительств, а не министры иностранных дел. Однако ему не было суждено поставить свою подпись на этом документе. Он ушел в отставку как раз накануне подписания¹⁰, так что мне выпала нежданная честь от имени Югославии подписать договор с Грецией.

Подписание состоялось в британском министерстве иностранных дел в присутствии Идена. Русский посланник не приехал, хотя и был приглашен. Его информировали о ходе предварительных переговоров, но все свидетельствовало о том, что ему что-то не нравится. Отсутствие [русского посланника] на подписании договора продемонстрировало, что [степень его] неудовольствия была гораздо бóльшей, чем мы предполагали. Нинчича это очень встревожило, и, чтобы вернуть расположение русских, он сделал им заявление о том, что мы не будем, не поставив их в известность, заключать никаких соглашений с их соседями. Богомолов¹¹ мне сказал, что это заявление произвело положительное впечатление. Когда я его спросил, что его правительство имеет против нашего договора с Грецией, он ответил, что этот договор не надо было заключать без явно выраженного одобрения его правительства, ибо [самого] факта, что мы держали его в курсе переговоров, недостаточно. Он сказал, что Балканы вообще находятся в русской сфере [влияния] и что русские не стали бы связываться с какими-то союзами и блоками. Им больше хотелось бы вести переговоры с каждым государством в отдельности.

Вскоре у меня с [Богомоловым] состоялся еще один разговор. Он пришел сообщить мне, что его правительство стремится к самым хорошим отношениям с Югославией. Россия — великая держава, и не надо ждать, что она сама будет нам делать предложения. Инициатива должна исходить с нашей стороны. И мы можем быть уверены, что наша инициатива встретила положительный отклик.

Мы с Нинчичем тотчас согласились в том, что нельзя упустить этот случай для укрепления дружественных отношений с Россией. Прежде всего, мы подумали о ратификации договора

о дружбе, о котором Правительство, образованное 27 марта, договорилось с Россией, но которое из-за нападения Германии на Югославию осталось не ратифицированным¹². Богомолов заметил, что надо пойти еще дальше, и когда я его спросил, какой тип договора был бы самым подходящим, он упомянул русско-французский¹³. Это был вариант договора о союзе против Германии.

Находясь в Лондоне, мы не могли готовить договор с русскими, держа в неведении британское правительство. Нинчич проинформировал британское правительство, которое в это время само работало над договором с русскими, и не встретил с его стороны никаких возражений. Но когда текст договора был целиком утвержден, англичане заметили, что неудобно правительству в изгнании, за пределами своей страны и без армии, заключать с другим государством договор о военной помощи. Для заключения такого договора придет время после освобождения Югославии. Интересно, что таких возражений англичане не выдвигали против договора Югославии и Греции, заключенного в Лондоне всего несколько недель назад. Что касается [самого] их замечания, что для нашего договора с русскими время придет после освобождения Югославии, то судьбе было угодно, чтобы такой договор действительно был заключен сразу же после освобождения; только заключил его Тито, который вовсе не заботился о том, чтобы держать англичан в курсе своих намерений, как это делал Нинчич.

Нинчич полагал, что ему в этом случае мешает Крневич. Как только Нинчич его известил о своих переговорах с русскими, Крневич побежал к Сетон-Уотсону¹⁴ с рассказом о том, как сербы бросают англичан и сближаются с русскими; Сетон-Уотсон вспыхнул и сказал, что тому, чего хочет Нинчич, не бывать.

Крневич мог рассказать Сетон-Уотсону, что сербы больше склоняются к русским, чем к англичанам. Он об этом говорил и другим. Но британскому министерству иностранных дел и до доноса Крневича, от самого Нинчича было известно, что мы ведем переговоры с русскими. Точно так же, каким бы ни было влияние Сетон-Уотсона, было бы преувеличением приписывать этому влиянию позицию, занятую по отношению к нам британским правительством. Что же касается Сетон-Уотсона, то позднее, когда Красная армия пришла на Балканы, ради умиротворения России он был готов пойти на много большие уступки, чем те, которые содержались в нашем несостоявшемся договоре с этой державой; среди всех британских публицистов он дольше всех сохранял верность Тито, которого во что бы то ни стало хотел из коммуниста превратить в югославянина *à la* Супило¹⁵.

Нинчич считал, что, пока мы находимся в Лондоне, мы не можем не принимать в расчет препятствия, которые чинило британское правительство нашему договору с русскими. Он меня попросил пойти вместе с ним к Богомолову и напрямик сказать ему, в чем дело. В беседе с Богомоловым Нинчич постарался спасти из проектировавшегося договора все, что, по его мнению, еще можно было спасти. А именно: он предлагал изъять из договора статью о военной помощи, а оставшуюся часть договора подписать уже сейчас, с тем чтобы изъятую статью подписать после освобождения Югославии в качестве приложения к данному договору. Богомолов нас выслушал, как мне показалось, не рассердился и даже не удивился. Он обещал обо всем проинформировать свое правительство, однако после этого мы с ним о договоре более не разговаривали.

Если наши отношения с русскими из-за вмешательства англичан не могли стать более тесными, то нельзя сказать, что они ухудшились. За все время существования политических правительств российская дипломатия, при всем своем недоверии к генералу Михайловичу¹⁶, по отношению к Королю Петру и правительству держалась не только корректно, но даже, можно сказать, и дружески. Русская миссия была возведена в ранг посольства¹⁷. По случаю вручения своих новых верительных грамот Богомолов после окончания церемонии остался наедине с королем, со мной, как с исполняющим обязанности министра иностранных дел и с министром двора Кнежевичем¹⁸. Он сказал следующее: преобразование русской миссии в посольство — это важный акт не только с точки зрения русско-югославских отношений как таковых, но и с точки зрения славянской солидарности. В создающейся сейчас новой Европе славяне должны создать единый блок, многочисленность которого превратила бы его в один из главных факторов международной политики. Он закончил сообщением, что в скором времени планирует дать обед в честь короля Петра.

Все без исключения политические правительства [Югославии в изгнании]¹⁹ считали, что поддерживают хорошие отношения с русскими. Когда Нинчичу после его отставки потребовалось найти преемника, я сам предложил Грола, помимо прочего еще и потому, что считал, что он среди всех возможных кандидатов был бы наиболее подходящим для русских. Что касается самого Нин-

чича, то он и после своей отставки поддерживал контакт с русским посольством и, судя по всему, ему там оказывали особое доверие именно потому, что, как тогда говорили, он не пользуется полным доверием англичан.

Нинчич, хотя и видел необходимость возможно более хороших отношений с Англией, не хотел быть связанным с ней одной. Он пытался сблизиться как с Россией, так и с Соединенными Штатами. Он очень хлопотал, чтобы Король нанес визит президенту Рузвельту. Это, говорил он, нам необходимо по двум причинам. С одной стороны, мы повысим интерес США к нашим делам; с другой — покажем, что наше правительство, хотя временно и находится в Лондоне, не стало полностью зависимым от Англии. Иден, когда ему Нинчич сказал, что король едет в Америку, ничем не выказал нам своего одобрения этой поездки. Как раз накануне отъезда Короля я случайно и как бы мимоходом сказал, что мне неизвестно, какие дела можно было бы отложить до возвращения короля из Америки; Иден довольно угрюмо спросил: «А зачем, собственно, Король должен ехать в Америку?». Его поездка пришлась как раз на то время, когда наши отношения с англичанами из-за каирской аферы²⁰ были довольно напряженными. Поэтому могло сложиться впечатление, что визит короля — это подготовка к переезду нашего правительства из Англии в Америку. Чтобы не произвести подобного впечатления, я в последний момент решил остаться в Лондоне. При этом я следил за тем, чтобы указ о передаче властных полномочий Короля на время его отсутствия Совету министров был сформулирован таким образом, чтобы стало ясно, что наше правительство, до тех пор пока оно находится за границей, считает местом своего постоянного местонахождения Лондон. Англичане казались этим очень довольными, что, однако, им не помешало уже в будущем году посоветовать правительству Трифуновича²¹ переехать из Лондона в Каир. Нинчич был очень доволен результатом поездки в Америку. Он считал, что авторитет короля вырос и что между нами и Соединенными Штатами установлена более непосредственная связь, чем была до этого.

Однажды, выступая после своей отставки перед французами, Нинчич очень четко сформулировал, в каком направлении надо вести нашу внешнюю политику и в каком он бы ее вел, оставаясь во главе нашей дипломатии. Он в основном считал, что сотрудничество между Англосаксонским блоком и Советской Россией не будет легким, если не будет восстановлена Франция, которая понимает англосаксов лучше русских и русских — лучше англосаксов и которая поэтому может с [большой] пользой посредничать между двумя этими мирами. В этом посредничестве, в этом соединении Востока и Запада помочь Франции могли бы Чехословакия и Югославия и, может быть, даже Италия, если бы полностью излечилась от фашизма. Нинчич считал, что Бенеш²² в Чехословакии и Сфорца²³ в Италии видят необходимость такой политики. Сам он считал, что мы при отсутствии подобной политики вынуждены были бы выбирать между Россией и Англией и что мы, какой бы выбор ни сделали, превратились бы в орудие той великой державы, которую выбрали. Выступление Нинчича было очень тепло встречено не только французами, но и присутствовавшими англичанами. Один из них обещал ему, что отрывки из его выступления опубликует в одной из крупных лондонских газет. Как мы потом узнали, это обещание не могло быть выполнено из-за возражений британского министерства иностранных дел. Цензура, осуществляемая этим министерством в печати, была очень строга. Запрещались не только материалы, с которыми британское правительство не было согласно, но и материалы, которые оно одобряло, однако считало, что еще не пришло время об этом говорить. Выступление Нинчича относилось ко второй категории.

Решительными врагами Нинчича, пока он входил в правительство, были Гаврилович, Грол и Крневич. У Гавриловича было свое [видение] политики, которое не совпадало с политикой Нинчича. Этого же нельзя сказать о Крневиче и Гроле. Крневич требовал, чтобы хорват получил пост посла в Вашингтоне или в Лондоне, и, поскольку Нинчич не хотел удовлетворить его пожелания, стал на него нападать. Грол в основном выступал за ту же политику, что и Нинчич. Он точно так же обращал внимание на пример Бенеша, который, по его мнению, очень искусно добился хороших отношений одновременно и с русскими, и с англичанами. Однако, выступая за ту же политику, что и Нинчич, он с течением времени до такой степени возненавидел его лично, что не поддерживал никакой его политики, ни хорошей, ни дурной. Гаврилович считал, что политика Нинчича ошибочна в своей основе. Гаврилович не верил в возможность долговременного соглашения между англичанами и русскими. За то время, что он был нашим послом в России, он пришел к убеждению, что русские не хотят искреннего соглашения с Англией. Поскольку конфликт между ними и Англией рано или поздно неизбежен, то было бы заблуждением думать, что можно быть в хоро-

ших отношениях с обеими сторонами. Нам придется связать свою судьбу либо с русскими, либо с англичанами. Он лично был за англичан. На основании своих разговоров в Москве с британским послом Криппсом²⁴ он заключил, что англичане не верят Нинчичу, что до тех пор, пока он будет возглавлять наше министерство иностранных дел, мы не можем рассчитывать на их поддержку и что отстранение Нинчича было бы первым условием нашего сближения с англичанами. Я говорил Гавриловичу, что он прав, учитывая долгосрочные перспективы, но что до конфликта между русскими и англичанами дело пока не дошло. Они еще переживают медовый месяц дипломатического и военного сотрудничества, что и нас побуждает сохранять с обеими сторонами хорошие отношения. Ориентироваться исключительно на англичан и таким образом вызывать недоверие русских значило бы бежать впереди паровоза.

Подвергаясь нападкам со стороны Крневича, Грола и Гавриловича, Нинчич и среди остальных министров не мог найти твердую поддержку. Они критиковали не столько его политику, сколько его поведение по отношению к ним. Будучи министром иностранных дел при короле Александре, он привык дела своего ведомства решать непосредственно с короной. Своих товарищей по правительству он информировал очень скупно и только о том, о чем хотел проинформировать сам. Следуя этой привычке, он и в изгнании откровенно разговаривал только с королем, королевой-матерью²⁵, со мной и министром двора Кнежевичем. С остальными членами правительства он любил разговаривать только с глазу на глаз, но даже в этом случае только тогда, когда был в хорошем настроении. На заседаниях правительства его доклады были столь бессодержательны, будто они предназначались журналистам, а не членам кабинета министров. Когда я обращал его внимание на недовольство, которое вызывает его сдержанность, он отговаривался тем, что в правительстве есть люди, скромности которых нельзя довериться²⁶.

Более всего Нинчич полагался на то, что его против его врагов поддержит королева Мария. Однако и она его покинула. И она, и Король были очень озабочены тем, чтобы наши отношения с англичанами, очень расстроенные вследствие каирской аферы, были как можно быстрее улучшены. Минуя правительство, они начали переговоры с Черчиллем и Иденом. Наряду с этим они, используя британские секретные службы, анализировали информацию, полученную из страны. У самого короля и у королевы-матери создалось впечатление, что главным препятствием для улучшения наших отношений с англичанами является лично Нинчич. При реформировании правительства в январе 1943 г.²⁷ король сказал мне, что англичане не доверяют Нинчичу. На мой вопрос: «Какие англичане?» король назвал самого Идена. И несмотря на это, Нинчич не должен был бы уступать, если бы его товарищи захотели его поддержать. Однако не только Грол и Гаврилович, но и политический единомышленник Нинчича Трифунович посчитали, что надо принять во внимание недоброжелательность британцев по отношению к нему. Да и сам Нинчич защищался не слишком упорно. Интересно, что Иден, отвечая на мой вопрос, решительно отрицал, что требовал отставку Нинчича. Король, довольно растеряно убеждал меня в том, что Иден недоволен Нинчичем. Мне представляется, что, возможно, были правы оба — и Иден, и король. Иден ничего не говорил королю против Нинчича, но люди из британской секретной службы, окружавшие короля, могли ему донести, что Иден настроен против Нинчича и что поэтому его лучше отправить в отставку. Что эти нашептывания не были полностью безосновательны, подтверждалось тем, что Криппс еще в Москве говорил Гавриловичу. Надо признать, что Нинчич вел вполне определенную политику. Ту же политику продолжил и Грол, ставший министром иностранных дел в правительстве Трифуновича. Это доказывало, что эта политика более всего отвечала международной ситуации тех лет.

У Нинчича было долгое дипломатическое прошлое, и очень возможно, что недоверие англичан вызывала не столько политика, проводившаяся им в Лондоне, сколько какие-то его поступки в прошлом. Не исключена и возможность того, что [британцы] хотели иметь в нашем министерстве иностранных дел человека, который был бы не только честен, но и послушен, каковым оказался после долгих поисков найденный наконец Иван Шубашич²⁸.

Јовановић С. Нинчићева спољашна политика // Слободан Јовановић у емиграцији. Разговори и записи. Београд: Службени лист СРЈ, 1993. С. 206–211.

Заявление Королевского правительства Югославии

Иерусалим
(Фрагмент)

4 мая 1941 г.

Вероломная Германия со своими союзниками навязала нам войну, а мы самим ходом событий, в столкновении двух непримиримых устремлений — устремлений захватнических государств „оси” и устремлений всех сербов, хорватов и словенцев сохранить свободу и единство, — выбрали дорогу чести и свободы, рядом со своими старыми друзьями и союзниками, куда нас вели наше национальное чувство и национальные интересы. С СССР у нас уже был [подписан] договор о дружбе. Помощь, которую нам сами предложили Великобритания и Североамериканские Соединенные Штаты, мы приняли с тем большим удовлетворением, что нас с этими державами связывали союзнические воспоминания из времен Первой мировой войны, и на мирной конференции в 1919 году их забота и дружба имели решающее значение для создания Королевства Югославии».

Jugoslavenske vlade u izbeglištvu 1941–1943. Zagreb: Hrvatski Državni arhiv; Globus, 1981. S. 117–118.

Памятная записка НКВД СССР о деятельности Дражи Михайловича

Куйбышев

3 августа 1942 г.

Народный комиссариат иностранных дел считает необходимым довести до сведения югославского посольства данные, которыми он располагает относительно деятельности генерала Дражи Михайловича и четников, которыми он командует. Эти данные таковы:

1. После поражения 2 марта итальянского отряда в Вышеграде и пленения штаба Недича партизаны взяли в плен 120 четников генерала Дражи Михайловича и обнаружили переписку, которая подтверждает факт сотрудничества генерала Михайловича с немецко-итальянскими оккупантами.
2. Двадцать седьмого марта этого года после поражения, нанесенного 56-му итальянскому полку под Билече подтверждено, что итальянцы помогали четникам под руководством Перишича²⁹.
3. Пятого апреля этого года части народного партизанского движения вели бои в окрестностях г. Нови Пазар против итальянской армии, действовавшей совместно с четниками.
4. В середине апреля народные партизанские части нанесли поражение итальянцам в области г. Никшич; в этом бою вместе с итальянцами против партизан вели операции и четники Станишича.
5. В операциях против партизан, борющихся против немцев и итальянцев в областях Горни Милановац и Равна Гора, четники и отряды Недича³⁰ действовали вместе.
6. Тринадцатого мая этого года в г. Мостар при уничтожении итальянских моторизованных колонн между Мостаром и г. Невесиња вместе с итальянцами против партизан действовали усташи и четники генерала Михайловича.
7. В конце мая этого года вблизи албанской границы в горных районах юго-западной части Югославии четники генерала Михайловича под командованием Станишича при взаимодействии с итальянскими оккупационными войсками вели активные операции против частей народных партизан.
8. Имеется информация, что генерал Михайлович имеет своего постоянного представителя при итальянских оккупационных властях в Герцеговине, некоего Добросаву Евджевича³¹, который по приказанию генерала Михайловича ездил в Далмацию для мобилизации четников на борьбу против народного партизанского движения в Боснии и Герцеговине. Евджевич обратился с воззванием к сербам Боснии с призывом вступить в ряды четников и воевать на стороне итальянцев против партизан. Итальянцы это воззвание распространили повсюду.

Balkanski ugovorni odnosi. 1919–1945. S.524-525.

2. Планы переформатирования этнополитической карты Балкан членами антигитлеровской коалиции

Решение королевского правительства Югославии объявить войну Болгарии и Венгрии

Иерусалим

4 мая 1941 г.

Принимая во внимание участие Болгарии и Венгрии вместе с державами «Оси» в нападении на Югославию и в разделе национальной территории Югославии, королевское югославское правительство постановило, что Югославия находится в состоянии войны с Болгарией с 6 апреля, а с Венгрией с 10 апреля.

По этому случаю королевское югославское правительство отмечает, что Болгария и Венгрия были связаны с Югославией пактом о вечной дружбе³² и что подобный образ действий с их стороны — неспровоцированный агрессивный акт против народа Югославии в момент, когда этот народ борется за защиту своей независимости, чрезвычайно скомпрометировал все перспективы долгосрочного дружественного сотрудничества в Подунавье и на Балканах.

Balkanski ugovorni odnosi. 1876–1996. Dvostrani i višestrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkoj i vojnoj saradnji, vjerskim i etničkim manjinama. Priredio Momir Stojković. Tom II. 1919–1945. Beograd: Službeni list SRJ; Međunarodna politika, 1998. S. 500.

Соглашение о Балканском союзе между Королевством Югославией и Королевством Грецией

Лондон

15 января 1942 г.

Констатируя, что опыт прошлого, в особенности совсем недавний опыт, продемонстрировал, что более недостаточность тесного соглашения между балканскими народами использовался силами агрессора в целях его политического и экономического проникновения, а также империалистского господства на Полуострове;

Полагая, что для обеспечения независимости балканских государств и мира между ними основным принципом их политики должен быть принцип «Балканы — балканским народам»,

Его Величество Король Югославии и Его Величество Король греков решили заключить данное соглашение о создании Балканского союза и с этой целью назначили своих Уполномоченных:

Его Величество Король Югославии:

Его Превосходительство г-на Слободана Йовановича, премьер-министра;

Его Превосходительство г-на Момчило Нинчича, министра иностранных дел;

Его Величество Король греков:

Его Превосходительство г-на Эммануила Цудероса³³, председателя совета министров и министра иностранных дел и

Его Превосходительство г-на Хараламбоса Симопулоса, чрезвычайного посланника и уполномоченного министра, постоянного заместителя государственного секретаря в Министерстве иностранных дел, которые после обмена надлежащим образом оформленными полномочиями согласились в нижеследующем:

Глава первая

Общие органы Союза

Статья 1. Общими органами Союза, которые будут регулярно проводить заседания, являются:

1) Политический орган, состоящий из министров иностранных дел;

2) Финансово-экономический орган, состоящий из двух членов каждого правительства, отвечающих за области экономики и финансов.

Статья 2. Постоянный военный орган. В нем каждое правительство будет представлено начальником Генерального штаба или его представителями. Наряду с национальными Генеральными штабами будет (создан) и общий Генеральный штаб национальных вооруженных сил.

В этом органе будет два бюро: одно — сухопутных и военно-воздушных сил, второе — военно-морского флота.

Статья 3. Постоянное бюро будет состоять из двух секций — политической и финансово-экономической.

Статья 4. Председатели Советов министров государств, составляющих Союз, будут встречаться в случаях, когда ситуация потребует обсудить общие вопросы, представляющие интерес для Союза.

Статья 5. Сотрудничество парламентов. Правительства будут проводить регулярные встречи парламентских делегаций стран — членов Союза, обеспечивая этим делегациям обмен мнениями и выражение своих позиций по вопросам, представляющим взаимный интерес, внесенным на их рассмотрение надлежащими органами.

Глава вторая

Задачи общих органов Союза

Статья 6. Политический орган имеет своей целью:

- a. Координировать внешнеполитическую деятельность государств-членов, обеспечивая Союзу возможность выступать в международных отношениях единообразно и проводить предварительные консультации в случае, если бы жизненным интересам Союза угрожала опасность;
- b. Готовить предложение по проекту Конвенции о примирении и арбитраже между государствами — членами Союза.

Политический орган будет стремиться образовать следующие учреждения:

- aa. Комиссию по выработке Конвенции о культурном сотрудничестве между государствами — членами Союза, способствуя его реализации;
- bb. Комитет по координации усилий органов печати с целью сближения общественного мнения в государствах — членах Союза и защиты их интересов.

Статья 7. Задачи финансово-экономического органа будут состоять в следующем:

- a. В координации внешнеторговой политики и таможенных тарифов для заключения таможенного союза;
- b. В выработке единого экономического плана для всех государств — членов Союза;
- c. В изучении соответствующими органами средств, обеспечивающих улучшение сообщения между странами — членами Союза (железные дороги, автомобильные дороги, морской, воздушный и речной флот, почтово-телеграфная и телефонная связь), а также туристическое сообщение Союза;
- d. В подготовке проекта конвенции о создании балканского валютного союза.

Статья 8. Задачей военного органа является координация деятельности, относящейся к сотрудничеству национальных вооруженных сил государств — членов Союза по принятию единого общего плана обороны, общих типов вооружений и т.д.

Миссия и задача Вооруженных Сил Союза состоит в защите европейских границ государств — его членов.

Статья 9. Постоянное бюро образует секретариат всех общих органов Союза и имеет своими задачами:

- a. подготовку материалов для деятельности общих учреждений Союза;
- b. изучение вопросов, решение которых может повысить эффективность политического и финансово-экономического сотрудничества государств — членов Союза;
- c. обеспечение реализации решений общих учреждений Союза.

Глава третья

Статья 10. Высокие договаривающиеся стороны заявляют, что данное соглашение представляет общие принципы организации Балканского союза. Они считают себя связанными с вышеприведенными положениями со дня обмена документами о ратификации и с удовлетворением смотрят на присоединение в будущем к этому Соглашению других балканских государств, которыми управляют свободные и легитимные правительства.

Статья 11. Это соглашение подлежит ратификации, и обмен ратификационными грамотами будет произведен, как только это станет возможно.

В подтверждение вышеизложенного соответствующие уполномоченные лица поставили своим подписи и печати.

Совершено в Лондоне в двух оригинальных экземплярах на французском языке 15 января 1942 г.

Эм. Цудерос
Х. Симопулос
Слободан Йованович
[Момчило] Нинчич

Balkanski ugovorni odnosi. 1919–1945. S. 512–515.

Письмо премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля председателю королевского правительства Югославии Слободану Йовановичу

19 марта 1943 г. (Фрагмент)

Я имею честь проинформировать Вас, что правительство Его величества серьезно обеспокоено недавним развитием событий в Югославии и чувствует все большие опасения за будущее, если не будут предприняты шаги для достижения большего единства не только между разными элементами сопротивления в самой стране, между сербами, хорватами и словенцами, но и между заграничными югославскими кругами. Я полностью осознаю трудности достижения сейчас и в нынешних обстоятельствах окончательного решения многих проблем, составляющих сербо-хорвато-словенскую проблему, и не хочу в данной ноте заниматься именно этой стороной югославянских вопросов, за исключением того, что хочу сказать, если это позволительно, что, насколько я могу судить, разбросанность идей и позиций становится все сильнее, и это, полагаю, затрудняет достижение решений даже по вопросам меньшей важности в Правительстве Вашего Превосходительства.

(Остальная часть письма посвящена проблеме Дражи Михайловича и британско-югославским отношениям в этой связи — С. Р.)

Balkanski ugovorni odnosi. 1919–1945. S. 536–538.

Постановление совещания представителей Центральных комитетов Коммунистических партий Греции, Югославии и Албании

20 июня 1943 г.

Принимая во внимание значительный подъем народно-освободительной борьбы на Балканах, а также и современные условия, которые нас к этому стремительно принуждают, все представители особо настаивают на взаимном сотрудничестве народно-освободительных сил в патриотической борьбе за освобождение угнетенных балканских народов. Представители принципиально согласились в том, что необходимо не только взаимное сотрудничество, но также, и прежде всего, единство действий всех народно-освободительных сил балканских стран путем создания единого командования, т.е. верховного штаба. Все представители осознают значение создания балканского штаба, который бы придал новые импульсы, а также и новый ритм борьбе балканских народов за их освобождение. Он бы придал новые силы борьбе за победу истинной демократии в балканских странах. Он устранил бы все препятствия и открыл бы путь к созданию балканской конфедерации после изгнания с Балкан фашистских оккупантов.

После детального рассмотрения ситуации в балканских странах представители согласились, что прежде всего надо срочно добиться сотрудничества на Балканах соседних народов:

1. Срочно необходимо единство действий между народно-освободительными армиями Албании и Югославии в области Косово и Метохии, а также и в Македонии, где проживает большой процент албанского населения.
 - а) В Косове и Метохии значительная часть албанцев активно не участвует в рядах народно-освободительного движения из-за шовинистической ненависти по отношению к проживающему там сербскому народу. Необходимо, чтобы Главный штаб Народно-освободительной армии Албании немедленно направил в Луму и в область севернее Скадарского озера два отряда («четы»), одну — состоящую из партизан, и вторую — из добровольцев.

Эти две «четы» установят контакт с «четами» из Метохии и в тесном взаимодействии будут мобилизовывать албанские массы в Косове и Метохии на борьбу против оккупантов, а также за права албанского народа в Косове и Метохии. <...> Велика опасность того, что албанские массы в Косове и Метохии будут мобилизованы реакционными националистическими руководителями организации *Bali Kombëtar*³⁴. Было бы необходимо создать единый штаб в Косове под непосредственным командованием албанского Верховного штаба, который бы успешно устранил опасность со стороны шовинистов из лагеря реакции. Однако постановка проблемы подобным образом может вызвать сильное недовольство среди сербов в Косове и Метохии. Поэтому очень важно вести переговоры по этим вопросам с командующим верховным штабом Югославии.
 - б). В области Македонии стоит та же проблема: мобилизация албанцев в ряды Народно-освободительной армии. С этой целью необходимо, чтобы Главный штаб народно-освободительной армии Албании направил Хаджи Лешия и его отряд на неопределенный период времени. <...>
2. В областях Костури — Корча и Ардиракастро — Янина надо обеспечить взаимодействие народно-освободительных армий Албании и Греции. <...> Все представители согласны в том, что существуют благоприятные военные и политические условия для освобождения секторов [Корчб и Охрид — Битоль].
3. Что касается взаимодействия между Народно-освободительными армиями Греции и Югославии, политический и военный вопрос представляет собой особую проблему.
 - а) До настоящего момента Македония была разделена и представляла собой «разменную монету» в империалистских войнах. Необходимо, чтобы верховные штабы балканских стран издали совместное заявление о признании права народа Македонии распоряжаться самим собой.

Во всех балканских странах необходимо поставить также проблему объединения усилий всех элементов из Македонии ради борьбы за ее освобождение и таким образом внести вклад в борьбу против фашистской оккупации совместно с народно-освободительными силами Югославии, Греции, Болгарии и Албании.

Представитель Греции сделал по этому вопросу два примечания. Ситуация в греческой части Македонии сильно отличается от ситуации в болгарской и югославской ее частях.<...> Остальные представители не разделяют мнение представителя Коммунистической партии Греции и считают, что необходимо и полезно предоставить возможность народу Македонии вести народно-освободительную борьбу.
 - б) С военной точки зрения поставлен вопрос о концентрации всех сил в секторе Джевджелия (Югославия) и Горна Джумая (Болгария) с целью взаимодействия всех сил из Македонии для атаки железной дороги Скопье — Джевджелия — Солун. В этом секторе существуют все возможности для их освобождения (треугольник между Грецией, Болгарией и Югославией).

Все представители согласились в том, что необходимо создать верховный штаб балканских народно-освободительных армий. С этой целью было бы полезно подготовить упомянутые народы для осуществления тесного сотрудничества между движениями балканских народов. С этой целью надо использовать «листовки», «призывы», а также все имеющиеся средства для популяризации народно-освободительной борьбы балканских народов, делая упор на сотрудничестве и общей цели этой борьбы:

Изгнание фашистских оккупантов.

Победа истинной народной демократии в балканских странах.

В ближайшем будущем надо конкретно ставить вопрос о создании верховного балканского штаба и предложение направить всем главным штабам балканских стран. В случае его принятия вышеперечисленными странами они должны назначить квалифицированных представителей для создания верховного балканского штаба. Наконец, чтобы достичь цели создания балканского штаба, обеспечить друг с другом радиосвязь. С этой целью укрепить существующие связи между разными странами.

Что касается болгар и их присутствия в балканском штабе, у всех представителей одно мнение: очень полезно, чтобы и они приняли участие. Все представители осознают, в каком чрезвычайном положении находится Коммунистическая партия Болгарии. Они сожалеют, что болгарский представитель не смог присутствовать на этом совещании. Представитель Коммунистической партии Югославии взял на себя [обеспечение] связи с братской партией и доставку им решений этого совещания. Представители считают, что связи между перечисленными партиями должны стать прочнее, чтобы обеспечить постоянный обмен пропагандистскими материалами, а также регулярные консультации о позициях по различным касающимся нас проблемам.

Все представители должны подробно изложить своим центральным комитетам результаты и решения этого совещания.

Представитель КП Югославии [Светозар Вукманович-]Темпо³⁵

Представитель КП Греции [Телемах Верверис]³⁶

Представитель КП Албании Энвер Ходжа³⁷.

Эта запись сделана в четырех одинаковых экземплярах, которые должны быть вручены каждому делегату, а также КП Болгарии.

Balkanski ugovorni odnosi. 1919 — 1945. S.541 — 543.

Постановление совещания представителей Верховного штаба ЭЛАС, Верховного штаба Национально-освободительного движения Албании и Национально-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии

Греция

25 июня 1943 г.

I

Все представители единогласно одобрили предложение о том, что до 10 августа надо создать Верховный штаб Народно-освободительной армии Балкан. С этой целью до этой даты каждому штабу необходимо назвать своих представителей, которые войдут в состав [Верховного] штаба и которые должны прибыть в Бухорину (по-видимому, опечатка публикаторов; возможно, имеется в виду или гора Яхорина, или населенный пункт Бухотина — оба в Боснии и Герцеговине. — С. Р.), где он будет временно расположен.

Балканский штаб должен состоять из выдающихся военных и политических представителей, [имена] которых самостоятельно определит каждая балканская страна. У Балканского штаба будет четыре командующих и четыре политических комиссара, а также определенное число остальных его членов.

Балканский штаб сразу же возьмет на себя руководство борьбой балканских народов за их национальное освобождение и за обеспечение [установления] народной демократической власти во всех балканских странах.

Товарищу Темпо поставлена задача установить контакт с Верховным штабом болгарских повстанческих отрядов и ознакомить их с этими нашими решениями.

Все представители взяли обязательство в период до 10 августа установить связь между всеми штабами балканских стран посредством радиостанций. Эта связь должна быть установлена и на земле для обмена пропагандистскими материалами.

В период до 10 августа все представители будут поддерживать между собой связь и доставлять необходимые решения в качестве Временного верховного штаба народно-освободительной армии Балкан.

II

Все представители единогласно постановили немедленно приступить к осуществлению непосредственного сотрудничества на границах между соседними странами. Это сотрудничество должно носить военный и политический характер:

- a) военное взаимодействие будет осуществляться в [ходе] совместных военных операций, которые будут проводиться под командованием общих оперативных штабов. Это общее взаимодействие прежде всего принимается во внимание в [следующих] секторах: Метохия — северная Албания, Кичево — Эльбасан, Аргирокастро — Янина, Корча — Костурско, Битоль — Лерин и Джевджелия — Джена. Соответствующим штабам для полного очищения этих территорий от фашистских оккупантов поставлена задача изучить в целом военную и политическую ситуацию в секторе Корчае — Костурски и Охрид. При благоприятных условиях в данном секторе предпринять совместные военные операции.
- b) Политическое сотрудничество будет осуществляться путем популяризации борьбы, которую ведут балканские народы за свое национальное освобождение, и взаимопомощи для того, чтобы на борьбу с оккупантами поднялись национальные меньшинства, которые в настоящий момент в большинстве своем состоят на службе у оккупантов. Поэтому подчеркивается необходимость посылки албанских отрядов в сектор Косова и Македонии, а македонских отрядов из Югославии в сектор греческой Македонии с целью активизировать [участие] масс албанцев и македонцев в борьбе против оккупантов. Албанские отряды, передислоцируемые в Косово и Метохию, должны говорить массам албанцев, что в их интересах встать под командование главных штабов Косова и Македонии, что решение об их судьбе после освобождения примет сам народ Косова и Македонии и что их нынешняя служба оккупантам ведет к их собственной гибели.
- c) Что касается македонских отрядов из Югославии, которые будут перебазироваться в греческую Македонию, то они должны говорить массам македонцев о том, что в интересах македонского народа в Греции совместно с греками, под командованием соответствующих штабов вести борьбу против оккупантов, что их болгарские фашисты и Ванчо Михайлов³⁸ ведут прямой дорогой к гибели и катастрофе, что в совместной борьбе с греками они обеспечат себе те же права и освобождение от угнетения. По этому вопросу представители Югославии и Албании высказали особое мнение, которое [состоит в том], что и за македонцами в ходе этой войны надо признать право на самоопределение.

В конце все представители согласились в том, что Балканский штаб издаст принципиальную декларацию, в которой возвестит о том, что все проблемы между балканскими странами будут решаться на основе братского сотрудничества и признания права народов на самоопределение.

Все задачи, поставленные в данном постановлении, должны быть выполнены к 10 августа сего года.

Представитель ГЕ ЭЛАС В. Самариниотис³⁹

Представитель SHMPVUNÇ К. Дзодзе⁴⁰

Представитель ВШ НОА и ПОЮ⁴¹ [С. Вукманович-]Темпо

Balkanski ugovorni odnosi. 1919 — 1945. S. 544–546.

Нота королевского правительства Югославии правительству Великобритании о территориальных претензиях Югославии к Италии.

Лондон

23 июля 1943 г.

Совершенно секретно

Королевское правительство Югославии глубоко убеждено в том, что победа Объединенных Наций будет иметь своим последствием не только полное восстановление независимости и территориальной целостности Королевства Югославии, но и освобождение и объединение всех югославян в границах их национального государства. При соответствующих обстоятельствах Королевское правительство Югославии будет иметь честь ознакомить Британское правительство со

своей точкой зрения на те территориальные проблемы, которые затрагивают жизненные интересы югославян. В данном случае, принимая во внимание развитие событий в Средиземном море, оно чувствует себя готовым изложить свои обоснованные требования к Королевству Италии.

Как известно, после окончания прошлой мировой войны не могли быть проведены справедливые границы между Югославией — в тот момент Королевством сербов, хорватов и словенцев — и Италией. Королевство сербов, хорватов и словенцев выступило на мирной конференции с требованием, чтобы все территории, населенные сербами, хорватами и словенцами, были освобождены от чужого господства и объединены в единое национальное государство. К сожалению, ему нельзя было надеяться на помощь всех союзных и дружественных союзных держав. Некоторые из них имели известные обязательства по отношению к Италии в соответствии с Лондонским договором от 26 апреля 1915 г., подписанным без ведома как правительства союзной Сербии, так и Югославянского комитета⁴² и без учета расселения югославянского народа как [единого] целого, а еще менее — права на самоопределение населения в проблемных областях.

Находясь в вышеуказанных обстоятельствах и стремясь в то же время к урегулированию в Европе, югославское государство согласилось пожертвовать своими известными самыми законными правами и самыми жизненными интересами. Вследствие договоров, заключенных Королевством СХС и Италией 12 ноября 1920 г. в Рапалло и 27 января 1924 г. в Риме, под власть Италии оказалось более 600 000 словенцев и хорватов. Они проживают компактными поселениями на одной территории, представляющей собой этнически, экономически и географически единое целое с остальной югославянской территорией — не учитывая и более 60 000 реджианских (венцианских)⁴³ словенцев, которых Австро-Венгрия в 1867 г. передала Италии.

Таким образом, под власть Италии попала значительная часть югославянской нации (вроде небольшого количества сербов и значительного числа хорватов, около четверти всех словенцев), которые населяют эти наши области еще с VI века. Мы ожидали, что Италия обеспечит этому югославянскому населению свободное и равноправное национальное, культурное и экономическое развитие. Тем более что Италия приняла на себя четко определенные моральные и правовые обязательства, как ясно и торжественно сделанными заявлениями своего монарха и своих ответственных министров, а так и во исполнение революции Лиги Наций от 21 сентября 1922 г., что «государства, не связанные с Лигой Наций никакими легальными обязательствами относительно меньшинств, все же поступают по отношению к своим расовым, религиозным и языковым меньшинствам по меньшей мере с той степенью справедливости, которую требуют договоры и постоянная деятельность Совета». Однако Италия еще до того, как фашизм пришел к власти, начала проводить систематическую политику грубой италянизации югославянского меньшинства. Печальный результат подобной политики — полное уничтожение всех культурных и экономических учреждений югославянского меньшинства в Италии. В качестве примера полезно сообщить, что из более 500 словенских и хорватских школ, существовавших на этой территории в 1913 г., последняя закрыта много лет тому назад, а также то, что югославянскому населению самыми грубыми методами препятствуют пользоваться своим [родным] языком даже в церкви.

Населенные югославянским населением области Италии никогда не исполняли необходимых условий, чтобы составить единое экономическое целое с Аппенинским полуостровом, т.е. италянской этнической территорией.

Италии, несмотря на предпринятые в этом направлении усилия, не удалось преодолеть трудности, неизбежно вытекающие из существующего географического положения. Триест и Риека остаются естественным экономическим выходом прежде всего на первом месте своих чистых внутренних экономических районов, а потом — и более отдаленных районов Европы⁴⁴. Задар (Зара) и острова на Адриатике экономически нераздельно связаны с югославянской береговой территорией. Попытки отделить эти территории от их экономического целого принесли Италии лишь тяжелые финансовые жертвы, которые были не в состоянии предотвратить постепенное и неуклонное разорение самих этих областей. С другой стороны, все это сделало невозможным нормальное экономическое развитие северо-западных областей Югославии и одновременно препятствовало использованию всей взятой в совокупности югославской экономической зоной своих двух крупных портов.

Италия требовала эти югославянские территории исходя также из стратегии обороны, имея в виду, вероятно, Германию. Между тем обнаружилось, что Италия именно эти территории использовала в качестве опорного пункта для того, чтобы совместно с Германией расширить свои

территории и [распространить] свое политическое влияние в Подунавье и на Балканах. Ее намерения стали совершенно очевидны, когда [в результате] оккупации Албании она еще глубже вторглась⁴⁵ на Балканы.

Исключительное военное и экономическое обладание Адриатическим морем являлось в представлениях итальянских правителей необходимым предварительным условием для осуществления их крайних империалистских целей, которые, как это было многократно публично сказано, даже членами итальянского правительства, заключались в полном господстве во всем Средиземном море. Югославия, стоявшая на пути как германской, так и итальянской экспансии, представляла собой препятствие, которое необходимо было устранить.

Все вышеизложенное, по мнению Королевского правительства Югославии, ясно демонстрирует, что любой след итальянской власти должен быть полностью и окончательно устранен с западного берега Балканского полуострова, включая все острова, этнически принадлежащие исключительно Югославии, Греции и Албании, и органичен исключительно итальянской этнической территорией.

Особые условия для установления действительно долгосрочного мира в этой части Европы могут быть осуществлены только [в случае], если Италии не позволить сохранить под своим контролем даже самую малую часть Балканского полуострова, поскольку он неотвратимо был бы использован в качестве опорной точки для ее дальнейшей экспансии.

В необходимости полного устранения Италии с Балканского полуострова с Королевским правительством Югославии согласно и Королевское правительство Греции.

Естественная географическая и экономическая граница между Югославией и Италией полностью совпадает с этническими границами, существовавшими в течение [многих] веков между этими двумя соседними народами.

Королевское правительство Югославии имеет намерение уточнить место проведения окончательной границы между Югославией и Италией.

Эта пограничная линия должна идти от Понтофельфы (Понтреба) к югу вдоль старой австро-венгерской границы до горы Канин, откуда должна повернуть на запад, чтобы охватить область, населенную реджианскими словенцами (венцианскими словенцами). Севернее от Крмина новая граница вновь бы вышла на [линию] старой австро-венгерской границы и продолжала бы в основном идти вдоль нее вплоть до моря. В тех случаях, где в случае переноса окончательной границы надо было бы сделать в некоторых местах отступления от предложенной линии по экономическим, транспортным причинам или из-за характера местности, Королевское правительство Югославии надеется, что эти изменения ни в коем случае не нанесут ущерб югославянским интересам.

На территории, которая после таким образом проведенной границы вошла бы в состав Королевства Югославии, большинство [населения] оказалось бы [принадлежащим к] югославянской, т.е. словенской и хорватской национальности и языку. Югославянский характер этих областей особо проявляется за пределами городов, поскольку сельские общины в Триестинской и Горицкой областях можно назвать исключительно и полностью югославянскими. В области Истрия за очень небольшими исключениями такое же положение. Итальянский элемент проживает почти исключительно в городах, перемешан с югославянским элементом и представляет собой этнические островки, не имеющие естественной связи с итальянской этнической территорией. Если принять во внимание и тот факт, что значительная часть нынешнего итальянского элемента имеет югославянское происхождение, о чем среди прочего свидетельствуют и их славянские фамилии, ассимилирован в течение несколько поколений в городах, управление и экономическая мощь которых находились руках итальянцев; если также вспомнить о том, что, например, в Триесте еще в австрийские времена проживало около 60 000 итальянских граждан, переселенцев с Аппенинского полуострова, что это число сегодня более чем удвоилось; если вспомнить также и то, что десятки тысяч словенцев и хорватов были готовы вследствие итальянского террора укрыться в Югославии или переселиться в заморские страны, — только тогда можно оценить степень оправданности этнических устремлений Югославии [обрести] все эти этнически неразделимые области.

Королевское правительство Югославии считает своей обязанностью уже сейчас обосновать для Королевского британского правительства ожидания югославянского народа от общей победы над Италией. Эти его требования являются обоснованными, как было изложено выше,

с географической, экономической и особенно с этнической точки зрения. Тем более было бы справедливым удовлетворить все эти требования югославы, поскольку вступление Югославии в войну на стороне Союзников против Италии — не результат торговли, как это было в случае с вступлением Италии в прошлую мировую войну, а последствием ее [Югославии — С. Р.] спонтанного (так в тексте. — С. Р.) решения внести свой вклад в установление в Европе лучшего порядка, основанного на свободе, справедливости и безопасности. Югославянский народ в совместной борьбе уже принес огромные жертвы и переживает неслыханные страдания. Трудно было бы себе представить, что общая победа не принесла бы освобождение всех югославы от иноземного угнетения.

Решительная позиция всех югославы, проживающих сегодня под итальянской властью, — быть присоединенными к своему национальному государству Югославии — нашла отражение в целом ряде акций, проведенных в период между двумя мировыми войнами, и нашла свое полное выражение теперь, когда партизанская борьба, которую югославы ведут, невзирая на жертвы, распространилась и на эти территории, что имело своим последствием полное уничтожение целых населенных пунктов и депортацию в Италию тысяч югославы — граждан Италии. Югославы — итальянские военнослужащие, захваченные в плен в Африке, добровольно обращаются в югославскую армию и красноречиво выражают волю этого народа освободиться от итальянского рабства.

Королевское правительство Югославии считает, что наиболее важным в будущем договоре о мире с Италией является то, чтобы предусмотреть немедленную эвакуацию всех итальянских гражданских и военных властей со всей территории на восток от предложенных пограничных линий, и в том, чтобы безотлагательно передать эту территорию в руки югославским или если не им, то временно союзным властям, поскольку итальянская позиция по отношению к югославскому населению как до, так и во время нынешней войны не дает никакой гарантии ни поддержанию порядка, ни справедливому отношению к югославскому населению этих областей.

Balkanski ugovorni odnosi. 1919–1945. S. 546–550.

Постановление АВНОЮ⁴⁶ о присоединении Словенского Приморья⁴⁷, Венецианской Словении, Истрии и хорватских островов в Адриатическом море к Югославии.

30 ноября 1943 г.

В соответствии с давним стремлением и военными усилиями словенского и хорватского народов в землях, поработанных итальянскими империалистами, Антифашистское Вече Народного Освобождения подтверждает:

1. Решение Народно-освободительного фронта словенского народа⁴⁸ (плenums Освободительного фронта) о присоединении Словенского Приморья) и всех аннексированных частей Словении к свободной Словении в [составе] Федеративной Югославии
2. Решение Государственного Антифашистского веча Народного Освобождения Хорватии⁴⁹ о присоединении Истрии, Риеки, Задра и аннексированных частей Хорватии и хорватских островов в Адриатике к свободной Хорватии в [составе] федеративной Югославии.

Это постановление вступает в силу немедленно.

30 ноября 1943 г.

г. Яйце

Антифашистское Вече Народного Освобождения Югославии

Секретарь Родолюб Чолакович⁵⁰

Председатель д-р Иван Рибар⁵¹

Приложение I

Постановление Верховного пленума Освободительного фронта Словении о присоединении Словенского Приморья к Словении

1. Верховный пленум Освободительного фронта словенского народа осуществляет главное требование словенского народа, опирающегося на естественные и исторические права, и провозглашает присоединение Словенского Приморья к свободной и объединенной Словении [в составе] свободной и демократической Югославии.
2. Итальянскому национальному меньшинству на присоединенной территории гарантируется автономия. [Формы и методы] осуществления автономии, как только позволят обстоятельства, будут обсуждать уполномоченные представители словенского и итальянского населения Приморья.

На позициях, 16 сентября 1943 г.

Секретарь Исполнительного комитета Освободительного фронта

Борис Кидрич⁵²

Председатель Исполнительного комитета Освободительного фронта

Иосип Видмар⁵³

Присутствующие члены пленума

Генерал Яков Авшич, д-р Мариян Брецель, Тоне Плайфер, Эдвард Кардель, Эдвард Коцбек, Франц Лесковшек, Франьо Любей, Зоран Полич, Иосип Рус, [инженер] Душан Сернец, Франце Светек, д-р Макс Шнудерл, д-р Ладо Вавпетич

Приложение II

Постановление ЗАВНОХ о присоединении Истрии, Риеки, Задра и других оккупированных областей к Хорватии

Плашко

20 сентября 1943 г.

Хорватскому народу!

Постановление о присоединении Истрии, Риеки, Задра и других оккупированных территорий к Хорватии.

Народ Истрии, Хорватского Приморья⁵⁴, Далмации и всех островов в Адриатическом море в союзе с героической Народно-освободительной армией Хорватии освободил свои области из-под ярма итальянских угнетателей. В этих областях власть перешла в руки народно-освободительных комитетов — единственных органов демократической народной власти, признаваемых нашим народом. На основании этих фактов, а также на основании принципов национального самоопределения, провозглашенных нашими великими союзниками — Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами Америки, Государственное антифашистское вече народного освобождения Югославии приняло следующее постановление:

1. Объявляются ничтожными все договоры, пакты и конвенции, которые различные велико-сербские правительства заключили с Италией, согласно которым хорватские области Истрия, Задар, Лошинь, Црес, Ластово и другие Кварнерские острова [были] переданы Италии.
2. Провозглашаются ничтожными все договоры, пакты и конвенции, заключенные между предателем хорватского народа Павеличем⁵⁵ и итальянским правительством, согласно которым части Горского Котара, Хорватского Приморья, Далмации и далматинские острова [были] переданы Италии.
3. Все упомянутые хорватские области, т.е. Истрия, Риека, Задар, аннексированные части Хорватского Приморья, Горского Котара, Далмации и все острова в Адриатическом море (включая Ластово, Црес, Лошинь и другие) присоединяются к своей родной стране — Хорватии, а через нее — к новому демократическому братскому союзу народов Югославии, за которую борются наши народы.

4. Проживающему в этих областях итальянскому национальному меньшинству гарантируется автономия.
5. О принятом решении проинформированы правительства союзных государств — Союза Советских Социалистических Республик, Великобритании, Соединенных Штатов Америки, а также вся мировая общественность.
СМЕРТЬ ФАШИЗМУ — СВОБОДУ НАРОДУ!

20 сентября 1943 г.

Государственное антифашистское вече национального освобождения Хорватии
Balkanski ugovorni odnosi. 1919 — 1945. S. 575–577.

Проект договора об объединении Федеративной Югославии и Болгарии в единое федеративное государство⁵⁶

Белград

5 января 1945 г.

Национальный Комитет Освобождения Югославии от имени федеральных образований демократической федеративной Югославии⁵⁷ — Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины, с одной стороны, и правительство Болгарии — с другой,

исходя из [много]вековых традиций югославянских народов, выраженных в идеях и деятельности их лучших сынов, видевших в объединении всех южных славян самую твердую гарантию их независимости от иноземцев, свободы культурного и экономического развития их народов и прочного мира на Балканах;

будучи уверенными, что это убеждение более чем когда либо воодушевляет самую большую и самую лучшую часть как всех народов Югославии, так и народа Болгарии, поскольку вместе, духовно объединенные, они отдают своих сыновей для общей борьбы болгарской и югославской армии за освобождение славянских Балкан от германских оккупантов;

видя, что братство по оружию в этой кровавой борьбе за общую свободу приблизило час осуществить давно страстно желаемое объединение братских народов,

назначили своих уполномоченных для создания общего южнославянского федеративного государства: Национальный Комитет Освобождения Югославии по предложению правительств федеральных образований демократической федеративной Югославии в качестве представителей федеральных единиц — Сербии, Хорватии и т. д. и правительство Болгарии в качестве представителей.

Эти уполномоченные встретились в Белграде и после обмена полномочиями, которые оказались надлежащим образом оформленными, заключили данный Договор:

1. Демократическая Федеративная Югославия⁵⁸ и Болгария объединяются в единое федеративное государство, которое будет состоять отныне из семи федеральных образований — Болгарии, Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины, у которых будет одно общее народное представительство, одно общее федеральное правительство и которое будет составлять единое таможенное пространство.
2. К общим делам федеративного государства относятся оборона, внешняя политика и таможня, а также все прочие дела, которые в конституции федеративного государства будут обозначены как общие и в качестве таковых будут относиться к компетенции федеральных органов.
3. Создается общая болгарско-югославская комиссия с местоположением в Белграде, носящая название «Комиссия южнославянского единства», для разработки Конституции общего федеративного государства. В эту комиссию войдут представитель Болгарии и представители шести федеральных образований ДФ Югославии, которые будут назначены вышеупомянутыми правительствами.
4. С учетом исключительности ситуации военного времени, а также особого положения Болгарии в этой войне Югославия и Болгария до окончания войны сохранят каждая свое правительство с тем, чтобы все внешнеполитические и военно-политические дела осуществлять в соответствии с договором между двумя правительствами. Это имеет силу для любого договора, который был бы заключен с другими государствами.

5. С данного момента отменяется политическая и таможенная граница между Болгарией и Югославией таким образом, чтобы при перемещении людей и товаров из одной страны в другую действовали те же правила, что и для внутреннего сообщения в границах одного государства.
6. Югославия и Болгария с данного момента будут иметь за границей общих дипломатических и консульских представителей.
7. Часть Македонии, в 1913 г. принадлежавшая Болгарии, после ратификации данного договора, присоединяется к Македонии, федеральному образованию в рамках Демократической Федеративной Югославии; в то же время к Болгарии будут присоединены те части болгарской территории, которые она уступила Королевству СХС согласно договору в Нейи в 1919 г.⁵⁹
8. Вопрос о возмещении ущерба, который был нанесен Югославии [в период] до 9 сентября 1944 г. из-за участия Болгарии в войне на стороне Германии, а также вследствие оккупации болгарской армией, будет решен путем соглашения в рамках братского договора.
9. Комиссия южнославянского единства образует смешанные подкомиссии, которые будут оказывать содействие обоим правительствам для согласованного и по возможности единообразного решения дел, касающихся труда и трудящихся, железных дорог и транспорта вообще, внешней торговли, таможенных тарифов, вопросов валюты и всех остальных экономических вопросов, представляющих взаимный интерес.
10. Разработанный Комиссией южнославянского единства текст Конституции с возможными изменениями и дополнениями, с которыми согласятся правительство Болгарии, правительство Федеративной Югославии, правительства шести федеральных образований Демократической Федеративной Югославии, будет после окончания войны вынесен на одобрение народными представительствами шести федеральных образований Демократической Федеративной Югославии и народным представительством Болгарии, и, когда эта Конституция будет принята, в соответствии с правилами федеративного государства будут созданы федеральные органы нового общего государства.
11. Данный договор вступает в силу после одобрения его народными представительствами шести федеральных образований, Антифашистским вече народного освобождения Югославии и Отечественного Фрона Болгарии. Обмен ратификационными грамотами состоится в Белграде.
12. Данный договор составлен на сербском или хорватском и на болгарском языке. Оба текста имеют одинаковую силу.

Balkanski ugovorni odnosi. 1919–1945. S. 647–648.

3. Планы переформатирования этнополитической карты Балкан государствами — членами «оси»

Циркулярное письмо Министерства иностранных дел Германии
о разделе территории Югославии.

Берлин

17 мая 1941 г.

Крах югославского государства и военное поражение Греции вызвали политическую реорганизацию территории, которую оккупировали эти страны. Развитие событий на данный момент завершено не окончательно; сегодняшнее положение отражено на прилагаемой карте (в издании отсутствует. — С. Р.). Самым важным из отраженного на этой карте является новопровозглашенное Независимое Государство Хорватия. На карте далее отражено, что соседи и военные противники бывшей Югославии сделали предварительные естественные выводы из ее распада, заново восстановив таким образом прежние исторические границы и осуществив прежние требования, признанные справедливыми.

Германский Рейх, таким образом, начал повторное присоединение северной части Крайны, а также пограничной области Каринтии и южной Штитрии. Венгрия уступит Рейху четыре немецкие общины, полностью принадлежащие этническому германскому населению (фольксдойче) — так называемое Прекмурье, которое в данный момент становится германским.

Италия своим распоряжением уже присоединила к себе южную область Словении, т.е. Люблянскую провинцию, а Хорватия также уступила ей области и острова на Адриатическом море у [городов] Риека, Задар, Шибеник и Котор (это отражено на карте). В южной Сербии Италия оккупировала область на границе с Албанией, в основном населенную албанцами, в то время как болгарские части заняли территорию к востоку от этой области, где проживает македонско-болгарское население. Можно ожидать, что эта военная оккупация приведет к политическому присоединению территориальных зон соответственно к Албании и Болгарии.

На северной границе бывшей национальной территории Югославии Венгрия заняла Меджимурье и Прекмурье, а также треугольник далее к востоку в направлении [рек] Драва и Дунай (Баранья), а также между [реками] Дунай и Тиса (Бачка) с целью их присоединения. Западный Банат (восточнее от [реки] Тиса), некогда принадлежавший Венгрии и являющийся предметом спора Венгрии и Румынии, в данный момент, дабы избежать осложнений, оккупировали германские войска.

В результате вышеперечисленного, Хорватия имеет своей границей на западе Адриатическое море, и на вышеперечисленные области вдоль ее границы претендует Италия; на севере — Люблянскую провинцию; что касается Германии, то прежняя историческая граница между австрийской коронной землей Штирия и бывшим королевством Хорватия (которая уже подтверждена договором от 13 мая)⁶⁰ на северо-восток в направлении Венгрии, которая проходит по течению р. Дравы (Држава) и [реки] Дунай вплоть до устья [реки] Сава. Переговоры об определении границы между Хорватией и Сербией в данный момент не завершены. В основном эта граница пройдет по течению [реки] Дрина до ее впадения в [реку] Саву и по течению [реки] Савы до ее впадения в [реку] Дунай. На юге Хорватия будет граничить с королевством Черногорией, которое, вероятно, будет восстановлено примерно в своих прежних исторических границах. Таким образом, [в состав] Хорватии войдут области, известные ранее под названиями Хорватия, Славония, Срем, Далмация (частично), Босния и Герцеговина.

Область, не охваченная реорганизацией, территория которой в основном соответствует прежней Старой Сербии, рассматривается как область оставшегося сербского государства. В данный момент она управляется командующим германскими силами.

Относительно Греции Италия заявила о своем намерении присоединить Эпир в не определенных на данный момент границах. Болгария оккупировала западную Тракию наряду с областью вдоль границы с Турцией, включая долину [реки] Струма. Болгария рассматривает оккупацию Македонии в качестве предварительной фазы ее воссоединения со своей матерью-отчизной.

Поскольку Италия не определила размер своих претензий на [Адриатическое побережье], информация, представленная на карте, еще не окончательна.

Balkanski ugovorni odnosi. 1919–1945. S. 503–504.

Дипломатическая переписка миссии Независимого государства Хорватия в Болгарии

Политический доклад Чрезвычайного посланника
и Полномочного министра НТХ в Софии Владимира Жидовца⁶¹

1941, 4 сентября

Заметки о беседе с министром иностранных дел Болгарии господином Иваном Поповым [Попов]: Турция осознает, что Россия — ее естественный враг. (В результате усилий пробританских сил в Турции произошло сближение с СССР, выразившееся в подписании советско-турецкой декларации о дружбе 5 марта 1941 г.) Вопреки дружбе в течение последних 20 лет, Турция знает, что эта дружба устраивала Россию, пока та была слабой. Россия в то время хотела, чтобы Турция была сильной и держала Босфор. Но как только Россия обрела силу, у нее стали проявляться традиционные претензии по отношению к Турции, претензии прохода через Дарданеллы. Турецкий министр иностранных дел один раз в свое время пробыл в Москве два месяца, однако Турция не могла согласиться с русскими требованиями. Будь в России царский режим или большевистский,

[ее] позиция по отношению к Турции одна и та же. В то же самое время, когда турецкий министр вел переговоры в Москве, Россия вела переговоры с Болгарией о дружбе, взаимопомощи и т. д. Это было направлено против Турции. Турции было известно и то, что она стала бы первой жертвой усиления России. Поэтому Турция не предпримет ничего, что могло бы усилить Россию. <...> Турция была англофильски настроена (Британско-Турецкий Договор о дружбе и взаимной помощи от 19 октября 1939 г.). Одновременно были сокращены экспорт руды из Турции в Германию и импорт оружия в Турцию из Германии. Турецкая печать заняла прозападную позицию, и она верит в победу Англии, однако по данным, которыми я располагаю, она искренне стремится остаться в стороне от войны, и она предпримет все, чтобы не быть вовлеченной в войну. <...> Немецкое наступление на юге — прекрасная вещь для Турции, и, если до зимы немцам удастся хотя бы отделить Россию от Кавказа, это будет иметь еще более решающее [значение].

Турция вступит в войну только тогда, когда станет абсолютно ясно, что одна из сторон победит. В этот момент Турция может стать опасной. 30

Румыния. Наше отношение к Румынии, к сожалению, неблагоприятно. Сейчас речь идет о финансовых проблемах, которые не так трудны, как пограничные. Мы должны заплатить Румынии согласно договору в Крайове (7 сентября 1940 Румыния уступила Болгарии южную Добруджу) миллиард румынских лей, первую половину до 1 января 1941 г. (30) и вторую — до 1 января 1942. Это было возмещение за предполагаемые работы, проведенные Румынией в Добрудже. Но хозяйство Румынии слабо; может быть, они и истратили эти деньги, но остается фактом, что они в Добрудже ничего не сделали. Кроме того, мы требуем от них компенсацию за ущерб, который они нанесли в последний момент общественным зданиям, которые согласно договору обязаны были передать целыми. (Румыны не признают, возможен германский арбитраж. Но это небольшие и серьезные проблемы, и здесь не могут возникнуть осложнения.)

Сербия. Здесь мне многое неясно. Я не понимаю действия немцев и не знаю, как они могут думать, что Недич их друг, когда он известный англофил. Что касается Солуна, то он соглашался присоединить Солун, но только для того, чтобы обмануть немцев.

Кроме того, немцы разрешают деятельность Косты Печанца⁶². Он даже в Белграде опубликовал призыв ко всем комитам, четникам сотрудничать с ним и объединиться. Один немецкий журналист рассказал мне, что это — попытка немцев успокоить ситуацию в Сербии и навести (там) порядок. Это, может быть, хорошо, но я считаю, что одновременно и очень опасно. Когда власть находится в руках людей вроде Недича и Печанца (отношения между сторонниками Германии! Отношения между коммунистами!), они могут ей злоупотребить, если возникнут условия для этого. Я думаю, что это гораздо опаснее блуждающих по лесам и холмам отрядов четников.

Было бы очень хорошо, если бы Хорватия получила Санджак, а Болгария — область до Санджака, чтобы мы получили общую границу; однако в нынешних условиях это неосуществимо и невозможно. Ведь новое сербское правительство требует от немцев Санджак и Черногорию, а также выход Сербии к морю. Требуется также Скопье и Пирот, но я не верю, чтобы немцы могли проявить некоторую [готовность] пойти навстречу этим сербским требованиям. 31

Венгрия. Венгры думают, что мы их родственники, поскольку на самом деле болгары не были славянами. Но наш народ — славянский народ. С венграми мы всегда были в дружеских отношениях, поскольку между нами нет никаких споров.

Мне рассказывали венгерские представители, что в Венгрии известно, что Меджимурье целиком хорватское. Они отдали бы его Хорватии, но Хорватия отказалась предоставить венграм свободное транспортное сообщение с Риекой и Триестом и отказалась объявить эти железные дороги венгерскими, поскольку в этом случае венгерские поезда могли бы курсировать бесплатно и без дозора. Поскольку Хорватия это отвергла, венгры оставили Меджимурье себе. Я считаю наилучшим вариантом, чтобы Хорватия получила Меджимурье и разрешила этот транзит, который в один прекрасный день могла бы легко отменить. (Я объяснил нашу позицию относительно Меджимурья.)⁶³

В случае венгерско-румынского спора о Трансильвании Болгария была бы нейтральна, поскольку это нас не касается, хотя Венгрия была бы нейтральна в споре между Румынией и Болгарией из-за Добруджи (румыны ведут ирредентистскую пропаганду и распространяют какие-то брошюры, хотя Добруджа — абсолютно болгарская страна. <...> Вопрос о Трансильвании я не считаю окончательно решенным. Нынешнее решение не может сохраниться (венские арбитраж). Эта проблема очень трудно разрешима. Возможно переселение или небольшое венгерское государство в Эрделе. <...>

Италия. Наши отношения с Италией трудны. Действия [итальянцев] по отношению к нам непонятны. Отняли наши области в Македонии (Тетово, Гостивар, Кичево, Дебар и т.д.), которые не имеют никакой ценности для них, а для нас — большую. Например, если бы нам итальянцы хотели вернуть хотя бы монастырь св. Наума в Охриде, для нас это имело бы большое значение, это был бы праздник для всей Болгарии, и народ сразу гарантированно забыл бы все остальные утраты, Но они не настолько психологи, чтобы это сделать и понять. <...>

Этот вопрос вообще очень труден. У одного народа есть свои национальные цели и идеалы; у другого народа — свои. И эти цели и идеалы, к сожалению, часто противоречат друг другу. <...> Сейчас надо решить только то, что созрело для решения, а потом ждать десятилетия или столетия, пока другие проблемы дозреют до своего благоприятного решения. Мы, болгары, в этом отношении много ошибались. После освобождения от турецкого рабства мы стремились объединить все наши территории, но тем самым восстановили против себя и сербов, и греков, и румын, и турок, и в конце концов и весь мир.

Греция. С ней у нас вообще нет никаких отношений. О положении в Солуне и западной Тракии у немцев нет достоверной информации, поскольку они контактируют с богатыми греками, а не с нашим бедным крестьянским элементом. Политика греков по отношению к нам в Тракии изменяется — то лучше, то хуже. Сейчас, например, отношения опять плохие, поскольку греческие жандармы жестоко ведут себя по отношению к нашему населению.

Солун географически и экономически принадлежит нам, но этнографический вопрос труден. В 1912 г. в Солуне было много болгар, но сейчас греки изгнали большую часть нашего (населения) мира. Принадлежность Солуна Болгарии мела бы для нас огромное значение, и Болгария бы сильно поднялась экономически. Для нас Солун гораздо важнее всего того, что бы Греция могла получить и на что бы мы согласились ради Солуна, чем ради чего-либо другого.

Хорватия. У вас был случай убедиться, сколь сердечны и дружественны наши отношения. Эту нашу дружбу я коротко охарактеризовал бы следующей формулой: если Болгария будет крупной и сильной, Хорватии будет лучше, а если Хорватия крупна и сильна — будет лучше Болгарии.

Общие соображения. Мы верим в полную победу Германии, поскольку немецкий народ живуч и силен и так хорошо организован и руководим, что никак не может потерпеть поражение. Однако если в ходе войны еще наступят трудные времена, когда возникнет опасность со стороны Турции, какого-нибудь английского десанта, Сербии или Греции, которые не удовлетворены, тогда, я убежден, Болгария и Хорватия могли бы прочно удерживать ситуацию в своих руках и своими силами полностью гарантировать свои границы и то положение, какое существует сегодня. С этой целью Хорватия должна обладать современной армией по крайней мере от 200 000 хорошо натренированных парней. У нас, болгар, хорошая армия, но, к сожалению, она вооружена не так хорошо, как мы бы хотели. В этот момент мы не можем получить от Германии танки, самоходки и т.д. Однако это восполняется [боевым] духом нашей армии.

Poslanstvo NDH u Sofiji. Diplomatski izvještaji. 1941–1945. Svezak 1. Zagreb, Hrvatski Državni Arhiv, 2003. S.32 — 34.

После 22 августа 1944 г.

Политический доклад чрезвычайного посланника и полномочного министра НГХ в Софии д-ра Николы Рушиновича⁶⁴

Приложение.

Выступление министра иностранных дел Болгарии г-на Парвана Драганова перед Национальным собранием 22 августа 1944 г.

(Фрагмент)

С нашим северным соседом — Румынией — после мирного и окончательного урегулирования болезненного вопроса о Добрудже, в ходе обсуждения которого обе стороны продемонстрировали добрую волю построить мост на Дунае и мост искренней дружбы между соседями, которые имеют общие интересы, наши отношения развиваются, расширяются и определяются в разных

областях жизни вопреки нынешним трудным условиям. С этой точки зрения никакие усилия не будут слишком большими, никакая жертва напрасной.

Дружба между Болгарией и Венгрией стала традиционной. Гостеприимство, с которым встречаются наши садоводы в этой стране, а также все более развивающиеся торговые и культурные связи являются доказательством дружественных отношений между нашими двумя странами, которые ничем друг с другом не разделены и не конфликтуют.

Болгарский народ не может не приветствовать независимость, которую обрели два славянских государства — Хорватия и Словакия, поскольку и его собственная история не что иное, как череда тяжелых и кровавых войн за подобную независимость. Поэтому естественно, что наши отношения с этими двумя братскими народами не могут быть иными, нежели дружественными.

Наконец, еще одно балканское государство получило, или вернуло, себе независимость — Албания. Мы сопереживаем албанскому народу в его борьбе за независимое существование и будем радоваться, если ему, стяхнувшему с себя некоторые крайности чрезмерного шовинизма, удастся поставить свои национальные устремления в рамки справедливой (праведнее) умеренности, чтобы создать условия для хороших отношений с соседними народами и государствами.

Турция. Несколько лет назад этот наш сосед смотрел на нас с недоверием и считал необходимым, чтобы гарантировать свое спокойствие, держать на своей границе в Тракии десятки дивизий. А у нашей страны не только с Турцией, но и со всеми нашими соседями были такие отношения, что у нас не было стратегических границ, что военные укрепления и вооружения, а не дружба и вера в добрые намерения гарантировали нам мир.

Мы в свое время предоставили доказательства нашего миролюбия по отношению к Турции, а также снижения агрессивности по отношению к ней в убеждении, что она, сознавая общность наших общих интересов на Балканах, не будет иметь других намерений.

Poslanstvo NDH u Sofiji. Diplomatski izvještaji. 1941–1945. Svezak 2. Zagreb, Hrvatski Državni Arhiv, 2003 S. 667.

Отчет Чрезвычайного посланника и Уполномоченного министра НГХ в Софии

Июль 1944 г.

(Фрагмент)

Болгарская газета «Народна Дума»:

«Совершенно ясно, что новоиспеченный маршал хочет в Европе перехитрить как Карагеоргиевичей, так и Дражу Михаиловича. Если Анте Павелич заменил и возместил собой д-ра Владко Мачека, если Адольф Гитлер стоит во главе Рейха, где некогда царствовали Гогенцоллерны и Габсбурги, если Иосиф Сталин занимает место, на котором некогда был Николай II, почему бы и ему, господину Тито, не заменить собой династию Карагеоргиевича? В конце концов, это внутреннее дело сербов, но нас это интересует с другой стороны». Ниже написано о том, как сотрудники Тито говорят о некоей «балканской федерации», а также о том, что Тито идет по стопам Александра [Карагеоргиевича]. И далее: «Группа Тито сейчас молчит о судьбе Македонии, так как вместо нее вещает радио Лондона, которое нас ежедневно призывает освободить „сербские“ земли, понимая под этим Македонию.

Группа Тито, подчинившись всецело английскому влиянию, в особенности с точки зрения финансов, не только перестала быть балканской по идеологии, но и превратилась в агентуру внеевропейской державы и в своих стремлениях является антиевропейской. Очевидно, что своей тактикой и фразами о федерации она хочет запутать передовые элементы в других балканских странах. Она уяснила, что попытки [Александра] Карагеоргиевича и Дражи Михаиловича не принесли успеха».

Poslanstvo NDH u Sofiji. Diplomatski izvještaji. 1941–1945. Svezak 2. Zagreb, Hrvatski Državni Arhiv, 2003 S. 629.

¹ Йованович (Јовановић) Слободан (1869–1968) — сербский и югославский государственный и политический деятель, юрист, историк. С 16 апреля 1941 г. по 11 января 1942 г. — заместитель председателя правительства Югославии. С 11 января 1942 г. по 26 июня 1943 г. — председатель правительства Югославии в изгнании. С 26 июня по 10 августа 1943 — заместитель

председателя правительства. В эмиграции с 1945 г. Заочно осужден на процессе Дражи Михаиловича в 1946 г. Предлагаемая статья была впервые опубликована в Лондоне в 1976 г., в книге: Jovanović S. *Zapisi o problemima i ljudima, 1941–1944*.

² Нинчич (Нинчић) Момчило (1876–1949) — один из дидеров Сербской национальной радикальной партии. С 16 апреля 1941 г. по 21 января 1943 г. — министр иностранных дел королевского правительства Югославии в изгнании. С 1945 г. в эмиграции. Заочно осужден на процессе Дражи Михаиловича в 1946 г.

³ Ошибка Йовановича. Король Петр II Карагеоргиевич и его правительство покинули страну 14–16 апреля 1941 г. Акт капитуляции Югославии был подписан 17 апреля 1941 г.

⁴ Черчилль хотел, чтобы король и правительство Югославии оставались в стране и продолжали сопротивление.

⁵ Король Югославии Петр II Карагеоргиевич (Карађорђевић; 1923–1970) — сын короля Александра Карагеоргиевича. Решением Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии от 29 ноября 1943 г. королю было запрещено возвращение в страну. В январе 1945 г. для представительства его интересов было образовано регентство. В ноябре 1945 г. на референдуме монархия в Югославии была отменена. Король Петр остался в эмиграции, не отрекшись от престола и сохранив титула короля, унаследованный сыном Александром. Прибыл в Лондон 21 июня 1941 г.

⁶ Симович (Симовић) Душан (1882–1962) — генерал, руководитель государственного переворота в Югославии 27 марта 1941 г. С 16 апреля 1941 г. по 11 января 1942 г. — глава королевского правительства Югославии в изгнании. С 11 января 1943 г. на пенсии. Перешел на сторону Тито и вернулся в Югославию.

⁷ Шутей (Šutej) Юрай (1889–1976) — один из лидеров Хорватской крестьянской партии. С 16 апреля [год?] по 11 января 1941 г. — министр финансов; с 11 января 1941 г. по 10 августа 1943 г. — министр финансов, торговли и промышленности в королевском правительстве Югославии в изгнании. С 7 марта 1945 г. — министр без портфеля в правительстве Демократической Федеративной Югославии. В октябре подал в отставку. Позднее отошел от политики. Крневич (Krnjević) Юрай (1895–1988) — лидер Хорватской крестьянской партии. С 16 апреля 1941 г. по 10 августа 1943 г. — заместитель председателя правительства, с 28 августа 1941 г. также министр почтовой, телеграфной и телефонной связи. Остался в эмиграции. Грол Милан (1876–1952) — председатель Югославянской демократической партии. С 21 августа 1941 г. по 26 июня 1943 г. — министр транспорта; с 26 июня по 8 августа 1943 г. — министр иностранных дел в королевском правительстве Югославии в изгнании. С 7 марта 1945 г. — заместитель председателя правительства Демократической Федеративной Югославии. 19 августа 1945 г. подал в отставку, был арестован, ЮДП запрещена. Впоследствии отказался от политической деятельности.

⁸ В Йоханнесбург в 1941 г. прибыло две группы военнослужащих Королевской югославской армии.

⁹ Илич (Илић) Боголюб (1881–1956) — с 16 апреля 1941 г. по 11 января 1942 г. военный и военно-морской министр в королевском правительстве Югославии в изгнании. 15 января 1942 г. отправлен в резерв, затем — на пенсию. В 1945 г. ради освобождения младшего брата вернулся в Югославию.

¹⁰ Договор был подписан 15 января 1942 г. в Лондоне. 11 января правительство Симовича ушло в отставку. Сформированное в тот же день следующее правительство возглавил Слободан Йованович.

¹¹ Богомолов Александр Ефремович (1900–1969) — советский дипломат, в 1941–1943 гг. чрезвычайный и полномочный посол СССР при союзных правительствах (Польша, Югославии, Греции, Норвегии) в Лондоне.

¹² После государственного переворота в Белграде, направленного против правительства Югославии, 25 марта 1941 г. подписавшего Тройственный пакт, 27 марта было образовано правительство Югославии во главе с Д. Симовичем. С 16 апреля 1941 г. — королевское правительство Югославии в изгнании. Советско-югославский договор о дружбе и ненападении был подписан в ночь с 5 на 6 апреля 1941 г. 8 мая 1941 г., в связи с военным поражением югославского государства и разделом его территории между Германией и ее союзниками, дипломатические отношения между СССР и Югославией были прекращены. Восстановлены 17–19 июля 1941 г.

¹³ НУЖНА КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПО Франции: ЧТО ИМЕЕТСЯ В ВИДУ: Советско-французский договор 1935 г. или договор 1942 со Свободной Францией? (опубл. в октябре 42, беседа раньше)

¹⁴ Сетон-Уотсон (Seton-Watson) Роберт Уильям (1879–1951) — британский политический деятель, аналитик и историк. Специалист по истории Центральной и Юго-Восточной Европы. Занимал различные посты в британском МИД (в 1940–1942 гг. — в Political Intelligence Bureau of the Foreign Office). Его влияние на принятие решений во время Второй мировой войны было незначительным.

¹⁵ Супило (Supilo) Франо (1870–1917) — хорватский политик и журналист, сторонник демократического югославизма и федерализма, член Югославянского комитета в Лондоне в 1915–1916 гг.

¹⁶ Михаилович (Михаиловић) Драголюб (Дража) (1893–1946) — организатор некоммунистического, промонархического сопротивления в Югославии, с 13 мая 1941 г. — Югославской армии на родине (четники). С 11 января 1941 г. по 10 августа 1943 г. — министр сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил королевского правительства Югославии в изгнании. Продолжил сопротивление коммунистам. В марте 1946 г. был арестован, судим и приговорен к смертной казни.

¹⁷ 14 сентября 1942 г. К сожалению, эта статья С. Йовановича, как и другие мемуарно-дневниковые источники, не содержит никакой информации о встрече и переговорах М. Нинчича с В. М. Молотовым в Лондоне 10 июня 1942 г.

¹⁸ Кнежевич (Књежевић) Радое (1901–1983) — министр двора, сторонник генерала Дражи Михаиловича. С 1945 г. — в эмиграции.

¹⁹ Имеются в виду правительства Югославии в изгнании в период с 16 апреля 1941 г. до 7 марта 1945 г.

²⁰ Каирская афера — военно-политический инцидент, затронувший взаимоотношения правительств Великобритании и Югославии, отношения между правительством Югославии и Дражей Михаиловичем. Урегулирован в октябре 1942 г. (Balkanski ugovorni odnosi, 1919–1945. S. 527–530).

²¹ Трифунович (Трифунвић) Милош (1871–1957) — сербский политик, лидер Народной радикальной партии, с 26 июня по 10 августа 1943 г. — председатель королевского правительства Югославии в изгнании. Сменивший его на посту председателя правительства Божидар Пурич (Пурић) согласился перенести правительство в Каир (29 сентября 1943 г.).

- ²² Бенеш (Beneš) Эдуард (1884–1948) — в 1940–1945 гг. председатель Национального совета Чехословацкой республики в Лондоне, признанного союзниками легитимным правительством в изгнании.
- ²³ Сфорца (Sforza) Карло (1872–1952) — итальянский политик, с 1927 г. в эмиграции. Разрабатывал идеи центральноевропейской и средиземноморской федераций. В октябре 1943 г. вернулся в Италию.
- ²⁴ Криппс (Cripps) Ричард Стаффорд (1889–1952) — с 1940 г. по январь 1942 г. посол Великобритании в СССР.
- ²⁵ Мария Румынская (Marie von Hohenzollern-Sigmaringen; 1900–1961) — вдова Александра I Карагеоргиевича, мать короля Петра II.
- ²⁶ Наряду с Гавриловичем среди «советских источников внутри югославской политической элиты» можно назвать Ивана Шубашича (Серес), премьера правительства в изгнании в 1944–1945 гг., и Саву Косановича (Коло) — министра без портфеля, впоследствии — посла ФНРЮ в США в 1946–1950 гг. См.: Позняков В. В. Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений: Поворотные пункты раннего периода холодной войны (1944–1953 гг.) // Холодная война, 1945–1963: Историческая ретроспектива: Сборник статей. М., 2003. С. 338.
- ²⁷ 2 января 1943 г.
- ²⁸ Шубашич (Šubašić) Иван (1892–1955) — с 7 июня 1944 г. по 7 марта 1945 г. председатель королевского правительства Югославии в изгнании. Подписанные им в 1944 г. с И. Брозом Тито два соглашения открыли Тито и коммунистам путь к власти. 7 марта 1945 г. вошел в качестве министра иностранных дел в правительство Демократической Федеративной Югославии. 17 октября в знак несогласия с проводившейся политикой подал в отставку. Жил в Загребе.
- ²⁹ Перишич (Перишић) Радоица (1906–1945) — православный священнослужитель и командир отряда четников в Черногории. Убит усташами.
- ³⁰ Недич (Недић) Милан (1877–1946) — генерал королевской югославской армии, с 29 августа 1941 г. по 4 октября 1944 г. — председатель Совета министров правительства национального спасения, созданного на территории Сербии германскими оккупантами
- ³¹ Евджевич (Јевђевић) Добросав (1897–1962) — член организации «Млада Босна», участник сараевского покушения на эрцгерцога Франца Фердинанда, в межвоенный период — деятель Организации югославянских националистов (ОРЈУНА) и Югославянской националистической партии. В 1941–1944 гг. — командир четников в Герцеговине.
- ³² 24 января 1937 г. — договор о вечной дружбе Югославии с Болгарией; 12 декабря 1940 г. — договор о дружбе Югославии с Венгрией. Также 23 марта 1937 г. был подписан договор о ненападении и взаимном невмешательстве во внутренние дела Югославией и Италией.
- ³³ Цудерос (Τσοούβερός; 1882–1956) — с 29 апреля 1941 г. по 13 апреля 1944 г. премьер-министр правительства Греции в изгнании. Правительство находилось в Каире.
- ³⁴ Национальный фронт (алб.) — в 1939–1945 гг. албанская националистическая антикоммунистическая организация; выступала за создание албанского государства, включающего собственно Албанию, Косово, южную часть Черногории, западную часть Македонии и Эпир.
- ³⁵ Вукманович (Вукманјвић) Светозар (Темпо; 1912–2000) — полномочный представитель ЦК КПЮ и Верховного штаба ЮНА. Отвечал за южные области Югославии. Организовал народно-освободительную борьбу в Македонии, в Косове и Метохии, установил связи с КПА, КПГ и КПБ. Его деятельность была высоко оценена Политбюро ЦК КПЮ и верховным штабом НОАЮ в середине 1944 г. После этого он вновь вернулся в Македонию. Впоследствии работал в Белграде.
- ³⁶ В публикации имя отсутствует. Верверис Телемах — один из лидеров КПГ.
- ³⁷ Энвер Халил Ходжа (Enver Halil Hoxha; 1908–1985) — в 1941–1985 гг. первый секретарь Коммунистической партии Албании (с 1948 г. — Албанская партия труда).
- ³⁸ Михайлов Иван (Ванчо) (1896–1990) — руководитель террористической организации ВМРО в 1924–1934 гг., впоследствии жил в эмиграции. Убеденный антикоммунист. По его мнению, славянское население Македонии составляли преимущественно болгары; не признавал существования македонцев как нации. Выступал за создание автономной, впоследствии независимой республики Македония со столицей в Салониках.
- ³⁹ Андреас Дзимас (Ανδρέας Τζήμας; 1909–1972) — один из руководителей КПГ. После поражения КПГ в гражданской войне в Греции жил в эмиграции в Венгрии и Чехословакии. ГЕ ЭЛАС — главный штаб Греческой народно-освободительной армии (Ελληνικός Λαϊκός Απελευθερωτικός Στρατός — ΕΛΑΣ)
- ⁴⁰ Дзодзе (Хохе) Кочи (1917–1949) — один из руководителей КПА. Погиб в результате борьбы за власть в албанском руководстве и советско-югославского конфликта. Национально-освободительная армия Албании — Ushtria Nacional Çlirimtare.
- ⁴¹ Верховный штаб Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии (серб., хорв. — Врховни штаб Народно-ослободилачке војске и партизанских одреда Југославије).
- ⁴² Югославянский комитет — организация югославян — эмигрантов из Австро-Венгрии. Действовал в 1915–1919 гг. Сначала находился в Париже, потом в Лондоне. Выступал за объединение югославян вне границ Австро-Венгрии (включая независимую Сербию), в новом югославянском федеративном государстве.
- ⁴³ Венецианская Словения (слов. — Beneška Slovenija, итал. — Slavia Veneta) — историческая область, в которой в 1866 г. был проведен референдум, по результатам которого она была передана Италии.
- ⁴⁴ В сербском тексте использован термин «залеђе» — в геополитике синоним термина «hinterland»
- ⁴⁵ По-сербски игра слов: закорачити — «вторгнуться» и «перейти границы дозволенного».
- ⁴⁶ Антифашистское вече народного освобождения Югославии (1942–1945) — общеполитическое движение, охватывавшее освободительные движения всех народов оккупированной Югославии. Создано в 1942 г. под руководством коммунистов. Было проведено три сессии, заложившие основы новой югославской федеративной социалистической государственно-

сти: 26–27 ноября 1942 г., 29–30 ноября 1943 г. и 1–10 августа 1945 г. Решения Второй сессии АВНОЮ опубликованы на русском языке: Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956. С. 91–104.

⁴⁷ Словенское Приморье — западная часть Словении, на берегу Адриатического моря. Охватывает две исторические области — Горицу и Истрию. До образования в 1918 г. Королевства СХС (с 1929 г. — Королевство Югославия) эти земли входили в состав габсбургской коронной области Австрийское Приморье в Австро-Венгрии. В нее входили вольный имперский город Триест с предместьями, маркграфство Истрия и графство Горица и Градишка. После Первой мировой войны была оккупирована Италией и получила название Венеция-Джулия. Города Горица и Триест остались в составе Италии и в результате урегулирования после Второй мировой войны. Свободная территория Триеста была создана СБ ООН 15 сентября 1947 г. Была разделена на англо-американскую зону А (город Триест с прилегающими прибрежными районами) и югославскую зону В (часть побережья Истрии). 5 октября 1954 г. был подписан Лондонский договор: зона А была присоединена к Италии, зона В — к Югославии. В 1975 г. территория формально прекратила свое существование в соответствии с Осимскими соглашениями между Югославией и Италией.

⁴⁸ Osvobodilna fronta slovenskega naroda; создан 26 апреля 1941 г. В социалистической Югославии вошел в партийно-государственную структуру ФНРЮ.

⁴⁹ Вече — совет (серб., хорв.). Государственное антифашистское вече народного освобождения Хорватии (Zemaljsko antifašističko vijeće narodnog oslobođenja Hrvatske, ZAVNOH) — руководящий комитет антифашистского партизанского коммунистического движения в Хорватии в период национально-освободительной борьбы. Создан в 1943 г. Формально выполнял функции высшего политического руководства национально-освободительным движением, но фактически был и высшим органом государственной власти в Хорватии, альтернативной НГХ. В 1945 г. стал Национальным сабором Хорватии. Принял несколько основополагающих законов хорватской государственности в послевоенной социалистической Югославии.

⁵⁰ Чолакович (Čolaković) Родолюб (1900–1983) — коммунист, государственный деятель в ФНРЮ (СФРЮ)

⁵¹ Рибар (Ribar) Иван (1881–1968) — хорватский и югославский политик. Начал свою деятельность в Австро-Венгрии. В 1942–1945 гг. — председатель АВНОЮ.

⁵² Кидрич (Kidrič) Борис (1912–1953) — словенский коммунист, партизан и государственный деятель ФНРЮ.

⁵³ Видмар (Vidmar) Иосип (1895–1992) — словенский писатель и политический деятель, до и во время войны был близок к коммунистам. В 1943–1953 гг. — председатель Освободительного фронта словенского народа.

⁵⁴ Хорватское Приморье — историческое название территорий рядом с имевшим особый статус в Венгрии г. Риекой (Фиуме). Это название возникло в качестве реакции на термин «Венгерское Приморье». До 1918 г. было единственным выходом Хорватии к Адриатическому морю.

⁵⁵ Павелич Анте (1889–1959) — создатель и руководитель националистической хорватской организации усташей (1929–1945). С мая 1941 г. — «поглавник» Независимого государства Хорватия, созданного после оккупации Германией, Италией и Венгрией на территории Югославии.

⁵⁶ Данный проект был третьим из четырех проектов договоров о выстраивании новых отношений между Югославией и Болгарией. Первоначально шла речь о договорах между двумя государствами. Затем — о федерации, наконец, вновь о межгосударственном договоре. Ни Балканская федерация, ни Балканский союз так и не были созданы. См.: проект соглашения о политическом, военном и экономическом сотрудничестве и братском единстве народов Югославии и Болгарии (Белград, ноябрь 1944 г.), проект соглашения договора о политическом, экономическом и военном сотрудничестве между правительствами Югославии и Болгарии (София, 23 декабря 1944 г.), проект договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Югославией и Болгарией (Москва, 27 января 1945 г.) (Balkanski ugovorni odnosi, 1919–1945. S. 641–644, 645–646, 652–655).

⁵⁷ Так в документе. Имеется в виду не название государства, а его характеристика.

⁵⁸ Демократическая Федеративная Югославия провозглашена 29 ноября 1943 г. на Второй сессии АВНОЮ. 7 марта 1945 г. в результате двух соглашений Тито — Шубашича (16 июня и 1 ноября 1944 г.) было создано правительство ДФЮ во главе с И. Брозом Тито. 29 ноября 1945 г. Учредительная скупщина провозглашает Федеративную Народную Республику Югославию (с 1963 г. — Социалистическая Федеративная Республика Югославия).

⁵⁹ В соответствии с Нейским договором от 27 сентября 1919 г. между странами Антанты и Болгарией к Королевству СХС отходили западные окраины Болгарии и часть Македонии.

⁶⁰ 13 мая 1941 г. — договор о границе в Штирии между Германией и НГХ, 18 мая 1941 г. — договор о границе между Италией и НГХ. Граница НГХ с Сербией была определена на консультациях с Германией 7 июля 1941 г. Проходила по бывшей границе Австро-Венгрии и Сербии. 27 октября договором с Италией была определена граница с так называемым Королевством Черногория. Граница между НГХ и Венгрией проходила по реке Драва, но не была оформлена договором, т. к. НГХ не хотело отказаться от Меджимурья, обещанного ему Германией в награду за нападение на Югославию.

⁶¹ Жидовец (Židovec) Владимир (? — после 1954) — чрезвычайный посланник и полномочный министр НГХ в Болгарии (1941–1943). В 1948 г. приговорен к смертной казни, однако в заключении продолжал работать в качестве аналитика на органы безопасности Югославии.

⁶² Печанац (Печанац) Коста (1879–1944) — командир военного округа королевской югославской армии в Скопье; Личный соперник Дражи Михайловича в четничском сопротивлении. Установил контакты с итальянскими и германскими властями. Убит четниками — сторонниками Михайловича 25 мая 1944 г.

⁶³ А. Павелич и НГХ не отказались от своего требования вернуть Меджимурье.

⁶⁴ Рушинович (Rušinović) Никола — в 1943–1944 гг. чрезвычайный посланник и полномочный министр НГХ в Болгарии.

Антигитлеровская коалиция и страны-сателлиты Германии: подготовка и заключение соглашений о перемирии

Т. В. Волокитина*, Л. В. Ревякина**

Неблагоприятный для Берлина и его союзников поворот в военных действиях на Восточном и Западном фронтах, начавшийся в середине 1943 г. и приведший к коренному перелому в ходе Второй мировой войны, поставил восточноевропейских сателлитов Германии перед необходимостью изменения своей внешнеполитической ориентации. Именно к этому времени относятся их первые попытки установить контакты с британскими и американскими представителями в нейтральных странах в поисках возможных путей отхода от Германии. Руководители Румынии, начавшие осторожный зондаж позиций англичан по этому вопросу сразу после разгрома основных частей регулярной румынской армии под Сталинградом, с весны 1943 г. задействовали дипломатические каналы в Мадриде, Лиссабоне, Анкаре¹. Летом 1943 г. отмечены неоднократные попытки венгерских оппозиционных кругов установить контакты с британскими представителями в нейтральных странах². 10 июля в результате высадки войск западных союзников в Сицилии был открыт итальянский фронт военных действий. Реальная перспектива капитуляции Италии стимулировала необходимость совместной выработки союзниками по антигитлеровской коалиции механизма прекращения военных действий против германских сателлитов и их вывода из войны.

Советский Союз, Великобритания и Соединенные Штаты, обсуждая судьбу стран фашистского блока, исходили из принципа их безуслов-

ной (безоговорочной) капитуляции. Впервые вопрос об этом был поставлен на конференции западных союзников в Касабланке 14 января 1943 г. По окончании встречи на пресс-конференции 27 января президент Соединенных Штатов Ф. Рузвельт, сформулировав главную военную цель союзников, подчеркнул, что они будут добиваться полной и безусловной капитуляции Италии, Японии и Германии и искоренения идеологии, основанной на завоевании и порабощении одного народа другим³.

7 июня 1943 г. советское правительство в письме послу Великобритании в СССР А. Кларку Керру сформулировало свою позицию об отношениях союзников с сателлитами. В перечне основополагающих принципов значились: «а) безоговорочная капитуляция; б) возврат захваченных ими территорий; в) возмещение причиненных войной убытков; г) наказание виновников войны»⁴. Месяцем позже, 2 июля 1943 г., правительство Великобритании обратилось к советской стороне с датированным 1 июля документом, в котором излагались его взгляды на принципы, которыми следовало руководствоваться при прекращении военных действий с европейскими странами — членами «оси». Авторы предлагали, чтобы все предъявляемые сателлитам требования и условия были представлены в «едином исчерпывающем документе, охватывающем все Объединенные Нации, находящиеся в состоянии войны с этой страной — членом „оси“, и соответствующем принципу безоговорочной капитуляции».

* Татьяна Владимировна Волокитина — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

** Луиза Васильевна Ревякина — доктор исторических наук, профессор Института исторических исследований Болгарской академии наук (БАН).

После подписания перемирия для его реализации и контроля за выполнением предусматривалось создание межсоюзнической комиссии с поочередно меняющимся руководством — представителями Великобритании, США и СССР. Предполагалось, что любая декларация о перемирии должна была предусматривать «полную или частичную оккупацию» соответствующей страны союзными войсками, а вся ответственность за соблюдение законности и порядка возлагалась на главнокомандующего Объединенных Наций на оккупированной территории. Представительная комиссия Объединенных Наций по Европе из числа политических представителей высокого ранга от США, Великобритании, СССР, Франции и малых европейских союзников должна была действовать как наблюдательный орган и вместе с тем являться «верховой властью Объединенных Наций в Европе». В ее функции входило направлять и координировать деятельность различных комиссий по перемирию, союзного главнокомандующего и любых гражданских властей, которые могли быть созданы, решать текущие вопросы военного, политического и экономического характера, направленные на поддержание порядка. Предусматривалось создание руководящего органа комиссии — комитета из представителей США, Великобритании, СССР и Франции, действующего на основе «правила единогласия»⁵. 19 июля правительство Великобритании сообщило в Москву, что «взгляды советского правительства внимательно изучаются» и что британская сторона согласна с советскими принципами применительно к странам-сателлитам⁶.

Принцип безусловной капитуляции используется в документах, связанных с выходом из войны Италии и подписанных в сентябре 1943 г. Но практически сразу же, наряду с термином «капитуляция», стало широко применяться понятие «перемирие», получившее впоследствии распространение при подготовке соответствующих документов по другим странам-сателлитам. Безусловную капитуляцию конкретной страны в условиях продолжавшихся военных действий союзников против Германии предполагалось предвзвешивать стадией перемирия, добиваясь участия стран-сателлитов в войне с Германией на стороне Объединенных Наций.

Одним из первых, кто почувствовал непредсказуемость результатов «восточного похода» вермахта, был венгерский диктатор М. Хорти. О пробных контактах британских диплома-

тов с венграми Лондон сообщал в Москву, как и о решении начать переговоры с ними⁷. Разговоры с секретарем МИД Венгрии Л. Вёрёшем велись в нейтральной Турции вплоть до начала августа 1943 г. Встречи в Стамбуле, на которых Вёрёш заявил о согласии своего правительства на безоговорочную капитуляцию, причем «возможно скорее», отчетливо выявили расчет венгерской стороны на военное сотрудничество с западными союзниками в целях предотвращения вступления в страну Красной армии⁸. За этим скрывались, в первую очередь, опасения распространения коммунизма и перспективы революционных перемен в Венгрии.

Советское руководство расценило заявление Вёрёша как зондаж, справедливо полагая, что безусловная капитуляция Венгрии в настоящий момент нереальна, но сочло полезным продолжение контактов для более детального выяснения позиции венгерской стороны и возможности доверять лично Вёрёшу⁹.

По итогам переговоров британская сторона подготовила венгерскому правительству ответ, в котором выразила согласие, что заявление венгров о безоговорочной капитуляции следует отложить до более удобного времени, когда союзники смогут оказать им военную помощь. В качестве доказательства серьезности своих намерений Будапешту предлагалось прекратить всякое сотрудничество с Германией, создавать немцам разного рода трудности и помехи при проведении тех или иных мероприятий и даже переходить к актам мелкого саботажа¹⁰. О своей позиции 4 сентября 1943 г. англичане уведомили Москву.

В ответном письме А. Кларку Керру от 6 сентября В. М. Молотов отметил, что передавать венграм предложения англичан нецелесообразно «по тактическим соображениям». Более подробно советская позиция обосновывалась в очередном письме британскому послу от 19 сентября 1943 г. Ссылаясь на итальянский прецедент (Италия капитулировала 3 сентября 1943 г.), Москва старалась доказать важность принципа безоговорочной капитуляции. В письме подчеркивалось, что аналогичное поведение хортистской Венгрии облегчило бы ситуацию для союзников на Восточном фронте и на итальянском театре военных действий, и, наоборот, отсрочка ее капитуляции позволит Германии «укрепить свои позиции в Юго-Восточной Европе и в Италии»¹¹. Зная точку зрения советской стороны, британское правительство все же решило передать через Вёрёша свои предложения правительству М. Калаи.

В сентябре 1943 г. конкретные действия в этом же плане предпринял румынский король Михай. Возобновили попытки установить контакты с англичанами и лидеры оппозиции, в частности руководитель Национал-царанистской партии (НЦП) Ю. Маниу. Когда же в конце сентября 1943 г. через румынского военного атташе в Анкаре А. Крециану британским дипломатическим представителям было вручено обращение руководства Генерального штаба, а на самом деле — кондукэторула Румынии маршала Иона Антонеску, стало ясно, что румыны надеялись на возможность договориться с Западом и сформулировать условия выхода Румынии из войны, позволявшие в известной степени «сохранить лицо» страны (подтверждением тому может служить болезненная реакция Антонеску на условия выхода из войны Италии). В обращении румынского диктатора речь шла о готовности разорвать отношения с Германией и установить сотрудничество с Англией при условии, что англичане опередят Красную армию на Балканах и не допустят ее вступления в Румынию.

Отказ западных союзников от сепаратных переговоров принудил румын обратиться к советским представителям. Поначалу местом для переговоров стал Стокгольм, где при посредничестве британского посла в Швеции В. Маллета состоялись первые контакты румын с послом СССР А. М. Коллонтай. Советская сторона, однако, не особенно доверяла англичанам, считая, что они не полностью информируют ее о своих встречах с румынскими представителями, и предпочитала налаживание прямых контактов, без чьего-либо посредничества. В Москве понимали, что румын на данном этапе будут интересовать не только условия капитуляции («когда и каким образом Румыния будет капитулировать»), но и «намерения союзников в отношении Румынии», в частности: «будет ли вообще существовать Румыния и какая — капиталистическая или большевистская, и в каких границах»¹².

Вместе с тем реальная обстановка на советско-германском фронте, где Красная армия после победы на Курской дуге наращивала наступление, венгерские и румынские инициативы о возможном выходе их стран из войны на стороне Германии, подтолкнули Лондон к решению, что союзникам необходимо выработать общую концепцию по вопросу о контактах с сателлитами. Британская сторона предложила обсудить вопрос о «мирных проб-

ных шарах со стороны вражеских государств», то есть о реакции союзников на попытки мирного зондажа со стороны оппозиционных элементов в странах «оси» и сателлитах. По предложению англичан он был включен в повестку дня Московской конференции¹³. Упомянутый выше документ от 1 июля 1943 г. о принципах отношений со странами «оси» трансформировался к тому времени в британскую платформу об обращении союзников с Германией и другими вражескими странами в Европе в течение периода перемирия¹⁴. 30 сентября 1943 г. новый-старый британский проект вновь был направлен в Москву для обсуждения на предстоящей в Москве конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США. Советское руководство не возражало против этого.

Советские руководители, столкнувшись с поисками союзниками альтернативных вариантов действий в отношении сателлитов, сочли необходимым усилить разработку вопросов мирного урегулирования. Именно в это время при Наркомате иностранных дел СССР создаются специальные комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (комиссия М. М. Литвинова), по вопросам перемирия (комиссия К. Е. Ворошилова), а также по возмещению ущерба, нанесенного СССР гитлеровской Германией и ее союзниками (комиссия И. М. Майского).

Проведенная в Москве с 19 по 30 октября 1943 г. конференции министров иностранных дел Великобритании (Энтони Иден), США (Кордел Хэлл) и СССР (Вячеслав Молотов) обсудила и приняла решение по целому ряду вопросов, связанных с окончанием военных действий и выходом Германии и ее союзников из войны. Важнейшим результатом Московской конференции стало создание Европейской консультативной комиссии (ЕКК) из представителей СССР, Великобритании и США. В задачи ЕКК входил анализ политической обстановки в Европе и в мире в условиях приближающегося разгрома нацистской Германии и ее союзников; обсуждение вопросов, связанных с завершением военных действий в Европе, и возможных послевоенных политических проблем; выработка предложений правительствам союзников для решения возникающих вопросов и главное — подготовка проекта решения о капитуляции европейских, враждебных союзным силам государств, а также и механизма для ее осуществления.

Московская конференция закрепила и некоторые важные с точки зрения дальнейшей перспективы прецеденты, возникшие при практическом осуществлении союзнического контроля в Италии, где такой контроль оказался всецело прерогативой союзной державы, чьи войска вступили на территорию этой страны и нанесли ей поражение. В Италии западные союзники самостоятельно, без участия советских представителей, выработали условия капитуляции, создали и полностью укомплектовали союзную администрацию и контрольную комиссию, руководимую главнокомандующим англо-американскими силами. Мало что меняло в этом механизме включение позднее в состав СКК советского представителя, за которым закреплялись функции наблюдателя и офицера связи между СКК и советским правительством. Принципиальное значение имеет в этом плане констатация американского исследователя Б. Лидделла-Харта, подчеркнувшего, что «по сути дела, русские были практически отстранены от всякого участия в подготовке капитуляции Италии»¹⁵. Хотя Москва негативно отреагировала на такое поведение союзников («США и Англия сговариваются...»), действия союзников открывали перед ней возможность для аналогичных шагов в будущем, поскольку была очевидной решающая роль Красной армии в поражении германских союзников в Восточной Европе.

В ходе обсуждения на московской встрече вопроса о возможных мирных зондажах со стороны стран «оси» британская сторона информировала о румынских инициативах¹⁶. Показательно, что при этом конкретное содержание обращения Антонеску было заменено англичанами на некие аморфные «определенные условия», на которых, как сообщали англичане, румынская сторона была готова сотрудничать с союзниками. Свою позицию относительно Румынии английские представители сформулировали следующим образом: «Румынам следовало бы совершенно определенно заявить, что от них потребуют безоговорочной капитуляции, но что, ввиду невозможности осуществления ее в настоящий момент, они должны будут тем временем предпринять некоторые активные шаги с целью создать для немцев затруднительное положение. Можно также добавить, что отношение к ним впоследствии будет зависеть от эффективности их военных действий в пользу союзников». К перечню возможных мероприятий румынской стороны были отнесены: сокра-

щение румынской военной помощи Германии, в том числе отказ от отправки войск на Восточный фронт и, по возможности, сокращение действующего там румынского воинского контингента, отзыв из Люфтваффе румынских летных экипажей, сокращение и задержка любых поставок в Германию, особенно нефти и зерна, диверсионные действия и помехи на маршрутах снабжения и переброски немецких военных подкреплений в Германию, Южную Россию и на Балканы, предоставление возможностей для деятельности в стране разведки союзников и др. Позиция британской стороны в данном случае практически не отличалась от ее позиции в отношении Венгрии.

Советской стороне в ходе дискуссии на Московской конференции удалось добиться крайне благоприятного для себя исхода обсуждения — признания, хотя и не зафиксированного в секретном протоколе, что переговоры с сателлитами Германии, воюющими против СССР — Румынией, Венгрией и Финляндией, — «могут быть только по вопросу о безоговорочной капитуляции» и что «советское правительство должно иметь решающий голос» в отношении этих стран. «Всякого рода другие переговоры — это нестоящие переговоры, они даже могут помешать решению главного вопроса, — подчеркнул в своем выступлении В. М. Молотов. — Во время теперешней войны переговоры могут идти не о перемирии, а только о капитуляции, о сдаче. ... Я уже не говорю здесь о том, что контролировать проведение половинчатых мер невозможно»¹⁷.

Советский Союз в то время вел самостоятельные военные действия с Румынией, Венгрией и Финляндией, и его приоритет при решении поставленных вопросов был неоспорим. В частности, о «решающем голосе» СССР заявил на конференции министр иностранных дел Великобритании Иден¹⁸. Что касается вопроса о мирных зондажах вражеских государств, то в секретный протокол конференции вошло решение «О линии поведения в случае получения пробных предложений мира от враждебных стран», согласно которому правительства условились взаимно информировать друг друга о любых «пробных предложениях мира» и консультироваться друг с другом в целях согласования своих действий¹⁹.

Решения Московской конференции открывали возможность будущих совместных действий союзников по антигитлеровской коалиции в вопросе о выводе германских сателлитов

из войны. Созданная по решению Московской конференции Европейская консультативная комиссия начала работу в Лондоне 14 января 1944 г. Великобритании в ней представлял дипломат У. Стренг, США — посол США в Великобритании Дж. Вайнант, СССР — полномочный представитель СССР в Великобритании Ф. Т. Гусев. Он был избран и председателем ЕКК. Комиссия работала до сентября 1945 г.²⁰

Первым «пробным камнем» для осуществления намеченных решений стала Румыния, проблема переговоров с которой актуализировалась по инициативе британского союзника в начале 1944 г. При этом в письме А. Кларка Керра В. Г. Деканозову от 16 января 1944 г. официально было подтверждено, что «Советское Правительство будет играть главную роль в определении того, какими должны быть условия перемирия с румынами»²¹. Таким образом, Лондон продемонстрировал намерение следовать достигнутой договоренности: ведущая роль в вопросе о перемирии с Румынией отводилась Москве²². Что касается позиции советского правительства, то она была четко сформулирована в письме Молотова союзникам 8 октября 1943 г., еще до открытия Московской конференции: румынская сторона должна официально заявить «трем главным союзникам» о своем согласии принять условия безоговорочной капитуляции, формулировка которых учитывала бы «опыт проведения безоговорочной капитуляции в Италии»²³.

В контактах с румынской стороной Лондон продолжал ориентироваться на оппозицию. Прозвучавшее на Московской конференции заявление советской стороны, что перспектива взаимодействия с «группой Маниу» имеется²⁴, стало дополнительным стимулом для англичан в их усилиях связать ее представителей с советской стороной. В конце февраля 1944 г. эмиссар Маниу князь Б. Штирбей прибыл в Турцию, а затем был переправлен в Каир для ведения переговоров с западными союзниками. Цель, преследуемая румынами, оставалась прежней: опередить Красную армию и добиться вступления в страну англо-американских войск. Кроме того, Маниу был готов обсуждать с англичанами конкретные мероприятия, направленные на изменение политического режима в стране. Лондон не возражал против рассмотрения на переговорах вопроса о создании в стране правительства, которое «пойдет на безоговорочную капитуляцию»²⁵. Советским представителем на переговорах был назначен опытный дипломат

Н. В. Новиков. 7 апреля 1944 г. он вручил британскому послу в Каире лорду Г. У. Э. Мойну разработанные в Москве предварительные условия перемирия для согласования.

К тому времени военно-политическая обстановка в Румынии резко изменилась: форсирован 27 марта 1944 г. пограничный Прут, Красная армия вступила на территорию страны. 2 апреля советское правительство распространило заявление о том, что СССР не посягает на какую-либо часть румынской территории и не намерен менять существующий общественный строй²⁶. Об этом говорилось и в постановлении Государственного Комитета Обороны от 10 апреля 1944 г. в связи со вступлением Красной армии в Румынию, где декларировалось: «Румынских порядков не ломать и советских порядков не вводить»²⁷.

На протяжении трех-четырёх дней союзники в Каире согласовывали предварительные условия перемирия с Румынией. Особые сложности возникли при рассмотрении спорного вопроса о Трансильвании²⁸, всю или большую часть которой советская сторона считала необходимым передать Румынии. Н. В. Новиков сообщал из Каира, что англичане и американцы, «как кажется, не были настроены давать Румынии обязательства по вопросу о Трансильвании»²⁹. По настоянию британской стороны, поддержанной американцами, окончательное урегулирование трансильванского вопроса было решено отложить до переговоров о мире. Западные союзники считали, что не следовало спешить с конкретными обещаниями румынской стороне, ограничившись заявлением о намерении союзников установить «более справедливые границы между Румынией и Венгрией». В Москве согласились с такой позицией³⁰. Удалось достичь договоренности и по вопросу о контрольном механизме за выполнением условий перемирия. Западные союзники, сославшись на итальянский прецедент, предложили отразить в предварительных условиях возможность участия в работе СКК в Румынии своих политических представителей³¹.

12 апреля Н. В. Новиков передал князю Штирбею согласованные условия перемирия. Документ был лаконичным и включал следующие пункты: разрыв с Германией и участие румынской армии в совместной с армиями союзников борьбе за восстановление суверенитета и независимости Румынии; восстановление советско-румынской границы по договору 1940 года³²; возмещение убытков, нанесенных

СССР военными действиями и оккупацией Румынией советских территорий; возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных; обеспечение возможности советским и союзным войскам свободно передвигаться по территории Румынии, если того потребует военная обстановка, и оказание в этом румынской стороной полного содействия своими средствами сообщения на суше, на воде и по воздуху; согласие советского правительства на аннулирование Венского арбитража по Трансильвании³³ и оказание помощи в освобождении Трансильвании с последующим ее возвращением, полностью или большей части, Румынии³⁴. Упоминание о границе 1940 г. означало, что союзники, в первую очередь Москва, исходили из полного отказа румын от претензий на Бессарабию и Северную Буковину.

Несмотря на важность других пунктов, именно трансильванский вопрос стал на переговорах в Каире одним из центральных. Придавая, по оценке Н. В. Новикова, «первостепенное значение вопросу о возвращении Северной Трансильвании»³⁵, румынское правительство продолжало воевать на стороне Германии, затягивая время. Это вынудило союзников предпринять решительный шаг: 27 апреля они направили Ю. Маниу и И. Антонеску телеграмму с требованием в течение 72 часов дать ясный ответ, принимаются или отклоняются румынской стороной условия перемирия. Ультиматум возымел действие: 29 апреля Маниу сообщил, что в Каир направляется новый представитель — дипломат К. Вишоаяну. Румынскому эмиссару было заявлено, что советские условия перемирия от 12 апреля являются минимальными и что советская сторона не согласится ни на какие обсуждения до получения положительного ответа Бухареста на эти условия.

После этого переговоры с Румынией о перемирии перешли в вялотекущую фазу. Продолжалась она до конца мая 1944 г. Румыны не предпринимали никаких конкретных шагов, выдвигали различного рода оговорки, откровенно тянули время, а советская сторона не проявляла настойчивости и повышенного интереса к переговорам, понимая, что вопрос о перемирии вскоре так или иначе окажется в руках у военных. В этих условиях союзники 1 июня 1944 г. приняли совместное решение о том, что «дальнейшие переговоры бесполезны и они считают их законченными»³⁶.

События на советско-германском фронте явились главным катализатором и в поис-

ках выхода из войны Финляндии. Поражение немецкой армии под Сталинградом и на Курской дуге привели к некоторому охлаждению отношений между Финляндией и Германией. Глава кабинета Ю.-К. Паасикиви, по-прежнему тяготея к Германии, тем не менее считал, что Финляндии «нужно вырваться из войны», но сделать это «в подходящий момент», то есть не слишком форсировать события, но и не опоздать. Принципиально важным было выяснить для этого советские условия возможного перемирия, а затем и мира. Интересно, что позиция финского политика на протяжении февраля — сентября 1943 г. менялась весьма динамично. Зимой Паасикиви был убежден, что момент для выхода Финляндии из войны приближается, но «еще не наступил». Весной считал, что выяснение отношений с СССР силой оружия не имеет перспективы, что не следует вести активные боевые действия против Ленинграда и на Мурманской железной дороге, что Финляндии не нужно участвовать ни в Тройственном союзе, ни в каком-либо ином договоре, а следует установить в частном порядке контакт с западными державами, прежде всего с Соединенными Штатами, с которыми финны не были в состоянии войны. В сентябре 1943 г. Паасикиви уже полагал, что не стоит откладывать контакты с Москвой и что настало время заключить с ней мир³⁷.

Советская сторона располагала информацией о том, что желание вывести Финляндию из войны выражал и новый президент Р.-Х. Рюти. В беседе с турецким посланником А. Акселем он сетовал на то, что не знает, как вступить в переговоры с Москвой и каковы будут ее условия. Ключевым, по словам Рюти, являлся вопрос о независимости страны: если бы мир обеспечивал независимость, то «Финляндия пошла бы на него и, возможно, сказала бы даже немцам, что не может больше бороться вместе с ними». Из беседы Аксель вынес убеждение, что падение режима Муссолини в Италии произвело на финнов большое впечатление, рождая надежду, что «скоро будет мир и в Финляндии»³⁸. Летом 1943 г. представители Финляндии начали переговоры с американцами в Лиссабоне. Финский министр иностранных дел К. Х. М. Рамзай направил в госдепартамент США письмо с заверением, что финская армия не станет воевать с американцами, в том случае, если они после высадки в Северной Норвегии вступят на территорию Финляндии³⁹.

Во время Московской конференции и после ее окончания финские официальные круги

надеялись, что условия, которые будут предложены Москвой, все же окажутся для страны относительно хорошими. По некоторым сведениям, президент Рюти после окончания Московской конференции ожидал от советского руководства ультиматума с требованием уступить территории на Карельском перешейке. Готовые отдать часть своей территории финские руководители рассчитывали на определенную территориальную компенсацию со стороны СССР в Восточной Карелии. 2 ноября 1943 г. Паасикиви записал в дневнике: «Хорошо, если Россия сделает подобное предложение, а если нет, то нам в ближайшие месяцы нужно выйти из войны, поскольку лучше, чтобы мы вышли до того, как Германия потерпит крушение, которое, возможно, произойдет летом». И далее: «...в будущем Россия, пожалуй, будет соблюдать тот договор, который заключит с нами. Но каков будет тот договор? Безусловная капитуляция. Грозит русская оккупация. Какие границы?»⁴⁰

Документы свидетельствуют о том, что советская сторона не сразу выработала окончательную позицию в отношении Финляндии с учетом решений Московской конференции. В Москве иначе, чем в Вашингтоне, оценивали участие Финляндии в войне на стороне Германии. Если в послании Конгрессу от 17 сентября 1943 г. Рузвельт причислил Финляндию к сателлитам гитлеровской Германии, поставив ее в один ряд с Венгрией, Болгарией и Румынией⁴¹, то советская сторона акцентировала внимание на неприсоединении северной соседки к Тройственному пакту, что лишало Финляндию статуса страны-сателлита. Разъясняя советскую позицию сотрудникам посольства СССР в Стокгольме 9 ноября 1943 г., В.М. Молотов подчеркнул, что в связи с этим принятая Московской конференцией Декларация по вопросу о всеобщей безопасности⁴² полностью относится и к Финляндии.

Имевшиеся разногласия по этому вопросу между союзниками не могли не беспокоить финскую сторону. По оценке главы внешнеполитического ведомства Рамсая, судьба страны зависела от определения ее статуса великими державами, в частности будет ли она признана государством стран «оси» или вассалом Германии. Единство мнений по этому вопросу, считал Рамсай, откроет возможность союзникам сообща решать участь финнов, и в таком случае ситуация будет для последних более благоприятной, нежели при единоличном диктате СССР⁴³.

Но уже через две недели после конференции в Москве было принято решение вступить в переговоры с Финляндией о заключении мира. Финское правительство получило из Стокгольма сообщение А.М. Коллонтай, что требование безоговорочной капитуляции не относилось к Финляндии. Отмечалась желательность формулирования финской стороной условий переговоров, при том, что ей «не следовало требовать территорий, которые [Финляндии] не принадлежали». Советский посол обращал внимание на то, что «если появится взаимопонимание, то можно будет приступить к собственно мирному договору, что у Советского Союза не было цели сделать из Финляндии провинцию, лишить ее независимости или как-то принуждать ее политику в будущем»⁴⁴.

В середине ноября 1943 г. секретарь шведского министерства иностранных дел Бухеман информировал Коллонтай, что Финляндия желает заключения мира. 20 ноября Коллонтай попросила Бухемана довести до сведения финского правительства, что оно может направить в Москву делегацию. На предложение Москвы финское правительство ответило, что оно готово вести переговоры о мире, но при условии возвращения ей прежних территорий, находившихся в составе СССР на 22 июня 1941 г. Но позиция Москвы была твердой: отправным пунктом для переговоров может быть только граница 1940 г.⁴⁵

27 ноября 1943 г. финская сторона признала предложение советского правительства «вполне приемлемым». Но, соглашаясь с ним, финская сторона подчеркнула необходимость предоставления гарантии суверенитета Финляндии и сохранения за ней опорных пунктов, установления границ по Тартусскому миру 1920 г.⁴⁶ Москва в ответном послании, оставляя в целом возможность для обсуждения, настаивала в территориальном вопросе на границах, установленных Московским мирным договором 1940 г.⁴⁷ Все еще не готовые согласиться с условиями советской стороны финские официальные круги приняли решение продолжить обсуждение, «ни в коем случае не закрывая двери переговоров», но соблюдая режим секретности⁴⁸.

Время, однако, работало против Финляндии. В результате успешного наступления в январе 1944 г. советскими войсками был нанесен мощный удар группе армий «Север», окончательно ликвидирована блокада Ленинграда, создавалась угроза стратегическому положению Карельского перешейка. Для того чтобы сделать финнов бо-

лее сговорчивыми, Советский Союз предпринял в феврале 1944 г. бомбардировку финской территории. Значительный материальный ущерб был причинен и столице — Хельсинки. Среди ее населения имелись немалые жертвы.

По-прежнему активную посредническую роль в подталкивании Финляндии к переговорам с СССР играла Швеция. Неоднократно заявляла о своей позиции поддержки инициатив Москвы и американская сторона. Неофициальные контакты Коллонтай и Паасикиви в Стокгольме завершились передачей 19 февраля 1944 г. финскому представителю условий советской стороны, получивших название «шесть пунктов». Условия предусматривали две группы мероприятий: те, которые следовало провести безоговорочно, и те, которые должны были обсуждаться дополнительно, в ходе переговоров. К первой группе относились: разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск и военных кораблей, причем СССР заявил о готовности оказать в этом Финляндии необходимую помощь вооруженными силами и авиацией; восстановление советско-финляндского (Московского) мирного договора 1940 г. и отвод финских войск на границу 1940 г.; немедленное освобождение и возвращение на родину советских и союзных военнопленных, а также советских граждан, находившихся в концлагерях или использовавшихся финнами на принудительных работах. Вопросы, отнесенные ко второй группе, касались демобилизации финской армии, возмещения ущерба, нанесенного Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советских территорий, а также судьбы района Петсамо (Печенегской области). Шведское правительство усмотрело в советских условиях «более далекую цель, нежели перемирие», а именно шаг к соглашению о мире⁴⁹.

Удержать в секрете контакты советской и финской сторон не удалось: в зарубежной печати появились основанные на слухах статьи. Реагируя на них, Информбюро НКВД СССР опубликовало сообщение, в котором подчеркивалось, что советское правительство согласно на переговоры о прекращении военных действий с Финляндией, хотя имеет все основания не доверять финскому правительству. В сообщении были приведены упомянутые «шесть пунктов», но подчеркивалось, что советская сторона не ставит вопрос о безоговорочной капитуляции Финляндии и не ведет речь об оккупации финской столицы и других крупных городов страны.

Несмотря на то что при обсуждении советских условий в финском правительстве мнения разделились, в целом возобладало негативное отношение к «шести пунктам». В этом смысле 17 марта 1944 г. и был дан ответ советской стороне, которая сообщила об этом в печати. Но еще до появления 22 марта официального заявления Информбюро НКВД СССР по поводу финского ответа в Москве решили предоставить финнам шанс — специально разъяснить «интерпретацию» советских условий перемирия.

27 марта в Москве началась серия встреч финской делегации (Ю.-К. Паасикиви, К. Энкель, Г. Энкель) с В. М. Молотовым и В. Г. Деканозовым. Судя по опубликованным исследователями документам, наибольшую напряженность вызвало обсуждение первого пункта советских условий — о разрыве отношений с Германией и интернировании немецких войск и кораблей. Уже в начале встречи Молотов заявил: «Мы не требуем, чтобы Финляндия воевала с Германией, но для нас главный вопрос политический: согласна ли Финляндия порвать с Германией... Финляндия рвет с Германией все отношения, прекращает политическое, экономическое и военное сотрудничество с ней на время войны. Из этого основного положения вытекают советские предложения об интернировании и другие вопросы»⁵⁰.

Позицию финских делегатов определяли опасения, что своими действиями они могут спровоцировать войну с Германией. Они считали возможным начать переговоры с немцами, чтобы добиваться вывода немецких войск в Норвегию, откуда их путь на родину занял бы 5–6 месяцев. За это время, не сомневались переговорщики, военно-политическая ситуация кардинально изменится. Советская сторона скептически восприняла заверения финнов, что немецкие войска в Финляндии «не будут причинять никакого ущерба Советскому Союзу». Молотов был категоричен: «Финны хотят и мира, и удобств для Германии, а это несовместимые вещи. Нужно выбирать: либо оставить прежнее положение, либо установить новые отношения, иначе нельзя. В последнем случае естественно, что неприятности с Германией [у финнов] будут»⁵¹.

Интернирование немецких частей, несмотря на несомненную важность этого условия, все же, как считал Паасикиви, было «вопросом переходящим». Главным же, «постоянным для Финляндии», являлся вопрос о границах 1940 года. Для советской стороны никаких других альтер-

натив восстановлению договора 1940 года не существовало. «Если договор не будет восстановлен, — заявил Молотов, — то не о чем разговаривать». По словам наркома иностранных дел, советский народ «не одобрил бы уступок советского правительства в вопросе о Финляндии», трижды за последние 25 лет ведшей войну против Советской России, участвовавшей в блокаде Ленинграда. Острый обмен мнениями вызвал и вопрос о Ханко и Петсамо. Финская сторона предложила обмен: СССР оставляет Финляндии Петсамо и область и получает полуостров Ханко, переданный по Московскому договору 1940 г. в аренду на 30 лет для создания там военно-морской базы. Было заявлено также о готовности финнов пойти на территориальные уступки в районе Карельского перешейка. Однако советские представители категорически рассеяли надежду финнов на положительное для них решение судьбы Петсамо. Не вызывал у них сомнения и вопрос о возмещении финнами причиненного Советскому Союзу в ходе войны ущерба без какой-либо встречной компенсации. Заканчивая обсуждение этих вопросов, Молотов подчеркнул: «Финляндия напала на Советский Союз, решив, что вместе с Германией она сможет кое-что получить и что Советский Союз не устоит на ногах. Но Советский Союз на ногах устоял, и Финляндия должна с этим считаться»⁵².

К очередной встрече 29 марта 1944 г. советская сторона подготовила уточненный и конкретизированный вариант «шести пунктов», озаглавленный «Советские предложения мира с Финляндией». Не вызывает сомнений, что документ получил одобрение Сталина. В новом варианте было уже семь пунктов: разрыв с Германией и интернирование или изгнание немецких войск из страны до конца апреля 1944 г.; восстановление советско-финского договора 1940 г. и отвод финских войск к границе 1940 г. в течение апреля; немедленное возвращение военнопленных и гражданских лиц, находившихся в концлагерях; демобилизация в течение мая месяца 50 % финской армии; возмещение нанесенного Советскому Союзу ущерба в размере 600 млн долларов; возвращение Советскому Союзу Петсамо. Последний, седьмой, пункт предусматривал отказ советской стороны от своих прав на аренду Ханко и прилегающих районов без какой-либо компенсации в случае, если финское правительство примет оговоренные выше «шесть пунктов».

Советские условия вызвали в финском обществе негативную реакцию. Широкую кам-

панию критики позиции СССР развернула пресса. Лейтмотивом многих публикаций стало утверждение, что выдвинутые русскими условия не дают Финляндии возможности «жить своей собственной и свободной жизнью», что условия в значительной своей части являются невыполнимыми и пр. Рассмотрение советских условий на закрытом заседании парламента и правительства завершилось единодушно принятым решением: соглашаться на эти условия нельзя. Главными аргументами при этом были: невозможность «по техническим причинам» в течение уже начавшегося месяца изгнать из страны немецкие войска; требования советского правительства по объему репараций (600 млн долларов), срок погашения (5 лет) и условия выплаты (поставки товаров). Особо подчеркивалось, что советские условия несовместимы со статусом Финляндии как самостоятельного государства.

18 апреля финское правительство официально дало отрицательный ответ на советские условия. Вскоре после этого заместитель министра иностранных дел А. Я. Вышинский заявил, что Финляндия отвергла предложение советского правительства о заключении мира и что ответственность за последствия будет возложена на финское правительство⁵³. Таким образом, предпринятый весной 1944 г. мирный зондаж возможностей выхода Финляндии из войны не принес успеха.

Отказавшись от переговоров, советская сторона ввела в действие военный фактор. 9 июня 1944 г. Красная армия начала мощное наступление на Карельском перешейке, а 21 июня — Свирско-Петрозаводскую наступательную операцию. Ее успешный ход возымел результат: уже 22 июня финны через посла в Швеции Г. Грипенберга и секретаря шведского кабинета министров Э.К. Бохемана запросили Москву о возможности выхода Финляндии из войны. Советская сторона отреагировала, выдвинув категорическое условие: финское правительство обращается к советскому правительству с официальным письменным заявлением, что Финляндия капитулирует и просит мира. Только после этого советское руководство сможет принять финскую делегацию для переговоров о мире. Следующего шага со стороны финнов, однако, не последовало, поскольку позиция СССР была расценена в Хельсинки как требование безоговорочной капитуляции⁵⁴.

Финляндия обратилась за помощью к Германии. 22 июня 1944 г. в Хельсинки прибыл министр иностранных дел Германии И. Риббен-

троп. Цель визита заключалась в закреплении двустороннего сотрудничества и недопущения заключения сепаратного мира Финляндии и СССР. В ходе переговоров президент Рюти дал письменное обязательство, что финское правительство не подпишет мирный договор без одобрения Германии. Взамен Берлин обязывался оказывать Финляндии военно-техническую помощь. Хотя договор Рюти не был ратифицирован парламентом и остался «личным» пактом, он в определенной мере сдерживал возможные мирные инициативы финской стороны. Полученная же советской стороной информация о результатах визита Риббентропа в Хельсинки окончательно подорвала доверие Москвы к финнам.

Болгария предприняла попытки установить связи с Великобританией и США после массированных бомбардировок Софии и других крупных городов страны англо-американской авиацией в конце 1943 и первые три месяца 1944 г. Но действия в этом направлении болгарского правительства Добри Божилова не имели официального характера и отличались нерешительностью. 25 января 1944 г. по инициативе регентов Б. Филова и князя Кирила в Турцию был направлен Й. Севов — советник царя Бориса III, чтобы установить связь с представителями союзников и выяснить возможности подписания с ними перемирия и вывода Болгарии из войны. Севов находился в Турции 45 дней, но миссия его оказалась безуспешной. В марте 1944 г. отправлявшийся по служебным делам в Турцию заместитель председателя Болгарского союза промышленников Георги Киселов (настроенный антигермански, антисоветски и проамерикански) получил полномочия от регента Б. Филова, главы кабинета Д. Божилова и министра иностранных дел Д. Шишманова встретиться с американскими дипломатами и просить их о содействии в прекращении бомбардировок, сохранении режима в Болгарии и присоединенных к ней в 1941 г. территорий Греции и Югославии, а также выяснить возможности выхода Болгарии из войны⁵⁵. В разговоре с американским генеральным консулом в Истамбуле Б. Бери Киселов подчеркнул, что «продолжение бомбардировок толкает Болгарию к немцам и Советам, чего все мыслящие люди в Болгарии хотят избежать. Болгария не сможет выйти из войны, если немцы будут владеть Балканами, но если англо-американские войска нападут на Балканы, то Болгария сразу же предпримет шаги к заключению мира»⁵⁶. В течение нескольких

месяцев г. Киселов, бывая по служебным делам в Турции, неоднократно встречался с американскими дипломатами и фактически осуществлял связь между болгарским правительством и Госдепартаментом США.

Установления каких-либо контактов с советскими представителями болгарское правительство избегало, хотя Болгария являлась единственной страной-сателлитом Германии, которая в годы войны не прервала дипломатических отношений с СССР, и в Софии находилось советское полномочное представительство. Советская сторона, не будучи в состоянии войны с Болгарией, сознательно не стремилась к участию в переговорах, что соответствовало нормам международного права. Дипломатические службы США уведомили советское правительство о намерениях Болгарии, о своем и Великобритании решении продолжить переговоры с болгарями («оставить для Болгарии двери открытыми») и о сделанном болгарской стороне предложении послать официальную делегацию, наделенную соответствующими полномочиями, для подписания перемирия. В. М. Молотов в ответ сообщил о согласии советского правительства, чтобы «Болгарии было предложено послать вполне квалифицированную миссию для встречи с представителями СССР, Соединенных Штатов и Великобритании» и чтобы местом такой встречи был Каир, «где имеется ответственный советский представитель». На вопрос посла США в СССР У. Гарримана, как отнестись к просьбе болгар о прекращении «на несколько дней» воздушных рейдов союзников и бомбежек Болгарии, Молотов ответил, что «этот вопрос является делом правительств США и Великобритании»⁵⁷.

Стремясь заставить болгар ослабить сотрудничество с Германией, СССР предпринял, начиная с января 1944 г., активное дипломатическое наступление в Болгарии. 4 января чрезвычайный полномочный посол СССР в Болгарии А. А. Лаврищев заявил протест перед болгарским Министерством иностранных дел в связи со строительством в Варне катеров и барж, которые используются в войне против СССР. 22 января Лаврищев вручил аналогичную ноту премьер-министру Божилову. 1 марта последовала очередная нота. Не получив от болгарского правительства удовлетворительного ответа (болгарская сторона отрицала приводимые факты или обещала их проверить), советское правительство в качестве предупреждения отозвало в феврале 1944 г. Лаврищева.

Его обязанности были возложены на временно управляющего представительство дипломата С. П. Кирсанова.

В апреле — мае 1944 г. советская сторона предприняла новую дипломатическую «атаку». В ходе последовательных и активных дипломатических демаршей (ноты от 17, 26 апреля, 8, 9 и 18 мая) советское правительство заявило, что предоставление болгарскими властями территории страны для военных целей Германии несовместимо с «нормальными отношениями между СССР и Болгарией» и что «такое положение дальше терпимо быть не может»⁵⁸. Москва требовала предоставить возможность представителям советского правительства провести на месте необходимую проверку фактов использования Германией болгарской территории и портов для ведения войны против СССР. Несмотря на разногласия, возникшие в связи с этим в болгарском правительстве, кабинет министров последовал совету, поступившему из Берлина, — отклонить советские требования. Наличие в указанных городах советских консульств, как подчеркнул германский полномочный министр в Софии А. Г. Бекерле, «дало бы русским возможность констатировать факт, что в Варне действительно строятся корабли, необходимые германским войскам» для борьбы с русскими подводными лодками на Черном море, разминирования и пр.⁵⁹ Нараставшую напряженность отразила очередная советская нота от 18 мая 1944 г., в которой Москва предупредила, что если требования советского правительства не будут удовлетворены, то оно «будет считать невозможным сохранение отношений с Болгарией как с государством, которое помогает и намерено помогать впредь гитлеровской Германии в войне против Советского Союза»⁶⁰.

Еще раньше, 13 мая 1944 г., в совместном заявлении правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, обращенном к сателлитам гитлеровской Германии, союзники отметили, что Венгрия, Румыния, Болгария и Финляндия «своей нынешней политикой и позицией существенно укрепляют силу германской военной машины». «Эти государства, — говорилось в заявлении, — все еще могут путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией и путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами сократить срок европейской борьбы, уменьшить свои собственные жертвы, которые они понесут в конечном счете, и содействовать победе союзников. <...>

Чем дольше они будут продолжать участвовать в войне и сотрудничестве с Германией, тем более губительными будут для них последствия и тем более суровыми будут условия, которые им будут предписаны»⁶¹.

Жесткая позиция союзников и особенно нота от 18 мая стали причиной министерского кризиса, а затем и отставки кабинета Божилова. Пришедшее ему на смену 1 июня 1944 г. правительство Ивана Багрянова заявило о «строгом» и «полном» нейтралитете Болгарии. Свою задачу оно видело, с одной стороны, в том, чтобы не допустить вовлечения Болгарии в войну против СССР, а с другой — избежать германской оккупации. Исходя из этой двуединой цели, И. Багрянов и министр иностранных дел П. Драганов сформулировали программу, согласно которой необходимо было любой ценой сохранить дипломатические отношения с СССР, подписать перемирие с Великобританией и США, объявить амнистию политическим заключенным, решить еврейский вопрос, не допустить переворота в стране с германским участием или без него. Улучшение отношений с Советским Союзом предстояло сочетать с продолжением прежнего курса на сотрудничество с Рейхом, попытавшись при этом «постепенно и незаметно» начать дистанцирование от Германии в целях возвращения к «полному нейтралитету»⁶². Болгары рассчитывали, что подобные предусмотрительные действия помогут им избежать оккупации страны.

12 июля 1944 г. из Берлина в Софию поступило сообщение о готовности немецкого командования отвести свои военные корабли и другие средства наступательного характера из устья Дуная и районов Черноморского побережья Болгарии. Воспользовавшись этим, регенты и правительство приняли решение частично удовлетворить требования советского правительства об открытии консульств. В ноте, врученной 30 июля Драгановым Кирсанову, сообщалось о согласии болгарской стороны открыть советское консульство в Варне, распространив его деятельность также на районы Бургаса и Русе. Москва, однако, не спешила с ответом. 11 августа на встрече, состоявшейся по инициативе премьера Багрянова, советский представитель заявил, что время упущено и что в изменившейся военной обстановке вопрос о консульствах потерял свое значение. В создавшихся условиях советское правительство желало знать, готова ли Болгария разорвать отношения с Германией и попытаться таким образом выйти из практически безвыходного

для себя положения. Багрянов указал, что сможет ответить на этот вопрос только после его обсуждения в Народном собрании⁶³.

Намерение Софии улучшить отношения с Москвой проявилось в конкретных действиях. Болгарское правительство потребовало, чтобы до конца августа немецкие воинские части покинули Болгарию. Германская сторона не особенно возражала, однако добиться полного вывода из страны немецких войск болгарскому правительству не удалось, поскольку части вермахта после разгрома Румынии отступали на фронт в Сербию через болгарскую территорию⁶⁴. Но в целом большая часть воинского контингента была выведена из страны, где оставались главным образом технические службы (связисты, телеграфисты, инженеры и обслуживающий персонал из состава военно-воздушных сил). Была свернута германская пропаганда. Изменения были столь очевидными, что германский полномочный министр, возмущенный происходящим, даже выехал в Берлин. Но 27 августа после заявления кабинета Багрянова о соблюдении Болгарией нейтралитета возвратился в Болгарию⁶⁵.

Попытка болгарского правительства изменить внешнеполитический курс страны была встречена советским правительством с недоверием. В ноте от 29 августа 1944 г., переданной поверенным в делах СССР в Болгарии Д. Г. Яковлевым П. Драганову, советская сторона указала на то, что, «по достоверным данным», Болгария оказывает «прямую помощь немцам в войне против Советского Союза»: пропускает в Румынию через свою территорию части вермахта⁶⁶. Усилия правительства убедить Москву в своем «полном нейтралитете» оказались тщетными. Судя по документам, не устраивал болгарский «нейтралитет» и англичан: 29 августа 1944 г. посол Великобритании в СССР А. Кларк Керр в письме В. М. Молотову от имени своего правительства попросил «рассеять иллюзии» болгар, что их действия встретят понимание у Лондона, и подчеркнуть, что такая позиция болгарского кабинета способна лишь осложнить решение вопроса о перемирии⁶⁷. В ответ на просьбу союзника ТАСС 30 августа 1944 г. опроверг слухи о признании и одобрении советским правительством нейтралитета Болгарии, подчеркнув его совершенную недостаточность в сложившейся обстановке⁶⁸.

Победоносное завершение Яско-Кишиневской операции, капитуляция Румынии (23 августа 1944 г.) и ее переход на сторону антигитлеровской коалиции, быстрое приближение Красной армии к болгарской границе ускорили

действия сторон по подписанию перемирия. Сделать все возможное для заключения Болгарией сепаратного мира с США и Великобританией было поручено бывшему председателю Народного собрания Стойчо Мошанову, известному своими англофильскими настроениями. 29 августа Мошанов прибыл в Истамбул. После встреч с английскими и американскими дипломатами, 30 августа, по настоянию англичан он вылетел в Каир для переговоров с Ближневосточным командованием союзнических сил⁶⁹. В качестве делегата с Мошановым в Каир полетел бывший военный атташе Болгарии в Турции Димитр Желязков. К ним должен был присоединиться и еще один член делегации — Иван Станчов, дипломат, назначенный в июле 1944 г. генеральным консулом в Истамбуле. Четвертый член делегации — Г. Киселов отказался лететь в Каир.

Первый день пребывания Мошанова и Желязкова в Каире совпал с отставкой правительства Багрянова, подписавшего полномочия делегации. Их нужно было получать теперь уже от нового правительства. Станчову, ожидавшему отправки в Каир, Мошанов посоветовал дожждаться получения полномочий из Болгарии в Истамбуле, а уже потом лететь в Каир. Так как спешно сформированная делегация оказалась без полномочий и не в полном составе, подготовленные английской и американской делегациями в Европейской консультативной комиссии и согласованные с представителями СССР условия перемирия ей не были предоставлены, а лишь изложены устно. Они включали следующие требования: Болгария должна прекратить военные действия против Объединенных Наций; прервать все отношения с Германией и другими враждебными Объединенным Нациям державами; эвакуировать свои вооруженные силы, чиновников и подданных со всех оккупированных ею в настоящее время союзных территорий; осуществлять по требованию Объединенных Наций меры по разоружению и демобилизации; выполнять требования союзников по использованию и контролю транспорту на суше, в Черном море и на Дунае; освободить военнопленных и интернированных из союзных стран; освободить политических заключенных; отменить дискриминационное законодательство; арестовать военных преступников, указанных Объединенными Нациями; безоговорочно выполнять любые дипломатические требования, предъявляемые союзными представителями; выплатить репарации и оказывать помощь в восстановлении

Греции и Югославии. Объединенные Нации имеют право размещать свои вооруженные силы и органы в Болгарии за счет Болгарии и использовать болгарскую территорию, средства и ресурсы⁷⁰. Однако до обсуждения условий перемирия дело не дошло.

СССР в каирских встречах не участвовал, но был в курсе происходивших событий. Западные союзники, соблюдая достигнутые договоренности, сообщали о развитии событий. Отказ советских представителей от участия в переговорах был связан не только со все еще поддерживаемыми дипломатическими отношениями между СССР и Болгарией. В конце августа Красная армия подошла к северной границе Болгарии, и не в интересах СССР было оказывать содействие Великобритании и США в заключении перемирия с Болгарией и этим оказывать им помощь в усилении их позиций на Балканах. Тем более что назначенное регентами 2 сентября 1944 г. новое правительство во главе с Константином Муравиевым ситуацию не изменило. Новый болгарский кабинет в декларации от 4 сентября 1944 г. подтвердил «полный нейтралитет» Болгарии, чем вызвал недовольство советской стороны. Москва в ответ заявила, что болгарский нейтралитет выгоден лишь для Германии, а от Болгарии требуется полный разрыв с ней. Советское военное командование к тому времени завершало разработку операции «Болгария» — вступления Красной армии в пределы страны. План был готов 4 сентября и на следующий день утвержден Ставкой Верховного Главнокомандования⁷¹. В этих условиях начало переговоров помешало бы и осуществлению планируемых БКП и поддерживаемых советским руководством радикальных действий по смене режима в стране.

Поскольку получение болгарскими представителями полномочий на ведение переговоров затягивалось, британская и американская делегации, понимая, что упускают последнюю возможность для заключения сепаратного мира с Болгарией, настаивали на его подписании при любых условиях. Но Мошанов отказался взять на себя ответственность за подписание столь тяжелых условий перемирия, при этом не имея на то полномочий и понимая, что правительство Муравиева долго не просуществует. Объявление 5 сентября 1944 г. Советским Союзом войны Болгарии и разрыв дипломатических отношений, а затем и вступление советских войск на территорию страны утром 8 сентября сорвали заключение перемирия Болгарии с Великобританией и США. Союзникам оставалось потребовать от

Болгарии безусловной капитуляции. В такой обстановке в стране разразился политический кризис.

* * *

Летом 1944 г. в результате победоносной летней кампании Красной армии и открытия второго фронта положение в странах Восточной Европы резко изменилось. Окружение, а затем и разгром группировки немецких и румынских войск в районе Ясс и Кишинева окончательно подорвали режим Антонеску в Румынии. 23 августа 1944 г. там началось вооруженное восстание, в результате которого к власти пришло коалиционное правительство с участием коммунистов. 24 августа Румыния объявила войну Германии, а 25 августа разорвала отношения с Германией и заявила о своем согласии с советскими условиями перемирия, о готовности немедленно подписать его и перейти к изгнанию немецких частей из страны. 27 августа 1944 г. советское правительство подтвердило условия перемирия, согласованные еще в апреле. И уже через два дня, 29 августа, в Москву прибыла румынская делегация во главе с министром юстиции нового правительства коммунистом Лукрециу Пэтрэшкану.

В ходе обсуждений проекта Соглашения о перемирии англичане попытались пересмотреть прерогативы западных представителей в СКК, однако советская делегация сумела отстоять организацию СКК на основе итальянского варианта, но с изменениями в соответствии с оговоренным ранее советским приоритетом: административные функции в руководимой советским главнокомандующим СКК отводились советским представителям, а статус западных представителей определялся по аналогии со статусом советского представителя в СКК в Италии — как офицеров связи между своими правительствами и СКК. Не имела успеха и попытка западных союзников добиться права для своих представителей в СКК устанавливать непосредственную связь с румынскими властями, минуя аппарат СКК. Советская сторона не согласилась с таким вариантом, и в результате Англия и США ограничились своим представительством в СКК лишь военным составом. Прямые сношения с правительством Румынии имели право устанавливать политические представители западных союзников в стране, но они не входили в контрольный механизм, действовавший в Румынии. Позднее такой вариант был использован в Болгарии и Венгрии.

В целом во время детального обсуждения пунктов проекта соглашения союзникам удавалось находить общий язык и отстаивать перед румынами согласованные позиции, хотя время от времени возникали трения. В частности, это касалось экономических обязательств Румынии, пребывания в стране союзных войск, будущей мирной конференции и особенно статуса Румынии по отношению к Объединенным Нациям, или, иными словами, признания Румынии, включившейся в военные действия против Германии, союзной либо совоюющей страной. При решении этого вопроса в будущем было решено учесть конкретный военный вклад Румынии и выполнение ею Соглашения о перемирии. Одним из дискуссионных вопросов стала статья перемирия о Трансильвании: англичане, как и ранее, предлагали отложить решение трансильванского вопроса до мирной конференции, ограничившись пока отдельной декларацией. Но обстановка уже изменилась: за спиной советских представителей были «Яско-Кишиневские Канны». На принципиальные уступки советская сторона не пошла, согласившись лишь на некоторую корректировку первоначального текста. Включенная в Соглашение о перемирии статья 19-я гласила: «Союзные правительства считают решение Венского арбитража несуществующим и согласны на то, чтобы Трансильвания (вся или большая часть) была возвращена Румынии, *что подлежит утверждению при мирном урегулировании*. Советское правительство согласно с тем, чтобы румынские войска *в этих целях* принимали участие в совместных действиях против Германии и Венгрии» (курсив наш. — Авт.)⁷².

Таким образом, в подписанное 12 сентября 1944 г. Соглашение о перемирии вошли все предложенные еще в апреле советские условия перемирия. Особый акцент делался на полном прекращении Румынией военных действий с СССР с 24 августа 1944 г. и выходе из войны против Объединенных Наций, разрыве отношений с Германией и ее сателлитами и участии в войне против них на стороне союзных держав при оперативном подчинении 2-му Украинскому фронту⁷³. Эти факты были учтены при определении объема репараций «не полностью, а только частично» — в сумме 300 млн долларов с погашением товарами (нефтепродуктами, зерном, лесоматериалами, морскими и речными судами, различным машинным оборудованием и пр.) в течение 6 лет. Значительная группа статей прописывала обязательства Румынии

по искоренению фашизма, демократизации общественной и политической жизни страны: освобождение заключенных за деятельность в пользу Объединенных Наций или за сочувствие им, либо из-за расового происхождения; отмена дискриминационного законодательства; роспуск и недопущение существования впредь любых организаций фашистского типа, а также ведущих враждебную Объединенным Нациям и СССР пропаганду; сотрудничество с Союзным (Советским) Главнокомандованием в задержании лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и проведение суда над ними. Советскому Главнокомандованию предоставлялись все средства и ресурсы страны и, в качестве трофеев, все находящееся на территории Румынии военное имущество Германии и ее сателлитов. Румынские власти обязывались выполнять все указания СКК, вытекающие из Соглашения о перемирии.

По уполномочию союзных правительств перемирие подписал командующий 2-м Украинским фронтом маршал Р.Я. Малиновский, возглавивший затем Союзную контрольную комиссию в Румынии. С румынской стороны — представители правительства и Главного командования Л. Пэтрэшкану, генерал Д. Дамачану, Б. Штирбей и Г. Попп.

Румынская сторона восприняла Соглашение о перемирии неоднозначно. В самой делегации мнения также разделились: если представители буржуазных партий считали предъявленные стране условия тяжелыми, а сам исход переговоров в Москве неудачным, то Л. Пэтрэшкану расценил соглашение как благоприятное для Румынии, особенно подчеркивая, что по ходу переговоров условия менялись к лучшему и что советские представители в неофициальных беседах выражали желание видеть Румынию сильным восстановленным государством⁷⁴.

В результате развернувшегося 10 июля 1944 г. мощного наступления советских войск против финнов на Карельском перешейке была освобождена вся Карелия. В это же время успешно развивалось наступление Красной армии в Прибалтике. Поражение Финляндии было неизбежным. 1 августа ушел в отставку президент Рюти, 4 августа президентом Финляндии стал маршал К. Маннергейм. 17 августа, встречаясь в Хельсинки с начальником штаба Верховного Главнокомандования германских вооруженных сил В. Кейтелем, Маннергейм заявил, что не считает себя связанным обязатель-

ствами, взятыми на себя его предшественником, что финский народ устал от войны и хочет мира.

25 августа в официальном заявлении и вербальной ноте финской стороны выразилось желание возобновить переговоры о перемирии или мире. Советское правительство сообщило послам Великобритании и США в Москве А. Кларку Керру и У. Гарриману об обращении финнов, а в сообщении от 29 августа 1944 г. проинформировало о предварительных условиях встречи с финской делегацией. От нее ждали публичного заявления по следующим условиям: о разрыве отношений с Германией; о выводе всех германских войск из Финляндии к 15 сентября; об отправлении делегации на переговоры в Москву. В случае отказа Германии подчиниться решению финского правительства, советская сторона предлагала свое содействие в разоружении частей вермахта с последующей их передачей союзникам как военнопленных. По просьбе Маннергейма, однако, за финнами закреплялось право контроля и проведения в жизнь добровольной эвакуации или интернирования немецких частей на юге страны. При этом прекращались военные действия на «финском» участке Восточного фронта. 4 сентября 1944 г. финские войска прекратили огонь, и на следующий день перемирие вступило в силу.

7 сентября в Москву прибыла финская делегация в составе премьер-министра Антти Хакцеля, министра обороны генерала армии Карла Вальдена, начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Оскара Энкеля. В ее состав были включены еще 10 человек, представлявших военные, промышленные и финансовые круги, что должно было обеспечить оперативное решение могущих возникнуть вопросов на месте, без дополнительных консультаций с Хельсинки.

С советской стороны в переговорах участвовали нарком иностранных дел В. М. Молотов, член Государственного Комитета Обороны маршал К. Е. Ворошилов, член Военного Совета Ленинградского фронта генерал-полковник А. А. Жданов, заместители наркома иностранных дел М. М. Литвинов и В. Г. Деканозов, начальник Оперативного управления Генерального штаба генерал-полковник С. М. Штеменко, командир Ленинградской военно-морской базы контр-адмирал А. П. Александров. Со стороны Великобритании в переговорах участвовали посол в СССР А. Кларк Керр и советник британского посольства в СССР Дж. Бальфур.

Пребывание финской делегации в Москве совпало с начавшимися 10 сентября в совет-

ской столице переговорами о перемирии с Румынией. Финские представители внимательно изучали предъявленные румынам условия, сопоставляя их с собственной ситуацией. Благодаря «оперативным возможностям», на что указывает российский исследователь В. С. Христофоров⁷⁵, советская сторона была полностью в курсе настроений и дававшихся финнами оценок. Члены делегации отмечали, в частности, что, несмотря на оккупацию румынами значительной части советской территории и произведенные там разрушения, СССР не посягал на румынские земли, а предполагавшийся объем репараций был вдвое меньше (300 млн долларов), нежели в финском случае. По мнению финнов, при формулировании столь благоприятных для Румынии условий перемирия важную роль сыграли резкий разрыв с немцами, создание коалиционного правительства с участием левых сил и активное участие румынской армии в войне на стороне антигитлеровской коалиции. Этим они объясняли и благоприятное для румын решение спорного трансильванского вопроса. В откровенных беседах между собой финны обсуждали непосильные для их страны репарации, выражали опасения по поводу вероятных попыток русских добиваться включения в состав правительства социалистов и коммунистов, констатировали высокий порог ненависти к России в Финляндии и пр.⁷⁶

Переговоры о перемирии начались только 14 сентября, что было вызвано необходимостью консультаций между Москвой и Лондоном. Но обстановка омрачилась внезапной тяжелой болезнью руководителя финской делегации премьер-министра Хакцеля, у которого советские врачи диагностировали правосторонний паралич. В ожидании официального назначения нового главы делегации финская сторона приступила к изучению проекта Соглашения о перемирии. Документ состоял из 23 статей и 9 приложений.

После прибытия в Москву 16 сентября нового руководителя делегации министра иностранных дел К. Энкеля переговоры перешли в активную фазу. Финны сочли целесообразным обсуждать проект перемирия по конкретным статьям, рассчитывая смягчить отдельные требования союзников. В частности, это касалось наиболее тяжелых условий: об аренде территории и акватории в районе Порккала-Удд и экономических требований возмещения нанесенного СССР ущерба (по румынскому примеру делегация намеревалась договориться об

уменьшении размера репараций до 300 млн долларов).

Встреча 16 сентября началась, однако, с резких заявлений Молотова о недостаточном выполнении Финляндией предварительных условий о разоружении немецких войск. 17 сентября стороны приступили к поэтапному обсуждению проекта. Предваряя его, Энкель от имени делегации выразил общую надежду на то, что «тяжелые условия [перемирия] не нарушат существования Финляндии в качестве самостоятельного государства». В числе первых был поднят больной для финнов вопрос о советско-финской границе 1940 года: Энкель просил рассмотреть возможность ее изменения на некоторых участках, но позиция Молотова была непреклонной. Он отказался от пересмотра ст. 7 условий перемирия о передаче СССР в аренду района Порккала-Удд, отклонив, таким образом, предложение финской стороны удовлетвориться передачей полуострова Ханко.

Конференция проходила в нервной атмосфере, тональность отдельных реплик Молотова была откровенно грубой. Так, расценив заявление Энкеля о том, что делегация не имеет полномочий согласиться с требованием о передаче Порккала-Удд, как намерение затянуть переговоры, Молотов резко резюмировал: «...финская делегация может возвратиться вновь в Финляндию. Если она не считает возможным продолжать переговоры; вообще можно на этом переговоры прекратить...»⁷⁷

Финские представители оказались фактически в безвыходном положении. В случае прекращения переговоров и возвращения делегации на родину следующим шагом реально становилось возобновление военных действий и наступление Красной армии в Финляндии. В условиях сильного советско-британского давления финская делегация 18 сентября дважды запрашивала Хельсинки — о предоставлении ей полномочий подписать Соглашение о перемирии (не дожидаясь решения Сейма из-за нехватки времени для его созыва) и о подписании документа в указанной редакции. «Добро» финского руководства было получено, и 19 сентября 1944 г. по уполномочию правительств СССР и Соединенного Королевства документ подписал генерал-полковник А. А. Жданов, а по уполномочию правительства Финляндии — министр иностранных дел К. Энкель, министр обороны К. Р. Вальден, начальник Генштаба А. Э. Хейнрихс, финский военный деятель О. Энкель.

В преамбуле документа отмечалось, что советское и британское правительства, действующие от имени всех Объединенных Наций, находящихся в состоянии войны с Финляндией, решили заключить Соглашение о перемирии «ввиду того, что Правительство Финляндии приняло предварительное условие Советского правительства о разрыве с Германией и о выводе немецких войск из Финляндии, и, принимая во внимание, что заключение будущего Договора о мире будет облегчено включением в Соглашение о перемирии некоторых условий этого Договора о мире». Указывалось также, что осуществление настоящего Соглашения о перемирии «будет проходить под контролем Советского Главнокомандования, также действующего от имени Объединенных Наций».

Центральное место в Соглашении было отведено военным вопросам. Восстанавливалась советско-финская граница 1940 года, за линию которой финская сторона была обязана отвести свои войска в строго установленные сроки; Финляндия должна была разоружить германские вооруженные силы (наземные, морские и воздушные), которые оставались на территории страны после 15 сентября 1944 г., и передать их личный состав Союзному (Советскому) Главнокомандованию в качестве военнопленных (в выполнении этого требования предусматривалась помощь советской стороны). Финляндия обязывалась порвать всякие отношения с государствами-сателлитами Германии, находившиеся на территории Финляндии германские и венгерские граждане подлежали интернированию. Финляндия должна была предоставить аэродромы на южном и юго-западном побережье со всем оборудованием, необходимым для советских военно-воздушных и военно-морских операций в Эстонии и в северной части Балтийского моря. Финскую армию в течение двух с половиной месяцев со дня подписания Соглашения о перемирии предстояло перевести на мирное положение.

Мирный договор от 12 марта 1940 г. восстанавливался с некоторыми изменениями: Финляндия возвращала СССР область Петсамо и передавала в аренду на 50 лет территорию и водные пространства в районе Порккала-Удд для создания там советской военно-морской базы; Советский Союз отказался от прав на 30-летнюю аренду полуострова Ханко.

Финляндии во время обсуждения условий перемирия удалось добиться уступок в вопросе о возмещении ущерба, нанесенного финнами —

военными действиями и оккупацией советской территории: вдвое был уменьшен размер репараций и увеличен срок их погашения. Финляндия обязывалась в течение шести лет возместить понесенные СССР убытки на сумму в 300 млн долларов. Погашение предполагалось осуществлять товарами — целлюлозой, лесными материалами, бумагой, машинным оборудованием, морскими и речными судами. Советскому Союзу «в полной сохранности» возвращались все ценности и материалы, вывезенные с советской территории, исторические памятники, музейные экспонаты, оборудование фабрик и заводов, паровозы, суда и пр. Все находящееся на территории Финляндии военное имущество Германии и ее сателлитов передавалось в качестве трофеев в распоряжение Союзного (Советского) Главнокомандования.

Немедленной передаче Союзному (Советскому) Главнокомандованию подлежали все советские и союзные военнопленные, интернированные и насильственно увезенные в Финляндию советские и союзные граждане. Одновременно Финляндии передавались все финские военнопленные и интернированные, находящиеся на территории Союзных государств.

В Соглашении прописывались обязательные для Финляндии мероприятия общественно-политического характера: отмена дискриминационного законодательства; роспуск всех «прогитлеровских», т.е. фашистского типа, политических, военных, военизированных и прочих организаций, ведущих враждебную Объединенным Нациям и Советскому Союзу пропаганду; сотрудничество с союзными державами в задержании военных преступников и организации суда над ними; освобождение заключенных, действовавших в пользу Объединенных Наций, и др.

По соглашению учреждалась Союзная контрольная комиссия, которой предстояло контролировать и регулировать выполнение условий перемирия. Общее руководство ее деятельностью было возложено на Союзное (Советское) Главнокомандование, действующее от имени Союзных Держав. Возглавил СКК подписавший Соглашение о перемирии А. А. Жданов⁷⁸.

В Болгарии на следующий день после того, как 8 сентября советские войска пересекли румыно-болгарскую границу, произошел государственный переворот, и к власти пришло правительство Отечественного фронта. 9 сентября 1944 г. была назначена делегация (проф. Д. Михалчев, бывший полномочный министр

Болгарии в СССР, полковник Генерального штаба Р. Славков, член ЦК БРП (к) Д. Ганев и генерал К. Станчев), которая в тот же день выехала в Румынию, где в небольшом городке Черна Вода располагался временный штаб 3-го Украинского фронта. Цель поездки — узанать окончательные условия по приостановке военных действий Красной армии против Болгарии и обсудить вопрос о перемирии и восстановлении дипломатических отношений с СССР. Просьба болгарского правительства о заключении перемирия нашла отклик. 10 сентября Информационное бюро НКВД СССР заявило, что, поскольку «болгарское правительство порвало отношения с Германией, объявило войну Германии и обратилось к советскому правительству с просьбой о перемирии, советские войска с 10 часов вечера 9 сентября прекратили военные действия в Болгарии. Советским правительством совместно с правительствами Великобритании и Соединенных Штатов Америки в настоящее время вработываются условия перемирия с Болгарией»⁷⁹.

Объявление войны Болгарии и вступление в страну советских войск обеспечило СССР преимущества в решении вопросов, связанных с ее судьбой. Кроме того, объявив войну, СССР сравнялся по статусу с Великобританией и США в отношении Болгарии — стал воюющей стороной. Подготовка условий перемирия вступила в новый этап — уже с участием советской делегации. 12 сентября 1944 г. советский представитель в ЕКК Ф. Т. Гусев представил в комиссию проект условий перемирия с Болгарией и предложил представителям Великобритании и США возобновить дискуссии. С этой даты начался второй этап в подготовке перемирия с Болгарией, связанный с участием Советского Союза.

Советский проект в целом повторял условия перемирия с Болгарией, входившие в совместный англо-американский проект, но содержал три новых предложения: 1) Болгария будет вести войну на стороне союзников и предоставит военные силы, которые будут участвовать в военных операциях под общим руководством советского военного командования; 2) выполнение условий перемирия будет контролироваться советским военным командованием, действующим через Союзную контрольную комиссию (СКК); 3) в преамбуле к Соглашению о перемирии указать, что от имени союзников перемирие подпишет только представитель советского командования.

Эти предложения не были чем-то новым в существующей уже практике при подписании договоров о перемирии. Соглашение о перемирии с Румынией от имени Союзных сил 12 сентября 1944 г. подписал маршал Р. Я. Малиновский. Соглашение о перемирии с Финляндией 19 сентября 1944 г. подписал генерал-полковник А. А. Жданов. Но именно эти предложения стали предметом острых дискуссий, раскрывавших интересы союзников в отношении Болгарии. Географическое расположение Болгарии, граничившей с Грецией и Югославией, было главным поводом беспокойства для Великобритании и США, особенно учитывая несогласованное с ними вступление Красной армии в Болгарию. Обсуждение условий перемирия с Болгарией затянулось почти на два месяца.

Представители английского и американского правительств в ЕКК возражали против всех трех предложений советского проекта. Ведущая роль в спорах принадлежала англичанам, американцы поддерживали их позиции. В меморандуме британского правительства от 22 сентября 1944 г., адресованном народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову (документ был вручен 23 сентября 1944 г. А. Кларком Керром А. Я. Вышинскому), указывалось, что таким образом сформулированное условие о включении Болгарии в военные действия против Германии предполагает, что СССР имеет намерение обеспечить Болгарии статус совоюющего государства и что подобный шаг возмутит общественное мнение в Великобритании и создаст для британского правительства затруднения в его отношениях с греческим и югославским правительствами. Для Британского правительства предпочтительнее, чтобы Болгария не привлекалась к участию в войне, однако оно может понять желание советского правительства использовать болгарские военные силы в военных действиях против Германии. В данной ситуации оно настаивает, чтобы формулировка этого условия в перемирии ясно указывала, что участие Болгарии в войне против Германии является возложенной на нее обязанностью, а не сделанной ей уступкой.

В условиях перемирия не должно быть указано, что Болгария будет осуществлять военные действия или что она вступит в войну, или будет вести ее против Германии на стороне союзников; должно быть отмечено, что болгарские военные части не будут заходить на территорию союзных государств под видом освободителей вопреки желанию заинтересованных

правительств. Британский представитель в ЕКК предложил Ф. Т. Гусеву включить в условия перемирия следующую формулировку: «Болгария сохранит и предоставит такие сухопутные, морские и воздушные силы, какие могут быть определены для военных действий под Союзным (Советским) Верховным командованием. Ни при каких обстоятельствах такие вооруженные силы не будут использованы на союзной территории без согласия заинтересованных Союзных правительств». Такая формулировка, по мнению британской стороны, предоставляла советской стороне возможность прибегнуть к вооруженной помощи со стороны Болгарии, если она сочтет это необходимым, без вовлечения союзных правительств в неудобные последствия, вытекающие из признания Болгарии совоюющей страной⁸⁰.

В беседе с Кларком Керром Вышинский заявил, что, если Болгария выставит некоторое количество дивизий против Германии, это не дает оснований говорить о Болгарии как о совоюющей стране», и напомнил, что аналогичной является и ситуация с Румынией: по Соглашению о перемирии эта страна также обязана выставить 12 дивизий, но при том о юридическом признании ее совоюющей стороной речь не шла. Советское правительство, указал Вышинский, считает неправильным предъявлять Болгарии более жесткие условия, ставить ее в более неблагоприятное положение, чем это сделано в отношении Румынии⁸¹. Вышинский также заметил, что если этот вопрос не найдет отражения в условиях перемирия, то советское правительство не будет иметь правовой основы для использования болгарских войск или для этого потребуются параллельное соглашение между СССР и Болгарией. Советская сторона согласилась с предложенным Великобританией компромиссным вариантом — о включении в соглашение условия участия болгарской армии в военных действиях против Германии, но в благоприятном для западных союзников варианте.

Таким образом, уже на этой стадии обозначился будущий спорный вопрос, имевший ключевое для судьбы Болгарии значение, — о статусе совоюющей стороны. Помимо обсуждения вопроса в ЕКК, британская сторона сочла необходимым заявить свою позицию и на официальном уровне: 28 сентября 1944 г., выступая в парламенте, У. Черчилль заявил, что «какой-либо особый статус», тем более статус совоюющей стороны, болгары «должны дол-

го отрабатывать», более того — отрабатывать «в определенных формах»⁸². Очевидно вместе с тем, что не всякие «формы» устраивали союзников: когда 5 октября 1944 г. в Крайове было заключено югославо-болгарское соглашение об участии болгарских частей в боевых действиях против вермахта на территории Югославии, Англия, как известно, с неодобрением отнеслась к этому известию.

Наиболее спорной оказалась ст. 18 советского проекта, согласно которой исполнение Соглашения о перемирии должно контролироваться Советским Главным командованием, действующим через СКК. По мнению британского и американского правительств, СКК должна быть трехсторонней по своему составу, чтобы все три правительства имели возможность на равных правах участвовать в деятельности комиссии и нести ответственность за ее действия. Британское правительство выразило готовность согласиться с положением, что советский представитель будет постоянным председателем СКК, но, так как Болгария не являлась ареной военных действий, оно не видело необходимости, чтобы СКК находилась под непосредственным руководством Советского Главного командования. Предложенный англичанами вариант предусматривал, чтобы главы советской, британской и американской частей в СКК были ответственны каждый перед своим собственным правительством⁸³.

Для советской стороны вариант «равного участия» трех держав в руководстве СКК был неприемлемым, означая неизбежное ущемление прерогатив советских представителей в СКК в дальнейшем. Реакция Вышинского по этому вопросу была категоричной: работа комиссии должна быть построена по итальянскому образцу, где председателем СКК является британский генерал Александер, подписавший Соглашение о перемирии с Италией, и «именно ему, а не какой-либо Коллегии, принадлежит решение вопросов, входящих в компетенцию Контрольной Комиссии». Вышинский напомнил, что «такой порядок всеми тремя правительствами принят не только в отношении Италии, но и в отношении Румынии и Финляндии. Практика Италии показывает, что этот порядок себя оправдал, и нет поэтому основания действовать иначе в отношении Союзной Контрольной Комиссии для Болгарии»⁸⁴.

Окончательный текст этой статьи проекта условий был согласован между Э. Иденом и В.М. Молотовым в ходе совещания в Москве

14 октября 1944 г. Иден принял предложение Молотова о предоставлении СССР полного контроля над выполнением условий перемирия с Болгарией до капитуляции Германии, но с условием, что к ст. 18 будет добавлено: «...с участием представителей Соединенного Королевства и Соединенных Американских Штатов». Американская делегация в ЕКК выразила свое неудовольствие таким решением вопроса, и 22 октября, когда болгарская правительственная делегация уже находилась в Москве и ожидала получения условий перемирия, последовал дипломатический демарш. Посол США в Великобритании Дж. Вайнант в письме в советское посольство в Лондоне и британскому представителю в ЕКК уведомил, что правительство США настаивает на включении в ст. 18 следующего положения: «После окончания военных действий против Германии и до заключения мира с Болгарией Союзная Контрольная комиссия будет регулировать и следить за выполнением условий перемирия в соответствии с инструкциями Правительств Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства»⁸⁵. В Соглашение о перемирии, однако, была включена советская формулировка, что СКК учреждается «на весь период перемирия» и будет решать возложенные на нее задачи «под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования с участием представителей Соединенного Королевства и Соединенных Штатов»⁸⁶. Американские представители оставили за собой право позднее вернуться к вопросу об организации работы СКК на втором этапе⁸⁷, однако эта оговорка, сформулированная в рамках ЕКК, не была зафиксирована ни в тексте соглашения, ни в прилагавшемся к нему протоколе⁸⁸.

На стадии обсуждения значительную остроту приобрел вопрос о том, кто будет подписывать перемирие от имени союзников. Британская сторона предлагала, чтобы соглашение подписали представитель Верховного Командующего Союзников в Средиземном море генерал Дж. Гаммель и представитель Советского Главнокомандования маршал Ф.И. Толбухин. Советская сторона настаивала на кандидатуре Толбухина, чьи войска находились на территории Болгарии, подчеркивая, что этот принцип с согласия трех правительств уже был применен в Италии, Румынии и Финляндии. В конечном счете удалось достичь компромисса: после долгих обсуждений и переписки подписание договорились поручить двум представителям.

Западные союзники уступили перед настойчивостью советской стороны, чтобы перемирие с Болгарией, так же как с Румынией и Финляндией, было подписано в Москве, а не, как они предлагали, в Каире или Анкаре.

В советском варианте проекта о перемирии с Болгарией не фигурировала статья о выводе болгарских войск с греческой и югославской территорий, присутствовавшая в совместном англо-американском проекте. При обсуждении условий перемирия с Болгарией в ЕКК британский представитель добивался, чтобы это условие было включено в соглашение. На этом настаивал и Иден, заявляя категорично, что «немедленная эвакуация» болгарских военных частей и администрации с греческой и югославской территорий не просто обязательна, а должна завершиться еще до подписания Соглашения о перемирии. Устанавливался и срок — 15 дней. К 20 сентября 1944 г. это условие было согласовано между тремя правительствами и включено как ст. 2 в окончательный вариант документа. Советское правительство, не менее Великобритании заинтересованное в усилении своих позиций в Средиземноморье, пошло на компромисс по этому вопросу. Учитывая английские интересы в Средиземноморском бассейне и конкретно в Греции, Москва рассчитывала на уступки со стороны Великобритании в более важных для Советского Союза вопросах: обеспечения безопасности в Черноморском бассейне и перевеса сил и влияния в Румынии и Болгарии.

Готовя подписание Соглашения о перемирии с Болгарией, союзники опирались на уже принятые аналогичные документы по Италии и Румынии, закрепившие приоритеты, соответственно, западных и советских интересов и доминирующую роль Запада и Востока при решении вопросов будущего развития указанных стран. Вместе с тем, как показывают документы, имели место попытки западных союзников подправить в свою пользу принципиальные установки, реализованные в румынском случае. Помимо отмеченных выше отличий, они предлагали наложить на Болгарию и более тяжелые экономические обязательства, но под давлением советской стороны были вынуждены отступить. Болгария явилась, в конечном счете, ареной достаточно жесткого противостояния союзников по антигитлеровской коалиции, став своеобразной пробой сил и отразив попытки сторон определить допустимые пределы как давления, так и компромисса.

Болгарское правительство обратилось к правительствам Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов с просьбой о перемирии 10 октября. На следующий день правительства трех стран уведомили председателя Совета министров Кимона Георгиева, что они ознакомились с просьбой болгарской стороны и решили, что переговоры могут начаться только после того, как София эвакуирует болгарские военные части и администрацию с греческой и югославской территорий. На это отводилось 15 дней. В тот же день Георгиев сообщил о согласии кабинета министров с решением союзников, подчеркнув, что эвакуация воинского контингента с греческой территории уже проводится с 10 октября, а эвакуация чиновников и передача административной власти местному населению завершена⁸⁹.

Столь быстрая реакция болгарского правительства объясняется тем, что в связи с предстоящим подписанием перемирия, особенно после назначения делегации во главе с министром иностранных дел проф. Петко Стайновым, в болгарском руководстве интенсивно обсуждался вопрос возможных условий перемирия, аргументации сторон и организации защиты интересов Болгарии во время предстоящих переговоров. Все эти вопросы были оформлены в виде меморандумов. В качестве отправного варианта условий перемирия болгары взяли подписанное 12 сентября 1944 г. Соглашение о перемирии с Румынией. Меморандумы составлялись по каждой статье соглашения с Румынией. По некоторым статьям были заготовлены 2–3 возможных варианта. Всего было подготовлено 30 меморандумов.

Болгарская правительственная делегация прибыла в Москву 15 октября 1944 г. В ее состав входили министр иностранных дел Петко Стайнов (председатель делегации), министры без портфеля Димитр Терпешев и Никола Петков, министр финансов проф. Петко Стоянов, а также бывший полномочный министр Болгарии в СССР (1934–1936) проф. Димитр Михалчев, генерал Георги Попов, полковник И. Антонов, Анна Каменова, Крум Кюлявков (секретарь делегации).

Текст Соглашения о перемирии обсуждался и уточнялся союзниками вплоть до 23 октября и был вручен болгарской делегации 26 октября в 22 часа. 27 и 28 октября на заседаниях⁹⁰ обсуждались некоторые статьи проекта, по которым болгарские делегаты выразили желание получить разъяснения и уточнения: по ст. 15 — в свя-

зи с содержанием Союзной контрольной комиссии и находящихся в Болгарии частей Красной армии (выплата денежного содержания в болгарской валюте, обеспечение горюче-смазочными материалами и продовольствием и др.); по ст. 9 — о возвращении собственности, принадлежащей Объединенным Нациям, о выплате репараций; по ст. 14 — об использовании Советским Главным командованием морских и речных судов и их возвращении собственникам; об уточнении понятия «военное имущество» и др. Из документальных источников видно, что обсуждение проходило спокойно.

Соглашение о перемирии между Болгарией и Союзными силами было подписано 28 октября 1944 г. С болгарской стороны свои подписи поставили члены делегации П. Стайнов, Д. Терпешев, Н. Петков и П. Стоянов, с советской стороны — маршал Ф. И. Толбухин, со стороны Великобритании и США — генерал Дж. Гаммель. Решения, принятые по вопросам, поставленным болгарской делегацией при обсуждении Соглашения, были внесены в протокол, подписанный лицами, уполномоченными своими правительствами — заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинским, послом Великобритании в СССР А. Кларком Керром и представителем США в ЕКК Дж. Ф. Кеннаном.

Условия перемирия с Болгарией в значительной мере повторяли условия Соглашения о перемирии с Румынией, различаясь по конкретным вопросам. Последние были связаны с участием Болгарии в войне на стороне Союзных сил против Германии и Венгрии; эвакуацией с территории Греции и Югославии болгарских воинских частей, администрации и граждан Болгарии по состоянию на 1 января 1941 г.; аннулированием законов, относящихся к аннексии или включению в состав Болгарии греческой и югославской территорий; репарациями, которые Болгарии предстояло выплатить Греции и Югославии.

Условия подписанного перемирия оценивались болгарской стороной в целом положительно. Высказывалось, в частности, мнение, что без поддержки советских представителей на переговорах англичане наложили бы на Болгарию гораздо более тяжелые обязательства⁹¹. Выражая мнение большинства в руководстве страны, секретарь ЦК БРП(к) — Трайчо Костов позднее, 26 января 1945 г., выступая в Отделе международной информации ЦК ВКП(б), назвал условия перемирия благоприятными и, ре-

агируя на реплику Г. Димитрова: «Сравнительно, конечно, благоприятные» — твердо заявил: «Мы считаем эти условия самыми благоприятными при существующем положении»⁹².

Осенью 1944 г. актуализировался вопрос и о судьбе Венгрии — «последнего сателлита» гитлеровской Германии. В конце сентября — начале октября 1944 г. начались бои Красной армии на ее территории. Обстановка в стране была исключительно сложной. 2 сентября президент Маннергейм в письме Гитлеру официально предупредил о выходе Финляндии из войны, а 3 сентября начался отвод финских войск с советского фронта. Но Гитлер решительно защищал Венгрию. Это был его последний союзник в Европе. После оккупации страны в марте 1944 г. на ее территории дислоцировалась группа армий «Юг», усиленная отходившими с Балканского полуострова немецкими частями и дивизиями венгерской армии. На кону были последние источники нефти (в Австрии и небольшие — в самой Венгрии), которые контролировались немцами.

М. Хорти начал сепаратные переговоры с англичанами. Но после неудачных попыток договориться с западными союзниками, учитывавшими приоритеты Москвы в будущих переговорах о перемирии с Финляндией, венгерскому правительству не оставалось другого выбора, кроме как обратиться к Москве. Хорти пошел на контакт с советской стороной после длительных колебаний. Существуют сведения, что к решительным действиям его побудил подброшенный сфальсифицированный документ — переданное якобы командиром одного из партизанских отрядов Словакии обращение с условиями перемирия, продиктованными Советским Союзом. Хотя в этих сравнительно мягких «условиях» не говорилось об объявлении войны Германии, гарантировалось сохранение существующей администрации, было обещано проведение плебисцита на всей территории Трансильвании и учет его итогов на предстоящей мирной конференции⁹³, психологическое давление, оказанное на регента, сыграло роль катализатора.

1 октября 1944 г. в советскую столицу была доставлена делегация, наделенная полномочиями для ведения переговоров о перемирии, в составе бывшего военного атташе в СССР генерал-полковника Г. Фараго, дипломата Д. Сент-Ивани и известного интеллектуала профессора университета Г. Телеки (сына бывшего главы кабинета министров графа П. Теле-

ки). Во время встречи с заместителем начальника Генерального штаба генералом армии А. И. Антоновым Фараго передал адресованное Сталину письмо регента М. Хорти с просьбой использовать свое влияние на союзников с тем, «чтобы условия [перемирия], которые вы работаете, были совместимыми с интересами и честью наших народов, которые действительно заслуживали бы мирной жизни и безопасного будущего». Подчеркивая в письме, что венгры «никогда не хотели отнять у кого-либо хотя бы одного дюйма того, что не принадлежало нам по праву»⁹⁴, Хорти не упустил возможности принизить в глазах Москвы соседку Румынию, напомнив о захвате Бессарабии у русского союзника после Первой мировой войны и намерении с помощью Германии присоединить «значительную часть территории Советской России» во время Второй мировой. Письмо заканчивалось просьбой «пощадить... несчастную страну, которая имеет свои исторические заслуги и народ которой имеет столь много сходства с русским народом»⁹⁵.

Советская сторона проинформировала союзников о прибытии венгерских посланцев и согласовала с ними свои действия. Было условлено придерживаться той же принципиальной линии, которую СССР проводил при переговорах о перемирии с другими сателлитами Германии, — добиваться принятия предварительных условий. Союзники также договорились, что Соглашению о перемирии, к обсуждению которого можно было бы перейти после выполнения Венгрией предварительных условий, предстояло быть более-менее сходным с румынским документом.

На переговорах венгерская делегация пыталась уклониться от объявления войны Германии, настаивала на неприкосновенности границ страны по Второму Венскому арбитражу 1940 г. (румынские, югославские и словацкие войска не должны были их пересекать) и сохранении административного устройства страны. Споры вели к затягиванию переговоров, что играло на руку венграм с их тактикой выжидания. Как позднее отмечал Хорти в своих мемуарах, «просьба о перемирии всегда горька, но то, что англичане и американцы адресовали нас исключительно к русским, поистине означало трагедию для нас». И еще одна важная констатация: «От последнего, решающего шага я воздерживался»⁹⁶.

11 октября 1944 г., получив от Хорти полномочия на подписание документов, члены вен-

герской миссии в присутствии В. М. Молотова и В. Г. Деканозова поставили свои подписи под предварительными условиями перемирия, которые предстояло выполнить до начала официальных переговоров. Венгрия обязывалась эвакуировать свои войска и администрацию из оккупированных ею Чехословакии, Югославии и Румынии в пределы границ Венгрии, существовавших на 31 декабря 1937 г. Установленный для этого срок был более жестким, нежели в болгарском случае: венграм отводилось 10 дней. Проверка и контроль за исполнением этого требования возлагались на Объединенную Союзную военную миссию под председательством советского представителя. Венгрия должна была разорвать все отношения с Германией, немедленно объявить ей войну. Советская сторона заявила о готовности оказать Венгрии в случае необходимости помощь своими войсками⁹⁷.

Подписывая предварительные условия, венгерская миссия вручила советскому правительству ноту с просьбой приостановить продвижение к Будапешту советских частей до переброски туда с фронта венгерских войск. Сказались опасения мести со стороны немцев, жертвами которой могло стать мирное население столицы. Просьба была выполнена, однако венгерская сторона нарушила договоренность: не только не отвела фронтовые части к Будапешту, но и усилила боевые действия против Красной армии в районе Сольнока. В представлении генерала армии А. И. Антонова главе миссии генерал-полковнику Г. Фараго от 14 октября 1944 г. ситуация расценивалась однозначно: «Венгерское правительство, по-видимому, стало на путь невыполнения принятых им на себя предварительных условий перемирия»⁹⁸. Дополнил эту оценку и тот факт, что венгерский офицер, прибывший в распоряжение 4-го Украинского фронта для переговоров о согласовании действий советской и венгерской армий, не располагал конкретной информацией о дислокации венгерских частей. Шанс подписать перемирие был упущен, венгры не последовали румынскому примеру⁹⁹, а недоверие к ним Москвы резко усилилось.

Дальнейшие события развивались по самому худшему для венгерской стороны сценарию: организованный гитлеровцами 16 октября 1944 г. путч привел к смещению с поста М. Хорти и замене его лидером венгерских нацистов Ф. Салаша. Вся западная часть страны, как и столица Будапешт, оставались в руках гитлеровцев и салашистов. Война Венгрии на стороне Германии продолжалась.

Новый импульс в вопросе о перемирии исходил уже от Временного национального правительства Венгрии, созданного в конце декабря 1944 г. в Дебрецене, на освобожденной Красной армией территории страны и под советским контролем. 24 декабря правительство объявило войну Германии. В декрете Совета министров говорилось: «Временное Национальное правительство на основе полномочий, полученных от Временного Национального собрания для проведения в жизнь своей программы, объявляет недействительными договоры, заключенные с Германией, разрывает с ней все связи и объявляет войну Германии. Временное Национальное правительство заявляет, что, мобилизуя все свои ресурсы, оно будет вести войну на стороне Советского Союза и его союзников до тех пор, пока союзные державы не добьются полной победы над Германией, ибо только такая победа может гарантировать независимость Венгрии»¹⁰⁰. По поручению Национального собрания кабинет министров обратился с просьбой к Советскому правительству начать переговоры о перемирии. Советская сторона сочла момент подходящим для начала переговоров и сообщила западным союзникам о своей готовности предварительно обсудить с ними проект перемирия.

Вариант, предложенный советской стороной, содержал те же условия, что и для Румынии и Болгарии. Как и при обсуждении перемирия с Болгарией, западные союзники попытались ограничить доминирующую роль советских представителей в СКК, признав ее лишь на период до окончания войны с Германией, чтобы перейти затем к «равному участию» трех держав. Было предложено также расширить функции и прерогативы западных представителей в СКК уже на первом этапе работы комиссии (до окончания военных действий). Советская сторона, понимая, что создание подобного прецедента могло быть впоследствии использовано для ревизии принципов деятельности СКК в Румынии и Болгарии, решительно отказалась от пересмотра принципиальных установок. На сей раз обстановка накалилась до такой степени, что представитель США посол в Москве У. А. Гарриман запросил госсекретаря Э. Стеттиниуса о целесообразности участия в подписании документа, не отвечавшего интересам американцев. Стеттиниус, пригласив эмоции Гарримана, занял более взвешенную позицию, заметив: «Мы не готовы в данное время идти так далеко, чтобы отказаться от участия в перемирии, если наша позиция в отношении Контрольной комиссии не будет принята»¹⁰¹.

Показательно, что еще до полного согласования документа союзниками с ним «в неофициальном порядке» был ознакомлен посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер. Причина этого указывалась в дипломатическом дневнике заведующего IV Европейским отделом НКВД СССР В. А. Зорина (запись от 9 января 1945 г.): «...дружественные отношения с Чехословакией и ее заинтересованность в вопросах, касающихся Венгрии»⁹⁴. После коротких консультаций с чехословацким дипломатом последовало обсуждение интересующих Прагу вопросов на совещании союзников 15 января. Были учтены основные пожелания чехословацкого правительства: аннулирование всех законодательных и административных положений в связи с аннексией Венгрией части чехословацкой территории; уточнение момента, с которого Чехословакия находилась в состоянии войны с Венгрией (7 октября 1938 г. — первый акт агрессии, или 2 ноября 1938 г. — решение Венского третейского суда); допущение чехословацкого представителя в СКК в целях защиты интересов Чехословацкой республики и сотрудничества с представителями союзных держав в вопросах, относящихся к Чехословакии. Весьма острый для Праги вопрос о переселении из страны венгров был отложен до заключения мирного договора¹⁰².

Правительственная делегация во главе с министром иностранных дел Я. Дьёндёши 28 декабря 1944 г. выехала в Москву на переговоры. В состав ее входили также министр обороны генерал-полковник Я. Вёрёш и статс-секретарь кабинета министров И. Балог. 18 января 1945 г. на встрече с В. М. Молотовым, У. А. Гарриманом и британским поверенным в делах А. Д. Бальфуrom она приняла текст условий союзных держав для рассмотрения в течение 24 часов. В венгерской литературе указывается, что переговоров как таковых, по существу, не было: помимо нескольких комментариев, связанных с трактовкой текста и вопросом о возвращении венгерских военнопленных, Дьёндёши фактически коснулся лишь выплаты репараций. Он просил установить для Венгрии десятилетний срок выполнения репарационных обязательств, начиная с 1 января 1946 г. При молчаливом согласии представителей западных союзников Молотов, председательствовавший на этой встрече, категорически отверг просьбу, заявив: «Никто не нападал на Венгрию. Венгрия напала на Советский Союз. Никто не объявлял войны Венгрии. Венгрия объявила войну Советскому Союзу»

и его союзникам»¹⁰³. Вопрос был закрыт, а переговоры закончены принятием предложенного текста без каких-либо изменений.

20 января 1945 г. Соглашение о перемирии было подписано. С венгерской стороны его подписали члены Временного Национального правительства Венгрии: министр иностранных дел Янош Дьёндёши, министр обороны Янош Вёрёш и статс-секретарь кабинета министров Иштван Балог. По уполномочию СССР, США и Великобритании — представитель Союзного (Советского) Главнокомандования маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

Соглашение отменяло решения Венского третейского суда (Первого Венского арбитража) от 2 ноября 1938 г. и Второго Венского арбитража от 30 августа 1940 г.¹⁰⁴ и обязывало правительство вывести военные части и администрацию с оккупированных территорий Чехословакии, Югославии и Румынии (восстанавливалось, таким образом, положение, существовавшее на 31 декабря 1937 г.), аннулировать все законодательные и административные акты, фиксировавшие аннексию или включение в состав Венгрии территорий указанных стран. Признавалось, что Венгрия вышла из войны против СССР и Объединенных Наций, порвала все отношения с Германией и объявила ей войну. Правительство Венгрии обязывалось разрушить германские части в стране и передать их в качестве военнопленных, а также интернировать граждан Германии; предоставить часть сухопутных (не менее восьми пехотных дивизий со средствами усиления), морских и воздушных сил Венгрии под общее руководство Союзного (Советского) Главнокомандования. Использоваться эти силы на территории союзников могли только при предварительном согласии заинтересованного союзного правительства. Впоследствии венгерские вооруженные силы подлежали демобилизации и переводу на мирное положение под наблюдением Союзной контрольной комиссии. Венгерская сторона обязывалась оказывать всемерное содействие передвижениям союзников по суше, по воде и по воздуху «своими средствами сообщения и за свой счет». Ряд статей регулировал вопросы немедленного освобождения всех союзных военнопленных и интернированных, перемещенных лиц и беженцев, в том числе евреев и лиц без гражданства, обеспечения их питанием, одеждой, медицинским обслуживанием и пр., а также и транспортными средствами для возвращения на родину. Венгрия должна была вер-

нуть все ценности и государственное имущество, вывезенные с территорий Объединенных Наций. Собственность Германии и ее граждан не подлежала вывозу или экспроприации без разрешения СКК.

Соглашение предусматривало немедленный роспуск прогитлеровских или иных фашистских политических, военных, военизированных и прочих организаций, ведущих враждебную Объединенным Нациям пропаганду и недопущение в будущем существования такого рода организаций в стране; сотрудничество венгерских властей в деле задержания и передачи лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и проведения суда над ними. Работа радиостанций, телеграфа, почты, телефонная связь организовывались по соглашению с Союзным (Советским) Главнокомандованием. Это положение распространялось на шифрпереписку, курьерскую связь с заграницей находившихся в Венгрии посольств, миссий и консульств. Под контроль Союзного (Советского) Главнокомандования переходили издание, ввоз и распространение периодической и прочей литературы, работа театров, кинопрокат.

Значительная часть статей соглашения касалась экономических вопросов, в частности возмещения убытков Советскому Союзу, Чехословакии и Югославии. При этом во внимание принимались выход Венгрии из войны против Объединенных Наций и, главное, объявление войны Германии, что послужило причиной договоренности о выплате репараций «не полностью, а только частично». Конкретно назначалась общая сумма репараций в размере 300 млн долларов с погашением в течение шести лет товарами (машинным оборудованием, речными судами, зерном, скотом и пр.), причем на долю СССР приходилось 200 млн, а сумма возмещения Чехословакии и Югославии составляла 100 млн долларов. Сумму возмещения убытков и ущерба другим союзным государствам и их гражданам предстояло установить позднее.

В своей основе подписанные Румынией, Финляндией, Болгарией и Венгрией соглашения о перемирии однотипны, кроме статей, обусловленных в той или иной степени спецификой, связанной с отношениями между конкретной страной и ведущими членами антигитлеровской коалиции, существовавшими между данной страной и СССР территориальными и пограничными проблемами, а также с выплатой репараций. Соглашения обеспе-

чивали в правовом отношении присутствие советских войск на территории Болгарии, Венгрии, Румынии, ставили их вооруженные силы под прямое руководство Союзного (Советского) Главнокомандования, а страны — под контроль Союзных контрольных комиссий, руководимых представителями Советского Главного командования. Британские и американские представители в СКК имели фактически статус наблюдателей.

Во всех соглашениях о перемирии формулировались задачи, которые в обязательном порядке предстояло выполнять правительствам указанных стран:

- принять меры к разоружению и интернированию вооруженных сил противника, находящихся на их территории, и передать их Союзному (Советскому) Главнокомандованию в качестве военнопленных;
- интернировать граждан Германии и ее сателлитов;
- передать всех советских и союзных военнопленных для возвращения их на родину, а до их репатриации обеспечивать за свой счет питанием, одеждой, медицинским обслуживанием;
- обеспечить советским и другим союзным войскам возможность свободного передвижения по территории страны в любом направлении, если этого потребует военная обстановка, оказывать этому передвижению всемерное содействие своими средствами сообщения и за свой счет по суше, воде и по воздуху;
- содержать и предоставлять такие сухопутные, морские и воздушные силы, которые могут быть определены для службы под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования;
- освободить, независимо от гражданства и национальной принадлежности, всех лиц, содержащихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций или ввиду их расового происхождения;
- отменить полностью дискриминационное законодательство и вытекающие из него ограничения;
- передать в качестве трофеев в распоряжение Союзного (Советского) Главнокомандования все находящееся на территории страны военное имущество Германии и ее сателлитов;
- передать Великобритании и США все имущество, принадлежавшее им до войны;
- имущество Германии и ее сателлитов передать советскому командованию;
- передать СКК все суда, находящиеся в морских и речных портах и принадлежащие или принадлежавшие Объединенным Нациям, независимо от того, в чьем распоряжении эти суда находятся, для использования на время войны с последующим возвращением этих судов их владельцам;
- регулярно выплачивать денежные суммы в местной валюте, необходимые СКК для выполнения ее функций, обеспечивать горючим, продуктами питания как СКК, так и находящиеся в стране части Красной армии;
- обеспечивать, в случае необходимости, использование на территории страны промышленных и транспортных предприятий, средств связи, силовых станций, предприятий и объектов общественного пользования, запасов топлива, горючего, продовольствия и др. материалов, предоставление услуг;
- возместить убытки, причиненные Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советской территории (для Румынии), греческой и югославской территории (для Болгарии); СССР, Чехословакии, Югославии (для Венгрии);
- вернуть в полной сохранности вывезенные в годы войны ценности и материалы, принадлежащие государствам, общественным организациям, кооперативам, предприятиям, учреждениям или отдельным гражданам (оборудование фабрик и заводов, паровозы, железнодорожные вагоны, тракторы, автомашины, лошадей, исторические памятники, музейные ценности и др.);
- восстановить все законные права и интересы Объединенных Наций и их граждан;
- сотрудничать в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними;
- распустить немедленно находящиеся на территории страны все прогитлеровские и другие фашистские политические, военные, военизированные, а также другие организации, ведущие враждебную Объединенным Нациям пропаганду, и впредь не допускать существование такого рода организаций;
- издание, ввоз и распространение периодической литературы, постановка театральных спектаклей и демонстрация ки-

нофильмов, работа радиостанций, почты, телеграфа и телефона происходят по соглашению с Союзным (Советским) Главнокомандованием.

В соглашениях о перемирии с Румынией, Финляндией, Болгарией и Венгрией затрагивались следующие территориальные и пограничные вопросы.

В соглашении с Румынией:

«ст. 4. Государственная граница между СССР и Румынией, установленная советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 г., восстанавливается»;

«ст. 19. Союзные правительства считают решение Венского Арбитража несуществующим и согласны на то, чтобы Трансильвания (вся или большая часть) была возвращена Румынии, что подлежит утверждению при мирном урегулировании, причем Советское правительство согласно с тем, чтобы советские войска в этих целях приняли участие в совместных с Румынией военных операциях против Венгрии»;

«ст. 17. Румынская гражданская администрация восстанавливается по всей полосе Румынии, отстоящей от линии фронта не менее чем на 50–100 километров (в зависимости от условий местности), причем румынские административные органы обязуются выполнять в интересах восстановления мира и безопасности инструкции и указания Союзного (Советского) Главнокомандования, данные им в целях обеспечения выполнения условий перемирия».

В соглашении с Финляндией:

«ст. 1. В связи с прекращением военных действий со стороны Финляндии 4 сентября 1944 г. и со стороны Советского Союза 5 сентября 1944 г. Финляндия обязуется отвести свои войска за линию советско-финской границы 1940 года...»;

«ст. 6. Действие Мирного Договора между Советским Союзом и Финляндией, заключенного в Москве 12 марта 1940 г., восстанавливается с изменениями, вытекающими из настоящего Соглашения»;

«ст. 7. Финляндия возвращает Советскому Союзу область Петсамо (Печенга), добровольно уступленную Финляндии Советским Государством по Мирным Договорам от 14 октября 1920 года и от 12 марта 1940 г. ...»;

«ст. 8. Советский Союз отказывается от своих прав на аренду полуострова Ханко, предоставленных ему советско-финским Мирным договором от 12 марта 1940 года, а Финляндия со своей стороны обязуется представить Советскому Союзу на правах аренды территорию

и водные пространства для создания советской военно-морской базы в районе Порккала-Удд...».

«ст. 9. Действие Соглашения об Аландских островах, заключенного между Советским Союзом и Финляндией 11 октября 1940 г., полностью восстанавливается.

Границы территорий, указанных в ст. 1, 7 и 8, подробно определены в Приложениях к Соглашению о перемирии: Приложения к ст. 1, ст. 7 и ст. 8)».

В соглашении с Болгарией:

«ст. 2. Болгарские вооруженные силы и чиновники в соответствии с предварительным условием, принятым Правительством Болгарии 11 октября 1944 г., должны быть эвакуированы с территории Греции и Югославии в установленный этим условием срок; болгарские власти должны немедленно принять меры к эвакуации с греческой и югославской территорий болгар, которые являются гражданами Болгарии на 1 января 1941 г., и аннулировать все законодательные и административные положения, относящиеся к аннексии или включению в Болгарию греческой и югославской территорий».

В соглашении с Венгрией:

«ст. 2. Венгрия обязуется эвакуировать все свои войска с оккупированных территорий Чехословакии, Югославии и Румынии в пределы границ Венгрии на 31 декабря 1937 г. и аннулировать все законодательные и административные акты, относящиеся к аннексии территорий соседних стран»;

«ст. 17. Венгерская гражданская администрация восстанавливается и действует в полосе, отстоящей от линии фронта на расстояние не менее 50–100 км, причем венгерские власти должны выполнять все указания советского командования и СКК, направленные на выполнение условий перемирия»;

«ст. 19. Объявляются несуществующими решения Венского арбитража от 2 ноября 1938 г. и 30 августа 1940 г., касающиеся Трансильвании»¹⁰⁵.

С лета 1944 г. и в первые месяцы 1945 г. ключевыми для союзников вопросами стали сохранение антигитлеровской коалиции с целью быстрого и окончательного разгрома гитлеровской Германии, ее сателлитов и ее союзника Японии и обеспечение своего контроля и влияния на освобожденных территориях.

К моменту вступления Красной армии в Европу летом 1944 г. советская концепция будущего послевоенного миропорядка уже оформилась. Она включала в себя восстановление «выгодных

стратегических границ 1941 года», расширение советского военно-политического присутствия в Восточной Европе и создание по всему периметру западных советских границ «пояса безопасности» как гарантии от возможной в будущем новой агрессии против СССР. Заслуги советской страны в разгроме гитлеровской Германии, вступление Красной армии на территорию восточноевропейских стран открывали для советского руководства возможности реализовать эти замыслы.

Союзники по антигитлеровской коалиции послевоенные перспективы видели иначе. Черчилль размышлял о восстановлении традиционного равновесия сил в Европе, не отбрасывая возможности привлечь в будущем поверженную Германию к противостоянию с Востоком. Рузвельт во главу угла ставил теорию «четырёх полицейских», согласно которой державы-победительницы и Китай совместными усилиями, вплоть до силовых методов, обеспечивали бы мир, не допуская никаких посягательств со стороны агрессора (в качестве такового он не сбрасывал со счета и Германию). Но при всех различиях в позициях союзников имелось и общее — расчет на усиление геополитических позиций своих стран.

Соглашения о перемирии со странами-сателлитами основывались на согласованном

ведущими державами принципе безусловной капитуляции, но ни в одном из рассмотренных документов не шла речь об их новом оккупационном статусе, о разделении территории на оккупационные зоны и пр. Используемые в международных и международно-правовых отношениях дефиниции, связанные с оккупацией (оккупация военного времени, послевоенная оккупация, мирная оккупация, не связанная с войной), всегда предполагают временное занятие территории, без обретения суверенитета над ней. Хотя, конечно, пребывание воинского контингента на территории другой страны не может не ущемлять ее суверенитета. Прописанные в соглашениях о перемирии вопросы вступления и условия перемещения по территории этих стран советских и союзнических войск под контролем Союзного (Советского) Главнокомандования, создание Союзных контрольных комиссий для наблюдения за исполнением соглашений о перемирии неминуемо ставили побежденные страны в подчиненное положение. Но это были решения, принятые на основе общих решений союзников и в условиях еще продолжавшейся войны. И именно они открыли первую фазу послевоенного мирного урегулирования в Европе.

¹ Подробнее см.: Покивайлова Т.А. За кулисами переговоров о выходе Румынии из фашистского блока // Великая Отечественная война. 1944 год. М., 2014. С.77–79.

² Стыкалин А.С. Выход Венгрии из войны и западные союзники // Великая Отечественная война. 1944 год. С. 137–138.

³ 72 года назад в Касабланке договорились требовать безусловной капитуляции Германии, Италии и Японии — <http://lombard-vip.com/extnews/286181/kompanii/72godanazadvrasablankedog.html>

⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 6 т. Т. 1: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.): Сборник документов. М., 1978. С. 396. (Далее — Московская конференция.)

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0511. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 34–37; Московская конференция. С. 59–61 (Письмо А. Кларка Керра В. М. Молотову с приложением документа).

⁶ Московская конференция. С. 396 (примеч. 66).

⁷ Там же.

⁸ Стыкалин А.С. Выход Венгрии из войны... С. 137, 147.

⁹ Московская конференция. С. 396 (примеч. 66).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 397 (примеч. 66)

¹² АВП РФ. Ф.06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 30; Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Европа в силовом поле великих держав: Трансильванский вопрос, 1940–1946 годы. М., 2008. С.133.

¹³ Московская конференция. С. 48, 274 (Проект повестки дня, предложенный правительством Великобритании, 19 сентября 1943 г.; Повестка дня конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, 19 октября 1943 г.).

¹⁴ Там же. С. 60–62 (Предлагаемые принципы, которыми следует руководствоваться при прекращении военных действий с европейскими странами — членами «оси»).

¹⁵ Liddell-Hart B. History of the Second World War. New York, 1993. P. 719.

¹⁶ Московская конференция. С. 299–301 (Приложение. Информация английской делегации относительно мирных предложений Румынии в течение последнего времени).

¹⁷ Там же. С. 187–188 (Запись седьмого заседания конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, 25 октября 1943 г.).

- ¹⁸ Там же. С. 188.
- ¹⁹ Там же. С. 343–344 (Секретный протокол конференции).
- ²⁰ Решение о ее роспуске, как исполненной поставленные задачи, было принято на Берлинской (Потсдамской) конференции в августе 1945 г.
- ²¹ Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Европа в силовом поле великих держав. С. 135.
- ²² История дипломатии: В 5 т. М., 1959–1979. 2-е изд. Т. 4. С. 432–433; Новиков Н. В. Пути и перепутья дипломата: Записки о 1943–1944 гг. М., 1976. С. 222.
- ²³ Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Европа в силовом поле великих держав. С. 135.
- ²⁴ Московская конференция. С. 185–186 (Запись седьмого заседания конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, 25 октября 1943 г.).
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 42.
- ²⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: В 3 т. М., 1944–1947. Т. 2. С. 105.
- ²⁷ Постановление ГКО в связи с вступлением Красной армии на территорию Румынии, 10 апреля 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953: Документы: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999. Т. 1: 1944–1948. С. 53–55.
- ²⁸ Трансильвания — бывшая римская провинция, захваченная в X в. венграми. С 1003 г. — часть Венгерского королевства. В Средневековье существовала как полунезависимое княжество под властью Османской империи. В 1848–1849 гг. находилась в составе Венгерского королевства, затем до 1867 г. представляла собой отдельную область, а с 1867 г. вновь стала частью Венгрии. Румыния получила Трансильванию по Трианонскому договору (1920) как победительница в Первой мировой войне. В 1940 г. по Венскому арбитражу северная часть Трансильвании была присоединена к Венгрии. По мирному договору 1947 г. отошла к Румынии.
- ²⁹ Трансильванский вопрос: Венгеро-румынский территориальный спор и СССР, 1940–1946: Документы российских архивов / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000. С. 232.
- ³⁰ Покивайлова Т. А. За кулисами переговоров... С. 84–85.
- ³¹ Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 142, 190.
- ³² Точное название документа — Соглашение о воссоединении Бессарабии и северной части Буковины с СССР от 26–28 июня 1940 г.
- ³³ Венский арбитраж состоялся 30 августа 1940 г. в Бельведерском дворце Вены при участии министров иностранных дел Германии (И. Риббентроп) и Италии (Г. Чиано). В результате арбитража Венгрия получила Трансильванию, уступленную Румынии после Первой мировой войны. Гарантами новой границы выступили Германия и Италия.
- ³⁴ История Румынии, 1918–1970. М., 1971. С. 387.
- ³⁵ Трансильванский вопрос. С. 232.
- ³⁶ Новиков Н. В. Пути и перепутья дипломата. С. 227–228.
- ³⁷ Паасикиви Ю.-К. Дневники: Война — продолжение, 11 марта 1941 — 27 июня 1944. СПб., 2004. С. 238, 239, 241, 262, 271, 274.
- ³⁸ Цит. по: Христофоров В. С. Финляндия: «Настало время установить контакт с Москвой» // Великая Отечественная война. 1943 год. М., 2013. С. 82.
- ³⁹ Широкопад А. Б. Северные войны России. М., 2001 — <http://regiment.ru/Lib/A/35/15.htm>
- ⁴⁰ Паасикиви Ю.-К. Дневники. С. 277–278.
- ⁴¹ Христофоров В. С. Финляндия: «Настало время установить контакт с Москвой». С. 105.
- ⁴² «Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности» включала следующие пункты: 1) продолжение войны против Германии и ее союзников до их безоговорочной капитуляции и окончательного сложения ими оружия; 2) после войны усилия победителей будут направлены на обеспечение мира и безопасности народов; 3) учреждение в кратчайший срок после войны Международной организации для поддержания мира и безопасности; 4) по окончании войны союзники не будут применять свои вооруженные силы на территориях других государств, кроме как после совместных консультаций и для целей, предусмотренных в этой Декларации.
- ⁴³ Христофоров В. С. Финляндия: «Настало время установить контакт с Москвой». С. 105.
- ⁴⁴ Там же. С. 108.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Тартуский мирный договор от 14 октября 1920 г. подписан после первой советско-финской войны 1918–1920 гг. Зафиксировал новые границы между РСФСР и Финляндией, закрепившие существенные территориальные приращения Финляндии в Заполярье и Баренцевом море. Установленная по договору морская граница в Финском заливе блокировала выход РСФСР в международные воды. Руководитель финской делегации на переговорах Ю.-К. Паасикиви следующим образом откомментировал территориальные приобретения Финляндии: «Слишком хорошая граница, чтобы оставаться постоянной» (Тартуский мирный договор между РСФСР и Финляндией — www.https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BO%D).
- ⁴⁷ Московский мирный договор от 12 марта 1940 г. передавал СССР полностью Карельский и Онежско-Ладожский перешейки — наиболее развитые в промышленном отношении районы, часть полуостровов Рыбачий и Средний на Лапландском берегу Северного Ледовитого океана.

- ⁴⁸ Христофоров В. С. Финляндия: «Настало время установить контакт с Москвой». С. 110.
- ⁴⁹ Христофоров В. С. «Финляндия должна добиться мира, но сохранить независимость» // Великая Отечественная война. 1944 год. С. 151.
- ⁵⁰ Цит. по: Комаров А. А. Выход Финляндии из Второй мировой войны: (По материалам Архива внешней политики России МИД России) // Северная Европа: Проблемы истории. М., 1995. С. 117–129. Электронная версия — <http://e-finland.ru/info/history/vyход-finlyandii-iz-vtoroyi-mirovoyi-voyiny.html>; <http://e-finland.ru/info/history/vyход-finlyandii-iz-vtoroyi-mirovoyi-voyiny/chast-2.html>
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Широкоград А. Б. Северные войны России.
- ⁵⁴ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 2010. С. 251.
- ⁵⁵ Филов. Б. Дневник. София, 1986. С. 484, 589, 596, 683, 687.
- ⁵⁶ Великие силы и България, 1944–1947. Т. 1: Примирieto между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари — октомври 1944 г.): Документи. София, 2014. С. 83–84.
- ⁵⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 42.
- ⁵⁸ Нота миссии СССР в Болгарии правительству Болгарии по вопросу об учреждении трех советских консульств, 18 мая 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы: В 3 т. М., 1976–1987. Т. 1: Ноябрь 1917 — сентябрь 1944 г. С. 593–594.
- ⁵⁹ Там же. С. 592 (Служебная записка министра иностранных дел Болгарии Д. Шишманова по вопросу об открытии советских консульств в Варне, Бургасе и Русе, 8 мая 1944 г.).
- ⁶⁰ Там же. С. 593.
- ⁶¹ Заявление Правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, обращенное к сателлитам гитлеровской Германии — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии. 13 мая 1944 г. — Там же. С. 593.
- ⁶² Спасов. Л. България и СССР, 1917–1944: (Политико-дипломатические отношения). София, 2008. С. 473.
- ⁶³ Дневник на Първан Драганов. София, 1993. С. 60.
- ⁶⁴ Болгария // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14-3(2): Красная армия в странах Центральной и Северной Европы и на Балканах. М., 2000. С. 84.
- ⁶⁵ Великие силы и България. С. 118 (Док. № 37).
- ⁶⁶ Нота правительства СССР правительству Болгарии с предложением немедленно прекратить пропуск немецких войск на румынскую территорию, 29 августа 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Т. 1. С. 600.
- ⁶⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 33. П. 113. Д. 6. Л. 40–41.
- ⁶⁸ Опровержение ТАСС по поводу так называемого «болгарского нейтралитета» // Известия. 1944. 30 августа.
- ⁶⁹ Подробнее см.: Мошанов Ст. Моята мисия в Кайро. София, 1991.
- ⁷⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 63. Д. 842. Л. 12.
- ⁷¹ План представителя Ставки Верховного Главнокомандования и командования 3-го Украинского фронта на болгарскую операцию, представленный Верховному Главнокомандующему Красной армии, 4 сентября 1944 г. // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947): Статии и документи. София, 1999. С. 190–192.
- ⁷² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 210.
- ⁷³ Донесение командования 2-го Украинского фронта в ставку ВГК о боевых действиях фронта и овладении совместно с румынскими войсками городами Брашов и Крайова (4 сентября 1944 г.); Приказ командующего армейской группой войск Красной армии командиру 3-го горнострелкового корпуса Румынии о совместном наступлении (6 сентября 1944 г.); Приказ командующего армейской группой войск Красной армии командующему 4-й румынской армией об организации обороны в Трансильвании (8 сентября 1944 г.) // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14-3(2). С. 39–40, 42, 44.
- ⁷⁴ Гибианский Л. Я. Советский Союз и Соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией // EtudesBalkaniques. № 1. Sofia, 1983. P. 16.
- ⁷⁵ Христофоров В. С. «Финляндия должна добиться мира..» С. 158.
- ⁷⁶ Там же. С. 164–165.
- ⁷⁷ Цит. по: Комаров А. А. Выход Финляндии из Второй мировой войны.
- ⁷⁸ Подробнее см.: Alfred J. Rieber. Zhdanov in Finland // The Carl Beck papers. Center for Russian East European Studies. Pittsburgh, 1995. P. 27–40.
- ⁷⁹ Известия. 1944. 10 сентября.
- ⁸⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 33. П. 113. Д. 3. Л. 15–17.
- ⁸¹ Там же. Л. 13.
- ⁸² Цит. по: Гибианский Л. Я. Советский Союз и Соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией. С. 21.
- ⁸³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 33. П. 113. Д. 3. Л. 18.
- ⁸⁴ Там же. Л. 14.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 06. Оп. 6. П. 63. Д. 842. Л. 29.

- ⁸⁶ Соглашение между правительствами Советского Союза, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, и правительством Болгарии, с другой стороны, о перемирии, 28 октября 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Т. 2. С. 39.
- ⁸⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 63. Д. 842. Л. 29.
- ⁸⁸ Советско-болгарские отношения и связи. Т. 2. С. 37–40.
- ⁸⁹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 6. П. 34. Д. 403а. Л. 39.
- ⁹⁰ По желанию болгарской делегации заседания проходили на русском языке.
- ⁹¹ Гибианский Л. Я. Антигитлеровская коалиция и Болгария на завершающем этапе Второй мировой войны // История и культура Болгарии. М., 1981. С. 265; Гибианский Л. Я. Советский Союз и Соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией. С. 94.
- ⁹² Из стенограммы информационного доклада секретаря ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов) Т. Костова в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) о положении в Болгарии, 26 января 1945 г. // Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997–1998. Т. 1. С. 144 (Док. № 41).
- ⁹³ Стыкалин А. С. Выход Венгрии из войны и западные союзники // Великая Отечественная война. 1944 год. С. 144.
- ⁹⁴ Вступив в войну на стороне Германии, венгерское правительство рассчитывало вернуть обширные территории Венгерского королевства, отошедшие по Трианонскому мирному договору 1920 г. к Румынии, Чехословакии, Югославии и Австрии. Письмо регента Венгрии М. Хорти И. В. Сталину с просьбой о поддержке Венгрии при выработке предварительных условий перемирия, конец сентября 1944 г. // Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 72–73 (Док. № 14).
- ⁹⁵ Horthy M. Emlékirataim. Budapest, 1993. 301.old.
- ⁹⁶ Предварительные условия перемирия, принятые делегацией Венгрии // Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 75–76 (Док. № 17).
- ⁹⁷ Представление заместителя начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии А. И. Антонова главе венгерской миссии генерал-полковнику Г. Фараго по поводу невыполнения принятых на себя Венгрией предварительных условий перемирия, 14 октября 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 103 (Док. № 19).
- ⁹⁸ Письмо премьер-министра Временного Национального правительства Венгрии политическому советнику при Уполномоченном Правительства СССР в Венгрии Г. М. Пушкину и члену Военного совета 2-го Украинского фронта генерал-полковнику И. З. Сусайкову с сообщением об объявлении Венгрией войны Германии // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14-3(2). С. 345 (Док. № 43).
- ⁹⁹ Венгерский дипломат Д. Барца в связи с этим констатировал: «Для Венгрии настоящей катастрофой стало то, что все предпринимавшиеся в ходе войны внешнеполитические акции из-за несовершенства исполнения, примитивизма не только захлебнулись, но повлекли за собой беды. При более квалифицированном, энергичном и последовательном исполнении планов можно было бы осуществить их успешно (об этом свидетельствует пример Румынии)» (Цит. по: Стыкалин А. С. Выход Венгрии из войны и западные союзники. С. 145).
- ¹⁰⁰ Цит. по: Гибианский Л. Я. Советский Союз и Соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией. С. 25–26.
- ¹⁰¹ Из дневника В. А. Зорина: Запись беседы с З. Фирлингером по вопросу о подготовке переговоров о перемирии с Венгрией 9 января 1945 г. // Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 133 (Док. № 38).
- ¹⁰² АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 86. Д. 297. Л. 7, 10; Ф. 07. Оп. 10. П. 15. Д. 195. Л. 2.
- ¹⁰³ Ижак Л. Политическая история Венгрии, 1944–1990. М., 2006. С. 22.
- ¹⁰⁴ По Первому Венскому арбитражу (1938 г.), согласовав свои позиции, Германия и Италия условились о передаче Венгрии южных районов Словакии и Закарпатской Украины, принадлежавших Чехословакии, а Второй Венский арбитраж (август 1940 г.) отторгнул у Румынии Северную Трансильванию.
- ¹⁰⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 152–157; Советско-болгарские отношения, 1944–1948 гг.: Документы и материалы. М., 1969. С. 37–42; <http://heninen.net/sopimus/1944.htm>; <http://law7.ru/base31/part7/d31ru7906.htm>; <http://www.runivers.ru/doc/d2>

Антигитлеровская коалиция и страны-сателлиты Германии: подготовка и заключение соглашений о перемирии

Подборка подготовлена Л. В. Ревякиной и Т. В. Волокитиной

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Принципы, предлагаемые к руководству при прекращении военных действий с европейскими членами оси

Сов. секретно

Перевод с английского

1 июля 1943 г.

1. Условия, которые будут предписаны любой европейской державе оси, должны представлять собой единый документ, исходящий от всех Объединенных Наций, которые находятся в состоянии войны с этой державой, и выражающий принцип безоговорочной капитуляции.
2. Если существует центральное правительство противника, с которым мы готовы вести переговоры, то лицо, облеченное полным доверием этого правительства, совместно со своим главнокомандующим должно подписать (условия перемирия), в противном случае перемирие не должно входить в силу до утверждения его этим правительством.
3. Если такого правительства не существует, условия перемирия должны быть подписаны только главнокомандующим противника. В этом случае условия, которые главнокомандующий противника не может выполнить из-за недостатка полномочий, должны быть опущены из соглашения о перемирии, которое, таким образом, будет прежде всего военным документом. Условия невоенного характера при необходимости должны войти в декларацию или воззвание, с которым выступят Объединенные Нации.
4. Если не имеется ни правительства противника, ни главнокомандующего, с которыми мы можем или готовы вести переговоры, военное сопротивление, по-видимому, может быть приведено к концу серией локальных капитуляций. Однако, вероятно, желательно, чтобы Объединенные Нации выпустили декларацию с изложением своих намерений в отношении побежденной державы. Эта декларация будет сопровождаться серией воззваний, выпускаемых союзным главнокомандующим и содержащих инструкции местным властям и населению.
5. Руководство проведением в жизнь любого перемирия должно быть сосредоточено в руках Межсоюзной комиссии по перемирию, председателем которой будут поочередно представители Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства. Комиссия организует свои штабы в соответствующей стране оси и будет ответственна за контроль над выполнением условий перемирия, в первую очередь по разоружению и демобилизации вражеских вооруженных сил, по сбору и размещению сдаваемых военных материалов и другой движимой собственности и по передаче укреплений и другой недвижимой собственности. Представители комиссии по перемирию будут посланы на освобожденные территории союзников для выполнения подобной задачи в отношении вражеских войск, расположенных там, и для организации их эвакуации или интернирования.

6. В случае отсутствия соглашения о перемирии (см. параграф 4) за осуществлением соответствующей части декларации должна наблюдать контрольная комиссия.
7. Любое соглашение о перемирии или декларация, по-видимому, должны предусматривать оккупацию, полную или частичную, соответствующей страны. В отношении Германии точный метод организации такой оккупации должен быть в первой инстанции предметом технического обсуждения между военными советниками Соединенного Королевства, США и СССР.
8. Главнокомандующий Объединенных Наций в любой оккупированной стране должен нести полную ответственность за поддержание закона и порядка.
9. Должен быть учрежден руководящий орган под названием «Европейская комиссия Объединенных Наций», состоящий из политических представителей высокого ранга Соединенного Королевства, США, СССР, Франции и малых европейских союзников, а также, если это будет желательно, то любого доминиона, готового содействовать управлению Европой. Комиссия должна иметь свое место пребывания в подходящем пункте на континенте. Комиссия будет действовать в качестве верховного полномочного органа Объединенных Наций в Европе для того, чтобы руководить и координировать деятельность различных комиссий по перемирию, союзных главнокомандующих и любых гражданских властей Объединенных Наций, которые могут быть учреждены, а также решать текущие проблемы — военные, политические и экономические, связанные с поддержанием порядка. В качестве руководящего органа этой комиссии должен быть учрежден «Руководящий Комитет», состоящий из представителей Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, СССР и Франции, если она восстановит свое величие. В «Руководящем Комитете» должно применяться правило единогласного принятия решений.
10. Вероятно, что по соглашению между Объединенными Нациями будут учреждены различные гражданские власти — одни в мировом масштабе, а другие — в европейском. Помимо администрации помощи и восстановления Объединенных Наций и межправительственного комитета, который может возникнуть в связи с решениями Бермудской конференции, предложено учредить Управление судоходством Объединенных Наций и европейское Управление внутреннего транспорта Объединенных Наций. Аналогичные органы могут потребоваться для контроля средств связи и пропаганды и для решения вопросов репараций и реституций и других экономических проблем. Эти организации, поскольку это касается и европейской деятельности, могли бы учредить свои штабы в том же городе, что и «Европейская комиссия Объединенных Наций», перед которой они ответственны и которой они могли бы оказывать необходимую техническую помощь.

1 июля 1943 года.

АВП РФ. Ф. 0511. Оп. 1. П. 1. Д. 1 Л. 33–37.

Копия. Машинопись.

Некоторые соображения о последовательности и о документах установления мира¹

Перевод с английского

Этот документ является собственностью

Правительства Его Британского Величества

Конфиденциально
(430/25/70)

Экз. № 53
исх. № 2646

Вручено сотрудником британского Министерства иностранных дел
Рональдом советнику посольства СССР в Лондоне т. Соболеву
2 июля 1943 г.

Примечание: В то время, как раздел I-й относится ко всем враждебным государствам, последующие разделы касаются главным образом Германии.

- I. — Формы и прецеденты.
 - (А) Определения
 - (Б) Прецеденты
 - II. — Некоторые существенные факторы.
 - III. — Возможные методы переговоров.
 - Вопрос о капитуляции
 - Вопрос о безусловной капитуляции
 - Преимущества и недостатки немедленного осуществления политических целей
 - (А) Преимущества
 - (Б) Недостатки
 - (В) Возможные документы
 - (1) при отсутствии предварительного мира
 - (2) при наличии предварительного мира
 - IV. — Возможность отсрочки решения.
- I. ФОРМЫ И ПРЕЦЕДЕНТЫ
- (А) Определения

(Всеобщее) перемирие, капитуляция, безусловная капитуляция, предварительные условия мира, предварительный мир, окончательный мир, всеобщий или окончательный акт

(Всеобщее) соглашение о перемирии является главным образом военным документом, но оно может быть лишь выработано путем переговоров по уполномочию правительств. Во многих случаях оно подписывалось политическими представителями. Оно не нуждается в ратификации. Оно обычно заключается на определенный период, но иногда и на неопределенный период; право расторжения может быть сохранено за победителями, как это было сделано во франко-германском соглашении о перемирии в 1940 г. Соглашение о перемирии может быть дополнено или изменено по возобновлении, но здесь появляются моральные соображения. Оно может содержать политические положения; последних, однако, обычно в нем не бывает.

Обычно учреждается комиссия по перемирию для надзора за выполнением условий перемирия. Она устанавливает контакт с аналогичной организацией противника, созданной для этой цели. К ней могут быть прикомандированы гражданские чины. В тех случаях, когда имеется намерение сделать перемирие длительным и осуществлять тщательный надзор за экономической жизнью страны, эта организация может быть весьма развитой.

Капитуляция является разновидностью перемирия. Она характеризуется своим местным или личным характером и главным образом применяется в случае сдачи крепостей или изолированных групп войск, а не для всех вооруженных сил нации. Но это слово употребляется для обозначения капитуляции в тех случаях, когда всякое сопротивление безнадежно, в то время как перемирие предполагает переговоры на более равных условиях. Однако о последнем перемирии Фош сказал, что оно было «полной капитуляцией».

Безусловная капитуляция не применялась к случаю прекращения военных действий целым государством. Ею пользовались в случае сдачи изолированных сил или в гражданской войне. Она означает, что условия, на которых прекращаются военные действия, будь то военные или политические условия, не являются предметом переговоров, а диктуются победителем без переговоров.

Предварительные условия мира обычно являются политическими условиями мира, на которых заключается перемирие. Они могут предшествовать или сопутствовать перемирию. Обычно они составляются в общих выражениях, хотя имеются многочисленные примеры ясного определения по частным вопросам. Они подписываются гражданскими лицами. В тех случаях, когда принимаются обязательства о существенных и перманентных уступках, иногда настаивают на ратификации законодательным органом. Состояние войны продолжается.

Предварительный мир является выражением, часто употребляемым для обозначения предварительного мирного договора. Он отличается от вышеуказанных предварительных условий мира в том отношении, что он означает (после ратификации) переход от войны к миру. Поэтому в некоторых странах он должен быть представлен законодательному органу. Он отличается от окончательного мирного договора тем, что некоторые из его постановлений могут касаться лишь принципов.

Эти принципы обычно являются вопросами, которые затрагивают другие государства. Он удобен при коалиционных войнах, если желательно установить состояние мира с одним государством в то время, как война продолжается против других, когда некоторые общие вопросы требуют обсуждения с государствами, продолжающими еще сопротивление.

Окончательный мир разрабатывает подробно общие принципы предварительных условий мира или предварительного мира; он может быть выработан путем переговоров без такой промежуточной стадии. Он подлежит ратификации.

Конвенции, касающиеся особых вопросов, часто прилагаются или разрабатываются путем переговоров позже. Они обладают теми же самыми характерными особенностями, как и документы, дополнением которых они являются.

Всеобщий или окончательный акт — в тех случаях, когда с любой из двух сторон имеется несколько государств, между всеми [н]ими или некоторыми из них могут быть заключены отдельные договоры, которые позже могут быть сведены в окончательный или всеобщий акт. (Основным примером является Венский договор 1815 г.)

Слова политические и военные употребляются для обозначения различия между отдаленными политическими или экономическими целями и немедленными мерами, необходимыми по соглашению о перемирии. В случае тотальной войны могут быть необходимы политические (например, пропаганда) или экономические (например, контроль над заводами) условия для обеспечения действия соглашения о перемирии, и эти условия могут потребовать детальной разработки их, если имеется намерение сделать перемирие длительным. Эти условия для целей настоящего документа могут быть названы военными условиями. Условия, рассчитанные на длительный срок, такие как решение вопроса о границах или об уплате репараций в течение некоторого периода, можно определить как политические. Имеются также некоторые условия, такие как выдача военных преступников и возврат особых предметов, которые можно будет лишь осуществить в том случае, если требования будут предъявлены немедленно. В настоящем документе такие условия также считаются военными.

(Б) Прецеденты

«Практика воюющих сторон с середины XIX века обнаруживает отсутствие единообразия в отношении как пользования такими документами, так и объема применяемых документов» (К. Чени Хайд. Международное право. Том II. Стр. 832). Существовали всякого рода комбинации. Была высказана мысль, что документы 1871 года знаменуют новую фазу в переходе к тотальной войне. Была сделана попытка осуществить в условиях перемирия и в предварительных условиях мира цели, ранее включавшиеся в окончательный договор.

Условия перемирий предназначались также для того, чтобы сделать невозможным дальнейшее сопротивление. Однако в 1918 г. ни один из прецедентов не был повторен и была использована новая форма предварительных условий мира, 14 пунктов и прочее. Эта война ведется таким способом, который не имеет себе прецедентов в современности, факт, который сам по себе оправдывает всякое отклонение от неудобного прецедента.

В то же самое время каждый из использованных документов был развит опытом и каждый из них обладает некоторыми преимуществами или недостатками. Если он будет использован для целей, для которых он не годится, могут возникнуть трудности. Перемирие главным образом предназначено для того, чтобы зафиксировать военное положение. Поскольку продолжаются военные действия, переговоры о перемирии приходится часто вести в быстро меняющихся условиях. Оно может сопровождаться, поскольку оно является публичным заявлением о признании поражения, политическими переменами или революцией в режиме побежденной страны. Лицами, ведущими переговоры, могут быть военные, которые заняты преимущественно военными вопросами. Связь с главами правительств может быть ненадежной. По этим причинам было главным образом принято, хотя и не без исключения, устанавливать военные условия, при которых прекращаются военные действия. Когда

туда вводились политические положения, они иногда позже вызывали большие трудности. Кроме того, в таком случае могут делаться заключения в отношении вопросов, не упомянутых там.

Поэтому предварительные условия мира вообще применялись для фиксирования политических условий. Но этот документ сам по себе является недостаточным для обеспечения соглашения между двумя сторонами на долгий срок. Его Положения обычно носят общий характер, причем состояние войны продолжается. Однако между союзниками можно добиться соглашения на общих условиях, когда нет времени или нет желания для детальных переговоров, которые могут вызвать столько споров, что это приведет к уменьшению военного усилия. Если ратификация произведена вполне представительным органом, бремя содержания вооруженной силы для обеспечения выполнения воли победителя может быть сокращено.

Предварительный мир является документом, созданным на более длительный срок, и он ближе подходит к окончательному миру, но предполагает необходимость дальнейших детальных переговоров по некоторым вопросам. Это однажды предлагалось в качестве решения проблем участниками переговоров в 1919 г., но эта попытка была вызвана путаницей в представлениях по этому вопросу. Поскольку мир можно лишь осуществить однажды, слово «предварительный» является действительно излишним. Предварительным является договор, а не мир.

<...>²

II. НЕКОТОРЫЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ

а) Невозможно предусмотреть ход событий, которые приведут к поражению Германии. Вероятно, что соглашения о перемирии с другими странами, как и в прошлой войне, будут предшествовать перемирию с Германией. Характер документа может зависеть от того, находится ли какая-либо из армий союзников на территории Германии.

б) Вероятно, что война с Японией продолжится после окончания военных действий в Европе. Это поглотит внимание глав правительств и может отразиться на переговорах с Советским Союзом о европейском мире.

в) На положении могут отразиться перемены режима в Германии. Если будет создано псевдолиберальное, коммунистическое или военное правительство, то применение одинаковых документов во всех случаях может оказаться неудобным. Вероятно, что, как и в прошлую войну, перемены в правительстве будут предшествовать предложениям о перемирии».

<...>

...Предполагается... что военные условия позволят союзникам навязать их волю Германии, когда это потребуется.

<...> «...Следует ли, помимо военных условий, предписывать политические условия немедленно или следует их отложить на неопределенный период — процесс „охлаждения“ (я: это «наиболее важное общее соображение»).

(А) **Преимущества** немедленного осуществления некоторых политических целей значительны (я: помогло бы достичь согласия среди союзников относительно этих целей. Это легче, чем делать это позже, «когда среди союзников могут возникнуть разногласия по другим разделам мирного устройства»).

Недостатки и трудности — «Попытка создать обширное и детальное соглашение среди союзников может вызвать такие трения, которые ослабят военные усилия»; «невероятно, чтобы соглашение было достигнуто по чисто германским вопросам без рассмотрения также других межсоюзнических вопросов, например восточных границ Польши, Проливов, Тихоокеанских территорий».

«Перемирие, если это желательно, легче заключить на короткий срок и дополнять его. Роль комиссии по перемирию, занимающейся непосредственными целями, можно легче описать в чисто военном документе».

АВП РФ.Ф.0511. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 22 — 26, 27, 28, 29, 30.

Копия. Машинопись.

¹ Перевел В. Павлов. Разослано: Сталину, Молотову, Ворошилову, Микояну, Берия, Маленкову, Вышинскому, Деканозову, Саксину.

² Далее идут разделы, касающиеся в основном Германии.

СССР — Польша и западные союзники: интересы, противоречия, результаты (1941–1944 гг.)

А. Ф. Носкова*

1. От военного поражения Польши к нормализации отношений с СССР.

Советская внешняя политика вообще и в годы Второй мировой войны в особенности была и остается объектом повышенного научного интереса интернационального сообщества историков. В полной мере это относится к ее польскому сегменту. Опубликованные за последние 20 лет многочисленные, долгие годы находившиеся на секретном хранении документы, казалось бы, позволили заполнить лакуны, существовавшие в событийном ряде истории отношений двух стран, и прояснить многие дискуссионные проблемы. Однако введенные в научный оборот новые архивные материалы стимулировали полемику прежде всего по проблеме стратегических замыслов Москвы, методов и средств продвижения к реализации советского долгосрочного геополитического плана в отношении Восточной Европы. В наше время обсуждается главный вопрос — что было целеполагающей мотивацией внешнеполитических действий СССР на восточноевропейском направлении весь период войны?

Документы высшего советского руководства дают основания считать, что сверхзадача Москвы была многоаспектной. Конкретно она состояла в защите Советского государства, обеспечении его сохранности и послевоенной безопасности посредством организации геополитически надежных государственных границ в Европе, и прежде всего с Польшей. Постепенно вызревала и была осознана перспектива превращения СССР в великую державу.

Внутренней гарантией принципиально новой международной позиции страны могла быть стабильность, лучше — незыблемость утвердившегося к началу войны политического режима при укреплении и расширении личной власти И. В. Сталина.

При таком подходе к долгосрочным намерениям советского руководства бытовавшие в 20-е годы замыслы мировой революции, советские конструкции системы коллективной безопасности в 30-е годы, проекты создания «пояса безопасности» по западным границам страны и получения сферы советского влияния в Восточной Европе, родившиеся на заключительном этапе войны концепции народной демократии, особых, национальных, путей к социализму, попытки их реализации в 40-е годы, и в конечном счете продвижение ряда стран Восточной Европы к «социализму по Сталину» — все это выступает как методы, средства, инструменты решения сверхзадачи на разных отрезках исторического пути СССР. Причем выбор инструмента обеспечения защиты страны зависел от ряда обстоятельств внутреннего и внешнего порядка и во многом от текущего исторического времени, которое «нормировало», вытесняло на глухую политическую периферию, а то и блокировало идеологические пристрастия Кремля и его реального «хозяина». В таком случае и советский лидер предстает далеко не одномерной фигурой, упорно реализующей идеологическую доктрину советских коммунистов. К нему с полным основанием могут быть применены не только распространенные в научной и около-

* **Алевтина Федоровна Носкова** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

научной литературе определения — жестокий деспот, хитрый, властолюбивый, беспощадный, циничный политик, коварный и чрезвычайно трудный партнер, но — и такие, какими его характеризовал, например, американский посол в СССР Дж. Кеннан: политический реалист, обладавший «бездной расчетливости», «дьявольским искусством тактика», «великим искусством управлять», «один из удивительных людей в мире»¹.

Наблюдения посла США, не единожды собеседника советского лидера, корреспондируются с известным бухаринским определением Сталина как «гениального дозировщика». Во многом они находят подтверждение в советской политике на самом важном и одновременно самом трудном — польском ее направлении. Важном, потому что через территорию Польши лежал кратчайший путь для Берлина на восток, а для Москвы — на запад. По мере того как гитлеровская Германия наращивала свой военно-экономический потенциал и демонстрировала агрессивные намерения в отношении соседних стран, возрастала геополитически ключевая роль Польши в регионе. От ее позиции, не меньше, чем от позиции главных польских союзниц, Великобритании и Франции, зависело то или иное разрешение международного кризиса 1938–1939 гг.

Все это было архиважно для Советского Союза, если иметь в виду двусторонние советско-польские отношения. В межвоенный период межгосударственные связи СССР и Польши, лишь временам улучшаясь, колебались в диапазоне от напряженных до плохих и очень плохих. Они постоянно испытывали, хотя и разнонаправленное, воздействие итогов польско-советской войны 1919–1920 гг. Польша, победившая силой оружия, так «высекла» свои восточные границы (по мирному договору 1921 г., заключенному с Советской Россией, и в результате оккупации польскими войсками с согласия Верховного совета Антанты всей Восточной Галиции), что в составе польского государства оказались многонациональные территории бывших Российской и Австро-Венгерской империй, населенные преимущественно украинцами, белорусами, евреями и русскими. Вооруженным путем был приобретен и литовский Виленский край².

При столь непростом национальном составе «молодого» государства стране требовались непростые и осторожные действия столь же «молодой» польской власти имущей

группировки. Однако полонизация и колонизация приобретенных территорий, названных Варшавой «восточными кресами», породили и непрерывно усиливали противоречия между властью польского меньшинства и большинством непольского населения, испытывавшим нарастающее национальное угнетение, религиозное притеснение и социальное неравенство. Стихийные бунты украинских и белорусских крестьян подавлялись польской полицией и нередко при поддержке армии. В результате на юго-восточных и в меньшей степени на восточных землях Польши возникли очаги социального и национального протеста. Значительное распространение получили идеи украинского национализма и сепаратизма, которые представляли серьезную угрозу внутренней стабильности страны³. Польское правительство имело основания беспокоиться за территориальную целостность и устойчивость восточных границ как по внутренним, так и по внешнеполитическим причинам.

В Советской России осознавали серьезность утраты территории, где проживал не один миллион народа, родственного советским украинцам и белорусам, но действовали в границах, допускавшихся условиями мирного договора 1921 г., ограничивались требованиями соблюдения поляками прав национальных меньшинств на национальные и культурные организации, использование родного языка и национальную школу. Такие права договором провозглашались, но обязательства власти не устанавливались⁴. Поэтому советские усилия не достигали цели, но служили неким напоминанием Польше о возможных переменах.

В целом и Польша, и СССР, особенно в 20-е годы, демонстрировали каждая со своей стороны обоюдное недоверие, балансировавшее на грани враждебности. Варшава тайно поддерживала зародившееся после Первой мировой войны «прометейское» движение, целью которого было ослабление и расчленение Советской России/СССР посредством организации националистических движений за независимость нерусских народов бывшей Российской империи и создание от Белого моря до Каспийского некоего противовеса восточному соседу — конфедерации «малых» государств во главе с Польшей. В польских интересах использовалась антисоветская подрывная деятельность белоэмигрантских организаций на ее территории. Москва, со своей стороны, не прекращала поддерживать, в том числе и финансами, Компартию Поль-

ши, а также связанные с коммунистами национально-освободительные движения украинцев и белорусов. Советские спецслужбы по каналам КПП вели разведывательную работу в Польше и Европе.

Хотя в 1932 г. две страны заключили Декларацию о ненападении, а в 1934 г. продлили срок ее действия⁵, хотя Советский Союз, как и Польша, стал членом Лиги Наций и, казалось, возникли «площадки» для налаживания отношений, политики в Варшаве и Москве понимали, что глубинный территориальный спор и в латентном состоянии продолжал питать конфликтный потенциал двусторонних отношений.

Польша декларировала и пыталась проводить политику «равноудаленности» от своих больших соседей, но рассчитывала на примирение с Германией и «дружила» с ней вплоть до 1939 г. Она не приняла в должной мере во внимание военно-экономический рост, агрессивность последней в политике и нараставшее принуждение Польши к территориальным уступкам. Главной внешней угрозой безопасности и территориальной целостности страны в Варшаве продолжали считать восточного соседа, готовили план отражения его нападения. Отношения с СССР неуклонно ухудшались⁶.

В Советском Союзе, где долгие годы воспринимали Польшу как своего основного военного противника, в середине 30-х годов, наблюдая то, что происходило в гитлеровской Германии, осознали возможность войны в Европе; последовало увеличение вложений в промышленность оборонного назначения, изменилось мнение о главном для страны источнике внешней агрессии. Польскую угрозу «отодвинули» на второй план. Однако усилия советских дипломатов организовать в Европе выгодную для страны систему коллективной безопасности, оградить СССР от большого конфликта, не допустив крупных осложнений в отношениях на польском направлении, не дали нужных результатов.

Осенью 1938 г. начался и весной 1939 г. завершился первый этап международного кризиса в Европе. Точка невозврата в разрушении всей системы международных отношений, сложившихся после Первой мировой войны, была пройдена. СССР избежал своего участия на этом этапе кризиса. Польша же «закрепила» «дружбу» с Германией, поучаствовав в территориальном расчленении Чехословакии, что вовсе не оградило ее от опасности именно со сторо-

ны Германии. Напротив, 1 сентября 1939 г. она стала очередной жертвой гитлеровской агрессии. Страна показала абсолютную неготовность к отражению нападения с запада, но сражалась с вермахтом до капитуляции Варшавы в конце сентября. К этому времени Польшу покинули Верховный главнокомандующий Войска Польского и правительство⁷. Польская армия проиграла сражение за свою независимость, но польский народ сопротивлением агрессору положил конец «мирным» расправам нацистов над странами и народами.

Надо отметить, что польское правительство противодействовало созданию вместе с СССР системы коллективного противостояния Германии. И тем оно внесло свою «лепту» в сомнения Москвы по поводу политики Великобритании и Франции, ускорив принятие советского решения о сотрудничестве с Германией. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан пакт о ненападении с Германией. К нему предлагался секретный протокол о разграничении советских и немецких интересов в Восточной Европе. Судьбы Польши касался 2-й пункт протокола, определявший линию этого разграничения по рекам Нарев — Висла — Сан «в случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству...». Стороны обязывались «путем дружеского согласия» решить вопрос, желательно ли сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства...»⁸.

К выполнению названного пункта вместе с Германией Москва не приступила и затягивала реализацию своих намерений. Реагируя на объявление 3 сентября войны Германии союзниками Польши — Великобританией и Францией, — она демонстрировала отдельную от Германии, некую стороннюю позицию, сделав заявление о советском нейтралитете. В «польском вопросе» советские руководители, находясь с первых дней войны в контакте с Берлином, «вели более тонкую игру, <...> не хотели выглядеть воюющим союзником Германии и соучастником очередного раздела Польши <...>, не хотели закрывать двери для контактов с Англией и Францией, также создавая впечатление, что Советский Союз ведет свою игру»⁹.

Эту «отдельность» от Германии, адресованную как внешнему миру, так и собственным гражданам, советская сторона выдержала. В ночь с 16 на 17 сентября послу Польши в СССР В. Гжибовскому была доставлена нота, содер-

жание которой ограничивалось утверждением об утрате силы договоров, заключенных между СССР и Польшей, по причине «распада» польского правительства и прекращения «фактического существования» Польского государства. Указывалось, что советское правительство, «будучи доселе нейтральным, не может более нейтрально относиться к этим фактам»¹⁰. Была найдена и формула «непересечения» с действиями Германии: приказ советским войскам перейти советско-польскую границу объяснялся защитой «жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии». В тексте ноты отсутствовал и намек на совместное с Германией участие в войне против Польши. Не проводя повсеместных и серьезных боевых действий, чему способствовал приказ командования Войска Польского по армии: «С Советами не воевать», Красная армия заняла те территории, где преобладало украинское, белорусское, еврейское и русское население¹¹.

Выдвинув на первый план идею защиты национальных меньшинств и руководствуясь собственными представлениями о путях достижения безопасности страны посредством соединения народов, разделенных государственными границами, Москва получила искомый эффект на Западе: ее действия не обернулись военно-политической угрозой со стороны Великобритании и Франции. Как записал 17 и 19 сентября в дневнике посол СССР в Лондоне И. М. Майский, хотя «переход Кр[асной] Армии через польскую границу вызвал здесь [в Лондоне] настоящее потрясение», но серьезная акция Англии «сейчас явно не по силам». Это, по словам посла, подтвердили 18 сентября «беззубое заявление, даже не протест, по поводу наших действий в Польше», а также заседание английского парламента 20 сентября, где консерватор Р. Бутси, объясняя действия Москвы интересами самосохранения, доказывал, что «с точки зрения национальных интересов Англии появление советских войск на польско-румынской границе — положительное явление и что опаснее всего в настоящий момент было бы [пускаться в моральные поучения. — Англ.]...»¹²

Отдельная позиция СССР по «польскому вопросу» была выдержана и при подписании 28 сентября Договора о дружбе между СССР и Германией, по которому стороны устанавливали границу «между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства». Москва, и это

отметили в Лондоне, не посягнула на этнически польские территории. В тот же день было подписано заявление советского и германского правительств о том, что стороны «окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства», и предлагали прекратить войну между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой¹³.

Обе союзницы Польши не приняли предложение о мире, но не прервали дипломатических отношений с Москвой. В Лондоне, как записал 3 октября в дневнике Майский, не произошло «ничего сенсационного»: «премьер не только не объявил нам войны, он даже не рискнул высказать осуждения московскому договору. Он лишь подчеркнул, что события последней недели не внесли ничего нового <...>, Англия и Франция будут продолжать войну до сокрушения гитлеризма». У. Черчилль, тогда военно-морской министр, беседуя с Майским 6 октября, рассуждал: «В настоящий момент, как и раньше, основные интересы Англии и СССР не сталкиваются, а совпадают. Стало быть, есть база для добрых отношений между обеими странами. <...> Сталин сейчас играет большую игру, и играет ее счастливо. Он может быть доволен. Но я не вижу, почему мы должны быть недовольны?» Слова Черчилля позволили советскому послу сделать вывод: «Брит[анское] пра[вительство] принимает наше заявление о нейтралитете как положительный факт и только хотело бы, чтобы это был *дружественный нейтралитет*» (выделено в документе. — А. Н.)¹⁴.

В США относились к событиям в Европе спокойно. Госсекретарь К. Хэлл и президент Ф. Д. Рузвельт не рассматривали Россию как государство, «воюющее в равной мере, как Германия», чтобы не толкнуть ее «ещё дальше в объятия Гитлера». За океаном надеялись: СССР и Германия «полностью не станут союзниками», ибо «Гитлер не оставит своих претензий к России»¹⁵. Таким образом, в сентябре 1939 г. Москва «успешно избежала опасности быть вовлеченной Германией в войну с Польшей», обошла нарушение отношений с западными союзниками Польши и тем самым сохранила последним возможность не вступать в реальную войну за Польшу до начала «большой» мировой войны в июне 1941 г.¹⁶

Довоенное польское правительство, интернированное в Румынию, немедленно уведомило посольства в Лондоне и Париже, что 17 сентября имела место неспровоцированная советская

агрессия. Но официального заявления о войне с СССР тоже не последовало. Не предпринял такого шага и созданный 30 сентября во Франции кабинет в изгнании во главе с генералом В. Сикорским. В ноте протеста «против заговора между Берлином и Москвой» говорилось лишь то, что Польша никогда не согласится с этим актом насилия. Польские министры полагали, что Польша де-факто, но не де-юре находится в состоянии войны с СССР¹⁷.

Такая позиция поляков не совпадала с пониманием ситуации западными державами. Английское правительство исходило из того, что так называемая «линия Керзона» отделяет от Польши территории «в основном не польские, а украинские и белорусские». Премьер-министр Н. Чемберлен и министр иностранных дел Э. Галифакс, принимая 12 октября министра иностранных дел Польши А. Залеского, не скрывали, что «Польша не может рассчитывать на то, что Великобритания начнет войну против Советской России затем, чтобы Польша получила те земли, которые заняты Советами». Они убеждали этого сторонника объявления Польшей войны Москве, что «непосредственная цель, к которой стремятся союзники, — победа над Германией, должна быть также ближайшей целью поляков» и не следует допускать каких-либо действий, направленных против СССР¹⁸.

Польское правительство эти указания на сдержанность учитывало лишь отчасти, и разногласия с английским руководством в оценках действий СССР не исчезли. Лондон хотел разгрома Германии, предпочитая видеть Сталина в качестве союзника. «Польский» Лондон хотел схватки Германии и СССР, которая, ослабив двух врагов Польши, создала бы условия для восстановления восточной довоенной границы и расширения территории за счет Германии. Эта граница оставалась для польского общества символом независимости от СССР, использовалась политиками как объединяющая всех поляков национальная идея.

Итак, к июню 1941 г. внешнеполитический потенциал СССР и Польши был разным. СССР сохранил нормальные дипломатические контакты как с Англией, успешно сражавшейся с Германией, так и с США, которые из-за океана «приглядывали» за развитием ситуации в Европе. Союзники «записывали» Москве в актив ее нейтралитет и передвижение западной границы в глубь континента. В июне 1941 г. они не испытывали трудностей при выборе действий после

нападения гитлеровцев на СССР, когда ускорился процесс формирования антигитлеровской военно-политической коалиции: 12 июля 1941 г. было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях в войне; 18 июля подобный документ Москва подписала с чехословацким правительством, находившимся в Лондоне; в декабре 1941 г. в войну против Германии вступили США.

Польская сторона имела к этому времени лишь объявленную союзниками войну Германии, но не реальные боевые действия в защиту Польши. Не получила она от Лондона и главного обещания: «включить в свои [то есть английские] цели восстановление Польши в ее довоенных границах». Это означало, что Великобритания не намеревалась поддерживать Польшу в многовековом геополитическом споре с Россией/СССР за контроль над восточными креслами, по-польски, или Западной Украиной и Западной Белоруссией, по-советски, — территориями, лежавшими восточнее «линии Керзона», за р. Буг. Такое мнение Лондона делало уязвимыми позиции Польши по вопросу, столь принципиальному для польского правительства. Не было у Польши надежного внешнеполитического партнера и на ее южных границах. Между В. Сикорским, выдвинувшим проект создания конфедерации «малых» стран, располагавшихся в основном по периметру западных советских границ, и президентом соседней Чехословакии Э. Бенешем отсутствовало единодушие в оценке роли СССР. Замысел Сикорского о конфедерации содержал заведомо антисоветскую составляющую. Бенеш же стремился к союзным отношениям с Москвой, видел потребность в общей границе с СССР. Во имя этого он готов был избавиться от «чехословацких» украинцев, уступив Москве территорию Подкарпатской Руси.

Польский премьер, будучи не только боевым генералом, уловил принципиальные перемены, которые внесли в расстановку международных сил нападение Германии на СССР и тот решительный выбор, который сделал тогда Черчилль. Если 22 июня правительство не собиралось сотрудничать с Москвой против Германии, то 23 июня Сикорский, вслед за английским премьер-министром, фактически приглашал СССР к диалогу. Правда, с условием признания Москвой довоенного межгосударственного разграничения. Советское руководство 3 июля 1941 г. отреагировало телеграммой Майскому: «Мы стоим за создание независимого польского

государства в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР, причем вопрос о характере государственного режима Польши советское правительство считает внутренним делом самих поляков». Так Москва де-факто денонсировала пакт с Гитлером, сохранив территориальные приобретения 1939 г. Многозначительным было и решение правительства «создать [на территории СССР] национальные комитеты и национальные части и оказать полякам, чехам и югославам помощь в деле вооружения и обмундирования этих национальных частей»¹⁹. Последнее означало предложение Польше боевого сотрудничества и предупреждение о возможности иной политики руководства СССР на польском направлении²⁰.

Уже первые шаги сторон выявили немало трудностей во взаимодействии, но враг был обещан, и следовало договариваться. Принципы советско-польских соглашений определялись в Москве в ходе бесед И. В. Сталина, В. М. Молотова и английского посла С. Криппса. Сталин выразил согласие на просьбу польской стороны освободить всех польских граждан, находившихся в местах изоляции на территории СССР, и конкретизировал условия сотрудничества в деле создания польской армии. Поступали благоприятные «сигналы» и из Вашингтона.

Поляки затягивали переговоры, пытались добиться хотя бы косвенного признания Москвой довоенной польско-советской границы: «Москва, записал в дневнике Майский, — не выдержала и заявила: если поляки не примут уже согласованных ранее формулировок, то могут отправляться на все четыре стороны. Обойдемся и без поляков... Сикорский сразу же снял свои поправки». Министр иностранных дел Великобритании Э. Иден играл в переговорах в Лондоне, по мнению Майского, «несомненно, очень крупную роль <...>, без него мы с поляками вообще не договорились бы... Иден совершенно определенно заявил Сикорскому... что о признании старых границ со стороны брит[анского] пра[вительства] не может быть и речи»²¹. Однако Великобритания не давала обещаний гарантировать как польско-советскую границу 1921 г., так и советско-польскую границу по состоянию на 22 июня 1941 г.

Согласовать позиции СССР и Польши было трудно, но компромисс состоялся. 30 июля «Соглашение между правительством СССР и правительством Польской Республики о вос-

становлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР» было подписано. СССР признал «утратившими силу» договоренности 1939 г. с Германией, касавшиеся «территориальных перемен в Польше». Найденная формулировка устраивала в середине 1941 г. и советскую, и польскую сторону: Москва избежала точного определения своей позиции тогда, когда итоги войны были еще впереди; польская сторона получала некую «зацепку» для дальнейших переговоров. Важно отметить, что этот пункт соглашения не создавал трудностей в конкретном сотрудничестве. Говорилось о восстановлении отношений двух стран, об оказании друг другу всякого рода помощи и поддержки в войне с Германией, фиксировалось согласие Москвы на создание «на территории СССР польской армии под командованием, назначенным польским правительством с согласия советского правительства». Отмечалось, что армия «будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного командования СССР, в составе которого будет состоять представитель Польской армии»²².

К основному документу прилагался протокол о намерении советского руководства предоставить «амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях». По данным НКВД СССР на сентябрь 1941 г., было амнистировано 389 041 человек, арестованных и депортированных в 1939–1941 гг., из 389 382 учтённых польских граждан из западных областей Украины и Белоруссии. 201 тысячу амнистированных составляли этнические поляки.²³

14 августа 1941 г. стороны подписали Военное соглашение о создании «в кратчайший срок» сухопутных польских подразделений как составной части «вооруженных войск суверенной Польской Республики». Польская армия в 30 тыс. человек создавалась «для совместной с войсками СССР и *иных союзных держав* борьбы против Германии» (подч. — А.Н.). Предполагалось их возвращение в Польшу после войны. По достижении полной боевой готовности, говорилось в документе, «польские армейские части будут двинуты на фронт <...> использованы в соответствии с оперативными планами Верховного командования СССР». По рекомендации советской контрразведки командующим армией, с согласия Польши, был назначен генерал Войска Польского В. Андерс²⁴.

2. Трудное советско-польское взаимодействие

В. Сикорский понимал, что польская армия в СССР становилась военно-политическим фактором, укреплявшим его позиции в коалиционном правительстве и возможности на международной арене, прежде всего в отношениях с Москвой. Польша претендовала на политический статус если не равный, то близкий статусу ее западных союзников. По словам посла Польши в СССР С. Кота, имелось в виду участие Сикорского в группе, «состоящей из Сталина, Черчилля и Рузвельта, которая определит послевоенную организацию мира». Претендовала Польша и на свою зону оккупации поверженной Германии, на долю ее бывших колоний. Став крупной силой, польская армия в СССР при благоприятном развитии событий и участии в освобождении Польши обеспечила бы возвращение правительства из эмиграции, преемственность власти и невмешательство внешних сил во внутренние дела страны. Для этого, как признавал Сикорский в начале 1942 г., надо постараться, чтобы эта армия пришла в Польшу, что возможно при сохранении дружеских отношений с Москвой²⁵.

Несмотря на многочисленные трудности общая заинтересованность сторон в разгроме Германии продвигала дело военного сотрудничества вперед. Острой оставалась проблема формирования офицерского корпуса и вооружения польских частей²⁶.

Помимо заметного продвижения сотрудничества СССР и Польши в военном направлении, налаживалось взаимодействие при решении многих иных, сугубо гражданских вопросов, но и здесь были трудности, в том числе политического свойства. Представители Польши оспаривали правомочность Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г., по которому советским гражданством были наделены все бывшие польские граждане, находившиеся на 1–2 ноября 1939 г. на новых территориях СССР, а военнообязанные жители в 1940–1941 гг. призывались в Красную армию. Возникла конфликтная ситуация, которую советское руководство разрешило, допустив возможность призыва этнических поляков в польскую армию.

В декабре 1941 г. состоялся визит В. Сикорского в Москву. Он начался со встречи 3 декабря с главой советского правительства и Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным, который предложил обсудить широкий

круг проблем сотрудничества, включая вопрос о границах Польши. Сикорский настаивал на решении двух вопросов: улучшение положения польского населения и ускорение формирования армии. Советская сторона согласилась принять меры к улучшению ситуации поляков в СССР, проявила готовность предоставить на эти цели заем в 100 млн руб. Прозвучало согласие увеличить представительства посольства на местах.

Подписанное военное соглашение допускало действия польской армии против гитлеровцев как вместе с советскими войсками, так и с войсками «иных союзных держав». На этом основании в конце сентября 1941 г. Черчилль предложил Сикорскому перебазировать польские дивизии на Кавказ, откуда они «в случае необходимости могли бы войти в контакт с британскими войсками». Вскоре речь пошла о передислокации «возможно большого числа» этих войск в Иран, где они получают английское вооружение и будут обучены²⁷. Сикорский план принял и уведомил об этом Москву, которая дала согласие на перевод в Англию польских лётчиков и моряков, а также 20–25 тыс. солдат в Иран. В ходе беседы в Кремле в декабре 1941 г. Сикорский известил Сталина о намерении эвакуировать на Ближний Восток всю армию и призывной контингент, который будет зачислен в ее ряды в дальнейшем, включая добровольцев. Реакция Сталина на известие генерала, армию которого он хотел видеть боевым союзником, была отрицательной: «Мы не можем заставить поляков драться. <...> В Иран так в Иран! Пожалуйста. <...> У нас войска хватит, обойдемся без вас. Можем всех отдать. Сами справимся. Отвоюем Польшу и тогда вам ее отдадим». Советский лидер назвал и заинтересованное лицо: «...польским войскам, которые будут находиться в Иране, придется бороться там, где этого пожелают англичане». Он не скрывал советской заинтересованности в совместной борьбе против Германии, что способствует улучшению советско-польских отношений, вывод же польской армии нанесет вред общему делу. Как писал в Лондон участник беседы С. Кот, «вывод польской армии из России он [Сталин] считал бы обидой себе и России»²⁸.

Сикорский отступил и снял вопрос о выводе армии. Сталин, со своей стороны, дал согласие направлять в польскую армию всех военнообязанных польских граждан, «где бы они ни находились», продолжить формирование польских дивизий до 96 тысяч человек, передисло-

цировать ее в южные районы СССР, предоставить на военные нужды кредит в 300 млн руб. Стороны договорились, что польские части по достижении боевой готовности «будут двинуты на фронт». В итоге обмена мнениями, по словам А. Я. Вышинского, «драматический момент» в переговорах получил «благополучное разрешение», правда, лишь временное²⁹.

В ходе переговоров были обсуждены принятые еще летом 1941 г. решения о взаимодействии в тылу вермахта советской разведки с разведкой польского вооруженного подполья. Из рассекреченных материалов Архива Службы внешней разведки РФ следует, что реализовать договоренности было непросто. Важнейшим заданием польской разведки Сикорский считал «установление сил и размещения немецких резервов на Восточном фронте». В этом была заинтересована и советская сторона. Но, согласно указаниям В. Сикорского В. Андерсу, польской разведке предлагалось руководствоваться «общими правилами» и работу «проводить с таким расчетом, чтобы не только обслужить потребности этой войны и будущего восстания в Польше, но и создать постоянные условия для нашей разведки на Востоке и в послевоенное время». Разведслужбам предписывалось «ни в каких случаях и ни при каких условиях» не контактировать с ячейками советской разведки, чтобы «исключить возможность расконспирирования разведсети и проникновения НКВД через эту сеть в организацию СВБ³⁰ в Польше». «Особые указания» Андерсу свидетельствовали о поставленной перед польской разведкой задаче: предельно сузив взаимодействие с советской стороной, «освоить» советские территории, «создавать пляцувки³¹ на территориях, лежащих дальше на восток <...>, а также обставить своей сетью территорию вблизи советско-польской границы...» Что же касается передачи срочных сведений советскому командованию, то, как говорилось в документе, «это явление для нас невыгодно», предлагалось «категорическим образом» запретить «какие бы то ни было связи нашей разведки с советской разведкой на этой территории <...>. На попытки со стороны советской разведки к установлению контакта с нашей разведкой не обращать внимания»³². При таких ориентировках Сикорского сотрудничество разведслужб двух стран вряд ли могло принести нужные плоды.

В первый день переговоров в Кремле произошло крайне нежелательное для Сталина событие: Сикорский передал ему список, со-

державший фамилии на 3,5 тысячи офицеров, попавших в советский плен в сентябре 1939 г., но не найденных польской стороной в СССР в 1941 г. Вынужденный отвечать, Сталин не нашел другого объяснения, кроме того, что «все освобождены» и «бежали в Манчжурию». Полякам, которые уже знали правду о судьбе военнопленных, содержавшихся в одном из лагерей, была ясна фальшивость ответа. Но время признать факт расстрела польских офицеров по решению Политбюро ЦК ВКП(б) весной 1940 г. еще не пришло. Английское и американское правительства тогда не рекомендовали Сикорскому «давить» на Москву. Не было большого «интереса» и у гитлеровской Германии, поскольку военно-оперативной и, как казалось Берлину, стратегической инициативой на Восточном фронте владел вермахт.

Польский премьер-министр пытался поставить на обсуждение вопрос о подтверждении Москвой довоенной польско-советской границы, но снял его. Сикорский учел благожелательный в целом тон переговоров и принципиальный характер рассуждений Сталина, который предлагал разработать соглашение от 30 июля до уровня союзного договора о межгосударственных отношениях во время и после войны, признавал, что западная польская граница должна опираться на р. Одер, а Восточная Пруссия — принадлежать Польше. Сталин допускал и корректировку границы 1941 г., в частности возвращение в итоге будущих договоренностей Львова Польше³³. Сикорский, который понял, что Сталин предлагает ему вариант разрешения межгосударственных споров путём продвижения территории Польши с востока на запад, уклонился от обсуждения такого «обмена», но о предложениях Москвы уведомил Черчилля.

Тогда, в декабре 1941 г., это не были просто слова Сталина. Излагалась рождавшаяся концепция компенсации потерь Польши на востоке приращениями на западе и расширением выхода к Балтике. В ходе беседы 16 декабря 1941 г. с прибывшим в Москву Иденом Сталин уведомил его о готовности поддерживать претензии польского правительства на часть территории Германии при условии сохранения за СССР почти всего того, что было получено осенью 1939 г. на востоке Польши. В одном из советских документов, представленных Идену, польские границы выглядели так: «Восстановление Польши в границах 1939 г. с оставлением в пользу СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, за исключением районов с пре-

обладающим польским населением (оставить в составе Польши город Львов при условии передачи СССР Белостока и Вильно или, наоборот, передачи Польше Вильно и Белостока, с оставлением Львова в СССР), а также — расширение территории Польши за счет западной части Восточной Пруссии». Позднее Иден так определил смысл этого документа: «Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России»³⁴. Можно добавить — и безопасности самой Польши.

Таким образом, позиции как советского, так и польского правительств по генеральному противоречию о межгосударственной границе не претерпели к концу 1941 г. существенных изменений, хотя Сталин и заявлял о некоторых территориальных уступках в случае начала двусторонних переговоров по этому вопросу. Но стороны, отложив неразрешимые пока проблемы, сохранили курс на военное взаимодействие против Германии и политическое сотрудничество. 15 декабря Сикорский поздравил Сталина с победами Красной армии под Москвой: «Выражаю Вам, вождю, создателю этой армии, мой восторг ее действиями в борьбе за общее дело, дело свободы народов...»³⁵

Советская сторона при всех многочисленных объективных трудностях военного времени тем не менее исполняла просьбы и пожелания польского союзника. 6 декабря 1941 г. генерал Андерс в беседе с военным корреспондентом газеты «Правда» выразил полное удовлетворение теми усилиями, которые прилагали советские представители, содействуя созданию польской армии. Авторитетный польский историк Е. Дурачинский считает декабрь 1941 — январь 1942 г. временем, когда СССР и отношения с Москвой находились на вершине приоритетов польской внешней политики, когда «„восточная политика” В. Сикорского пользовалась самой широкой поддержкой польской политической и военной элиты в эмиграции и в оккупированной стране»³⁶.

Несмотря на, казалось бы, успешные переговоры Сикорского в Москве, 1942 год прошел в целом под знаком обострения советско-польских отношений. Проявилась бесконечная череда противоречий, нарастала напряженность на разных уровнях отношений, расширились негативные настроения польской диаспоры в СССР. Советское руководство продолжало

идти навстречу новому союзнику, содействуя посольству в обслуживании нужд польского населения. В районах его компактного проживания открывались представительства посольства, они действовали через доверенных лиц на местах. Созданная посольством система связи с польским населением была предназначена для обеспечения социальных, культурных и религиозных запросов поляков. Но фактически в немалой мере эта система взяла на себя выполнение консульских функций, на что не имела согласия НКВД СССР. Подобные действия, а также факты нелояльности и антисоветских выступлений, обнаруженные контакты доверенных лиц посольства с польской разведкой советская сторона до поры до времени «не замечала», периодически указывая лишь на недопустимое превышение оговоренных полномочий, нарушение законодательства СССР³⁷.

Решения, которые приняли Сталин и Сикорский о развертывании и перебазировании польской армии в южные районы СССР, на 1 марта 1942 г. были советской стороной выполнены. Армия насчитывала 60 тыс. человек, включая 3090 офицеров. Время шло, но вопрос о выходе поляков на фронт польское командование не ставило, аргументируя это трудностями передислокации, нехваткой вооружения. Все сложности, что называли поляки, имели место в самом тяжелом для СССР 1942 году. В таких же условиях жила страна, ее люди и воевала Красная армия. Главное, чего недоставало польскому правительству и командованию польской армии, это намерения воевать против гитлеровцев на Восточном фронте и готовности сделать политический выбор тогда, когда, могло казаться, все еще неясны перспективы войны и судьба СССР³⁸.

В начале 1942 г. Андерс категорически отказался отправить завершившую боевую подготовку польскую дивизию на фронт. 18 марта он был принят Сталиным, сообщил, что отправке в Иран подлежат до 40 тыс. поляков, и услышал в ответ: «Этот вопрос не встретит затруднений». Ход эвакуации обсуждался 28 марта на заседании смешанной советско-польской комиссии. Было признано, что «перевозки по железным дорогам и морю властями СССР осуществляются в строгом соответствии с разработанным планом <...>. Генерал Андерс заявил, что никаких претензий к советским властям <...> не имеется <...>, и польское командование выражает благодарность за четкую организацию эвакуации...» Уже в марте — апреле через эвакуаци-

онную базу в Красноводске, начальником которой был полковник польской армии С. Берлинг; в Иран выехали около 31,5 тыс. польских солдат и офицеров и около 12,5 тыс. гражданских лиц³⁹.

Вывод армии за пределы СССР был начат при обоюдном согласии, но по разным причинам: поляки к нему стремились, советская сторона не возражала. На территории СССР оставались три боеспособные польские дивизии, командование, офицеры штаба и вспомогательные подразделения. Все свидетельствовало об ухудшении советско-польских отношений. В числе немногих ученых современной Польши Е. Дурачинский считает «частичный вывод армии <...> скорее поражением, чем успехом политики Сикорского», поскольку, не вызвав стремительного обострения взаимных отношений, эта эвакуация «определила направление их эволюции»⁴⁰. Действительно, не исчерпав всех возможностей нелегкого сотрудничества, стороны вошли в период конфликтных отношений.

Начавшимся выводом польских частей из СССР была удовлетворена английская сторона. Правда, трудно сказать, что здесь преобладало: то, что Черчилль получил подкрепление своей армии польскими солдатами, или то, что сумел отнять их у Сталина. Что касается польских аргументов в пользу вывода армии из СССР, то исходным были немалые сомнения почти всей польской элиты в Лондоне, где это решение принималось, в способности Красной армии выдержать натиск вермахта. Рассчитывали на предельное истощение двух врагов Польши, что соответствовало планам воссоздать польское государство, «отняв» часть территории Германии и возвратив в состав Польши восточные кресла. Ставилась и прагматическая задача: сбросить жизнь польских солдат там, где шли самые ожесточенные бои за всю историю этой войны. Уверенность «польского» Лондона в том, что освобождение от гитлеровцев придет с Западного фронта, порождала стремление, заблаговременно сосредоточив на западе всю армию, занять место рядом с англо-американскими войсками. Иного мнения был Сикорский, который считал Красную армию способной «выстоять до полной победы», поэтому какие-то подразделения польских войск желательно держать в СССР. По его настоянию 30 апреля 1942 г. правительство Польши приняло компромиссное решение: оставить часть армии в СССР, «поскольку ее позднейшая борьба против Германии вместе с Красной Армией на Восточном фронте соответствует польским интересам и согласует-

ся с той политикой, выражением которой был договор от 30 июля 1941 г.». Но под «позднейшей борьбой вместе с Красной Армией» подразумевалось вступление поляков в бой лишь на польской территории⁴¹.

Генерал был прав в оценке потенциала Красной армии, но в 1942 г. на него оказывал серьезное давление Черчилль, настаивая на выводе из СССР всего польского контингента в Иран. В качестве инструмента давления как на Сикорского (эвакуировать армию), так и на Сталина (отпустить поляков в Иран, отдать их Британии) Черчилль использовал спор о советско-польской границе. Первому он не гарантировал отстаивание довоенной границы с СССР после войны; второму, неоднократно на словах признавая «линию Керзона», не соглашался зафиксировать свою позицию публично и документально. Столь же «сдержанную» позицию тогда занимал и Рузвельт. Майский 17 марта 1942 г. записал в дневнике в пересказе Идена мнение, высказанное президентом США советскому послу М.М. Литвинову в Вашингтоне: «...Р[узвельт] поним[ает] необх[одимость] для СССР такой гран[ицы], кот[орая] гарантир[о-вала] бы от повтор[ения] герм[анского] напад[ения] через 10–15 лет. Р[узвельт] готов на 100 % облегч[ить] нам получение такой границы, но после войны». Располагал ли таким объемом информации польский премьер-министр, когда готовился посетить в конце марта 1942 г. Соединенные штаты и встретиться с президентом США? Но, возвратившись в Лондон, Сикорский сделал из обещаний Рузвельта оказывать всяческую помощь Польше далеко идущие выводы. Он вынес слишком позитивные впечатления о новом союзнике Польши: «...Имея полную поддержку правительства США, <...> мы можем с полным доверием смотреть в будущее»⁴². Сикорский ошибался.

Первая половина 1942 г. была для стран антигитлеровской коалиции наиболее тяжелым временем войны. На Восточном фронте стратегическая инициатива находилась на стороне вермахта, немецкие войска нацелились на прорыв к Сталинграду и Кавказу. На Западном фронте в результате контрнаступления немецко-итальянских войск в Африке Англия лишилась колоний; следствием японского наступления стала потеря к маю 1942 г. Великобританией и Америкой, вступившей в войну в декабре 1941 г., позиций в Восточной Азии и центральной части Тихого океана. Германия наращивала свой подводный флот в водах американского

побережья. Все говорило об ожесточенной мировой войне двух сложившихся военно-политических группировок, исход которой казался делом далеким.

В такой обстановке 20 мая 1942 г. в Лондон прибыл В.М. Молотов. Его задача состояла в том, чтобы обсудить две проблемы: советско-английский договор о сотрудничестве в военное и послевоенное время и открытие второго фронта в Западной Европе. Элементом первой проблемы он 21 мая назвал польский вопрос, по которому «советское правительство надеется и готово полюбовно договориться». «Но мы готовы, — говорил нарком, — это сделать при учете наших минимальных интересов <...>, минимальным условием для нас является восстановление границ СССР, нарушенных Гитлером <...>. Мы не можем уступить в этом вопросе». Другими словами, советский представитель не имел полномочий на подписание советско-английского договора в случае отсутствия в нем признания Великобританией границы 1941 г. На следующий день Молотов встретился с упорным нежеланием такого признания английской стороной, о чем телеграфировал Сталину: «По вопросу о Польше была длительная дискуссия <...>. Я доказывал, что из желания пойти навстречу Англии мы предлагаем компромисс, в котором мы делаем большую уступку, не требуя сейчас согласия Англии на восстановление советско-польской границы 1941 г. и обещая этот вопрос дружественно урегулировать непосредственно с Польшей». Иден соглашался не вносить ничего в договор и убеждал наркома: «Английское правительство не предлагает гарантии границ и не оказывает поддержку какой-либо стране... Это означает, что оно остается на базе своего договора с поляками от 25 августа 1939 г.», «не гарантирующего Польше определенных границ». В ответ Молотов сделал заявление о некотором изменении тактики Москвы в территориальном споре с Польшей: «Мы предлагали в декабре и теперь предлагаем не принимать никакого решения в отношении Польши. Мы считаем нужным решить вопрос об удовлетворении интересов Польши не за счет территорий, которые населены украинцами и белорусами, вошедшими в состав СССР, а за счет общего врага СССР и Польши — Германии. Мы не хотим ссориться с Польшей. Мы предлагаем Польше больше, чем дала бы ей „линия Керзона“, и мы готовы идти на это. Мы считаемся с желанием Англии поднять значение Польши, но не за счет укра-

инцев и белорусов, а за счет общего врага Великобритании, Польши и СССР — за счет Германии. Если мы можем договориться на этой основе, то это действительно могло бы дать базу для дружественного развития англо-советских отношений. В 1939 г. тогдашняя Польша помешала сближению Англии и СССР⁴³, и теперь польский вопрос снова создает затруднения без достаточных оснований к этому»⁴⁴.

Неоднократное возвращение к вопросу о границах Польши в ходе обсуждения текста договора СССР и Великобритании не приводило к компромиссу. «Все последние беседы, — доносил 23 мая в Москву Молотов, — создают у меня впечатление, что Черчилль выжидает событий на нашем фронте и сейчас не торопится договариваться с нами». Намек английского премьер-министра на то, что подписание договора может не состояться, если стороны не согласятся на констатацию в нем лишь общего положения («не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других народов»), насторожил Сталина. Последовало указание Молотову: английский проект договора «не считаем пустой декларацией и признаём, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой <...>. Желательно поскорее подписать договор <...>»⁴⁵ Телеграмма из Москвы подтверждала: на первое место в иерархии стратегических целей СССР поставлены интересы антигитлеровского союза и победы в войне, исход которой и решит «польский вопрос». 26 мая договор был подписан. Сикорский не добился английских гарантий довоенных границ Польши. Сталин не получил признания границы 1941 г. в качестве послевоенной.

29 мая начался визит Молотова в США. Хотя «польский вопрос» не был отдельным предметом бесед с президентом, выяснилась согласованность позиций Лондона и Вашингтона касательно послевоенных границ СССР в Европе. Рузвельт позитивно отреагировал на подписанный в Лондоне договор, отметив, что «он [Рузвельт] действительно не хотел упоминания в договоре вопроса о границах <...>. Он считает, что для постановки этого вопроса нужно избрать соответствующий момент, который еще не наступил». Следует отметить такую идею Рузвельта: после войны «победители — США,

Англия, СССР и Китай — должны сохранить своё вооружение» и образовать «полицейскую силу», поскольку «в течение 10–15 лет поддержание мира должно быть обеспечено силой <...>, помешать немцам и японцам атаковать кого-нибудь». «Страны-агрессоры и соучастники агрессоров — Германия, Япония, Франция, Италия, Румыния и, даже больше того, Польша и Чехословакия, — говорил Рузвельт, — должны быть, во-первых, разоружены, а во-вторых, в дальнейшем необходимо, чтобы нейтральные инспекторы наблюдали за разоружёнными странами и не давали бы им секретно вооружаться...» Сталин положительно отреагировал на это предложение⁴⁶.

Появление Польши в указанном списке только на первый взгляд кажется неожиданным. В США было известно, что польское правительство, разворачивая вооруженные силы на Западном фронте, формируя с осени 1939 г. массовую подпольную военную организацию, создавало базу для того, чтобы войти в число стран, которые после войны будут решать судьбы народов и государств. Идея Рузвельта перечеркивала эти польские претензии, ибо состав мировых лидеров уже определился.

Возвращаясь в Москву из США через Лондон, Молотов 10 июня встретился с Сикорским и министром иностранных дел Польши Э. Рачинским. Собеседники обсудили два вопроса, поставленных поляками. Сикорский потребовал эвакуации из СССР 50 тыс. польских детей, ссылаясь на плохое питание и на то, что правительства Родезии и Кении уже согласились их принять от американского Красного Креста. Молотов парировал: «В СССР достаточно продовольствия, чтобы прокормить 50 тысяч польских детей». Генерал в апреле поставил вопрос о дислокации польской армии в трех центрах — Иране, Англии и СССР, чтобы польская армия могла войти в Польшу с трех сторон: из СССР с востока, с Западного фронта и через Балканы, для чего необходимо продолжать мобилизацию поляков на советской территории. Сталин еще 13 мая ответил ему резко отрицательно, указав, что польская армия не воюет на советско-германском фронте. Сикорский настаивал: польские солдаты «также нужны и для польской армии в других странах». Последовала нота Э. Рачинского советскому послу при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолу: польское правительство заявило о желании «иметь возможность продолжать на территории Союза Советских Социалистических Республик набор

в армию польских граждан, способных носить оружие, с целью увеличить кадры польской армии, находящейся в Великобритании и на Ближнем Востоке». Речь шла о призыве 49 тыс. солдат. Молотов положительно отреагировал только на намерение генерала приехать в СССР в августе 1942 г., «чтобы в личной беседе со Сталиным и с Молотовым поставить и решить ряд наиболее трудных вопросов». 10 июня нарком встретился с Черчиллем, который подчеркнул (и это было главное) готовность принять годных к военной службе поляков, одновременно заявив, что он «всегда отказывается обсуждать с поляками вопрос о границах Польши», ибо это «станет ясным, когда Германия потерпит поражение». Молотов ответил: «...Мы не хотели бы проводить эвакуацию за эвакуацией»⁴⁷.

Таким образом, в ходе визита Молотова в Лондон и Вашингтон, его бесед с Сикорским и Черчиллем подтвердился особый интерес английской стороны к эвакуации польских войск из СССР. Для достижения цели Черчилль использовал не только в высшей степени актуальную для СССР проблему второго фронта, открытие которого союзниками вновь было отложено, но и вопрос о советско-польской границе. В такой ситуации Москва сняла с обсуждения вопрос о границе и 3 июля согласилась на вывод уже мобилизованных в польскую армию. Уступил и Сикорский. В результате в 1942 г. из СССР выехали, по данным НКВД на сентябрь 1943 г., 113 247 польских граждан (75 491 военнослужащий и 37 756 членов их семей); по данным НКВД на ноябрь 1945 г., 119 865 человек (76 110 военнослужащих и 43 755 гражданских лиц). Летом 1942 г. Андерс признал, что правительство действовало «вопреки соглашению между СССР и Польшей»⁴⁸.

Советско-польская военная конвенция о совместной борьбе против гитлеровцев была разрушена. В этом была заинтересована Великобритания. Исчез и советский интерес в польской армии на территории СССР, а значит, и в урегулировании спорных проблем путем диалога и взаимодействия. Произошло то, чего удалось избежать в июле 1941 г., когда СССР и Польша установили прямые контакты. Выведя армию из СССР, польское правительство совершило крупную ошибку. Оно лишилось военно-политического инструмента в сотрудничестве как с СССР, так и с Великобританией. Сикорский «утратил свой важнейший козырь в шедшей и далеко не завершившейся партии со Сталиным...», что упростило для последне-

го ускоренный переход к «собственному варианту» решения польского вопроса. Масштаб ошибки стал ясен в 1943 г.⁴⁹

С этого времени отношения двух стран находились в ситуации периодического обострения. Был отозван посол С. Кот. С назначением в октябре 1942 г. нового посла Т. Ромера не прекратились безуспешные усилия принудить Москву продолжить призыв поляков в армию. Сохранялись и советские претензии к деятельности посольства в СССР польских паспортов, в том числе «непольским гражданам». Всю полноту ответственности за подобные действия НКВД возлагал на посольство Польши. Напряженность в советско-польских отношениях нарастала.

Итак, к началу 1943 г. Москва не получила армию Андерса в качестве военного союзника,

не произошли перемены к лучшему в климате советско-польских отношений, не складывалось и доверие между советским и польским руководством, столь необходимое соседним странам. Напротив, противоречия и давление польской стороны неуклонно возрастали. Чтобы прервать это давление, советское правительство 16 января 1943 г. постановило вновь считать гражданами СССР тех поляков, что ранее проживали на Западной Украине и в Западной Белоруссии⁵⁰. Тем самым были заблокированы возможности польского правительства продолжать развёртывание и вывод армии из СССР, что произошло в разгар Сталинградской битвы. Наиболее дальновидные политики за рубежом «разглядели» наиболее вероятного главного победителя Германии в Европе. Это были не только Черчилль и Рузвельт, но и Сикорский.

¹ Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М., 2002. С. 181–182.

² См. подробно: Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012. С. 119–134.

³ Носкова А.Ф. Организация украинских националистов в борьбе за Соборную Украину: начальный этап (осень 1938 г. — сентябрь 1939 г.) // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014. С. 510–531.

⁴ Забытый мир: Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры. М., 2014. С. 339, 342, а также 230–251.

⁵ В Варшаве оценили смысл этих документов как отказ Берлина от «польского вектора экспансии» и его переориентацию на «другие направления, затрагивавшие жизненные интересы Запада». Как считает российский историк Г.Ф. Матвеев, поляки полагали, что «в Париже и Лондоне возрастет значение Польши как субъекта международных отношений» и Польша может обрести статус великой державы (Польша в XX веке: Очерки политической истории. С. 216).

⁶ См. подробно: Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 94–99.

⁷ Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков. М., 2009. Анализ развития международной ситуации летом-осенью 1939 г., политических следствий сентябрьской катастрофы и территориальных потерь Польши, а также причин бездействия западных союзников см. в изд.: Польша в XX веке: Очерки политической истории. С. 273–293.

⁸ СССР — Германия, 1939: Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле — сентябре 1939 г. / Сост. Ю. Фельштинский. Б. м., 1983. С. 62, 64.

⁹ Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 47–48.

¹⁰ Был ли советский нейтралитет в войне Германии против Польши реальностью до и после 17 сентября 1939 г. — проблема дискуссионная.

¹¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. 7: 1939–1943 гг. М., 1973. С. 178; см. подробно: Валева Е.Л., Волков В.К., Гибианский Л.Я. и др. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. М., 1999. С. 179–182.

¹² Научное наследство. Т. 33: Майский И.М. Дневник дипломата: Лондон, 1934–1943: В 2 кн. М. 2006–2009. Кн. 2. Ч. 1: 4 сентября 1939 — 21 июня 1941 года. С. 17–20, 415. (Далее — Научное наследство. Т. 33. Иван Михайлович Майский.)

¹³ СССР — Германия, 1939. С. 108, 111–112.

¹⁴ Научное наследство. Т. 33. Иван Михайлович Майский. Кн. 2. Ч. 1. С. 26, 31.

¹⁵ Цит. по: Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 80.

¹⁶ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние, 1918–1939 гг. М., 2001. С. 408; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина: Схватка за Европу, 1939–1941 гг. М., 2008. С. 98.

¹⁷ См. подробно: Duraczyński E. Polska, 1939–1945: Dzieje polityczne. Warszawa, 1999. S. 48–52, 122–125; Научное наследство. Т. 33. Иван Михайлович Майский. Кн. 2. Ч. 1. С. 67.

¹⁸ Цит. по: Duraczyński E. Polska 1939–1945. S. 122; Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 80.

¹⁹ Польский замысел создания воинской части в СССР появился в Лондоне в начале лета 1940 г. Тогда же говорилось о создании «с согласия советских властей» 300-тысячной армии для использования в войне с Германией. Польское правительство отказалось от таких проектов (см. подробно: Duraczyński E. Sprawy polskie minionego wieku. Kraków, 2011. S. 357–363). Идея создания польской армии возникла в это же время и среди польских военнопленных, находившихся

в советских лагерях, и была поддержана Л. П. Берией и И. В. Сталиным. 4 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании в составе Красной армии польской стрелковой дивизии. Но война нарушила эти планы (Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катинский синдром... С. 128–30; Зданович А. А. Роль НКВД в формировании польской армии Андерса (1941–1942) // Военно-исторический журнал. 2010. № 9).

²⁰ ДМИСПО. Т. 7. С. 198.

²¹ Научное наследство. Т. 33. Иван Михайлович Майский. Кн. 2. Ч. 2. С. 25, 27–28; Duraczyński E. Polska, 1939–1945. S. 192.

²² ДМИСПО. Т. 7. С. 208.

²³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 380; Зданович А. А. Роль НКВД в формировании польской армии Андерса (1941–1942); *Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941* // Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, 1939–1941. Варшава; М., 2001. С. 32; *Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940 roku* // Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. Варшава; М., 2003.

²⁴ ДМИСПО. Т. 7. С. 217–218; Документы внешней политики СССР. Т. 24: 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М., 2000. С. 236–237.

²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 420; *Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945*. Т. 2. Londyn, 1973. S. 203.

²⁶ О пребывании польской армии в СССР см. подробно: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14-3(1): СССР и Польша, 1941–1945: К истории формирования военного союза: Документы и материалы. М., 1994. С. 96–99. (Далее — Русский архив. Т. 14-3(1)); Репрессии против поляков и польских граждан: Сб. ст. М., 1997; ДМИСПО. Т. 7. С. 255–256, 27–273; Парсаданова В. С. Армия Андерса на территории СССР // Новая и новейшая история. 1988. № 5; Сталин — Сикорский — Андерс: (Из внешнеполитических документов 1941 г.) // Международная жизнь. 1990. № 12. С. 124–140 и др.

²⁷ Цит. по: Duraczyński E. Polska, 1939–1945. S. 197–198.

²⁸ Парсаданова В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1982. С. 62–63; Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 236, 464; ДМИСПО. Т. 7. С. 258.

²⁹ Русский архив. Т. 14-3(1). С. 51–53, 56–58.

³⁰ Союз вооруженной борьбы — подпольная организация, создана в Варшаве в конце 1939 г. кадровыми офицерами Войска Польского для организации различного по формам сопротивления, включая подготовку всеобщего восстания на территории довоенной Польши. В начале 1942 г. СВБ был переименован в Армию Крайову (АК). Одним из направлений деятельности СВБ-АК была разведка в пользу Великобритании, откуда поступали финансы и оружие. Результаты работы поляков «необыкновенно высоко оценивались в английских военных штабах». (Duraczyński E. *Sprawy polskie minionego wieku*. S. 108).

³¹ Польшк. Placówka — застава, пост, низовая ячейка польской разведки или контрразведки.

³² Секреты польской политики 1935–1945 гг.: Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2010. С. 412, 414, 421–424, 426; *Armia Krajowa w dokumentach*. Т. 2. С. 67–68.

³³ ДМИСПО. Т. 7. С. 257–258.

³⁴ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискусии: Документы и комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 44, 50, 54.

³⁵ ДМИСПО. Т. 7. С. 257, 266.

³⁶ Duraczyński E. *Sprawy polskie minionego wieku*. S. 428.

³⁷ Парсаданова В. С. Советско-польские отношения... С. 73–78.

³⁸ Русский архив. Т. 14-3(1). С. 56–59, 83.

³⁹ Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг.: (Из рассекреченных архивов) // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 59–90; Русский архив. Т. 14-3(1). С. 70–71, 90–91; ДМИСПО. Т. 7. С. 302–305, 312–316; Парсаданова В. С. Советско-польские отношения... С. 84.

⁴⁰ Duraczyński E. Polska, 1939–1945. S. 217.

⁴¹ Ibid. S. 217–219.

⁴² Научное наследство. Т. 33. Майский Иван Михайлович. Кн. 2. Ч. 2. С. 104, 108–109, 115; цит. по: Duraczyński E. Polska, 1939–1945. S. 213.

⁴³ Летом 1939 г. Польша не согласилась с предложением СССР на советско-англо-французских переговорах пропустить советские войска через свою территорию для отражения возможной германской агрессии.

⁴⁴ Цит. по: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 105, 115, 117.

⁴⁵ Там же. С. 139, 155, 157.

⁴⁶ Там же. С. 211–213, 245.

⁴⁷ Там же. С. 329–333, 148; ДМИСПО. Т. 7. С. 300–301, 305–306.

⁴⁸ ДМИСПО. Т. 7. С. 425; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 20.

⁴⁹ Duraczyński E. *Sprawy polskie minionego wieku*. S. 432.

⁵⁰ ДМИСПО. Т. 7. С. 325–335, 342–343.

Болгария во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны

Т. В. Волокитина*

Накануне Второй мировой войны разграничение сфер интересов ведущих держав в Европе и на Ближнем Востоке становилось одним из главных приоритетов в сложной дипломатической игре. Исследования по истории внешней политики СССР и международных отношений, публикации документов, осуществленные в последние годы отечественными и зарубежными учеными, убедительно раскрывают существенное значение балканских проблем во внешнеполитических делах. Признано, что они быстро выдвинулись на авансцену мировой политики, а Болгария в силу своего исключительного геополитического положения «в сердце» Балкан оказалась в эпицентре событий. В этом не было ничего необычного, поскольку аксиомой: «У кого Болгария, у того и Балканы» — германские генштабисты, например, руководствовались еще задолго до Первой мировой войны.

Интерес Германии к этой малой стране был обусловлен намерением укрепить собственные позиции на Балканском полуострове и в целом в Черноморье, а также обеспечить рейх сырьем и продовольствием. Советское политическое руководство рассматривало Болгарию как важный элемент системы безопасности СССР в бассейне Черного моря, в частности как сухопутный мост к проливам. Их «закрытие» и связанное с ним установление советского контроля над морским побережьем Болгарии позволило бы, как считали в Москве, минимизировать потенциальную угрозу СССР со стороны Германии и Великобритании в Черноморском бассей-

не. В исторической литературе отмечается, что вплоть до нападения Германии на Советский Союз Сталин считал такой неблагоприятный для советской стороны ход развития событий возможным¹. Рассматривая варианты усиления советского влияния в Болгарии, в Москве не исключали возможность обратиться к своей пользе историческую память болгар о роли России в освобождении от османского ига.

Что касается намерений самой Болгарии, то официальная София придерживалась традиционной линии на «сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР», избегая тесного сближения «на политической основе»². В конце апреля 1939 г., например, болгарская сторона ответила отказом на предложение прибывшего в Софию заместителя наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкина присоединиться к «общему фронту миролюбивых сил против германской агрессии». Возможность реализовать подобную перспективу, вступив, например, в Балканскую Антанту³, официальная София сочла нереальной (камнем преткновения становился территориальный спор с Румынией из-за Южной Добруджи).

Начало войны Болгария встретила объявлением нейтралитета. 16 сентября 1939 г. посланник Болгарии в СССР Н. Антонов передал народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову соответствующую ноту болгарского правительства⁴. Болгарские власти надеялись, что равноудаленная позиция позволит им лавировать в бурном международном море, не упуская вместе с тем из виду надежды на территориальные

* Волокитина Татьяна Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

приращения за счет соседей — Румынии, Югославии и Греции. Помимо Южной Добруджи, интересы Болгарии распространялись также на Вардарскую и Эгейскую Македонию.

Документальные источники, однако, свидетельствуют и о понимании болгарскими хрупкости всей конструкции нейтралитета. 20 сентября 1939 г. в беседе с Молотовым Антонов сообщил об опасениях болгарского правительства в связи с заявленной Турцией, Румынией и Грецией готовностью оккупировать Болгарию в случае высадки англо-французского десанта в Салониках или Кавале. Планировавшиеся с целью отвлечения германских войск на балканский фронт десантные операции в Греции представляли угрозу Болгарии. Исходя из этого, болгарская сторона попыталась аккуратно прозондировать советскую позицию. Как следует из записи указанной беседы, Антонов рассчитывал на посредническую роль Молотова в предстоящих в Москве переговорах с министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу⁵. На конкретный вопрос советского дипломата — «чего, собственно, хочет в данном случае от нас правительство Болгарии, как оно ставит вопрос? Хочет ли оно нашей помощи, если да, то в какой форме? Может быть, в виде пакта взаимопомощи?..» — Антонов, вероятно, не готовый к определенному ответу, отметил поначалу возможность заключения договора «о вечной дружбе», но затем был вынужден согласиться с Молотовым: подобные декларации — «это пройденный этап», «сейчас надо [искать] что-то другое». Запись зафиксировала главный итог беседы. На вопрос Антонова, «может ли Болгария в случае необходимости рассчитывать на помощь Советского Союза», Молотов ответил: «Может, но на условиях взаимности»⁶. Дальнейшие действия советской стороны показали, что она рассчитывала прежде всего на заключение «политического договора» с Софией.

Болгарское правительство учло эту позицию, но проявило при этом свое понимание «взаимности». Придав данному понятию конкретное толкование, оно продемонстрировало готовность поддерживать дружественные отношения с СССР. На рубеже 1939–1940 гг. были подписаны соглашения об установлении регулярного воздушного сообщения между Москвой и Софией, о товарообороте и платежах, договор о торговле и мореплавании. В одном из отчетов болгарской делегации с удовлетворением подчеркивались «дружеская атмосфера» переговоров, «равенство и взаимность»,

проявленные советской стороной, как и то, что за основу указанных документов были взяты предложения болгарской стороны, а внесенные изменения касались «скорее формы, нежели содержания, и были дополнены несколькими более точными формулировками»⁷.

В Болгарии намерения правительства наладить тесные экономические и иные связи с Россией и конкретные шаги в этом направлении были встречены «общим и непринужденным одобрением»⁸. Зато в «верхах» Великобритании и Франции фактическое предоставление Советскому Союзу свободного транзита через болгарскую территорию для грузов, направляемых в третьи страны, в том числе и Германию, вызвало раздражение⁹.

Летом 1940 г. Берлин инициировал урегулирование вопроса о Южной Добрудже. В Москве знали о предложении германской стороны румынскому королю решить дело в пользу Болгарии. Представляется, что советская сторона имела возможность адекватно оценить основную причину попыток Берлина урегулировать в тот момент территориальные споры между Румынией, Болгарией и Венгрией — подготовка войны против СССР¹⁰. Советское руководство попыталось снивелировать позитивные отклики болгар на германскую инициативу, официально заявив, что считает претензии Болгарии о возвращении Южной Добруджи справедливыми и политически обоснованными¹¹. Фактически за этим заявлением скрывалась готовность Москвы поддержать болгарскую сторону активными действиями на международной арене, перехватить инициативу у Берлина. Но София предпочла опереться на Германию¹². Переговоры в Крайове между Румынией и Болгарией завершились 7 сентября 1940 г. подписанием договора, по которому Болгарии возвращалась Южная Добруджа в границах 1913 года.

Политический эффект этой дипломатической акции был в Болгарии исключительно велик. «Дружеское посредничество» Германии в разрешении добруджанского вопроса вызвало всплеск германофильских настроений и усиление фашистской и националистической пропаганды. В широких слоях общества выбор правящих кругов, сделавших ставку на Берлин, встретил понимание. Думается, что в немалой степени именно под влиянием этих событий болгарский нейтралитет обрел вполне отчетливую перспективу превращения в «прогерманский»¹³. Учтя эти благоприятные для себя факторы, Германия 16 октября 1940 г. официально

предложила Болгарии присоединиться к Тройственному пакту. Для Софии наступило время нелегких раздумий¹⁴.

Советская сторона, обеспокоенная активностью Германии, явно угрожавшей сфере интересов СССР, рассчитывала поправить ситуацию. Но для начала ее надо было максимально прояснить. Это и стало основной целью визита Молотова в Берлин зимой 1940 г. Не случайно директивы к берлинской поездке, датированные 9 ноября, открывались задачей «разузнуть действительные намерения [Германии] и всех участников пакта 3-х... в осуществлении плана создания „Новой Европы“, а также „Велико[ого] Вост[очно]-Азиатского Пространства», их границы, характер государственной структуры и отношения европейских государств к «новой Европе» и к «Восточной Азии», этапы и сроки осуществления этих планов, а также перспективы присоединения других стран к пакту трех и «место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем»¹⁵.

В ходе визита предстояло решить еще одну крайне важную задачу — «подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г[ерманией] (а также с И[талией])»¹⁶. Намечая директивы, Сталин в беседе с Молотовым среди широкого спектра конкретных вопросов обозначил те ключевые, которые следовало обсудить в ходе переговоров с немцами. Обратив внимание на «серьезные интересы» СССР в Турции, Румынии и Венгрии, советский лидер подчеркнул: «Болгария — главный вопрос переговоров, [она] должна быть, по договоренности с Г[ерманией] и И[талией], отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию»¹⁷.

Указанные директивы были главным, но не единственным руководством для Молотова. Во время пребывания в Берлине нарком неоднократно получал конкретные установки и рекомендации из Москвы, уточнявшие его позиции на переговорах¹⁸. Большинство из них было направлено на аргументацию необходимости для СССР решить вопросы обороны черноморских берегов СССР и обеспечения его безопасности. В телеграмме первого заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского, в частности, указывалось: «...обеспечение спокойствия в районе Проливов невозможно без договорен-

ности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море. Этот вопрос особенно актуален теперь и не терпит отлагательства не только потому, что Турция связана с Англией, но и потому, что Англия своим флотом заняла острова и порты Греции, откуда она всегда может угрожать берегам СССР, используя свое соглашение с Турцией»¹⁹.

Введение советского воинского контингента в Болгарию, по расчетам Москвы, должно было стать действенным средством давления на Турцию²⁰. Советская сторона взамен была готова дать Болгарии гарантии неприкосновенности территории. Она ссылалась в качестве прецедента на факт предоставления подобных гарантий Германией и Италией Румынии после Венского арбитража 30 августа 1940 г. Особо подчеркивалось намерение гарантировать полное сохранение существующего в Болгарии внутреннего строя, причем, по словам Молотова, «если угодно [не] на сотни, а [на] тысячи лет». Молотов заверял: «Советский Союз ни при каких обстоятельствах не намерен вмешиваться во внутренние дела этой страны, ни «на волосок» не отойдет от этого обещания и готов гарантировать Болгарии выход в Эгейское море»²¹.

В Берлине Молотов прилагал немалые усилия для обеспечения успеха, вопреки отчетливо проявившемуся нежеланию Берлина идти навстречу. При обсуждении вопроса о гарантиях Гитлер, заострив внимание на румынском прецеденте, заметил, что если «Румыния сама обратилась с просьбой о гарантии, так как в противном случае она не могла уступить части своей территории без войны», то в болгарском случае не ясно, «желает ли Болгария иметь... гарантии от Советского Союза...»²² Заявив о необходимости проконсультироваться с итальянским союзником, Гитлер не дал конкретного ответа на вопрос о советских гарантиях Болгарии. На словах он признал приоритетность интересов СССР в зоне проливов, заявив, что только советские военные суда смогут свободно проходить через Босфор и Дарданеллы, в то время как для флота нечерноморских держав вход в проливы будет закрыт²³.

Однако никаких реальных соглашений по указанным вопросам достигнуто не было, в силу чего в очередном донесении в Москву Молотов был вынужден признать весьма ограниченный результат переговоров: «Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выяснил теперешнее настроение Гитлера, с которым придется считаться»²⁴.

Последующие события, однако, показали, что данная оценка была не вполне адекватной, явно преувеличивала возможности советской стороны действовать «на равных» с германским союзником: Москва постоянно оказывалась в положении догоняющего.

На переговорах обсуждался вопрос и о присоединении СССР к Тройственному пакту. Предложив во время беседы 12 ноября свои услуги в обсуждении перспектив «мирового порядка», Гитлер был готов действовать, по его словам, как «хороший маклер», способствуя определению сфер интересов участников. Молотов, руководствуясь директивами, настаивал на дополнительной информации, подчеркнув, что Советский Союз «может принять участие в широком соглашении четырех держав, но только как партнер, а не как объект...»²⁵ Из записи беседы от 13 ноября видно, что Гитлер уклонился от конкретного ответа на интересовавшие Молотова в контексте пакта четырех вопросы о Румынии, Болгарии и Турции. Он заметил лишь, что интересы СССР не будут задеты и предпрешены без участия советской стороны. Молотов продолжал настаивать на предоставлении дополнительной информации о планах участников пакта. СССР не отказывается участвовать в совместных акциях четырех держав, говорил он, «но не в пакте трех, где СССР включен лишь в качестве объекта»²⁶.

В тот же день министр иностранных дел И. фон Риббентроп передал Молотову проект соглашения с обобщенно сформулированными условиями (уважение взаимных интересов, отказ от поддержки противостоящих одной из стран-участниц группировок, экономические соглашения и пр.), на которых Советский Союз мог «политически сотрудничать» с членами Тройственного пакта. Решить этот вопрос предстояло в ходе дипломатических переговоров²⁷. В связи с этим исследователями неоднократно поднимался вопрос о потаенных намерениях Берлина. Ведь еще 30 июля 1940 г. Гитлер сообщил высшему военному руководству Германии о решении начать весной 1941 г. войну против СССР²⁸, а 12 ноября, именно во время визита Молотова, подписал директиву № 18 о подготовке операции против СССР, независимо от результатов переговоров. Думается, что постановка в то время вопроса о пакте четырех имела весьма существенную подоплеку: ориентацию на «великое азиатское пространство», на котором предстояло действовать участникам. Его, как подчеркнул Гитлер в беседе с Молотовым

13 ноября, следовало разделить на восточную и центрально-азиатскую, причем «последнее распространяется на Юг, обеспечивая выход в открытый океан, и рассматривается Германией как сфера интересов России». Нацеливая, таким образом, СССР в сторону Ирана, Афганистана и британской Индии, германское руководство не только ограничивало намерения СССР в Европе и ослабляло его позиции на континенте, но и неизбежно должно было столкнуться с Великобританией²⁹.

Документальные источники свидетельствуют о том, что еще летом 1940 г., до визита Молотова в Берлин, английское правительство приняло решение прозондировать позицию СССР с учетом новой обстановки в Европе после поражения Франции. Особый интерес Лондона фокусировался на Балканах. В беседах с Молотовым (11 июня) и Сталиным (1 июля) британский посол в Москве С. Криппс поставил вопрос об организации блока балканских стран «под эгидой СССР». Это, по словам дипломата, помогло бы стабилизировать обстановку в регионе и избежать «нежелательного перекрещивания» там интересов СССР и Англии, учитывая наличие «полновесного договора» англичан с Турцией. Однако если Молотов ограничился общей констатацией, что Москва «имеет определенные интересы на Балканах» и «позиция СССР в значительной степени будет зависеть от той обстановки, которая сложится»³⁰, то Сталин категорически отрицал стремление Советского Союза установить свой порядок на Балканах. «Тов. Сталин, — говорилось в записи беседы, — считает своим долгом сказать, что СССР не имеет такого намерения. Господствовать на Балканах СССР не стремится и такое стремление считает опрометчивым и опасным». Далее советский руководитель, явно лукавя, заметил, что и у Германии он «не замечает такого желания — господствовать в мире». Для этого у нее просто нет сил.

Идее «господства» Сталин противопоставил понятие «равновесие сил». Он подчеркнул: «Старое равновесие мы хотим изменить, оно было против СССР», «душило» страну, но в 1939 г. англичане и французы не пошли навстречу СССР, что и обусловило сближение советской стороны с Германией. Криппс был вынужден уточнять свою позицию: установление подобного «равновесия» невозможно «без какой-либо большой соседней державы, дающей руководство в определенном направлении к стабилизации отношений на Балканах, соеди-

ня балканские страны ближе друг с другом». И здесь особую роль Лондон отводил СССР и Турции. Сталин по ходу беседы однозначно высказался против «единоличного хозяйничанья Турции в проливах» и ее диктата на Черном море³¹. Этот дипломатический эпизод сам по себе показателен. Расчет на установление «равновесия сил» Москва, как представляется, предполагала реализовывать, не прекращая диалога с Великобританией, хотя и не доверяла всей британской политике, и осторожно пытаясь наладить противодействие Англии политике Германии на Балканах³².

Информация из Москвы о беседе с Криппсом была направлена в Берлин через посла Шуленбурга 13 июля. Советская сторона сочла целесообразным использовать ее в попытке парировать угрозу германской гегемонии на Балканах. На это непосредственно указывала содержащаяся в информации констатация: «Ни одна держава не может претендовать на исключительную роль по объединению Балканских государств и руководства ими»³³. Ответ Берлина не выходил за рамки официальной благодарности за полученную информацию, с которой правительство «с интересом ознакомилось»³⁴. Таким образом, каждая из сторон, и Москва, и Берлин, осталась при своих интересах.

Болгарское правительство по-прежнему придерживалось тактики балансирования. Оно отказалось в тот момент от вступления в Тройственный пакт, о чем заявил фюреру 17 ноября 1940 г. прибывший в Берлин царь Борис. Это решение он объяснил неподготовленностью Болгарии к войне, угрозой со стороны Турции и нежеланием ухудшить отношения с Советским Союзом³⁵. Несмотря на продемонстрированную Борисом приверженность нейтралитету, Москва с тревогой наблюдала усиление дрейфа болгарского руководства в сторону сближения с Берлином. Вопрос о том, последует ли страна примеру Венгрии, Румынии и Словакии, примкнувших в ноябре 1940 г. к Тройственному пакту, крайне беспокоил советскую сторону. Пакт о взаимопомощи с Болгарией представлялся советскому руководству реальной альтернативой. Огромное желание Москвы добиться его заключения проявилось и в беседе Сталина и Молотова с Георгием Димитровым 25 ноября 1940 г. Советские руководители заявили о готовности снять свои возражения, касающиеся вопроса о присоединении Болгарии к тройственному союзу Германии, Италии и Японии и о вероятном

превращении пакта трех в четверной в составе Германии, Италии, Японии и СССР, если советско-болгарский пакт станет реальностью³⁶.

Резонно задаться вопросом, насколько адекватно оценивали в Москве идею пакта четырех держав? Убедительных доказательств, что она была принята советским руководством за чистую монету, нет. Но очевидно, что оно попыталось воспользоваться этим, по оценке Молотова, «схематично изложенным» предложением немцев³⁷ (сам Риббентроп назвал вышеупомянутый проект соглашения «мыслями в сыром виде»³⁸), чтобы еще раз четко обозначить свою позицию по вопросу сфер влияния. В конце ноября 1940 г. в германский МИД поступило сообщение посла в Москве В. фон Шуленбурга, что советское руководство предлагает признать район «к югу от Батуми и Баку в общем направлении к Персидскому заливу... центром территориальных устремлений Советского Союза», а также «согласовать секретный протокол между Германией, Советским Союзом и Италией с признанием того факта, что Болгария географически расположена внутри зоны безопасности черноморских границ СССР...» В связи с этим, подчеркивало советское руководство, «заключение советско-болгарского договора о взаимопомощи... является политической необходимостью». Также указывалось при этом на необходимость создания в районе Босфора и Дарданелл военной и военно-морской базы СССР на началах долгосрочной аренды³⁹. Размещение советского воинского контингента в Болгарии в связи с этим оставалось ключевым вопросом обеспечения советских интересов в зоне проливов⁴⁰.

Для привлечения Болгарии на свою сторону в Москве были готовы поддержать болгарские территориальные претензии к Греции и Турции (Западная Фракия, Дедеагач⁴¹, Драма и Кавала), обеспечить поставки в страну зерна, хлопка и пр., направить к болгарскому побережью советский флот. Об этом говорил Сталин в упомянутой выше беседе с Димитровым 25 ноября 1940 г. Вероятно, имея в виду, помимо прочего, позицию Берлина в вопросе о Болгарии, советский руководитель, не склонный переоценивать «внешне вежливые», по его словам, отношения с немцами, заметил, что «между нами существуют серьезные трения»⁴².

Добиваясь заключения пакта с Болгарией, советская сторона решила предпринять очередной нажим на Софию. В те же дни в Болгарии начала разворачиваться известная «Соболев-

ская акция»⁴³. Переданное болгарскому правительству предложение Москвы о заключении пакта о взаимопомощи претерпело некоторую корректировку по сравнению с советской позицией, озвученной на переговорах Молотова в Берлине: было снято требование о пропуске в Болгарию советских войск и размещении там военных баз. Тем не менее итог миссии Соболева оказался провальным: болгарское правительство отклонило советские предложения, несмотря на их привлекательность (в частности, обязательство советской стороны в случае заключения пакта содействовать Болгарии в осуществлении ее «национальных устремлений» — обеспечение выхода к Эгейскому морю и в район Адрианополя). В конечном счете миссия Соболева сыграла на руку болгарским «верхам», подтолкнув их к решению о присоединении к Тройственному пакту. О том, что Болгария уже начала соответствующие переговоры, говорилось в ответе болгарского правительства на советские предложения о пакте, переданном в Москву 30 ноября 1940 г. через посланника в Софии А. А. Лаврищева.

Понимая, что присоединение турецкой и греческой территорий не может быть достигнуто мирным путем, официальная София на том этапе заявила о неприемлемости удовлетворения своих национальных интересов силой оружия⁴⁴. Определяющим фактором, обусловившим негативный ответ болгарской стороны, явились опасения повторения у себя в стране прибалтийского сценария, на чем, кстати, успешно сыграла немецкая дипломатия.

Последней попыткой советской стороны склонить Софию к политическому сотрудничеству явилось предложение о предоставлении Советским Союзом в одностороннем порядке гарантий безопасности и интересов Болгарии. 6 декабря 1940 г. Лаврищев передал соответствующее заявление болгарам, и 18 декабря последовал ответ министра иностранных дел И. Попова с отклонением советского предложения⁴⁵.

Это решение болгарское правительство принимало в условиях сильного давления со стороны Германии, стремившейся втянуть Болгарию в Тройственный пакт. В начале января 1941 г. Гитлер, убеждая главу кабинета Б. Филова «не бояться» России, цинично прогнозировал, что германская союзница «проглотит свершившийся факт, как это было в случае с Румынией»⁴⁶.

Вскоре началась переброска немецких войск на Балканы. Ее размах (по донесениям

югославской разведки, в начале января 1941 г. ежесуточно через территорию Венгрии в Румынию следовали по 18–20 эшелонов с войсками и военной техникой) ясно указывал на формирование там мощной ударной группировки, численность которой определялась в 400–500 тыс. человек⁴⁷.

Обеспокоенное этим советское руководство выступило со специальным заявлением ТАСС от 13 января 1941 г. с опровержением информации, исходившей от некоторых болгарских источников, о якобы имевшем место согласии Москвы на переброску немецких войск⁴⁸. А 17 января Молотов, пригласив к себе Шуленбурга, заявил о сосредоточении германских войск в Румынии «в большом количестве», об их готовности оккупировать Болгарию, Грецию и проливы, о возможной реакции Англии и Турции по упреждению Германии и, как следствие, о реальной возможности превращения Болгарии в театр военных действий. Молотов подчеркнул, что в создавшейся обстановке советское правительство будет считать «появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов... нарушением интересов безопасности СССР».

Показательно, что Шуленбург не попытался опровергнуть информацию о сосредоточении германских войск на южной границе Румынии и, руководствуясь полученными из Берлина инструкциями, объяснил это «мерами предосторожности», предпринятыми не против Турции или каких-либо балканских государств, а против возможного нападения Англии, ее намерения «засесть», например, в Салониках⁴⁹. Мотивация такого объяснения очевидна:

- констатировать в очередной раз совпадение интересов Германии и СССР;
- усыпить бдительность Москвы;
- использовать с этой целью одну из болевых для СССР точек, ибо в Берлине отдавали себе отчет в том, что закрепление Англии на Балканах противоречило советским планам в регионе⁵⁰.

Неделей позже, 23 января 1941 г., во время очередной встречи Шуленбург заверил Молотова, что в Болгарию немецкие войска вступят лишь в случае усиления военной активности Англии в Греции («что-либо вроде оккупации Салоник»)⁵¹. Представляется, что на фоне реальных событий и нарастания негативных для СССР тенденций в международных делах несколько искусственно выглядело выраженное Молотовым 17 января удивление тем, что со-

ветское правительство, спустя два месяца после переговоров в Берлине, все еще не знает реакции Берлина на условия присоединения СССР к Тройственному пакту⁵². 23 января 1941 г. краткий ответ германского правительства с подтверждением высказанных Молотову в Берлине условий был передан послом Шуленбургом. В документе указывалось, что встречные советские предложения обсуждаются с союзниками Германии — Италией и Японией — и что их судьба будет решена за столом переговоров с СССР⁵³. Берлин, таким образом, явно ограничился отпиской, поскольку шедшая полным ходом подготовка плана «Барбаросса» фактически сводила на нет какие-либо перспективы политического сотрудничества с Москвой.

Сосредоточение немецких войск в Румынии, как свидетельствуют документы, вызвало тревогу в Софии. Учитывая это, западные державы усилили в январе 1941 г. нажим на болгар, стремясь добиться от правительства обещаний не выступать против Греции и не пропускать через свою территорию немецкие войска. Великобритания по дипломатическим каналам открыто угрожала Софии разрывом отношений и бомбардировками военных и промышленных объектов. В середине января 1941 г. Форин-офис официально предупредил, что будет рассматривать присутствие германских войск в Болгарии как соучастие страны в операциях вермахта против Великобритании⁵⁴. Американцы, проявив неожиданную активность, также предприняли серьезную акцию: в Софию прибыл эмиссар президента Ф. Рузвельта полковник У. Донован.

В беседе с А. А. Лаврищевым 24 января 1941 г. советник царя Бориса С. Груев сообщил некоторые подробности миссии Донована: «Посланник Рузвельта приезжал в Софию, чтобы разведать мнение болгарского правительства по внешнеполитическим вопросам. Он уверил болгар в неизбежности поражения Германии и рекомендовал Болгарии, прибегая к угрозам, не выступать активно на стороне последней. Болгарское правительство в ответ на это сообщило о своих стремлениях к сохранению мира». Подчеркнув, что правительство не обсуждало вопрос о пропуске немецких войск, Груев заверил советского дипломата, что в стране нет немецких частей, а имеются лишь немецкие механики и инженеры (инструкторы). Вместе с тем он заметил, что вступление вермахта на болгарскую территорию «зависит не от Болгарии, а от Германии», гарантировать, что немецкие войска

не придут в Болгарию, нельзя⁵⁵. Более четко высказался министр иностранных дел И. Попов. В беседе с посланником Бельгии в Софии Моттом он заметил: «Если немцы пойдут, то болгары не могут и не будут противостоять им с оружием в руках»⁵⁶. Усилия Запада удержать Болгарию от вступления в Тройственный пакт успехом не увенчались, хотя укрепили намерение болгарских «верхов» ограничить прямое вовлечение страны в войну⁵⁷.

28 февраля 1941 г. Шуленбург, выполняя директиву, поступившую из Берлина, сообщил Молотову о завершении переговоров с Софией о присоединении Болгарии к Тройственному пакту и дате подписания соответствующего протокола — 1 марта⁵⁸. Присоединение к странам «оси» болгарская сторона оговорила условиями:

- что армия не примет непосредственного участия в военных действиях;
- что стремление получить выход к Эгейскому морю будет поддержано другими членами пакта.

Последовавшее за вступлением в пакт трех появлению в пределах страны 680-тысячной германской армии под командованием фельдмаршала В. Листа было встречено населением с большим подъемом, цветами и по славянскому обычаю — хлебом-солью. А вот в Москве не могли не испытать тревоги и разочарования. «Объяснение» Шуленбурга Молотову 1 марта, что вступление частей вермахта в Болгарию было обусловлено «английскими притязаниями в Греции»⁵⁹, вызвало резкую реакцию. В ответной телеграмме советского руководства в МИД Германии от 1 марта присутствие вермахта на болгарской территории было охарактеризовано как «военная оккупация», наносящая ущерб интересам безопасности СССР⁶⁰.

Последней точкой в политико-дипломатическом сражении за Болгарию стали заявление болгарской стороны от 1 марта и ответная нота НКВД СССР от 3 марта 1941 г. В заявлении, переданном начальником политического отдела МИД Болгарии И. Алтыновым, подчеркивалось, что правительство Германии «просило согласия болгарского правительства на вступление немецких войск... заявив, что эта мера является временной и имеет своей целью сохранение мира на Балканах», что оно не предъявило никаких условий, «противоречащих болгарской миролюбивой политике...» Особо отмечалась вера правительства в то, что позиция Болгарии найдет понимание в Москве и не вызовет ухуд-

шения двусторонних отношений, которые Болгария «считает постоянным элементом своей внешней политики»⁶¹.

Советская сторона заявила в ответ, что, независимо от желания болгарского правительства, его позиция не способствует укреплению мира, а ведет «к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии». Поэтому «Советское правительство, верное своей политике мира, не может... оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики»⁶². В связи со всем вышесказанным можно констатировать: Берлину удалось переиграть Москву в болгарском вопросе, не лишая до поры до времени советское руководство иллюзорных надежд на возможность связать Болгарию с СССР гарантийным пактом, успешно использовать с этой целью в качестве приманки предложение о превращении Тройственного пакта в четверной союз. Очевидно при этом, что Гитлер, как точно заметил российский историк В. К. Волков, «уже давно выбросил в корзину» соглашение 1939 г., в то время как Сталин продолжал придерживаться договоренности с Берлином⁶³.

Попытки Москвы сохранить советско-германский «альянс врагов» (определение российского исследователя Л. Я. Гибианского), не совместимый с налаживанием одновременного противодействия СССР Германии и западным державам⁶⁴, неизбежно загоняли советскую дипломатию в тупик. Слабым утешением для Москвы стало объявление 5 марта 1941 г. Великобританией войны Болгарии. Свое обещание, данное в середине января, британская сторона выполнила.

В результате союза с гитлеровской Германией Болгария вернула территории, отторгнутые у нее после Первой мировой войны по Нейскому договору 1919 года. «Царь-объединитель» Борис III сумел увеличить территорию страны наполовину, а население — на треть. С территории Болгарии была осуществлена германская агрессия против соседних государств — Югославии и Греции. После завершения весенней балканской кампании вермахта болгарские войска вступили в принадлежавшие Югославии и Греции Македонию, Западную Фракию и на так называемые Западные окраины, которые София считала болгарскими землями. На этих территориях начала действовать временная болгарская администрация, а Германия вывела с оккупированных территорий часть своих войск для переброски их на Восточный фронт.

Болгария стала надежным тылом Германии, ее южным стратегическим плацдармом, что явилось важным фактором впоследствии, при определении судьбы страны на завершающем этапе Второй мировой войны.

Болгарское общество охватила небывалая эйфория. По свидетельству одного из современников событий, болгары «находились в состоянии опьянения» от мысли, что справедливость, которой они долго и безуспешно добивались, восстановлена, хотя и испытывали тревогу за будущее и даже своеобразные угрызения совести за полученный от немцев «подарок». Но в целом все — «от крайних националистов до коммунистов были довольны результатами, которые... принес [болгарам] „новый порядок“ Гитлера на Балканах»⁶⁵.

События весны 1941 г. (капитуляция Югославии, наступление Германии на Грецию с болгарской территории, захват немцами Крита) существенно изменили политическую и военно-стратегическую обстановку в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье. Но, несмотря на очевидное нарастание военной опасности, советское руководство вовсе не стремилось к денонсации пакта с Германией. Разъясняя позицию СССР Г. Димитрову в апреле 1941 г., секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов подчеркивал: «Германскую экспансию на Балканах мы не одобряем. Но это не означает, что мы отступаем от пакта с Германией и поворачиваем в сторону Англии. Те наши люди, которые так думают, недооценивают самостоятельной роли и мощи Сов[етского] Союза. Глубоко неверно ориентироваться на какую-либо одну империалистическую группировку»⁶⁶. Заметим, что эта установка имела реальное «наполнение», так как была озвучена после подписания 5 апреля 1941 г., вопреки ясно выраженному недовольству Берлина, советско-югославского договора о дружбе, объективно означавшего солидарность СССР с англо-югославо-греческим фронтом против Германии.

В историографии отмечено, что в ответ на просьбу югославской стороны советская сторона срочно приступила к организации крупных поставок оружия⁶⁷. Однако уже через несколько часов после подписания договора началось вторжение частей вермахта в Югославию. Советская сторона, не имевшая возможности противостать германской экспансии на Балканах, вынужденно смирилась с этой акцией. Под нажимом Германии 8 мая 1941 г. в СССР была прекращена деятельность югославской дипломати-

чешской миссии⁶⁸, что не помешало Шуленбургу на аудиенции у Молотова 21 июня 1941 г. в качестве примеров антигерманской направленности политики СССР назвать не только требования Москвы предоставить ей гарантии в Болгарии и базы в проливах, но и советско-югославский договор⁶⁹.

Нападение фашистской Германии на СССР радикальным образом изменило глобальный расклад сил и положение советской страны в мире. СССР стал участником военной коалиции вместе с Великобританией и Соединенными Штатами, приняв на себя основную тяжесть военного противостояния в Европе. Предстояло принципиально скорректировать задачи советской внешней политики, активизировав дипломатические усилия Москвы в первую очередь на английском и американском направлениях. В целом постоянной и главной доминантой, безусловно, стало укрепление отношений с союзниками по созданной в январе 1942 г. антигитлеровской коалиции, но внутри этой доминанты существовали и сменяли друг друга различные приоритеты. Союз СССР с западными партнерами никогда не был беспроблемным, причем с обеих сторон. С большими трудностями, как известно, решался вопрос о военной и экономической поддержке Советского Союза со стороны Запада, в частности о времени и месте открытия второго фронта. Довольно быстро на повестку дня выдвинулись задачи достижения договоренностей о послевоенном мирном устройстве. Неотъемлемой частью их становилось прогнозирование будущего «малых стран».

Инициаторами здесь выступили западные союзники. Однако некоторые особенности их «поведения» обусловили резкие перемены в советской позиции, причем в короткий срок. Еще в июле 1941 г. в беседе с послом Великобритании в Москве Криппсом Сталин счел тему послевоенного урегулирования неактуальной, что в принципе было понятным. Однако попытка лидеров Англии и США монополизировать обсуждение вопросов будущего миропорядка, выразившаяся в подготовке и принятии в августе 1941 г. без ведома СССР Атлантической хартии⁷⁰, насторожила Москву, стала, по всей вероятности, дополнительным и важным стимулом к разработке собственных проектов. Усилия советской стороны в этом плане впечатлили министра иностранных дел Великобритании Идена, прибывшего в СССР в декабре 1941 г. для обсуждения и подписания двустороннего союзного договора. На первой же встрече с со-

ветскими руководителями 16 декабря он заметил, что «британское правительство всерьез не занималось проблемой будущего Германии, как и вообще проблемами послевоенной Европы. Здесь оно далеко отстало от Советского правительства»⁷¹.

Действительно, к тому времени уже оформилась в общих чертах советская внешнеполитическая концепция системы послевоенной европейской безопасности на основе двух региональных подсистем пактов о взаимопомощи. Для Великобритании предусматривались пакты с Бельгией и Голландией, для Советского Союза — с Финляндией и Румынией⁷². Внешне советские намерения уходили корнями в 1920–1930-е гг. — к концепции гарантийных пактов и предложениям европейской дипломатии дополнить «Западное Локарно»⁷³ «восточным». Представляется, что советская сторона была готова вновь взять на вооружение идею «Восточного пакта»⁷⁴, частично реализованную осенью 1939 г. заключением пактов СССР о взаимопомощи с Эстонией, Литвой и Латвией. В формировавшейся в условиях войны советской концепции безопасности на перспективу приоритет был отдан не геополитическому и тем более не идеологическому фактору, а антигерманской компоненте. В этом контексте особое значение приобретала задача обращения с германскими сателлитами. Например, обсуждая с Иденом «схему реорганизации европейских границ после войны», Сталин предлагал «наказать Болгарию за ее поведение во время войны», отторгнув у нее район Бургаса («По мнению тов. Сталина, для Болгарии совершенно достаточно иметь один морской порт в виде Варны», — указывалось в записи беседы⁷⁵). Заметим, что впоследствии позиция советского лидера по этому вопросу постепенно менялась, о чем будет сказано ниже.

Через призму поиска альтернативных вариантов нового миропорядка целесообразно рассматривать и согласие советского руководства на том этапе с возможным созданием в будущей реконструированной Европе в интересах поддержания мира и порядка «военного союза демократических государств» с каким-либо центральным органом и располагающего «международной военной силой». Поначалу не возражала советская сторона и против создания в Европе, в том числе и на Балканах, «тех или иных государственных федераций»⁷⁶. Их разнообразные варианты, возможный состав и параметры, прежде всего экономические, тщательно

анализировались в НКВД СССР с учетом интересов союзников. В Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, созданной в 1942 г. в наркомате под руководством М. М. Литвинова, изучались такие объединения, как Адриатическая, Скандинавская, Дунайская монархическая, Польско-Чехословацкая и Центрально-Восточноевропейская федерации, Северный и Южный славянские союзы и пр.

По меньшей мере три варианта федераций предусматривали участие в них Болгарии: Дунайская (Австрия, Румыния, Болгария, Венгрия, Югославия), Балканская (Югославия, Румыния, Болгария, Греция) и Федерация стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Австрия, Чехословакия, Польша, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Греция)⁷⁷. Заметим, забегая вперед, что к середине 1943 г. советская сторона определила свое в целом негативное отношение к идее федерализации. Причина заключалась в том, что с созданием наднациональных объединений Москва все отчетливее стала ассоциировать возможности возрождения на западных границах СССР антисоветского «санитарного кордона».

После впечатляющих побед Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге советское правительство, как отмечают исследователи, обрело уверенность в своих действиях, осознало, что может оказывать на союзников гораздо более значительное давление при отстаивании собственных позиций. Советское руководство было готово взять на вооружение методы действия западных союзников, нередко предпочитавших ставить СССР перед свершившимися фактами, нежели следовать достигнутым договоренностям. Подтверждением тому стали события осени 1943 г. в Италии, где англичане и американцы, вновь без консультаций с СССР, начали борьбу за выход этой страны из войны. Сталин отреагировал письмом Черчиллю и Рузвельту, предупредив, что не согласен быть пассивным адресатом, которому сообщают о принятых решениях, и предложил создать совместную военно-политическую комиссию для подготовки переговоров с сателлитами Германии, которые пожелают выйти из войны⁷⁸.

Становилось очевидным, что советский руководитель учтет созданный союзниками прецедент в будущем, при решении центрально-европейских и балканских проблем. Более того, в Москве понимали, что такая тактика в связи с переменами в военной обстановке в пользу

советской стороны сможет принести ей значительные результаты⁷⁹. Растущая напряженность в отношениях между союзниками требовала поисков разрядки. Во имя обеспечения единства альянса возникла идея проведения конференций «большой тройки». Первой из них стала встреча руководителей трех союзных держав в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.).

Особенностью конференции явилось подчеркнутое внимание к послевоенной судьбе территорий, расположенных между СССР и Германией. На это имелась существенная причина: Красная армия в канун тегеранской встречи стояла в непосредственной близости от границ Польши и Румынии. В полной мере проявилось намерение союзников блокировать в будущем германский фактор, рассматривавшийся как основной источник угрозы. С этой целью Сталин выдвинул идею создания «важных стратегических пунктов» в Европе и на Дальнем Востоке с целью недопущения новой агрессии со стороны Германии и Японии. Эту идею с жаром (по его словам, «на сто процентов») поддержал Рузвельт, поскольку она отвечала размышлениям американского президента о «мировых полицейских». Обсуждение данного предложения Молотовым, Иденом и помощником американского президента Г. Гопкинсом во время конференции показало, что речь шла прежде всего о переходе под совместный контроль союзников немецких и японских военных баз. Впоследствии, однако, предполагалось поставить вопрос и о контроле над теми базами, которые предстояло разместить в странах, настроенных к Объединенным Нациям традиционно дружелюбно⁸⁰. К сожалению, данная важная инициатива советской стороны, свидетельствующая о ее готовности отойти от позиции жесткого деления мира на сферы влияния, не получила развития. Позднее, в условиях начинавшихся «заморозков» в отношениях между союзниками, она окончательно сошла на нет.

В Тегеране важное место занял вопрос о Болгарии. Рассматривался он «в привязке» к поведению нейтральной Турции, и инициировали его уже на первом заседании 28 ноября англичане. Черчилль проявил крайнюю озабоченность действиями Болгарии и позицией России в случае вступления Турции в войну. Советская делегация четко констатировала: если Турция объявит войну Германии, а Болгария как член Тройственного пакта нападет на Турцию, то СССР будет считать себя в состоянии войны с Болгарией. Англичане, как указывалось

в записи встречи, были удовлетворены «столь открытым заявлением о Болгарии». Их, говоря современным языком, «симметричным ответом» стало признание справедливости желания России иметь выход «в теплые моря». Надеясь на деликатность положения советской стороны в отношении болгар, Черчилль заметил, что те «все еще помнят, что Россия освободила их от турок». На это последовала характерная реплика Сталина: «Это уже давно забыто»⁸¹. Прагматик Сталин явно был далек от желания руководствоваться в большой политике эмоциями, как, впрочем, и от идеализации отношений между «братушками». (Заметим, что при публикации материалов Тегеранской конференции эта реплика Сталина была опущена.)

Развитие событий на фронтах Второй мировой войны в 1944 г. вызывало у западных союзников двойственные чувства. Отмечая «глубокий интерес и растущую надежду», с которыми Запад наблюдал за «гигантским наступлением» Красной армии, Черчилль отмечал позднее в мемуарах охватившее его тогда чувство тревоги: «Поскольку победа Великого союза становилась лишь делом времени, естественно, что устремления русских возрастали. Коммунизм поднимал голову за победоносным русским фронтом. Россия была спасительницей, а коммунизм — евангелием, которое она с собой несла»⁸². Характерно, что именно в начале 1944 г. свою заинтересованность в балканских делах проявили и Соединенные Штаты. Едва ли не впервые открыто это было зафиксировано в одном из оперативных донесений Главного разведывательного управления Красной армии, датированном мартом 1944 г.

Ранее достигнутое соглашение, говорилось в документе, «возлагающее стратегическую ответственность за Балканы на главнокомандующего британскими вооруженными силами, никоим образом не говорит о том, что Соединенные Штаты... намерены пренебрегать собственными интересами в этом районе». Подтверждением тому стала добытая советской разведкой информация о намечавшемся создании объединенного англо-американского комитета по оказанию помощи Балканам⁸³. Многочисленные источники, которые сегодня активно используются исследователями, убедительно указывают на особый интерес англичан к Греции. Судьба этой страны, наряду с Польшей, как отмечал Черчилль в мемуарах, «нас касалась непосредственно»⁸⁴. Эмоциональные оценки ситуации, свойственные британскому

премьеру⁸⁵, помогают объяснить готовность Лондона перевести идею раздела сфер интересов между СССР и Великобританией в практическую плоскость.

18 мая 1944 г. советский посол Ф.Т. Гусев и Э. Иден обсудили предложение англичан о выводе Греции и Румынии из войны. Сообщая в личной телеграмме 31 мая о результатах беседы Рузвельту, Черчилль указал, что советская сторона согласна взять на себя «ведущую роль в румынских делах, а англичане — такую же роль в греческих делах». Опасаясь, однако, что Рузвельт воспримет односторонние действия Лондона как нарушение совместной союзнической политики, Черчилль трактовал достигнутую договоренность не как разделение Балкан на сферы влияния. Он подчеркнул, что указанная договоренность «применима только к условиям военного времени и не затрагивает прав и обязанностей каждой из великих держав при мирном урегулировании и после него в отношении всей Европы»⁸⁶.

Американский президент на уловку не поддавался и в ответ телеграфировал 11 июня 1944 г.: «...мы признаём, что правительство, несущее военную ответственность на любой данной территории, неизбежно будет принимать решения, диктуемые военной обстановкой. Но мы убеждены, что естественная тенденция таких решений охватывать другие области, помимо военной, будет укреплена соглашением предложенного типа. По нашему мнению, это, безусловно, приведет к углублению разногласий между вами и Советами и к разделу Балкан на сферы влияния...»⁸⁷

Прозвучавшее в указанной телеграмме предложение Рузвельта отдать предпочтение созданию «консультативного механизма» и «ограничить тенденцию к образованию исключительных сфер»⁸⁸ не отвечало интересам ни Лондона, ни Москвы, нацеленных на четкое разграничение сфер интересов, в частности на Балканах. В полной мере это нашло подтверждение на встрече в Москве в октябре 1944 г. «Реалист» Сталин и «не отличающийся сентиментальностью» британский премьер-министр (это определения самого Черчилля) рассмотрели «процентное соглашение», устанавливавшее «доли» влияния СССР и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии и Болгарии.

Хотя, по признанию Черчилля, в прошлом отношения Великобритании с Болгарией, как и с Румынией, не требовали от Лондона «каких-то особых жертв»⁸⁹, на октябрьской встрече

отчетливо выявилась достаточно жесткая позиция британской стороны в отношении Болгарии. Заметив, что и в Первой мировой войне «англичан болгары сильно оскорбили» (вели себя по отношению к англичанам «очень плохо», напав на Румынию), а в последней войне творили жестокости в Югославии и Греции, Черчилль категорически воспротивился перспективе, чтобы «болгары сидели с союзниками за одним столом»⁹⁰. Кроме этого, премьер-министр заметил, что в Болгарии англичане «хотели бы быть немного больше, чем зрителями», каковыми являются в Румынии. Речь шла о подписанном к тому времени Соглашении о перемирии с Румынией, закрепившем определяющую роль Советского Союза в деятельности Союзной контрольной комиссии (СКК) в стране.

Октябрьская встреча ассоциируется в первую очередь с достижением своего рода «геополитического компромисса». Рассчитывая на неформальную договоренность о сферах влияния на Балканах, Черчилль предложил следовать в Румынии соотношению 90:10 в пользу СССР, в Болгарии — 75:25. В свою очередь, в Греции Великобритания (в согласии с Соединенными Штатами) оставляла за собой «долю» в 90%. В Югославии и Венгрии устанавливалось равное соотношение — 50:50.

Обращает на себя внимание тот факт, что на московской встрече болгарский вопрос оказался включенным в более широкий международный контекст, и обстановку в стране Сталин сравнил с ситуацией в Северной Италии, где находились войска западных союзников. В ответ на просьбу Черчилля повлиять на итальянских коммунистов и «затормозить» их деятельность, Сталин заметил: «...в Италии нет советских войск, в противоположность Болгарии, где они имеются и где мы можем приказывать коммунистам не делать того-то и того-то. Но если он, тов. Сталин, будет давать какие-либо советы Эрколи [Тольятти], то Эрколи может послать его к черту, ибо он, товарищ Сталин, совсем не знает обстановки в Италии. Он, товарищ Сталин, может лишь сказать, что Эрколи — умный человек и что он не пойдет на какую-либо авантюру»⁹¹.

Понятно, что оговорки Сталина о якобы плохом знании им внутривосточной ситуации в Италии, как и указание на «самостоятельность» П. Тольятти, не могли обмануть собеседника: в Лондоне не сомневались, что Москва сохраняла рычаги влияния на итальянских коммунистов. Главное же заключалось в том, что Сталин ясно дал понять: «авантюра» не со-

стоится, так как советское руководство не даст на нее «добро». Фактически это означало договоренность, что итальянские коммунисты не станут «будоражить» страну. Судя по записи беседы, Сталин, пойдя навстречу пожеланию Черчилля, сразу же, без какого-либо перехода, выразил желание «поправить цифру по Болгарии». Расчет на взаимность собеседника оправдался: Черчилль, заявив, что «вообще говоря, ему на Болгарию наплевать», предложил обсудить этот вопрос Идену и Молотову⁹². Руководители внешнеполитических ведомств, как известно, согласились скорректировать первоначальный «процентаж» применительно к Болгарии и Румынии: в окончательном виде установленное соотношение составило 80:20 в пользу Советского Союза. Показательно, что при таком предполагаемом раскладе сил Сталин, реагируя на резко недружелюбные замечания Черчилля в адрес болгар, ограничился кратким общим замечанием, что «Болгарию, конечно, нужно наказать»⁹³. Однако избежал каких-либо уточнений, отступив, таким образом, от своей позиции, выраженной в беседе с Иденом зимой 1941 года.

Судя по материалам НКВД СССР, в советском внешнеполитическом ведомстве продолжали размышлять над вопросами сфер влияния. В датированном 15 ноября 1944 г. одним из важных документов «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», вышедшем из-под пера М. М. Литвинова, к «максимальной сфере интересов Советского Союза» были отнесены Финляндия, Швеция, Польша, Венгрия, Чехословакия, славянские страны Балканского полуострова и Турция. Ключевой для СССР вопрос о проливах Литвинов рассматривал через призму возможной интернационализации режима их использования, причем четко обозначив, какая интернационализация была бы приемлема для советской стороны. Единственно возможным вариантом он считал «передачу контроля над проливами исключительно черноморским державам при наличии условий, обеспечивающих дружественные отношения к нам со стороны Румынии и Болгарии»⁹⁴. Под такими «условиями» Москва, согласно официальным заявлениям советских руководителей, понимала создание в указанных странах лояльных СССР режимов, подчеркивая свою «незаинтересованность» во введении социалистических порядков. Конкретные материалы свидетельствуют, что на том этапе Москва считала действовавшую в странах Центральной и Юго-Восточной Европы коалиционную систе-

му осуществления власти адекватной сложившимся реалиям.

Процесс укрепления народно-демократической власти в Болгарии, Румынии и Венгрии, несмотря на различия в темпах и социальной динамике, прорисовывал перспективу усиления левых сил и установления монопольной власти коммунистов, что встречало резко негативную реакцию Запада и желание воспрепятствовать этому. В то же время доминирующая роль СССР в СКК, обеспечивавшая поддержку радикальных общественно-политических перемен, обусловила намерение союзников пересмотреть принципиальные основы и практику деятельности комиссий, «утяжелить» в них собственный вес. Но так как неоднократные попытки ревизовать имевшиеся на этот счет договоренности, в частности расширить прерогативы и возможности западных представителей в СКК, успеха не принесли, было решено рассмотреть этот вопрос на предстоящей Крымской конференции союзников. Как указывалось в материалах госдепартамента США, следовало срочно «прояснить положение» в связи с вызывавшими резкую критику союзников действиями советского руководства комиссий⁹⁵.

В ходе подготовки встречи в Ялте западные союзники условились создать действенный инструмент прямого вмешательства в политическое развитие восточноевропейских стран в целом. С этой целью они согласовали свои претензии, которые намеревались предъявить Сталину. Этому были посвящены англо-американские переговоры на Мальте в конце января — начале февраля 1945 г.⁹⁶. Союзники обсудили американское предложение о создании Чрезвычайной верховной комиссии для освобожденной Европы с предоставлением ей прав и возможностей «оказывать помощь» как освобожденным странам, так и бывшим сателлитам Германии в решении широкого круга политических проблем. К их числу были отнесены вопросы возвращения на родину находившихся в эмиграции правительств, создания временных режимов и проведения выборов там, где имелась необходимость образовать «пользующиеся поддержкой народа и устойчивые правительства», принятия некоторых неотложных экономических мер.

Обосновывалась также необходимость ограничить ведущую роль СССР при осуществлении союзнического контроля в Болгарии, Румынии и Венгрии на первом этапе — до

окончания военных действий. Союзники намеревались добиваться обязательности предварительных консультаций советского руководства СКК с западными представителями по всем постановлениям комиссий. Любые акции, выходящие за рамки соглашений о перемирии, предпринятые в одностороннем порядке советской стороной «по военным соображениям», считались проведенными «от имени советского правительства и под его исключительную ответственность». Тем самым союзники рассчитывали, опираясь на соглашения о перемирии, оспаривать соответствие им тех или иных решений СКК и, как следствие, иметь возможность дезавуировать их. На следующем этапе — после завершения военных действий на европейском театре — предусматривалась полная перестройка деятельности СКК. Применительно к Болгарии и Венгрии ставился вопрос о «равном участии» трех союзных держав. Было решено также поставить перед советской стороной вопрос о свободе передвижения западных представителей в Болгарии, Венгрии и Румынии.

Однако мальтийская встреча выявила не только совпадение, но и различия в позициях западных союзников. Во многом благодаря особому мнению президента Рузвельта, озабоченного сохранением хороших отношений с Москвой с учетом предстоявших военных операций по разгрому Японии, план совместных действий обрел усеченный вид. В частности, был снят вопрос о создании Чрезвычайной верховной комиссии. В Ялте американская делегация выдвинула компромиссный проект другого документа — Декларации об освобожденной Европе. Она предусматривала согласование тремя державами политики в деле оказания помощи европейским странам, в том числе и сателлитам, в «разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». Были конкретизированы главные направления такой помощи:

- a) создавать условия внутреннего мира;
- b) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам;
- c) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа;
- d) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов».

Не упоминая о Чрезвычайной комиссии, американский проект предусматривал, однако, немедленное учреждение «надлежащего механизма для осуществления совместной ответственности, установленной настоящей декларацией», как только, по мнению трех правительств, возникнет в том необходимость⁹⁷.

Из подготовительных документов союзников следовало, что за обтекаемой формулировкой о «надлежащем механизме» скрывалась возможность создания некоей «специальной комиссии» и допускалось «совместное использование силы» для поддержания внутреннего порядка в тех случаях, когда «другие средства не имеют успеха»⁹⁸.

В Ялте советская сторона внесла в представленный проект некоторые поправки, в частности предложила скорректировать пункт о «надлежащем механизме». В окончательный вариант Декларации об освобожденной Европе вошла советская формулировка, согласно которой правительства трех держав, когда это потребует, «будут немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации»⁹⁹.

Таким образом, намерение союзников создать некую структуру в обход СКК и через нее осуществлять непосредственное влияние на внутривосточные дела Болгарии, Румынии и Венгрии было блокировано. Более того, принцип единогласного принятия решений затруднял применение положений декларации на практике, хотя, безусловно, ссылка на них становилась в руках союзников инструментом для более активного вмешательства в дела стран-сателлитов¹⁰⁰.

Дальнейшие события показали, что вопрос интерпретации принятой в Ялте декларации приобрел значительную остроту как в лагере союзников по антигитлеровской коалиции, так и среди бывших сателлитов. В Болгарии он вызвал оживление оппозиционных настроений и вызвал необходимость болгарских коммунистов проконсультироваться с Москвой. После беседы с Молотовым Димитров лаконично отметил в своем дневнике: «В целом ничего существенно не меняется»¹⁰¹. Одновременно руководство компартии взяло курс на то, чтобы не дать оснований союзникам настаивать на принятии предусмотренных ялтинскими решениями мер, убедительно продемонстрировать ход и итоги демократизации общественной жизни¹⁰².

Выводы, сделанные болгарскими коммунистами по советам Москвы, представляются своевременными и правильными, поскольку именно ситуация в Болгарии вызывала сильную обеспокоенность Запада, особенно Лондона. Не случайно в Ялте британская сторона представила целый пакет предложений по Болгарии. Помимо вопроса об СКК, она настаивала на рассмотрении вопроса о выплате репараций Греции, о болгаро-югославском сотрудничестве.

В противоположность Западу, советское руководство не собиралось выдвигать в Ялте каких-либо вопросов о странах-сателлитах, удовлетворяясь своей руководящей ролью в них при осуществлении союзнического контроля на основании Соглашений о перемирии. Но, оказавшись перед необходимостью реагировать на инициативы союзников, обозначила свою позицию еще на предварительной стадии внесения документов. Она оказалась аналогичной американской позиции, хотя и Москва, и Вашингтон руководствовались собственными интересами и расчетами. В результате весь «британский пакет» было признано целесообразным обсудить позднее, по дипломатическим каналам. Острый для союзников вопрос о расширении прав их представителей в СКК в Болгарии по румынскому и особенно венгерскому образцу¹⁰³ также не получил разрешения в Ялте. Советское руководство не отступило от прежней позиции, заявило, что договоренности, достигнутые применительно к Венгрии, не имеют никакого отношения к Болгарии¹⁰⁴.

Вместе с тем в новых условиях, создавшихся по окончании войны против Германии, советское правительство сочло необходимым и возможным внести определенные коррективы в порядок работы СКК в странах-сателлитах. Незадолго до открытия Берлинской (Потсдамской) конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) представителям Великобритании и США в СКК были переданы письма с конкретно прописанными изменениями. 16 июля 1945 г. такие письма были вручены западным представителям в комиссиях в Болгарии и Румынии¹⁰⁵. В новом распоряжении практически были удовлетворены ранее выдвигаемые союзниками требования:

- проведения регулярных совместных совещаний;
- согласования директив СКК;
- свободного передвижения по стране американских и английских представителей при условии предварительного согласования времени и маршрутов поездок;

- права самостоятельно определять численность и состав представительств;
- порядка доставки и отправления самолетами грузов и дипломатических курьеров¹⁰⁶.

Принятие нового распорядка работы СКК представляется исключительно важным, так как было направлено на устранение причин систематических столкновений между союзниками. Однако, как показало уже ближайшее будущее, практическая реализация новых установок нередко упиралась в их разное толкование сторонами, причем советские представители часто отступали от «буквы» соглашений в сторону их произвольной интерпретации, в полной мере использовали свои доминирующие позиции в СКК.

Перспектива возникновения противоречий из-за оценок ситуации в странах советской сферы влияния обозначилась уже в Потсдаме при рассмотрении вопроса о выполнении ялтинской Декларации об освобожденной Европе. Американская делегация внесла предложение о безотлагательной реорганизации правительств в Румынии и Болгарии путем включения в их состав представителей всех «значительных демократических групп». Создание таких правительств было объявлено условием дипломатического признания указанных стран и заключения с ними мирных договоров. Был сформулирован, хотя и в общем плане, и вопрос о помощи в проведении «свободных и невоспрепятственных выборов», немедленно в Греции и в перспективе — в Румынии и Болгарии, а также, возможно, и в других странах¹⁰⁷.

Реакция советской стороны была вполне предсказуемой. Черчилль вспоминал, что 18 июля 1945 г. во время обеда со Сталиным он услышал от советского руководителя, что тот «был уязвлен американским требованием сменить правительства в Румынии и Болгарии. Он не вмешивается в греческие дела, и поэтому американцы поступили несправедливо»¹⁰⁸.

20 июля 1945 г. в специальном меморандуме советская сторона категорически отвергла предложения по Болгарии и Румынии. Авторы меморандума подчеркнули порядок и спокойствие в указанных странах, наличие авторитетной и пользующейся доверием населения законной власти, добросовестное исполнение соглашений о перемирии и, наконец, серьезную помощь Объединенным Нациям в борьбе против Германии. «При таких обстоятельствах советское правительство не видит никаких оснований для вмешательства во внутренние дела Болгарии и Румынии», — констатировалось в документе.

Советская сторона заявила также о неотложной необходимости срочно восстановить дипломатические отношения со странами — бывшими сателлитами Германии, поскольку затяжка этого вопроса «не находит себе оправдания».

Отметив таким образом благополучие в собственной сфере влияния, авторы меморандума сделали ответный ход: подчеркнули отсутствие порядка и законности в Греции, террор против демократических элементов, угрозы развязать военные действия против соседних Болгарии и Албании. Было заявлено о необходимости также содействовать образованию в Греции демократического правительства¹⁰⁹. Иными словами, стороны, каждая на свой лад, стремились указать на несоответствие обстановки в сферах влияния союзников послевоенному курсу на последовательную демократизацию и активно опирались при этом на ялтинские договоренности, прежде всего на Декларацию об освобожденной Европе. Такой подход будет постоянно проявляться и впоследствии, находя проявления в деятельности Союзных контрольных комиссий.

По мере все более зримого выявления противоречий в лагере союзников возрастало внимание советского руководства к «новой славянской политике»¹¹⁰. В ее основе лежали традиции борьбы славянских народов против немецкой политики «Дранг нах Остен»¹¹¹. Советское руководство отнюдь не исключало, что Запад сможет пойти на соглашение с немцами. Свои подозрения Сталин высказал в марте 1945 г. во время пребывания в Москве чехословацкой делегации в четкой формулировке о намерении союзников «спасти немцев и сговориться с ними... обоиться с ними помягче»¹¹². Сталин считал возможным включить славянский союз в послевоенную систему безопасности в Европе. Он исходил при этом из убежденности в способности немцев быстро восстановить страну, оправиться от последствий войны и вновь задуматься о реванше.

Болгарии в подобных замыслах отводилось важное место. Это, помимо других факторов, способствовало очередному уточнению подхода Сталина к болгарским делам. На Берлинской конференции, говоря о «грехах» сателлитов по отношению к России, вопрос о наказании славянского сателлита он свел к уплате репараций и демобилизации армии по окончании войны. Советский лидер счел уместным напомнить об отсутствии болгарских частей на Восточном фронте и участии болгарской армии в войне на стороне союзников в соответствии с Соглашением о перемирии¹¹³.

Задумываясь о практическом содержании «новой славянской политики», Сталин исходил из собственных представлений о послевоенных общественных настроениях. Еще в беседе с Черчиллем и Иденом 17 октября 1944 г. советский лидер заметил, что после войны главным желанием народов будет пожить «полной национальной жизнью без помех»¹¹⁴. Невозможно, полагал он, думать ныне всерьез о каких-либо объединениях «малых стран», хотя и не исключал подобного варианта в более отдаленном будущем¹¹⁵. Но, думается, Сталин имел в виду не только планы Запада по федерализации Европы или созданию Таможенного союза. Будучи политиком-реалистом, он предвидел разного рода трудности практического воплощения каких-либо государственных форм «славянского союза». В марте 1945 г., встречаясь с чехословацкой делегацией, Сталин, припомнив историю, назвал идею объединения славян под русским царем «вредной и невыполнимой» и пояснил: «Славянские народы имеют различные общественно-бытовые и этнографические уклады, имеют разный культурный уровень и различное общественно-политическое устройство. Географическое положение славянских народов также мешает объединению. Мы... стоим не за объединение, а за союз славянских народов (здесь и далее курсив мой. — Т.В.)... Этот союз необходим нам для защиты славянства»¹¹⁶.

В связи со сказанным представляется, что вряд ли Сталину могли импонировать рассуждения о некой наднациональной, «более широкой демократической космополитической государственности и культуре», идущей на смену традиционной «узкой национальной», с которыми выступил видный болгарский ученый-философ, общественный деятель, а в то время один из регентов при малолетнем царе Симеоне коммунист Тодор Павлов. Об этом он заявил в интервью белградским газетам «Борба» и «Политика», характеризуя «новую славянскую политику»¹¹⁷.

Однако уже на рубеже войны и мира становилось ясно: славянская составляющая советской внешней политики в Восточной Европе имеет весьма ограниченный фронт воздействия уже потому, что в советскую сферу влияния входили не только славянские страны. Предстояло

искать и находить иные формы «сцепления» ее компонентов, исходя из геополитических, а затем и идеологических интересов. А трудности, возникшие уже на самом начальном этапе реализации болгаро-югославского проекта федерации, показали иллюзорность расчетов на якобы «особые отношения» между славянскими странами, основанные на солидарности и «уникальной» славянской ментальности.

* * *

Усилия советской внешней политики в годы Второй мировой войны концентрировались на достижении победы над фашизмом и освобождении оккупированных стран. Решая эту глобальную задачу, Москва большое внимание уделяла Балканам — важнейшему в стратегическом отношении и традиционно конфликтно-генному европейскому региону. Болгария — небольшая балканская страна — оказалась в силу своего геостратегического положения сначала на перекрестье интересов Германии, СССР и западных государств, а затем, по мере нарастания напряженности в рамках антигитлеровской коалиции, и одним из объектов противостояния между ее участниками.

Если интерес западных держав к Болгарии во время войны имел временный характер, связанный с конкретными политическими целями, то для советского политического руководства Болгария являлась важной составляющей общей стратегии безопасности, нацеленной на установление контроля над черноморскими проливами и обеспечение выхода в Средиземное море. Проиграв Германии в 1939–1940 гг. сражение за Болгарию, Советский Союз своими военными победами на фронтах Второй мировой войны подготовил реванш. Вступив летом 1944 г. на Балканы, Красная армия фактически обеспечила защиту собственных стратегических интересов в регионе. Болгария, хотя и не относилась к сфере интересов западных держав, стала тем не менее ареной достаточно жесткого противостояния союзников по антигитлеровской коалиции, пробы их сил, а стремительное продвижение к биполярной организации послевоенного мира обозначило перспективу для Болгарии — установление в стране полного советского контроля.

¹ См., например, выступление израильского историка Г. Городецкого в дискуссии на международной научной конференции «Болгария и Россия в XX веке» (София, Институт истории БАН, 1995 г.) (България и Русия през XX век: България-руски научни дискусии. София, 2000. С. 221).

- ² Валева Е. Л. «Болгарская карта» в геополитической игре Москвы и Берлина (1939–1941 гг.) // Бългaрия и Русия между признателността и прагматизма: Доклади. София, 2008. С. 391.
- ³ Балканская Антанта — созданный в 1934 г. блок государств в составе Турции, Греции, Румынии и Югославии для сохранения status quo на Балканах.
- ⁴ Нота посланника Болгарии в СССР Н. Антонова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову относительно декларации болгарского правительства о нейтралитете, 16 сентября 1939 г. // Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы: В 3 т. / Отв. ред. Л. Б. Валев. Т. 1: Ноябрь 1917 — сентябрь 1944. М., 1976. С. 464.
- ⁵ Из записки беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Болгарии в СССР Н. Антоновым об опасениях болгарского правительства в связи с агрессивными устремлениями некоторых государств по отношению к Болгарии, 20 сентября 1939 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Т. 1. С. 464–465.
- ⁶ Там же. С. 465.
- ⁷ Из доклада профессора Д. Костова министру земледелия и государственного имущества Болгарии о переговорах в Москве и заключении договора о торговле и мореплавании между Болгарией и СССР, 18 января 1940 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Т. 1. С. 491.
- ⁸ См., например: Из донесения управления Бургасской области министерству внутренних дел и здравоохранения Болгарии о настроениях среди населения в связи с подписанием договора о торговле и мореплавании между СССР и Болгарией, 10 февраля 1940 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Т. 1. С. 494.
- ⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 132. Л. 45.
- ¹⁰ Военная разведка информирует: Документы Разведуправления Красной армии, январь 1939 — 1941. М., 2008. С. 451–452.
- ¹¹ Известия. 1940. 13 августа.
- ¹² Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. М., 1999. С. 380.
- ¹³ Валева Е. Л. «Болгарская карта» в геополитической игре Москвы и Берлина. С. 392.
- ¹⁴ Подробнее см.: Николов Р. Присъединяването на България към Тристагния пакт: военностратегически аспекти на политическия ангажимент // 100 години независима България: стълбове на държавността: Сборник доклади и научни съобщения, изнесени на международна научна конференция в София, 14–15 октомври 2008 г. София, 2009. С. 136–144.
- ¹⁵ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). М., 1998. С. 30–31.
- ¹⁶ Там же. С. 31.
- ¹⁷ Там же; Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 4: Вторая мировая война: Документы и материалы. С. 175–176.
- ¹⁸ См., например: ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 34, 48, 60–62, 82.
- ¹⁹ Там же. С. 61.
- ²⁰ Там же; СССР — Германия, 1939–1941: Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 по июль 1941 г. Вильнюс, 1989. Ч. 2. С. 119.
- ²¹ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 70, 71; Безыменский Л., Горлов С. Накануне: (Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // Международная жизнь. 1991. № 8. С. 120.
- ²² ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 70.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 81; Безыменский Л., Горлов С. Накануне. С. 117.
- ²⁵ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 46.
- ²⁶ Там же. С. 50.
- ²⁷ Там же. С. 73, 79.
- ²⁸ Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны: Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М., 1999. С. 51.
- ²⁹ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 38, 46, 69; Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 — июль 1941 года. М., 2008. С. 336.
- ³⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1142. Л. 74–75.
- ³¹ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 247. Л. 2–5; ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 2). С. 805–806.
- ³² Чубарьян А. О. Канун трагедии. С. 363.
- ³³ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 2). С. 805.
- ³⁴ Там же. С. 807.
- ³⁵ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 386.
- ³⁶ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 203.
- ³⁷ СССР — Германия. С. 132.
- ³⁸ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 72.
- ³⁹ СССР — Германия. С. 132–133. Советские условия участия в пакте четырех были переданы Молотовым послу Шуленбургу 25 ноября 1940 г. (ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 136–137).
- ⁴⁰ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 374.

- ⁴¹ Дедеагач — турецкое название греческого города Александруполиса на берегу Эгейского моря.
- ⁴² Димитров Г. Дневник. С. 203.
- ⁴³ «Соболевская акция» — движение в Болгарии в поддержку пакта с СССР, развернутое на основе советских предложений по инициативе и на средства Москвы. Название получило по имени советского дипломата, генерального секретаря НКВД СССР А. А. Соболева, специально прибывшего 25 ноября 1940 г. в Софию, чтобы довести позицию советского руководства до сведения царя Бориса и премьер-министра Б. Филова.
- ⁴⁴ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 159; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 135. Л. 14–15.
- ⁴⁵ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 211.
- ⁴⁶ Цит. по: Чубарьян А. О. Канун трагедии. С. 367.
- ⁴⁷ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 295.
- ⁴⁸ Известия. 1940. 14 января; ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 327.
- ⁴⁹ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 344.
- ⁵⁰ Там же. С. 358.
- ⁵¹ Там же. С. 356.
- ⁵² Там же. С. 343–344.
- ⁵³ Чубарьян А. О. Канун трагедии. С. 336.
- ⁵⁴ Валева Е. Л. На перекрестке геополитических интересов Великих держав (1939–1941) // Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 252.
- ⁵⁵ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 359.
- ⁵⁶ Там же. С. 359, 358.
- ⁵⁷ Тошкова В. България в балканската политика на САЩ, 1939–1944. София, 1985. С. 93.
- ⁵⁸ СССР — Германия. С. 149, 150–151.
- ⁵⁹ Тошкова В. България и Третият райх. София, 1985. С. 42.
- ⁶⁰ СССР — Германия. С. 152.
- ⁶¹ ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 1). С. 441; Запись беседы полномочного представителя СССР в Болгарии А. А. Лаврищева с начальником политического отдела МИД Болгарии И. Алтыновым о присоединении Болгарии к Тройственному пакту, 1 марта 1941 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Т. 1. С. 546.
- ⁶² ДВП. Т. 23. Кн. 2 (ч. 2). С. 448; Нота Народного комиссариата иностранных дел СССР миссии Болгарии в СССР в ответ на сообщение болгарского правительства о вводе в Болгарию германских войск // Советско-болгарские отношения и связи. Т. 1. С. 547.
- ⁶³ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. С. 295.
- ⁶⁴ Там же. С. 293.
- ⁶⁵ Цит. по: Валева Е. Л. На перекрестке геополитических интересов Великих держав. С. 257.
- ⁶⁶ Димитров Г. Дневник. С. 225–226.
- ⁶⁷ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. С. 300.
- ⁶⁸ Подробнее см.: Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 158–159.
- ⁶⁹ СССР — Германия. С. 169.
- ⁷⁰ Указанный документ фиксировал следующие принципы послевоенного устройства: непризнание территориальных изменений, осуществляемых вопреки желаниям заинтересованных народов; права народов самостоятельно избирать форму правления; восстановление суверенитета стран, лишенных его насильственным путем; разоружение государств — потенциальных агрессоров; уничтожение «нацистской тирании»; свобода мореплавания; равенство стран в торговле и доступе к источникам сырья.
- ⁷¹ Первая беседа с А. Иденом 16 декабря [1941 г.] в 19 часов 00 минут // Ржешевский О. А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 19 (Док. № 4).
- ⁷² Подробнее см.: Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика. С. 74–75.
- ⁷³ «Западное Локарно», или западноевропейский гарантийный пакт, — договоры, подготовленные на конференции в Локарно в 1925 г. министрами иностранных дел Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Польши и Чехословакии. Основной документ — так называемый Рейнский гарантийный пакт — декларировал территориальный status quo, оформленный Версальским мирным договором 1919 г.: неприкосновенность германо-бельгийской и германо-французской границ, демилитаризация Рейнской области. Хотя франко-польский и франко-чехословацкий договоры, парафированные в Локарно, предполагали оказание помощи Польше и Чехословакии в случае нападения на них Германии, государства, подписавшие Рейнский пакт, не гарантировали восточные границы Германии.
- ⁷⁴ «Восточный пакт» — проект договора о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией и Литвой против возможной агрессии Германии. Идея пакта принадлежала министру иностранных дел Франции Л. Барту и была сформулирована в начале 1934 г.
- ⁷⁵ Первая беседа с А. Иденом. С. 16.

- ⁷⁶ Там же. С. 18, 20.
- ⁷⁷ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 12. Д. 20. Л. 1–17; Волокитина Т. Перспективы развития Болгарии после Второй мировой войны: Взгляд из Москвы: (Новые документы российских архивов) // Бългaрия и Русия през XX век: Бългaро-руски научни дискусии. София, 2000. С. 240.
- ⁷⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 83.
- ⁷⁹ Рейман М., Литера Б., Свобода К., Коленовска Д. Рождение державы: История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М., 2015. С. 753, 755.
- ⁸⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 6 т. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. М., 1978. С. 117–118, 144–145.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 45, 62, 16.
- ⁸² Черчилль У. Триумф и трагедия. М., 2004. С. 117, 118.
- ⁸³ Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик? С. 181.
- ⁸⁴ Черчилль У. Триумф и трагедия. С. 118.
- ⁸⁵ Личный врач Черчилля лорд Ч. Мак-Моран 4 сентября 1944 г. в дневнике записал следующее высказывание премьер-министра: «Боже милосердный! Неужели Ты не видишь, что русские разливаются по Европе, как море. Захватили Польшу и, ничто их не сдерживает от вступления в Турцию и Грецию» (Цит. по: Cytowska-Siegrist E. Stany Zjednoczona a Polska, 1939–1945. Warszawa, 2013. S. 305).
- ⁸⁶ Там же. С. 48.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же. С. 118.
- ⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 283. Л. 9.
- ⁹¹ Там же. Л. 12.
- ⁹² Там же. Л. 13.
- ⁹³ Там же. Л. 9.
- ⁹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 52.
- ⁹⁵ Гибианский Л.Я. Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции // Советское славяноведение. 1982. № 2. С. 10.
- ⁹⁶ Волков Ф.Д. За кулисами Второй мировой войны. М., 1985. С. 61–62.
- ⁹⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сборник документов. М., 1979. С. 186–187. (Далее — Крымская конференция.)
- ⁹⁸ Гибианский Л.Я. Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции. С. 13.
- ⁹⁹ Крымская конференция. С. 195.
- ¹⁰⁰ Калинова Е. Победители и Бългaрия, 1939–1945. София, 2004. С. 220.
- ¹⁰¹ Димитров Г. Дневник. С. 466.
- ¹⁰² Калинова Е. Победители и Бългaрия. С. 221–222.
- ¹⁰³ Действовавший в Венгрии специальный статут СКК, отразивший уступки советской стороны союзникам, предполагал созыв совещаний с западными представителями, информирование их «о политических директивах», т.е. о распоряжениях СКК общего характера, до отправления таких директив венгерским властям от имени комиссии, учет замечаний представителей союзников, свободу передвижения по стране с предварительным уведомлением руководства СКК, определение численности и состава английской и американской делегаций в СКК, определение денежных сумм на их содержание и пр. Статут был рассчитан для первого этапа перемирия — до окончания войны с Германией. В дальнейшем союзники рассчитывали воплотить в жизнь принцип «равного участия».
- ¹⁰⁴ Пинтев С. Началната дейност на Съюзната контролна комиссия в Бългaрия (октомври 1944 — януари 1945 г.) // Исторически преглед. 1979. Кн. 4–5. С. 202.
- ¹⁰⁵ Текст письма представителям США и Великобритании в СКК в Венгрии был вручен еще раньше — 12 июля 1945 г.
- ¹⁰⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, 17 июля — 2 августа 1945 г.: Сборник документов. М., 1980. С. 386–387. (Далее — Берлинская конференция.)
- ¹⁰⁷ Там же. С. 316–317.
- ¹⁰⁸ Черчилль У. Триумф и трагедия. С. 355.
- ¹⁰⁹ Берлинская конференция. С. 330–331.
- ¹¹⁰ Подробнее см.: Волокитина Т.В. Славянская идея в годы Второй мировой войны // Шлях да ўзаемнасці: Матэрыялы XVIII Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гродна, 15–16 лістапада 2012 года) / Droga ku wzajemności. Materiały XVIII Międzynarodowej konferencji naukowej (Grodno, 15–16 listopada 2012 roku). Ліда, 2014. С. 11–16.

■ Том XIII. Военная дипломатия

¹¹¹ Подробнее об антиславизме Гитлера и немцев см.: Борейша Е. О понятии «антиславизма» у Адольфа Гитлера // Славянские народы: общность истории и культуры: К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук В. К. Волкова. М., 2000. С. 369–380.

¹¹² Сталин И. В. Сочинения: В 18 т. Т. 18. Тверь, 2006. С. 361; Робертс Дж. Сталинские войны: От мировой войны до холодной, 1939–1953 — http://samlib.ru/w/worobhew_anatolij/stalin1-1.shtml

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 236. Л. 11.

¹¹⁴ Там же. Д. 283. Л. 84.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. С. 361.

¹¹⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34Б. П. 158А. Д. 4. Л. 45–46.

Союзная советская контрольная комиссия в Болгарии (ноябрь 1944 — декабрь 1947 г.)

Т. В. Волокитина*, Л. В. Ревякина**

В болгарской историографии, публицистике и прессе после происшедших в 1989 г. в стране перемен начал активно дискутироваться вопрос о том, как оценивать пребывание Красной армии в Болгарии с 8 сентября 1944 г. до середины декабря 1947 г. — как освободительную миссию, советское военное присутствие или оккупацию. Господствовавшая в историографии в период социалистического развития страны точка зрения о вступлении Красной армии в Болгарию с освободительной миссией стала пересматриваться. Как следствие, под сомнение были взяты прежние однозначно-позитивные оценки этого события с особой акцентацией на такие важные для страны события, как вступление в войну на стороне Объединенных Наций и участие в разгроме Германии, ускорение революционных процессов, приведших к утверждению народной власти и т.д.

В конце 1990-х годов в академической среде появились новые оценки болгарско-советских отношений, отразившие характерные черты наступившего в стране переходного периода. Затронули они и вопрос о вступлении в Болгарию Красной армии. Авторитетный исследователь новейшей болгарской истории академик М. Исусов пришел к заключению, что Болгария после подписания перемирия с союзниками оказалась в условиях «сильной, даже полной зависимости, но не была оккупирована. Из Москвы в Болгарию поступали не только приказы, но и предложения, мнения, советы, вопросы»¹.

Й. Баев, говоря о советском военном присутствии в Болгарии, охарактеризовал его и как «оккупационное», и как «освободительное». Если руководствоваться «общецивилизационным» подходом, утверждает автор, то разгром гитлеровских войск Красной армией, безусловно, имел освободительный характер. «С чисто юридической точки зрения присутствие советских войск в Болгарии и функционирование Союзной контрольной комиссии имели определенно оккупационный характер»².

Этой проблеме посвящена и вышедшая в 2005 г. монография В. Ангелова «Третья национальная катастрофа»³. Подзаголовок исследования, «Советская оккупация Болгарии (1944–1947)», говорит сам за себя. Автор связывает третью национальную катастрофу Болгарии не столько с участием Болгарии — сателлита Германии во Второй мировой войне, что довело страну до разорения и капитуляции, не с тяжестью предъявленных ей в результате этого условий перемирия, а с оккупацией Болгарии Красной армией и деятельностью в стране Союзной контрольной комиссии (СКК).

Рассуждения по вопросу о пребывании Красной армии в Болгарии, как правило, связывают с вопросом, во сколько обошлось Болгарии содержание находившихся в стране частей Красной армии и СКК, руководимой представителями Советского Главнокомандования и потому известной как Союзная (Советская) контрольная комиссия. Наиболее серьезным

* Татьяна Владимировна Волокитина — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

** Луиза Васильевна Ревякина — доктор исторических наук, профессор Института исторических исследований Болгарской академии наук (БАН).

исследованием на эту тему является статья Д. Вачкова⁴. Автор приводит конкретные цифры расходов Болгарии по выполнению статей Соглашения о перемирии. Общая сумма составила почти 113 млрд 280 млн лв, из которых более 63 млрд лв были израсходованы на участие Болгарии в войне против Германии; 30 млрд — на выполнение условий перемирия; 27 млрд — на косвенные расходы; 10,9 млрд — на возмещение убытков и пр. Самым затратным стало выполнение финансово-экономических обязательств по ст. 15 соглашения: предоставление денежных средств, продуктов питания, товаров, обслуживание Советского военного командования (проведение ремонтных работ, включая стоимость использованных материалов, и пр.).

В документах союзников, включительно и советских, за 1944–1947 гг., когда действовала СКК, говорится об оккупации Болгарии, о содержании оккупационных советских войск в Болгарии. Использование этого термина вполне правомерно, поскольку речь шла о военном (8 сентября 1944 — май 1945 г.) и первых годах послевоенного (май 1945 — 1947) периода. Первый период связан с все еще продолжавшейся войной, а второй — с выполнением условий перемирия и предстоявшим подписанием мирного договора. Пребывание частей Красной армии в Болгарии узаконено договором — Соглашением о перемирии, подписанным тремя Союзными силами — победителями в войне, то есть осуществлялось с согласия правительства Болгарии и союзников СССР. Другой вопрос, что оккупация в любой отдельной стране имеет не только свою специфику, но и преследует свои цели.

Нельзя, однако, согласиться с утверждением тех авторов, кто считает, что содержание Красной армии и СКК привели Болгарию к новой национальной катастрофе. Красная армия вступила на территорию Болгарии как армия, ведущая войну против Германии и ее союзников, одним из которых была Болгария. Советские представители по договоренности с союзниками являлись руководящей силой в СКК, которая осуществляла контроль над исполнением подписанного Болгарией и тремя ведущими силами антигитлеровской коалиции соглашения о перемирии. В соглашении закреплялось обязательство Болгарии выполнить все условия, в том числе и ст. 15, согласно которой правительство Болгарии должно было «регулярно выплачивать денежные суммы в болгарской валюте и предоставлять товары (горючее, продукты питания и т.п.), средства и услуги, ко-

торые могут потребоваться Союзному (Советскому) Главнокомандованию для выполнения его функций». И по существующим международным законам СССР, так же как и Великобритания и США, использовали это право.

Обязательства Болгарии по содержанию советских гарнизонов и комендатур и Союзной контрольной комиссии, действительно, были крайне обременительными для страны с дефицитным бюджетом, разоренным в годы войны хозяйством, необходимостью выплаты значительных репараций Греции и Югославии. Но документы свидетельствуют, что и советское правительство, и советское интендантство в Софии с пониманием относились к хозяйственным трудностям Болгарии. Заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский в письме начальнику Генерального штаба РККА А. И. Антонову от 12 августа 1945 г. отмечал: «Советские войска находятся в Болгарии с сентября месяца 1944 года. Столь длительное пребывание значительного количества войск неизбежно порождает недовольство среди населения, особенно среди крестьян, которое раздувается враждебными нам элементами. Как бы болгары хорошо ни относились к нам, но мы для них — гости. А по нынешним временам и самые дорогие гости, если их много и если они долго гостят, становятся в тягость. В этих условиях было бы целесообразно оставить в Болгарии лишь самый необходимый минимум действительно боевых частей (необходимый для помощи Болгарской армии в отражении первого удара извне и для устрашения кое-кого внутри [страны] и извне), а остальные части перевести в Румынию, где продовольственное положение значительно лучше, чем в Болгарии. Я не берусь судить, каким должен быть этот минимум. Товарищ Сталин в июне месяце решил, что этот минимум должен быть в количестве 70 тысяч человек. После этого произошли некоторые события (выборы в Англии, конференция в Потсдаме), которые, кажется, значительно улучшили обстановку вообще и в Юго-Восточной Европе в частности. Может быть, сейчас можно обойтись в Болгарии и меньшим количеством людей»⁵.

Хотя в ответном письме от 17 августа А. И. Антонов сообщил окончательное указание Сталина — «наши войска, находящиеся в Болгарии, оставить на месте», принципиальное значение имела оговорка Верховного Главнокомандующего: «В случае возникновения затруднений с питанием наших войск, продовольствие будет подаваться в Болгарию»⁶.

В связи с засухой и неурожайными 1945 и 1946 годами руководство СКК пошло на сокращение денежных средств, отпускаясь болгарским правительством на содержание частей Красной армии, отказалось от поставок советским войскам некоторых продуктов питания, поставило перед советским руководством вопрос о досрочном выводе из Болгарии части военного контингента из-за тяжелого продовольственного положения: от нехватки продуктов страдало болгарское население⁷. В случаях, когда заявки, поступавшие от советских воинских частей, бывали значительными по объему и ассортименту, советские и болгарские интендантские службы старались достичь разумного компромисса, обсуждали варианты выхода из сложившегося положения⁸. Выделявшиеся для нужд Красной армии и СКК средства скрупулезно фиксировались в ежемесячных отчетах Болгарского народного банка (БНБ) и Министерства финансов. Полную информацию о расходах по снабжению Красной армии предоставляли Министерство транспорта (транспортные расходы), Военное министерство (Дирекция гражданской мобилизации). Сохраняемая в архивах документация по этим вопросам, без преувеличения, огромна. Большинство нарушений установленного порядка на получение товаров и услуг выявлялось (в основном по требованию болгарской стороны) и, как правило, устранялось.

28 октября 1944 г. в Москве представителем Советского Главнокомандования маршалом Ф. И. Толбухиным и представителем Верховного командования союзников в Средиземноморском районе генералом Дж. Гаммелем было подписано Соглашение о перемирии с Болгарией. По уполномочию болгарского правительства подписи под Соглашением поставили министр иностранных дел Болгарии П. Стайнов (председатель делегации), министр финансов П. Стоянов, министры без портфеля Н. Петков и Д. Терпешев. В соответствии со ст. 18 соглашения создавалась Союзная контрольная комиссия в Болгарии — международный орган, регулировавший и контролировавший выполнение условий перемирия. СКК действовала до 15 сентября 1947 г., когда был ратифицирован и вступил в силу подписанный 10 февраля 1947 г. мирный договор Болгарии с Союзными и Соединенными державами. В течение 90 дней после ратификации мирного договора советские войска были выведены из страны.

В состав СКК вошли три представительства: СССР, Великобритании и США. Председателем

комиссии был назначен маршал Ф. И. Толбухин, заместителем председателя — генерал-полковник С. С. Бирюзов, политическим советником при председателе СКК — А. А. Лаврищев, помощниками председателя — генерал-лейтенант А. И. Черепанов и контр-адмирал Н. О. Абрамов. Штабом руководил сначала подполковник Зайцев, а затем был назначен генерал-майор А. И. Сучков. Рабочие органы СКК были сформированы полностью из советских представителей. Из-за крайней занятости маршала Ф. И. Толбухина (до конца войны командующего 3-м Украинским фронтом, а после окончания войны до 1947 г. главнокомандующего Южной группой войск) обязанности председателя СКК фактически выполнял генерал-полковник С. С. Бирюзов. В структуру Комиссии входили: штаб СКК; группа политсоветника; отделы — административный, экономический, военный, военно-морской, военно-воздушных сил, транспортный; отделение связи с правительством, отделение связи (телефон, телеграф); группа 7-го отдела (работа среди войск и населения противника, т. н. спецпропаганда, радиоразведка) Политуправления Красной армии. Во всех областях страны (Софийской, Пловдивской, Плевенской, Старозагорской, Горноджумайской, Варненской, Бургасской, Врачанской, Русенской) имелись уполномоченные СКК, решавшие на местах все неотложные вопросы по обеспечению выполнения Соглашения о перемирии.

СКК собралась в полном составе и начала работу 29 ноября 1944 г. На первом заседании участников ознакомили с основными правилами работы комиссии: отношения СКК с болгарским правительством поддерживаются только через советское представительство комиссии, остальные члены СКК не имеют права обращаться непосредственно к болгарским властям по какому бы то ни было поводу; спорные вопросы решает советская сторона; представительства союзников информируются о возникших спорах и могут представить советскому руководству свои возражения.

Бирюзов также сообщил представителям Великобритании и США, что численность их миссий должна ограничиваться 11 офицерами каждая. Это заявление шокировало западных представителей, поскольку Британская военная миссия во главе с генерал-майором Уолтером Окслеем насчитывала к тому времени 110 человек, а Военная миссия США, руководимая генерал-майором Джоном Крейном, состояла из 59 военных и дипломатических сотрудников.

В тот же день, 29 ноября, Бирюзов в официальном порядке информировал председателя Совета министров Болгарии К. Георгиева о начале работы комиссии и порядке контактов между СКК и болгарской стороной. Бирюзов подчеркнул, что связь представителей союзников в СКК с болгарским правительством будет осуществляться только и единственно через советских представителей в ней: маршала Ф.И. Толбухина, генералов С.С. Бирюзова и А.И. Черепанова, контр-адмирала Н.О. Абрамова и политсоветника А.А. Лаврищева⁹.

Еще до официального оформления состава СКК британская сторона предприняла попытки ограничить советскую доминацию в ее руководстве. 14 ноября 1944 г. посол Великобритании в СССР А. Кларк Керр в письме наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову предложил по примеру Италии создать в Болгарии, кроме СКК, консультативный совет, который занимался бы вопросами репараций. В его состав могли бы войти политические представители СССР, Великобритании, США, Греции и Югославии. Ответ советское руководство дало только через месяц, 17 декабря 1944 г., пояснив, что существование в Болгарии, наряду с СКК, консультативного совета нецелесообразно. В Италии, указывалось в документе, в создании консультативного совета были заинтересованы многие страны, а в Болгарии интерес к подобному органу может иметь только Греция, так как Югославия уже ведет непосредственные переговоры с Софией по вопросу о репарациях. Что касается Греции, то она может предъявлять свои претензии прямо к СКК, а если греческое правительство желает установить более тесные связи с комиссией, то ей можно предоставить возможность иметь своего офицера для связи с комиссией¹⁰. Британское правительство информировало Афины о советском предложении, и 22 января 1945 г. греческий полномочный представитель в Москве А. Политис вручил заведующему IV Европейским отделом НКВД СССР В.А. Зорину меморандум, в котором греческое правительство сообщало, что принимает советское предложение¹¹.

Вопрос о резком сокращении численного состава представительств вызвал негативную реакцию Лондона. 7 декабря 1944 г. управляющий посольством Великобритании в СССР Дж. Бальфур уведомил заместителя комиссара иностранных дел В.Г. Деканозова о несогласии британского правительства с решением об ограничении численности делегации. Баль-

фур подчеркнул, что определение штата своего представительства является прерогативой конкретной страны, и выразил надежду, что советское правительство воспримет такую точку зрения. В письме было упомянуто, что британское правительство не может согласиться также и с ограничением числа его представителей в СКК в Румынии до 5 человек. Тем более что подобный вопрос — об ограничении числа советских представителей в СКК в Италии — никогда не поднимался, и оно было определено самим советским правительством¹².

Реакция Деканозова была категоричной: «В ответ на Ваше письмо от 7 декабря с. г. по вопросу о числе членов Британского представительства в СКК в Болгарии могу сослаться на ответ, который был дан г-ном Вышинским 30 сентября с.г. на письмо г-на А.К. Керра от 23 сентября с.г. по этому же вопросу относительно СКК в Румынии. В дополнение к этому ответу я могу сообщить Вам, что поскольку число представителей СССР в Союзной контрольной комиссии в Италии всегда определялось в соответствии с указаниями Председателя этой комиссии, Советское правительство считает, что Председатели Комиссии в Румынии и Болгарии могут соответственно регулировать вопрос о численности Британского представительства в возглавляемых ими Комиссиях. Советское правительство не видит оснований допустить неограниченное расширение штата указанного представительства»¹³.

На втором заседании СКК 7 декабря 1944 г. обсуждались возражения представителей Великобритании и США против издания приказов от имени СКК без предварительной консультации с ними. К согласию удалось прийти на следующем заседании СКК — 28 декабря. Тогда же был утвержден график заседаний на первый квартал 1945 г. Было признано целесообразным встречаться каждую неделю или три раза в месяц. Но на практике заседания СКК не проводились вплоть до августа 1945 г., когда на Потсдамской конференции были регламентированы общие функции комиссий и права ее членов¹⁴.

Вопрос о численном составе представительств британская делегация попыталась вынести и на Ялтинскую конференцию (4–11 февраля 1945 г.), но подготовленный ею меморандум не получил поддержки американских представителей. Ф. Рузвельт отклонил предложение обсудить этот вопрос, как и другие, непосредственно затрагивавшие интересы СССР, как считают многие исследователи, из-за опасений, что это

могло привести к осложнению отношений с Москвой и повлиять на ее решение об участии в войне против Японии. В итоговом документе конференции было лишь зафиксировано, что все британские предложения будут рассмотрены по дипломатическим каналам¹⁵.

В декабре 1944 г. советское руководство СКК ввело контроль за въездом в Болгарию и выездом всех иностранцев, включая и военнослужащих Красной армии. Границу могли пересекать только те лица, которые имели в паспорте визу и номер разрешения на пересечение границы, выданные СКК в Болгарии с указанием контрольно-пропускного пункта (КПП), через который разрешался переход границы. Контролировались и КПП¹⁶.

В связи этим 12 декабря 1944 г. Бальфур передал Деканозову личное письмо Э. Идена, адресованное В. М. Молотову. В нем советские военные власти в Болгарии обвинялись в создании препятствий в работе Британской военной миссии. В доказательство приводилось ограничение числа ее членов в СКК, запрет советскими властями посадки в Болгарии британских самолетов, доставлявших почту и продовольствие из Италии для Британской миссии, без получения согласия Москвы; арест и содержание под стражей пилотов британского самолета, прилетевшего из Румынии в Болгарию, вопреки тому, что полет был заранее согласован. Письмо содержало также упреки в адрес руководства СКК, отказывавшегося предоставлять Британской миссии по ее требованию необходимые денежные суммы в болгарской валюте, не разрешавшего свободное передвижение англичан даже в Софии и задерживавшего их транспортные средства на продолжительный¹⁷. 25 февраля и 2 апреля 1945 г. посол в Москве Кларк Керр в письмах Молотову вновь выразил претензии в связи с ограничением передвижения представителя Великобритании в СКК. 28 апреля 1945 г. Черчилль в послании Сталину выразил серьезное недовольство положением британских представителей в Болгарии¹⁸. Эти вопросы неоднократно обсуждались и на заседаниях СКК. Советские руководители комиссии квалифицировали эти ограничения как вынужденные и временные, предпринятые ввиду военного времени и близкого расположения Болгарии к фронту и базам Красной армии, заявляли, что с прекращением войны этот вопрос будет решен к обоюдной пользе¹⁹.

Вмешательство Идена и Черчилля, однако, существенно не меняло положения. Великобри-

тания и США по-прежнему были вынуждены считаться с требованиями советского руководства и через свои посольства в Москве запрашивать и получать разрешение на въезд в Болгарию отдельных лиц (дипломатических курьеров, экспертов, журналистов и т.д.) и транспорта²⁰, а руководители и сотрудники представительств Великобритании и США в СКК — получать каждый раз разрешения для поездок вне Софии. Этот порядок был отменен в 1945 г., после Потсдамской конференции: СКК предоставила болгарским органам внутренних дел право самостоятельно рассматривать вопросы о визах как для болгар, так и для иностранцев. Представители Великобритании и США в СКК могли теперь непосредственно на месте ходатайствовать о визах для своих подданных. Но последнее слово оставалось за руководством СКК: без разрешения комиссии визы считались недействительными²¹.

Основная задача СКК, как уже говорилось, заключалась в контроле за выполнением условий перемирия. Конкретным осуществлением исходивших из СКК распоряжений занимался специально созданный для этого при Министерстве иностранных дел и исповеданий (МВнРИ) Комиссариат по выполнению Соглашения о перемирии (КИСП), который, в свою очередь, рассылал поступающие указания соответствующим местным органам, учреждениям и организациям для исполнения. Руководили комиссариатом действующие министры иностранных дел: П. Стайнов (9 сентября 1944 г. — 31 марта 1946 г.), Г. Кулишев (31 марта — 22 сентября 1946 г.), К. Георгиев (22 сентября 1946 г. — 11 декабря 1947 г.). Каждые две недели КИСП направлял в СКК отчеты о выполнении статей Соглашения о перемирии, начиная с ноября 1944 г. и до августа 1947 г., т.е. фактически до окончательного их выполнения и полного прекращения работы СКК.

Выполнение каждой статьи соглашения обсуждалось на заседаниях СКК (с августа 1945 г. совместно с представителями Великобритании и США). На обсуждение выносились как актуальные внутривосточные вопросы Болгарии (отсрочка выборов в Обыкновенное народное собрание в 1945 г. и в Великое народное собрание в 1946 г., включение в правительство представителей оппозиции и др.), так и вопросы взаимоотношений между представительствами в СКК.

На первом этапе работы комиссии, до окончания военных действий в Европе, особое внимание обращалось на участие Болгарии в войне

против Германии. В соответствии со ст. 1, 3 и 12 Соглашения о перемирии от болгарского правительства требовалось разоружить немецкие части, находившиеся в Болгарии и отступавшие из Румынии через Болгарию, и передать их в качестве военнопленных Союзному (Советскому) Главнокомандованию; интернировать граждан Германии и ее сателлитов; предоставлять сухопутные, морские и воздушные силы Болгарии для военных действий против Германии; обеспечивать советским и другим союзным войскам возможность свободного передвижения по болгарской территории в любом направлении, если этого потребует военная обстановка, и при необходимости оказывать им содействие своими средствами и за свой счет в передвижении по суше, воде и воздуху; передать в распоряжение Союзного (Советского) Главнокомандования все суда, находившиеся в портах Болгарии, независимо от того, в чьем распоряжении эти суда находились, для использования в войне против Германии и Венгрии.

К неотложным задачам были отнесены также освобождение, независимо от гражданства и национальной принадлежности, всех лиц, содержащихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций, или ввиду их расового происхождения, или религиозных убеждений; немедленное освобождение всех военнопленных и интернированных — граждан союзных государств и до получения дальнейших инструкций обеспечение их, а также перемещенных лиц и беженцев, в том числе и граждан Греции и Югославии, необходимым питанием, одеждой, медицинским обслуживанием и предметами санитарии и гигиены, а также транспортными средствами для возвращения этих лиц на родину; интернирование находящихся в стране подданных Германии и ее сателлитов; сотрудничество в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними; роспуск всех прогитлеровских или других фашистских политических, военных, военизированных, а также других организаций, ведущих враждебную Объединенным Нациям пропаганду, и недопущение впредь существования такого рода организаций. Эти требования соответствовали ст. 4, 5, 6 и 7 Соглашения о перемирии.

Документы свидетельствуют, что болгарское правительство было настроено на выполнение соглашения, в первую очередь тех статей, которые были связаны с предстоящими военными действиями против Германии и до-

казательством решительного разрыва страны с бывшим союзником. 23 ноября, еще до официального начала работы СКК, МВнРИ направило прибывшему в Софию генерал-лейтенанту А.И. Черепанову меморандум об уже выполненных болгарским правительством требованиях по условиям Соглашения о перемирии.

В меморандуме указывалось:

По ст. 1, пункту «а»: дипломатические и экономические отношения с Германией прекращены в ночь с 5 на 6 сентября 1944 г.; война Германии объявлена 8 сентября; дипломатические отношения с сателлитами Германии прерваны: 6 сентября — с Италией, Независимым государством Хорватия и Словакией, 25 сентября — с Венгрией, 6 ноября — с Японией.

По ст. 1, пункту «с»: болгарская армия еще 9 сентября 1944 г. по собственной инициативе начала военные действия против немцев, а с 17 сентября эти действия ведутся под руководством Союзного (Советского) Главнокомандования. Военные операции на югославской территории ведутся в полном согласии с правительством Тито, согласно подписанному с ним соглашению²².

По ст. 4: находившиеся в болгарских лагерях для военнопленных 129 советских военнопленных, сбежавших из германского плена, освобождены еще 13 сентября, и часть из них отправлена на фронт. Остальные обеспечены медицинским обслуживанием, одеждой и питанием.

По ст. 7: еще 6 сентября 1944 г. постановлением № 171 Совет министров запретил существование «всех организаций с фашистской и националистической идеологией и возложил на Министерство внутренних дел отправленным ему в письменном виде распоряжением задачу — определить, какие именно организации следует распустить, указав и порядок их ликвидации». Приказом, опубликованным в газете «Държавен вестник» («Государственная газета») № 222 от 10 декабря 1944 г., была запрещена организация «Бранник» со всеми ее отделениями. Законом, обнародованным в «Държавен вестник», № 227 от 16 октября 1944 г., был распущен «Союз офицеров запаса». 11 сентября ликвидирована жандармерия. После прихода к власти правительства Отечественного фронта прекращено издание газет «Зора», «Утро», «Слово», «Днес», «Нова вечер», «Дневник» и др., поддерживавших политику прежнего правительства. Готовилось распоряжение о роспуске всех болгаро-германских, болгаро-венгерских, болгаро-хорватских, болгаро-словацких, болгаро-

ро-японских и болгаро-итальянских обществ. Предстоял также роспуск молодежной националистической организации «Отец Паисий», общественной организации «Васил Левски» в Свободном университете, Болгаро-германского академического клуба, студенческой организации «Христо Ботев», студенческого национального общества «Братство», украинского гимнастического общества «Січ», Русского академического союза в Болгарии, Общества русской националистической молодежи, Организации русских студентов при Свободном университете, Культурно-просветительного благотворительного братства терских казаков, Студенческой корпорации «Царь Симеон» и Общества русских разведчиков в Болгарии²³.

23 ноября 1944 г. министр иностранных дел П. Стайнов посетил генерала А. И. Черепанова и сообщил ему, что государственный обвинитель Г. Петров и министр юстиции Д. Нейчев попросили его уведомить СКК об окончании расследования по делам Б. Филова, Д. Божилова, Н. Габровского и других регентов и министров бывших правительств. Для окончательного составления обвинительного акта их следовало допросить, а также получить копии некоторых протоколов заседаний Совета министров. Указанные обвиняемые после ареста были отправлены в Москву. Также изъяты и отправлены в Москву были и некоторые правительственные материалы и документы. Стайнов представил номера протоколов, которые требовались болгарской стороне. Интересовал министра также вопрос, кто будет судить находившихся в Москве регентов и министров — только ли Советский Союз или все правительства Союзных сил, и где — в Москве или в Болгарии²⁴.

5 декабря 1944 г. полпред СССР в Великобритании Ф. Т. Гусев направил министру иностранных дел Э. Идену ноту о начавшемся в Болгарии Народном суде над виновниками вовлечения Болгарии в войну на стороне фашистской Германии. Болгарское правительство, говорилось в документе, поставило перед советским правительством вопрос о возвращении в Болгарию задержанных и взятых под стражу советскими органами некоторых лиц, виновных в вовлечении Болгарии в войну против Объединенных Наций. Болгарское правительство хотело бы, чтобы их судил болгарский суд. В ноте указывалось, что советское правительство не возражает против таких намерений болгарской стороны, но «хотело бы знать мнение правительства Великобритании по этому

вопросу»²⁵. Аналогичная нота была отправлена и правительству США²⁶. В ответных посланиях Форин-офиса от 15 декабря и государственного секретаря США от 18 декабря сообщалось, что «правительство Его Величества Соединенного Королевства не имеет никаких возражений против порядка, предложенного болгарским правительством», а правительство США «соглашается с советским правительством не возражать» против предложения болгарского правительства²⁷.

3 января 1945 г. 11 из арестованных регентов и министров (князь Кирилл Преславский, Б. Филов, Н. Михов, Д. Божилов, К. Муравиев, П. Габровски, Д. Василев, Д. Шишманов, П. Драганов, Н. Хаджипетков, К. Лукаш) были возвращены в Софию и переданы министру внутренних дел А. Югову²⁸. Судьба их известна: 1 февраля 1945 г. суд вынес им смертный приговор, который был сразу же приведен в исполнение. Оставшиеся в Москве А. Праматаров и С. Недев были возвращены позже, осуждены на смерть, но избежали ее благодаря вмешательству СКК.

В середине декабря 1944 г. заместитель председателя СКК генерал-полковник С. С. Бирюзов, политический советник А. А. Лаврищев и начальник штаба СКК генерал-майор А. И. Сучков направили В. М. Молотову первый отчет о работе комиссии (по отделам) за период от 29 ноября по 15 декабря 1944 г.

В справке *Административного отдела* указывалось, что за отчетный период были ликвидированы временные комендатуры, созданные 3-м Украинским фронтом в областных центрах Болгарии, и вместо них назначены уполномоченные СКК. Имеющиеся в структуре СКК отделы установили связь с правительственными органами Болгарии и уже получают от них материалы о выполнении условий перемирия²⁹.

Расширение объема работы СКК и некоторые структурные изменения потребовали увеличения ее штата. Если первоначально в аппарате СКК состоял 51 сотрудник — офицеры и технический состав, 19 из которых работали в областных центрах, то создание аппарата уполномоченных в областях, расширение отделов СКК, потребность в переводчиках (с болгарского и английского языков) привели к увеличению штата комиссии до 175 человек, в основном офицеров³⁰.

О выполнении ст. 1, пункта «б» (разоружение германских вооруженных сил, передача их в качестве военнопленных; интернирование граждан Германии и ее сателлитов) в отчете со-

общалось, что в настоящее время в лагере № 1 в с. Бояна (8 км от Софии) находятся 1460 военнопленных германской армии. Национальный состав военнопленных следующий: 1130 — немцы и австрийцы, 273 — поляки, 9 — румыны, 14 — чехи, 15 — югославы, 3 — русские (белогвардейцы), 5 — французы, 3 — албанцы, 1 — бельгиец, 1 — болгарин, 1 — голландец. В других лагерях на территории Болгарии — в Ихтимане, Тырново, Свиштове, Ловече, с. Кышин (Плевенской области), Русе, Шумене, Разграде и Пазарджике находятся 5777 германских военнопленных. Все они были переданы советскому командованию и отправлены в СССР. 90 германских военнопленных, обвиненных в военных преступлениях, находятся в тюрьме в Плевене.

По ст. 15 соглашения в отчете указывалось, что к 1 декабря 1944 г. Болгария предоставила для нужд Союзного Главнокомандования следующие суммы: для расходов на советские военные части 2 210 582 129 лв, на расходы на британское представительство при СКК — 21 500 000 лв. Также отмечалось, что многие соединения и части Красной армии в различных районах Болгарии запаслись значительным количеством продовольствия, хотя не было распоряжения об этом. Использованное таким образом продовольствие до настоящего момента не учтено, а по предварительным сведениям ресурсы Болгарии недостаточны для содержания дислоцированных на территории Болгарии советских войск и болгарской армии до нового урожая.

Признавалось, что соединения и части Красной армии, которые прошли через территорию Болгарии, как и те, которые остались в стране, в различное время и в различных районах использовали и продолжают использовать для своих нужд различные болгарские промышленные предприятия: военно-технические фабрики, ремонтные автомастерские, оружие, интендантское имущество, промышленные мельницы и маслобойни. При этом никакая отчетность не ведется³¹.

Группа политсоветника представила отчет о выполнении ст. 2, 5, 6, 7, 8 и 10 Соглашения о перемирии.

По ст. 2: Болгарское правительство дало указание государственным органам отменить все законы и директивы, относившиеся к аннексии или присоединению греческой и югославской территорий к Болгарии. По сообщению министра иностранных дел, все эти законопо-

ложения отменены. В результате проведенной проверки было установлено, что с 1941 г. по 9 сентября 1944 г. в Болгарии были интернированы, отправлены в концлагеря и тюрьмы за антинацистские взгляды и за деятельность в пользу Объединенных Наций, а также в лагеря для евреев 101 136 человек. Из них в тюрьмах находились 15 000 человек, в общих концлагерях — 59 668, в лагерях для евреев — 6518, высланных из Софии евреев — 20 000³².

По ст. 5: Болгарское правительство еще 9 сентября освободило из тюрем, концлагерей и мест выселения всех лиц, задержанных по политическим мотивам прежними правительствами.

По ст. 6: Согласно представленным болгарскими властями сведениям, задержаны и переданы судебным органам по закону о Народном суде следующие лица: 3 бывших члена Регентского совета, 10 бывших дворцовых советников, 42 бывших министра из всех кабинетов, управлявших страной с 1940 г. до 9 сентября 1944 г., 109 бывших депутатов Народного собрания. Кроме того, арестованы и преданы суду 711 человек из Бургасской области, 1137 — из Врачанской, 815 — из Варненской, 320 — из Горноджумайской, 1440 — из Плевенской, 1272 — из Пловдивской, 528 — из Русенской, 813 — из Старозагорской, 55 — из Софийской, 74 — из Новосельской околии, 1815 — из Софии, 225 военных лиц из Софии. Первые два судебных процесса (центральных) — над бывшими регентами, дворцовыми советниками, министрами и над бывшими депутатами Народного собрания начались 20 декабря.

СКК смогла добиться отмены приказов военного министра Д. Велчева № 4 от 25 ноября 1944 г. и от 8 декабря 1944 г., которые предоставляли возможность офицерам царской армии избежать наказания по закону о Народном суде³³.

О выполнении ст. 7, отмечалось в отчете, уже известно из доклада МВнРИ от 23 ноября 1944 г., согласно которому еще 6 сентября 1944 г. правительство К. Муравиева издало постановление о роспуске всех организаций с «фашистской идеологией». До 17 ноября были распущены 40 таких организаций в центре и 10 в провинции. Авторы отчета в связи с этим отмечали, что выполнение законов и постановлений о роспуске подобных организаций изучается и контролируется аппаратом Группы политсоветника.

По ст. 8 сообщалось, что закрыты «фашистские газеты „Зора“, „Утро“, „Слово“, „Днес“, „Нова вечер“, „Дневник“» и др., арестованы их

главные редакторы, а также все «фашистские» журналисты. Ко времени отчета в стране выходили 15 центральных газет, и в целом, как констатировали авторы, «болгарская пресса держится удовлетворительно, в дружеском тоне по отношению к нам». Особо отмечалось, что газеты «Земедельско знаме», «Дъга», «Мир» и «Изгрев» иногда публикуют антисоветские материалы, что противоречит условиям Соглашения о перемирии. В связи с этим несколько дней тому назад министру пропаганды Д. Казасову было предложено «навести порядок в этих газетах в соответствии с Соглашением о перемирии». Кроме периодических изданий, другая литература почти не выходит. Изданная ранее «фашистская литература» еще не изъята из библиотек и учебных заведений, из книжных магазинов. Этот вопрос сейчас изучается, чтобы принять соответствующие меры. Радио находится в руках Рабочей партии (директор и большинство штата — коммунисты), что обеспечивает трансляцию «положительных для нас материалов и прогрессивных идей», но в то же время делает радио объектом атак со стороны земледельцев и звенарей. Радиопередачи ведутся в духе программы Отечественного фронта, и «необходимости в нашей цензуре передаваемого материала сейчас нет», но участие в передачах находящихся в Софии иностранных корреспондентов и организаций транслируется только после разрешения СКК. Изучается вопрос о работе областных радиостанций, о которых поступали сведения, что там «не все в порядке».

Относительно действовавших в стране 16 театров отмечалось, что из их репертуара исключены спектакли с «фашистской идеологией». Проверена и политическая ориентация актеров: из 260 актеров 130 являются членами БРП(к), остальные — члены или сторонники Социал-демократической партии и «Звена». В репертуар театров на будущий 1945 год предполагалось включить спектакли по произведениям русских классиков, «прогрессивных» болгарских и западноевропейских писателей, советских драматургов, а также произведения русских, советских и «прогрессивных» западноевропейских композиторов. «При необходимости прибегаем к нашей цензуре», — указывалось в отчете.

В отчете Группы политсоветника содержались подробные сведения и о состоянии болгарского кинорынка. По приведенным данным, из 20 фирм, занимавшихся распространением кинопродукции, были проверены 15. Они

располагали 505 иностранными фильмами, из которых 104 — германских, 129 — венгерских, 172 — итальянских. Имелись также американские, испанские, французские, норвежские, датские, финские киноленты и пр. Большинство из них, по оценке авторов отчета, отражало в той или иной степени фашистскую идеологию. Американцы недавно привезли в Болгарию 250 кг кинолент. Англичане потребовали разрешения на ввоз своих фильмов. Были приняты следующие меры: 1) запрещены германские, венгерские, итальянские и другие фильмы — носители фашистской идеологии; 2) все прочие фильмы будут демонстрироваться только с разрешения СКК; 3) англичанам и американцам будет дано разрешение на демонстрацию их фильмов только после того, как в Болгарии «окрепнут позиции советского кино»³⁴.

По ст. 10. Совет министров 15 ноября принял решение о возвращении всего имущества граждан союзных государств. Министерство торговли постановлением № 1141 от 18 ноября 1944 г. дало указание соответствующим государственным органам и учреждениям в десятидневный срок выполнить это решение правительства³⁵.

В отчете Военного отдела Комиссии, который наблюдал за выполнением ст. 1, пункта «с» (вооруженные силы), указывалось, что болгарское правительство ее выполняет. К 1 декабря 1944 г. болгарская армия насчитывала 492 244 человека, сведенных в 14 пехотных и одну кавалерийскую дивизию; помимо этого, имелись две отдельные кавалерийские бригады и одна танковая бригада. Для участия в войне против Германии в оперативном подчинении 3-му Украинскому фронту болгарское правительство выставило одну армию в составе 6 пехотных дивизий общей численностью 96 130 чел. Предусматривалось, что две дивизии 22 декабря 1944 г. начнут военные действия, а остальные будут переброшены на фронт во второй половине января 1945 г.

Остальные восемь пехотных дивизий, две кавалерийские бригады и танковая бригада перешли на положение мирного времени и дислоцируются в местах расположения своих постоянных гарнизонов. Из них две пехотные дивизии, участвующие в боях против немцев в Южной Сербии, пока еще не вернулись в места дислокации. СКК считала целесообразным удерживать в районе Софии Первую национально-освободительную гвардейскую дивизию, которая являлась опорой Рабочей партии.

Общее политико-моральное состояние болгарской армии оценивалось в докладе как низкое. В армии, отмечалось в отчете, чувствуется нежелание воевать. Основными причинами этого советские специалисты считали слабое оснащение болгарской армии современным оружием, а также пропаганду «профашистских элементов» в армии против участия Болгарии в войне³⁶.

Министерство иностранных дел Болгарии и КИСП стремились оперативным решением перечисленных выше вопросов добиться признания Болгарии совоюющей стороной. Этот вопрос обсуждался в довольно острой форме представителями СССР, Великобритании и США еще в период подготовки проекта условий перемирия. Западные союзники были категорически против его решения в пользу сателлитов Германии, в том числе и Болгарии. Однако болгарское правительство после подписания перемирия усилило свою активность в этом направлении. 21 ноября 1944 г. в памятной записке союзным государствам оно вновь поставило вопрос о признании Болгарии совоюющей страной. Одновременно в СКК были направлены документы о выполнении статей Соглашения о перемирии, касавшихся участия в войне против Германии, роспуска прогитлеровских, фашистских и других организаций, враждебных Объединенным Нациям³⁷. 11 января 1945 г. вопрос о признании за болгарскими войсками, сражающимися вместе с Красной армией, статуса совоюющей стороны поднял политический представитель Болгарии в СССР Д. Михалчев в беседе с заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским³⁸. Но СССР не мог не считаться с позицией западных союзников. Показательна в связи с этим реакция НКВД СССР на очередное обращение болгарского правительства от 1 марта 1945 г. по этому вопросу. В ответе Д. Михалчеву от 5 марта 1945 г. говорилось, что СССР не раз оказывал Болгарии моральную поддержку, но нельзя забывать, что «мы не одни. Нельзя не учитывать сложившееся отрицательное отношение наших союзников к Болгарии»³⁹. Несмотря на это, болгарские представители и позднее, во время обсуждения условий мирного договора, пытались вынести этот вопрос на повестку дня⁴⁰.

С декабря 1944 г. СКК вплотную занималась выполнением ст. 1, пункта «б» Соглашения о перемирии — интернированием из Болгарии граждан Германии и ее сателлитов. 16 декабря Сталин подписал постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 7161 об от-

правке в советские лагеря для принудительного труда («репарации трудом») всех трудоспособных немцев из Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии, независимо от их гражданской принадлежности. Предварительно, с 24 ноября до 5 декабря, три группы оперативных работников НКВД СССР провели перепись лиц немецкой национальности в этих странах. 15 декабря Л. П. Берия доложил Сталину и Молотову о полученных результатах: общее число немцев — 551 049, в Болгарии — 1089.

СКК в Болгарии уведомила министра иностранных дел и комиссара по выполнению Соглашения о перемирии П. Стайнова о постановлении ГКО, согласно которому все проживавшие в Болгарии германские подданные подлежали интернированию и отправке в советские трудовые лагеря. В письме указывались пункты сбора мобилизованных трудоспособных немцев: железнодорожные станции в Софии (для города София, Софийской и Горноджумайской областей), в Плевене (для Плевенской и Врачанской областей), в Казанлыке (для лагерей интернированных немцев в с. Павел Баня, Старозагорской области, для Пловдивской и Бургасской областей), в Русе (для Русенской и Варненской областей). Сбор был назначен на 7 января 1945 г. На станции Русе следовало сформировать эшелон с мобилизованными немцами. В письме указывалось также, что правительство должно издать необходимые распоряжения, а копии представить командующему советскими войсками в Болгарии генерал-полковнику Бирюзову⁴¹.

Болгарское правительство сразу же приступило к выявлению подданных Германии и ее сателлитов. Но оказалось, что большая часть указанных в списке лиц уже выехала из страны неофициально вместе с отступавшими германскими войсками или самостоятельно. В докладе, подготовленном сотрудником Государственной безопасности МВД, указывалось, что для установления действительного числа находившихся в стране иностранцев необходимо осуществить проверку каждого указанного лица по адресу его проживания. Но тут возникали трудности, так как нередко в распоряжении властей имелись старые адреса, многие еще не вернулись из эвакуации, дома некоторых разрушены во время бомбардировок и т.д. Среди намеченных для отправки в советские лагеря лиц имелись нетрудоспособные или больные⁴². Не было ясно, как поступать с болгарками, вышедшими замуж за германских и итальянских подданных и сме-

нившими после оформления брака, согласно действовавшим тогда законам, свое подданство, хотя они никогда не жили ни в Германии, ни в Италии и их дети, в силу нового закона о подданстве, являлись болгарскими подданными⁴³.

Болгарское правительство создало специальную межведомственную комиссию из представителей Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел, которой было поручено выяснить различные стороны вопроса, а также рассмотреть особые случаи на основании заявлений, которые начали поступать от граждан. Правительство уведомило СКК, что как только доклад этой комиссии будет готов, он будет направлен в комиссию для выработки перечня обоснований, позволявших избежать интернирования⁴⁴. КИСП делал все возможное, чтобы спасти германских подданных в Болгарии от отправки в советские лагеря. В начале января 1945 г. из включенных в списки 1089 германских подданных депортированы были только 75 человек.

После окончания войны в Европе, в середине июня 1945 г., состояние выполнения статей Соглашения о перемирии было следующим:

По ст. 1. Болгарская армия в сентябре–ноябре 1944 г. выполнила поставленные перед ней задачи — перекрыла пути отхода частей вермахта из южной части Балканского полуострова и продолжила боевые действия. Болгарские войска участвовали в освобождении части территории Венгрии, Югославии и Австрии. В ходе совместных боев была установлена тесная связь между болгарской армией и Красной армией. Зимой 1944–1945 гг. через Генеральный штаб и Наркомат обороны СССР болгарской армии была оказана помощь в реорганизации и перевооружении на основе плана, представленного начальником Генерального штаба Болгарии генерал-майором И. Киновым. План рассматривался в Генеральном штабе, Ставке Верховного Главнокомандования и в ГКО СССР. 14 марта 1945 г. ГКО принял постановление, согласно которому на вооружение болгарской армии передавались 344 самолета, 65 танков Т-34, 935 орудий и минометов, 28,5 тыс. винтовок и автоматов, 1170 ручных и станковых пулеметов, 280 противотанковых ружей, 370 автомашин, 369 радиостанций, 2572 телефонных аппарата. Первые группы болгарских командиров начали проходить подготовку в советских военных учебных заведениях⁴⁵.

По ст. 2. Болгарское правительство эвакуировало болгарские войска с территорий Греции

и Югославии, аннулировало законы и распоряжения, изданные бывшими правительствами Болгарии, касавшиеся ранее оккупированных территорий этих стран. Соответствующие законы и распоряжения утратили свою силу, и в этом смысле следовало считать, что ст. 2 Соглашения о перемирии была выполнена.

По ст. 5. Политические права лиц, на которых распространялось дискриминационное законодательство, восстановлены. Изданный правительством закон о восстановлении имущественных прав болгарских евреев еще полностью не был реализован, так как продолжалось выявление конкретных лиц, на которых распространялось дискриминационное законодательство в Болгарии. Выявленные пострадавшие лица в правах восстанавливались.

25 апреля 1945 г. Регентский совет утвердил закон об оказании помощи лицам, пострадавшим в борьбе с фашистским режимом за народную свободу. Закон предусматривал выдачу единовременного пособия семейным партизанам. 19 мая Регентский совет утвердил закон, по которому возвращалось конфискованное имущество лицам, осужденным в прошлом за сочувствие делу Объединенных Наций. Новый закон предусматривал также амнистию лицам, осужденным за политическую деятельность в пользу Объединенных Наций. Подготавливались законопроекты о ликвидации других дискриминационных законов, особенно в области имущественных отношений.

По ст. 6. 30 апреля Народные суды Болгарии закончили свою работу. С 9 сентября 1944 г. по 1 мая 1945 г. в Болгарии было проведено 137 судебных процессов, из них два центральных. Привлечено к судебной ответственности по закону о Народном суде 11 649 человек. Из них приговорены к смертной казни — 2825 человек; к пожизненному тюремному заключению — 1359 человек; к различным срокам тюремного заключения — 4709 человек; условно осуждены — 740 человек. Количество оправданных судом — незначительно. Но в отчетах СКК отмечалось, что карательные меры болгарского правительства в отношении «преступников войны» были гораздо шире, поскольку «большое количество фашистов было уничтожено органами Народной милиции и населением без Народного суда, особенно в первые дни после 9 сентября 1944 года». Выполнение этой статьи в основном было завершено.

Выполнение *ст. 7* также в основном было завершено. С 9 сентября 1944 г. по 15 апреля

1945 г. решением правительственных органов Болгарии было распущено около 63 фашистских и профашистских организаций и обществ. Их материальная база конфискована и передана в распоряжение учреждений и организаций Отечественного фронта. За этот период также были распущены за «профашистскую деятельность» руководящие органы 76 организаций и обществ.

Но в докладах СКК отмечалось, что на территории Болгарии сколачиваются и ведут борьбу против власти ОФ и против Советского Союза новые подпольные фашистские группировки. Борьба с этими разрозненными подпольными фашистскими группами ведется органами народной милиции. Преступники привлекаются к ответственности в соответствии с законом о защите народной власти.

По ст. 8 соглашения тоже констатировались положительные результаты. Подчеркивалось, что болгарская пресса ведет себя вполне корректно, предварительная цензура прессы со стороны СКК отменена, в результате усиления контроля со стороны болгарского правительства и в особенности со стороны Министерства пропаганды печать улучшила свою работу.

Ко времени отчета продолжали свою работу созданные по указанию Министерства пропаганды комиссии по изъятию из народных библиотек, учебных заведений и книжных магазинов литературы фашистского содержания.

Болгарские театры, по оценке сотрудников СКК, продолжали улучшать свою работу. Их репертуар коренным образом перестроен. В театрах идет много советских пьес, осуществляются постановки классиков русской и европейской прогрессивной литературы.

Радиовещание строит программы своих передач строго в духе программы Отечественного фронта. Передается много материалов, освещающих жизнь Советского Союза и победы Красной армии.

В области кинопродукции приняты меры к тому, чтобы устранить из проката все кинофильмы с профашистской идеологией. В Министерстве пропаганды создана специальная комиссия по цензуре иностранных кинофильмов, издан циркуляр об усилении контроля над кинопрокатом, вменяющий в обязанность органам народной милиции следить за его выполнением.

Несмотря на выполнение ст. 6 и 7 Соглашения о перемирии, СКК продолжала осуществлять контроль над всей общественно-полити-

ческой жизнью страны, руководствуясь этим документом. Для СКК пассивность и ослабление контроля на данном этапе означали бы ослабление позиций Рабочей партии и ОФ, усиление реакционных элементов и, следовательно, ослабление советского влияния в Болгарии⁴⁶.

* * *

Разгром Германии, окончание войны в Европе и решения Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) внесли новые моменты в отношении союзников к побежденным странам. Наряду со стремлением «наказать» Германию и ее сателлитов за причиненные ими в годы войны ущерб и страдания миллионам людей, возместить материальные потери, заметны были и известная успокоенность, желание скорейшего восстановления Европы, возвращения к нормальной жизни.

На Потсдамской конференции западные союзники по антигитлеровской коалиции вновь поставили на обсуждение вопрос о работе СКК в Румынии, Болгарии и Венгрии, и прежде всего об усилении в них влияния представителей Великобритании и США. Советский Союз вынужден был отреагировать. В решениях конференции указывалось, что «советские представители в Союзных контрольных комиссиях Румынии, Болгарии и Венгрии сообщили своим коллегам из Соединенного Королевства и Соединенных Штатов предложения об улучшении работы Контрольных комиссий сейчас, когда военные действия в Европе прекращены. Три правительства договорились, что будет пересмотрена процедура Союзных контрольных комиссий в этих странах, имея в виду интересы и ответственность трех правительств, которые вместе составили условия о перемирии соответственной стране, взяв за основу согласованные предложения»⁴⁷.

После Потсдама наступили важные перемены в деятельности СКК в Болгарии. 14 августа С. С. Бирюзов направил Дж. Крейну новые предписания об организации комиссии. В них определялись общие функции СКК и права ее членов. В рабочие встречи СКК была введена известная ритмичность. С 11 сентября 1945 г. до 23 января 1947 г. состоялись 27 заседаний⁴⁸. Расширился состав представительств Великобритании и США в СКК. В 1946 г. представительство Великобритании в СКК насчитывало 110 сотрудников, США — 59, то есть ровно столько, сколько было определено и откомандировано в Болгарию правительствами этих стран в октябре–ноябре 1944 г.

В середине августа 1945 г. в СКК была получена шифртелеграмма из НКВД СССР за подписью А.Я. Вышинского о необходимости уточнения некоторых условий Соглашения о перемирии с Болгарией в соответствии с принятыми в Потсдаме решениями. В ходе подготовки ответа различные подразделения СКК сформулировали свои предложения руководству комиссии. Морской отдел предлагал вернуть Болгарии находившиеся в распоряжении советского командования военные корабли болгарского флота — два миноносца «Дерзкий» и «Смелый», а также семь болгарских торговых кораблей для хозяйственных нужд страны; осуществлять ремонт советских кораблей и строительство новых на договорных началах с судоремонтными и судостроительными предприятиями с оплатой стоимости совершенных работ Наркоматом внешней торговли в валюте или материалами⁴⁹.

Транспортный отдел предлагал внести уточнение к существующему тексту ст. 3 Соглашения о перемирии: «Правительство Болгарии обеспечит советским и другим союзным войскам возможность свободного передвижения по болгарской территории в любом направлении, если этого потребует, по мнению Союзного (Советского) Главнокомандования, военная обстановка, причем Правительство Болгарии окажет этому передвижению всемерное содействие и за свой счет по суше, по воде и по воздуху»; предлагалось добавить уточнение «*в счет будущих репараций*»⁵⁰.

В представленном 20 августа проекте ответной телеграммы С.С. Бирюзова и политического советника С.П. Кирсанова А.Я. Вышинскому отмечалось, что руководство СКК считает ст. 2, 4, 5, 6, 7, 8 и 14 соглашения в основном выполненными и предлагает уточнить следующие условия:

По ст. 1, «б» — пересмотреть наличный состав интернированных иностранцев в Болгарии и освободить тех, кто не проявляет «фашистской деятельности».

Внести ряд изменений по ст. 8: отказаться от цензуры телеграмм английских и американских корреспондентов; цензуру телеграмм корреспондентов других стран возложить на самих болгар, но нелегальную цензуру с советской стороны все-таки продолжить, «чтобы не пропускать сообщения, касающиеся армии». Разрешить ввоз и распространение в Болгарии иностранной литературы, при условии, что болгары будут контролировать эту деятельность в установленном порядке.

По ст. 16 — вернуть болгарскому правительству семь кораблей, используемых для внутренних нужд страны, и миноносцы «Дерзкий» и «Смелый».

В соответствии с решениями Потсдамской конференции пересмотреть ст. 13 соглашения, запрещающую вывоз и экспроприацию разного рода имущества (включая ценности и валюту), принадлежащего Германии и ее гражданам.

Было предложено передать полностью болгарскому правительству решение вопросов о выдаче виз (на въезд, выезд и транзитных) болгарам и иностранным гражданам. В качестве обоснования этого предложения указывалось на установление дипломатических отношений между СССР и Болгарией (16 августа 1945 г.) и руководство коммунистов в Министерстве внутренних дел.

Не было принято предложение Морского отдела о дополнении ст. 17. В проекте телеграммы было указано, что ст. 17 не может быть ни отменена, ни изменена, так как советские военные части используют различные материальные средства Болгарии, чтобы сохранить собственные ресурсы. При этом и при изменившейся обстановке нужно иметь в виду, что использование материальных средств и оказание услуг, которые могут потребоваться Союзному (Советскому) Главнокомандованию для выполнения его функций (согласно ст. 15), остаются бесплатными. Для всех остальных организаций (Черноморского флота и др.) предусматривалась оплата деньгами, что уже и делалось⁵¹.

В проекте письма по поводу исполнения ст. 15 Соглашения о перемирии (о выплате денежных сумм в болгарской валюте на содержание находившихся в Болгарии советских войск и обеспечении их необходимыми продуктами и фуражом) предлагалось рассматривать как оккупационные меры, не подлежащие компенсации. Такой же подход был подтвержден и по ст. 3, изменение которого предлагал Транспортный отдел.

Экономическая комиссия СКК согласилась с проектом ответа, но предложила внести коррективы в ст. 15. Формулировку, что все расходы болгарского правительства по ст. 15 рассматриваются как оккупационные и не подлежат компенсации, она предложила дополнить следующим уточнением: «В настоящий момент редакция ст. 15 Соглашения должна сохраниться только в отношении аппарата СКК в Болгарии. Что касается расходов на содержание войск Союзного (Советского) Главнокомандования, то

эти расходы в дальнейшем должны осуществляться за счет репараций, которые, вероятно, будут установлены»⁵².

На поставленный в шифртелеграмме Вышинского вопрос об *увеличении экспортных возможностей Болгарии* Бирюзов и Кирсанов ответили, что в текущем 1945 г. это сделать невозможно из-за засухи и плохого урожая, а также из-за необходимости содержать войска Союзного (Советского) Главнокомандования. По их мнению, изменения в этом направлении должны происходить за счет развития внешнеторговых связей Болгарии, опирающихся на большую самостоятельность страны при решении этих вопросов, а также улучшения работы тех отраслей хозяйства, которые располагают большими неиспользованными производственными мощностями. Известное увеличение экспортных возможностей могло бы быть достигнуто при условии освобождения болгарского государства, хотя бы частично, от обязанностей обеспечения продовольствием и фуражом дислоцированных в Болгарии советских войск.

В послевоенный период СКК продолжала контролировать те статьи Соглашения, которые были признаны выполненными, но текущая работа по которым еще продолжалась: контроль над изданием, ввозом и распространением периодической и непериодической литературы, театральными постановками и кинопрокатом, работой радиостанций, почты, телеграфа и телефона; окончательное решение вопроса о депортации и репатриации интернированных и содержащихся в лагерях германских, итальянских и венгерских граждан; репатриация белогвардейцев, принявших советское гражданство.

По ним из КИСП продолжали поступать отчеты. Так, в июле 1945 г. в СКК поступило сообщение, что, хотя ст. 2 считается выполненной, болгарское правительство обязало все министерства представить ему списки законов и распоряжений, принятых в связи с оккупацией Болгарией греческих и югославских территорий на предмет их юридической отмены. Сообщалось еще, что такие списки уже опубликовали министерства просвещения и финансов. В связи с выполнением ст. 5 отмечалось, что болгарское правительство приняло следующие законы: закон о возвращении промышленных предприятий лицам еврейского происхождения, которые были изъяты у них бывшими фашистскими правительствами на основе дискриминационного законодательства; закон, по которому лица, осужденные до 9 сентября

1944 г. по уголовному или какому-либо другому делу, но обвиняемые также и в сочувствии делу Объединенных Наций, получают право реабилитировать себя, снять судимость и полностью восстановить свои права; закон о выплате пенсии лицам, участвовавшим в народно-освободительном движении Болгарии против фашизма; закон об оказании денежной и бесплатной медицинской помощи народным борцам против фашизма и членам их семей, а также о предоставлении некоторых льгот лицам, сочувствовавшим делу Объединенных Наций при фашистском режиме⁵³.

К концу 1945 г. была объявлена выполненной ст. 1, п. «б»: болгарское правительство интернировало подданных Германии и ее сателлитов. 98 венгерских граждан были репатрированы на родину. КИСП дал указание Министерству внутренних дел освободить всех оставшихся в лагере «Зелени дол» германских подданных, кроме 28 человек различных национальностей, которые были репатрированы в соответствующие государства⁵⁴. С выполнением обязательств по первой части ст. 2 — возвращению из Греции и Югославии болгарских граждан — чиновников и частных лиц — была полностью выполнена и эта статья.

В марте 1946 г. в связи со ст. 1, п. «б» СКК получила дополнительное сообщение, что в стране находятся 42 германских военнопленных, большинство из которых, являясь автомеханиками, используется в Софии на работе в мастерских 1-го автотранспортного полка болгарской армии. В связи с предстоявшей отправкой трудоспособных военнопленных в СССР болгарские власти предоставили в СКК сведения о том, что они больны. Однако обследовавшие военнопленных советские врачи признали почти всех симулянтами. 35 трудоспособных военнопленных до 15 апреля предполагалось отправить под конвоем военнослужащих 37-й армии в лагерь № 20 в г. Сталино (СССР), а остальных (семерых инвалидов) репатриировать в Германию.

Сообщалось также, что в течение марта в Болгарии были обнаружены 20 русских белоэмигрантов, добровольно служивших в германской армии и жандармерии и участвовавших во время войны в карательных операциях на территории Югославии. На 1 апреля общее число русских белогвардейцев, находившихся в лагерях, составило 424 человека.

В информации о выполнении ст. 2 соглашения (об эвакуации болгарских подданных с греческой и югославской территорий) отмечалось,

что окончательное выполнение этой статьи соглашения тормозится действиями греческих властей, до сих пор задерживавших некоторых болгарских подданных. Британскому представителю в СКК и греческому офицеру связи при СКК еще в декабре 1945 года были даны соответствующие списки болгарских подданных с просьбой принять меры к их скорейшему возвращению. Однако в течение марта никто из этих лиц не вернулся в Болгарию. Общее их число составляло, согласно спискам, 103 человека. В то же время по ст. 4 соглашения (о репатриации союзных граждан, в том числе граждан Греции и Югославии) в отчетах указывалось, что «в течение марта из Болгарии репатриировано всего 30 человек, из них: в Югославию — 14 человек, Грецию — 14, Чехословакию — 1 и Албанию — 1 человек. Транзитом проследовало через Болгарию в Грецию 4 человека репатрируемых греческих подданных. Несмотря на требования СКК, переданного через греческого офицера связи при СКК, греческие пограничные власти в течение трех месяцев отказываются принять 23 греческих подданных, репатрируемых из Болгарии в Грецию. Вот уже около 3 месяцев они находятся на болгаро-греческой границе в чрезвычайно тяжелых материальных условиях. У них нет достаточного питания. На территорию Болгарии они были выгнаны из Греции немцами во время минувшей войны и в настоящее время желают возвратиться к себе на родину».

После прекращения военных действий в Европе задачи СКК концентрировались в основном на следующих вопросах: демобилизация болгарской армии и ее перевод под наблюдением СКК на мирное положение; эвакуация с территории Югославии болгарских воинских частей, остававшихся там на основе достигнутого с Тито в Крайове 5 октября 1944 г. соглашения о сотрудничестве в борьбе против немецких оккупантов, а также болгар из Греции и Югославии, которые на 1 января 1941 г. являлись болгарскими подданными; возвращение всей собственности Объединенных Наций и их граждан, в том числе греческой и югославской собственности, и выплата репараций «за потери и ущерб, причиненные войной Объединенным Нациям», в том числе Греции и Югославии; выявление и передача в распоряжение Союзного (Советского) Главнокомандования в качестве трофеев всего находящегося на территории Болгарии военного имущества Германии и ее сателлитов, включая находящиеся в болгарских водах суда флота Германии и ее сателлитов.

Основное внимание СКК сосредоточивала на контроле за выполнением ст. 9 и 10 соглашения: выявлении, сохранении и передаче собственникам вывезенного из союзных стран (главным образом, из Греции и Югославии) имущества — фабричного и заводского оборудования, паровозов и вагонов, тракторов, лошадей и т.д., а также музейных ценностей и изъятых у отдельных семейств музыкальных инструментов, часов, колец и др. В связи с этим была проведена трудоемкая работа по установлению наличия немецких и венгерских капиталов и имущества этих стран в Болгарии, по принятию мер для предотвращения их вывоза из страны или экспроприации; по определению собственности Великобритании и США и их граждан в Болгарии и установлению надзора над ней. В работе участвовали не только сотрудники КИСП, но и представители всех трех стран — участниц СКК. Составлены были после множества уточнений списки английских и американских подданных, чье имущество было установлено и поставлено под надзор⁵⁵. В СКК были предоставлены сведения о находившихся под административным надзором предприятиях, являвшихся собственностью Объединенных Наций и Германии, а также сведения о военном имуществе Германии и ее сателлитов, находившемся на болгарской территории⁵⁶. Собраны были сведения о приобретенном и вывезенном имуществе, эвакуированном болгарскими властями с греческой и югославской территорий. А также сведения и об оставленных в Югославии болгарскими военными и гражданскими лицами имуществе и ценностях⁵⁷.

Таким образом, были выполнены ст. 9 и 10 соглашения — о возвращении всей собственности Объединенных Наций и их подданных, в том числе греческой и югославской собственности. КИСП предоставил СКК списки подданных союзных держав, чье имущество было установлено и находилось под надзором. Сообщалось, что американцы и англичане, которые еще не явились за ним, могут обратиться к администратору по надзору, уже отдавшему распоряжение Болгарскому земледельческому и кооперативному банку заверить счета английских и американских подданных⁵⁸.

Важное значение в деятельности СКК имел вопрос о стабилизации экономического и политического положения страны. Выполнение этой задачи требовало постоянных контактов с болгарской военной и гражданской админи-

страцией. Работа велась по многим направлениям. Особое внимание уделялось железнодорожному сообщению на территории страны, регулярно проверялось состояние железнодорожного транспорта. КИСП предоставлял сведения о количестве вагонов, пересекавших границы Болгарии (въезд и выезд), об их принадлежности и загруженности и пр. Аналогичная работа проводилась и на морском и речном транспорте: собиралась и анализировалась информация о количестве кораблей, прибывших или покинувших тот или иной порт, перевозимых грузах, числе занятых на погрузке и разгрузке рабочих и др. Кроме того, СКК контролировала охрану портов и их готовность к использованию вооруженными силами СССР и союзников, а также передвижение кораблей в Черном море и на Дунае.

Советское Главнокомандование контролировало охрану государственных границ Болгарии, тщательно фиксировало пограничные инциденты. Если в первые месяцы работы СКК к организации охраны границ предъявлялось много претензий, то в марте 1946 г. заключение уже было оптимистичным: «По данным Штаба болгарских войск и материалам проверки по линии СКК, государственная граница Болгарии в настоящее время охраняется удовлетворительно».

Продолжался контроль за выдачей въездных, выездных и транзитных виз болгарским подданным и иностранцам. Относительно более важных персон запрашивались указания МИД СССР. Велось наблюдение за разными категориями лиц, направлявшихся в Болгарию: садоводами и огородниками, учащейся молодежью, торгово-хозяйственными и политическими делегациями (особенно занимавшимися заключением сделок на табак и табачные изделия). На причины пристального внимания к визовому режиму указывают некоторые документы СКК. Так, в одной из справок отмечалось, что «в СКК продолжает поступать большое количество писем от представителей Соединенного Королевства и США с просьбами о разрешении въезда в Болгарию подданных этих государств различных профессий и ведомств. Они по-прежнему пытаются заслат в Болгарию как можно больше своих людей по самым различным мотивам»⁵⁹.

Выполнение некоторых статей соглашения продолжалось вплоть до завершения деятельности СКК. Такими были, например, ст. 3 — об обеспечении свободного передвижения по

болгарской территории союзных (советских) войск во всех направлениях, оказании им содействия своими средствами сообщения и за свой счет по суше, воде и воздуху и ст. 4 — об обеспечении всем необходимым репатриантов до их отправления на родину. Согласно представленным в СКК спискам, до середины 1947 г. были репатрированы 1763 человека. Большая часть репатриантов пришлось на первые месяцы выполнения Соглашения о перемирии, но вопросы репатриации отдельных граждан приходилось решать и позднее⁶⁰. До отъезда СКК из страны Болгарией выполнялись ст. 15 — о выплате СКК денежных сумм и предоставлении продуктов питания, горючего и др. услуг — и ст. 17 — об использовании на территории Болгарии промышленных и транспортных предприятий, а также средств связи, устройств общественного пользования, материалов и др. До последних месяцев пребывания СКК в Болгарии советские заказы выполняли судостроительный завод в Варне и судоремонтные и механические мастерские в Русе и Бургасе. Продолжали обслуживать Советское Главнокомандование и железнодорожные мастерские, шахты «Перник», хранилища и нефтеперегонные установки болгарских нефтяных обществ и др.⁶¹ Кроме того, задержалось и выполнение статей, связанных с выплатой репараций Греции и Югославии⁶².

* * *

Представительства Великобритании и США в СКК, расширившие свой состав после окончания войны в Европе, активно участвовали во всех заседаниях СКК, следили за выполнением статей Соглашения о перемирии, и с повышенным вниманием — за выплатой репараций союзным странам, и особенно Греции и Югославии. Они занимались также и поиском пропавших английских и американских летчиков, попавших в плен после англо-американских бомбардировок Софии и других городов Болгарии зимой 1944 — весной 1945 г., расследовали случаи с пропавшими без вести или убитыми соотечественниками — майором Франком Томсоном и дипломатом Владимиром Гриневичем.

В болгарской научной литературе некоторые авторы, стремясь подчеркнуть, как дорого обходилось болгарскому правительству (и народу) содержание СКК и, в частности, советского представительства, обращают внимание на разницу в суммах, которые болгарское правительство выделяло на содержание британского

и американского представительств по сравнению с советским⁶³. Этому вопросу уделил внимание в своих воспоминаниях и генерал-лейтенант А.И. Черепанов — с ноября 1944 г. помощник, затем заместитель председателя СКК в Болгарии, а с мая 1947 г. — председатель СКК и главный военный советник в болгарской армии. Вот что пишет Черепанов: «Используя обязательство болгарского правительства содержать СКК, они [представители западных союзников в СКК] представляли болгарам крайне завышенные заявки на получение продуктов и иных материальных благ». На каждого представителя западных союзников в день выделялось по их заявкам 1 кг и более хлеба, 1,5–2 кг мяса, 0,5 кг сахара и пр., что составляло от 17,5 до 23 тыс. калорий в день. Показатели в снабжении продуктами питания советских и западных сотрудников СКК выглядели следующим образом: офицер СССР — 1, США — 6,5, Великобритании — 5⁶⁴. На фоне больших хозяйственных затруднений в стране это выглядело более чем странно и не могло не вызвать реакции руководства СКК. Генералу Бирюзову пришлось отдать распоряжение, чтобы заявки союзников шли не непосредственно в болгарские органы, снабжающие СКК, а через ее экономический отдел, который проверял обоснованность требований. Для выполнения заявок отныне требовалась виза С.С. Бирюзова, А.И. Черепанова или А.И. Сучкова (начальника штаба СКК)⁶⁵. И еще из этих же воспоминаний Черепанова: «Как-то к Бирюзову явился Крейн⁶⁶ с требованием выделять 10 млн левов по 20-м числам каждого месяца без предоставления расчета в СКК. Бирюзов ответил: „Согласно положению о перемирии Болгария обязана нас содержать, но это вовсе не значит, что можно кому-то нажить здесь капитал”». Намек станет понятным, если учитывать, что в заявках западных союзников нередко содержались требования предоставить хрустальную и серебряную посуду. Упомянул Бирюзов и о 825 коврах, полученных американскими представителями. Несмотря на столь внушительную цифру, заявки на ковры продолжали поступать, в связи с чем Бирюзов не без ехидства отметил испытываемую американцами нужду в этих изделиях⁶⁷.

Отношения между представительствами Великобритании и США и выполняющим руководящую роль в СКК представительством СССР не сложились с самого начала. Первоначально причиной обострения отношений стало фактически одностороннее прекращение

коллективной деятельности комиссии после первых заседаний СКК в конце 1944 г., стремление советских представителей решать вопросы самостоятельно, без консультаций и обсуждений с союзниками. Признаки конфронтации стали проявляться в реакции представителей западных стран на многие мероприятия новой власти, поддерживавшиеся советской частью комиссии, на быструю концентрацию власти в руках коммунистов и нарушение принципа коалиционного управления.

Поначалу это проявилось в поддержке действий и заявленной политической линии вернувшегося из эмиграции руководителя Болгарского народного земледельческого союза (БЗНС) «Ал. Стамболийский» д-ра Г.М. Димитрова. По прибытии в страну он публично одобрил участие БЗНС в управлении страной на основе провозглашенной 17 сентября 1944 г. правительством Отечественного фронта программы, содержавшей широкий круг демократических задач в политической, экономической и социальной областях. Но уже на организованной им 14 и 15 октября национальной конференции БЗНС Димитров заявил, что союз выступает против подчинения одного трудового класса другим и что сейчас перед ним стоит задача борьбы «за свободу и национальную независимость». С подачи лидера, в ходе начавшегося процесса восстановления местных организаций БЗНС, на учредительных собраниях зазвучали выступления против проводимой БРП(к) политики, против присутствия Красной армии в Болгарии, против действий находившихся в руках коммунистов силовых структур, против готовившегося Народного суда над виновниками вовлечения страны во Вторую мировую войну. Руководство БЗНС заявило о своих претензиях на участие в управлении страной на паритетных началах с БРП(к). Началась борьба за влияние, а фактически за власть. Конфронтация двух партий стала явной после того, как БЗНС активно включился в кампанию против участия Болгарии в войне против Германии. Выдвижение традиционных для БЗНС лозунгов «Мир, хлеб, свобода», «Мир, хлеб, народовластие» в тех условиях коммунисты расценивали как поражение.

В ЦК БРП(к) решили отстранить Димитрова от руководства БЗНС, заменив его Н. Петковым. С согласия советского руководства СКК и с помощью левоориентированных членов БЗНС «Ал. Стамболийский» переворот в руководстве Земледельческого союза был совершен.

На Петкова рассчитывали поначалу и советские представители в СКК. Но поскольку смена руководства БЗНС не уменьшила влияния Димитрова в рядах союза, начала набирать обороты критика его позиций: деятельность Димитрова теперь квалифицировалась как глубоко враждебная болгарскому народу, направленная на объединение реакционных сил в стране. Димитров был взят под домашний арест, а 28 апреля 1945 г. был издан приказ о его взятии под стражу. Однако ему удалось сбежать и укрыться в доме американского политического представителя в Болгарии М. Барнса.

Представители Великобритании и США в СКК с самого начала поддержали действия д-ра Димитрова. Барнс отказался выдать его болгарским правоохранительным органам. В защиту Димитрова выступило и руководство БЗНС. Петков убеждал членов ЦК БРП(к), что в интересах БЗНС и Рабочей партии «освободить Союз», разрешить Димитрову эмигрировать. На этом настаивали и руководители британской и американской миссий в СКК. После долгих сомнений и консультаций с заместителем председателя СКК Бирюзовым и находившимся в Москве Георгием Димитровым и согласования вопроса со Сталиным болгарское правительство в начале сентября 1945 г. разрешило Г.М. Димитрову выехать из страны. 25 сентября 1945 г. он покинул Болгарию.

Но отъезд Димитрова не изменил ситуацию. В конце июня 1945 г. Н. Петков вышел из БЗНС «Ал. Стамболийский», а позднее, в сентябре 1945 г., вместе с единомышленниками создал самостоятельную партию БЗНС — Н. Петков (БЗНС–НП). Тем самым было положено начало существованию двух новых БЗНС: отечественнофронтового во главе с Ал. Оббовым и оппозиционного БЗНС–НП. В конце июля 1945 г. Петков устранен из правительства. 14 августа в знак протеста правительство покинули другие министры-земледельцы. Начавшаяся летом 1945 г. подготовка назначенных на 26 августа 1945 г. выборов в Обыкновенное народное собрание 26-го созыва еще сильнее обострила отношения между БРП(к) и оппозиционными партиями. БЗНС во главе с Петковым превратился в центр, объединявший все оппозиционные силы Болгарии.

В период предвыборной кампании оппозиция выступила против утвержденного регентами закона о выборах, который предусматривал участие партий Отечественного фронта в выборах по единым спискам кандидатов в депутаты.

Оппозиционные партии настаивали на самостоятельном участии в выборах. Действия оппозиции поддерживались представителями США и Великобритании в Софии и согласовывались с ними. По их инициативе на трех специальных заседаниях СКК — 22, 23 и 24 августа 1945 г. — обсуждался вопрос о перенесении даты выборов на более поздний срок. Представители США и Великобритании в комиссии Дж. Крейн и В. Окслей потребовали созвать совещание в СКК с приглашением премьер-министра Болгарии, руководителей партий ОФ и оппозиции с целью разработать процедуру выборов, которая была бы приемлема для всех⁶⁸.

В ночь с 24 на 25 августа совещание состоялось. Ссылаясь на заявление министра иностранных дел П. Стайнова (которое не было согласовано с правительством), что болгарское правительство не будет возражать против отсрочки выборов, если СКК примет такое решение, западные представители в СКК предъявили руководству комиссии ультиматум: если выборы не будут отложены, они не признают их результатов и не подпишут мирный договор с Болгарией. Генерал-майор Крейн настаивал, чтобы выборы были проведены только после того, как пройдут съезды БЗНС, Болгарской социал-демократической партии и будет зарегистрирована Демократическая партия, а также будет обеспечена свобода слова, печати и собраний, когда пять партий — БРП(к), БЗНС, БСДП, «Звено» и Демократическая партия тайным голосованием решат, как будет организовано голосование на выборах — по общим или отдельным спискам и т.д.⁶⁹

Советское руководство в СКК после консультаций с Москвой и обсуждения вопроса с ЦК БРП(к) было вынуждено пойти на компромисс. Выборы были отложены, назначена новая дата их проведения — 18 ноября. Но эта уступка привела к ужесточению позиции СКК и БРП(к) в отношении к болгарской оппозиции и поддерживавших ее американских и английских представителей в комиссии. Осмелевшая после своей победы оппозиция решила добиваться выполнения еще одного из своих требований — реорганизации правительства (изъятия из рук коммунистов министерств внутренних дел и правосудия) и включения в него своих представителей, прежде всего своего лидера Н. Петкова. После безуспешных попыток решить этот вопрос путем давления на советских представителей в СКК оппозиция возложила надежды на решение вопроса в более высокой инстанции —

на I сессии Совета министров иностранных дел (СМИД), которая проходила в Лондоне с 11 сентября по 2 октября 1945 г. Американская делегация поставила на сессии вопрос о реорганизации правительства в Болгарии, но получила резкий отпор советской стороны.

26 октября оппозиция, надеясь, что вновь сумеет отложить на неопределенный срок выборы, заявила, что она намерена их бойкотировать. Но ожидаемой реакции со стороны правительства и СКК не последовало. Сразу же после выборов оппозиция вновь выдвинула требование о включении ее представителей в формирующееся правительство. Свои надежды она вновь связывала с США и Великобританией. На очередной сессии СМИД в Москве (16–26 декабря 1945 г.) западные представители вновь поставили вопрос о переменах в болгарском правительстве: «нейтрализации» Министерства внутренних дел (т.е. изъятии его у коммунистов), реконструкции кабинета путем его пополнения двумя представителями оппозиции. Советская делегация настаивала на том, что в результате выборов в стране действует парламент, который не нуждается в советах относительно состава правительства, так как это его прерогатива. Участие оппозиции в правительстве, подчеркнула советская сторона, будет зависеть от результатов предстоящих новых выборов в учредительное — Великое народное собрание, а затем и в Обыкновенное народное собрание⁷⁰. В соответствии с установками «центра» действовали и советские представители в СКК.

В создавшихся условиях оппозиция решила принять участие в выборах в Великое народное собрание, назначенных на 27 октября 1946 г. К этому времени оппозиционный БЗНС уже пользовался большим влиянием в болгарском обществе и чувствовал свою силу. В день выборов печатный орган БЗНС–НП газета «Народно земеделско знаме» обвинила правительство в том, что оно не выполнило свое обещание провести свободные выборы: предвыборные собрания оппозиции разгонялись, ее видных руководителей подвергали насилию, сторонникам и сочувствовавшим не выдавали избирательные бюллетени и т.д. Согласно полученным в СКК сведениям, представители Великобритании и США 26 октября после обеда встретились с Петковым и социал-демократом, оппозиционером К. Лулчевым и предложили им отказаться от участия в выборах. Но лидеры оппозиции уже не имели времени предупредить местные

организации своих партий и ограничились отъездом наблюдателей от оппозиции из избирательных секций⁷¹. Попытка представителей США и Великобритании, используя оппозицию, сорвать выборы в Болгарии, а затем обвинить в этом правительство Отечественного фронта и коммунистов провалилась.

Однако результаты выборов в Великое народное собрание (оппозиция собрала почти 30 % голосов и получила 89 мест в парламенте) усилили нетерпимость оппозиции к коммунистам и Отечественному фронту. Понимая, что немалая часть болгарского общества оказала им своими голосами поддержку, лидеры оппозиции демонстрировали готовность к последовательной борьбе. В этом их поддерживали и настраивали представители Великобритании и США в СКК. С парламентской трибуны оппозиционеры обвиняли коммунистов в утверждении однопартийной системы в стране, в ликвидации парламентской демократии, в репрессиях, в нарушении принципа добровольности при создании трудовых кооперативных земледельческих хозяйств и др. Оппозиция голосовала против проекта новой конституции, подготовленной компартией, отказалась признать принятый Великим народным собранием двухлетний план хозяйственного развития Болгарии на 1947–1948 годы. Более агрессивным стало и поведение оппозиционеров.

Подобные действия рождали противодействие со стороны власти. В феврале 1947 г. начались первые аресты оппозиционеров. В апреле было остановлено издание газеты «Народно земеделско знаме». 5 июня 1947 г. был лишен депутатского мандата и арестован Н. Петков. Оставшись без лидера, руководство БЗНС–НП, напуганное развитием событий, обратилось с просьбами в ЦК БРП(к) и Национальный комитет Отечественного фронта с предложением о переговорах. Но ЦК БРП(к) по совету Москвы, раздраженной целенаправленными действиями западных союзников по поощрению оппозиции, уже взял курс на ее окончательную ликвидацию. На начавшемся 2 августа 1947 г. судебном процессе Петков был обвинен в подготовке государственного переворота с целью свержения правительства Отечественного фронта, осужден на смерть и 23 сентября казнен. Заступничество американских и английских представителей в СКК и демарши Запада, предпринятые по дипломатическим каналам, не помогли. Заигрывая с оппозицией, обещая ей помощь в борьбе против коммунистов и даже

объявление Западом войны Советскому Союзу во имя спасения Восточной Европы, союзники, в сущности, по их признанию, «затянули петлю на шее Петкова». Не случайно британские и американские дипломаты не присутствовали двумя годами позже на судебном псевдопроцессе Трайчо Костова: после случая с Петковым они боялись уже одним своим появлением навредить подсудимому.

Поддержка оппозиции представителями США и Великобритании в СКК стала «зеркальным отражением» еще более решительной поддержки болгарских коммунистов советским военным командованием. Будучи решающим фактором и арбитром в развитии внутривнутриполитической ситуации в стране, советские представители прилагали значительные усилия по укреплению позиций компартии во всех областях политической и общественной жизни, в армии. Анализ развития событий в Болгарии свидетельствует, что именно прямое вмешательство английских и особенно американских представителей в политическую жизнь Болгарии обусловило отказ Москвы от компромиссов с оппозицией в будущем, от поддержки Н. Петкова как руководителя БЗНС. Вопрос, как свидетельствуют документы, рассматривался на самом высоком уровне. После отсрочки парламентских выборов в августе 1945 г. Сталин, как отметил в своем дневнике Г. Димитров, категорически заявил: «Больше никаких уступок»⁷².

Деятельность СКК в Болгарии под руководством Советского Главного командования облегчи-

ла борьбу БРП(к) и правительства Отечественного фронта с политическими оппонентами и фактически лишила Великобританию и США шансов на успех.

* * *

После окончания войны положение Болгарии — бывшего сателлита гитлеровской Германии — было исключительно тяжелым. За недальновидную политику бывших правительств, сделавших ставку на Берлин, страна была вынуждена расплачиваться тяжелыми условиями Соглашения о перемирии. Включение Болгарии в советскую сферу интересов прорисовывало перспективу установления в стране полного контроля СССР. Ведущая роль советских представителей в СКК, дислокация советских воинских частей в Болгарии позволяли Москве содействовать, а порой и направлять правительство Отечественного фронта при осуществлении так называемых народно-демократических преобразований в Болгарии, блокировать вмешательство западных союзников во внутривнутриполитическую жизнь страны с намерением утвердить в ней западные ценности с далекоидущими политическими целями. Эта деятельность СКК в Болгарии была настолько успешной, что подписание мирного договора в феврале 1947 г. и вывод частей Красной армии из Болгарии происходили в условиях, когда вопрос о ее внешнеполитической ориентации и векторе внутривнутриполитического развития был уже решен.

¹ Исусов М. За характера на българо-съветските отношения след Втората световна война //България и Русия през ХХ век: Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 237.

² Баев Й. Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944 — декември 1947 г.) // България и Русия през ХХ век: Българо-руски научни дискусии. София, 2000, С. 310–312.

³ Ангелов В. Третата национална катастрофа: Съветската окупация в България (1944–1947). София, 2005.

⁴ Вачков Д. Изпълнение на финансово-икономическите клаузи на Съгласението за примирие с България на 28 октомври 1944 г. // Исторически преглед. 2004. Кн. 1–2. С. 129–154.

⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 116. Д. 18. Л. 123.

⁶ Там же. Л. 127.

⁷ Там же. Л. 41–44.

⁸ Исусов М. Указ. соч. С. 233.

⁹ АВП РФ. Ф. 452. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 71–72.

¹⁰ Там же. Ф. 074. Оп. 93. П. 113. Д. 7. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² Там же. Ф. 074. Оп. 93. П. 113. Д. 7. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Тошкова В. Из «миниатюрната история» на студената война в България (1944–1947 г.): аспирациите на СССР и САЩ към политическия модел // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947): Статии и документи. София, 1999. С. 157.

¹⁵ Лаврѐнов С., Шинкарѐв И. Некоторые особенности советско-болгарских отношений на завершающем этапе войны против Германии (9 сентября 1944 г. — май 1945 г.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). С. 84–85.

- ¹⁶ Архив на Министерство на вътрешните работи на България (АМВР). Ф. 1. Оп. 1. А. е. 135. Л. 1–3, 5, 6, 7–8, 11.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 93. П. 113. Д. 7. Л. 7–10.
- ¹⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 404.
- ¹⁹ Лаврёнов С., Шинкарёв И. Указ. соч. С. 85.
- ²⁰ АВП РФ, Ф. 074. Оп. 93. П. 113. Д. 7. Л. 49–51.
- ²¹ Там же. Ф. 452. Оп. 3. П. 44. Д. 5. Л. 1, 2, 3.
- ²² Подписанием 5 октября 1944 г. в Крайове соглашения между маршалом Тито и болгарской делегацией официально было узаконено пребывание болгарской армии на югославской территории и военного сотрудничества с Народно-освободительной армией Югославии.
- ²³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 93. П. 113. Д. 7. Л. 15–30.
- ²⁴ Там же. Л. 42.
- ²⁵ Там же. Л. 43.
- ²⁶ Там же. Л. 45.
- ²⁷ Там же. Л. 47, 48.
- ²⁸ АМВР. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 111. Л. 1.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 0452. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 2.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 17–20.
- ³² Там же. Л. 2–3.
- ³³ 23 ноября 1944 г. Совет министров принял постановление № 4, согласно которому все офицерские чины действующей армии и запаса, которые совершили или обвинялись в совершении преступлений по закону о Народном суде, а также обвиняемые в злодеяниях, связанных с войной, могли быть направлены в действующие части, чтобы непосредственным участием в боях против германских войск искупить вину. Вступившие в действующую армию понесли бы более мягкое наказание, чем это предусмотрено законом. Право устанавливать, на кого из военнослужащих распространялось это постановление, было дано военному министру. Сторонники постановления № 4 считали, что борьба с фашистскими элементами в армии нарушает ее единство, подрывает ее боеспособность.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 0452. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 6–9.
- ³⁵ Там же. Л. 9.
- ³⁶ Там же. Л. 9–10.
- ³⁷ Советско-болгарские отношения, 1944–1948 гг.: Документы и материалы. М., 1969, С. 55–58, 66–68.
- ³⁸ Там же. С. 94–95.
- ³⁹ Там же. С. 181.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. П. 125. Д. 8. Л. 6–8.
- ⁴¹ АМВР. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 37. Л. 2–3.
- ⁴² Там же. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Ф. 37. Оп. 1. А. е. 64. Л. 3.
- ⁴⁴ Там же. Л. 1, 5.
- ⁴⁵ Лаврёнов С., Шинкарёв И. Указ. соч. С. 92.
- ⁴⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 119. Д. 29. Л. 20–26, 28–32.
- ⁴⁷ Техеран, Ялта, Потсдам: Сборник документи. София, 1968. С. 373–374.
- ⁴⁸ Тошкова В. САЩ и България, 1919–1989: Политически отношения. София, 2007. С. 226–227; Тошкова В. Из «миниатюрната история» на студената война в България. С. 157.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 452. Оп. 2. П. 36. Д. 52. Л. 5.
- ⁵⁰ Там же. Л. 6.
- ⁵¹ Там же. Л. 1–3.
- ⁵² Там же. Л. 8.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 119. Д. 30. Л. 91.
- ⁵⁴ Централен държавен архив на Република България (ЦДА на РБ). Ф. 1485. Оп. 2. А. е. 932. Л. 2.
- ⁵⁵ ЦДА на РБ. Ф. 1485. Оп. 2. Д. 932. Л. 39.
- ⁵⁶ Там же. Л. 45–46, 50, 186–187.
- ⁵⁷ Там же. Л. 41–43.
- ⁵⁸ Там же. Л. 17.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. П. 128. Д. 28. Л. 154–159.
- ⁶⁰ ЦДА на РБ. Ф. 1485. Оп. 2. А. е. 936. Л. 14.

- ⁶¹ Там же. Л. 31.
- ⁶² Там же. А. е. 946. Л. 14.
- ⁶³ Ангелов В. Указ соч. С. 17–21.
- ⁶⁴ http://militera.lib.ru/memo/Russian/cherepanov_ai/08.html, с. 10.
- ⁶⁵ http://militera.lib.ru/memo/Russian/cherepanov_ai/08.html, с. 10.
- ⁶⁶ Генерал-майор Джон Крейн — руководитель представительства США в СКК в Болгарии.
- ⁶⁷ http://militera.lib.ru/memo/Russian/cherepanov_ai/08.html, с. 10.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34-б. П. 158-а. Д. 3. Л. 1.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 452. Оп. 2. П. 35. Д. 51. Л. 21; Д. 44. Л. 106–107.
- ⁷⁰ Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953: Документы: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 259–260.
- ⁷¹ Там же. С. 536.
- ⁷² Димитров Г. Дневник, 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 495.

Идеология и геополитика в советской дипломатии периода освобождения

Е. О. Обичкина*

Национальный интерес — понятие, изначально органически чуждое дискурсу советской дипломатии. Между тем общий державный стиль и сущность выстроенного Сталиным государства предполагали примат государственных интересов. Гитлеровское вторжение оттеснило на второй план любые идеологические/классовые соображения, сосредоточив советскую дипломатию на классических национальных интересах, главным из которых является защита национальной территории и государственного суверенитета. Становление и рост взаимодействия в рамках антигитлеровской коалиции, основанной на союзе с либеральными демократиями — США и Великобританией, — диктовал Москве поведение в духе классического «концерта держав».

Более того, после решающих побед под Сталинградом и под Курском сила победоносной Красной армии позволила Советскому Союзу не только занять полноправное положение среди трех грандов Объединённых Наций, но и стать в последние годы войны решающей военной силой антигитлеровской коалиции. Заинтересованность же во вступлении СССР в войну с Японией умножала стремление союзников к взаимопониманию с Москвой и способствовала удовлетворению долгосрочных интересов советской дипломатии. В ходе наступательных операций 1944 г. стало очевидным, что СССР в силах освободить собственную территорию, не дожидаясь открытия второго фронта, и что освобождение стран Восточной Европы будет

в руках Красной армии. Кроме того, военные успехи союзников на западе, в особенности высадка в Нормандии, во многом зависели от одновременных наступательных операций советских войск на востоке, что позволяло СССР вести политику с позиции силы.

1.1. «Тенденция к национализму» — новый стиль советской дипломатии

Это была державная политика в духе силового реализма, хотя с неизменной поправкой: речь шла о примате интересов социалистического (коммунистического) государства. В этих условиях в повестке дня советской дипломатии стояли три круга проблем:

- во-первых, надо было приблизить победу, содействовать окончательному разгрому Германии и ее союзников. С этой целью СССР стремился ускорить открытие второго фронта во Франции, а также вывести из войны гитлеровских сателлитов: Финляндию, Венгрию, Румынию и Болгарию, по возможности повернув их против Германии;
- во-вторых, выигрывая войну, надо было обеспечить длительный и выгодный СССР мир, закрепив выгодные ему границы. СССР стремился обеспечить международное признание предвоенных территориальных приращений, в частности принадлежность СССР трех балтийских государств, изменение границы с Польшей и Румынией, а также присоединить прикарпатские районы Чехословакии и Венгрии. Лучшей гарантией

* **Евгения Олеговна Обичкина** — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

будущего прочного мира с соседями было бы создание дружественных режимов в сопредельных странах по всему периметру европейской границы от Балтики до Адриатики. Поэтому первостепенное значение приобретал вопрос о путях политического восстановления стран Восточной Европы; — в-третьих, решающий вклад в победу над Германией и победоносное продвижение Красной армии в Восточной Европе вывели СССР на авансцену мировой политики, что позволяло ему претендовать на участие в строительстве послевоенного мира. С одной стороны, советской дипломатии требовалось укреплять взаимодействие с англо-американскими союзниками, с другой стороны — препятствовать установлению их исключительной гегемонии, на континенте в целом, а в частности на Балканах, в регионе, особенно чувствительном для национальной дипломатии, которая стремилась получить свободный выход в Средиземное море.

Сохраняя идеологический, марксистский дискурс документов (особенно тех, что предназначались для внутреннего пользования), советские дипломаты сознательно приглушали в отношениях с союзниками классовые мотивы своей политики. Здесь много значил опыт сравнительно недавнего прошлого. Идеологический раскол помешал участию Советской России в мирном урегулировании после Первой мировой войны, а в 1930-е гг. — созданию антигитлеровской коалиции. Что касается открывшейся возможности вернуться к имперской политике царской России, в НКВД учитывали уроки более долгого исторического соперничества с западными державами на европейской периферии, особенно вблизи черноморских проливов, на Балтике и на Балканах.

Планируя деятельность внешнеполитического ведомства, И.М. Майский, который в начале 1944 г. был отозван с должности посла в Лондоне¹ и назначен заместителем наркома, тогда же представил В.М. Молотову записку «О послевоенном устройстве мира»². Долгосрочную стратегическую цель советской дипломатии Майский видел в «создании такого положения, при котором в течение длительного срока (автор записки определил его минимум в 30 лет, максимум — в 50 лет, измерив жизнью двух поколений. — Е.О.), были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира в Европе и Азии». Дипломатия должна была

работать над тем, «чтобы СССР мог стать столь могущественным, что ему уже не страшна была никакая агрессия в Европе и Азии и чтобы никакой державе или комбинации держав даже в голову не могло прийти такое намерение». Эта передышка нужна для того, чтобы «по крайней мере континентальная Европа успела стать социалистической, исключая, таким образом, самую возможность возникновения войн в этой части света»³. Майский писал свою записку, только что вернувшись в Москву. Позже станет ясно, что границы политического и социального переустройства Европы в замыслах Сталина сужались до границ возможного и определялись ситуацией на местах.

Одной из первых задач ближайшего периода Майский назвал обеспечение интересов СССР в вопросе о границах. Предстояло работать над тем, «чтобы СССР вышел из войны с выгодными стратегическими границами, в основу которых должны быть положены границы СССР в 1941 г.». Майский допускал возможность частичной модификации границ, например, с Польшей, Румынией и Финляндией, «в зависимости от нашей выгоды или от необходимости считаться с политикой США и Англии». Кроме того, исходя из опыта предвоенных лет, Советскому Союзу желательно было иметь общую границу с Чехословакией. Планы обращения с Германией предусматривали отторжение территорий в пользу СССР и сопредельных стран Восточной Европы⁴.

Намечая возможные контуры послевоенной Европы, новый заместитель наркома рассматривал два сценария послевоенных политических трансформаций: первый предусматривал демократизацию, второй — советизацию. Примечательно, что оба сценария подразумевали самое активное участие Советского Союза в политических преобразованиях в освобождаемых странах, но вели к различному развитию взаимоотношений с англо-американскими союзниками, а следовательно, к разным вариантам послевоенного развития Европы и мира.

Сценарий демократизации в социальном плане означал возвращение Европы в довоенный пути капиталистического развития, а в политическом плане — восстановление (или установление) парламентских демократий. Восстанавливая в целом довоенный статус, он в то же время позволял надеяться на расширение за счет СССР клуба великих держав. В этом случае Майский предвидел «огромное усиление» США,

страны «динамического империализма», следовательно, в духе ленинской вульгаты, неизбежное столкновение Соединенных Штатов с «консервативным империализмом» ослабевшей Англии. Майский считал, что «в этом случае последняя будет фактором стабилизирующего порядка, и СССР может играть на противоречиях ее с США. Интересы борьбы за свои мировые позиции будут толкать Англию в сторону СССР, но разница в характере социально-экономической системы <...> будет создавать трудности в сближении между обеими странами». Вывод Майского: «...если не будет пролетарских революций в Европе, то нет оснований ожидать, что отношения между СССР и Англо-американцами будут плохими»⁵. Важно, что сценарий демократизации без фундаментальных социально-экономических преобразований больше соответствовал заданной антигитлеровским союзничеству парадигме, предоставившей Советскому Союзу место в концерте великих держав.

Стратегические задачи в проекте Майского определялись не столько идеологией, сколько геополитическими интересами СССР. Майский в своей записке указывал, что «государственный строй вражеских и ныне оккупированных врагом стран должен быть реорганизован в интересах СССР»⁶. С идеологической точки зрения, не рискуя впасть в ревизионизм, заместитель наркома руководствовался актуализированной еще в момент заключения советско-германского пакта 1939 г. работой Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме» и утвержденной на VII Конгрессе Коминтерна тактикой Народного фронта. В.М. Березков, помощник Молотова по иностранным делам, вспоминал, что, когда он в 1944 г. пришел в Наркоминдел на собеседование, Молотов процитировал высказывание из этой работы, касающееся тактических союзов с социально и политически родственными слоями, спросив, узнаёт ли он источник. Правильный ответ свидетельствовал о внимании молодого сотрудника к изменениям линии высшего руководства⁷. Именно на эту практику заместитель наркома Майский сослался, развивая сценарий «демократизации». Он указывал: важно, чтобы искомое политическое устройство европейских стран базировалось «на принципах широкой демократии в духе идей народного фронта».

Если во Франции и Чехословакии Майский видел предпосылки для реализации этой модели «без давления со стороны», то для Вен-

грии, Болгарии, Румынии, Греции, Югославии, Польши, Италии он считал допустимым «пустить в ход различные меры влияния извне», комментируя: «Перед этим „вмешательством во внутренние дела“ наций не следует останавливаться», поскольку «демократия в государственном устройстве стран является одной из существенных гарантий прочного мира»⁸. Надо отметить, что последнее замечание идеологически полностью соответствовало либеральной идее, но в устах советского дипломата, пусть и только возвратившегося из Лондона, было бы еретическим, если бы не исключительные обстоятельства, поставившие Советский Союз в один ряд с западными демократиями в борьбе против нацизма.

1.2. СССР в кругу демократических государств

В отношениях советского руководства с союзниками возобладала кооперативная логика, в духе которой СССР как член Объединенных наций относил себя к *демократическому миру*, но подобная самоидентификация имела двойственный и преходящий характер. Обоснование тактического разворота коммунистической партии — партии диктатуры пролетариата — к позитивному восприятию демократии как *антипода* фашизма было разработано еще в середине 1930-х годов, в связи с новым приоритетом коммунистического движения — борьбой за демократию против угрозы фашизма и войны, которая диктовала Коминтерну переход к тактике антифашистского Народного фронта. Роспуск Коминтерна в 1943 г., отвечая потребности в укреплении союза с либеральными демократиями Запада, поддерживал стремление заглушать базовую противоположность природы советского государства, с одной стороны, и, с другой стороны, двух держав, которые в советском дискурсе межвоенного периода назывались «империалистическими».

В то же время война против нацизма действительно изменила парадигму европейского развития, выведя антигитлеровскую коалицию за рамки межгосударственного союзничества. Объединенные Нации ассоциировались с *народами*, боровшимися за свободу против гитлеровского порабощения, и именно эти ассоциативные «метки» определяли тогда понятие *демократии*, заставляя до времени забыть об органическом несоответствии советского государства критериям парламентской демократии.

Советская дипломатия активно использовала в своих интересах противопоставление демократических держав (Объединённых Наций) — членов антигитлеровской коалиции странам германского блока для укрепления согласия с союзниками и для реализации своих политических интересов в послевоенном устройстве Восточной Европы. Пока шла война, вербальная самоидентификация страны как принадлежащей демократическому миру имела важный ассоциативный смысл, определяющий общность целей для всех Объединённых Наций, будь то правительства или организации, представлявшие освободительные патриотические движения.

Главным критерием принадлежности демократическому лагерю в войне, разумеется, была не внутренняя либерализация режима, но решимость уничтожить германский нацизм и его союзников. Для левых сил главная линия раскола — капитализм/коммунизм — уже с середины 1930-х годов на время утратила свою актуальность, сменившись антитезой фашизм/антифашизм. Эта же линия раскола со временем определила и противостояние сторон во второй мировой войне: в одном лагере находились жертвы нападения фашистских держав и их союзники, в другом — фашистские агрессоры и их сателлиты. После 22 июня 1941 г. СССР прочно занял место в строю антифашистских/антигерманских держав. Силой исторических обстоятельств лишь польское правительство в изгнании и подконтрольные ему силы национального сопротивления (Армии Крайовой) оставались в старой парадигме враждебности как гитлеровской Германии, так и Советской России.

В то же время для трех грандов антигитлеровской коалиции приоритет общей победы над Германией отодвигал на второй план идеологические различия между союзниками. Так, Черчилль писал в личном послании Молотову: «Несмотря на мои политические взгляды, <...> я не позволяю ничему становиться на пути между британской политикой и высшей целью, а именно целью поражения гитлеровцев и изгнания их с территорий, которые они подчинили себе <...>. Наши взгляды на эти основные цели, а также подчинение им идеологических вопросов является делом, по которому мы можем договориться»⁹. В ответе Молотов выразил полное согласие с премьер-министром: «Несмотря на известное различие политических взглядов у руководящих кругов наших стран, — писал нарком, — мы действительно можем до-

говориться по основным вопросам, которые встают перед нами, помня, что мы — союзники в главном и основном вопросе об обеспечении поражения гитлеровской Германии и об освобождении от гитлеровцев захваченных ими территорий, а также о том, что мы твердо решили наладить наше сотрудничество в послевоенный период»¹⁰.

Не стоит забывать, что подобная самоидентификация СССР — государства диктатуры пролетариата — с демократическим миром, строго говоря, представляла собой типичный пример параллельного дискурса — подмены классического либерального смысла термина «демократия». Логическим выходом из этой двойственности стало рождение отправного понятия, определившего послевоенный раскол Европы на *буржуазные демократии* и страны *народной демократии* — последнее новообразование, по сути, являлось лишь омонимическим по отношению к «демократии» псевдонимом диктатуры пролетариата.

Соответственно, *демократический* сценарий освобождения в советском прочтении подразумевал опору на представителей *народного* сопротивления не только в борьбе с германскими захватчиками, но и против «реакционных» или «профашистских» правительств, причем, как в отношении союзников Гитлера, так и в отношении его жертв. Подобное противопоставление служило легитимации дублирующих политических органов, подконтрольных Москве, как в случае с эмигрантским правительством Польши.

В глазах советских руководителей демократия в тот момент выступала антитезой «консервативно-клерикальному блоку», к которому принадлежали как большинство правительств вражеских государств, так и ряд эмигрантских правительств, в частности польское, а также монархические правительства в изгнании, в частности королевское правительство Югославии. Заместитель наркома иностранных дел Майский не преминул напомнить, что за эти правительства «прежде ратовали США и Англия в противовес большевизму». В изменившихся условиях, считал Майский, «есть основания думать, что по вопросу о демократическом режиме в странах послевоенной Европы сотрудничество между СССР и США и Англией окажется возможным, хотя и не всегда легким»¹¹.

Другой вариант послевоенной геополитической конфигурации предусматривал революционное развитие политических процессов

в Европе в условиях освобождения и, как следствие, неизбежный новый раскол внутри антигитлеровской коалиции. Майский был убежден: «...если первый послевоенный период приведет к пролетарским революциям в Европе, то отношения между СССР и США и Англией будут носить острый характер. Основное противоречие капитализм-социализм выдвигается на первый план»¹².

При том, что в долгосрочной перспективе — с началом холодной войны — прогноз Майского вполне оправдался, ближайшие задачи советской дипломатии диктовали необходимость поддержания возможно более широкой антифашистской коалиции. Оставив в прошлом обидный статус маргинала европейской политики, советская дипломатия, благодаря одержанным победам, но, главное, в интересах окончательной победы над гитлеровским блоком, обрела новый для нее державный стиль. В Вашингтоне отметили этот новый акцент, назвав его «тенденцией к национализму»¹³, что, однако, вовсе не подразумевало отхода от большевизма, хотя и отсылало к классической практике послевоенной организации мира на основе раздела сфер влияния в парадигме «концерта держав».

Рабочие документы советского внешнеполитического ведомства содержат полученные из Вашингтона секретные материалы Госдепартамента США, датируемые февралем 1944 г., в которых анализировалась «доктрина Монро по-советски» «в смысле сфер безраздельного влияния». Досье было передано комиссии Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства¹⁴.

В материале указано, что «хотя основные принципы стратегии и тактики марксизма-ленинизма являются универсальными по своему характеру, в практике они действуют в основном в зоне безопасности Советского Союза <...> Как часть борьбы против империализма Москва защищает марксистскую теорию, что народы могут осуществить реальное самоопределение только тогда, когда они свергнут капиталистических эксплуататоров <...> В соответствии с этим, „федерация советских народов“ должна расширяться как освободительная сила», а Красная армия рассматривается как классовое оружие для освобождения «народа». *Последняя тенденция к национализму* в Советском Союзе может только подчеркивать позицию советского господства в Восточной Европе. Новая доктрина, которая вытекает из войны и которая имеет некоторые корни в традициях царизма,

приняла форму покровительства и защиты славянских народов, причем русские изображаются как «старшие братья». «Советский Союз рассматривает себя Протектором государств или народов Восточной Европы, в частности славян, в интересах собственной безопасности. Включение государств, подобно Эстонии, Латвии и Литвы, в Советский Союз и недавние сообщения об изменениях в советской Конституции, предоставляющей автономию союзным республикам в военных и иностранных делах, выдвигают возможность проведения экспансионистской программы, в которой степень советского уважения прав и независимости других европейских государств будет определяться самим советским правительством более или менее односторонне»¹⁵.

Знакомство с этим документом было очень важным для руководителей советского внешнеполитического ведомства. Он подтверждал, что западные союзники строили свою политику тесного военно-политического сотрудничества с Москвой в отношении третьих стран, принимая как абсолютную данность коммунистическую природу политической стратегии Кремля и готовы были с этой данностью мириться. Однако степень их возможного противодействия этой стратегии зависела от соотношения сил внутри союзной коалиции и от заинтересованности в главном направлении борьбы против общего врага.

Хотя в отношениях между тремя великими Объединенными Нациями преобладало стремление к согласию, фоном его было взаимное недоверие. Черчилль волновался, что вступление советских войск в страны Центральной и Юго-Восточной Европы приведет к ослаблению позиций Англии в регионе, и предпринимал все усилия, чтобы обеспечить британские интересы, отстаивая политическую легитимность эмигрантских правительств, нашедших убежище в Лондоне¹⁶.

По сути, речь в данном случае шла больше чем о классических сферах влияния — о возможности распространения коммунизма в зоне, которая прежде для Запада была «буфером» между СССР и европейскими державами. Опасения не были беспочвенными. В течение 1944 г. по мере продвижения Красной армии в Центральной и Восточной Европе к советской военной и дипломатической стратегии добавлялась политическая стратегия, нацеленная на установление не только дружественных, но и родственных режимов. Классовые и идеологические со-

ображения здесь были неразрывны с задачей обеспечения послевоенной безопасности СССР. Индикатором этой смены приоритетов был подход Сталина к решению польского вопроса, катализатором — Варшавское восстание.

Сложные политические процессы, связанные с ликвидацией гитлеровского «нового порядка» в поработанной Германией Европе, советское руководство рассматривало прежде всего с точки зрения собственных государственных интересов, которые со времен установления советской власти были тождественны классовым интересам, что не могло не осложнить отношений с Лондоном и Вашингтоном. Последние, впрочем, не сомневались в неизменности внешнеполитической идентичности СССР и готовы были мириться с неизбежным социальным переустройством Европы, которое было позволено ему по праву победителя в границах его зоны безопасности. К этому следует добавить, что в Москве не было выработано единого сценария политической реорганизации Европы. Решение о поддержке или признании сил, претендовавших на руководство политическим восстановлением того или иного государства, принимали исходя из ситуации, часто отступая от критерия идейно-классового родства.

В частности, после провала плана установления коммунистического режима в Финляндии в период советско-финской войны 1939–1940 гг., Советский Союз не возвращался к подобным проектам в период переговоров о перемирии, считая возможным договориться с правительством бывшего царского генерала Маннергейма. Одним из важнейших факторов в пользу установления идейно и классово родственных правительств как в освобожденных, так и в побежденных странах Восточной Европы было присутствие на их территории Красной армии и, соответственно, их политическое восстановление под контролем Советского Главнокомандования. Исключение составило абсолютно лояльное эмигрантское правительство Бенеша, предпочитавшее гармоничные отношения с коммунистическим центром, сформированным в СССР. Что касается стран Западной Европы, подпадавших под контроль англо-американского командования, то в них Москва придерживалась тактики поощрения сил широкого антифашистского фронта, основанного на силах национального сопротивления в ущерб позициям англо-американского военного командования.

1.3. Новое издание тактики Народного фронта в политическом возрождении Западной Европы

По сути, отстаивая тактику Народного фронта, т. е. отказ от лозунгов 1920-х — начала 1930-х гг., призывавших к всемирной пролетарской революции, превращению «войны империалистической в войну гражданскую» и к борьбе против мирового капитализма, советское руководство вернулось к выбору, сделанному Коминтерном в 1935 году. Он был продиктован, с одной стороны, осознанием смертельной угрозы, которую нацизм несет коммунизму, с другой стороны, пониманием, что либеральная демократия создала наиболее благоприятные условия для легальной борьбы рабочего класса. Не следует, однако, забывать, что разворот был *тактическим*. Враждебность *буржуазным* демократиям воскресла в советском внешнеполитическом дискурсе в самый канун второй мировой войны, в августе 1939 г., когда разочарование от затянувшихся переговоров по созданию антигерманского союза с Великобританией и Францией толкнуло Сталина на подписание Пакта о ненападении с Гитлером.

Этот акт расколол антифашистский фронт. С началом Второй мировой войны коммунистов стали называть «пятой колонной» врага, и взаимная враждебность между СССР и западными демократиями длилась вплоть до нападения Германии на Советский Союз и была главным мотивом англо-американцев, тянувших с открытием второго фронта. По мере усиления военной мощи СССР и укрепления союзничества Объединенных Наций обе стороны (и СССР, и западные державы) старались отойти от недавнего раскола. Политика СССР вернулась в лоно тактического союза, предполагавшего примирение с западными демократиями, по крайней мере до окончательного разгрома Германии.

На этот выбор указывает высказывание Литвинова, которому было поручено возглавить работу над советским проектом «обращения с Францией». Сославшись на Сталина, он инструктировал членов созданной по этому случаю комиссии: «Наша комиссия с одобрения правительства должна готовить свою работу, игнорируя пока возможность серьезных социальных переворотов в Европе и исходя из существующего строя»¹⁷. Ссылка на «одобрение правительства» очень важна, так как указывает на выбор в пользу *демократического* сценария. Этим императивом руководствовались в Мо-

■

скве, разрабатывая тактику коммунистических партий в отношении эмигрантских правительств стран Западной Европы, переходивших при освобождении под контроль англо-американских войск. Москва получала в них важные рычаги влияния благодаря огромному авторитету коммунистического антифашистского подполья, которое далеко не всегда априорно соглашалось мириться с восстановлением довоенного политического порядка.

Это касалось Франции, Греции и Италии. Во всех трех случаях согласие с союзниками оставалось для Сталина абсолютным приоритетом, исключая революционный сценарий установления власти, опирающейся на вооруженные отряды коммунистического сопротивления. Политика возможного¹⁸ сочеталась здесь и с геополитическими интересами СССР в послевоенной Европе, и с интересами коммунистических партий в процессе политического восстановления. Советская дипломатия ратовала за создание национальных правительств на основе широкой демократической коалиции при поддержке коммунистов и с их участием, тем самым коммунисты превращались в легальную и влиятельную политическую силу будущей послевоенной Европы — весомый залог европейского влияния СССР. Этот выбор был весьма далек от идеологических схем и диктовался оценкой ситуации на местах.

Показательной с этой точки зрения является история с признанием СССР итальянского правительства Бадольо. 30 марта в «Известиях» вышла редакционная статья «Итальянский вопрос», в которой было сказано, что «улучшение состава» правительства Бадольо и «расширение его базы в направлении демократизации» является неотложной задачей¹⁹. 16 апреля заместитель главы НКВД А. Я. Вышинский дал пресс-конференцию по итальянскому вопросу, на которой озвучил содержание представлений, сделанных на этот счет советской стороной правительствам Англии и США. Вышинский советовал, что и через семь месяцев после заключения перемирия с Италией в стране не создано объединения демократических и антифашистских сил и продолжается соперничество между правительством Бадольо и Постоянной исполнительной джунтой. Советское руководство обратилось к англо-американским союзникам с предложением рассмотреть в Консультативном совете по делам Италии вопрос о включении в правительство Бадольо «представителей тех слоев итальянского народа, которые всегда

выступали против фашизма», не называя, но прямо подразумевая в первую очередь коммунистов. Установление полноценных прямых отношений между СССР и правительством Бадольо должно было обеспечить политике внутреннего единства благоприятное международное сопровождение.

Думается, непосредственное отношение к этим демаршам имело и возвращение в Италию секретаря Итальянской коммунистической партии Тольятти. 28 марта тот прибыл в Неаполь. Перед отъездом, ночью с 3 на 4 марта, лидер итальянских коммунистов выслушал советы Сталина, настаивавшего на необходимости создания в Италии единого фронта антигерманских сил, что требовало от ИКП серьезного изменения тактики. Тольятти рекомендовалось отложить требование немедленного упразднения монархии и при возможности войти в правительство Бадольо. Сталин считал, что внутренний раскол в Италии между королем и правительством Бадольо, с одной стороны, и антифашистским сопротивлением, с другой стороны, «ослабляет итальянский народ. Это выгодно англичанам, которые хотели бы иметь слабую Италию на Средиземном море»²⁰. Геополитические соображения в данном случае преобладали над идеологическими интересами²¹, но отнюдь им не противоречили. Вернувшись в Неаполь, Тольятти выступил с инициативой формирования правительства национального единства.

Вскоре после этого правительство Бадольо было реорганизовано; в апреле 1944 г. в него вошли представители всех шести антифашистских партий, в том числе два министра-коммуниста. Те же силы руководили комитетами национального освобождения, которые стояли во главе движения сопротивления на севере страны, в той части, которая еще находилась под немецкой оккупацией, что обеспечивало преимущество будущей национальной администрации по мере освобождения от немцев. Для облегчения задачи ИКП и в собственных интересах в Кремле намерены были придерживаться отличной от англо-американцев линии в отношении Италии, в частности смягчить ее положение среди побежденных. Тем самым можно было одновременно и подкрепить позиции соратников из ИКП, и обеспечить на будущее геополитические интересы Москвы в Средиземноморье.

Летом 1944 г., при обсуждении записки «Об обращении с Италией»²² в наркомате иностран-

ных дел, в ответ на реплику Лозовского: «...необходимо прекратить какую бы то ни было роль Италии и поддержать Югославию», Литвинов возразил: «Нам невыгодно, чтобы Средиземное море стало полностью английским морем. Кто нам в этом поможет? На Францию рассчитывать не приходится. Остается... Италия»²³. Спустя несколько дней комиссия Литвинова вернулась к обсуждению. Бывший нарком обосновал свою точку зрения: Италия «вступила в вооруженный конфликт с нашим государством <...> лишь в результате участия в политических комбинациях с враждебными нам государствами», следовательно, «к побежденной Италии можно применить менее жесткое обращение, чем к Германии»²⁴.

Вскоре после реорганизации правительства Бадольо, 24 мая, его представитель Пиетро Кварони прибыл в Москву. В Италию был направлен М. А. Костылев²⁵. 25 октября советский представитель передал министру иностранных дел итальянского правительства решение Москвы установить с ним полные дипломатические отношения²⁶.

1.4. Решение югославского и греческого вопросов

Оно осложнялось внутренним расколом между консервативными силами, поддерживавшими эмигрантские королевские правительства в Лондоне и в Каире и подпольными центрами антифашистского сопротивления, не согласными с восстановлением довоенных режимов. Весомая роль коммунистов в партизанском подполье и огромный международный авторитет Красной армии создавали дополнительные рычаги советского влияния. В период подготовки высадки союзников во Франции, когда укрепление сотрудничества с англо-американцами было приоритетом, Сталин предложил коммунистам тактику создания широкого национального фронта, предполагавшую сотрудничество всех национальных антифашистских сил и позволявшую коммунистам получить министерские портфели. Аналогичные советы через Г. Димитрова он давал коммунистам Италии и Греции. Соответственно, советская дипломатия ратовала за скорейшее восстановление суверенитета подобных коалиционных правительств, в ущерб полномочиям военного командования союзников.

В Греции объединение сил внутреннего сопротивления состоялось также не без участия СССР. Еще в декабре 1943 г. Сталин согласил-

ся с предложением Черчилля уполномочить премьер-министра Греции Цудероса призвать греческих партизан к прекращению «гражданской войны» между собой во имя совместной борьбы против немцев²⁷. В освобожденных районах Греции, составлявших две трети территории страны, которые контролировала Народно-освободительная армия (ЭЛАС), по инициативе Национально-освободительного фронта (ЭАМ)²⁸ 12 марта 1944 г. был создан центральный орган власти — Политический комитет национального освобождения.

2 сентября 1944 г., за два дня до высадки британских войск в Греции, правительство в эмиграции и представлявший внутреннее сопротивление ЭАМ при посредничестве англичан достигли соглашения о создании коалиционного правительства. 4 сентября британские войска высадились в Греции, а 26 сентября на встрече с руководителями ЭАМ в итальянском городе Казерте было достигнуто соглашение о переподчинении партизанских отрядов (ЭЛАС) британскому командованию в Средиземноморье.

Правительство национального единства во главе с Г. Папандреу, прибывшее в страну после высадки британских войск, распорядилось отстранить Национально-освободительный фронт (ЭЛАС) от управления освобожденными районами. 1 декабря 1944 г. был издан приказ британского военного командования в Греции о разоружении партизанской армии ЭАМ. Опорой коалиционного правительства были сформированные в эмиграции греческие части и войска британских союзников. Представители ЭАМ в знак протеста вышли из правительства Папандреу и призвали к массовой демонстрации в Афинах в поддержку ЭЛАС. Так же, как во время восстания греческих моряков, подавлением протестов занимались английские войска. В Афинах было введено военное положение. В Греции началась гражданская война, и одной из сторон противостояния были прокоммунистические партизанские отряды ЭЛАС.

Сталин считал поведение греческих коммунистов ошибкой. В беседе с Г. Димитровым 10 января 1945 г. он сказал: «Я советовал, чтобы в Греции не затевали эту борьбу. Люди ЭЛАС не должны были выходить из правительства Папандреу. Они принялись за дело, для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная армия спустится до Эгейского моря. Мы этого не можем делать. Мы не можем послать в Грецию свои войска. Греки соверши-

ли глупость»²⁹. Через месяц внутренний конфликт в Греции был остановлен. 12 февраля в Варкизе (под Афинами) ЭЛАС подписала соглашение. Согласно Варкизскому компромиссу, правительство отменяло военное положение, восстанавливало политические и гражданские свободы, объявляло амнистию политическим заключенным и намечало всеобщие выборы.

1.5. Союзный договор с де Голлем и интересы ФКП

Позиция Сталина в вопросе об участии коммунистов в политическом возрождении Франции также отвечала не только классово, но и иной, державной логике, соответствующей интересам союзничества с западными демократиями и советским геополитическим интересам. Советская дипломатия стремилась максимально контролировать процесс восстановления французского суверенитета, что было не просто уже потому, что, согласно договоренностям, контроль над процессом должен был осуществляться от имени Верховного Союзного Главнокомандования англо-американскими союзниками, поскольку именно им предстояло освободить страну. В то же время, еще в марте 1943 г. Комиссия по вопросам перемирия (комиссия Ворошилова) обсудила и представленный союзниками проект «Основной схемы управления освобожденной Францией», и текст Декларации трех правительств, предназначенной для оглашения с началом освобождения страны.

Советские предложения в нескольких пунктах серьезно отличались от планов союзников. Они ограничивали власть англо-американской военной администрации на французской территории в пользу ФКНО (Французского Комитета Национального Освобождения), что было тем более важно, что в него входили представители ФКП — первой партии внутреннего сопротивления. Контуры политической ситуации внутри французских сил освобождения еще не были в тот момент определены. Но в НКВД предполагали, что в силу классового родства англо-американское командование, так же как и де Голль, могли пойти на сотрудничество с перебежчиками из коллаборационистского правительства Виши, проявить больше снисходительности к бывшим сторонникам Петэна, чем к коммунистам, и вернуться к антикоммунистическим законам августа 1939 года.

Поэтому советский проект предусматривал более активную роль внутреннего сопротив-

ления в управлении Францией в период освобождения, указывая, что «при вступлении на французскую территорию одной из первых задач Верховного Союзного Главнокомандующего будет <...> установление тесной связи с группами сопротивления внутри Франции». «Верховный Главнокомандующий <...> не должен иметь дел и отношений с режимом Виши, за исключением задачи по его ликвидации»³⁰. Поскольку большинство политиков правого довоенного истеблишмента поддержали правительство Виши, а также для того чтобы исключить влияние правых сил в послевоенной Франции, в Москве посчитали нужным добавить: «Считать враждебным делу Объединенных Наций сотрудничество французских граждан как с немцами, так и с режимом Виши, и заменить этим упоминание союзниками на французских, которые „сотрудничали с врагом“»³¹.

Договариваясь напрямую с главами союзных держав, Сталин понимал, что ему сложно будет влиять на ситуацию во Франции, если она попадет под контроль их военного командования. Поэтому советский проект трехсторонней правительственной декларации к французскому народу не рассматривал высадку союзных войск во Франции как оккупацию страны, а гарантировал передачу гражданского управления французам по мере освобождения ее территории.

Кроме того, поскольку в советском проекте решение вопроса о полном восстановлении суверенитета Франции относилось не к компетенции союзного (англо-американского) командования, а к компетенции союзных правительств, то мнение СССР имело здесь равное значение с мнением союзников, а в зависимости от военных обстоятельств, возможно, и решающее: «Поскольку освобождение Франции является делом союзных правительств, постольку и решение вопроса о том, когда должен быть снят военный контроль над гражданской администрацией Франции, должно быть отнесено к компетенции этих правительств», — считали в Москве. В советском проекте соответствующего документа, адресованного Бельгии, была употреблена схожая формула, но в случае Бельгии вопрос был оставлен на рассмотрение Союзного Главнокомандующего³².

Наконец, советская дипломатия была заинтересована в том, чтобы мотивировать будущее руководство французского правительства на поддержание сотрудничества с ФКП. В ее проекте говорилось: «Поскольку раздробленность

политических партий и групп всегда являлась отрицательным моментом политической жизни Франции, задачей [Союзного Главнокомандующего] является в сотрудничестве с ФКНО принять все меры к максимально возможному объединению всех тех групп и партий, которые сочувствуют делу союзников»³³.

Проект союзников, исправленный с учетом советских замечаний, был отправлен в Лондон в марте 1944 года. Дальнейшая работа над проектом «Основной схемы управления освобожденной Францией» разворачивалась с апреля по ноябрь 1944 г.³⁴ и была поручена так называемой комиссии Литвинова, или Комиссии наркоминдела по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, составленной из патриархов советской дипломатии — Литвинова, Лозовского, Мануильского. Протоколы заседаний комиссии наглядно демонстрируют противоречивость подходов к вопросу об «Обращении с Францией», о будущем месте Франции в Европе и, соответственно, о перспективах советско-французских отношений.

На первых порах геополитические интересы СССР непросто вписывались в проверенные идеологические схемы, отчего выступления участников обсуждения содержали взаимоисключающие положения. Впрочем, в анализе высказываний высокопоставленных советских дипломатов следует учитывать и специфику времени: разноречивые суждения в рамках одного выступления могли быть продиктованы вполне понятной в условиях сталинской эпохи осторожностью, так же как неопределенностью политической ситуации в самой Франции. Очередная смена дипломатического курса и лояльность к вчерашнему союзнику могла дорого стоить защитнику отброшенной тактики.

Глава комиссии Литвинов (в бытность свою наркомом иностранных дел — защитник идеи неудавшегося советско-англо-французского пакта против Гитлера) начал свое выступление словами: «Франция так низко пала, как никогда еще ни одна великая держава. Правда, благодаря инициативе де Голля³⁵ отдельные французские патриотические элементы стали собирать национальные силы за границей и в некоторой мере приобщились к борьбе против Германии. Это, однако, отнюдь не искупает вины Франции, как государства <...>. Вопрос в том, должны ли мы поднять Францию из той пропасти, в которую она свалилась, и помочь ей стать вновь на

ноги и как ни в чем не бывало вновь облечиться в тогу великой державы, <...> в интересах ли нашего государства искусственное возрождение Франции, можем ли мы рассчитывать на более успешное сотрудничество с ней <...> и будет ли она на нашей стороне при тех расхождениях между объединенными нациями, которые могут и, вероятно, будут иметь место по окончании войны».

Литвинов напоминал: «Де Голль на днях заявил, что в случае расхождения демократий с СССР Франция должна занять свое место в борьбе за интересы Западной Европы»³⁶. Предчувствие холодной войны, т. е. понимание переходящего характера союзничества с Западом, было и на пике сотрудничества фоновым соображением в геополитических планах советской дипломатии. Речь шла о том, чтобы на заключительном этапе войны, пользуясь силовым преимуществом СССР, выстроить в свою пользу соотношение сил в Европе.

Исходя из этого соображения, Лозовский выступил в пользу восстановления международного веса Франции в качестве противовеса британскому послевоенному преобладанию, сыграв на неминуемых англо-французских империалистических противоречиях. В свою очередь, Черчилль вступался за де Голля, считая, что возрождение французского могущества должно уравновесить беспрецедентное континентальное могущество СССР. Лозовский заметил: «Крест ставить на Франции нельзя. В интересах ли Советского Союза не поддерживать возрождения Франции, как силы <...>, которая может оказать известное противодействие Англии?» Он считал, что противоречия между ними незамедлительно возникнут из-за политики Англии по развалу Французской империи, поэтому в интересах Москвы «поддерживать то буржуазное сволочное правительство, которое будет против огромных аппетитов, которые явно растут у англичан, хотя они еще мало сделали, чтобы оправдать их, пока они растут благодаря нашим победам. Надо сделать нашу политику более гибкой».

Мануильский поддержал коллегу: «Мы не заинтересованы в том, чтобы в Европе воцарилась гегемония англичан. Мы должны разжигать в ней (Франции) стремление стать великой державой»³⁷. Однако, поскольку речь шла о срочном вопросе выстраивания отношений с ФКНО, а позже — с Временным правительством Французской республики, тогда обосновавшимся во Французском Алжире, сам же Литвинов допу-

скал другой сценарий, на котором был основан советский проект «Обращения с Францией»: «Не исключается возможность, что Франция пойдет другим путем и там установится власть, на дружбу с которой мы сможем прочно рассчитывать. <...> Надо поддерживать с Алжирским комитетом (ФКНО. — Е. О.) и с французскими властями, которые придут ему на смену, наилучшие отношения, не скупясь на заявления о дружбе и общности интересов»³⁸.

Москва собиралась приложить все усилия, чтобы в ходе освобождения Франция не превратилась в зону ответственности англо-американского военного командования (АМГОТ). Она проводила линию на признание суверенных прав ФКНО. 14 марта 1944 г., чтобы упредить политическое решение англо-американского командования, де Голль опубликовал Указ об организации гражданской и военной власти на территории Франции в период освобождения³⁹. Представитель ФКНО в Москве Р. Гарро примерно тогда же (11 апреля 1944 г.) позавидовал чехам, заявив, что по сравнению с Францией, Бельгией и Норвегией чехословацкое правительство окажется в более благоприятном положении, поскольку страна будет освобождена Красной армией и гражданское управление в ней будет организовано на «более демократической основе». Представитель де Голля надеялся, что «пример Чехословакии окажет положительное влияние» на решение англо-американских союзников об управлении Францией⁴⁰.

Между тем 3 июня 1944 г., за три дня до высадки союзников во Франции, ФКНО во главе с де Голлем провозгласил себя Временным правительством Французской Республики (ВПФР), не дожидаясь политического решения и предписаний трех великих держав. Объединение сил внешнего и внутреннего сопротивления под эгидой де Голля, сформировавшего на их основе ВПФР, выходило за рамки тактики Народного фронта, тождественного единению социально родственных левых сил. Оно апеллировало к национальному единству сил освобождения. Союз с классово чуждым коммунистам де Голлем затрагивал интересы ФКП — первой партии внутреннего сопротивления — и вызывал беспокойство у её руководителя М. Тореза, проведшего годы оккупации в СССР. Французский вопрос надлежало решать, исходя из геополитических интересов СССР, но не забывая о будущем братской Коммунистической партии Франции.

Лидеру итальянских коммунистов П. Тольятти, возвращавшемуся из Москвы в Италию в марте 1944 г., было поручено Г. Димитровым передать французским коммунистам рекомендации, подобные тем, что он сам получил от Сталина. Адресованы они были членам ФКНО А. Марти и Р. Гюйо. В центре внимания коммунистов должны были стоять задачи борьбы с оккупантами и освобождения страны; участие в широком антифашистском фронте было главным залогом расширения политического авторитета партии. Необходимо было устранить сомнения в патриотической природе ФКП и даже рекомендовалось не выказывать «излишнее усердие в защите СССР, чтобы не давать возможности противникам представлять ФКП как агентуру Москвы», но отстаивать франко-советскую дружбу как основу восстановления внешнеполитического веса страны.

Димитров рекомендовал коммунистам конструктивно сотрудничать с де Голлем, воздерживаться от мелочных придирок, сосредоточившись на основных вопросах ведения войны, включавших создание боеспособной французской армии для борьбы с немцами, помощь внутреннему вооруженному сопротивлению и чистку армии и государственного аппарата от коллаборационистов. Обсуждение коммунистического проекта новой конституции Франции Димитров назвал преждевременным⁴¹.

23 октября 1944 г., одновременно с правительствами США и Великобритании, Советский Союз заявил о признании возглавленного де Голлем Временного правительства⁴² и согласился на приглашение ВПФР принять участие в новом клубе грандов антигитлеровской коалиции — Европейской консультативной комиссии — в качестве четвертого постоянного члена⁴³. Через месяц был решен вопрос о личной встрече де Голля со Сталиным. Де Голль прибыл в Москву 2 декабря и был удостоен торжественной встречи: вокзал украсили государственными флагами Франции и СССР, перед генералом был выстроен почетный караул⁴⁴. Подобной церемонии удостоивались тогда только те лидеры, за которыми в Москве признавали будущее.

Однако попытки де Голля на равных обсуждать со Сталиным вопросы послевоенного устройства Европы, в частности выступить адвокатом польского правительства в изгнании, вызвали недовольство советской

стороны, что едва не стоило ему главной цели визита — подписания двустороннего союзного договора против Германии. Де Голль был вынужден пойти на компромисс, пообещав послать своего представителя в Люблин, к просоветскому Польскому комитету национального освобождения и тем самым первым на Западе сделал шаг к международному признанию правительства, которое стало советской альтернативой «лондонцам»⁴⁵. Зато он увозил в Париж текст советско-французского договора о союзе сроком на 20 лет⁴⁶. Стороны обязались не участвовать в союзах и коалициях против одной из них (ст. 5), вести до победного конца войну против Германии (ст. 1), оказывать друг другу немедленную военную помощь «всеми... средствами» в случае немецкой агрессии против одной из договаривающихся держав (ст. 1), в том числе и превентивную (ст. 3).

Благодаря договору с СССР де Голлю была обеспечена лояльность Французской коммунистической партии. Важно также и то, что общность антигерманских целей создавала условия и для совместного противодействия возможному повторению англо-американской политики 1920–1930-х годов в германском вопросе, и идеологические различия между де Голлем и Сталиным здесь не имели значения. Объясняя заключение советско-французского договора в конце войны, де Голль заявил: «Этот союз является категорическим императивом, продиктованным географией, опытом и здравым смыслом»⁴⁷.

Таким образом, позиция СССР в вопросе восстановления суверенитета Греции, Италии и Франции диктовалась прежде всего реальной оценкой международной и внутренней ситуации в этих странах, следуя логике главной стратегической задачи Москвы, требовавшей сплочения антифашистских сил для приближения победы. Однако державность (отмеченный англо-американцами «национализм») и реализм в постановке неотложных целей и в принятии тактических решений сочетались с сохранением основополагающих классовых принципов советской дипломатии. Если безусловная готовность эмигрантского правительства Чехословакии идти навстречу советским интересам оставляла возможность для промежуточных политических решений, то для судьбы эмигрантского правительства Польши эти соображения имели решающее значение.

2. Чешский и польский сценарии политического восстановления освобожденных стран

Коммунизация Европы не входила в ближайшие планы Сталина. Даже для стран ближнего соседства в тот момент достаточно было лояльности в отношении СССР, признания его неотложных и долгосрочных интересов, особенно в вопросе о границах. На это указывает несхожесть сценариев политического восстановления двух стран — Польши и Чехословакии, освобожденных Красной армией, а следовательно, попавших в зону действия Советского Главнокомандования. В обоих случаях советская дипломатия могла действовать с позиции силы. Мнение Москвы было решающим в вопросе о будущем польского и чехословацкого правительств, что вызывало понятную напряженность в отношениях с Черчиллем.

В начале 1944 года, рассуждая о послевоенном равновесии в Европе и намечая выгодную СССР расстановку сил вблизи советских границ, заместитель наркома иностранных дел Майский говорил о создании «сильной и жизнеспособной» Польши, но при этом оговорился, что в Москве «не заинтересованы в нарождении *слишком* сильной Польши»⁴⁸. Одновременно Майский считал, что «выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии», поскольку советско-чехословацкий «пакт», подписанный сроком на 20 лет, может стать «важным проводником нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе»⁴⁹. В реальности дело было не столько в геополитическом весе ближайших соседей СССР, сколько в содержании их курса в отношении Советского Союза. Если глава чехословацкого правительства в изгнании Бенеш и словацкие патриоты искали дружбы и союза с СССР, то польское эмигрантское правительство (в Москве его членов называли «лондонскими поляками»), принимая как данность перспективу освобождения своей страны Красной армией, оставалось на антисоветских позициях.

Оно отказывалось признать советскую версию расстрела в Катыни и не соглашалось с главным требованием Сталина относительно признания новой советско-польской границы, указывая, что установлена она была в сентябре 1939 года, после нападения Гитлера на Польшу, в условиях оккупации. Подобное противодействие планам Москвы со стороны польского правительства в изгнании соединяло геополитический и идеологический мотивы внешней

политики Кремля. Прочную послевоенную безопасность страны надлежало обеспечить, окружив себя союзниками-сателлитами, самые верные из которых — союзники по классу.

2.1. Чехословацкий сценарий

Восстановление суверенитета Чехословакии по мере ее освобождения советскими войсками предусматривало также восстановление территориального единства расчлененного в 1938 г. чехословацкого государства⁵⁰. Президент Чехословакии Бенеш, нашедший убежище в Лондоне, стал союзником СССР, заключив с ним в декабре 1943 г. Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве на 20 лет. Стороны обязались совместно бороться с гитлеровской Германией и не участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон⁵¹. В перспективе этот договор должен был стать основой послевоенной системы безопасности Восточной Европы, исключавшей изоляцию СССР, а Чехословакии, во избежание повторения Мюнхена, обеспечивал прикрытие не только с запада, но и с востока⁵².

В Москве планировали подключить к этой системе и Польшу, но Бенеш, хорошо осведомленный о настроениях в польском эмигрантском правительстве, не преминул предостеречь Москву, и в достаточно резких выражениях. Содержание высказывания дошло в пересказе Молотова: «Бенеш ведет себя неплохо. <...> Когда мы с Бенешем подписывали договор, то не закрыли дверь для присоединения Польши к договору. Тогда Бенеш сказал, что с реакционными кругами Польши ничего не выйдет, их надо *перерезать*»⁵³.

Бенеш дорожил союзом с Москвой, тем более что, пока он находился в Лондоне, в СССР образовался второй центр эмиграции — единый центр компартии Чехословакии (включая представителей компартии Словакии) во главе с К. Готвальдом. Этот центр имел сильные позиции в чехословацких частях, сформированных на территории СССР. Они принимали активное участие в войне с Германией в составе советских войск⁵⁴, и это контрастировало с поведением командира польской дивизии Андерса. Дивизия была сформирована и вооружена Советским Союзом, но отказалась воевать против Германии под советским командованием.

К официальным контактам Москвы с чехословацким правительством в Лондоне с конца 1943 года добавилось тайное сотрудничество, инициированное патриотически

настроенной группой в высшем руководстве Словакии, которой угрожала германская оккупация. Гитлер, вынужденный отступить под натиском Красной армии, задумал создать мощный оборонительный плацдарм вдоль границ Рейха и, не надеясь на стойкость словаков, готовился ввести в Словакию германские части для удержания восточного фронта. Узнав об этом, группа высокопоставленных словацких военных решила на антигитлеровское выступление и запросила СССР о поддержке. 7 декабря 1943 г. начальник чехословацкой военной миссии в СССР полковник Пика сообщил, что военные круги Словакии готовятся сопротивляться германской оккупации и поднять против немцев все патриотические силы, что они уже создали подпольный центр, связанный с чешским правительством в Лондоне. Пика запрашивал, может ли СССР оказать им помощь в случае восстания⁵⁵.

В Москве медлили с ответом, поскольку прежде чем связывать себя подобными обязательствами, необходимо было прояснить вопрос о целях организаторов восстания⁵⁶, а это было непросто. Во-первых, инициатива исходила от членов марионеточной словацкой верхушки, во-вторых, чешских дипломатических и военных представителей подозревали в двойной игре⁵⁷, зная, что министр обороны эмигрантского правительства требовал от них донесений о военном и экономическом положении СССР, чтобы затем передать их английской разведке⁵⁸. Москве требовалось достойное доверия подтверждение о связи этой группы оппозиционеров со словацким антифашистским подпольем, но ни у Москвы, ни у Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии на тот момент не было связи в Словакии.

Весной 1943 г. главой Коминтерна Г. Димитровым в Словакию был послан К. Шмидке — руководитель Компартии Словакии, который стал там членом Национального совета Словакии и членом Военного совета Словакии (все три организации — подпольные). Жена Шмидке в его отсутствие оставалась в Москве, но связь с ним была временно потеряна. Вместе с тем 1 марта 1944 г. Г. К. Жуков⁵⁹ доложил Сталину, что хотя руководство Генштаба Красной армии считает предложенный словаками план восстания «нереальным», но полагает «целесообразным рассматривать операцию в Словакии только как возможность создания большого плацдарма активной партизанской борьбы <...>, так как он свяжет известные силы немцев»⁶⁰.

11 апреля 1944 г. советская армия вышла к границам Чехословакии, и Бенеш отметил в приветственном послании Сталину: «Наши совместные испытания и теперешняя наша совместная борьба гарантируют постоянство нашего союза как на сегодняшний день, так и для нашего будущего. <...> Горячо и с благодарностью приветствуем части Красной армии, вступающие совместно с чехословацкими солдатами на землю нашей дорогой родины»⁶¹. 8 мая 1944 г. было подписано инициированное Бенешем еще в феврале Соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии⁶².

Москва предложила, чтобы проект был составлен чехословацкой стороной⁶³. В преамбуле соглашения указывалось, что оно подчинено желанию обоих правительств, чтобы отношения эти «*были решены в духе дружбы и союза*». В документе содержалось напоминание, что СССР не признал и осудил решения Мюнхенской конференции и включение Чехии и Словакии в состав Германской империи в марте 1939 года. Для послевоенной судьбы Чехословакии первостепенное значение имела ссылка на советско-чехословацкий договор 1943 г., в котором было заявлено, что после восстановления мира стороны будут следовать принципам уважения к их независимости и суверенитету, равно как невмешательства во внутренние дела.

Советское правительство обязалось содействовать восстановлению чехословацкой армии — важнейшему слагаемому суверенитета в годы войны. Исходя из этих принципов, ст. 1 соглашения предоставляла Главнокомандующему союзническими (советскими) войсками «власть и ответственность на чехословацкой территории лишь в пределах зоны военных операций и лишь в делах, относящихся к ведению войны». Чехословацкое правительство «полностью берет в свои руки власть управления общественными делами» и должно оказывать советскому командованию всестороннее содействие через все свои гражданские и военные органы, а граждане страны и состав чехословацких вооруженных сил вне зоны боевых действий подлежат юрисдикции правительства Чехословакии.

В то время как еще до подписания соглашения его проект одобрил Рузвельт⁶⁴, Черчилль пытался воспрепятствовать соглашению. В тот момент он вел крайне напряженный и неприятный диалог со Сталиным по польскому вопросу. Возможно, он рассчитывал соединить

решение чешского и польского вопросов в одном ключе, что на тот момент уже не соответствовало планам Москвы. В то время как отношение Москвы к польскому эмигрантскому правительству все более ужесточалось, атмосфера сотрудничества с эмигрантским правительством Чехословакии служила моделью конструктивного взаимодействия и союза довоенного политического истеблишмента, национальных антифашистских сил и наступающих советских армий. Это согласие решило в пользу Бенеша вопрос о власти, однако не могло ускорить освобождения страны. Ожесточенное германское сопротивление отодвинуло полное освобождение Чехословакии на долгие месяцы, вплоть до победного мая 1945 г.

Партизанское подполье было одним из важных факторов успехов Красной армии, и в мае 1944 г. К. Готвальд — руководитель Загранбюро КПЧ в Москве — специально ездил в Киев, чтобы вместе с советскими товарищами разработать план развития партизанского движения на чехословацкой территории. 17 июня 1944 г. было принято соответствующее постановление КП(б) Украины. Было решено начать переброску в Чехословакию опытных советских партизанских командиров и чехословацких граждан, которые уже участвовали в действиях украинских и белорусских партизан⁶⁵.

Первый заместитель начальника Генштаба РККА генерал Антонов и заместитель наркома обороны по кадрам генерал Голиков считали, что, «если по политическим соображениям предложение чехов будет Вами [Сталиным] приемлемо», можно обещать чехословацкому правительству помощь оружием и людьми (переброской одной чехословацкой, сформированной в СССР, и одной советской парашютно-десантной бригады) и «порекомендовать чехам отказаться от мысли строить стабильную оборону всей Словакии против немцев в начальной фазе операций, а использовать эти две бригады как ядро для развертывания мощного партизанского движения за счет мобилизации и вооружения местного населения».

Вместе с тем Антонов оговорился, что такая операция была бы «очень трудной» для советской стороны, потребовала бы привлечения большого количества транспортной авиации и была бы связана с большими людскими и материальными потерями. Судя по всему, *политические* соображения Сталина относительно Чехословакии уже обсуждались в военных ведомствах. Поэтому Антонов и Голиков считали,

что «поскольку для нас выгодно взять в свои руки строительство будущей чехословацкой армии, следует обещать чехам просимое ими, с учетом того, что мы не будем передавать чехам для организации производства наиболее секретные образцы нашего вооружения»⁶⁶.

Ситуация в Словакии начала проясняться в начале августа 1944 г., когда была установлена связь между Москвой и словацким коммунистическим подпольем. Руководитель словацких коммунистов Карл Шмидке, агент Димитрова в Словакии, буквально «с неба свалился», приземлившись на самолете в расположении советской армии. Его личность удостоверил помощник Димитрова⁶⁷. Показательно, что коммунист Шмидке прилетел на самолете, предоставленном словацким военным министром Чалтошем, в сопровождении подполковника Ферьенчика — члена подпольного Военного совета⁶⁸. Они передали в Генеральный штаб РККА рекомендации, «как лучше сделать, чтобы вся словацкая армия приняла участие в борьбе против немцев».

Подпольные Национальный совет и Военный совет «договорились о координации выступления Словацкой армии и всего народа вместе с Красной армией», но заявили о решимости, «если что-либо случится», выступить самостоятельно. Шмидке заверил: «Армия всецело в нашем распоряжении. Военный министр, зная, куда мы направляемся, дал нам план и различные другие документы, которые мы привезли сюда, и он находится всецело в наших руках»⁶⁹. В беседах с генералом Славиным Шмидке сообщил, что в Словакии, наряду с правительством Тиссо, действовал Национальный совет, ведущей силой и основательницей которого явилась Коммунистическая партия Словакии. В его составе 8 коммунистов и 8 представителей других партий (их Шмидке в первой беседе назвал «гражданскими»). Упомянул Шмидке и подполковника Голиана — начальника словацкого Генштаба. Он был введен 17-м членом Национального совета. Шмидке утверждал, что коммунисты являлись ведущей партией в стране и что ее поддерживали 60–70 % населения. «Общее настроение всех кругов за тесный союз с Советским Союзом и за обеспечение всех мероприятий, направленных к продвижению Красной армии, и за полный разгром гитлеровской Германии»⁷⁰.

Немаловажным для отношения советского руководства к словацкому подполью было также желание Шмидке связаться с Г. Димитровым и К. Готвальдом — главой КП Чехословакии,

поскольку представляемая им самим словацкая компартия была создана «на месте». В результате этих встреч Молотов получил и передал в отдел международной информации ЦК ВКП(б) пространные записки «О некоторых задачах национально-освободительного движения в Словакии» и «Некоторые практические мероприятия по организации связи со Словакией», датированные 23 августа⁷¹.

Содействие словацкого военного министра подпольному Национальному совету свидетельствовало об обоюдном стремлении к единству действий двух центров Сопротивления — связанной с Бенешем патриотической оппозиции словацких военных и подпольного Национального совета, созданного коммунистами. Почти одновременно с Шмидке и Ферьенчиком, но желая их опередить, в СССР перелетел эмиссар начальника штаба словацкой армии полковника Голиана, действовавшего в конкуренции с военным министром.

Донесение об этом было направлено Молотову наркомом госбезопасности Меркуловым и сопровождалось сведениями советского агента К. Грина, неблагоприятными для группы Голиана: «В связи с резким ухудшением военного положения Германии и боязнью расплаты за союзничество с немцами перед Советским Союзом и своим народом, настроенным <...> в подавляющем большинстве просоветски, Голиан, в целях спасти себя и *буржуазный строй* Словакии, решил, создав видимость своей тайной работы против немцев, связаться с советским командованием и при вступлении Красной Армии на территорию Словакии повернуть словацкие войска против немцев. Эти планы словацкой верхушки одобряются чехословацким правительством в Лондоне. Группа Голиана ориентируется на Англию и устанавливает контакт с советским командованием лишь под влиянием военной обстановки»⁷².

Несмотря на тесное сотрудничество и союз с правительством Бенеша, с ним не было *классового* родства. В то же время не было и исторического груза враждебности, которой были отмечены отношения с польским эмигрантским правительством. В отличие от сложного положения в польском антигерманском подполье, внутренняя ситуация в Словакии в большей степени соответствовала целям советской дипломатии. Несмотря на это, советская сторона не торопилась поощрять заговорщиков из словацкой армии к организации фронтального вооруженного сопротивления немцам. Совет-

ский Генштаб располагал более достоверными сведениями об оперативной обстановке и германских силах и посчитал предложенный словаками план нереальным.

План предполагал, что советские войска используют перевалы, занятые словацкой армией, и сумеют за ночь захватить значительную часть страны, но «он не принимал в расчеты возможных контрмер гитлеровцев. А самое главное, он был составлен так, как будто не существовало мощной обороны противника на подступах к Карпатам». Кроме того, в Москве опасались, что соседняя Венгрия может принять самое активное участие в подавлении восстания на стороне Гитлера⁷³. Между тем 27 августа Пика известил Сталина о германских планах оккупировать Словакию уже в ближайшие дни и о решении Голиана оказать сопротивление немецким войскам. Бенеш одобрял решение и просил советское командование поддержать восставших⁷⁴. Германские войска, направленные из Польши, Чехии и Австрии, были введены в Словакию 29 августа 1944 г., и той же ночью Голиан отдал приказ о начале вооруженного сопротивления немцам, а на завтра Словацкий национальный совет объявил о свержении марионеточного правительства Тисо. Восстание охватило две трети территории страны. Центром его стал г. Банска Быстрица. Здесь 1 сентября совет принял декларацию с требованиями восстановления единства Чехословакии и демократических преобразований. Из Москвы в Банску Быстрицу советским самолетом прибыла группа руководителей Компартии Чехословакии во главе с Я. Швермой. Против восставших немцы бросили свыше 30 тыс. солдат, включая 2 танковые дивизии.

2 сентября Готвальд передал через Димитрова наркому иностранных дел Молотову записку «К событиям в Словакии». В документе говорилось, что в стране «развертывается мощная вооруженная народная война против вторгшихся немецких войск» и подчеркивалось, что компартия, «которая имеет сегодня решающее влияние в народе, принимала самое активное участие в подготовке восстания». По оценке Готвальда, «развернувшаяся в Словакии борьба является подлинно народным, глубоко демократическим освободительным движением». В то же время Готвальд указывал, что восстанием руководит Словацкий национальный совет, политическая платформа которого предполагает создание демократической Чехословацкой республики и «прочную дружбу с Советским Союзом». Одновременно позиция Готвальда

была отмечена классовым духом соперничества с «буржуазным» правительством Бенеша: «Заявление лондонского правительства, что оно руководит этой борьбой, мы считаем бахвальством, объявление Лондоном словацкого национального войска частью чехословацкой армии считаем преждевременным и вредным в политическом и военном отношении»⁷⁵.

В Москве считали иначе. Советские самолеты доставили в Словакию несколько чехословацких подразделений и соединений советских партизан, оружие и боеприпасы. В ответ на запрос посла Чехословакии о подчинении эмигрантскому (лондонскому) правительству чехословацких корпусов, сформированных, вооруженных и переброшенных в страну из СССР, так же как партизанских соединений, заместитель наркома А. Я. Вышинский 22 сентября подтвердил, что «советское правительство, разумеется, признаёт за объединенными силами сопротивления на чехословацкой территории права войска воюющей страны»⁷⁶.

Восстание внесло коррективы в военные планы советского командования. Выполняя просьбу ЦК КПЧ о срочной помощи, 8 сентября начали наступление войска левого крыла 1-го Украинского фронта, в который входил чехословацкий корпус, а 9 сентября — 4-го Украинского фронта. Но на их пути лежал сильно укрепленный горный перевал Дукла. Через месяц ожесточенных боев, 6 октября советские и чехословацкие части вступили на территорию Словакии. Посол Чехословакии в Москве Фирлингер 8 октября 1944 г. телеграфировал в Лондон Масарику — министру иностранных дел своего правительства: «Советы сделали для Словакии все, что было в их силах. Наступление на Карпаты было предпринято по нашей просьбе и означает тяжелые потери для Красной армии. Как на грех, подвело командование обеих словацких дивизий в Восточной Словакии, которые должны были поддерживать наступление». Далее посол советовал просить Москву «немедленно послать в Словакию опытного советского генерала, который представлял бы там Верховное командование Красной армии», чтобы «помочь координировать действия всех частей, в частности войсковых и партизанских». В телеграмме содержалось прямое указание на роль Москвы в восстановлении единства Чехословакии: «В Словакии это оказало бы также хорошее политическое воздействие, так как влияние Советского Союза всегда будет объединяющим в духе нашего союзнического договора»⁷⁷.

Тон ответной телеграммы министра должен был подействовать на посла отрезвляюще. Видимо, в окружении Бенеша далеко не все готовы были безоглядно полагаться на СССР. «С глубокой благодарностью мы признаём, что сделали для нас Советы. Мы чрезвычайно удивлены Вашим утверждением, что *Советы предприняли карпатское наступление по нашей просьбе*. Что касается Лондона, то такой просьбы не было. В действительности как раз наоборот. Я лично вел переговоры о русской помощи, причем исключительно о поставках оружия, и вначале я очень ясно констатировал, что <...> мы просим помощи лишь в рамках советской стратегии и что мы очень хорошо знаем, что ради нас они не будут предпринимать никакого наступления». Масарик просил посла сообщить, кто конкретно просил о карпатском наступлении, и добавил: «Если это произошло в Москве, то я снимаю с себя всякую ответственность»⁷⁸. Посол должен был успокоить Масарика, что о возможности подобной операции военный представитель Пика говорил как о плане чехословацкого военного командования, но действительно ни о чем конкретно, кроме оружия, не просил. Фирлингер добавил: «В этом отношении Советы ни в чем нас не упрекают»⁷⁹.

Красная армия продвигалась в Словакии с тяжелыми боями. Параллельно с наступлением решались вопросы помощи голодающему словацкому населению сожженных немцами деревень. Командующий чехословацким армейским корпусом генерал Свобода попросил посольство обратиться в НКВД за продовольственной помощью, поскольку, как сообщил сам генерал, чтобы спасти своих соотечественников от голода, он вынужден был урезать рацион своих бойцов. По личному приказу Сталина в тот же день начальнику тыла 1-го Украинского фронта было дано указание передать Свободе 500 кг муки для безвозмездной помощи населению освобожденных районов⁸⁰. Между тем немцы 27 октября заняли центр восстания — город Банску Быстрицу — и заставили партизан отступить в горы. Руководство восстанием перешло к Главному штабу партизанского движения во главе с советским полковником А. Н. Асмоловым, действовавшему до конца войны.

Стратегический выбор Бенеша в пользу тесного союза с СССР способствовал решению непростого вопроса о границах. Действенность советско-чехословацкого союза для послевоенной безопасности Восточной Европы требовала установления общей границы с Чехословакией,

во избежание повторения печального предвоенного опыта неудавшегося антигерманского военного союза, который не состоялся из-за противодействия Польши, отказавшейся пропустить советские войска для помощи Чехословакии в случае германской агрессии. План территориальных преобразований, затрагивавших довоенную территорию Чехословакии, был намечен в записке Литвинова «Об обращении с Германией». В документе говорилось: «Если бы Чехословакия согласилась уступить нам Подкарпатскую Украину (в чехословацких документах — Карпатская Украина, в более поздних советских — Закарпатская Украина. — *Е. О.*), тогда можно было бы предложить ей в виде компенсации некоторую часть Верхней Силезии»⁸¹.

Присоединение сопровождалось демократической процедурой: 26 ноября 1944 года собрание местных комитетов территории Карпатской Украины, освобожденной Красной армией, приняло постановление о присоединении к СССР. Этот вопрос обсуждался на переговорах в Москве в конце декабря 1944 г., и советская сторона дала понять чехословацким представителям, что хотела бы, чтобы эта часть прежней территории Чехословакии была добровольно передана СССР в соответствии с волеизъявлением ее населения.

29 декабря Немец, уполномоченный эмигрантского правительства в Москве, в крайне осторожном письме, составленном так, чтобы исключить даже намек на какое-либо давление со стороны советских властей, советовал Бенешу немедленно заняться проблемой Карпатской Украины, причем так, чтобы самому проявить инициативу в этом вопросе. Говоря о ситуации на местах, Немец предостерег чехословацкие органы от попыток немедленно восстановить суверенитет над этой территорией: «Исключено, чтобы чехословацкие административные органы могли действовать на Карпатской Украине против воли местного населения. В данном случае это означало бы господствовать путем насилия против народа и намерений советских военных органов, которые хотят полного спокойствия в своем тылу».

Отказ от притязаний Немец считал крайне важным для дальнейших отношений с Москвой. «Дело теперь в том, используем ли мы стремление карпатского народа *для улучшения нашей позиции* или будем ждать, пока карпатский народ осуществит это без нашего согласия или даже вопреки нашей воле. Сегодня смелым решением мы можем многое выиграть, а небла-

горазумием и колебаниями многое потерять». Чехословацкий дипломат считал «совершенно необходимым», чтобы его правительство официально сообщило Советскому Союзу, что оно готово удовлетворить требование прикарпатских украинцев о присоединении к СССР и начать об этом переговоры. Видимо, опасения Молотова, что подобное решение территориального вопроса еще до мирной конференции может привести к осложнениям с официальным Лондоном и представить Советский Союз в невыгодном свете, заставили автора заметить: «Дело СССР самому решить, вызовет или не вызовет решение этого вопроса уже теперь международные трудности. Я предостерегаю от того, чтобы наши круги изображали это движение не как результат народного движения и национального самосознания на Карпатской Украине, которые постепенно развились после освобождения страны»⁸².

Тогда же Молотов передал через Немца приглашение советского правительства к эмигрантскому правительству в Лондоне переехать в какой-либо освобожденный город, ближе к чехословацкой территории. В качестве временной резиденции был предложен Львов. 30 декабря Бенеш ответил, что «ожидал этого приглашения» и немедленно начинает подготовку к переезду. Однако из тактических соображений, «принимая во внимание Запад», поскольку Львов до войны принадлежал Польше, Бенеш высказал пожелание, чтобы переезд был осуществлен не во Львов «или другой советский город», а сразу в какой-нибудь город на территории его страны (например, в Кошице).

На замечание Молотова, что такой переезд поможет установить более тесное взаимодействие между советским и чехословацким правительством в эмиграции, Бенеш заметил: «Я вполне согласен с тем, что нет достаточного контакта между нашим правительством и советским правительством, учитывая то, что *самые важные наши дела решаются теперь в Москве, а не в Лондоне*»⁸³. Сталин мог быть удовлетворен: в чехословацком вопросе он окончательно переиграл Черчилля. Тем временем вопрос о Карпатской (Закарпатской) Украине стал активно обсуждаться в западной печати и в лондонских эмигрантских кругах, в том числе близких чехословацкому правительству в изгнании, в духе крайне неблагоприятном для СССР. 23 января 1944 г., в разгар успешного наступления советских войск в Карпатах, Сталин направил Бенешу послание, призванное раз-

вевать подозрения в желании Москвы односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Сталин сослался на свою беседу с лидером чехословацких коммунистов К. Готвальдом, который передал, что чехословацкое правительство «испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине».

Напомнив о праве народов на самоопределение, Сталин отметил: «Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу». Сталин призвал Бенеша в свидетели, что «не дал тогда на это своего согласия». «Но из того, что советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что советское правительство намерено нарушить договор между нашими странами. Сталин назвал предположение, что СССР хочет односторонне решить этот вопрос, «оскорбительным» для советского правительства и заверил, что, поскольку вопрос, «конечно, придется решить», он «может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом еще до окончания войны с Германией или после окончания войны»⁸⁴.

Бенеш поспешил ответить, что ни он лично, ни чехословацкое правительство «ни на минуту не допускали», что советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос, и заверил Москву в том, что злонамеренные слухи на этот счет распускались противниками СССР и Чехословакии. «Со своей стороны мы не сделаем этот вопрос предметом каких-либо дискуссий или вмешательства других держав. Мы хотим прийти на эвентуальную мирную конференцию, имея этот вопрос уже окончательно решенным с Вами в духе полной дружбы. Лично я и правительство считаем, что этот вопрос никогда не будет предметом какого-либо спора между нами». В заключение президент Чехословакии заверил Сталина: «...нет такого государства, которое питало бы столь искренние чувства настоящей дружбы к Советскому Союзу, как Чехословацкая Республика»⁸⁵.

Вопрос о переезде чехословацкого правительства из Лондона в Кошице окончательно решился в феврале 1945 г., после того как советские войска, в составе которых находился чехословацкий армейский корпус, завершили Западно-Карпатскую операцию, освободив

Словакию и Моравию. При освобождении Чехословакии советские войска потеряли около 140 тыс. человек убитыми, чехословацкие регулярные части — 4 тыс. человек.

17–31 марта 1945 г. Бенеш согласовал со Сталиным вопрос о реорганизации чехословацкого правительства с целью расширения его состава в пользу представителей коммунистических (демократических антифашистских) сил⁸⁶. Отношения взаимопонимания и сотрудничества между советским правительством и эмигрантским правительством Чехословакии контрастировали с враждебностью между Москвой и эмигрантским (лондонским) правительством Польши.

2.2. Советский сценарий для Польши

В преддверии освобождения советское руководство уже подготовило свой сценарий политического восстановления Польши, в котором не было места польскому эмигрантскому правительству Миколайчика, обосновавшемуся в Лондоне. По словам де Голля, сочувствовавшего «лондонскому» правительству, при полном отсутствии материальных средств «воспротивиться решениям Москвы, <...> морально [оно] было вооружено той мрачной решимостью, которую века угнетения сообщили польским сердцам»⁸⁷. В соответствии с этими настроениями, весной 1943 г. польское правительство обвинило советские органы безопасности в расстреле 10 тыс. польских офицеров в Катыни и отказалось признать версию Москвы, которая приписывала это преступление гитлеровцам. В ответ 23 апреля 1943 г. Советский Союз разорвал отношения с польским правительством и начал активно содействовать созданию в Польше альтернативного и просоветского политического центра, опиравшегося на прокоммунистические силы внутреннего сопротивления. В ночь на 1 января 1944 г. в Варшаве была образована подпольная Крайова Рада Народова. Ее председателем стал коммунист Б. Берут.

Ввиду приближения Красной армии к государственной границе СССР 1941 года, главным политическим вопросом было признание измененной советско-польской границы, т. е. территориальных приращений 1939 г., осуществленных в пользу СССР уже после начала второй мировой войны в соответствии с секретным протоколом к советско-германскому пакту. Однако польское правительство отказалось без обсуждения принять советский проект границы. 5 января 1944 г. оно опубликовало

декларацию по вопросу о советско-польских отношениях, в частности о советско-польской границе. Ознакомившись с ней, 7 января 1944 г. Сталин написал Черчиллю: «...как видно, нет основания рассчитывать на то, чтобы удалось образумить эти круги. Эти люди неисправимы»⁸⁸. Ответное официальное заявление советского правительства по польскому вопросу от 11 января 1944 г. содержало развернутую программу развития советско-польских отношений на период освобождения, соответствующую советским интересам.

В духе принципа Объединенных Наций о восстановлении суверенных прав народов, в советском заявлении отстаивалась легитимность «*новой восточной границы Польши, установленной в 1939 г. и нарушенной Гитлером*»; это указание для членов антигитлеровской коалиции само по себе было весомым оправданием советских требований. Далее указано, что присоединением к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии (для поляков — Восточной Польши) «несправедливость, допущенная Рижским Договором 1921 г., который был навязан Советскому Союзу, в отношении украинцев, населяющих Западную Украину, и белорусов, населяющих Западную Белоруссию, была таким образом исправлена». Москва заявляла о стремлении к воссозданию «сильной и независимой Польши» и о желании «установить дружбу между СССР и Польшей <...> на основе союза по взаимной помощи против немцев как главных врагов Советского Союза и Польши». Этой задаче послужило бы присоединение Польши к советско-чехословацкому договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве⁸⁹.

В заявлении упомянуты польские силы, альтернативные «лондонцам». В нём говорилось об имеющемся опыте советско-польского военного сотрудничества, причем, естественно, речь шла не об армии Андерса, подчинявшейся эмигрантскому правительству, а о частях, действовавших под советским командованием: «В освободительной борьбе уже выполняют свои задачи Союз Польских Патриотов в СССР и созданный им польский армейский корпус, который действует вместе с Красной армией». Москва предлагала полякам территориальное вознаграждение за участие в общей борьбе с нацизмом, но не на востоке, а на западе, за счет Германии: «Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых

немцами у Польши исконных польских земель». СССР не считал окончательной границу 1939 г. и предложил границу по «линии Керзона», принятой в 1919 г. В заключении было выражено отношение СССР к правительству Миколайчика: «Эмигрантское польское правительство, оторванное от своего народа, оказалось неспособным установить дружественные отношения с Советским Союзом, своей политикой оно нередко играет на руку немецким оккупантам»⁹⁰.

Миколайчик добивался переговоров с Москвой, и посол США в СССР Гарриман предложил от имени своего правительства «дружеские услуги» по посредничеству между СССР и правительством Польши, но Москва в качестве предварительного условия выдвинула реорганизацию правительства Миколайчика⁹¹. В Москве его считали реакционным, содержательно чуждым обновленному в годы войны пониманию политической силы, представляющей народы, борющиеся с фашизмом. Под реорганизацией Сталин подразумевал удаление из польского правительства элементов, которые он называл «профашистскими» и «империалистическими», и включение в него людей «демократического образа мыслей»⁹².

В разговоре Сталина с Гарриманом есть прямое указание на классовую природу отношения этих «польских помещиков» к Красной армии: «Все считают русских *батраками*. Русские должны освободить Польшу, а поляки хотят получить Львов. Все считают, что русские дураки»⁹³. Эмигрантское правительство и связанные с ним силы в Польше для Сталина — это враги, те же фашисты, — так он лексически отождествляет их с «силами зла» сообразно историческому дискурсу 30–40-х годов. «С нынешним польским правительством мы не можем восстановить отношений. <...> Нет уверенности, что завтра мы опять не будем вынуждены прервать эти отношения из-за какой-либо очередной *фашистской* провокации с его стороны, вроде „Катынской истории“. <...> *Профашистские* акты Польского Правительства известны». Сталин говорит об антисоветских выступлениях польских послов в Мексике и Канаде, генерала Андерса на Ближнем Востоке, о «переходящей всякие границы» враждебности к СССР польских нелегальных изданий на оккупированной территории, об уничтожении польских партизан по директивам польского правительства.

Серьезные обвинения основывались не только на общих представлениях о враждебности довоенной польской верхушки, тех, кто по-

кинул страну после разгрома Польши, но и на данных разведки и независимых (в том числе чехословацких) источников. Еще летом 1943 г. Богомоллов из Каира доносил о настроениях в армии Андерса, дислоцированной на Ближнем Востоке: для них «врагом номер один» был Советский Союз, «более ненавистный», чем царская Россия и даже Германия; поэтому все хотят «увидеть Советский Союз настолько ослабленным войной, чтобы он не имел никакого влияния на политические решения в Центральной Европе». Основные надежды они возлагали на раздоры между западными союзниками и русскими, создание «антисоветского бастиона» на пути «большевизации Европы»⁹⁴.

Черчиллю, который попытался «нажать» на Сталина, чтобы заставить его отказаться от «политики силы» и начать переговоры с польским правительством⁹⁵, Сталин ответил крайне резко (23 марта 1944 г.). В его письме Черчиллю польское правительство противопоставляется польскому народу: «Советский Союз не воюет и не намерен воевать с Польшей. Советский Союз не имеет никакого конфликта с польским народом и считает себя союзником Польши и польского народа. Именно поэтому Советский Союз проливает кровь ради освобождения Польши от немецкого гнета. <...> Но у Советского Правительства имеется конфликт с эмигрантским польским правительством, которое *не отражает интересов польского народа*»⁹⁶.

Во второй половине июля 1944 г., после того как советские войска вместе с созданными на территории СССР польскими частями переправились через Западный Буг — линию советско-польской границы 1939 г. — и вступили на территорию Польши, центр решения польского вопроса переместился в Москву. Эту данность признали англо-американские союзники, но она не устраивала большинство в правительстве Миколайчика, который с 5 июня совершал большое турне по США в надежде заручиться поддержкой влиятельного американского крыла польской эмиграции, американского общественного мнения и повлиять на президента. Момент был критическим из-за приближения Красной армии, но Миколайчик надеялся ввести польский вопрос в интригу президентских выборов в США. Расчет не оправдался, зато визит Миколайчика и его выступления в США вызвали неудовольствие в Москве⁹⁷.

Тогда же Советский Союз с удовлетворением мог констатировать создание и укрепление на освобождаемой территории Польши

второго политического центра — патриотического, но с участием коммунистов и признавшего советские интересы в вопросе о границах. 21 июля в Люблине, освобожденном Красной армией, был сформирован Польский комитет национального освобождения (ПКНО) из представителей ППР⁹⁸, ППС (Польской партии социалистов), *Строництва демократичне* и других антифашистских организаций. Ведущими фигурами в нём были коммунист Б. Берут и социалист Э. Осубка-Моравский. 22 июля ПКНО опубликовал манифест к польскому народу, в котором говорилось, что Крайова Рада Народова является временным парламентом, а ПКНО — законной временной исполнительной властью. 26 июля последовало заявление НКВД СССР об отношении Советского Союза к Польше⁹⁹. В нем говорилось, что вступлением Красной армии в пределы Польши «положено начало освобождения многострадального польского народа от немецкой оккупации».

В соответствии с освободительной миссией, целью советских войск является разгром германских вражеских армий и помощь польскому народу в деле «восстановления независимой, сильной и демократической Польши». Действовать на польской территории они будут как на «*территории суверенного, дружественного, союзного государства*». В связи с этим «Советское Правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа». Это указание на суверенные права польского народа, а не польского эмигрантского правительства принципиально важно, тем более что за ним следует сообщение о том, что советское командование заключит соглашение о взаимодействии с польской администрацией в освобожденных районах не с правительством Миколайчика, а с Польским комитетом национального освобождения.

Силам польского сопротивления было адресовано важное обещание: «Советское Правительство заявляет, что оно *не преследует цели приобретения какой-либо части польской территории или изменения в Польше общественного строя*» и что единственной задачей Красной армии в Польше является помощь полякам в освобождении от немецкой оккупации¹⁰⁰. Советское правительство обменялось с ПКНО, который находился на освобожденной территории Польши, официальными представителями. Советским военным властям в Польше предписывалось рассматривать только ПКНО как своего союзни-

ка в борьбе с немцами. В Постановлении ГКО от 31 июля 1944 г., секретном, как и большинство решений того времени, говорилось: «Никаких других органов управления, и в том числе — выдающих себя за органы польского эмиграционного «правительства» [в Лондоне], кроме органов ПКНО не признавать. Иметь в виду, что лица, выдающие себя за представителей польского эмиграционного правительства, среди которых обнаружено много гитлеровских агентов, должны рассматриваться как самозванцы и с ними следует поступать как с авантюристами»¹⁰¹.

Обстоятельства заставили дипломатию союзников внимательнее присмотреться к ПКНО и к внутреннему положению в Польше в целом, стимулируя ее к смене тактики в польском вопросе. 3 июня 1944 г. Молотов в беседе с Гарриманом обсуждал пребывание четырех представителей Польского национального комитета в Москве. Среди них был коммунист Б. Берут. Молотов знал, как лучше представить американцу польских гостей — друзей Москвы. На вопрос Гарримана, что эти люди из себя представляют, нарком ответил: «Это, главным образом, интеллигенция, а также представители демократических рабочих кругов. [Они] представляют левые и демократические группы Польши. Есть представители польской социалистической партии, есть *сочувствующие коммунистам*, есть из крестьянской партии — наиболее крупной партии, одним из лидеров которой является Миколайчик. Некоторые из них занимаются военной работой по организации партизанского движения и всех других сил, борющихся против врага». Молотов признал: «...среди них нет представителей подпольного движения, руководимого лондонским правительством, *они стоят в оппозиции к лондонскому правительству*»¹⁰².

Когда Гарриман прямо спросил Молотова про Берута, не коммунист ли он, Молотов ответил уклончиво: «Был, но выходил из партии», Молотов якобы не знает, состоит ли тот в партии и сейчас. Он с давних пор был деятелем рабочего и профсоюзного движения. Главное — он «*является большим польским патриотом*»¹⁰³. Характерно, что в советских официальных сообщениях о визите коммуниста — товарища Б. Берута — его непременно величали «г-ном Берутом»¹⁰⁴. В официальных речах высокие советские руководители и представители «люблинского правительства» старались акцентировать внимание на братстве по оружию, а не на братстве по классу и идеологическом родстве.

Суть подобных недомолвок, хотя речь шла о «секрете Полишинеля», в приверженности идее сохранения «концерта держав» не только до окончания войны, но и в послевоенное время. Выше было сказано, что хорошо знакомый с настроениями в лондонских дипломатических кругах заместитель наркома Майский четко обозначил «красную линию» союзных дипломатий: перспектива коммунистических переворотов в странах, освобождаемых Красной армией, нарушит планы политического сотрудничества с англо-американцами¹⁰⁵. Чтобы быть приемлемыми для англо-американцев, временные политические органы в Польше должны были носить представительный, демократический, антифашистский и патриотический характер и не ассоциироваться исключительно с прокоммунистическими силами. Важно также, чтобы за ними стояли реальные силы в самой Польше. Просоветское и прокоммунистическое правительство, созданное на освобожденной польской территории, было представлено как правительство широкой демократической коалиции, поддержанной польским народом.

На вопрос Гарримана, что делегаты рассказывают об отношении в Польше к лондонскому правительству, Молотов ответил: «Они говорят (но они в оппозиции), что „лондонское правительство не пользуется в Польше никакой поддержкой“»¹⁰⁶. Создание второго политического центра в освобожденных районах Польши обесценивало восстановление отношений СССР с лондонским правительством, поскольку Москва ставила под вопрос его суверенные права. Узнав о прибытии в СССР делегации Польского национального совета, англо-американские союзники добились согласия Сталина принять Миколайчика, и 29 июля он приехал в Москву¹⁰⁷. Миколайчик был лидером Крестьянской партии, представленной в ПКНО и Крайовой Раде Народовой, и занимал более умеренную позицию по отношению к СССР, чем большая часть его кабинета. Его подключение к переговорам между СССР и ПНС при участии послов двух союзных держав Керра и Гарримана в формате «Московской комиссии» могло стать условием объединения разрозненных и даже враждовавших между собой сил польского сопротивления на основе компромисса между «лондонскими» и «люблинскими» поляками и примирению «лондонцев» с советским правительством.

Первоначально, как казалось Гарриману, переговоры свидетельствовали об «искреннем стремлении Советского правительства добить-

ся урегулирования» в Польше путем создания коалиционного правительства¹⁰⁸. Во время переговоров с Берутом, Осубка-Моравским и другими членами «люблинского правительства» Миколайчику были предложены в будущем объединенном польском правительстве кресло премьера и 4 места из 18. Но компромиссное решение польского вопроса не состоялось. Вопрос о границе оставался камнем преткновения. Миколайчик уклонился от соглашения, сказав, что должен возвратиться в Лондон, чтобы обсудить вопрос с членами своего правительства. Соотношение сил в Польше вот-вот должно было коренным образом измениться, о чем не знали ни в Москве, ни в Люблине: подчинённая польскому «лондонскому» правительству Армия Крайова во главе с генералом Комаровским (псевдоним Бур) разработала план восстания в Варшаве. Выступление было назначено на 1 августа, и освобождение столицы силами, на которые опиралось правительство Миколайчика, дало бы ему решающий козырь в переговорах со Сталиным и с «люблинцами».

В беседе с Молотовым в последний день июля 1944 г. Миколайчик заметил, что «польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве», но, к возмущению советской стороны, он умолчал о том, что восстание начнется уже на следующий день, и «не просил о помощи его участникам»¹⁰⁹. Сталина и Молотова насторожило, что сам Миколайчик сообщил Сталину о начавшемся 1 августа восстании только 3 августа. Как утверждал Молотов, о восстании в Кремле узнали из сообщения агентства «Рейтер» только на следующий день после его начала¹¹⁰. Впрочем, только 3 августа польский премьер и был принят Сталиным. Сообщив о восстании, он опять никакой «помощи не просил, других вопросов в связи с восстанием не поднимал», — отметил Молотов¹¹¹.

Не могло понравиться хозяину Кремля и заявление Миколайчика, что он хотел бы как можно скорее выехать в Варшаву и создать там правительство. Через день из Варшавы должен был приехать Б. Берут, рассказать об обстановке в восставшем городе и договориться с Миколайчиком о составе будущего правительства Польши. Опираясь на сведения, предоставленные Берутом, Сталин уяснил в течение ближайших дней смысл происходящего.

Польские военные и политики круга, органично продолжившего предвоенную дипломатическую линию, как и в 1939 году, оказались в ситуации, не имеющей положительной аль-

тернативы. Судьба Польши была в руках двух их наследственных врагов. Но им представлялось, что дни Германии сочтены, в то время как, если они не возьмут под политический контроль столицу и значительную часть территории страны, с приходом Красной армии изменится сама Польша. Именно антисоветское содержание политики руководителей восстания трагически осложнило судьбу восставших. Устойчивая «нейтральная», но полная сочувствия восставшим версия мотивов варшавского выступления высказывается в пользу того, что освободительные задачи в нем переплетались с антисоветскими. «Ему важно было поднять дух борцов польского сопротивления, доказать миру, что внутреннее сопротивление в Польше является реальной и действенной силой, освободить столицу до подхода русских и преградить коммунистам из Армии Людовой и Люблинского комитета путь к власти»¹¹².

Та же версия приводилась германским губернатором Варшавского округа Л. Фишером, плененным советскими войсками. «1 августа вспыхнуло ожидаемое немцами восстание национального движения сопротивления. <...> По совпадающим показаниям всех поляков-пленных, целью восстания являлся захват собственными силами Варшавы и всей территории до прибытия русских, для выработки лучшей позиции в отношении России»¹¹³.

Поздняя советская версия, оправдывающая позицию Сталина, по существу не расходится с вышесказанным, она лишь иначе окрашена эмоционально. В. Сиполс пишет: «Лондонское правительство планировало при помощи подчинявшейся ему Армии Крайовой при приближении советских войск к Варшаве поднять в городе восстание и тем самым завладеть столицей». В подтверждение Сиполс цитирует слова Бура-Комаровского, приведенные и в соответствующей главе официальной многотомной «Истории великой Отечественной войны»: лучше, «если русские армии будут вдали от нас. Отсюда следует логичный вывод, что мы не можем поднимать восстание против немцев до тех пор, пока они сдерживают русский фронт, а тем самым и русских вдали от нас. Кроме того, мы должны быть готовы к тому, чтобы оказать вооруженное сопротивление русским войскам, вступающим на территорию Польши»¹¹⁴.

Несмотря на то, что при расставании с Миколайчиком Сталин выказал сочувствие к восставшим, которых считал обреченными, словами: «Немцы просто перебьют всех поляков»,

«просто жалко всех поляков»¹¹⁵, — 13 августа последовало резкое заявление ТАСС в связи с варшавским восстанием. Через три дня Сталин адресовал Миколайчику письмо, в котором объяснил свой отказ помочь Варшаве с воздуха, несмотря на свое обещание «сделать все возможное»¹¹⁶. «Близкое знакомство с делом убедило меня, что варшавская акция, которая была предпринята без ведома и контакта с советским командованием, представляет легкомысленную авантюру, вызвавшую бесцельные жертвы населения, — писал он. — К этому надо добавить клеветническую кампанию польской печати с намеками на то, что советское командование подвело варшавцев.

Ввиду всего этого советское командование решило открыто отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может и не должно нести никакой ответственности за варшавское дело»¹¹⁷.

Сталин возложил всю ответственность за напрасные жертвы восставших варшавян на Бура-Комаровского. Он утверждал: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверие варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию»¹¹⁸.

В ходе летнего наступления Красная армия продвинулась с тяжелыми боями на 600 км к Варшаве. Она действовала обходным маневром, и это навлекло на СССР обвинения в намеренном затягивании наступления и нежелании содействовать победе восставших. Для подтверждения или опровержения этой версии надо читать мысли Сталина. Молотов, который в тот момент еще не выказывал враждебности инициаторам восстания, в беседе с Гарриманом 11 августа 1944 объяснил необходимость обходного маневра несогласованностью выступления с планами советского командования: «Непонятно, каким образом поляки рассчитывали осуществить это дело [„взять Варшаву изнутри“]. Они начали своё рискованное предприятие 1 августа. Мы узнали о нем из телеграммы Рейтера, полученной 2 августа. Нашим войскам теперь приходится брать Варшаву не в лоб, а обходным движением. Если бы наши войска попытались взять Варшаву в лоб, то это стоило бы колоссальных жертв. Теперь те обходные операции, которые начали наши войска, требуют времени, и это, конечно, создаст трудности для тех, кто начал борьбу в Варшаве»¹¹⁹.

Объяснения Молотова могли удовлетворить союзников, но опыт боевых операций Красной армии показывает, что людские потери не были главным препятствием в осуществлении ее стратегических целей. В данном случае важно, что у Сталина не было политических мотивов отстаивать дело варшавского восстания, хотя это вовсе не означало прекращения наступательной операции в Польше. Сталин не отрицал, что «с военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма выгодно как для Красной армии, так и для поляков. Не может быть сомнения, что Красная армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков»¹²⁰. В августе — первой половине сентября Красная армия потеряла 289 тысяч солдат и офицеров 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов¹²¹. Однако в первые недели восстания Сталин не только отказывался предоставить варшавянам помощь с воздуха, но и препятствовал в этом авиации союзников, закрыв для них советские аэродромы под Полтавой, которые до того использовались для боевых операциях против Румынии¹²².

Если первоначально Сталин мог считать, что, как и в Словакии, восстание в тылу у гитлеровцев может способствовать общей победе, он изменил свое отношение к варшавскому восстанию в прямой связи с тем, что услышал от Берута, который приехал из Польши 5 августа¹²³. Тот сообщил советскому руководству, что мотивы инициаторов восстания были враждебными советской освободительной миссии. На вопрос Гарримана, что заставило Сталина уже 14 августа отказаться от данного им обещания помочь варшавянам с воздуха, Молотов ответил: отношение к восстанию изменилось, «как только был вскрыт характер варшавского дела». Нарком пояснил: «Полученная Советским правительством информация доказывает, что затея в Варшаве была начата авантюристами из Лондона и что кроме того эти авантюристы пытаются использовать свою затею во враждебных Советскому Союзу целях, распространяя клевету в отношении Советского Союза». «Если бы выступление было согласовано с советским командованием, то оно принесло бы громадную помощь, но люди, начавшие его, не захотели этого сделать»¹²⁴. Поэтому «Советское правительство не желает взять на себя ответственности за него, в том числе и ответственность за самолеты, которые будут посланы для оказания

помощи Варшаве», — заключил нарком¹²⁵. Гарриман понял: «Этот отказ продиктован жестокими политическими мотивами»¹²⁶. 9 сентября, когда разгром восстания был предreshён, запрет был снят. Союзникам снова было разрешено использовать украинские аэродромы. А через несколько дней, с 13 сентября, в варшавском небе появились советские самолеты.

Отношение Берута и членов делегации ПКНО к действиям Красной армии контрастировало с настроениями «лондонских» поляков. В Москве его встретили как высокого официального представителя дружественной страны. Именно для него, а не для Миколайчика, «при встрече был выстроен почетный караул и были исполнены государственные гимны Польши и СССР. Аэродром был украшен польскими и советскими флагами»¹²⁷. В своей краткой речи перед встречавшими Берут сказал: «Я счастлив, что могу посетить эту страну, которую Польша — моя родина — приветствует как самую мощную страну, имеющую самую героическую армию, страну, в дружбе с которой моя родина хочет быть всегда». В том же духе выступил председатель ПКНО Э. Осубка-Моравский, подчеркнувший, что «братство оружия <...> останется на долгие времена и будет фундаментом содружества» между Польшей и СССР¹²⁸. Как показала встреча руководителей ПКНО, в Москве после соглашения 26 июля 1944 г. их рассматривали в качестве главных собеседников в решении польского вопроса. От способности Миколайчика договориться с ними зависела судьба самого Миколайчика.

14 сентября Красной армии и действовавшим вместе с ней польским частям удалось освободить правобережную часть Варшавы. 16–20 сентября предпринимались попытки переправить через Вислу усиленный польский десант в помощь варшавянам, но ему так и не удалось закрепиться на левом берегу и 24 сентября пришлось вернуться на правый берег. 23 сентября в беседе с Гарриманом и Керром Сталин рассказал об оказании советской военной помощи Варшаве, проявив понимание в отношении варшавян «без следа прежней мстительности» (как отметил в своем отчете Гарриман)¹²⁹.

2 октября Бур-Комаровский капитулировал в Варшаве. В городе погибло около 200 тыс. чел. Советская операция по форсированию Вислы была начата только через 4 месяца. Миколайчик вернулся в Москву вместе с Черчиллем после поражения восстания. Пригласили и руководителей Крайовой Рады Народовой, Беру-

та с Осубкой-Моравским. 13 октября с Миколайчиком беседовал Сталин, давший понять премьеру эмигрантского правительства, что условием соглашения с ним является признание границы по «линии Керзона»¹³⁰, что для Польши означало потерю Львова и Восточной Галиции с ее нефтяными запасами. Другим спорным вопросом был политический. Речь шла о создании польского правительства, объединяющего «лондонцев» и «люблинцев» под председательством Миколайчика.

СССР и ПКНО требовали для последнего убедительного большинства, против чего протестовал Миколайчик. Черчилль согласился ввести в состав правительства несколько лондонцев, оставив большинство мест за представителями ПКНО¹³¹. По сути, это было возвращением к августовским предложениям, но в кардинально изменившихся условиях. «Лондонцы» и их опора в Польше больше не могли иметь иллюзий относительно возможности установить контроль над столицей Польши без содействия советских войск, а тем более в противовес им и дружественным СССР польским силам сопротивления. В то же время для Миколайчика, несмотря на слабость его дипломатической позиции, принятие советских условий без согласия членов его правительства было равносильно разрыву с его политической средой. Оправдывая Миколайчика, Иден заметил, что если бы тот согласился на требование Берута, то его бы в Лондоне просто сочли перебежчиком. Тогда Молотов согласился, чтобы, в случае признания правительством Миколайчика границы по «линии Керзона», в будущее польское правительство вошли 40 % из «лондонского», 40 % из «Люблинского» правительства и 20 % представителей освобожденной Польши. Миколайчик должен был поехать в Лондон добиться поддержки кабинета в этом вопросе, чтобы сразу же вернуться¹³², но 24 ноября пришло сообщение о его отставке: он не смог договориться о признании границы.

Тем временем, на освобожденной территории Польши декретом ПКНО началась реализация земельной реформы. Представители Крестьянской партии во главе с Миколайчиком не согласились войти в новое «лондонское» правительство во главе с Т. Арцишевским. Таким образом, в нем уже не было сторонников компромисса с СССР. Отставка Миколайчика исключила промежуточное для Москвы решение и осложнила решение польского вопроса в духе, благоприятном для англо-американских со-

юзников. В декабре Лондон и Вашингтон были предупреждены о готовящемся признании Советским Союзом «люблинского» правительства, что означало окончательный отказ от соглашения с «лондонскими» поляками. Британскому премьер-министру, сообщившему об отставке Миколайчика, Сталин ответил, что для него министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве *«теперь не представляют серьезного интереса»*. Это все то же топтание на месте людей, оторвавшихся от национальной почвы, не имеющих связей с польским народом. <...> Я считаю, что теперь наша задача заключается в том, чтобы поддержать Польский Комитет в Люблине и всех тех, кто хочет и способен работать вместе с ним»¹³³. На просьбу Рузвельта повременить с признанием Люблинского комитета Сталин ответил, прибегнув к демагогической ссылке на демократическую процедуру. Он — же *«бессилен»* выполнить это пожелание, поскольку 27 декабря 1944 г. Верховный Совет уже сообщил на запрос поляков, что намерен их признать¹³⁴. Расхождения в польском вопросе между СССР и англо-американскими союзниками остались до Ялты: они признавали разные правительства Польши.

3. Политические преобразования в странах, союзных Гитлеру: военная необходимость и долгосрочная политическая стратегия

Советская политическая стратегия в отношении гитлеровских сателлитов была подчинена главной стратегической задаче их скорейшего вывода из войны, но в то же время, в органичном единстве как с интересами в вопросе послевоенных границ СССР, так и с долгосрочными целями строительства послевоенной системы европейской безопасности, требовавшими создания в сопредельных странах дружественных режимов. Поэтапное продвижение или препятствия на этом пути диктовали тактические изменения советских сценариев политических трансформаций в странах, которые должны были превратиться из враждебных соседей в прочных союзников. Наиболее желательным сценарием для Объединенных Наций был разрыв германских союзников с Гитлером и их участие в окончательном разгроме Германии.

13 мая 1944 г. было опубликовано «Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов, обращенное к сателлитам гитлеровской Германии — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии», в ко-

тором говорилось, что сателлиты оси «все еще могут путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией и путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами сократить срок европейской борьбы, уменьшить свои собственные жертвы <...> и содействовать победе союзников»¹³⁵.

В условиях, когда правительствам стран-сателлитов предстоял выбор между потенциальной угрозой советской оккупации и неотвратимым столкновением с вермахтом, уже расположившимся на их территории, следовало создать для них весомый стимул для перехода на сторону союзников. Таким стимулом стал отказ Объединенных Наций от принятого на Московской конференции принципа безоговорочной капитуляции в отношении сателлитов Германии в обмен на обязательство разоружить и интернировать германские части, находящиеся на их территории, что по сути означало бы их присоединение к делу Объединенных Наций. Инициатором такого подхода была британская сторона. Предложение было изложено в письме Молотову 19 марта 1944 г. британского посла Керра¹³⁶. Молотов ответил согласием: «Советское правительство считает, что предъявление требования безоговорочной капитуляции европейским странам-сателлитам в известных условиях может дать <...> отрицательный эффект, содействуя не ослаблению, а укреплению связей стран-сателлитов с Германией. <...> Соглашаясь с британскими доводами, правительство СССР после согласования с Вашингтоном считает возможным решать этот вопрос в каждом конкретном случае. Решать этот вопрос после консультации между тремя союзниками, можно ли выставить вместо безоговорочной капитуляции „смягченные конкретные условия соглашения этой страны с союзными странами”»¹³⁷.

3.1. Реализация советских интересов в переговорах с Финляндией

Заявление не дало немедленных результатов, но указало благоприятную альтернативу, ускорив переход влиятельных конформистских сил в политических кругах указанных стран в оппозицию к прогерманским режимам. Одним из наиболее сильных союзников Гитлера была Финляндия, она же, в связи с разгромом советскими войсками немецкой группы армий «Север» и с приближением линии фронта к советско-финской границе, одной из первых

начала неофициальные контакты с Москвой, прощупывая условия перемирия. 16 февраля советский посланник в Швеции А. М. Коллонтай доложила, что к ней обратился представитель финляндского правительства Ю. К. Паасикиви, который зондировал почву для переговоров о перемирии. Уже первые советские предложения о перемирии сам Паасикиви назвал «неожиданно мягкими»¹³⁸.

Но главную трудность для финского правительства представляло советское требование интернировать или изгнать немецкие войска из страны. Признавая справедливость этого условия, финское правительство осторожно замечало, избегая прямого указания на германскую армию: «Для того чтобы Финляндия после заключения перемирия могла оставаться нейтральной, необходимо, чтобы на ее территории не находились иностранные войска, принадлежащие воюющей стране, однако вопрос настолько сложен, что он требует более детального обсуждения»¹³⁹. Примечательно, что советские условия перемирия не заключали пункта об оккупации Финляндии советскими войсками¹⁴⁰.

Но в сложившихся обстоятельствах доминирующий союзник был опаснее врага. Нажим Берлина привел к затягиванию выхода Финляндии из войны. Советской дипломатии в тот момент не удалось обеспечить решение вопроса дипломатическими средствами.

10 июня началось наступление Красной армии на советско-финляндском фронте. В этой связи Риббентроп посетил Хельсинки и угрозами добился обещания Финляндии не заключать мира без согласия Германии, о чем было заявлено в письме Гитлеру, направленном 26 июня президентом Финляндии Рюти¹⁴¹.

Успешное продвижение Красной армии привело к политическому кризису в Финляндии, приходу к власти нового правительства и смене президента страны. Им стал маршал Маннергейм — герой советско-финской войны 1939–1940 гг. Только он мог взять на себя риск противостояния германскому нажиму. 17 августа новый президент заявил фельдмаршалу Кейтелю, посетившему его по поручению Гитлера, что не считает себя связанными соглашениями, заключенными прежним президентом Рюти¹⁴². 25 августа финский посланник в Швеции Гриппенберг через Коллонтай передал просьбу финского министра иностранных дел Энкеля о начале переговоров о перемирии или заключении мирного договора с СССР.

На этот раз советская сторона выдвинула в качестве предварительного условия, чтобы финское правительство официально заявило о разрыве отношений с Германией и потребовало вывода немецких войск не позже 15 сентября, угрожая в противном случае их разоружением и интернированием с последующей передачей союзникам в качестве военнопленных. Важным добавлением стало указание на согласие с данными условиями англо-американских союзников Москвы.

Маннергейм стремился, с одной стороны, доказать готовность избавиться от германской армии, с другой стороны, получить от СССР гарантии о начале переговоров о перемирии. В своем обращении к советскому правительству от 2 сентября он заверил, что требуемое Москвой официальное заявление о разрыве отношений с Германией будет сделано только после получения ответа от Сталина. Одновременно он предложил самостоятельно обеспечить эвакуацию или интернирование германских войск на южной части финской территории, прервать военные действия на южной части фронта и отвести на этом участке финские войска к границе 1940 года, передвинув соответственно на эту линию советские войска. Тем самым Красная армия без боев и потерь могла восстановить северную границу СССР. Финская армия из серьезного противника превращалась в потенциального помощника: финский посланник Гриппенберг сообщил Коллонтаю, что финны готовы участвовать в разоружении немецких войск на севере страны, *«но хотят договориться в Москве о координации и помощи в этом деле с советским военным командованием»*. Советское правительство в ответ по-прежнему настаивало на важнейших предварительных условиях переговоров — публичном разрыве отношений Финляндии с Германией и выводе гитлеровских войск из страны к 15 сентября, согласившись оказать Финляндии помощь в разоружении гитлеровских войск. При этом было дано согласие на прекращение военных действий на южном участке фронта, но только после выполнения вышеуказанного предварительного условия¹⁴³.

Переговоры в Москве начались 14 сентября. К советской и финской сторонам присоединились британцы. 19 сентября соглашение о перемирии было подписано. От имени Объединенных Наций его подписал А. А. Жданов; финская сторона была представлена министром иностранных дел К. Энकेлем и тремя генералами (О. Энकेлем, Р. Вальденом и Э. Хейнрихсом).

Советский Союз добился отвода финских войск за линию советско-финской границы 1940 года и возвращения уступленной Финляндии по мирным договорам 1920 и 1940 годов области Петсамо (Печенга).

Примечательно, что в политическом плане советское правительство ограничилось требованием денацификации и дефашизации Финляндии и не пыталось повторить сценарий 1939 года. Никаких коминтерновских заготовок: о смене общественно-политического строя в Финляндии не было и речи. Уроки советско-финского конфликта 1939–1940 гг., видимо, не прошли даром. Финляндия должна была порвать с политикой фашистского толка: распустить прогитлеровские и антисоветские организации, освободить политических заключенных, отменить расистские законы, предать суду военных преступников¹⁴⁴. Взаимопонимание, достигнутое с бывшим царским генералом, героем финской войны Маннергеймом, благоприятно сказалось на условиях перемирия. В отличие от условий соответствующих соглашений с Румынией и Болгарией, соглашение с Финляндией оставляло финскому правительству максимум суверенитета. Оно не предусматривало контроля Союзного (Советского) командования над СМИ, средствами коммуникации и печатными изданиями. Одновременно были снижены материальные претензии к Финляндии. Сумма возмещения убытков, причиненных действиями финской армии на советской территории, была вдвое уменьшена по сравнению с первоначальными условиями¹⁴⁵.

Финляндия брала на себя обязательства разоружить германские военные силы и передать их Союзному (Советскому) Главнокомандованию, а также интернировать германских и венгерских граждан на своей территории. Кроме того, советской авиации были предоставлены аэродромы на южном и юго-западном побережье Финляндии, необходимые для проведения операций против немцев в Эстонии и против германского флота на Балтике. Финляндия дала согласие на аренду территории для создания военно-морской базы в районе Порккала-Удд. Приложения к соглашению касались военного содействия Финляндии борьбе Союзных сил против Германии, существенно облегчавшего боевые действия советской армии на Балтике. Бывшая союзница Германии должна была предоставить все имеющиеся в ее распоряжении немецкие секретные материалы: карты минных полей, планы, карты и схемы боевых порядков¹⁴⁶.

Выгоды подобного благоприятного для Финляндии решения были несомненны. Перед финальными сражениями с гитлеровцами экономика и территория Финляндии были поставлены на службу военным потребностям Советского Союза; Советское Главнокомандование получило от имени союзных держав руководство Союзной контрольной комиссией в Финляндии, в задачи которой входил надзор над соблюдением условий перемирия до заключения мирного договора. Финляндия соглашалась удовлетворить территориальные интересы СССР. Северный сосед стал одним из первых в цепи сателлитов Германии, из которых советская дипломатия уже в 1944 г. начала строить послевоенный «буфер безопасности» на своих западных границах от Балтики до Адриатики.

3.2. Ситуационный подход в отношении Румынии и Венгрии: классическая дипломатия и обращение к классовой политике

Политики возможного советское руководство придерживалось и в решении румынских дел, не забывая, впрочем, и об обеспечении своих послевоенных интересов на Балканах. Приоритетную роль и здесь играли военные цели — скорейший выход Румынии из войны. Это не означало небрежения политическими целями. В советском тылу проводилась работа по коммунистическому перевоспитанию румынских военнопленных, но прежде всего они были призваны внести военный вклад в победу. С 1942 г. в лагерях румынских военнопленных работали антифашистские школы и курсы, на базе которых в сентябре 1943 г. был образован Рабочий комитет румынских антифашистских организаций. В октябре 1943 — марте 1944 г. под Рязанью была сформирована, обучена и снабжена советским оружием 1-я румынская добровольческая дивизия. Ее военнослужащие носили румынскую форму. Около половины ее офицеров ранее служили в румынской армии. Идеологическую работу в ней вели штатные «культпросветработники» из политэмигрантов-коммунистов. В конце мая дивизия была включена в состав 2-го Украинского фронта и участвовала в освобождении Румынии, Венгрии и Чехословакии. При вступлении Красной армии в Румынию в официальном заявлении НКВД говорилось, что советское правительство «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или *изменения существующего общественного строя Румынии*»¹⁴⁷.

12 апреля советский посланник в Каире Н. В. Новиков вручил представителю Румынии условия перемирия, согласованные с Вашингтоном и Лондоном. Правительство И. Антонеску отказалось принять советские условия, отчасти — уступая нажиму немцев. Румынию защищала мощная группировка немецко-румынских войск, в которой собственно румын было меньше половины (22 из 47 дивизий, 335 тысяч из 900 тысяч солдат и офицеров). Кроме того, Антонеску надеялся договориться с англо-американскими союзниками. Румыния была для СССР ключом к Балканам — исторической зоне соперничества России и Британии, и несмотря на то, что Черчилль писал Молотову: «...мы считаем вас нашими вожаками в румынских делах»¹⁴⁸, в Москве подозревали Лондон в закулисных переговорах с Бухарестом.

В конце апреля 1944 г. Молотов запросил разъяснения по поводу так называемой «миссии Шастелена», направленной в Бухарест британцами в конце 1943 г. Хотя они считались в Румынии военнопленными, обращение с ними Антонеску позволяло Молотову предположить, что это особое положение «не может существовать иначе, как при определенном соглашении между Британским Правительством и Правительством Румынии», что «отнюдь не могло способствовать ускорению капитуляции Румынии и принятию румынским правительством советских условий перемирия»¹⁴⁹. В свою очередь, Черчилль не собиравшись отказываться от заявки на влияние в румынских делах. Для британской дипломатии был важен вопрос об ограничении советских прерогатив в Румынии и о присутствии там представителей союзников. Черчилль писал: «...мы считаем разумным, что в Румынии могут быть британские и американские представители по политическим вопросам подобно тому, как Вы имеете политических представителей в Италии»¹⁵⁰.

Вскоре последовало совместное «Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов, обращенное к сателлитам гитлеровской Германии» от 13 мая 1944 года, в котором в отношении малых союзников рейха отменялся принцип безоговорочной капитуляции¹⁵¹. Определенной базой военного сотрудничества в борьбе с Германией уже к тому времени можно считать румынские части, воевавшие на стороне Советского Союза. В то же время приближение советских войск и медленное, но неуклонное продвижение союзников в Италии способствовали перегруппировке румынских политических сил.

Еще в 1943 г., после Сталинграда, в самой Румынии был создан подпольный Патриотический антигитлеровский фронт. Весной 1944 г. состоялось соглашение между коммунистами и социал-демократами о единстве действий, а в июне создан их Военный комитет. Либеральная патриотическая оппозиция, придворные круги и часть армейской верхушки вошли в контакт с объединившимися левыми антифашистами. 20 июня было подписано соглашение о создании Национально-демократического блока из двух так называемых исторических (национал-либеральной и национал-царанистской-крестьянской) и двух находившихся в подполье (коммунистической и социал-демократической) партий. В подполье стали создаваться военные отряды, которые готовили восстание против Антонеску.

Тем не менее, Румыния была выведена из войны благодаря военному разгрому. 20–23 августа в результате Яско-Кишиневской наступательной операции Красная армия ликвидировала основную группировку румынских войск и на фронте протяжением 580 км разгромила германские группы армий «Южная Украина», «Вёлер» и две румынские армии, поддержанные 4-м германским воздушным флотом.

23 августа в Бухаресте началось восстание подпольного Патриотического антигитлеровского фронта против Антонеску, который заявил о верности Гитлеру и отказался прекратить сопротивление. Тогда король Михай приказал арестовать премьер-министра во дворце, когда тот прибыл к нему на аудиенцию, и интернировать представителей германской военной миссии¹⁵². В ночь на 24 августа по приказу короля военные действия были прекращены. Через сутки заявление советского правительства обещало Румынии сохранить ее вооруженные силы в случае перехода на сторону Объединенных Наций¹⁵³. Советскому послу в Анкаре Виноградову 25 августа 1944 г. была вручена нота румынского правительства, в которой король объявил о прекращении сопротивления (с 4 часов 24 августа), принятии ранее представленных советской стороной условий перемирия и готовности «приступить к полному удалению всех немцев, находящихся на румынской территории»¹⁵⁴.

Новое правительство возглавил адъютант короля, генерал К. Сэнэтеску (в советских документах — Санатеску), и Москва была намерена содействовать «поддержанию авторитета нового румынского правительства», как выразился

в ожидании румынской делегации Молотов. В беседе с Керром и Гарриманом (26 августа) он заявил, что в первоначальные условия перемирия внесены три дополнения касательно сокращения размера компенсации, выделения свободной зоны пребывания румынского правительства и предоставления немецким войскам 15-дневного срока для ухода из Румынии. СССР настаивал только, чтобы переговоры проходили именно в Москве¹⁵⁵. Соглашение было подписано 12 сентября. Румыния признавала факт поражения в войне против СССР, Великобритании, США и других Объединенных Наций и вступила на их стороне в войну против Германии и Венгрии «в целях восстановления своей независимости», для чего обязалась выставить 12 пехотных дивизий (ст. 1)¹⁵⁶. Советское Главнокомандование на территории Румынии, так же как в Финляндии, выполняло функции Союзного Главнокомандования и действовало от имени Союзных держав.

В начале октября 1944 г., когда Черчилль в сопровождении Идена прибыл в Москву, союзники согласились с тем, чтобы политические преобразования в Румынии совершались под контролем Москвы¹⁵⁷. Касаясь перехода румынских сил на сторону союзников, Молотов заметил, что король Кароль «мог создать определенные трудности для лиц, желающих продолжать войну, но что теперь, когда положение изменилось, этот вопрос не имеет никакого значения. СССР вполне удовлетворен положением в Румынии». Молотов намекал на враждебность короля кругу диктатора Антонеску. В 1940 г. Кароль II, передав по настоянию Антонеску королевские полномочия своему сыну Михаяу, уехал в Мексику, где в 1943 г. вел переговоры с советским послом К. А. Уманским. Советская дипломатия, видимо, рассчитывала тогда использовать желание Кароля вернуть себе трон для дестабилизации внутривнутриполитического положения в Румынии¹⁵⁸.

Лондон интересовала роль коммунистов в планах Москвы. Иден поинтересовался, не угрожает ли коммунистическая партия национальному блоку? Молотов дал прямо понять, что коммунистический сценарий для Румынии может рассматриваться только в случае отказа нового правительства от соглашения о перемирии: «...главная трудность заключается в том, что один из руководителей этого блока Маниу публично не высказался за перемирие»¹⁵⁹.

СССР добился восстановления государственной границы с Румынией в соответствии

с соглашением от 28 июня 1940 г., т.е. международного признания территориальных изменений кануна Великой Отечественной войны. Он оставлял за собой Бессарабию и Северную Буковину.

В качестве компенсации за вступление в войну на стороне Объединенных Наций союзные правительства заявили о том, что «считают несуществующим» решение Венского арбитража от 30 августа 1940 г., по которому к Венгрии отходила Северная Трансильвания, в основном населенная венграми, а также румыно-болгарский договор от 7 сентября 1940 г. об уступке Румынией Южной Добруджи с болгарским населением. Решение территориального вопроса в пользу Румынии определилось сравнительно быстрым разворотом Бухареста к миру и сотрудничеству с СССР. Обосновывая предложение об отторжении Трансильвании от Венгрии в комиссии Литвинова, Лозовский заявил: «Я не думаю, что парцелляция в Европе нам вредна. Чем больше мыотрежем от вражеских стран территорий, тем лучше. Если отказаться от парцелляции, все наши планы по отношению к Германии будут подрезаны. По отношению к ней мы стоим на парцелляции, ее нужно расчленить на несколько частей. Нам нужно исходить не из того, какая была расстановка сил по отношению к России, а из того, какова позиция по отношению к СССР. Это — классовый вопрос, а не национально-территориальный»¹⁶⁰. В данном случае понятие классовый было тождественно соответствию интересам Советского Союза.

25 октября Красная армия при участии румын очистила всю территорию страны от германских войск. Ее потери убитыми и ранеными составили свыше 286 тыс. человек. Потери румынской армии на стороне Объединенных Наций — 58 330. Далее она участвовала в боях в Венгрии и Чехословакии. Король — номинальный главнокомандующий румынской армией, одна часть которой продолжала воевать на стороне Германии, другая после дворцового переворота перешла в оперативное подчинение командования советских 2-го и 3-го Украинских фронтов, — был награжден высшим советским полководческим орденом Победы.

Поскольку Румыния «не просто вышла из войны, а объявила войну и ведет ее на деле против Германии и Венгрии», подписывая Соглашение о перемирии, СССР согласился на *частичное* возмещение ущерба, причиненного ему румынской оккупацией в сумме 300 млн долларов США с погашением в течение 6 лет то-

варами (ст. 11). Речь шла о возмещении только 1/3 нанесенного румынской агрессией ущерба, причем впоследствии и эта сумма была сокращена советским правительством еще почти на 1/3. Власть румынской гражданской администрации (под контролем Союзного командования) восстанавливалась по мере движения линии фронта, по всей полосе территории, отстоящей от зоны боевых действий не менее чем на 50–100 км. Политические преобразования в оккупированной советскими войсками Румынии на тот момент ограничивались мероприятиями по денацификации и дефашизации и наказанием военных преступников. Суверенитет королевского правительства (в отличие от Финляндии) сверх того был ограничен введением строгой цензуры (периодической печати, а также любых печатных изданий, кино, радио и театров) со стороны Союзного (Советского) Главнокомандования. Все средства массовой информации в стране были поставлены под его контроль (ст. 16)¹⁶¹.

Результатом соглашения с королевским правительством Румынии, помимо ускорения распада нацистского блока, было обретение советскими войсками удобного стратегического плацдарма для продолжения войны в Венгрии и на Балканах. Роль Красной армии в освобождении страны от немецко-фашистских войск обеспечила послевоенное влияние СССР в регионе, на который нацеливался Черчилль, рассчитывая заместить там Гитлера.

Венгрия вплоть до конца войны оставалась верным союзником Гитлера, и союзным дипломатам не удалось вовлечь ее в переговоры на основе известной майской декларации, адресованной германским сателлитам. 19 марта 1944 г. германские войска оккупировали Венгрию. Тем не менее 31 августа 1944 г., после решения союзников об отказе в отношении малых стран-сателлитов Германии от требования безоговорочной капитуляции, комиссией Ворошилова был представлен «несколько смягченный» проект, который предлагалось «использовать в случае, если Венгрия, подобно Румынии, должна будет выйти из войны до капитуляции Германии»¹⁶².

Однако окончание войны с Венгрией не повторило румынский сценарий. В конце сентября — начале октября 1944 г. советские и примкнувшие к ним румынские войска вышли к территории Югославии и румыно-венгерской границе. Направленная было в Москву для переговоров неофициальная венгерская делегация, хотя и была встречена с недоверием¹⁶³,

однако получила условия перемирия¹⁶⁴. 11 октября 1944 г., после обсуждения Молотовым и Иденом вопроса о перемирии с Болгарией, в присутствии американского посла Гарримана Молотов сообщил, что находящаяся в Москве венгерская делегация получила от своего правительства письмо с согласием на предварительные условия перемирия. Венгерская сторона просила, чтобы продвижение советских войск к Будапешту было приостановлено, т. к. венгерское правительство намеревалось перебросить с фронта венгерские войска на Будапешт против превосходящих немецких сил, поскольку имеется опасность германского удара, «за которым последуют убийства и погромы, которым нужно помешать» (в Будапеште тогда оставалось 200 тыс. евреев). Согласие советского правительства не встретило возражений союзников¹⁶⁵, так же как стремление советской дипломатии оставить за собой решающее слово в решении судьбы Венгрии. Обсудив со Сталиным «процентное» предложение Черчилля, озвученное накануне на первой встрече в верхах, во время второй беседы с Иденом 10 октября 1944 г. Молотов сообщил, что вчера Сталин говорил ему: «Ввиду тех тяжелых жертв, которые в настоящее время несут советские войска в Венгрии, следовало бы изменить соотношение, предложенное Черчиллем, на 75:25. Надо учитывать, что Венгрия является пограничной с Советским Союзом страной и что заинтересованность Советского Союза в Венгрии понятна»¹⁶⁶.

Однако переговоры с представителями Хорти скоро были прерваны, поскольку 15 октября Хорти уступил власть лидеру фашистской партии «Скрещенные стрелы» Ф. Салаши, подтвердившего верность союзу с Гитлером для отражения советской угрозы. Наступление советских фронтов к 28 октября увенчалось освобождением свыше трети территории Венгрии и Северной Трансильвании. Наличие венгерской территории под контролем советских войск позволило перейти к *классовому*, революционному сценарию принуждения Венгрии к миру на основе формирования широкого антифашистского фронта демократических сил.

Еще в мае 1944 г. коммунисты создали нелегальный Венгерский фронт в составе коммунистической, социал-демократической и национальной крестьянской партий. На этой базе на освобожденной территории 2 декабря 1944 г. в г. Сегед был создан Венгерский фронт национальной независимости, в который вошли коммунистическая, социал-демократическая,

национальная крестьянская, буржуазно-демократическая партии, партия мелких сельских хозяйев и профсоюзы. На местах роль временных органов власти исполняли национальные комитеты фронта. 22 декабря 1944 г. в Дебрецене Временное национальное собрание образовало коалиционное Временное национальное правительство, направившее в Москву просьбу о перемирии. 28 декабря ВВП объявило войну Германии, но оно не контролировало ни большей части территории страны, ни ядра вооруженных сил.

Между тем сам факт существования временного правительства и контакты с ним имели для Советского Союза большое значение с точки зрения послевоенного урегулирования: оно позволило найти в венгерском обществе политическую силу, легитимность которой в качестве законного представителя интересов венгерского народа подтверждалась признанием Объединенных Наций. Поэтому Молотов выступил его адвокатом. Нарком настаивал на ускорении дипломатического завершения войны с Венгрией: «В Болгарии тоже было создано новое правительство. Ни США, ни Великобритания не ставили тогда вопроса о том, признавать ли новое правительство в Болгарии, теперь, в случае с Венгрией, речь идет о разложении венгерской армии и о том, чтобы вывести Венгрию из войны»¹⁶⁷.

20 января 1945 г. в Москве представителями Советского Верховного Главнокомандования, получившего также полномочия от командования Великобритании, и США, и Временного национального правительства Венгрии, было подписано соглашение о перемирии. Им признавался факт военного поражения Венгрии, выход ее из войны и объявление войны фашистской Германии. Венгерская сторона обязывалась разоружить германские вооруженные силы на своей территории и передать их как военнопленных союзному командованию. Это было чисто формальным обещанием, поскольку наличных сил для его реализации у временного правительства не было. Боеспособные венгерские части по-прежнему подчинялись правительству Салаши, сохранившему верность Гитлеру. Венгрия осталась одним из последних форпостов германской обороны в Восточной Европе. Вся территория Венгрии была освобождена только в конце марта 1945 г., однако признание союзниками альтернативного демократического правительства под контролем Москвы было основой дальнейшего подключения Венгрии к советской системе в Восточной Европе.

4. Утверждение советского влияния на Балканах

О возвращении Советского Союза к традициям царской политики на Балканах свидетельствует, в частности, записка заместителя наркома иностранных дел Литвинова, который по поручению Молотова подготовил и представил в декабре 1944 г. проект послевоенного развития отношений с Англией. По-видимому, климат союзничества, установившийся в кулуарах наркомата, благоприятствовал идеям возвращения к классической политике концерта держав, на этот раз — с участием СССР. Литвинов считал, что во избежание будущих осложнений двум европейским грандам — Великобритании и СССР — следует еще до конца войны четко разграничить «сферы безопасности» — по сути, сферы влияния.

«Единственное крупное противоречие, которое в англо-советских отношениях послевоенная эпоха унаследует от прошлого, может вытекать из соображений равновесия сил в Европе. Соглашение же осуществимо лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию. В английскую сферу, безусловно, могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция»¹⁶⁸. Принимая во внимание особый интерес британской дипломатии к Балканам, Москва стремилась поставить страны региона под контроль советского военного командования.

4.1. Зачем СССР объявил войну Болгарии

Ключевую роль в реализации этого плана играла Болгария. Не будучи в состоянии войны с Болгарией и в условиях продвижения англо-американцев по Италии и к Балканам советское правительство должно было решить сложную дипломатическую задачу — исключить Болгарию из круга стран гитлеровской «оси», подлежащих военному контролю союзников. Действовать надо было спешно, поскольку еще в феврале 1944 г. посол США Гарриман сообщил Молотову о неофициальных демаршах высокопоставленных болгарских оппозиционеров, прощупывавших через американцев возможность перехода на сторону Объединенных Наций¹⁶⁹.

Замирение Болгарии с англо-американцами шло вразрез с советскими интересами, и в Москве сочли необходимым затормозить деятельность дипломатии союзников. На запрос Гарримана (19 марта 1944 г. — в день, когда германские войска оккупировали Венгрию) о рассмотрении в ЕКК вопроса о мирных условиях для Болгарии Молотов ответил, что в Москве считают этот вопрос «неактуальным», поскольку англо-американские войска в данный момент находятся далеко от Болгарии. «Войска союзников в Италии двигаются медленно, — повторил он для усиления впечатления, — и нет никаких сведений о том, чтобы внутреннее положение в Болгарии требовало бы принятия срочных решений»¹⁷⁰.

Между тем советская дипломатия начала нажим на Болгарию. 17 апреля 1944 г. нарком иностранных дел Молотов вручил болгарскому посланнику в Москве Стаменову ноту, в которой Москва «настоятельно предлагала» правительству Болгарии «немедленно прекратить использование гитлеровской Германией болгарской территории и болгарских портов против Советского Союза»¹⁷¹. В ответной ноте 24 апреля Болгария заявила, что утверждения советской стороны о предоставлении болгарских портов и аэродромов для военных действий против СССР «не соответствуют действительности», напоминая, что присоединилась к «оси Берлин — Рим — Токио» в то время, когда сам Советский Союз был связан пактом с Германией, и тогда оба эти обязательства не противоречили «корректным, лояльным и дружественным» болгаро-советским отношениям¹⁷².

Советская сторона предложила Болгарии возобновить работу консульства СССР в Варне, закрытого по настоянию болгарского правительства осенью 1942 г., а также учредить новые консульства в портах Бургасе и Русуке, что создало бы возможность проводить проверку фактов использования Германией болгарской территории в военных целях. Однако Болгария поставила предварительным условием возобновление экономических отношений с СССР, прерванных военными действиями на Черном море. В ответной ноте 9 мая Москва расценила это условие как отказ от удовлетворения советских требований и намерение продолжать логистическую помощь Германии¹⁷³. Болгария продолжала отвечать заверениями в «желании взаимопонимания и усиления отношений доверия и дружбы между двумя странами». Только 29 июля, после успешного наступления Красной

армии в Румынии и открытия второго фронта во Франции (а не на Балканах) Болгария согласилась, со множеством оговорок, «сообразуясь с возможностями момента» и «постепенно», удовлетворять советские требования, начиная с восстановления консульства в Варне с возможным последующим распространением зоны его компетенции на Буграс и Руссук.

Правительство Болгарии опасалось германской реакции на резкую смену курса, что могло привести к осложнениям на Балканах, которые не были бы в интересах не только Болгарии, но и СССР¹⁷⁴, тем более что военное присутствие Германии в Болгарии усилилось по мере отхода фашистских войск из Румынии. Изменение военной ситуации привело к смене повестки дня советско-болгарского диалога. Красная армия приближалась к границам Болгарии, отчего вопрос о консульствах в глазах Москвы «потерял всякий смысл». Москва потребовала разрыва Болгарии с Германией. Болгарское правительство продолжало настаивать на нейтралитете, что не мешало отступавшим из Румынии фашистским войскам использовать территорию страны для перегруппировки и переброски подкреплений на германо-советский фронт. Очередная смена правительства (3 сентября Багрянова сменил Муравиев) не привела к смене курса в этом вопросе. Немцев в Софии по-прежнему боялись больше, чем Красной армии.

После безрезультатной попытки советского правительства ускорить добровольный выход Болгарии из союза с Германией¹⁷⁵ Москва предприняла решительный шаг. 5 сентября — на следующий день после известия о выходе из войны Финляндии и в то время, как румынская делегация должна была дожидаться в Москве начала переговоров о перемирии, — СССР объявил Болгарии войну. Основанием послужил тот факт, что она позволила отступающим немецким войскам создать новый очаг сопротивления на Балканах. Несмотря на более чем решительный тон, нота призвана была напомнить болгарам о симпатии России к братскому славянскому народу — скорее жертве и невольному орудью могущественной Германии, чем ее добровольному союзнику. В ноте отмечалось, что все три года войны советское правительство «считалось с тем, что маленькая страна Болгария не в состоянии сопротивляться мощным вооруженным силам Германии в такое время, когда Германия держала в своих руках почти всю Европу». Однако в изменившихся условиях, в связи с успешным наступлением антигерманской коалиции

на востоке, на западе и на юге Европы, когда она «имеет полную возможность, не опасаясь Германии, „использовать благоприятный момент” и, подобно Румынии и Финляндии, порвать с Гитлером, присоединившись к «антигитлеровской коалиции демократических стран», верность Болгарии союзу с Германией расценивалась Кремлем как «фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза»¹⁷⁶.

Вина за конфликт возлагалась на правящие круги Болгарии, которые «втянули болгарский народ в войну сначала против Англии и США, а потом и против Советского Союза, против братского русского народа, пролившего свою кровь за освобождение Болгарии». Соответствующее сообщение Информбюро Наркоминдел СССР завершалось апелляцией к болгарскому народу: «Болгарский народ должен найти в себе силы, чтобы порвать навязанный ему союз с гитлеровской Германией и восстановить независимость и национальную честь своей родины»¹⁷⁷. В ночь на 6 сентября болгарский МИД опубликовал заявление о разрыве отношений с Германией и о том, что правительство Болгарии просит СССР о перемирии, а 8 сентября заявил об объявлении войны Германии. В тот же день войска 3-го Украинского фронта под командованием Ф.И. Толбухина форсировали Дунай и вступили на территорию Болгарии.

Тем временем в Софии коммунисты организовали вооруженное восстание. Решение о его начале было принято на следующий день после объявления СССР войны Болгарии. 6 сентября Политбюро ЦК БКП призвало народ к борьбе против фашистской диктатуры и назначило выступление на 9 сентября. В ночь на 9 сентября партизанские отряды и рабочие боевые группы без сопротивления заняли важнейшие стратегические пункты в столице. Прогерманский режим был свергнут, и было сформировано правительство Отечественного фронта во главе с К. Георгиевым, а обновленный Регентский совет при малолетнем царе Борисе возглавил коммунист Тодор Павлов. Правительство Отечественного фронта¹⁷⁸ заявило о готовности воевать против Германии и обратилось к Объединенным Нациям с просьбой о перемирии. Находившиеся в Болгарии германские части с боями отступали к границам с Грецией и Югославией.

В обращении советского командования содержалось важное послание болгарам: «Красная армия вступила в Болгарию как армия-освободительница от немецкого ига»¹⁷⁹. Поскольку

болгарская армия не оказала никакого сопротивления, советская Ставка Верховного Главнокомандования приказала не разоружать ее.

Советское решение болгарского вопроса, несмотря на безусловный успех дипломатии, обеспечившей практически мирный выход Болгарии из войны, не устроил союзников. Они предпочли бы оставить за собой честь победы над Болгарией, с которой они воевали три года и уже вели переговоры о перемирии. Британский посол Керр выразил от лица своего правительства удивление, что советское правительство выбрало для объявления войны Болгарии момент, когда Болгария предпринимает попытки заключить мир с союзниками. Керру поручили узнать, «означает ли этот шаг Советского Правительства, что оно намерено прекратить переговоры о перемирии, ведущиеся в настоящее время с Болгарией, ввиду того что при теперешнем положении англичане и американцы, ведя переговоры с болгарами, нарушили бы обязательство о том, чтобы не заключать сепаратного мира с общим врагом». По сути, Лондон давал понять, что разгадал дипломатический маневр советской стороны, для которой объявление войны Болгарии практически без риска реального военного столкновения было средством принять самое активное участие в подписании мира и в оккупации балканского государства.

В результате переговоры о перемирии с Болгарией были перенесены в Москву. Они начались только 26 октября, после визита Черчилля, во время которого состоялся известный «процентный» торг британского премьера со Сталиным, который продолжили затем Молотов и Иден. Иден не скрывал: он «удручен общим положением на Балканах. Британское правительство было поставлено перед рядом свершившихся фактов, о которых оно не было уведомлено»¹⁸⁰. Речь шла в том числе и о недавнем визите признанного и «пригретого» англичанами руководителя югославских партизан И. Броза Тито в Москву без ведома британцев и его договоренностях со Сталиным относительно пребывания болгарской армии в Югославии, а также о третировании болгарскими военными английских пленных офицеров.

Капитулировав перед советскими войсками, «болгары обращались с англичанами и американцами так, как будто союзники проиграли им войну»¹⁸¹. Иден попытался отстоять англо-американские права на болгарской территории после окончания войны с Германией. Уступив

Москве право принимать переговоры о перемирии, министр иностранных дел Англии был не намерен уступить в другом существенном вопросе, потребовав участия англо-американцев в Союзной контрольной комиссии (СКК) в Болгарии, т.к. они три года воевали с этой страной. Он отстаивал американское предложение, согласно которому в Болгарии предполагалось создать такой же контрольный аппарат союзников, какой должен был существовать в Германии.

Молотов на этот счет возразил: «Сравнение с Германией непонятно, так как она будет разделена на зоны оккупации». В духе свежих процентных предложений Черчилля Молотов предложил «предоставить в Болгарии 90 % Советскому Союзу»¹⁸². Тут-то и начинается знаменитый торг Идена и Молотова, названный впоследствии «процентным соглашением», а на деле подтвердивший намерение СССР утвердить свою роль на Балканах на правах победителя, в ущерб прежде всего британским интересам. Идея определить меру влияния в процентах принадлежала Черчиллю, который изложил ее во время первой же личной встречи со Сталиным «с глазу на глаз».

В своих мемуарах Черчилль рассказал, что на первой же встрече 10 октября, когда «создалась деловая атмосфера», он набросал цифры на листке бумаги и тут же передал его Сталину. Фотокопия записки опубликована¹⁸³, и текст ее гласит: «Румыния: Россия 90 процентов, другие 10 процентов; Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов, Россия — 10 процентов; Югославия: 50:50 процентов; Венгрия: 50:50 процентов; Болгария: Россия 75 процентов, другие 25 процентов». Сталин внимательно прочел и, поставив на листе большую «птичку» синим карандашом, вернул ее Черчиллю. Для приличия премьер заметил: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». Сталин сказал: «Нет, оставьте ее себе»¹⁸⁴. Лидеры больше к этому документу не возвращались, зато в последующие дни торгом вокруг обозначенных процентов занимались Молотов и Иден. Впоследствии неофициальные итоги обсуждения содержания этой записки называли «процентным соглашением». Хотя соглашения как такового не было, записка Черчилля имела принципиальное значение. Уезжая из Москвы, британский премьер-министр имел четкое представление об

аппетитах Сталина в Восточной Европе и на Балканах и о границах возможного для реализации британских интересов. Косвенное признание в ходе советско-британского торга интересов Англии в Греции очертило границы политических преобразований в этой стране. Вместе с тем англо-американские союзники были предупреждены, что советская дипломатия намерена отныне рассматривать Румынию, Венгрию, Болгарию и Югославию в качестве сферы своих особых интересов.

Черчилль претендовал на британское первенство в Греции и Югославии в обмен на признание прав СССР в Румынии и Венгрии. За Болгарию он предполагал побороться. Игру продолжили в течение нескольких дней главы дипломатических ведомств двух держав.

По мнению Идена, события в Болгарии не должны развиваться по румынской модели, так как в Румынии британские и американские офицеры «являются лишь наблюдателями, а в Болгарии хотели бы после капитуляции Германии быть и активными участниками работы комиссии, хотя участие это будет меньше, чем у русских, т. к. в Болгарии будут находиться советские войска». Молотов заметил, что это было бы странное руководство. Позже, в той же беседе, он вернулся к вопросу руководства при участии британских и американских представителей в СКК в Болгарии: «Руководство контрольными комиссиями в Италии и Румынии принадлежит англо-американскому и соответственно Советскому командованию. Но что получится, если в случае с Болгарией будет установлен новый порядок, когда три державы будут отвечать за работу СКК? Есть опасность возникновения неразберихи и трений»¹⁸⁵.

Отстаивая свои права в Болгарии, Иден ссылаясь на их вклад в борьбу против прогитлеровского режима: «Англия и США воевали с Болгарией в течение трех лет, болгары плохо обращались с американскими пленными. Россия воевала с Болгарией лишь 48 часов». Молотов обосновал советские претензии: «Болгария, помогая немцам, причинила СССР больше ущерба, чем какой-либо другой стране». Оставив торг, Иден перевел разговор на Югославию, но Молотов просил срочно, в течение 24 часов, решить вопрос о Болгарии¹⁸⁶.

На следующий день, 11 октября 1944 г., Иден продолжил переговоры, изначально согласившись с советским руководством СКК в Болгарии в «первой фазе», т. е. пока идет война. Он сказал, что Лондон не рассчитывает на активное уча-

стие в работе СКК (по предложению Идена ее можно было бы именовать не Союзной, а Советской с участием представителей Англии и США) в первый период. Но во втором периоде, после капитуляции Германии, они хотели бы играть более активную роль¹⁸⁷, что было зафиксировано в американском варианте ст. 18 проекта Соглашения о перемирии. Для содействия военной операции союзников Иден предложил опубликовать предъявление Болгарии требований об отводе войск из Греции, против чего Молотов не возражал. Вскоре (16 октября) Иден сообщил Молотову о взятии английским десантом Афин¹⁸⁸.

Вопрос о руководстве СКК в Болгарии был разрешен на основе компромисса. Молотов подтвердил, что «в отношении периода до поражения Германии нет разногласий, о большем участии британского и американского представителей в работе СКК во втором периоде достигнуто согласие». Но для Москвы оставался важным вопрос о руководстве комиссией: Молотов предложил, чтобы в ст. 18 слова «под председательством советского представителя» были заменены словами «под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования»¹⁸⁹. Это означало, что союзники предоставляли право советскому представителю действовать от имени Объединенных Наций, а не просто соглашались с его ролью председателя Комиссии.

Для СССР это был не только вопрос престижа, но и политический вопрос. Роль коммунистов в свержении профашистского режима и в новом правительстве Отечественного фронта позволяла надеяться на скорейшее превращение Болгарии не просто в дружественную страну, но и в идейно-политического союзника Москвы. Поскольку главным дипломатическим аргументом на тот момент была мощь советской армии, ей удалось отстоять свои prerogatives в болгарском урегулировании. Опираясь на это преимущество, советская дипломатия стремилась снизить издержки перемирия для новой болгарской власти. Союзники требовали изъятия болгарских зарубежных активов в качестве возмещения военного ущерба. СССР в таком случае ничего не выигрывал, поскольку Болгария не воевала против него.

Молотову пришлось напомнить, что в соглашениях с Румынией и Финляндией (которые нанесли большой ущерб СССР) соответствующих пунктов не было. Сославшись на Сталина, Молотов настаивал: «...было бы неправильно требовать от Болгарии то, что мы не требовали

от Румынии и Финляндии. Тут речь идет о принципе. Мы не можем ставить Болгарию в худшее положение, чем Румынию и Финляндию. Болгария не вводила своих войск ни на территорию Англии, ни на территорию США, ни на территорию СССР, в то время как Румыния и Финляндия занимали советскую территорию и нанесли нам значительный ущерб»¹⁹⁰. На том же основании, но главное — не желая допускать в Болгарию англо-американские войска, советские переговорщики отклонили предложенный проектом союзников пункт об оккупации Болгарии.

Принимая во внимание, что в стране утвердилась власть правительства Отечественного фронта, принципиально отличного от прежних — союзников Гитлера, — СССР не был согласен на жесткие условия, выдвинутые Великобританией и США. Болгария, по сути, не вела войны против СССР, но предложенный союзниками пункт об оккупации ее территории войсками Объединенных Наций предполагал применить к ней санкции более жесткие, чем к Финляндии и Румынии — убежденным противникам СССР в войне, причинившим стране большие потери. Главная причина такого заступничества — идейное родство с новыми болгарскими властями. Еще в апреле 1944 г. Молотов говорил югославскому коммунисту Джиласу, что Болгария, захватившая во время войны часть Югославии, является другом врагов СССР, а Югославия — союзницей СССР. Но в Болгарии «коммунисты не могут отвечать за болгарское правительство»¹⁹¹.

Спорным был также вопрос о том, кто будет подписывать перемирие от имени союзников. В двух предыдущих случаях это право предоставлялось советским представителям, они же стояли во главе Союзной контрольной комиссии. В случае с Болгарией ангосаксы настаивали на том, чтобы перемирие от союзных держав подписал Верховный командующий союзными войсками на Средиземноморском театре генерал Г. Вильсон. Молотов согласился далеко не сразу, в обмен на признание своего первенства в Болгарии, и преподнес свое согласие как серьезную уступку. При этом нарком представил весьма изощренную аргументацию: «...надо учитывать опасность, что если условия перемирия будут подписаны маршалом Толбухиным и генералом Вильсоном (командующим на Средиземном море), то это даст болгарам повод думать, что Болгария является черноморской и средиземноморской державой. У Болгарии может разыгаться воображение»¹⁹².

В итоге перемирие было доверено подписать командующему 3-м Украинским фронтом маршалу Ф. И. Толбухину и представителю Верховного командующего союзников в Средиземноморье, английскому генералу Д. Гаммелю. Толбухин был также назначен председателем СКК в Болгарии. Переговоры с делегацией из Софии начались 26 октября. Уже через два дня, 28 октября 1944 г., в Москве представителями советского Верховного Главнокомандования, Верховного командующего союзников в средиземноморском районе и правительства Отечественного фронта Болгарии было подписано Соглашение о перемирии, условия которого в целом совпадали с условиями аналогичного соглашения с Румынией. Советский Союз поставил Болгарию под свой военный и политический контроль. Болгарская армия обязалась участвовать в борьбе против Германии под руководством Советского Главнокомандования. Были предусмотрены:

- свободное передвижение войск союзников (фактически — одних советских войск) по территории страны;
- роспуск всех фашистских и профашистских организаций и недопущение впредь их существования;
- возврат имущества Объединенных Наций и возможность последующей выплаты репараций за понесенные ими военные расходы;
- передача в качестве трофеев союзному (фактически советскому) командованию всего военного имущества Германии и ее сателлитов, включая их суда, находившиеся в болгарских портах¹⁹³.

Работа контрольной комиссии была подчинена советским интересам и направлена на нейтрализацию представителей англо-американских союзников. Иден уже в декабре 1944 г. в послании Молотову жаловался на ограничения и препятствия, чинимые советскими военными властями в Болгарии работе Британской военной миссии. В частности, на неоговоренное ранее требование советского представителя генерала Бирюзова ограничить численность британского и американского представительств в СКК одиннадцатью офицерами с каждой стороны¹⁹⁴. Молотов в этой связи вынужден был напомнить, что Болгария не является страной «безоговорочно капитулировавшей». Нарком напомнил, что в соответствии со ст. 18 Соглашения о перемирии с Болгарией, до окончания военных действий с Германией СКК должна на-

ходиться под руководством Союзного (Советского) Главнокомандования. Следовательно, вся работа СКК «осуществляется и направляется советской частью комиссии», и так уже достаточно многочисленной.

Опыт работы СКК в Финляндии, Румынии и Болгарии показал, что для работы СКК достаточно 200–220 человек, СССР установил штат своих представителей, сотрудников и обслуживающего персонала в 200 человек, которым были доверены все вопросы управления. У представителей же союзников задачи в основном информационные. США установили штат в 42 человека, а Лондон наметил штат в 168 человек, который нарком назвал «*весьма преувеличенным*». Молотов выразил надежду, что британское правительство «даст указания о сокращении этого штата до пределов, предложенных Председателем СКК»¹⁹⁵. Советские планы управления Болгарией не предполагали наличия в стране значительного англо-американского персонала.

На Балканах советские геополитические интересы еще до конца войны были обеспечены пребыванием советских войск в Болгарии и военно-политическим братством с югославским сопротивлением под руководством коммуниста Тито. В то же время, как было сказано выше, советское руководство не считало возможным развить успех в Греции, оставив ее зоной британских интересов.

4.2. Коммунистический тандем и вопрос о судьбе монархии в Югославии

Выход Болгарии из войны и вступление Красной армии на ее территорию способствовали продвижению советских интересов на Балканах, открывая перспективы военного и политического содружества с Югославией. Главным протагонистом такого сотрудничества был глава вооруженного антигерманского сопротивления Югославии, коммунист И. Броз Тито. У него было тем больше оснований полагаться на Москву, что он стремился противодействовать политике Черчилля, направленной на скорейшее восстановление прав югославского короля Петра, укрывшегося в Лондоне.

Между тем 29 ноября 1943 г. Антифашистское вече народного освобождения Югославии провозгласило себя верховным органом, совмещающим законодательную и исполнительную власть, в тот же день запретив молодому королю Петру, жившему в эмиграции в Лондоне,

возвращаться в Югославию до конца войны. Было постановлено, что после войны вопрос о форме правления в стране будет решен всеобщим плебисцитом. Тогда же был образован Национальный комитет освобождения Югославии во главе с И. Брозом Тито с функциями временного правительства.

То обстоятельство, что королевское правительство Югославии, подобно многим другим изгнанникам, нашло убежище в Лондоне, казалось Черчиллю очевидным основанием для активного участия в политическом урегулировании и в дальнейшем — реализации британских интересов в Югославии. В то же время Черчилль видел, что сила и авторитет на территории Югославии по мере разрастания вооруженного сопротивления переходят в руки коммуниста Броза Тито. Британский премьер инициировал посреднический диалог, целью которого был поиск договоренностей между Тито и королем Петром II, не забывая подробно информировать о его ходе своих советских коллег. По его совету молодой король стремился продемонстрировать максимум уважения и симпатии к Советскому Союзу. Направленное в Москву официальное сообщение о своем бракосочетании с Александрой Греческой он начал обращением: «Дорогие и Великие друзья»¹⁹⁶.

Внутреннее сопротивление в Югославии и лично Тито были заинтересованы в отстранении короля и его политического окружения от решения югославских дел в период освобождения и продолжали все более тесно контактировать с Москвой. По инициативе оказавшихся в СССР солдат и офицеров югославской армии — перебежчиков и пленных, принудительно мобилизованных немцами на советско-германский фронт, — на территории СССР была сформирована югославская воинская часть для вооруженной борьбы против гитлеровской Германии. 16 февраля 1944 г. Броз Тито направил в ее адрес полное энтузиазма приветствие, в котором подчеркивалась глубокая симпатия руководителей антифашистской борьбы в Югославии к Советскому Союзу.

В приветствии говорилось: «Вы — первый вооруженный отряд наших народов, который борется за свободу своей родины на советской земле рядом с Красной армией. Расскажите советским народам и их героической армии, как велика наша любовь к ним, как благодарны мы Красной армии за ее авангардную роль в освобождении поработченных стран»¹⁹⁷. Вскоре СССР обменялся с Главным командованием

Народно-освободительной армии Югославии военными миссиями. 5 марта 1944 г. советская миссия во главе с генерал-лейтенантом Корневым прибыла в Югославию, к маршалу Тито¹⁹⁸.

12 апреля в Москву прибыла военная миссия НКОЮ во главе с генерал-лейтенантом В. Терзичем. В составе миссии был коммунист генерал Джилас¹⁹⁹.

Из Югославии прибыли не просто союзники, а товарищи. На встрече с Молотовым Джилас подчеркнул: «У нас нет никаких секретов от Красной армии» — и попросил содействовать в установлении прямой радиосвязи миссии со штабом Тито с возможностью пользоваться позывными и шифрами, предоставленными советским командованием²⁰⁰. Тон бесед Молотова с Джиласом был прямым и откровенным. Молотов повторил обещание Сталина, что без Тито македонский вопрос решаться не будет. Когда речь зашла о политическом и общественном устройстве Югославии после освобождения, нарком напомнил: «Сталин (тогда) написал Тито, что мы против советизации Югославии». Джилас согласился: «Ставить сейчас вопрос о советах было бы авантюрой». Он высказался за создание демократической республики, но «не французского, а монгольского типа: промышленные предприятия надо будет отобрать у тех, кто предал народ»²⁰¹. 19 мая Терзича и Джиласа принял Сталин²⁰². СССР начал оказывать Тито военную помощь и политическую и дипломатическую поддержку.

Параллельно Черчилль продолжал информировать Москву о своих демаршах по обустройству политического будущего Югославии, побуждая советскую дипломатию способствовать объединению всех антигерманских сил. 25 февраля Черчилль писал Тито: «Можете ли вы меня заверить, что если король Петр освободится от Михайловича [военного министра] и других плохих советников, он будет приглашен Вами присоединиться к его соотечественникам на поле боя, при условии, что югославские граждане будут свободны решить вопрос о своей собственной конституции после войны? Если я правильно сужу об этом мальчике, то у него нет более искреннего желания, чем находиться подле всех тех югославов, которые борются против общего врага, но <...> я не могу настаивать на <...> свержении его правительства <...> до того, как я буду знать, может ли он рассчитывать на Вашу поддержку». В заключение Черчилль просил Тито снизить требования к королю²⁰³. В ответе от 27 марта Тито отказал-

ся пойти навстречу желанию короля: «Король лишён возможности возвратиться в Ю[гославию] до конца войны, когда всеобщим плебисцитом будет решён вопрос о форме правления в стране»²⁰⁴.

Для преодоления враждебности сторонников Тито к королю Черчилль посоветовал тому «организовать небольшое правительство <...> из людей, <...> еще поддерживающих честные отношения с сербским народом». «Я рекомендовал королю вести себя тихо. Моя переписка с Тито весьма приятна»²⁰⁵, — добавил британский премьер в заключении. Черчилль дал понять, что в вооруженной борьбе с немцами намерен полагаться на Тито, ведь «именно он в Югославии борется с Германией». Ответ Молотова был сдержанным. Нарком явно не очень верил в целесообразность договоренностей тогдашнего королевского правительства с Тито и не стремился к интенсивному диалогу с британским премьером по югославскому вопросу. Ему не импонировало стремление британцев подключить к нему малоинтересного Москве короля Петра, в окружении которого были реакционеры типа Михайловича. Кроме того, в глазах Сталина решающим стал прямой диалог с Тито. Молотов писал: «...трудно из Москвы судить о том, что могут дать переговоры с королем Петром, который связан с генералом Михайловичем, давно уже полностью дискредитировавшим себя. Изменения в Югославском Правительстве, если они не будут пользоваться соответствующей поддержкой маршала Тито и Народно-Освободительной Армии Югославии, вряд ли могут принести какую-нибудь пользу. <...> Соглашение с маршалом Тито было бы действительно в интересах союзников»²⁰⁶.

Советский Союз усилил политическое и военное содействие Тито. В мае 1944 г. немецкий десант в районе Дрвара пытался захватить руководство НКОЮ и Верховный штаб народной армии Югославии. На выручку срочно были отправлены советские самолеты, которым удалось спасти Тито и всё руководство Народно-освободительной армии Югославии²⁰⁷. 16 июня 1944 г. было заключено соглашение между королевским правительством и Тито. Шубашич — новый премьер-министр королевского правительства — сообщил в обращении к Молотову 9 июля 1944 г., что создал коалиционное правительство с включением представителей национально-освободительного движения, и предложил перевести советского посла при югославском правительстве из Каира в Лондон, а также назначить

югославского посла в Москве «для скорейшего возобновления взаимного сотрудничества»²⁰⁸.

Это обращение поддержал британский посол Керр. Вначале Молотов ответил уклончиво. В своем послании Шубашичу от 15 июня он использовал сослагательное наклонение: «Советское правительство приветствовало бы объединение всех сил, борющихся в Югославии против гитлеровской Германии, против ее ставленников <...> — Недича, Павелича, Михайловича». Но в то же время он написал, что вопрос об обмене послами с югославским правительством в Лондоне «целесообразно было бы рассмотреть позднее»²⁰⁹. Однако уже 19 июня, после получения реакции Тито на соглашение в Югославии, в ответ на повторный запрос Шубашича и Керра нарком дал положительный ответ и согласился лично встретиться с Шубашичем²¹⁰. Соответствующее письмо на имя Тито было написано еще 5 июля, но передано Корнеевым только 17 июля. В письме говорилось: «Мы сделаем все, чтобы соглашение провести в жизнь» и избежать гражданской войны в Югославии. В то же время он давал понять, сколь различны интересы двух партий компромисса — королевской, опирающейся на британцев, и коммунистов, контролировавших Народно-освободительную армию и полагающихся на помощь СССР.

Тито предупреждал: «Мы будем твердо защищать те достижения, которые наш народ завоевал столь большими жертвами <...> Мы придаем большое значение приближению Красной армии к Балканам, т.к. это означало бы предотвращение осуществления этих, для нас роковых, планов». Под роковыми планами подразумевалось восстановление в Югославии довоенного политического и социального строя. Тито писал: «...если бы союзники высадились на Балканах, они бы поставили этот вопрос острее» — и подчеркнул, что англичане хотят воспрепятствовать созданию демократической федеративной Югославии²¹¹.

В сентябре 1944 г., пройдя через Румынию и Болгарию, Красная армия приблизилась к границам Югославии. 21 сентября Тито прилетел в Москву, чтобы договориться о военном взаимодействии. Незадолго до этого был опубликован указ о его награждении высшей советской полководческой наградой — орденом Суворова I степени²¹². У хорвата Тито были непростые отношения с сербами, поддерживавшими короля Петра. Поэтому он просил советское правительство, «чтобы войска Красной

армии перешли границу в Восточной Сербии и оказали помощь нашим силам в освобождении Сербии и Белграда»²¹³.

Красная армия вступила на территорию Югославии в конце сентября. Чтобы не осложнять внутреннее положение в югославском сопротивлении, официально это было представлено как инициатива советского командования, которому требовался плацдарм на югославо-венгерской границе для борьбы против германских и венгерских войск в Венгрии. В соответствующем сообщении ТАСС от 29 сентября 1944 г. говорилось, что советское командование обратилось к НКОЮ и командованию югославской народно-освободительной армии с просьбой дать согласие на временное вступление Красной армии на югославскую территорию, граничащую с Венгрией. Югославская сторона согласилась при условии, что «на территории расположения частей Красной армии будет действовать гражданская администрация НКОЮ»²¹⁴.

Продвижение Красной армии в Болгарии и Югославии было ударом по балканской стратегии Черчилля²¹⁵. 9 октября британский премьер-министр в сопровождении министра иностранных дел Идена прилетел в Москву. Одной из целей их визита было обсуждение ситуации на Балканах, которые британцы не хотели бы выпустить из сферы своего влияния. Иден сказал Молотову, что «удручен общим положением на Балканах. Британское правительство было поставлено перед рядом свершившихся фактов, о которых оно не было уведомлено». Одной из претензий Лондона к Москве был визит Тито к Сталину. «Несколько месяцев назад Тито нашел убежище на острове Вис под охраной британцев, — пояснил Иден. — Британское правительство вооружало Тито и спасло его от гибели. Но тот, не уведомив Лондон, поехал в Москву и заключил соглашение о болгарских войсках в Югославии»²¹⁶, в то время как британцы не хотели бы, чтобы подобные решения принимались без их ведома.

Через несколько дней, добившись признания советских интересов в Болгарии, Молотов изложил суть соответствующих договоренностей Сталина и Тито. Сославшись на соглашение с союзниками о том, что болгарские войска не могут находиться на территории Югославии без визы советского командования и маршала Тито, нарком заявил: «Такое согласие имеется. Это тем более выгодно потому, что это вредно немцам»²¹⁷.

Между советской и британской дипломатиями начался активный торг за влияние на дела в балканских государствах, включая Югославию, на завершающем этапе войны²¹⁸. «Процентный» торг был описан выше. Из предыдущей переписки Черчилля с Молотовым и Тито можно понять, что договорённость о процентном соотношении интересов была нужна британскому премьеру как заявка на участие в политическом урегулировании в Югославии в период освобождения. Лондон отстаивал интересы королевского правительства, надеясь обеспечить тому политическую роль и место в Югославии в период освобождения.

Молотов сначала предложил поделить влияние в Югославии, так же как в Болгарии и Венгрии, в соотношении 75:25. Иден настаивал на равном влиянии, т. к. «Англия очень много помогала Тито». Торгуясь, Молотов предложил для Югославии 60:40 плюс обещание СССР не вмешиваться в дела на морском побережье Югославии, но Иден оспорил уменьшение английской доли. Наконец, нарком согласился на 50:50 для Югославии, «только если для Болгарии принять соотношение 90:10. Если же для Болгарии принять 75:25, то для Югославии 40:60 плюс обещание СССР не вмешиваться в дела на морском побережье Югославии». Оставив этот торг, Иден спросил о советских планах относительно политического будущего Югославии. Он сообщил, что Британское правительство желает объединить Тито и югославское правительство в Лондоне²¹⁹. Молотов не возражал против того, чтобы Тито встретился с Шубашичем, и согласился вместе с Иденом стимулировать Тито и Шубашича к взаимному компромиссу²²⁰.

20 октября советскими и югославскими войсками был освобожден Белград. Руководство НКОЮ переехало в столицу, где 1 ноября 1944 г. Тито и Шубашичем было подписано соглашение об образовании единого югославского правительства. Вопрос о политическом развитии послевоенной Югославии был оставлен до достижения окончательной победы над Германией. 18 ноября Шубашич, совмещавший функции премьер-министра и министра иностранных дел королевского югославского правительства прибыл в Москву вместе с заместителем председателя НКОЮ Карделем²²¹. 23 ноября их принял Сталин. Он одобрил образование объединенного югославского правительства на основании соглашений, заключённых И. Брозом Тито и И. Шубашичем, считая его необходимым для «объединения всех истинно демократических

народных сил в борьбе против общего врага и в создании федеративной Югославии»²²².

По сути, в решении как болгарского, так и югославского вопросов советская дипломатия переиграла Черчилля, найдя в то же время разумный баланс между императивами военной политики, интересами позитивного диалога с союзниками и классовыми целями в продвижении советского влияния на Балканах. Взаимопонимание с союзниками стало возможным в условиях, когда не разгромлены были еще Германия и Япония и когда этот разгром и цена будущей победы зависели от степени взаимного доверия и тесного взаимодействия трех держав. Советской дипломатии удалось воспользоваться тем недолгим периодом, когда стремление к согласию преваляло над идеологическими и геополитическими разногласиями, чтобы реализовать национальные задачи в соответствии с замыслом советского руководства.

Ценой политических компромиссов были выведены из войны малые страны — союзницы Германии: Финляндия, Румыния и Болгария, — и проявленное в отношении их правительств снисхождение было призвано заложить основу будущего добрососедства. Дипломатии Кремля удалось обеспечить благоприятные условия для установления в этих странах лояльных к Советскому Союзу режимов. В Румынии и Болгарии были созданы предпосылки для последующего перехода ко второй стадии решения политического вопроса благодаря преобладанию коммунистов в коалиционных антифашистских правительствах.

Решение политической судьбы Польши и Чехословакии также осенью 1944 г. переместилось из Лондона в Москву. Ключевыми в этом были практически одновременные, но противоположные по содержанию с точки зрения взаимоотношений с Москвой Варшавское и Словацкое национальные восстания. Еще до окончания войны Москва обеспечила стратегически выгодные изменения границы с Польшей и Чехословакией. Таким образом, были заложены условия для политических преобразований в Восточной Европе, по периметру советских границ, соответствующих интересам Москвы.

Кроме того, советской дипломатии удалось настоять на своем участии в выработке схем союзного управления на западе Европы. Благодаря ее вмешательству, национальным патриотическим правительствам и силам внутреннего антигерманского сопротивления в освобождённых западными союзниками

Бельгии, Франции и Италии, было обеспечено участие в послевоенном урегулировании в ущерб англо-американскому военному командованию. Признание правительства Бадольо в Италии и советско-французский союзный договор, заключенный с де Голлем, содействовали укреплению позиций Советского Союза в качестве великой державы — одного из центров европейской политики. В то же время предписанная коммунистическим партиям этих стран Сталиным тактика единства антифашистских сил в духе демократического антифашистского фронта позволила им занять видное место в послевоенном политическом руководстве.

Советская дипломатия «переиграла» британцев на Балканах, в Болгарии и Югославии. Союзники признали также преобладание ин-

тересов СССР в Румынии и в Венгрии, освобождение которой приближалось благодаря прорыву советскими войсками венгерско-германской обороны на Балатоне. Заинтересованность англо-американских союзников в тесном военном взаимодействии с Красной армией, невозможном без преодоления дипломатических трений, стала дополнительным рычагом для обеспечения государственных стратегических интересов СССР в Европе. В то же время органически присущий советской дипломатии классовый характер сделал эти успехи залогом послевоенного идеологического и политического раскола Европы. Как и предполагали советские дипломатические планировщики, «концерт держав», в который Советский Союз вошел по праву победителя, не пережил победы над Германией.

¹ Советским послом в Лондоне и представителем в ЕКК был назначен Ф. Т. Гусев.

² Записка от 11.01.1944 (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 06. П. 14. Д. 145).

³ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 06. П. 14. Д. 145. Л. 3.

⁴ См. ниже: 4.1. Судьба Германии в проектах комиссий Литвинова и Ворошилова.

⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 06. П. 14. Д. 145. Л. 3.

⁶ АВП РФ, Ф. 05. Оп. 06. П. 14. Д. 145. Л. 37.

⁷ См.: Личный переводчик Сталина // Известия. 1995. 22 сентября.

⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 06. П. 14. Д. 145. Л. 39.

⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 1. Д. 9. Л. 22. Отчеркнуто Молотовым.

¹⁰ Там же. Л. 33. Послание Молотова Черчиллю от 22 апреля 1944 г. Письмо написано в связи с неблагоприятным для Англии освещением событий в Египте, где британцы должны были усмирять волнения греческих моряков на британских кораблях. Корабли были предоставлены им для участия в разгроме Италии (Германии). Но при известии об отправке греческой бригады в Италию для участия в боевых действиях, греческие экипажи восстали, отказавшись подчиниться приказам английского командования.

¹¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 06. П. 14. Д. 145. Л. 23.

¹² Там же. Л. 37.

¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 26.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143.

¹⁵ Там же. Л. 26–28.

¹⁶ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль, 1941–1945. М., 2004.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 3.

¹⁸ На это указывают нижеприведенные слова Сталина, напрямую связавшего тактический выбор с невозможностью «послать войска» в Грецию.

¹⁹ Известия. 1944. 30 марта.

²⁰ Цит. по: Наринский М. М. Тольятти, Сталин и «поворот в Салерно» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995. С. 123–132.

²¹ К такому заключению пришел М. М. Наринский. См.: Наринский М. М. Тольятти, Сталин и «поворот в Салерно».

²² Записка от 04.09.44 (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141).

²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 79–80.

²⁴ Там же. Д. 147. Л. 55.

²⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: В 3 т. М., 1944–1947. Т. 2. С. 137.

²⁶ Там же. С. 280.

²⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 445.

²⁸ Национально-освободительный фронт (ЭАМ — греч.) создан 27 сентября 1941 г. для борьбы против германских, итальянских и болгарских оккупантов после оккупации Греции Германией (6 апреля 1941 г.). В ЭАМ вошли Коммунистическая,

Аграрная и Социалистическая партии, Союз народных демократов, профсоюзные и молодежные антифашистские организации. В декабре 1941 г. руководство ЭАМ приняло решение о создании повстанческой армии — Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС).

²⁹ Цит. по: Смирнов В. П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 255.

³⁰ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 16. Д. 157. Л. 1, 3.

³¹ Там же. Л. 7.

³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 150. Л. 506.

³³ Там же. П. 16. Д. 157. Л. 8.

³⁴ Там же. П. 15. Д. 150. Л. 8. Проект см.: Приложение № 16, 1 марта 1944. Л. 478.

³⁵ С осени 1942 г. де Голль неоднократно запрашивал советскую сторону о возможности своего визита в Москву.

³⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Курсив мой. — Е. О.

³⁷ Там же. Л. 9. Курсив мой. — Е. О.

³⁸ АВП РФ. Там же. Д. 146. Л. 29.

³⁹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1959. С. 247–250.

⁴⁰ Там же. С. 527. Соответствующее Соглашение СССР с правительством Чехословакии было подписано 8 мая 1944 г. в Лондоне.

⁴¹ Наринский М. М. Сталин и Торез, 1944–1947: Новые материалы // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 20–21.

⁴² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 274.

⁴³ Там же. С. 299.

⁴⁴ Там же. Т. 2. С. 320.

⁴⁵ Суту Ж.-А. Договор 1944 года и его значение для французской дипломатии // Россия — Франция: 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 264.

⁴⁶ Договор о союзе и взаимопомощи между СССР и Францией // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 326–330.

⁴⁷ Vaisse M. La Grandeur. Paris, 1998. P. 25.

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 06. П. 14. Д. 145. Л. 13.

⁴⁹ Там же. Л. 14.

⁵⁰ Согласно Мюнхенским соглашениям 1938 г. от Чехословакии была отторгнута Судетская область в пользу Германии, а Польша, воспользовавшись моментом, захватила Тешинскую область. По решению Венского арбитража 1939 г. Венгрия получила часть Словакии и Закарпатье. В марте 1939 г., с началом германской оккупации Чехословакии, Гитлер содействовал провозглашению «Независимого Словацкого государства» во главе с католическим епископом Йозефом Тисо, который обеспечивал военные и экономические интересы Рейха, не нуждаясь в оккупационном режиме. В Чехии был образован Протекторат Богемии и Моравии под руководством германского протектора.

⁵¹ Подписан в Москве 12 декабря 1943 г. Следует заметить, что У. Черчилль был первоначально противником договора, стремясь обеспечить британские позиции в послевоенной ЦВЕ (особенно в Польше и Чехословакии, эмигрантские правительства которых находились в Лондоне).

⁵² Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. М., 1960. С. 212 (№ 116).

⁵³ Молотов рассказал о разговоре с Бенешем руководителю югославской военной миссии связи, коммунисту Джиласу (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 799. Л. 30. 24 апреля 1944; курсив мой. — Е. О.).

⁵⁴ По соглашению, подписанному 18 июля 1941 г. в Великобритании советским послом И. М. Майским и министром иностранных дел эмигрантского правительства в Лондоне Я. Масариком. Чехословацкий корпус в составе четырех бригад осенью 1944 г. подчинялся командующему 1-го Украинского фронта маршалу Коневу.

⁵⁵ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 111 (Док. № 2: Записка комиссара госбезопасности Г. С. Жукова И. В. Сталину о беседе с чехословацкими военными представителями по вопросу о помощи СССР в случае вооруженного восстания в Словакии, 01.03.1944).

⁵⁶ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. С. 110 (Док. № 1: Записка комиссара госбезопасности Г. С. Жукова И. В. Сталину с сообщением о готовящейся оккупации Словакии, 07.12.1943).

⁵⁷ Марьина В. В. Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 101–102.

⁵⁸ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны. С. 148.

⁵⁹ Жуков Г. С. — комиссар государственной безопасности, уполномоченный СНК СССР по делам иностранных военных формирований на советской территории.

⁶⁰ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. С. 104.

⁶¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 355.

⁶² Там же. С. 116–125.

⁶³ Телеграмма В. Лебедева в Народный комиссариат иностранных дел от 24.02.1944 // Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны. С. 154.

- ⁶⁴ О советско-чехословацком соглашении на случай вступления советских войск на территорию Чехословакии: Заявление тов. А. Я. Вышинского // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 121.
- ⁶⁵ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. С. 104.
- ⁶⁶ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. С. 113. (Док. № 2: Записка комиссара госбезопасности Г. С. Жукова И. В. Сталину о беседе с чехословацкими военными...).
- ⁶⁷ Подпольный Военный совет Словакии создан в марте 1944 г.
- ⁶⁸ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. С. 116 (Док. № 4: Записка Л. З. Мехлиса И. В. Сталину от 5 августа 1944 г.).
- ⁶⁹ Там же. С. 118 (Док. № 5).
- ⁷⁰ Там же. С. 123 (Док. № 7: Запись беседы генерал-майора Славина с К. Шмитке [Шмидке]).
- ⁷¹ Там же. С. 120 (примеч. 71).
- ⁷² Там же. С. 119. Курсив мой. — Е. О.
- ⁷³ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: В. 2 кн. М., 1978. Кн. 2. С. 328.
- ⁷⁴ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. Док. № 10.
- ⁷⁵ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны. С. 183–186 (№ 96).
- ⁷⁶ Там же. С. 201 (№ 107).
- ⁷⁷ Там же. С. 203 (№ 109).
- ⁷⁸ Там же. С. 205 (№ 110).
- ⁷⁹ Там же. № 111.
- ⁸⁰ Там же. № 112, 113.
- ⁸¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 66. Выделено Молотовым.
- ⁸² Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной. С. 215–217 (№ 118). Курсив мой. — Е. О.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. С. 221 (№ 122: Послание Председателя Совета народных комиссаров СССР Президенту Чехословацкой республики). Курсив мой. — Е. О.
- ⁸⁵ Там же. С. 225 (№ 123).
- ⁸⁶ Там же. № 125, 126.
- ⁸⁷ Цит. по: Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е. Я. Трояновская. М., 1990. С. 257.
- ⁸⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 5–6.
- ⁸⁹ Советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве на 20 лет подписан в Москве 12 декабря 1943 г. с чехословацким эмигрантским правительством Бенеша.
- ⁹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 5.
- ⁹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 607. Л. 22.
- ⁹² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 33 (№ 19).
- ⁹³ Цит. по: Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 144–145.
- ⁹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 05. П. 27. Д. 309. Л. 11–15.
- ⁹⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 212–213 (№ 256).
- ⁹⁶ Там же. С. 213–215 № 257). Курсив мой. — Е. О.
- ⁹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 14.
- ⁹⁸ Компартия Польши решением Коминтерна была распущена еще в 1938 г. по ложному обвинению в провокации ее руководителей, которые были репрессированы в СССР. Сохранившиеся в подполье ее организации и группы были объединены 5 января 1942 г. в Польскую рабочую партию (ППР). В январе она призвала к созданию широкого национального фронта против оккупантов. В 1942 г. ею была создана вооруженная организация Гвардия Людова.
- ⁹⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 154–155.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 155.
- ¹⁰¹ НКВД и польское подполье, 1944–1945: (По «особым папкам» Сталина). М., 1994.
- ¹⁰² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 49. Д. 667. Л. 8.
- ¹⁰³ Там же. Д. 608. Л. 81.
- ¹⁰⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 164, 165, 167.
- ¹⁰⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 06. П. 14. Д. 145. Л. 37.
- ¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 32.
- ¹⁰⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 162.

- 108 Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. С. 156.
- 109 Русский архив. Великая Отечественная война и Польша, 1941–1945: К истории военного союза: Документы и материалы. М., 1994. С. 206.
- 110 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 81.
- 111 Там же. Д. 550. Л. 7.
- 112 Frerejean A. Churchill et Staline. Paris, 2013. Chap. 13: Meurtre a Varsovie. P. 299.
- 113 Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб. Варшава; М., 2007. С. 742.
- 114 Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т. М., 1960–1965. Т. 4. С. 233.
- 115 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 42. Д. 550. Л. 26.
- 116 Там же. П. 46. Д. 608. Л. 81.
- 117 Там же. Л. 101.
- 118 Там же. П. 23. Д. 242. Л. 18. Курсив мой. — Е. О.
- 119 Там же. П. 46. Д. 608.
- 120 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 2. С. 156 (№ 223).
- 121 Сиполс В. Я. Великая победа и дипломатия, 1941–1945. — М., 2000. С. 221.
- 122 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 23. Д. 242. Л. 16.
- 123 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 164.
- 124 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 97–98.
- 125 Беседа Молотова с Гарриманом 17 августа 1944 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 23. Д. 242. Л. 16, 18).
- 126 Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. С. 145.
- 127 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 164.
- 128 Там же. С. 165.
- 129 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 214–215.
- 130 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 271–272.
- 131 Запись беседы т. Сталина с Миколайчиком 18 октября 1944 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 42. Д. 555. Л. 17–19).
- 132 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 84.
- 133 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 1. С. 287 (№ 367).
- 134 Там же. Т. 2. С. 182 (№ 256).
- 135 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 132–133.
- 136 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 55 (№ 41).
- 137 Там же. С. 68 (№ 47).
- 138 Сиполс В. Я. Великая победа и дипломатия. С. 199.
- 139 О советско-финских отношениях на пресс-конференции в Наркоминделе СССР, 22 апреля 1944 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 110.
- 140 Там же. С. 112.
- 141 Сиполс В. Я. Великая победа и дипломатия. С. 201.
- 142 О советско-финских отношениях. Информбюро Наркоминдела СССР, 4 сентября 1944 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 177.
- 143 О советско-финских отношениях на пресс-конференции в Наркоминделе СССР. С. 178–179.
- 144 Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 219–220 (Ст. 20–21).
- 145 Там же. С. 215–220.
- 146 Приложения к «Соглашению о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой» // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 221–228.
- 147 Заявление Советского Правительства в связи со вступлением частей Красной армии на румынскую территорию // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 105.
- 148 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 1. Д. 9. Л. 37.
- 149 Там же. Л. 48.
- 150 Там же. Л. 2.
- 151 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 132–133.

- ¹⁵² Лебедев Н. И. Падение диктатуры Антонеску. М, 1966.
- ¹⁵³ Заявление Наркоминдела СССР в связи с событиями в Румынии, 25 августа 1944 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 172.
- ¹⁵⁴ Справка об условиях перемирия с Румынией, предложенных Советским Правительством в апреле 1944 г., 27 августа 1944 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 175.
- ¹⁵⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 116.
- ¹⁵⁶ Соглашение между правительствами Советского Союза, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, и Правительством Румынии, с другой стороны, о перемирии // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 206.
- ¹⁵⁷ Беседа с Молотовым 9 октября 1944 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 38).
- ¹⁵⁸ Монархи Европы. М., 1996. С. 489.
- ¹⁵⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 64.
- ¹⁶⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141 (Комиссия Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства. Протокол заседания 08.06.44 — Л. 48–49).
- ¹⁶¹ Соглашение между правительствами Советского Союза, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, и Правительством Румынии, с другой стороны, о перемирии. С. 210.
- ¹⁶² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 15. Д. 151. Л. 15.
- ¹⁶³ Там же. П. 22. Д. 228. Л. 41. Беседа Молотова с Иденом 9 октября 1944 г. Молотов рассказал, что накануне принимал делегацию венгров, которая доставила письмо Хорти маршалу Сталину. Делегация разъяснила, что инициатива ее приезда якобы исходила от некоего подполковника Макарова, якобы (частица «якобы» употреблена наркомом повторно) действующего в составе одного из советских партизанских отрядов. Молотов заявил венграм, что ему такой полковник неизвестен и что советское правительство не давало ему никаких полномочий.
- ¹⁶⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 147.
- ¹⁶⁵ Там же. П. 22. Д. 228. Л. 53.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 41. Беседа Молотова с Иденом 10 октября 1944 г.
- ¹⁶⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 46. Д. 608. Л. 155.
- ¹⁶⁸ Там же. П. 14. Д. 143. Л. 85.
- ¹⁶⁹ Там же. П. 46. Д. 607. Л. 58.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 87.
- ¹⁷¹ К разрыву болгаро-советских отношений. Сообщение Информбюро Наркоминдела СССР // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 186.
- ¹⁷² Там же. С. 187.
- ¹⁷³ Нота Советского Правительства от 9 мая 1944 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 191.
- ¹⁷⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 197.
- ¹⁷⁵ В ноте советского правительства от 30 августа 1944 г. (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 198).
- ¹⁷⁶ Нота Советского Правительства Правительству Болгарии от 5 сентября 1944 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 182–183.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ С июля 1942 г. в Болгарии действовала организованная и боеспособная сила — подпольный Отечественный фронт в составе БКП, левого крыла Болгарского земледельческого народного союза, левых социал-демократов, политической группы военных и интеллигентов «Звено», в 1944 г. преобразованной в партию. В августе был сформирован Национальный комитет Отечественного фронта. С июля 1942 г. в Болгарии были организованы партизанские отряды — четы, а в горах были созданы крупные партизанские соединения. Всего к концу августа 1944 г. партизаны насчитывали 1 дивизию, 9 бригад, 37 отрядов и отдельные боевые группы общей численностью около 30 тыс. человек, объединенных в 12 оперативных зон во главе с подпольным Главным штабом Народно-освободительной армии. Наиболее влиятельной силой подполья были коммунисты во главе с одним из самых знаменитых антифашистов Георгием Димитровым — председателем Исполкома Коминтерна до его роспуска в 1943 г., постоянно проживавшим в СССР. Димитров получил советское гражданство в 1934 г.
- ¹⁷⁹ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. 1. М., 1976. С. 608.
- ¹⁸⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 45.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Там же. Л. 47.
- ¹⁸³ Ржешевский О. А. Операция Толстой: Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 112.
- ¹⁸⁴ Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 т. М., 1997–1998. Т. 6. С. 123–124.
- ¹⁸⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 46.

■ Том XIII. Военная дипломатия

- 186 Там же. Л. 49–51.
- 187 Там же. Л. 53.
- 188 Там же. Л. 66. 16 октября 1944 г. Молотов и Иден.
- 189 Там же. Л. 57.
- 190 Там же. Л. 62.
- 191 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 799. Л. 29.
- 192 Там же. П. 22. Д. 228. Л. 45–46.
- 193 Соглашение между правительствами Советского Союза, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, и Правительством Болгарии, с другой стороны // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 286–291.
- 194 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 1. Д. 9. Л. 80.
- 195 Там же. Л. 87.
- 196 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 57. Д. 791. Л. 12.
- 197 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 85.
- 198 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 798. Л. 10; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 90.
- 199 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 106.
- 200 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 799. Л. 6, 9.
- 201 Там же. Л. 30. 24 апреля 1944 г.
- 202 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 136.
- 203 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 1. Д. 9. Л. 10.
- 204 Там же. Выделено Молотовым.
- 205 Там же. Л. 8–9.
- 206 Там же. Л. 34. 22 апреля 1944 г.
- 207 Сиполс В. Я. Великая победа и дипломатия. С. 227.
- 208 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 57. Д. 791. Л. 16.
- 209 Там же. Л. 37. Вручено Шубашичу 16 июня на о-ве Вис.
- 210 Там же. Л. 43.
- 211 Там же. Л. 56.
- 212 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 179.
- 213 Броз Тито И. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 148.
- 214 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 236.
- 215 Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 476.
- 216 Беседа Молотова и Идена 10 октября 1944 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 40).
- 217 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 66. 16 октября 1944. Молотов и Иден.
- 218 Записи бесед Идена и Молотова 9–18 октября 1944 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228).
- 219 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 22. Д. 228. Л. 51.
- 220 Там же. Л. 53.
- 221 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 308–309.
- 222 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 796. Л. 24.

Книга тридцать девятая

**СОВЕТСКАЯ
ДИПЛОМАТИЯ:
ОТ МОСКВЫ
ДО ТЕГЕРАНА**

По пути к Тегерану: дипломатический разворот Москвы

А. Ф. Носкова*

Крупные победы Красной армии под Сталинградом на рубеже 1942–1943 гг. и на Курской дуге летом 1943 г. происходили в условиях, когда вопреки обещаниям так и не был открыт второй фронт в Европе, что кратно повышало их внешнеполитическое воздействие. Главные союзники СССР осознавали, что последствия этих побед «могут быть далеко идущими», и стремились «сверять» и соотносить собственные политические намерения с интересами и целями Москвы. Это достаточно отчетливо проявлялось на польском направлении. В антигитлеровской коалиции происходило ослабление «польских активов», мнение же Москвы в конфликтных отношениях с Польшей становилось все труднее оппонировать союзниками Польши.

На таком «фоне» состоялся визит В. Сикорского в США в ноябре 1942 — январе 1943 г. На приеме у Рузвельта обсуждались два вопроса. Во-первых, геополитические интересы Польши в восточноевропейском регионе. Сикорский излагал «старую» концепцию создания под руководством Варшавы региональной системы защиты от внешней угрозы с запада (от Германии) и с востока (от СССР). Речь шла о превращении Польши в регионального лидера с соответствующим международным статусом, в чем ее политики видели залог послевоенной безопасности страны, традиционно ориентированной на союз с западными державами. Но этот вариант геополитического переустройства на континенте не привлек внимания американского президента. Во-вторых, Сикорский рассчитывал

заручиться поддержкой Рузвельта в территориальном споре с СССР о польско-советской границе. Президента же интересовали претензии поляков на германские земли. Причем то, что излагал 10 января 1943 г. Сикорский Рузвельту (Восточная Пруссия и Гданьск — Польше), было намного скромнее того, о чем накануне шла речь на заседании польского правительства (р. Одра, включая Щецин и о-в Рюген, Ныса Лужицкая — на западе, а также Гданьск на севере и вся Восточная Пруссия на северо-востоке)¹.

Времена были другие, и США, как и Великобритания, были вынуждены учитывать позицию Москвы, которая давала понять союзникам «польского» Лондона, что советская принадлежность Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы величина неизменяемая. Поэтому в Вашингтоне порекомендовали Сикорскому согласовывать свои территориальные претензии и с Великобританией, и с СССР. Упрощая, это было предложение пойти на компромисс с Москвой. Генерал учел рекомендацию Рузвельта и заявил о намерении посетить СССР. Он, участник польско-советской войны 1920 г., конечно, осознавал внешнеполитические последствия Сталинградской битвы и стремился избежать осложнений в польско-советских отношениях. 9 февраля 1943 г. личное послание генерала Сталину было готово. 20 февраля посол Польши в СССР Т. Ромер вручил его Молотову. В этот же день в Лондоне Госсовет страны принял резолюцию, подтверждавшую «интегральность территории Польской Республики в ее границах на 1 сентября 1939 г.»².

* Альбина Федоровна Носкова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

В Москве ознакомились с посланием Сикорского. Принося «самые сердечные поздравления Главнокомандующему Советскими Вооруженными силами», генерал сожалел, что силы, которыми он командовал, принимают пока участие в борьбе с Германией «лишь на отдаленных фронтах, а не плечом к плечу с вашими войсками на восточном фронте Европы». Он выражал «большую обеспокоенность польского правительства и общественного мнения в Польше все более серьезными трудностями, встающими на пути польско-советского соглашения», подписанного в 1941 г. Виновником «серьезных трудностей» в завуалированной форме была, как принято, названа советская сторона. Премьер напоминал о праве Польши «на то, чтобы ее интересы и ее запросы были *особо принимаемы во внимание* (курсив мой. — А. Н.) в период, когда освободительная борьба вступает в решающую фазу»³. Иными словами, Москве давали понять, что на изменения довоенной восточной границы Польша не согласится.

Тем не менее на обращение Сикорского напрямую к Сталину сразу после встречи премьера с Рузвельтом отреагировали в СССР позитивно. Однако визит Сикорского в Москву не состоялся. Польская сторона повысила градус советско-польских разногласий пограничному вопросу. 25 февраля 1943 г. правительство Польши выступило с заявлением, в котором говорилось: «...в вопросе о границах между Польшей и Советской Россией сохраняется статус-кво, существовавший до 1 сентября 1939 г.»⁴ С ответом на это заявление Москва несколько «задержалась». Не менее однозначное сообщение ТАСС («Польские правящие круги ничему не научились, если они покушаются на украинские и белорусские земли и тем культивируют вражду между польским народом и народами Украины и Белоруссии») ⁵, появилось в печати 2 марта 1943 г. Оно «пропустило» вперед беседу Сталина с польским послом Ромером в ночь с 26 на 27 февраля 1943 г. Она состоялась сразу после заявления польского правительства, что было свидетельством заинтересованности Москвы в прямом контакте с представителем польского руководства.

Как следует из советской записи беседы, налицо было стремление Ромера договориться о восстановлении военного сотрудничества с СССР: прозвучало неожиданное для Москвы заявление о готовности Польши вернуть эвакуированные из СССР воинские части на советско-германский фронт. Однако Сталин этого

«не услышал». Настоятельную просьбу посла возобновить призыв в польские части Сталин поддержал. Напомнив все же об армии Андерса, он допускал создание польских полков и дивизий из добровольцев лишь в составе Красной армии, что не могло устроить правительство Польши⁶.

Последовало иное предложение посла: заполнить существующую «пустоту» в боевом сотрудничестве двух членов антигитлеровской коалиции диверсионной деятельностью польских подпольных военных организаций в качестве помощи советским войскам, сражающимся с вермахтом. Был предложен план одновременного подрыва подпольщиками Армии Крайовой «железнодорожных путей, идущих через Польшу на советско-германский фронт, ориентировочно намеченный на начало марта». Этим Сталину давали понять, сколь серьезными силами располагает польское подполье⁷. Подчеркнув, что выполняет поручение Сикорского, посол спрашивал Сталина, «как он смотрит на то, чтобы эта операция была *дополнена* (курсив мой. — А. Н.) одновременными действиями советских партизан против германских коммуникаций на оккупированной немцами территории СССР»⁸.

Польское предложение можно было истолковать как попытку ввести в отношения с СССР внутренний фактор, сделать командование АК партнером командования Красной армии и активным элементом польской политики, призванным восстановить военное взаимодействие с СССР, обозначив тем самым присутствие Польши на советско-германском фронте. Сталин подошел к вопросу осторожно. Отсутствие на советско-германском фронте воинских формирований, подчиненных правительству Польши, давало советской стороне больше свободы при обсуждении польских дел с союзниками. Поэтому, отвечая на прямой вопрос посла об установлении контакта «между военными властями Польши и СССР для содействия осуществлению задуманного поляками плана», Сталин, сославшись на жестокие гитлеровские репрессии в Польше, «снизил» уровень военного сотрудничества, предложив «установить контакт между русско-украинскими и польскими партизанами». Он говорил о готовности в таком случае помогать отрядам АК так, как это делается для советских партизан: на организованные партизанами аэродромы транспортными самолетами перебрасываются оружие, боеприпасы, кадры и вывозятся раненые. Ромер предложения не принял, сославшись на то, что Польша находит-

ся «под тщательным наблюдением германских войск... невозможно организовать тайные аэродромы и осуществлять связь при помощи самолетов»⁹. «Партизанский» вопрос дальнейшего развития не получил.

Таким образом, обсуждение проблемы установления военно-оперативного взаимодействия СССР с Армией Крайовой окончилось безрезультатно. Сталин не оставил Польше шанса ввести в непростые межгосударственные отношения этот дополнительный фактор, сыгравший в будущем роль антисоветской силы.

Ромер попытался поставить и проблему польско-советской границы и связанный с ней вопрос гражданства жителей «восточных кресов». Мнения сторон здесь не совпадали, собеседники были категоричны и не склонны к поиску компромиссных вариантов. Коснувшись заданного послом вопроса о будущей власти в Польше, Сталин говорил о праве польского правительства на власть в освобожденной Польше: «Советские войска... дойдут до Польши, освободят Польшу от немцев и отдадут ее польскому правительству...»¹⁰ Понятно, что другого польского правительства, кроме «лондонского», не было. В таком ключе советский руководитель размышлял последний раз.

В целом беседа Сталина и Ромера имела позитивную тональность. Стороны демонстрировали поиск «точек» взаимодействия. Москва не закрывала возможности диалога («нужно покончить с крайностями»). Видимо, и Сикорский, обращаясь к Сталину, рассчитывал на сохранение в отношениях с СССР поиска решений ценой небольших уступок. Хотя налицо были пределы компромисса, Ромер предложил продолжить переговоры. Сталин не возражал. Собеседники условились, что местом переговоров будет Москва и советскую сторону будет представлять В. М. Молотов. Докладывая в Лондон министру иностранных дел Польши Э. Рачиньскому о состоявшейся встрече с советским лидером, Ромер так определил позицию Сталина и Молотова: «Они не избегают бесед с нами, разрыва отношений не хотят, на него не рассчитывают и хотели бы договоренностей без посредников»¹¹.

Состоянием отношений между Москвой и «польским» Лондоном было весьма озабочено английское правительство. Накануне отъезда Э. Идена в Вашингтон, где он находился с 12 по 30 марта 1943 г., министр посетил И. М. Майского, по словам которого, произошел «любопытный разговор». Он любопытен и одновременно

важен тем, что обсуждался значительный круг международных проблем. Советский посол, оценивая политику Польши, высказывал «только личное мнение» и «в абсолютно частном порядке», но излагал принципиальные позиции руководства страны по коренным вопросам советско-польских отношений.

Не менее важно другое обстоятельство. Иден уведомил Майского, что направляется в США, чтобы «иметь общее представление о том, что думают американцы по ряду интересующих нас [Великобританию и СССР] проблем... Не больше». Первая проблема — Германия, вторая — Польша. «Каково ее будущее?» «Что с ней делать?». Соглашаясь на «линию Керзона», Иден был озабочен судьбой Львова. На что Майский заявил: «...принимаем линию Керзона „в общем и целом“... Можно будет договориться», но Львов не отдадим. Иден сожалел, «...что в последнее время наблюдается обострение отношений», жаловался на поляков: мы [английское правительство], со своей стороны, всячески противодействуем нынешним тенденциям поль[ского] пра[вительства]... Но влиять на него не легко». «Мы, отвечал Майский, стоим за независимую и свободную Польшу, но в ее этнографических границах. Такой Польше мы охотно поможем...» Посол продолжал рассуждать: «Вся беда, однако, в том, что лондонское поль[ское] пра[вительство] думает совсем о другом... Оно полно империалистических устремлений!.. Это, впрочем, в духе всей польской истории. Поляки никогда не могли создать прочного, систематически растущего государства... Сущность государственной мудрости состоит в том, чтобы ставить себе в политике цели, совместимые с имеющимися в твоём распоряжении силами и средствами. Поляки никогда не поступали в соответствии с этим принципом». Майский подчеркивал, что правительство Польши этого не понимает, «иначе оно не вело бы такой нелепой линии. Ведь совершенно очевидно, что в результате войны СССР станет решающей силой в восточной Европе, — какой же смысл поль[скому] пра[вительству] ссориться с СССР? Тем более что есть полная возможность не ссориться». Иден поддержал: «В ваших словах много правильного»¹².

10 марта 1943 г. Майский имел еще один, «предотъездный» разговор с Иденом и в тот же день информировал НКВД: «Иден просил передать Советскому правительству, что целью его поездки в США является лишь выяснить точку зрения американцев по целому ряду стоящих

на очереди вопросов, в частности послевоенного устройства Европы, Германии, Польши и т.д., но что никаких связывающих обещаний он давать там не собирается». И далее: «Иден прямо не сказал, что он в Америке произведет необходимый зондаж по различным, интересующим *три державы* вопросам и после этого вступит в контакт с нами». Майский понял, что Иден видит одну из главных своих задач в том, чтобы «разъяснить американцам, как важно активное участие СССР, *на правах абсолютного равенства* (курсив мой. — А. Н.), в разрешении всех послевоенных проблем»¹³. Эта чрезвычайной важности информация свидетельствовала: СССР является столь значимым партнером для Великобритании, что она готова к признанию равенства советского представителя в «Большой тройке» и, несомненно, уважению послевоенных интересов СССР. Это позволяло Москве сомневаться, что поддержка англичанами поляков в их конфликте с СССР будет устойчивой.

В середине марта 1943 г. Черчилль получил от Идена первые итоги переговоров в США: Рузвельт не предвидит серьезных трудностей в польском вопросе, и, если полякам отдать Восточную Пруссию и часть Силезии, можно получить их согласие на «линию Керзона». Информацию от Идена получил и советский посол в США М. М. Литвинов. Из нее следовало, что на переговорах с американскими политиками Иден обсуждал тот компенсационный вариант, который в Москве Сталин предлагал Сикорскому и Идену в декабре 1941 г. Теперь он приобретал форму коллективного мнения лидеров трех держав. По данным польского историка Я. Тебинки, Рузвельт на встрече с Иденом 15 марта, реагируя на высказанные министром опасения, что на мирной конференции Польша потребует восстановления ее восточных границ, резко заявил: «Великие державы будут решать, что получит Польша, и он не намерен ехать на мирную конференцию, чтобы торговаться с Польшей и другими малыми странами». 25 марта Майский записал слова заместителя Идена А. Кадогана: «Польша — должна принять [то], о чем договорится „Большая тройка“»¹⁴.

13 апреля 1943 г. Майский передал в Москву отчет о поездке английского министра в США, составленный со слов последнего. Важны два его положения:

1. «Рузвельт и его группа... считают, что тесное взаимодействие США с СССР после войны абсолютно необходимо, однако не уверены, что оно действительно будет иметь место»;

2. «Вопрос о Польше, по словам Идена, довольно серьезно занимает американское правительство... Однако из-за Польши оно не хотело бы ссориться с нами. Общее впечатление Идена сводится к тому, что Рузвельт и его группа склонны принять линию Керзона на Востоке и компенсировать Польшу Восточной Пруссией и частью Силезии на Западе. Во всяком случае, рузвельтовцы понимают, что в вопросе о Польше должно быть достигнуто соглашение с СССР»¹⁵.

Таким образом, к середине апреля 1943 г. предложение СССР о компромиссном разрешении разногласий с Польшей по вопросу границ было близко к принятию западными союзниками. Тем самым заметно снизилась объективная заинтересованность Москвы в достижении прямых договоренностей по этой проблеме с правительством Сикорского. Вскоре исчез смысл и в налаживании взаимодействия Армии Крайовой с Красной армией. Разразился крупнейший международный скандал, вызванный сообщением немецкого радио 13 апреля об обнаружении в Катыни под Смоленском останков польских офицеров, расстрелянных весной 1940 г. по решению советского руководства. Замысел гитлеровцев, которые не вдруг узнали о существовании этих захоронений, состоял в том, чтобы изнутри взорвать коалицию великих держав через абсолютную морально-политическую дискредитацию Сталина и в его лице СССР. В снижении влияния советского лидера в «Большой тройке» объективно было заинтересовано и правительство Польши, где считали возможным в этой обстановке усилить позиции Польши в территориальном споре с Москвой.

Хотя 15 апреля немецкая информация была опровергнута сообщением ТАСС¹⁶, для польской стороны, знавшей об «исчезновении» польских офицеров (знали и в Лондоне, и в Вашингтоне), оно давало повод обратиться к Москве за разъяснениями. Вместо этого последовало указание польскому представителю в Женеве обратиться в Международный комитет Красного Креста (МККК) на предмет его участия в расследовании «инцидента». Правительство Германии своим письмом в МККК опередило поляков. Так поспешный поступок польской стороны придал польскому шагу характер совместного с Германией демарша¹⁷.

Это обстоятельство использовала советская пропаганда. Рефреном материалов в печати и на радио был тезис: поляки пошли на сговор с гитлеровцами, что истине не соответствовало, но по-

зволюло происходившее изображать именно так. Между тем немецкая информация воздействовала на ситуацию в оккупированной Польше. Гитлеровская «бомба» не вызвала бурной реакции польского населения и военно-политического подполья, на что рассчитывал Берлин. Она лишь усилила антисоветскую направленность печати правых группировок, полностью исключила перспективу договоренности руководства правительственного лагеря и Польской рабочей партии (ППР), повлекла изменения в тактике АК. Командующий АК генерал С. Грот-Ровецкий 29 апреля информировал «польский» Лондон: «Используя наш теперешний конфликт с Россией, ограничил боевые операции против вермахта, особенно на коммуникациях, ведущих на восток, усилил террористические акции против гестапо, полиции и немецкой администрации, но они [немцы], — замечал командующий, — на это не реагируют»¹⁸. Расшифровать эту фразу можно так: мы (поляки) не будем мешать вам (немцам) воевать с СССР, но мы против вас и вашей политики на нашей земле.

Главная цель гитлеровцев — по меньшей мере обострить отношения в антигитлеровской коалиции — не была достигнута. Возникли, однако, негативные долгосрочные последствия, прежде всего для правительства Польши, и трудности для его союзников. Подхватила информацию гитлеровцев польская печать в Лондоне, она развернула широкую антисоветскую кампанию. Москва, не заинтересованная в огласке событий в Катыни, попыталась снизить вероятность нового конфликта с Польшей и подала «польскому» Лондону соответствующий «сигнал», и не один. 16 апреля Ромер получил письмо-уведомление НКВД о том, что в течение двух месяцев бывшие польские граждане, находящиеся на территории Советского Союза, могут получить польский паспорт. Это было отступление от жесткой советской позиции о советском гражданстве жителей довоенных польских территорий. Так Москва пыталась удержать польское правительство от резких антисоветских действий.

Как следует из переписки с А. Н. Богомоловым, послом СССР при правительствах ряда стран, работавших в Лондоне, Москва намеревалась действовать осторожно. В связи с публикацией в газете «Дзенник Польский» статьи «Вопрос о пропавших польских офицерах» 16 апреля 1943 г. Богомолов согласовывал с Москвой направление ноты протеста Сикорскому, «подчеркнув в ней несовместимость такого

рода пропаганды с существованием нормальных дипломатических отношений между двумя странами, находящимися в войне с общим противником». Однако советское руководство ему рекомендовало лишь «заявить Сикорскому официальный устный протест» против «безобразий польской прессы»¹⁹.

Сдержанность рекомендации из Москвы объяснялась ожиданием развития событий, неизвестной ей позиции польского правительства (пока заявление сделал лишь министр обороны М. Кукель) и конкретно В. Сикорского, а также неясной пока реакцией союзников²⁰. Отметим, что обращения польской стороны к советскому руководству за разъяснениями не было. Вечером 18 апреля в Москву поступила информация Богомолова, где говорилось, что «англичане сдерживают Сикорского» от развития «скандала». Значительно важнее для советского руководства была другая часть сообщения посла: «По информации тов. Майского, у Черчилля, Идена и Рузвельта слагается мнение, что польское правительство не вернется в свою страну, но что Сикорского надо сохранить и добиться его возвращения в Польшу». Имея в виду усилия польской стороны использовать ситуацию для дискредитации политики Москвы, Богомолов писал: «...английское правительство более-менее сдерживает поляков в их желании развернуть бешеную антисоветскую агитацию на эту тему. Переговоры Идена с Рузвельтом не дали полякам желанных, твердых, публичных обещаний»²¹.

Действительно, ни Черчилль, ни Рузвельт, для которых архиважной задачей был разгром вермахта силами Красной армии, не относили к приоритетам своей политики интересы и территориальные споры польского правительства с СССР. Для них, как и для Сталина, первоочередным было сохранение единства великих держав, а вовсе не выяснение правды и определение виновников гибели польских офицеров, что и определяло линию их политического поведения в советско-польском конфликте.

Для Сталина, получившего удар по личной репутации и авторитету страны, на данный момент важнее всего было остановить участие поляков в процессе выяснения этого дела. Тактика советской стороны ужесточилась. 19 апреля в «Правде» вышла статья «Польские сотрудники Гитлера», затем еще ряд подобных материалов в советской печати. В сообщении ТАСС от 21 апреля говорилось, что польское правительство «делает новые шаги к ухудшению отношений с СССР»²².

20 апреля, то есть во время советского перехода в пропагандистское и дипломатическое «наступление», правительство Польши утвердило ноту министра иностранных дел Польши Э. Рачиньского, адресованную СССР. По неясным причинам нота дошла до Богомолова с опозданием в несколько дней. 23 апреля в 22.00 Богомолов шифротелеграммой уведомил Сталина «о получении личной ноты Рачиньского» вместе с просьбой польского министра «о предоставлении полных и точных сведений, касающихся судьбы военнопленных и гражданских лиц, содержащихся прежде в лагерях в Козельске, Старобельске и Осташкове»²³.

Умышленной или случайной была столь длительная задержка этой ноты, но опоздание уже не имело никакого значения. МККК отказал в направлении специальной делегации для обследования захоронений польских офицеров. И Москва была готова к решительному шагу. 21 апреля Сталин обратился с посланиями к Черчиллю и Рузвельту, где доводил до сведения союзников, что «Советское правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим [польским] правительством». В аргументации столь политически ненужного для Черчилля и Рузвельта решения «уживались» правда о том, что правительство Сикорского «даже не сочло нужным обратиться к Советскому правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями», и искусно поданная неправда: польское правительство, «скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, фактически прекратило на деле союзные отношения с СССР»²⁴.

Западные партнеры Сталина поддержали СССР, поступившись выяснением истины и интересами польской союзницы, включая ее территориальные претензии. Правда, 21 апреля Иден по поручению Черчилля предпринял попытку оказать давление на Сикорского, склонить генерала «во имя общих интересов» отозвать польское обращение в МККК и признать советскую версию гибели польских офицеров. Он убеждал генерала, что действия его правительства ведут Польшу «к полному проигрышу с Россией», что выиграют Германия или Россия, «но не Польша», что польское правительство «оказалось в тупике» и Великобритания не хочет оказаться там же вместе с поляками. Генерал парировал: «...в тупике Россия... на ее стороне сила, а на нашей [польской] справедливость». Иден предрекал: «Россия перебросит на Вас всю ответственность за разрыв отношений»²⁵. Си-

корский согласился лишь на отзыв польского документа из МККК.

В тот же день, 21 апреля при вручении Черчиллю послания Сталина состоялся продолжительный разговор И. М. Майского с английским премьером и министром информации Б. Бракенном. Он отразил уже сделанный союзниками выбор позиции. Вопрос «о поведении поль[ского] пра[вительства] в истории с последней провокацией Геббельса» поднял советский посол, отметив, что «это уже переходит всякие границы. Сов[етское] пра[вительство] не меньше брит[анского] пра[вительства] сознает важность поддержания единства среди союзников. Исходя из этого, оно проявляло в течение более года изумительное терпение в отношении поль[ского] пра[вительства] и польской эмиграции. Но всему есть предел. Сейчас этот предел достигнут, и сов[етское] пра[вительство] вынуждено было круто реагировать»²⁶.

Для понимания позиции западных союзников чрезвычайно важна реакция Черчилля на информацию о предполагаемом расследовании МККК обстоятельств гибели польских офицеров: «Премьер с раздражением воскликнул: „Что за чепуха! Какое может быть расследование при наличии немецкой оккупации?“ ...Я [Майский] сказал, что весь проект расследования надо „убить“ в самом же начале. Между тем брит[анское] пра[вительство] и брит[анская] пресса молчат, создавая впечатление, что они если не сочувствуют данному проекту, то, во всяком случае, против него не возражают. Бракен, воскликнул Черчилль, надо немедленно же „убить“ всю эту идиотскую затею. Примите меры... Но все-таки этот конфликт между вами и поляками крайне неприятная штука. Его надо возможно скорее рассосать». И остановившись на политической судьбе Сикорского, который «находится в критическом положении», так как «„экстремисты“ ведут против него бешеную кампанию, обвиняя в слабости и угодничестве пред большевиками», Черчилль высказал свое мнение: «...в отношении нынешнего поль[ского] пра[вительства] надо действовать с осторожностью». Имелось в виду сохранить Сикорского как главу правительства. Английский премьер пришел к выводу: «Этим польским вопросом придется заняться вплотную... В самые ближайшие дни».

Москве намекали не разрывать отношений с Польшей, а урегулировать их на выгодных условиях. При этом гарантировали сохранение англо-советских союзных отношений в любом

случае. Свидетельство тому — фраза Черчилля, записанная советским послом отдельно от изложения состоявшегося диалога: «Если бы утверждения немцев даже оказались правильными, мое отношение к вам все равно не изменилось бы. Вы храбрый народ, Сталин — великий воин, а я сейчас ко всему подхожу прежде всего как солдат, который заинтересован в скорейшей победе над общим врагом». Итак, вы, СССР, воюйте, а мы, ваши союзники, «закроем глаза» на все остальное, ибо, по словам Черчилля, «на войне все бывает», и командиры низших рангов, предоставленные самим себе, иногда способны «творить ужасные вещи»²⁷. Последнее предназначалось Сталину, который, как следует из дальнейшего развития событий, уступить или отступить не собирался, тем более что уже знал о сомнениях союзников в перспективе возвращения этого польского правительства в страну.

Столь жесткий способ «развязки» конфликта в отношениях СССР с Польшей был для Черчилля крайне нежелателен и губителен для самого польского правительства, и в первую очередь для Сикорского, человека, которому западные союзники доверяли. Отстранение генерала с поста премьер-министра было чревато крушением надежд на компромисс с СССР, в первую очередь, по вопросу о границе. Черчилль и Рузвельт были тогда весьма заинтересованы в советско-польском компромиссе, ибо от этого зависели место союзной им Польши в коалиции и особая роль ее антисоветски настроенного правительства. Отвечая на послание Сталина, оба лидера разными словами предлагали Сталину считать его намерение не разрывом, а «последним предупреждением» полякам (24 апреля Черчилль), «временным прекращением переговоров» Москвы и «польского» Лондона (26 апреля Рузвельт), но не полным разрывом дипломатических отношений СССР с польским правительством²⁸.

Между тем в Москве вопрос о прекращении отношений с польским правительством был «уже делом решенным», о чем 25 апреля Сталин уведомил Черчилля. В ночь с 25 на 26 апреля 1943 г. в Наркоминделе послу Польши Т. Ромеру была зачитана соответствующая советская нота, текст которой появился в советской печати вечером 26 апреля 1943 г. В связи с этим событием Майский 27 апреля записал в своем дневнике: «Мне кажется, что нашей целью является взорвать правительство Сикорского и очистить путь для создания более

демократического и дружественного польпра к моменту или в момент, когда Красная армия окажется на польской территории. Такая линия правильна: ...лондонская эмиграция, включая польпра Сикорского, совершенно безнадежна. Однако проведение данной линии натолкнется на известные затруднения — со стороны Англии и еще больше США. Что ж, их надо будет преодолеть... Из нашей ноты я делаю следующий вывод: сов[етское] пра[вительство] чувствует себя сейчас, накануне военных событий нынешней летней кампании, очень уверенно и находит момент подходящим для того, чтобы на деле сказать Англии и США — „в делах Восточной Европы — хозяин я!“ Это приятно»²⁹.

Майский был прозорлив и весьма близок к реальному пониманию курса, взятого Сталиным на польском направлении, а именно: к отношениям с этим конкретным правительством не возвращаться. Понимали это и в Лондоне, где пытались предотвратить такой ход событий, «сдерживали» поляков, которые „петушились“, понуждая их осторожно формулировать ответ Москве. 29 апреля Майский так описал процесс создания этого ответа: «...первоначальный проект польского коммюнике дважды возвращался [англичанами] поль[скому] пра[вительству] для переделки. Передавали, будто бы Черчилль крепко ругал поляков за их поведение... только 28[-го] к вечеру появилось наконец столь долгожданное и несколько раз откладывавшееся польское коммюнике... Текст оказался хуже, чем можно было предполагать». Поляки стояли «на своем»³⁰.

Стремясь несколько смягчить негативные оценки советским послом польского коммюнике, над созданием которого Черчилль и Иден, по словам последнего, «сильно попотели», английские руководители сообщили, что принимают меры для того, «чтобы привести поль[скую] прессу в надлежащий вид», что «позиция брит[анского] пра[вительства] в вопросе о польских границах ни на йоту не изменилась... [и] брит[анское] пра[вительство] по прежнему ни в какой мере не гарантирует польских границ 1939 г.!»³¹

После фактического разрыва отношений с Польшей для советского руководства такие обещания и наставления: «Надо же все-таки поискать путей для урегулирования возникшего конфликта!» (Черчилль) — уже не имели существенного значения. Действия западных партнеров Сталина в ходе конфликта, в частности признание реакции правительства Польши

на немецкую информацию «тяжелой ошибкой», показали Москве, что сохранение взаимодействия с СССР для них значительно существенней союзных отношений с Польшей, включая вопрос о ее послевоенных границах. Они показали и то, что Польша утрачивала позицию и до этого конфликта «скромного» субъекта антигитлеровской коалиции. Теперь при обсуждении польских проблем польское правительство не могло быть прямым партнером в треугольнике: западные державы — СССР — Польша. Оно становилось объектом согласованной или «индивидуальной» политики «больших» союзников по коалиции. Таким образом, стремление польской стороны, используя немецкую информацию, политически и морально «обезоружить» Сталина перед США и Великобританией сыграло контрпродуктивную роль в судьбе правительства Польши и в целом польской эмиграции в Лондоне.

Для Москвы же ситуация была «зеркальной». Отношения с Польшей возвращались на исходные рубежи лета 1941 г. СССР получил возможность, не оглядываясь на союзников, «подождать» появления польского государственно-политического партнера, который будет готов принять советский вариант установления границ послевоенной Польши³².

Тем не менее использованный в советской ноте термин «перерыв», вместо принятого в дипломатической практике «разрыв» отношений, свидетельствовал не столько о радикальной смене курса на польском направлении, сколько о допуске вариативности состава нового польского партнера. Об этом писал Сталин Черчиллю 4 мая 1943 г. Высказав сомнения, что «Сикорский сумеет сохранить лояльность в отношениях с Советским Союзом», он вовсе не высказывался против, «чтобы Великобритания, СССР и США приняли меры к улучшению состава нынешнего польского правительства», но присоединялся к сомнениям Рузвельта, чтобы «нынешнее польское правительство... имело шансы вернуться в Польшу и стать у власти». 6 мая об этом же говорил на пресс-конференции заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский: «...в мире нет ничего неизменного. Вопрос лишь в том, как изменить, когда изменить и в каком направлении. Все зависит от конкретных условий, обстановки, позиции сторон»³³.

Вряд ли не понимая, куда клонит советское руководство, Черчилль вовлекал его в рассуждения о судьбе польского правительства. В послании Сталину 12 мая английский премьер

соглашался с тем, что «можно улучшить состав польского правительства, хотя было бы весьма трудно найти кого-либо получше». Он полагал, что «Сикорский и некоторые другие [политики], во всяком случае, должны быть оставлены в Правительстве», и оговаривался: Сикорский, «вероятно, не сможет произвести перемены немедленно, но я всеми способами постараюсь убедить его действовать в этом направлении по возможности скорее. Я буду обсуждать это с Президентом Рузвельтом»³⁴.

Вскоре в переписке глав великих держав сугубо военно-оперативные вопросы потеснили польский «сюжет». Но он вовсе не исчез, переместившись летом 1943 г. на уровень деятельности посольств. Теперь уже Великобритания, крайне заинтересованная в сохранении Сикорского, который был главнокомандующим Польскими вооруженными силами, в том числе в составе войск союзников на западной фронте, предлагала Москве в качестве партнера польское военно-политическое подполье. Так, 15 июня английский посол Керр вручил Молотову по прямому указанию из Лондона информацию о деятельности этого подполья с июня 1942 по весну 1943 г., а 16 июня направил ему же специальное письмо, в котором утверждалось: «Польское правительство создало в Польше в высшей степени действенную организацию, находящуюся под централизованным руководством, которая в течение длительного времени вносит ценный вклад в дело союзников и преждевременно пожертвовать которой было бы большой ошибкой». Посол намекал, что поляки могут помочь Советскому Союзу разрушением жизненных коммуникаций немцев, считал, что «не надо побуждать поляков к всеобщему восстанию, как это делает радиостанция Костюшко»³⁵, и сообщал, что «после прекращения советско-польских отношений британские власти убеждали ген. Сикорского в возросшем значении воздержания от нападок на СССР». Подобные предложения Сталину — признать польские подпольные структуры главным политическим фактором в Польше и партнером Москвы — западные союзники делали и позднее, но они оставались без положительной реакции³⁶.

В новых военно-политических обстоятельствах, когда победа Красной армии на Курской дуге разрушила сомнения в том, чья армия завладела военно-стратегической инициативой и вступит на польскую землю, когда погиб Сикорский³⁷, политик, с которым Москва име-

ла и позитивный опыт контактов, изменилась иерархия советских приоритетов на польском направлении. Теперь условием нормализации отношений с польским правительством становился не вопрос о границе, а проблема благоприятного для СССР состава и курса этого правительства.

Появление летом 1943 г. нового правительства Польши во главе с лидером крестьянской партии С. Миколайчиком, политиком демократических убеждений, однако не склонным к уступкам Москве, не вызвало энтузиазма в Москве. В его составе остались те политики, кто был активен в использовании немецкой информации против СССР, что в Кремле, несомненно, помнили. Кроме того, Москву сдерживала регулярно поступающая агентурная информация о политических планах подполья, подчинявшегося правительству. В августе 1943 г. Сталин получил «Отчет уполномоченного польского эмигрантского правительства в Лондоне, нелегально находящегося на территории Польши, о подготовке националистическим подпольем антисоветских акций в связи с наступлением Красной армии». В документе, подготовленном на данных разведки, говорилось, что военное подполье на всей территории довоенной Польши весьма обеспокоено продвижением Красной армии на запад и планирует восстание в западных районах Украины и Белоруссии, которое задумано «исключительно с целью показать всему миру нежелание населения принять советский режим»³⁸.

Располагая такой информацией, Сталин вряд ли мог позитивно реагировать на обращенные к нему призывы английского министра по делам колоний О. Ф. Стэнли и посла А. Керра 11 августа во время приема в Кремле. Сталина убеждали «сделать что-либо, что, по мнению наших правительств, заложит основы не только для восстановления нормальных отношений между советским и польским правительствами на равной и прочной базе, но и для дружественного и добрососедского сотрудничества после войны»³⁹.

В этой связи следует отметить, что еще весной 1943 г. советское руководство дало согласие не только на создание в СССР Союза польских патриотов (СПП), но и польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко в составе Красной армии. Происходила постепенная и дозированная активизация левой польской эмиграции при руководящем участии польских коммунистов. Тем самым была обозначена перспектива уре-

гулирования советско-польских отношений, включая и вопрос о восточной границе Польши, с другим польским партнером. Западные союзники такой поворот в советском курсе допускали и обеспокоились (Черчилль). Но Кремль проявлял большую сдержанность в развитии этого политического направления. Не отказывая левой эмиграции в намерениях создать «центр» всей польской эмиграции в СССР, советское руководство до конца 1943 г. и позднее удерживало левых от «резких» решений. Это сдерживание — предмет другого исследования⁴⁰. В данном случае оно свидетельствует, что в Москве все еще не считали перерыв отношений с легитимным польским правительством делом навсегда решенным, не блокировали вариативность развития политических событий.

Надеялись на это и западные союзники, которых успешное для СССР положение на Восточном фронте подталкивало к заблаговременным договоренностям на личных встречах глав великих держав о ведении войны, судьбе Германии, послевоенном урегулировании посредством определения европейских «сфер ответственности». В рамках столь «узкого круга» лиц предполагалось решать и вопрос границ послевоенной Польши. Инициатором трехсторонних встреч на высшем уровне выступил Ф. Д. Рузвельт в самом конце 1942 г. (шла Сталинградская битва), затем в 1943 г. не единожды возвращался к этой идее, обеспокоенный задачей «употребить все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы». Президент был убежден, что «мы [американцы] должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию до него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты»⁴¹.

О том, что территория Польши, а значит, и ее границы будут отнесены к «ведению» Советского Союза, Рузвельт признавал 19 ноября, то есть после встречи 19–30 октября министров иностранных дел государств «Большой тройки» в Москве, и за 10 дней до открытия 28 ноября 1943 г. конференции глав великих держав в Тегеране. Между тем на встрече министров иностранных дел центральными были такие крупные проблемы, как открытие второго фронта во Франции весной 1944 г. Вопрос будущих границ Польши предметно не обсуждался. Попытку его поставить предпринял Иден, накануне пообещав С. Миколайчику не делать этого в отсутствие представителя польской стороны. Пока попытка английского министра не удалась. Он не получил поддержки американского коллеги

и советского наркома. Последний в этой связи жестко заметил, что «польско-советские отношения — вопрос, который интересует исключительно эти две страны»⁴².

1943 год заканчивался крупным политико-дипломатическим событием, происшедшим в Тегеране, где главы великих держав впервые вместе обсуждали коренные военно-стратегические и геополитические проблемы, решение которых получило окончательное оформление на двух следующих таких встречах в 1945 г. Но именно в Тегеране Сталин, Черчилль и Рузвельт окончательно согласовали открытие второго фронта в Европе в середине 1944 г., в чем, по понятным причинам, был особенно заинтересован Сталин. Он, со своей стороны, говорил об участии СССР в войне с Японией, но после разгрома Германии. Обсуждалось послевоенное будущее этой страны и целый ряд иных проблем и вопросов. В отсутствие представителя правительства Польши, как, впрочем, и правительств других «малых» и «больших» стран Европы, союзники обменялись мнениями по польским делам.

Черчилль и Рузвельт еще раз пытались склонить Сталина к восстановлению отношений с польским правительством, тот прямо не отказывал, но связывал это с обязательством Польши прекратить «враждебную политику» в отношении СССР, то есть согласиться на «линию Керзона», что делало весь «сюжет» бесполезным. Другое дело — позиция партнеров Сталина по вопросу советско-польской границы и территории послевоенной Польши. Широко известна демонстрация Черчиллем передвижения границ Германии, Польши и СССР

в западном направлении с помощью «трех спичек» — таким представился способ обеспечить послевоенную безопасность СССР от новой, как тогда ожидали, германской агрессии. Принципиальное и единодушное согласие союзников на советско-польскую границу 1941 г., на включение Кёнигсберга и части Восточной Пруссии в состав СССР и на компенсацию территориальных потерь Польши передачей ей восточных провинций Германии Молотов назвал «лучшим выходом из положения»⁴³.

В целом 1943 военный год Черчилль и Рузвельт в ту пору расценивали как весьма удачный. При достаточно ограниченном боевом участии (по сравнению с советскими усилиями) в вооруженной борьбе с Германией, что при желании можно было «наверстать» в 1944 г. открытием второго фронта в Европе, они вместе со Сталиным утвердили за собой роль главных политических организаторов послевоенного порядка в Европе.

Весьма успешным был 1943 год для СССР. Победно завершился ряд масштабных военных операций Красной армии, переломивших в ее пользу положение на главном, Восточном фронте Второй мировой войны. Сформировались благоприятные предпосылки для деятельности советского руководства и персонально Сталина и Молотова на внешнеполитической арене в 1944 г. На конференции в Тегеране был оговорен переход восточного региона Европы в «сферу ответственности» СССР. Судьбы Польши это касалось напрямую, что отразило согласование союзниками ее границ и территории так, как того добивалась начиная с декабря 1941 г. советская сторона.

¹ Duraczyński E. Rząd polski na uchodźstwie, 1939–1945. Warszawa, 1993. S. 212–215.

² Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej: Zbiór dokumentów. Warszawa, 1965. S. 325 (польская запись беседы) ; Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. 7: 1939–1943 гг. М., 1973. С. 348–349.

³ ДМИСПО. Т. 7. С. 349

⁴ 4 марта И. М. Майский записал в служебном дневнике: «Поляки ведут себя совершенно идиотски... Раздувать этот спор было бы нецелесообразно: незачем лить воду на мельницу Геббельса, который сейчас усиленно работает над внесением элементов разложения в нашу коалицию... Странная нация поляки! На протяжении всей своей истории она с необыкновенной яркостью выявила абсолютное отсутствие таланта к серьезному государственному строительству... В области внешнеполитической Польша не раз ставила себе такие задачи, которые явно превосходили ее реальные экономические, политические и военные возможности... Результатом были тяжелые крахи и поражения...» (Научное наследство. Т. 33: Майский И. М. Дневник дипломата: Лондон, 1934–1943: В 2 кн. М., 2006–2009. Кн. 2. Ч. 2. С. 233).

⁵ ДМИСПО. Т. 7. С. 350–351.

⁶ Сталин и Польша, 1943–1944 годы: Из рассекреченных документов российских архивов // Новая и новейшая история. 2008. № 3 С. 110–124, 117–118.

⁷ Боевые группы и возникавшие партизанские отряды составляли незначительную часть АК.

⁸ Сталин и Польша, 1943–1944 годы. С. 111–112

⁹ Там же. С. 112–113.

- ¹⁰ Там же. С. 119, 122
- ¹¹ Цит. по: Duraczyński E. *Rząd polski...* S. 219.
- ¹² Научное наследство. Т. 33. Кн. 2. Ч. 2. С. 237–238.
- ¹³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 350–351.
- ¹⁴ Duraczyński E. *Polska, 1939–1945: Dzieje polityczne.* Warszawa, 1999. S. 230; Tebinka J. *Polityka brytyjska wobec problemu granicy posko-radzieckiej, 1939–1945.* Warszawa, 1998. S. 241; Научное наследство. Т. 33. Кн. 2. Ч. 2. С. 247.
- ¹⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 367–370.
- ¹⁶ См. подробнее: Катень: Пленники необъявленной войны. М., 1997; Лебедева Н.С. Катень — преступление против человечества. М., 1994; Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катеньский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001; Катень, март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катени: Документы. М., 2001; и др.
- ¹⁷ Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катеньский синдром... С. 158–159.
- ¹⁸ *Armia Krajowa w dokumentach.* Т. 3. Londyn, 1976. S. 11
- ¹⁹ Архив Президента (АП) РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 52, 56–58.
- ²⁰ Катень, март 1940 г. — сентябрь 2000 г. С. 447–451.
- ²¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 65–66. См. подробно: Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 4. М., 1999. С. 461–462, 555–556.
- ²² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 70.
- ²³ Там же. Л. 71; Madajczyk Cz. *Dramat Katyński.* Warszawa, 1989. S. 47.
- ²⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1958. Т. 1 С. 59–60; Т. 2. С. 119–122.
- ²⁵ Цит. по: Duraczyński E. *Rząd polski...* S. 224.
- ²⁶ Научное наследство. Т. 33. Кн. 2. Ч. 2. С. 265.
- ²⁷ Там же. С. 265–269.
- ²⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 1. С. 120–122; Т. 2. С. 60–61.
- ²⁹ Научное наследство. Т. 33. Кн. 2. Ч. 2. С. 272–273.
- ³⁰ Там же. С. 273–274.
- ³¹ Там же. С. 276.
- ³² Уместно привести запись Майским беседы 26 мая 1943 г. с Д. Ллойд Джорджем, мудрым и опытным политиком времен Первой мировой войны: «Говорили также о Польше. Ллойд Джордж поддерживает нашу позицию и ругает поляков... считает, что для СССР сейчас выгоднее всего было бы игнорировать польское пра[вительство] и не торопиться с его „реорганизацией“, так как все равно удовлетворительного состава поль[ского] пра[вительства] получить не удастся: за границей нет таких элементов. Когда же Красная Армия займет границы 1941 г., все само собой придет в порядок» (Научное наследство. Т. 33. Кн. 2. Ч. 2. С. 295).
- ³³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 1. С. 127; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 96.
- ³⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 1. С. 129.
- ³⁵ Речь идет о радиостанции, вещавшей на Польшу из СССР от имени общественной организации «Союз польских патриотов», созданной с согласия советского руководства и при участии польских коммунистов весной 1943 г.
- ³⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 157–161; Д. 26. Л. 49–50, 53–54.
- ³⁷ Накануне авиационной катастрофы генерал публично говорил о своем намерении посетить Москву, встретиться со Сталиным и совершить «принципиально важный, конструктивный поворот в советско-польских отношениях, смирившись с изменением восточных границ Польши» (Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катеньский синдром... С. 164).
- ³⁸ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 464.
- ³⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. С. 170–171.
- ⁴⁰ Подр. см.: Носкова А.Ф. Сталин и создание ПКНО: вынужденный шаг в нужном направлении» // Средняя Европа: проблемы межнациональных и международных отношений. М., 2009.
- ⁴¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 2. С. 62, 98–99, 100–101, 104–105 и др.; Цит. по: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 388.
- ⁴² Duraczyński E. *Stalin: Twórcą i dyktator supermocarstwa.* Warszawa; Pułtusk. 2012. S. 467–468.
- ⁴³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 6 т. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. М., 1978. С. 166; Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 397.

Дипломатия СССР на международных конференциях второй половины 1943 г.

И. Э. Магадеев*

В военное время возможности, цели и задачи дипломатий всех государств напрямую зависели от успехов их вооруженных сил и общего состояния дел на фронтах Второй мировой. Специфика стратегической ситуации к осени 1943 г. заключалась в том, что коренной перелом в войне, решающую роль в котором сыграли победы Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге, был завершен. Вместе с тем для окончательного поражения Германии и ряда других стран «оси» союзникам по антигитлеровской коалиции необходимо было приложить еще много усилий, задействовать колоссальное количество ресурсов, пойти на новые человеческие жертвы.

В целом, чаша весов к осени 1943 г., безусловно, склонилась на сторону союзников. Они превосходили противника по производству основных видов вооружений (по самолетам — в 3,5 раза, танков и самоходных артиллерийских установок — в 6 раз, орудий и минометов — в 4,6 раз)¹, в их руки перешла стратегическая инициатива на основных фронтах Второй мировой. Как отмечают российские военные историки, «победы под Курском и затем в битве за Днепр завершили коренной перелом в Великой Отечественной войне. Изгнание итало-немецких войск из Северной Африки (май 1943 г.), стабилизация обстановки на Атлантическом и Тихом океанах, в Юго-Восточной Азии, где японские войска были остановлены у границ Индии, свидетельствовали о том, что происходит коренной перелом и во Второй мировой войне в целом»².

То, что обстановка на советско-германском фронте радикально меняется вследствие побед Красной армии, было заметно и за рубежом. Сведения об успехах Красной армии отражались в сводках британских и американских разведывательных органов, влияли на выводы, которые делали аналитики внешнеполитических ведомств. Американское Управление стратегических служб (УСС) со ссылкой на источник, «обычно заслуживающий доверия», в начале августа 1943 г. сообщало в Белый дом: «Ситуация здесь [на советско-германском фронте]... ввиду поражения германского наступления является более серьезной, чем на то указывают нейтральные или русские источники... Сомнительно, что немцам удастся избежать общего отступления»³.

В еженедельных разведывательных сводках для британского кабинета министров в конце августа — начале сентября 1943 г. не раз указывалось на все новые успехи советских вооруженных сил: «Это была очень успешная неделя для русских [с 26 августа по 2 сентября]. В районе Смоленска, Севска, [реки] Миус они осуществили очень значительное продвижение, а в районе Харькова, где наступление развивалось медленнее, укрепились на своих позициях и отбили контратаки немцев. Важно, что с начала русского наступления, германские контр-наступления, которых было немало, принесли лишь небольшие успехи, и практически в каждом случае русским удалось в дальнейшем отвоевать потерянную территорию».

Неделю спустя оценка британских военных была еще более оптимистичной: «Русские про-

* **Искандэр Эдуардович Магадеев** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России.

должают добиваться значительных успехов на направлениях главных ударов, и нет сигналов к тому, что темп их наступления спадет... Сведения из России говорят о том, что боевые способности германских войск несколько упали»⁴. В обобщенном докладе различных британских ведомств под названием «Моральное состояние в Германии» от 14 сентября 1943 г. ситуация суммировалась таким образом: «Со времени последнего доклада о моральном состоянии в Германии немецкие позиции значительно ухудшились. На Восточном фронте русские перешли в летнее контрнаступление, приведшее к отвоеванию Орла, Харькова, Таганрога и Сталино (ныне Донецк. — *И. М.*); оно до сих пор продолжается. Тем самым первые [за время войны] германские армии должны были отступить в период русского наступления летом»⁵. На фоне военных успехов СССР британцам приходилось даже отказываться от давних стереотипов, согласно которым Красная армия побеждает зимой, а вермахт — летом.

Несмотря на позитивные для стран антигитлеровской коалиции изменения, они отнюдь не означали того, что война фактически уже выиграна. В конце июня 1943 г. британский государственный деятель У. Бивербрук писал Г. Гопкинсу, ближайшему советнику президента Ф. Рузвельта, следующее: «Все решительно изменилось в пользу союзников... И все же, несмотря на все это, как на Западе, так и на Востоке игру еще предстоит выиграть. Русские лишь вернулись на те рубежи, которые они занимали в это время в прошлом году. Англо-американцы еще нигде не вступили на Европейский континент»⁶. Не случайно в Вашингтоне и Лондоне тогда активно обсуждалась идея о том, что Германия для удержания своих завоеваний на континенте создаст так называемую европейскую крепость, восточный рубеж которой будет опираться на Днепр. 1 сентября 1943 г. посол СССР в США А. А. Громыко в беседе с госсекретарем К. Хэллом, реагируя на вопрос последнего, отметил: «...немцы возлагают, как это считают многие военные, надежды на то, что река Днепр поможет им создать в будущем новую линию обороны»⁷. В ноябре, когда стало ясно, что Днепр успешно форсирован советскими войсками, американский Комитет начальников штабов предполагал, что «конечная германская оборонительная линия на востоке... будет проходить по рекам Днестр — (польский) Буг — Неман. Там они должны закрепиться и дать решающее сражение, так как дальнейшее отступление оставит без прикрытия жизненно важные территории»⁸.

С гипотезой о том, что Германия продолжит упорно сопротивляться на Восточном фронте, связывались и определенные политические расчеты. Как следует из англо-американских переговоров в Квебеке в августе 1943 г., британский премьер-министр Черчилль полагал, что «в следующем году Россия будет слабее относительно нас и США, нежели сейчас»⁹ (с чем был согласен и президент Рузвельт). Связывая с 1944 г. укрепление англо-американских позиций в результате открытия второго фронта, Черчилль видел определенные преимущества для Великобритании в случае замедления продвижения Красной армии.

Можно констатировать: несмотря на то что к осени 1943 г. Германия понесла колоссальные потери и утратила стратегическую инициативу, для нанесения ей окончательного поражения от ведущих государств антигитлеровской коалиции требовалось еще большое напряжение сил. Многие в этом вопросе зависело от состояния военно-политических отношений между ними, степени консолидированности союзников в борьбе с общим врагом.

Специфика общей стратегической ситуации в войне во многом определяла и особенности международной повестки дня осени 1943 г. Для нанесения окончательного поражения Германии союзникам необходимо было договориться о ключевых военных вопросах, и прежде всего по центральному для СССР вопросу об открытии второго фронта. Вместе с тем ввиду приближающегося окончания войны решения по этим же вопросам приобретали колоссальное и непосредственное политическое значение для судеб послевоенного мира. Было очевидно, к примеру, что от того, где будет открыт второй фронт, в какие сроки, при каких обстоятельствах (учтут ли англо-американцы позицию СССР или пойдут вопреки ей) зависели политические контуры Европы после нанесения поражения Германии и ее сателлитам, состояние послевоенных отношений между странами «Большой тройки».

Затягивание с открытием второго фронта воспринималось советским внешнеполитическим руководством крайне негативно, в нем видели проявление сознательной политики, нацеленной на ослабление Советского Союза. Даже посол в США М. М. Литвинов, нередко относимый исследователями к числу «западников» в руководстве НКВД, полагал в июне 1943 г., что военные расчеты США и Великобритании «строятся на стремлении к максимальному

истощению и изнашиванию сил Советского Союза для уменьшения его роли при разрешении послевоенных проблем»¹⁰. Оценка посла в Великобритании И. М. Майского, высказанная еще в феврале 1943 г., также была весьма жесткой и однозначной: «...британское правительство хотело бы отложить создание второго фронта на более отдаленный срок, с тем чтобы дождаться момента, когда Красная армия сделает всю основную работу и перешибет становой хребет германской военной машины. Тогда англичане вместе с американцами смогли бы „комфортабельно“ высадиться во Франции и без больших потерь проделать путь до Берлина»¹¹. В информации, поступавшей в Москву по разведывательным каналам в августе — сентябре 1943 г., содержалась схожая идея: англо-американцы откроют второй фронт лишь из опасений, что Красная армия нанесет поражение Германии в одиночку¹².

В условиях продолжавшейся войны с Германией поддержание единства ведущих стран антигитлеровской коалиции оставалось жизненно необходимым как по военным, так и по политическим причинам. Как следовало, среди прочего, из разведывательной информации, поступавшей в Москву и Вашингтон, ставка на раскол союзников оставалась одним из последних козырей в руках той части германского военного руководства, которая надеялась договориться с Западом, продолжая войну с СССР. В одной из ноябрьских сводок УСС из Берна подчеркивалось: «Последней картой Германии сейчас может стать отступление с целью дать русским занять Польшу, балтийские государства, Румынию и Балканы. Их [немцев] идея заключается в том, что это поможет наконец разрушить единство трех держав и даст им шанс заключить мир до того, как германская территория будет захвачена»¹³. Сведения о том, что оппозиционные германские круги ищут перемирия с Великобританией и США при продолжении войны с Советским Союзом, поступали в Москву от прекрасно осведомленной лондонской резидентуры НКГБ, имевшей источники даже в британской секретной разведывательной службе МИ-6¹⁴.

В целом, ситуация в отношениях между СССР и его главными союзниками, США и Великобританией, выглядела летом — осенью 1943 г. несколько парадоксально: в то время как на фронтах Второй мировой вооруженными силами трех государств одерживались победы (хотя, безусловно, и разные по значимости),

межгосударственные отношения оставались достаточно сложными и напряженными. С этим соглашались многие. Июльская оценка Громыко была относительно позитивной. Когда Гопкинс задал ему вопрос о «нынешней стадии советско-американских отношений», советский дипломат, занимавший тогда пост временного поверенного в делах СССР, ответил, что «отношения, по-моему, неплохие, но могли бы быть еще лучше». Гопкинс с ним согласился¹⁵. Однако в период англо-американской конференции в Квебеке, на которую Советский Союз даже не пригласили, а результаты которой сводились к новой отсрочке в открытии второго фронта, оценки стали более пессимистичными. В Квебеке Гопкинс прямо говорил британскому министру иностранных дел Э. Идену об «ухудшении наших отношений с Россией»¹⁶. В Лондоне уже сам Иден в беседах с Майским в августе — сентябре 1943 г. признавал, что считает неудовлетворительными ряд аспектов во взаимоотношениях обеих стран. Майский выразил с этим согласие¹⁷.

Солидарны были с этими выводами и в американских дипломатических кругах. Передавая настроения, царившие в конце августа среди прессы и иностранных представителей в Москве, посол США У. Стэндли писал о «единодушном мнении... о том, что англо-американские отношения с Советским Союзом ухудшаются»¹⁸. А. Гарриман, который вскоре сменил Стэндли на посту посла в Москве, в своих мемуарах называл летние и осенние месяцы 1943 г. «низшей точкой» в советско-американских отношениях в годы войны¹⁹. Отзыв советских послов, Майского из Лондона и Литвинова из Вашингтона, рассматривался многими как подтверждение пессимистических оценок²⁰.

Перед советской дипломатией к осени 1943 г. стоял непростой базовый вопрос: какую внешнеполитическую линию выбрать в условиях, характеризующихся, с одной стороны, укреплением позиций СССР, а с другой, сохранением серьезных противоречий с союзниками? Безусловные успехи Красной армии на полях сражений отражались как на объективном, так и на субъективном уровнях. Перед СССР открывались новые возможности для обеспечения долгосрочной безопасности и укрепления своего влияния в Восточной и Центральной Европе. Немаловажно и другое: советские дипломаты и в целом государственное руководство стали чувствовать себя увереннее, ощущение растущих возможностей государства позволя-

ло более активно действовать на международной арене. Обсуждая в октябре 1943 г. мероприятия в связи 26-й годовщиной Октябрьской революции, члены Политбюро ЦК ВКП(б) среди тем партийных докладов и бесед выделили и такую: «Укрепление международного положения Советского Союза»²¹. О скором поражении Германии сотрудники НКВД стали упоминать в беседах с иностранными представителями, как, к примеру, это сделал 10 августа 1943 г. заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский в разговоре с послом Китая в СССР Фу Бинчаном. Посол впервые получил такую информацию от высокопоставленного советского представителя²². Чуть позже, в декабре 1943 г., сотрудник НКВД Г. Ф. Саксин, характеризуя ситуацию на момент проведения Московской конференции, констатировал: «Победный гром пушек и лучезарный свет фейерверков и прожекторов Московского салюта в связи с изгнанием Красной Армией немцев из Мелитополя (23 октября), из Днепропетровска (25 октября) гораздо ярче, чем сухие телеграммы и лаконичные радиосводки, напомнили Идену и Хэллу о громадном вкладе Советских вооруженных сил в дело разгрома общего врага и о торжестве советского народа по этому поводу»²³.

Уже в решении И. В. Сталина провести 5 августа первый за годы Великой Отечественной войны салют, в честь освобождения Орла и Белгорода, заметно ощущение растущей мощи СССР.

«— Читаете ли вы военную историю? — обратился он к членам Ставки. — <...> Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола, и нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем, — кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинить какую-то иллюминацию...»²⁴

Твердой уверенностью в грядущей победе был отмечен и доклад Сталина в связи с годовщиной Октябрьской революции: «Изменения, произошедшие за этот год в военной и внешнеполитической обстановке, сложились в пользу СССР и дружественных ему союзных стран, в ущерб Германии и ее сообщникам по разбою в Европе»²⁵. В подобных условиях перед СССР открывались две базовые внешнеполитические возможности:

- суть первой из них можно сформулировать так: сделать ставку на растущую мощь Советского Союза, обеспечение интересов собственными силами при сохранении прохладных отношений с союзниками и несколько «отстраненной» позиции от англо-американского тандема;
- суть второй заключалась в том, чтобы попытаться пойти на углубление сотрудничества с США и Великобританией, получив тем самым больше возможностей для влияния на коалиционную стратегию и используя при этом фактор англо-американских противоречий, о котором в НКВД никогда не забывали²⁶.

Концепции, имевшиеся в НКВД к осени 1943 г., во многом отражали вышеуказанную дилемму. Ясно выраженную точку зрения, призывавшую к углублению сотрудничества с США и Великобританией как средства сократить возможности для англо-американского «сговора», сформулировал Литвинов в записке «Политика США» от 2 июня 1943 г. Адресованная на самый верх — Сталину и наркому иностранных дел В. М. Молотову — она содержала предложение «создать в Вашингтоне какой-нибудь орган постоянного военно-политического контакта с президентом и военным ведомством». Цели подобной инициативы были сформулированы достаточно четко: «Создание подобной комиссии:

- 1) позволило бы нам вовремя влиять на стратегические планы Англии и США;
- 2) давало бы нам полезную информацию;
- 3) положило бы конец жалобам и недовольству не только со стороны общественного мнения, но и правящих кругов по поводу того, что мы-де единственная из Объединенных Наций, уклоняющаяся от контакта с другими и якобы преследующая какие-то скрытые цели»²⁷.

Предложение Литвинова нашло, по всей видимости, некоторый отклик и, по крайней мере, не было отвергнуто. В одной из записок Молотову в начале октября Литвинов, переместившийся к этому времени из США в Москву на пост заместителя наркома иностранных дел, писал: «Я помню, что Вы мне говорили, что считаете предложение в настоящее время приемлемым, но были ли нами сделаны какие-либо предложения в этом смысле, я не знаю»²⁸.

По мнению некоторых исследователей²⁹, записка Литвинова могла повлиять и на предложение Сталина в послании Черчиллю и Рузвельту от 22 августа (непосредственное ав-

торство послания, по всей видимости, принадлежит Молотову). На фоне выхода Италии из войны и стремления Великобритании и США ограничить советское влияние на данный процесс, Сталин предложил «создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран — США, Великобритании и СССР — для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии»³⁰. Вопрос о военно-политической комиссии станет затем одним из важных пунктов обсуждения на Московской конференции министров иностранных дел.

Характеризуя концепции советского руководства, нацеленные на углубление сотрудничества с западными союзниками, стоит упомянуть и проект неотправленного послания Сталина Рузвельту и Черчиллю, датированный 25 сентября. В нем предлагалось обсудить (на готовящейся Московской конференции) идею заключения, с опорой на советско-английский договор 1942 г., военно-политического союза «Большой тройки». Цель инициативы — «еще большее укрепление нашего боевого союза в борьбе против гитлеровской Германии, а также дальнейшее развитие нашего сотрудничества в послевоенное время в интересах мира и безопасности народов». Хотя послание осталось неотправленным, по оценке В.О. Печатнова, впервые обнаружившего указанный документ в российских архивах, «сам факт обсуждения подобной идеи в советском руководстве говорит о том, что в СССР серьезно относились к развитию союзного сотрудничества и после войны, стремясь поставить его на прочную правовую основу»³¹.

Вместе с тем, как покажет дальнейшая дискуссия в советском руководстве, существовала и иная точка зрения, акцентировавшая риски идти на углубление сотрудничества с США и Великобританией и их вероломность; необходимость максимально использовать преимущества, имевшиеся у Советского Союза, иногда без большой оглядки на позиции Вашингтона и Лондона. Хотя имеющиеся документы и свидетельства ограничены, эту точку зрения можно связать с заместителем наркома В.Г. Деканозовым и частично — с наркомом внутренних дел Л.П. Берией, стремившимся повлиять на советскую позицию по иранскому вопросу.

Ощущение приближавшегося поражения Германии сказывалось на том, что в Москве летом — осенью 1943 г. усилили внимание

к проблемам послевоенного урегулирования. Свидетельством тому стало постановление Политбюро (от 4 сентября 1943 г.) о создании при НКВД двух специальных комиссий — по вопросам мирного договора и послевоенного устройства во главе с М.М. Литвиновым и по вопросам перемирия во главе с К.Е. Ворошиловым³² — взамен не оправдавшей возлагавшихся на нее надежд Комиссии по подготовке дипломатических материалов, существовавшей с января 1942 г.³³ В качестве индикатора «растущего интереса» Сталина к послевоенному устройству исследователи рассматривают и начало издания в Москве в июне 1943 г. журнала «Война и рабочий класс»³⁴.

Уже вскоре после его появления Литвинов (выступая под псевдонимом Н. Малинина) напрямую призвал к организации на страницах журнала широкой дискуссии по послевоенным международным проблемам³⁵. Вполне вероятно, что уже цитированная записка самого Литвинова «Политика США» сыграла свою роль и в самом факте основания журнала. Одна из ее рекомендаций состояла в том, чтобы «начать в советской печати и в устных выступлениях обсуждение в дискуссионном порядке послевоенных проблем»³⁶.

Говоря о факторах, влиявших на эффективность внешней политики СССР во второй половине 1943 г., помимо колоссальных военных успехов Красной армии, важно отметить и иное. Такие аспекты, как имидж государства за рубежом, характер его восприятия союзниками по антигитлеровской коалиции имели немаловажное значение. Руководство США и Великобритании и в военное время должно в той или иной степени учитывать общественные настроения в собственных странах. По оценке Литвинова, «значение общественного мнения в США, находящего свое выражение преимущественно в прессе и радио, колоссально и не может быть переоценено». Хотя посол оценивал ситуацию пессимистично — «общественное мнение Америки, отдавая дань восхищения героизму и успехам Красной армии, продолжает в основном большинстве штатов оставаться крайне враждебным к СССР»³⁷, — данные социологических опросов, проводившиеся Институтом Гэллага в январе — ноябре 1943 г., демонстрируют более сложную картину. Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что России можно доверять в деле послевоенного сотрудничества с нами?» — разделились следующим образом³⁸:

Таблица. Опросы общественного мнения в США по вопросу о доверии СССР в деле послевоенного сотрудничества (январь — август 1943 г.)

14 января 1943 г.			8 апреля 1943 г.			25 августа 1943 г.			11 ноября 1943 г.		
Да	Нет	Не знаю	Да	Нет	Не знаю	Да	Нет	Не знаю	Да	Нет	Не знаю
46	29	25	45	34	21	35	37	29	47	27	26

Как можно заметить, хотя настроения в США были различными, голос тех, кто поддерживал идеи сотрудничества с СССР после войны, был весьма силен. Любопытно при этом, что на общественных настроениях очевидно отразились как охлаждение отношений в августе 1943 г., на фоне англо-американской конференции в Квебеке (точка зрения «скептиков» взяла верх), так и последующее потепление. Улучшению образа СССР в американском общественном мнении большое значение придавал лично Рузвельт. Так, в частности, он достаточно плотно курировал работу над фильмом «Миссия в Москву» по одноименной книге близкого к нему политика, бывшего посла в СССР Дж. Дэвиса. По мнению американского Управления военной информации, этот фильм «представлял русский народ очень доброжелательно. Были приложены все усилия, чтобы показать, что русские и американцы не так уж сильно отличаются друг от друга». С июля 1943 г. фильм демонстрировался и в СССР. Он был оценен советским руководством достаточно высоко: в январе 1944 г. Деканозов даже предложил представить его создателей к государственным наградам СССР за вклад, внесенный в укрепление советско-американских отношений³⁹.

И в Великобритании имелись те, кто изменил по сравнению с прошлым свои взгляды на СССР. Лорд Бивербрук, сочувствующий к политике сотрудничества с СССР, еще в феврале 1942 г. подчеркивал: «Когда мы вступили в союз с Россией, прошлое было забыто»⁴⁰. Действительно, ранее сложно было представить, что британское правительство на официальном уровне будет праздновать день Красной армии (как это произошло в феврале 1943 г.), или то, что Черчилль будет передавать горячие приветствия главе государства, которое он ранее призывал уничтожить, и поздравлять с днем рождения⁴¹. Хотя данные жесты со стороны британского премьер-министра не были свидетельством радикальных изменений в его

отношении к Советскому Союзу, они в немалой степени отражали состояние союзнических отношений двух государств. В обзорах британского общественного мнения за июль — август 1943 г., поступавших в министерство информации, также говорилось о «восхищении военными успехами России, ее стратегией, о вере в возможности советского союзника»⁴².

В целом тенденция в развитии оценок Советского Союза американским и британским общественным мнением к осени 1943 г. была скорее положительной: он все явственнее представлялся в качестве надежного союзника в войне и даже как государства, начинавшего напоминать западные демократии⁴³.

Усиление симпатий к СССР в общественном мнении США и Великобритании укрепляло позиции сторонников сближения с Советским государством в самих этих государствах, а также позволяло Москве опереться на подобные настроения для проведения эффективной внешней политики.

Таким образом, можно констатировать, что для военно-политической ситуации осени 1943 г. была характерна двойственность. С одной стороны, было очевидно, что Германия и ее союзники проиграли войну. С другой стороны, для достижения окончательной победы от ведущих государств антигитлеровской коалиции требовалось еще большее напряжение сил. Если первое обстоятельство повышало внимание СССР, США и Великобритании к послевоенным проблемам, то второе придавало огромную значимость конкретным шагам трех держав в определении стратегии дальнейшего ведения войны. Именно это определяло значение осени 1943 г. — периода проведения Московской и Тегеранской конференций — как «поворотной точки»⁴⁴ в дипломатической истории Второй мировой войны. От решений, принятых СССР, США и Великобританией применительно к их действиям во все еще продолжавшейся войне, напрямую зависели контуры послевоенного мира.

¹ История Второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. М., 1973–1982. Т. 8. С. 21.

² Война 1941–1945: Факты и документы / Под ред. О. А. Ржешевского. М., 2011. С. 127–128.

- ³ OSS Official Dispatch, Bern, 3.VIII.1943 // Franklin D. Roosevelt Presidential Library (далее — FDRL), Map Room Papers (далее — MR), Box 72, MR 203(12) Sec. 2.
- ⁴ W.P. (43) 386, Weekly Résumé (No. 209), 2.IX.1943; W.P. (43) 391, Weekly Résumé (No. 210), 9.IX.1943 // The National Archives of Great Britain (далее — TNA), Cabinet Office (далее — CAB), 66/40.
- ⁵ W.P. (43) 396, *Morale in Germany*, Memorandum by Eden, 14.IX.1943 // TNA, CAB 66/40.
- ⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 413.
- ⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: В 2 т. М., 1984. (далее — CAMO). Т. 1. С. 365.
- ⁸ *Foreign Relations of the United States* (далее — FRUS). *The Conferences at Cairo and Tehran*. Washington, 1961. P. 222.
- ⁹ Eden to Cadogan, 21.VIII.1943 // TNA, Foreign Office (далее — FO) 954/2.
- ¹⁰ Записка М. М. Литвинова «Политика США» от 2.VI.1943. Оpubл. в: *Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2011–2015. Т. 8* С. 222.
- ¹¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983 (далее — САНО). Т. 1. С. 339.
- ¹² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: В 8 т. М., 1995– (далее — ОГБ). Т. 4. Кн. 2. С. 294, 312, 401.
- ¹³ OSS Official Dispatch, Bern (Annex to: Forgan to Mathewson, 29.XI.1943) // FDRL, MR, Box 72, MR 203(12) Sec. 3.
- ¹⁴ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 298.
- ¹⁵ CAMO. Т. 1. С. 351.
- ¹⁶ Eden to Cadogan, 21.VIII.1943 // TNA, FO 954/2.
- ¹⁷ Поздеева Л. В. Лондон — Москва: Британское общественное мнение и СССР, 1939–1945. М., 2000. С. 199.
- ¹⁸ FRUS. 1943. Vol. 3. Washington, 1963. P. 568.
- ¹⁹ Harriman W.A., Abel E. *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946*. N. Y., 1975. P. 213, 218–219.
- ²⁰ См., к примеру: САНО. Т. 1. С. 410; СССР и германский вопрос, 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. М., 1996. С. 225–226.
- ²¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1382. Л. 131.
- ²² Foo Y.W. *Chiang Kaishek's Last Ambassador to Moscow: the Wartime Diaries of Fu Bingchang*. Basingstoke, 2011. P. 94.
- ²³ Выдержки из отчета Саксина опубликованы в: К 60-летию Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) // *Дипломатический вестник*. 2003. № 10. Полный вариант: Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 56. П. 42. Д. 44. Л. 1–177.
- ²⁴ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: В 2 кн. М., 1975. Кн. 1. С. 448–449.
- ²⁵ CAMO. Т. 1. С. 429.
- ²⁶ В одном из документов февраля 1943 г. он рассматривался как первый в рубрике «наиболее актуальные вопросы послевоенного устройства». См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 191.
- ²⁷ Оpubл. в: *Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8*. С. 241.
- ²⁸ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 276.
- ²⁹ Roberts G. *Litvinov's Lost Peace, 1941–1946* // *Journal of Cold War Studies*. 2002. Vol. 4. No. 2. P. 32.
- ³⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1958 (далее — Переписка). Т. 1. С. 148–149.
- ³¹ *Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8*. С. 251.
- ³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 108–109.
- ³³ Отчет о ее работе, датированный 2.II.1943 г., см. в: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 188–193.
- ³⁴ Roberts G. *Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939–1953*. London; New Haven, 2006. P. 174.
- ³⁵ Малинин Н. О «целях войны» // *Война и рабочий класс*. 1943. № 3.
- ³⁶ *Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8*. С. 237.
- ³⁷ Там же. С. 238.
- ³⁸ Приведено в: *The Soviet Union: Internal and External Perspectives on Soviet Society* / Ed. by V. Shlapentokh, E. Shiraev, E. Carroll. N. Y., 2008. P. 88.
- ³⁹ Bennett T. *Culture, Power, and Mission to Moscow: Film and Soviet-American Relations during the World War II* // *The Journal of American History*. 2001. Vol. 88. No. 2. P. 489–518.
- ⁴⁰ W.P. (42) 71, *Russia*, Memorandum by Beaverbrook, 7.II.1942 // TNA, CAB 66/22/1.
- ⁴¹ Переписка. Т. 1. С. 81, 179.
- ⁴² См. подробнее: Поздеева Л. В. 1943: Война и СССР в оценках британских современников // *Мир истории*. 1999. № 5.
- ⁴³ См. подробнее: Фоглесонг Д. С. Американские надежды на преобразование России во время Второй мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2003. № 1.
- ⁴⁴ Sainsbury K. *The Turning Point: Roosevelt, Stalin, Churchill and Chiang-Kai-Shek, 1943*. Oxford, 1986.

Советская дипломатия на Московской конференции союзной тройки (19–30 октября 1943 г.)

И. Э. Магадеев

Истоки созыва Московской конференции стоит искать в начале августа 1943 г. В дипломатических отношениях «большой тройки» этот отрезок был отмечен двумя важными событиями:

- решением Лондона и Вашингтона о созыве Квебекской конференции без приглашения на нее СССР с одновременным предложением о последующей конференции глав трех государств (послание британского правительства на имя Сталина от 7 августа);
- отказом Сталина от встречи тет-а-тет с Рузвельтом в Фербенксе (Аляска), предложенной в мае 1943 г. через эмиссара президента Дэвиса.

В посланиях на имя Рузвельта (от 8 августа) и Черчилля (от 9 августа) Сталин указал на невозможность встречи «большой тройки» в данный момент («Верховный» сослался на свою занятость делами фронта), предложив альтернативный вариант — встречу «ответственных представителей» трех государств¹.

К предложению Сталина в Лондоне отнеслись положительно. Иден, который и ранее, летом 1943 г., предлагал Черчиллю вариант своей миссии в Москву, телеграфировал премьер-министру, уже отплывшему в Канаду: «1. Это [послание от 8 августа] лучше, чем я мог надеяться, большое облегчение... 4. Джо (так нередко во внутренней переписке англичане и американцы называли Сталина. — И. М.) непостижим»². Определенную роль в положительной реакции британского кабинета сыграло и опасение перед тем, что обще-

ственность начнет обсуждать факт отсутствия в Квебеке представителя СССР. С согласием на предложенную Сталиным встречу стоило поторопиться, как отмечалось на заседании британского кабинета министров 11 августа³. Смысл одного из красноречивых заголовков в британской прессе тех дней — «Пустующее кресло в Квебеке» — не надо было объяснять никому.

Конкретный статус «ответственных представителей» пока был не совсем ясен: если в послании Сталина Рузвельту под ним вполне можно было понимать «глав правительств» (в этом смысле само послание являлось своего рода приглашением Рузвельту прилететь в Астрахань или Архангельск), то в послании Черчиллю под «ответственными представителями» явно подразумевались официальные лица более низкого ранга. Тем не менее в британском кабинете министров предложенную Сталиным встречу сразу восприняли как «предварительное совещание, которое пройдет по согласованной повестке дня... имея в виду последующую встречу премьер-министра, президента и премьера Сталина»⁴, что фактически в дальнейшем и произошло. Постепенно ясность была внесена. В совместном послании от 18 августа (получено в Москве на следующий день) Рузвельт и Черчилль отказывались сами приезжать в Астрахань или Архангельск, под встречей «ответственных представителей» стала пониматься конференция «представителей, ведущих иностранными делами».

Еще в начале августа, в посланиях Рузвельту и Черчиллю Сталин выделил два ключевых вопроса, возникавших в связи с предполагае-

* **Искандэр Эдуардович Магадеев** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России.

мым созывом конференции: во-первых, место встречи, во-вторых, круг проблем, подлежащих обсуждению, и проекты предложений, которые должны быть приняты на ней. Исключив в качестве места созыва конференции Астрахань или Архангельск, Рузвельт и Черчилль начали обсуждать в Квебеке возможные альтернативы. В телеграмме от 21 августа в Лондон Иден передавал суть дискуссии следующим образом: «Президенту не нравится идея встречи в Астрахани или Архангельске, он предложил ряд других мест, таких как Касабланка, Тунис и т.д. Я сказал, что, с моей точки зрения, двумя наилучшими пунктами будут Москва или Лондон... Президенту не понравилось ни одно из этих предложений, он сказал, что Лондон будет означать для него политические трудности. Позднее вечером, однако, он стал думать, что вариант Москвы в качестве места встречи должен быть рассмотрен подробнее»⁵.

В подобном ключе Рузвельт и написал Сталину 4 сентября, предложив Касабланку, Тунис или Сицилию. Через день Черчилль выступил с собственным предложением о том, чтобы встреча состоялась в Великобритании, но «вне Лондона», имея в виду, по всей видимости, Эдинбург. Сталин ответил союзникам в один день, 8 сентября, собственноручно вписав в подготовленный Молотовым черновик главную фразу: «...местом встречи предлагаю назначить Москву»⁶. Рузвельт согласился на это через день, Черчилль высказал свое согласие через два. Хотя президент пытался затем «переиграть» место встречи, перенеся его в Великобританию (Рузвельт ссылаясь при этом на здоровье Хэлла, которому «было бы крайне трудно совершить дальний перелет в Москву»), однако Сталин настоял на своем. В итоге к концу сентября место грядущей встречи (Москва) было окончательно согласовано⁷.

Безусловно, за дискуссиями о выборе места конференции стояли немалые политические «ставки»: тот факт, что Сталин смог «продать» свой вариант, свидетельствовал об усилении дипломатических позиций СССР к этому времени, а также о заинтересованности Вашингтона и Лондона в самой встрече. Ее проведение в Москве создавало достаточно выгодную позицию для советской дипломатии и, что немаловажно, позволяло Сталину максимально «плотно» контролировать ход конференции. Напротив, для Черчилля вариант отправки Идена в столицу СССР был связан с определенным риском: не пойдет ли министр иностранных дел слишком далеко? Не «перетянет ли на себя одеяло» по некоторым вопросам внешней политики?⁸ Рузвельт

также высказывал свои опасения: он не считал, что совещание в Москве будет конференцией «полномочных представителей» — в случае если, к примеру, на нем будет поднят вопрос о западных границах СССР, который США не собирались официально обсуждать до окончания войны, то американский представитель должен будет обратиться за инструкциями в Вашингтон. Хотя Иден и Черчилль считали, что это произведет плохое впечатление, Рузвельт настаивал на своем⁹. Таким образом, проведение конференции министров иностранных дел в Москве создавало для Черчилля и Рузвельта определенные сложности в осуществлении контроля за внешнеполитическими решениями; напротив, для Сталина это был оптимальный вариант¹⁰.

Не меньшие «ставки» стояли и за вопросом о повестке дня совещания министров. Сталин с самого начала упирал на необходимость «заранее определить круг вопросов, подлежащих обсуждению представителями трех государств, и наметить предложения, которые должны быть приняты на совещании» (послание Рузвельту и Черчиллю от 24 августа). Идея Рузвельта и Черчилля о том, чтобы встреча носила «исследовательский характер», явно не устраивала Москву. Деканозов подозревал, что «совещание министров иностранных дел англо-американцы, конечно, предполагают использовать для прощупывания наших позиций по основным вопросам нашей нынешней и послевоенной внешней политики»¹¹. В Москве были хорошо осведомлены об упреках Форин-офиса и Госдепартамента в том, что «Россия ничего не говорит о своих будущих планах»¹².

В конце августа — первой половине сентября Сталин в переписке с Рузвельтом и Черчиллем продолжал настаивать на том, что конференции следовало бы придать не узко исследовательский, но «практически-подготовительный характер для того, чтобы после этого совещания наши правительства могли принять определенные решения и тем самым можно было бы избежать задержки в принятии решений по неотложным вопросам» (послание от 24 августа). Хотя Рузвельт пытался убедить Сталина в преимуществах непринужденной дискуссии и неформальной повестки дня, глава советского правительства настоял на своем¹³.

Многие из опасений Москвы по поводу предлагаемого «исследовательского» характера конференции были оправданы. Настойчивость Кремля в конкретизации повестки дня конференции и позиций союзников на ней вызывала настороженность в Вашингтоне и Лондоне, ко-

торые не спешили открывать свои карты. Как сообщал из столицы США Черчилль, он с Рузвельтом считал «нежелательным» «заблаговременное изложение наших взглядов по всем вопросам», запрашиваемое Москвой¹⁴. На заседаниях кабинета министров 4–5 октября премьер-министр в аналогичном ключе подчеркивал, что «значение конференции заключается прежде всего в возможности выяснить взгляды русских». С его точки зрения, на данной стадии отсутствовала необходимость в том, чтобы сами британцы «окончательно сформировали» свои «мнения по вопросам, влекущим за собой серьезные последствия, которые должны быть решены после войны»¹⁵. Премьер-министр не видел смысла обсуждать на конференции министров иностранных дел вопросы западных границ СССР и второго фронта. Напротив, именно эти вопросы Иден считал ключевыми для советской стороны. Он испытывал некоторое «беспокойство» по поводу грядущей конференции, если не дать Москве «некоторого указания (indication) на наши взгляды» по этим проблемам¹⁶.

Оставалось согласовать и вопрос о сроках начала конференции. Советская сторона стремилась максимально ясно представлять себе, о чем конкретно собираются говорить в Москве американцы и британцы, и, исходя из этого, тщательно проработать собственную позицию. Поэтому с началом совещания торопиться не стоило. Идея Рузвельта о том, что «встреча должна состояться возможно скорее» (послание от 4 сентября), не понравилась Сталину. Используя высказанное ранее предложение Черчилля о «начале октября», он добился согласия Рузвельта с этой датой. В последующем уже сам президент перенес конференцию на 15 октября (послание от 25 сентября)¹⁷.

К концу сентября в переписке с Рузвельтом и Черчиллем Сталину в целом удалось обеспечить выгодное для СССР место созыва конференции министров иностранных дел (Москву), «надавить» на Вашингтон и Лондон в вопросе предварительной конкретизации некоторых из своих позиций. С 19 сентября проекты Вашингтона и Лондона в отношении перечня вопросов, предлагаемых к обсуждению, и предложений по ним начали поступать в Москву. Британский проект повестки дня, переданный в этот день послом Керром Молотову, включал в себя широкий круг проблем, которые можно сгруппировать вокруг трех основных тем:

1) «принципиальное соглашение в отношении обращения с Германией»;

2) цели советской политики в отношении стран Восточной и Центральной Европы, а также Французского комитета национального освобождения (ФКНО);

3) институционализация трехстороннего взаимодействия СССР, США и Великобритании путем создания «аппарата для рассмотрения вопросов, требующих повседневного и тесного сотрудничества».

Американский проект, переданный поверенным в делах США в СССР М. Гамильтоном 20 сентября, был более лаконичен. В нем яснее, чем в британском, был выделен приоритетный пункт — Декларация четырех государств («Большая тройка» плюс Китай) по вопросу о всеобщей безопасности, которая была призвана обеспечить продолжение сотрудничества стран антигитлеровской коалиции и после окончания войны. Сразу же прилагался и предварительный проект декларации¹⁸. И Рузвельт, и Хэлл рассматривали принятие декларации в качестве главной цели США на конференции¹⁹.

Помимо нее в американской повестке дня фигурировали вопросы об обращении с Германией, экономической реконструкции после войны и пункт, озаглавленный: «Методы рассмотрения текущих политических и экономических вопросов, а также тех, которые могут возникнуть в ходе войны». Если идея, стоявшая за ним, была аналогичной британской — углубление сотрудничества между ведущими государствами антигитлеровской коалиции, то предлагаемый механизм был иным: консультации в одной из трех столиц между постоянными дипломатическими представителями и соответствующим министром иностранных дел²⁰.

Уже с самого начала непосредственной подготовки Московской конференции Лондон стремился сохранить предыдущее состояние дел в «треугольнике» отношений «Большой тройки», пытаясь заранее согласовать свои позиции с Вашингтоном, дабы действовать на самой конференции более или менее единым фронтом. Британский проект повестки дня был отправлен Рузвельту, Форин-офис вносил свои поправки в текст Декларации четырех государств, согласование точек зрения шло и на уровне представителей в Москве — Керра и Гамильтона²¹.

Получив первое представление о круге вопросов, выносившихся на обсуждение Вашингтоном и Лондоном, советская сторона 29 сентября выступила с собственными предложениями, сразу заявив о своих приоритетах. Первым пун-

ктом значило: «Рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе». Причем речь шла о принятии США и Великобританией безотлагательных мер, «которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Западную Европу через Ла-Манш» еще в 1943 г.²² В письме Гамильтону особо оговаривалось, что поскольку речь идет о совещании представителей трех государств, американское предложение о рассмотрении на нем Декларации четырех не может быть принято²³.

Москва опасалась сложностей с Японией в случае подписания СССР столь важного документа с участием Китая. Более того, по мнению Деканозова, «в совещании трех министров и особенно в предполагаемой встрече трех глав правительств англо-американцы видят шаг вперед в деле возможного обострения советско-японских отношений»²⁴. О неготовности СССР обсуждать Декларацию четырех в Москве Сталин дополнительно написал лично Рузвельту 6 октября²⁵. В тот же день в Москве Молотов напомнил об этом Керру²⁶.

Зарубежными представителями советское предложение (особенно в части, касавшейся проблемы второго фронта) было воспринято с некоторым недоумением. Керр говорил о том, что оно «может произвести впечатление, что советское правительство стремится создать ситуацию, при которой от плана созыва конференции придется отказаться», хотя, в конце концов, полагал, что это не так. Гамильтон также поначалу хотел заявить официальным представителями СССР о том, что вопрос о втором фронте не входит в компетенцию созываемой конференции, однако, затем согласился с Керром: его можно все же обсудить, учитывая, что после получения твердых гарантий по нему советские представители будут готовы к переговорам и по иным вопросам²⁷.

Британский посол предлагал даже увеличить количество британских военных представителей на конференции, но Иден не пошел на это. В письме временному поверенному в делах СССР в Великобритании А. А. Соболеву от 1 октября он сослался на послание Черчилля Сталину от 5 сентября, в котором говорилось об отправке в Москву лишь генерал-лейтенанта Г. Исмея, главы секретариата министерства обороны и близкого военного советника Черчилля. В силе при этом оставалось британское предложение об отправке специальной советской миссии в Лондон или Вашингтон (или в обе столи-

цы) в том случае, если Москва хочет детальнее рассмотреть «технические детали вопроса»²⁸. Лондон явно не хотел превращать конференцию министров иностранных дел в полноценную штабную конференцию. Рузвельт придерживался схожей точки зрения, не считая, что «эта конференция должна планировать или рекомендовать военную стратегию»²⁹.

Непосредственная подготовка СССР к конференции в сентябре — октябре 1943 г. потребовала усилий широкого круга ответственных работников НКВД. 8 октября на совещании у Молотова были созданы рабочие группы по каждому из 16 пунктов намечавшейся повестки дня во главе с ответственными работниками наркомата. Сотрудники групп внимательно анализировали поступивший от американцев и британцев список вопросов для обсуждения на конференции, пытаясь выявить цели Вашингтона и Лондона, а также подготавливая предложения по позиции, которую стоит занять СССР³⁰. Среди ключевых исполнителей были не только Литвинов и члены возглавлявшейся им комиссии³¹ (С. А. Лозовский, Д. З. Мануильский, Я. З. Суриц, Б. Е. Штейн), но и другие высокопоставленные сотрудники НКВД:

- заместители наркома А. Я. Вышинский, В. Г. Деканозов, А. Е. Корнейчук;
- начальники различных отделов НКВД (II Европейского — К. В. Новиков, III Европейского — А. А. Смирнов, IV Европейского — В. А. Зорин, Средневосточного — С. И. Кавтарадзе) и другие сотрудники³².

Помимо этого, комиссия Ворошилова продолжала работать над анализом и поправками к британскому меморандуму «Предлагаемые принципы, которыми следует руководствоваться при прекращении военных действий с европейскими странами — членами оси» (датирован 1 июля 1943 г., вручен Иденом Майскому 2 июля). К этому важному документу, судя по многочисленным проектам ответа на него, относились с повышенным вниманием³³.

Ряд документов начала октября, ложившихся на стол Молотову, свидетельствовал о том, что настрой ответственных сотрудников НКВД в отношении грядущей конференции был весьма пессимистичным. В записке Деканозова от 3 октября указывалось, что конференция, инициатива созыва которой приписывалась англо-американцам, имеет целью «отвлечь наше внимание и внимание мировой общественности (в том числе общественного мнения Англии и Америки) от острого вопроса об

открытию второго фронта в Европе, выиграть время и сманеврировать, чтобы тем самым конец 1943 г. ушел на это совещание: сперва трех министров иностранных дел, а затем на встречу трех глав правительств».

Ожидая дальнейшей конкретизации позиций США и Великобритании, Деканозов, по всей видимости, не исключал и отмену конференции³⁴. В записке, поступившей 10 октября от другого заместителя Молотова, Корнейчука, предлагалось дать первый пункт повестки дня конференции в той же формулировке, что и в письме наркома от 29 сентября («безотлагательные мероприятия со стороны Правительств Великобритании и США еще в 1943 г.»). Корнейчук хорошо осознавал последствия этого шага: «Так как в результате обсуждения этого вопроса на совещании английские и американские представители, очевидно, не согласятся на какие-либо обязательства в духе нашего предложения, то, подводя итог этому обсуждению, сделать заявление...» Текст этого заявления, содержащий информацию о ранее невыполненных обязательствах США и Великобритании по открытию второго фронта, завершался словами о том, что «Советское Правительство не может не выразить своего неудовлетворения»³⁵.

Предполагаемый текст заявления был близок по содержанию посланию Сталина Черчиллю от 24 июня, вызвавшему в свое время крайне болезненную реакцию в Лондоне³⁶. О намерении советской стороны не торопиться с жестами, которые могут быть истолкованы как полная вера в успех конференции, свидетельствует и изменение плана протокольных встреч. Если изначально предполагалось, что уже в день прилета Хэлл и Иден будут приняты Сталиным в присутствии Молотова (либо сначала Молотовым, а затем Сталиным в присутствии Молотова), то в конечном проекте осталась лишь встреча с наркомом³⁷.

Сам Молотов 12 октября, в ответ на «большие ожидания», которые возлагал на конференцию Керр, указал послу на «сложные проблемы», стоявшие перед министрами иностранных дел и призвал всех работать «как стахановцы»³⁸. Информация, поступавшая по каналам разведки — «британская делегация не будет пытаться прийти к определенным соглашениям, но вполне возможно, что удастся заключить временное соглашение по ряду вопросов, касающихся сотрудничества трех держав во время и после войны»³⁹, — также не склоняла к излишнему оптимизму.

О том, что точка зрения о высоком уровне конфликтности отношений между СССР и западными державами разделялась рядом ответственных сотрудников НКВД, говорит также недатированный, но относящийся к октябрю 1943 г. документ, поступивший в секретариат Молотова от члена советской делегации на конференции Саксина. Посвященный разногласиями и отсутствием договоренностей между СССР, с одной стороны, и Великобританией и США, с другой (отдельно рассматривались и противоречия с каждой из стран), он содержал внушительные 19 пунктов, охватывавших вопросы от второго фронта до «визового вопроса» и ситуации с интернированием американских самолетов на Дальнем Востоке⁴⁰.

По ряду аспектов Литвинов был настроен оптимистичнее, чем другие заместители Молотова. 6 октября, анализируя пункт американской повестки дня о создании механизма консультаций в одной из трех столиц между постоянными дипломатическими представителями и соответствующим министром иностранных дел, Литвинов видел в нем в некотором смысле продолжение собственных идей июня 1943 г. Его реакция на предложение была положительной: оно представлялось ему «приемлемым и выгодным для нас» как средство разоблачения англо-американского «сговора». Более того, Литвинов предлагал включить в компетенцию того, что виделось ему как «союзная комиссия», военные вопросы, а также настаивать на ее расположении в Москве.

На грядущую конференцию Литвинов смотрел с некоторым оптимизмом: «Созываемая ныне Московская конференция, а также создание алжирской комиссии (Военно-политической комиссии по вопросам перемирия с Италией. — *И. М.*) в значительной мере смягчили или смягчат проблему постоянного контакта с союзниками»⁴¹. Продолжая проработку конкретных вопросов грядущей конференции, Литвинов 15 октября не исключал того, что в повестке дня «можно было бы выдвинуть на первый план вопросы, по которым ожидается общее соглашение, для того чтобы создать в самом начале благоприятную атмосферу (выделено в подлиннике. — *И. М.*)». Вместе с тем и он вынужден был констатировать, что «у нас нет еще пока данных о возможности соглашения по тем или иным вопросам»⁴².

Недовольство вызывало и затягивание англичан и американцев с предоставлением конкретных предложений по пунктам повестки:

«В ходе конференции может оказаться, что нам предлагают совсем не то, что мы обсуждали, или могут быть выдвинуты новые предложения, нами не предусмотренные», — предупреждал Литвинов⁴³. В этой связи он предлагал при необходимости прибегать к выжидательной тактике, прерывая обсуждение некоторых вопросов для того, чтобы «обдумать внесенные предложения» и позднее вернуться к ним.

Активно прорабатывался вопрос повестки дня. Британский проект, состоявший из 13 основных пунктов (сообщен 19 сентября), по всей видимости, рассматривался в НКИД скептически. Представленный Литвиновым 15 октября Молотову советский проект повестки состоял из 8 пунктов — во главе с вопросами «Сокращение сроков войны», «Политико-военная комиссия в Алжире», «О соглашениях между главными и малыми союзниками (вопрос о советско-чехословацком договоре)», — исходя из тех вопросов, по которым от США и Великобритании поступили предложения. Но даже такой вариант рассматривался как невыгодный для советской делегации⁴⁴. Настрой на сокращение обсуждаемых на конференции вопросов сохранился и в последующем⁴⁵. Тем не менее готовиться необходимо было к максимально широкой повестке. Итоговый список вопросов, ожидавшихся Молотовым для обсуждения на конференции, включал в себя 17 пунктов⁴⁶. Сама масштабность повестки дня была характерной чертой Московской конференции и представляла собой дополнительную сложность для всех участвовавших в ней делегаций.

Итоговое решение по советской позиции в отношении конференции, как и в других важных вопросах, оставалось за Сталиным. Учитывая, что вопрос о созыве конференции был согласован им с Рузвельтом и Черчиллем, вряд ли Сталин был готов вовсе отказаться от конференции, чего не исключал Деканозов. 14 октября решением Политбюро был одобрен состав советской делегации⁴⁷. В тот же день была образована «тройка» в составе Вышинского, Деканозова и Литвинова для подготовки итогового документа, суммировавшего советскую точку зрения на предстоящей конференции. Этот документ был представлен Сталину 18 октября в присутствии Молотова, «тройки», а также членов Политбюро⁴⁸.

Он состоял из 16 пунктов и резюмировал выводы и предложения, сформулированные ранее рабочими группами по каждому из вопросов. Обращает на себя внимание отсутствие

подготовленных материалов по вопросу Декларации четырех государств. Учитывая вышеприведенные опасения НКИД подписывать подобный документ без участия Китая, этот факт вполне объясним. Показательно и то, что не было подготовлено материалов и по некоторым другим вопросам, которые, очевидно, Москва не слишком хотела обсуждать на конференции: «Будущее Польши» и «Совместная политика в Иране». Нельзя не отметить и растущее внимание к ситуации на Балканах: «Представляется желательным при обмене мнениями на предстоящей Конференции внести больше ясности в вопрос о форме и характере будущей власти на освобожденных территориях Греции и Югославии (выделено в оригинале. — И. М.)». Судя по объему справки «О позиции США и Англии во французском вопросе» (на 45 страницах), англо-американским противоречиям в отношении ФКНО придавали немалое значение. Хотя были и предложения рабочих групп, которые остались забракованными, — записка Новикова и Смирнова по вопросу «Мирные пробные шары со стороны вражеских государств (Венгрия, Румыния)»⁴⁹; ценные идеи и замечания, сформулированные сотрудниками НКИД, будут активно использованы советской делегацией в ходе самой конференции⁵⁰. Обсуждение документа продолжалось в кабинете Сталина два часа (после ухода сотрудников НКИД Сталин ненадолго задержался, совещаясь с членами Политбюро). Хотя подробности неизвестны, о результатах этого совещания, отражавшего значение «сталинского фактора», можно будет судить по позиции, занятой Молотовым днем позже, на первом заседании Московской конференции.

Как можно заметить, ранее согласованная в переписке Сталина и Рузвельта дата начала конференции — 15 октября — была отодвинута на более поздний срок. Иден, который спешил приехать в Москву еще в начале октября⁵¹, решил в итоге подстроить дату своего приезда под Хэлла. Как сообщал Керр Молотову 6 октября, «г-ну Идену известно, что не рассчитывают, что г-н Хэлл прибудет в Москву раньше 17 октября, и поэтому он предполагает прибыть сюда в тот же день»⁵².

В целом подготовка Вашингтона и Лондона к конференции завершилась раньше, чем в Москве. Объяснялось это не только необходимостью достаточно длительного путешествия Хэлла и Идена в Москву, но и тем, что многие вопросы уже достаточно давно обсуждались США и Великобританией (в том числе в ходе

двусторонних конференций и визитов). Хэлл получил последние наставления от Рузвельта 5–6 октября⁵³ (его вылет из Вашингтона в направлении Пуэрто-Рико для последующей пересадки на корабль состоялся 7 октября), британский кабинет одобрил большинство меморандумов Идена к грядущей конференции 5 и 8 октября⁵⁴. Открытым оставался, однако, вопрос о согласовании англо-американских позиций. Попытки Идена встретиться с Хэллом в Каире по пути в Москву не увенчались успехом — государственный секретарь, как и президент не хотели давать поводов для подозрений со стороны СССР⁵⁵.

Настроения Хэлла и Идена перед конференцией были схожи с пессимистичным настроением НКВД. У Хэлла, по его собственным воспоминаниям, «резкое» разочарование вызывала позиция СССР в отношении Декларации четырех, подписание которой на конференции было особенно важным для государственного секретаря; по словам исследователей, он чувствовал, что перед ним стоят «серьезные препятствия»⁵⁶. Отнюдь не ободряющими были и напутствия Черчилля Идену: «Я очень сопереживаю Вам в связи с этой безрадостной (bleak) конференцией и хотел бы быть с Вами»⁵⁷. Получая сигналы о твердой позиции Москвы, англо-американцы готовились к жесткому торгу. «Мы тоже будем упрямы», — телеграфировал Иден Керру 13 октября⁵⁸.

Проведение такого ответственного мероприятия, как Московская конференция, помимо серьезной дипломатической работы, требовало от НКВД внимания даже к простым, казалось бы, бытовым деталям, которые могли, однако, иметь свои негативные последствия. По итогам конференции Саксин писал: «Подобная Конференция 3-х великих держав в Москве происходила впервые, и аппарат НКВД, готовивший материалы и обслуживавший Конференцию, в противоположность, например Государственному департаменту, у которого имеются в специальном Отделе международных конференций опытные специалисты по подготовке и проведению подобных конференций, не имел практического опыта и организационных навыков в этом деле»⁵⁹.

Данный вопрос не получал подробного освещения в историографии, а вместе с тем был весьма немаловажным — от организационной подготовки конференции зависела слаженность ее работы; просчеты на этом направлении, учитывая настрой многих участников конферен-

ции, а также сложность повестки дня, могли послужить дополнительным «раздражителем», негативно сказаться на оценке профессионализма советской дипломатии западными партнерами. Более того, анализ этого вопроса раскрывает некоторые аспекты «повседневной» дипломатии, говорит о некоторых аспектах бытовой жизни в военной Москве.

Несмотря на то что фронт, в отличие от времен визита Идена в декабре 1941 г., проходил уже далеко от столицы СССР, дефицит и сложности военного времени давали о себе знать. Британское посольство во главе с Керром, не желая ударить «в грязь лицом» перед высоким начальством на Московской конференции, буквально «забрасывало» соответствующие советские органы (прежде всего Бюро по обслуживанию иностранцев во главе с П. Т. Гришиным) просьбами ускорить доставку в посольство нефти и дров, продуктов, вина, а также о выделении «двух официантов, одной судомойки, некоторого количества столового и постельного белья»⁶⁰. Последние пункты запросов могли показаться излишеством на фоне того, что сложности были и с более насущными вещами. Советник британского посольства Дж. Бальфур даже 19 октября, в день официального открытия конференции, подчеркивал, что «нехватка дров является, в частности, острой и срочной проблемой, так как от ее немедленного разрешения зависят удобства пребывающей здесь делегации»⁶¹.

Большое внимание уделялось и продовольственному обеспечению: 12 октября представитель посольства запрашивал в НКВД «разрешения приобрести на одной из птицеферм 6 свежих индеек и 500 штук яиц, так как в магазине эти вещи не всегда первой свежести»⁶². К приезду Идена Керр хотел даже успеть подремонтировать здание посольства, разрываясь, однако, между стремлением соблюсти секретность, не разглашать факт визита министра иностранных дел и необходимостью убедить Бюро по обслуживанию иностранцев в срочности запроса. 14 сентября британский посол сетовал Вышинскому на то, что не может сказать Гришину причины, «по которым я вынужден пытаться заставить его департамент скакать галопом»⁶³.

Особую тщательность необходимо было проявить в связи с приездом не отличавшегося сильным здоровьем 73-летнего Хэлла⁶⁴. Требовалось не только иметь в виду специальную диету (на что специально указывал Литвинов) или обязать находиться «дежурного врача из Лечсанупра Кремля» во время конференции⁶⁵,

но и позаботиться о многих других вещах. Одна из них — подготовка специального приспособления для максимально удобного выхода Хэлла из самолета. 13 октября глава Американского отдела НКИД Г.Н. Зарубин писал начальнику Главного управления гражданского воздушного флота генерал-полковнику Ф.А. Астахову: «Посольство США просит учесть, что выход из самолета главы американской делегации находится на уровне 2,75 метра над землей. Прошу учесть это, приготовив соответствующие приспособления для выхода из самолета»⁶⁶.

Подготовка к конференции требовала и взаимодействия НКИД с другими советскими органами. С руководством ВВС согласовывался маршрут самолетов с членами делегаций (при их перелете из Тегерана в Москву), вопрос о прикрытии их с воздуха, выделении радистов и штурманов, которые бы помогли во время полета (британцы возражали против этого)⁶⁷. На случай воздушных тревог для состава делегаций выделялось бомбоубежище на станции метро «Кировские ворота» (ныне — «Чистые пруды») ⁶⁸. От НКГБ в соответствии со сложившейся практикой запрашивалась информация о членах иностранных делегаций, причем, отправляя подобный запрос наркому В.М. Меркулову 7 октября, Вышинский просил предоставить ее срочно⁶⁹.

Прилет американской делегации во главе с Хэллом (с ним также летели новый посол США в СССР У.А. Гарриман и глава создаваемой военной миссии США в Москве генерал-майор Дж. Дин⁷⁰), намеченный сначала на 15 октября, затем несколько раз откладывался. Иден подстраивал дату своего прибытия в Москву под Хэлла. В итоге обе делегации прилетели 18 октября. В тот же день, как и было предусмотрено советской стороной, состоялась их встреча с Молотовым: были обсуждены вопросы предоставления информации прессе, время первого официального заседания конференции, состав лиц, которые будут на заседаниях присутствовать⁷¹.

19 октября заседания конференции официально начались. Уже в самой обстановке ее проведения многое должно было подчеркнуть укрепление позиций Советского Союза: и пышный особняк НКИД на Спиридоньевской улице, в котором проводились заседания, и новая парадная форма советских дипломатов⁷², и не прошедшее мимо внимания иностранных дипломатов присуждение Молотову 1 октября звания Героя Социалистического Труда⁷³. И все не случайным было и то, что на первом засе-

дании председателем конференции, «по настоянию Хэлла и Идена»⁷⁴, был избран Молотов. Это в определенной степени повышало его ответственность за положительный исход встречи.

Первый пункт для обсуждения — о «правомочности» конференции — был отнюдь не формальным, а имел для советской делегации принципиальное значение. НКИД, опасавшийся выхолащивания практического содержания конференции, придавал ему большое значение. В одной из разработок в период подготовки конференции вопрос ставился достаточно жестко: «Если выяснится, что совещание носит только информационный характер, — не развертывать обсуждения вопросов совещания»⁷⁵. Молотов предложил выделить три группы вопросов (по первым конференция могла принимать решения, вторые — передавала на рассмотрение глав правительств, по третьим — лишь обменивалась информацией). Хэлл, связанный нежеланием Рузвельта передавать Московской конференции слишком большие полномочия, несколько сопротивлялся, но в итоге согласился с разделением, предложенным Молотовым и поддержанным Иденом. Такой исход был воспринят советской стороной положительно. «Это предложение, — отмечалось в служебном отчете НКИД о работе конференции, подготовленном Саксиним, — с самого начала направило работу конференции на деловые рельсы и тем предопределило ее значительные результаты»⁷⁶.

Далее три министра согласовали повестку дня. Большим облегчением для Хэлла стали слова Молотова о готовности советской стороны включить в нее вопрос о Декларации четырех. По всей видимости, советская делегация пошла на этот шаг, стремясь выявить детали американского предложения, а также создать благоприятную атмосферу уже на начальном этапе конференции. Хотя в повестке дня, предложенной Литвиновым Молотову 15 октября, пункт о Декларации четырех отсутствовал, в итоговом списке вопросов, предложенном Молотовым Сталину 18 октября, возможность включения вопроса под названием «Декларация трех наций по вопросу всеобщей безопасности» предусматривалась «на случай, если американцы предложат дать свой проект „Декларации Четырех“ от имени трех наций»⁷⁷. Такое решение, есть все основания предполагать, было санкционировано Сталиным. По всей видимости, он решил не отвергать этот важный для американцев пункт повестки дня, уже строя планы на дальнейшее вступление СССР в войну с Японией.

При обсуждении повестки дня Молотов добился того, что главный для советской делегации вопрос — мероприятия по сокращению сроков войны — стоял первым. 19 октября нарком представил предложения СССР по данному вопросу. В данном виде советское требование о втором фронте звучало мягче, нежели в телеграммах Молотова от 29 сентября и предложениях Корнейчука от 4 октября. Основной акцент сместился с «безотлагательных мероприятий» еще в 1943 г. (что могло восприниматься как требование открыть второй фронт уже в 1943 г.) на стремление советского правительства выяснить, остается ли в силе ранее данное Черчиллем и Рузвельтом заявление о вторжении в Северную Францию весной 1944 г. Вкупе с вышеприведенной уступкой по включению в повестку дня Декларации четырех, подобный шаг наводит на мысль о смягчающем влиянии, которое Сталин оказал на позицию НКВД во время встречи 18 октября. По всей видимости, он был готов на данном этапе пойти дальше в деле сближения с союзниками, модифицировав позицию СССР по ряду немаловажных вопросов.

В целях сокращения сроков войны советская делегация также предлагала сделать предложение от имени трех держав двум нейтральным государствам — Турции и Швеции: первой — о немедленном вступлении в войну, второй — о предоставлении авиационных баз для борьбы против Германии⁷⁸. Смягчение советской позиции по второму фронту было по достоинству оценено союзниками. Уже 20 октября Иден сообщал в Лондон, что «мы очутились в неожиданно спокойных водах... нет никаких обвинений насчет недавнего прошлого»⁷⁹.

Для ответа на главный вопрос советской делегации — подтверждение открытия второго фронта — на заседание 20 октября (проходило в узком составе ввиду секретности обсуждавшихся вопросов) были приглашены британские и американский военные представители: генералы Исмей и Дин соответственно. В своих выступлениях они предоставили своего рода резюме решений, принятых на Вашингтонской и Квебекской конференциях 1943 г., подчеркнув нарастающий объем воздушных бомбардировок и усиление ВВС США и Великобритании — важнейшее условие успешной высадки на континенте. Они также предоставили достаточно подробную информацию о количестве дивизий, которые планировалось задействовать в операции «Оверлорд», необходимых десантных судах и численности авиационных частей и соедине-

ний. Все это должно было убедить советскую делегацию в серьезности намерений США и Великобритании, а также продемонстрировать открытость и доверие, с которыми они были готовы обсуждать данные вопросы.

Однако как минимум два пункта могли насторожить представителей СССР. Первый из них был таков: для проведения «Оверлорда» ставились некоторые условия, в том числе наличие не более 12 германских моторизованных дивизий на территории Франции, Бельгии и Нидерландов к моменту вторжения, а также невозможность для Германии перебросить с других фронтов «более чем 15 первоклассных дивизий в течение первых двух месяцев операции». Примечательно, что Черчилль готов был считать и эти условия слишком «мягкими»: «...максимальное сосредоточение германских сил, которое американцы и мы сможем преодолеть, — 8 дивизий на четвертый день после высадки», — писал он Идену 18 октября⁸⁰.

В связи с этим не случайно, что на заседании 28 октября маршал Ворошилов поставил вопрос о том, существует ли определенный диапазон в приведенных условиях: «...что будет, если немцы смогут перебросить больше дивизий, например 16 или 17? Послужит ли это поводом для отмены или затяжки операции?» Не менее справедливым был вопрос Ворошилова и о способах, которым будет определено количество германских моторизованных дивизий к моменту вторжения. Исмей сослался на «хорошую разведку», надеясь, возможно, на не раз помогавшие британцам мероприятия по взламыванию германских шифров (операция «Ультра»). Тем не менее, как покажут дальнейшие события, определенные сомнения Ворошилова были оправданы⁸¹.

Второй пункт в докладах Исмея и Дина, который таил в себе новые противоречия, заключался в том, что «масштаб первоначального наступления, — по словам Исмея, — в значительной степени обуславливается тоннажем и количеством специальных десантных средств, которые будут иметься к тому времени в нашем распоряжении». Речь шла не только о постройке новых десантных средств, но и о передислокации уже имевшихся, а это неизбежно ставило вопрос о приоритетах союзнической стратегии ведения войны.

Еще один вопрос, связанный с проблемой второго фронта и обсуждавшийся на конференции, касался обмена военной информацией. Как говорил Иден на заседании 28 октября,

в связи с готовящимися операциями на континенте британским и американским военным было бы «очень полезным иметь как можно большую информацию о тех успехах, которые имеют советские войска в борьбе против германской армии». В Лондоне также особенно интересовались сведениями советских войск относительно германской разведки⁸². В Москве Иден предложил достигнуть трехсторонней договоренности об обмене военными сведениями, касающимися германских вооруженных сил, а также «боевого качества соединений противника и применяемой тактики»⁸³. Хотя Молотов отреагировал на предложение Идена положительно, переговоры по заключению договора застопорились. В итоге к концу 1943 г. договор так и не был подписан⁸⁴.

Тем не менее англо-американский ответ на вопрос о создании второго фронта к весне 1944 г., как отмечалось в телеграмме советским послам по итогам конференции, был «в общем и целом удовлетворителен»⁸⁵. Молотов получил заверение в том, что ранее принятое решение о сроках «Оверлорда» остается в силе, хотя союзники сознательно избегали называть даже ориентировочную дату начала операции. Особое усердие в загуманивании этого вопроса проявлял Иден, следуя указаниям Черчилля. 26 октября — накануне второй встречи Идена со Сталиным — премьер-министр прислал главе Форин-офиса телеграмму командующего союзными силами в Италии генерала Д. Эйзенхауэра с описанием осложнений в ходе итальянской кампании, который испытывал британский командующий генерал Г. Александер. Черчилль приказал прочесть эту телеграмму Сталину, с тем чтобы осторожно намекнуть тому на возможность отсрочки начала операции «Оверлорд» ради успешного завершения военных действий в Италии. В следующей телеграмме Идену он расшифровал сугубо для его сведения, что эта «небольшая отсрочка» может продлиться до июля 1944 г.⁸⁶

Советский лидер прекрасно понял подлинный смысл демарша Черчилля, спросив Идена «прямо в лоб» (как телеграфировал сам Иден об этой беседе), «означает ли это сообщение отсрочку «Оверлорда» и как долго она может продлиться — месяц или два. Иден ушел от прямого ответа, на что Сталин с усмешкой заметил: «...премьер-министр хочет, чтобы ему доставались более легкие дела, а нам, русским, — более трудные. Это можно было сделать один раз, два раза, но нельзя этого делать все время»⁸⁷.

Доклады Исмея и Дина были переданы советской стороне в письменном виде и составили приложения № 1 и 2 к особо секретному протоколу по итогам конференции⁸⁸. Текст объединенного коммюнике также был призван подчеркнуть как для общественности, так и для противника значимость военной части переговоров. Здесь подчеркивалось, что на конференции состоялись «исчерпывающие и искренние дискуссии»⁸⁹. Как следует из документов секретариата Вышинского, входившего в состав редакционной комиссии конференции от СССР, подобную формулировку предложили западные союзники⁹⁰. Сам Вышинский не хотел чрезмерно утеплять смысл достигнутых договоренностей. Во фразе из советского проекта решения по первому вопросу повестки дня — «Советское Правительство с удовлетворением приняло к сведению...» — он вычеркнул слова «с удовлетворением»⁹¹.

Обсуждение двух других советских предложений по сокращению сроков войны (по Турции и Швеции) проходило по несколько иному сценарию. Главными действующими лицами были Молотов и Иден. Хэлл, апеллируя к невозможности обсуждать военные вопросы без консультации со своим правительством, занимал либо выжидательную позицию, либо уклончиво-отрицательную.

О резонах СССР при формулировании предложения о давлении на Турцию, чтобы она вступила в войну, можно судить по телеграммам посла в Анкаре С. А. Виноградова. В июле, в частности, он писал Молотову: «В связи с изменившейся международной обстановкой... нейтральная Турция превратилась в неблагоприятный фактор, ибо Турция стала барьером, препятствующим союзникам перенести военные действия на Балканы». Схожую мысль уже в октябре 1943 г. Идену высказал Сталин: «В настоящее же время турецкий нейтралитет, который был в свое время полезен союзникам, полезен Гитлеру, ибо он прикрывает его фланг на Балканах»⁹². В июле 1943 г. Виноградов предлагал организовать одновременное давление СССР, Англии и США на Анкару с целью использовать турецкую территорию в качестве плацдарма для кампании союзников на Балканах. «А если Турция откажет, то отказ не был бы „бесполезен“ для нас, так как увеличил бы счет наших претензий к Турции, который мы в свое время сможем ей предъявить»⁹³. Тем самым советское предложение по Турции представлялось почти «беспроектным». В случае его

принятия можно было оттянуть силы Германии на Балканы, в случае отклонения — ослабить позиции Турции в глазах Лондона и Вашингтона, что могло затем благоприятно сказаться при решении вопроса о проливах⁹⁴.

В период подготовки к конференции советская позиция стала еще более жесткой. Идеи получения военно-воздушных баз на территории Турции или открытие ею проливов для союзников (при закрытии для стран «оси») ассоциировались с британскими планами, не вызывавшими полной поддержки. В проекте документа для советской делегации под названием «Совместная политика в отношении Турции» указывалось: «Маловероятно, чтобы англичане и американцы поставили вопрос об оказании давления на Турцию с целью включения ее в войну. Если, однако, этот вопрос будет поставлен, то возражать против него не следует. Но необходимо подчеркнуть, что речь может идти лишь о немедленном вступлении Турции в войну, так как запоздалое вступление Турции в войну может лишить этот акт должного значения для союзников»⁹⁵.

Не исключали в НКВД и тактику прямого давления на Турцию: если обращение трех держав с предложением вступить в войну не вызовет действия, подразумевалась возможность «прекратить снабжение Турции оружием». Последний пункт, однако, был затем вычеркнут Вышинским, хотя подобное развитие событий, как можно предположить, не исключалось⁹⁶. О серьезности НКВД в стремлении обеспечить вступление Турции в войну на данном этапе говорила готовность подписать при подобном условии договор, обеспечивавший бы «неприкосновенность турецкой территории и прав Турции»⁹⁷. Определенную роль в движении «турецкого вопроса» могли сыграть и тактические причины: поскольку американцы и британцы не могли предложить конкретных мероприятий по созданию второго фронта уже в 1943 г., то можно было ожидать их уступок по менее «значимым» проблемам.

Приоритеты Великобритании были иными: Лондон в первую очередь был заинтересован в получении от Анкары авиабаз в Юго-Западной Анатолии для борьбы с немцами за Додеканезские острова (4 октября британцами был потерян важный остров Кос), считая, что со вступлением Турции в войну можно подождать⁹⁸. В Вашингтоне на ситуацию смотрели несколько иначе. Рузвельт писал Хэллу о том, что «в настоящий момент мы не считаем целесообразным подталкивать Турцию к вступлению в войну»,

так как она потребует взамен большое количество военных материалов, что может негативно сказаться на операциях в Италии и готовящемся вторжении во Францию. Государственный секретарь довел эту позицию до советской стороны в меморандуме от 28 октября⁹⁹.

В конечном счете Молотов счел возможным пойти на компромиссное решение по турецкому вопросу. Во время встречи 1 ноября, уже после официального закрытия Московской конференции, Иден, подчеркнув значение турецких авиабаз для операций британских сил, предложил вариант, который и вошел в «Протокол о Турции», подписанный СССР и Великобританией в тот же день. В нем говорилось о необходимости сделать Турции совместное предложение о вступлении в войну до конца 1943 г., немедленные же действия — попросить у Анкары «предоставления возможностей на турецких авиабазах в распоряжение союзных сил и обеспечения тех других возможностей, которые могут быть признаны желательными двумя правительствами». Благодаря настойчивости Гарримана¹⁰⁰ и нежеланию Вашингтона отдаляться от союзников, США несколько изменили свою позицию — 10 ноября они также присоединились к «Протоколу о Турции».

Если к обсуждению турецкого вопроса на Московской конференции по крайней мере британцы были готовы, то предложения СССР по Швеции вызвали удивление: «...эта мысль была для меня новой», — признавался Иден на заседании 20 октября. За идеей советской стороны надавить на Стокгольм в целях получения авиационных баз стояло несколько соображений.

Отношение Москвы к шведской политике, особенно в отношении транзитных перевозок военных грузов в Финляндию, было негативным. В начале сентября 1943 г. Лозовский причислял Швецию (наряду с Испанией, Португалией, Швейцарией, «не говоря уже о Турции») «к так называемым нейтральным странам, которые по сути помогали немцам»¹⁰¹. Во время беседы со шведским посланником В. Ассарсоном 18 сентября Молотов указал на то, что перевозки военных материалов, необходимых для войны против СССР, в Германию и Финляндию по железным дорогам Швеции (как и транзит через ее территориальные воды) продолжают-ся¹⁰². Сталин говорил о том же Идену: «Швеция помогала Германии и сейчас помогает»¹⁰³. Весьма подробный список нарушений Швецией своего нейтралитета был подготовлен для НКВД Первым управлением НКГБ в ноябре 1943 г.¹⁰⁴

Надавить на Швецию с целью большего соблюдения ей нейтралитета — таковой, как представляется, и была основная цель Москвы¹⁰⁵. Соответствующее предложение, сформулированное в период подготовки к конференции, в изначальной редакции гласило: «Предъявить Швеции от имени трех держав требование о предоставлении союзникам авиационных баз для борьбы против Германии, заявив ей, что в случае ее несогласия будут отменены льготы по пропуску судов в Швецию». Хотя затем оно было отредактировано Вышинским в сторону смягчения (вместо «предъявить требование» — «сделать предложение», снята последняя часть с угрозой отменить льготы), первоначальная редакция яснее передает суть советской позиции. Вместе с тем, как и в случае с Турцией, НКВД был готов подписать соглашение о неприкосновенности шведской территории¹⁰⁶.

Хотя Молотов, выдвигая предложение по получению от Швеции авиабаз, апеллировал к недавнему опыту британцев¹⁰⁷ (8 октября войска Великобритании получили военные базы на Азорских островах), скорее подобный шаг был элементом дипломатического маневрирования. Ожидаемый отказ Швеции мог быть затем использован как повод для того, чтобы выдвинуть требования по более строгому соблюдению нейтралитета. Показательно, что по результатам Московской конференции в Форин-офисе сделали вывод, что сам СССР не собиравшись пользоваться базами на территории Швеции¹⁰⁸.

В ответ на советские предложения по Швеции Иден поставил вопрос не только о помощи, которую Стокгольм может запросить в обмен на авиационные базы, но и отметил: «Мнение Швеции до некоторой степени имеет отношение к тому, что думает Советское правительство о Финляндии». Действительно, цели СССР в отношении Финляндии вызвали обеспокоенность за рубежом, причем не только в Стокгольме, но и в Вашингтоне¹⁰⁹. Хотя до начала конференции в НКВД был подготовлен документ, суммировавший советскую позицию по Финляндии — одному из «наиболее активных сателлитов гитлеровской Германии» (акцент на требовании безоговорочной капитуляции, необходимость обращения Финляндии непосредственно к СССР, интернирование германских войск на финской территории)¹¹⁰, Молотов, не собиравшийся начинать дискуссию еще и по финскому вопросу, отказался связывать проблему шведских баз и Финляндии. В НКВД считали, что США и Великобритания излишне

мягко относятся к Финляндии и не принимают во внимание характер и масштабы ее участия в войне на стороне Германии. Согласно оценке Лозовского от 12 октября, отказ финского правительства от капитуляции и вовсе «объясняется не столько боязнью германских войск, сколько поощрением, исходящим из Англии и США»¹¹¹. В итоге конкретных решений по данному советскому предложению принято не было — три державы согласились лишь продолжить «изучение вопроса».

Второй вопрос повестки дня — Декларация четырех держав — вызвал на конференции достаточно серьезные дискуссии. Хэлл, обрадованный готовностью Молотова обсуждать данный вопрос в Москве, 21 октября представил новый вариант декларации (за день до этого он был втайне передан и китайскому послу, который переправил его копию в Чунцин)¹¹². В новый вариант, в частности, был добавлен пункт о том, что декларация не затрагивает отношений государств, подписавших ее, с державами, с которыми те «не находятся в состоянии войны»¹¹³, — явное стремление успокоить СССР по поводу возможного обострения отношений с Японией. Для достижения этой же цели Хэлл согласился на удаление из текста декларации пункта о технической комиссии, которая должна была координировать действия четырех держав «в случае возникновения угрозы миру».

Тем не менее Молотов продолжал сомневаться, убеждая Хэлла на заседании 21 октября, что лучше подписать на конференции декларацию трех держав, к которой Китай мог бы присоединиться позднее. Хотя государственный секретарь подчеркивал «психологическую важность» участия Китая в декларации, говорил о рисках «непонимания в остальном мире», дело было не только в психологии.

Вашингтон заранее ожидал трудностей с включением Китая в Декларацию четырех. Рузвельт, инструктируя Хэлла перед отправлением на конференцию, говорил о необходимости «приложить все усилия для обеспечения согласия британцев и русских на участие Китая в соглашении. И те и другие могут создать трудности»¹¹⁴. Для Рузвельта фактор Китая имел серьезное значение, «как для настоящего, так и для будущего, как сам по себе, так и из-за его влияния на Британскую Индию»¹¹⁵. Особенно привлекал американского президента потенциал развития Китая в будущем. В разговорах с Гопкинсом в ноябре 1943 г. он говорил о том, что через 50 лет Китай будет служить проти-

вовесом британскому и иному европейскому влиянию в Азии, сдерживать советские амбиции в регионе, быть защитой против возрождающейся Японии¹¹⁶. Включение относительно послушного гоминьдановского Китая в проектировавшуюся Рузвельтом группу «четырех полицейских» должно было усилить и собственные дипломатические позиции США в ней.

Тем самым за стремлением Хэлла включить Китай в число государств, подписавших Декларацию четырех, стояли серьезные соображения. На заседании конференции 26 октября Молотов дал свое согласие на это. Вопрос, очевидно, был согласован со Сталиным, который, в свою очередь, определился с решением относительно Японии, о котором он сообщит государственному секретарю позже. 30 октября Фу Бинчан от имени Китая поставил свою подпись под декларацией. Как вспоминал академик С. Л. Тихвинский, в 1943 г. молодой сотрудник Дальневосточного отдела НКВД, «Китай, по настоянию США, был также представлен на этой конференции, но буквально на несколько минут. Мне как раз довелось встречать у входа китайского посла, который прибыл в заключительный день работы конференции, чтобы успеть раздеться, войти в зал заседания, поставить свою подпись под Декларацией четырех и вернуться к себе в посольство»¹¹⁷. После подписания декларации Молотов сделал на документе отметку: «Москва, 30 октября 1943 г.».

Помимо принципиального вопроса о включении Китая, дискуссии на конференции вызвал и сам текст Декларации четырех. Поправки, которые вносила каждая из сторон, отражали специфику ее интересов и внешнеполитических целей. СССР стремился сохранить максимально возможную «свободу рук» в отношении территорий, которые будут освобождены советскими вооруженными силами. В связи с этим Молотов настоял на удалении фразы о совместных действиях «в отношении любой оккупации территории противника и территории других государств, которые находятся в руках этого противника» (п. 2. Декларации)¹¹⁸. Иден оказывал сопротивление, надеясь, что включение указанной фразы в декларацию позволит им влиять на ситуацию в странах Восточной и Центральной Европы, немалая часть которых, как было ясно, будет освобождена именно Красной армией. Тем не менее в рамках работы редакционной комиссии конференции (образована 22 октября) советской стороне удалось отстоять свою позицию. То же стремление — не

ограничивать своей внешнеполитической инициативы — проявилось и советских поправках к ст. 6, которую Хэлл называл «актом самоограничения великих держав». В соответствии с ней, «по окончании войны» (в английском варианте — «по окончании военных действий»¹¹⁹) государства, подписавшие декларацию, соглашались «не применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации». Первоначальное американское предложение о необходимости «совместной консультации и соглашения» накладывало больше обязательств, что не устраивало Москву¹²⁰. Молотов также указал на неясности, вытекающие из применения данного пункта к договорам о взаимопомощи, при которых одно государство предоставляет другому базы на своей территории: будет ли указанный пункт препятствием в организации подобных баз?

Окончательная редакция в целом удовлетворила советскую сторону. Немалую поддержку Молотову при принятии указанных поправок оказал Хэлл. Учитывая его меньший интерес к делам Восточной и Центральной Европы, чем у Идена, а также принимая во внимание его приоритет — подписание Декларации четырех в Москве (при участии Китая), — государственный секретарь шел на уступки Молотову. Советская делегация умело сыграла на различии подходов США и Великобритании и достигла большинства своих целей в отношении декларации.

Вопрос о создании «международной организации для поддержания мира и безопасности», о которой говорилось в п. 4 декларации, был, с точки зрения советской делегации, тесно связан с поставленным Лондоном вопросом «о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности». Предложение британцев сводилось к подписанию декларации, в которой, помимо косвенного одобрения создания конфедераций в Европе, говорилось бы о том, что СССР, США и Великобритания «не будут стремиться к созданию каких-либо отдельных районов ответственности в Европе»¹²¹.

В комиссии Литвинова, где еще до получения британских предложений отмечалась взаимосвязь между вопросами о международной безопасности и системе союзов и блоков в Европе¹²², считали, что британское предложение вызвано двумя основными причинами: Лондон

стремился успокоить Вашингтон, опасавшийся возрождения политики «сфер влияния»; на него могли воздействовать поляки «со свойственными им напористостью и способностью к закулисным интригам»¹²³, опасавшиеся, ввиду ходивших в Лондоне разговоров, того, что Польша перейдет в советскую «зону». В качестве контрпредложения Литвинов высказывал идею создания «специальной комиссии из представителей СССР, США и Соединенного Королевства для совместной разработки проблемы международной организации по охране безопасности».

Молотов во многом учел эти рекомендации. На заседании 28 октября, после того как Иден снял свои предложения, считая, что вопрос исчерпан принятием Декларации четырех, нарком выступил с предложением о создании комиссии для «предварительной совместной разработки вопросов, связанных с учреждением всеобщей международной организации». Тем самым советская сторона не только избавилась от британской декларации, «имеющей целью дать удовлетворение полякам, туркам и другим опасавшимся нашего влияния на востоке Европы»¹²⁴, но и выступила в качестве сторонницы дальнейших шагов «в деле международного сотрудничества», как заявил Хэлл. Этот пункт Декларации, по сути, проложил дорогу к конференции в Думбартон-Оксе, на которой будут разработаны основы Устава будущей Организации Объединенных Наций.

Хотя Иден не стал подробно развивать британские планы о создании федераций в Европе, одно упоминание о них вызывало у СССР настороженность. Рассматривая в сентябре 1943 г. возможность образования федерации в масштабе всей Европы, советский дипломат Б. Е. Штейн отмечал: «...проектируемая теперь европейская федерация объективно может быть лишь орудием английской гегемонии на континенте Европы... Учитывая неизбежное ослабление ряда европейских государств после Второй мировой войны, Советский Союз вряд ли будет заинтересован в том, чтобы укреплять эти государства при помощи европейской федерации и, таким образом, способствовать созданию политического организма, более мощного, чем отдельные государства... при выборе между двумя концепциями: европейской федерации или отдельных союзов (конфедераций) скорее следует отдать предпочтение отдельным союзам, а не общеевропейской федерации. Само собой разумеется, что отношение СССР к конкретным конфедерациям должно быть рассмотрено особо»¹²⁵.

В записке на имя Сталина и Молотова от 4 октября Литвинов также подчеркивал риски для СССР, связанные с образованием федераций и конфедераций в Европе: «Мне представляются особенно нежелательными отдельные группировки католических стран, которыми руководил бы Ватикан, как, например, австро-баварская, австро-венгерская, польско-венгерская и т.п.». Однако ввиду популярности идеи и возможной заинтересованности самого СССР в некоторых федерациях (к примеру, балканской) Литвинов предлагал «добиваться отсрочки разрешения этой проблемы», аргументируя ее необходимостью для освобожденных стран восстановить национальный суверенитет, иметь время для того, чтобы «разобраться в новой обстановке послевоенного периода», наконец, апеллируя к нерепрезентативности эмигрантских правительств¹²⁶. Аргументы Литвинова явно понравились Молотову: в тексте записки он обвел их синим карандашом. Идеи, схожие с литвиновскими, были сформулированы и в предложении Корнейчука от 15 октября¹²⁷, через день их вновь суммировал для наркома и сам Литвинов¹²⁸.

Опираясь на идеи Литвинова и Корнейчука, Молотов на заседании 26 октября изложил в целом негативное отношение советской стороны к преждевременному обсуждению вопроса федераций, подчеркнув также, что некоторые подобные проекты «напоминают советскому народу политику санитарного кордона, направленную, как известно, против Советского Союза и воспринимаемую поэтому советским народом отрицательно»¹²⁹. В итоге Иден по сути снял вопрос с обсуждения, отложив на «соответствующий благоприятный момент».

Если Молотов опасался британских проектов в отношении стран Центральной и Восточной Европы, то и Иден настороженно относился к возможным действиям Москвы в этом регионе. Британские опасения наглядно проявились при обсуждении вопроса «о соглашениях между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам». К октябрю 1943 г. он уже имел свою историю, начало которой можно отнести к британской ноте от 9 июня 1942 г. Тогда, во время пребывания Молотова в Лондоне, обсуждался вопрос о заключении соглашения между СССР и правительством Югославии в эмиграции. «Иден, — как говорилось в памятной записке посольства СССР в Великобритании от 26 июля 1943 г., — предложил договориться о том, чтобы Советский Союз и Великобри-

тания не заключали с другими государствами в Европе, правительства которых находятся в изгнании, договоров по послевоенным вопросам без предварительной взаимной консультации и согласования. В.М. Молотов обещал изучить этот вопрос и доложить об этом предложении Советскому правительству»¹³⁰. Летом 1943 г. Иден снова поднял эту тему, пытаясь заблокировать заключение готовившегося советско-чехословацкого соглашения. Последовала нотная переписка между Лондоном и Москвой, однако и на сей раз она не дала конкретных результатов.

Накануне Московской конференции было подготовлено новое британское предложение, переданное Керром Молотову 1 октября. Его условия были жестче, нежели предлагавшиеся в июне 1942 г. Если раньше речь шла о незаключении договоров без взаимной консультации и согласования, то теперь СССР и Великобритания должны были вовсе не вести переговоров с другими европейскими странами «в отношении вопросов, касающихся мирного урегулирования или послевоенного периода». Молотов обратил внимание на изменение сути британских предложений и попросил разъяснений. НКВД, опираясь на тщательный анализ имевшихся договоренностей, не собирался идти на поводу у Лондона. В справке по данному вопросу, подготовленной 11 октября, отмечалось: «Между Англией и СССР нет прямых соглашений, которые налагали бы на оба правительства обязательства консультировать друг друга по тем или иным вопросам, за исключением вопросов, имеющих прямое отношение к войне, которые определены в статье 2 договора от 26 мая 1942 года»¹³¹.

Вопрос был поднят на Московской конференции 24 октября. За день до этого Молотов разослал американцам и британцам проект договора «о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» между СССР и Чехословакией сроком на 20 лет. В проекте договора особо оговаривалась возможность присоединения к нему при обоюдном согласии СССР и Чехословакии третьей страны, граничащей с ними, — под ней подразумевалась Польша. Цель подобного пункта была достаточно ясной — сделать договор более приемлемым для Лондона.

На заседании 24 октября нарком сначала «прощупал» позицию Хэлла: тот сослался на свою непосвященность в советско-британскую переписку по данному вопросу и не проявил

особой заинтересованности. Вполне возможно, что он, как и Рузвельт, не хотел на данном этапе «ввязываться» в договоренности, «отдающие политикой „фер влияния“»¹³².

Это могло приятно удивить наркома — в период подготовки к конференции в НКВД не исключали, что Хэлл будет стремиться к участию в дискуссии и «переформатированию» предложенной британцами двусторонней договоренности (о незаключении соглашений с малыми союзниками по послевоенным вопросам) в трехстороннюю (в подобном случае предлагалось «не возражать») ¹³³. Молотов, выяснив, что англо-американского «фронта» не существует, перешел в наступление, подчеркивая «положительное значение» договора для СССР и Чехословакии, а также тот факт, что он «заключается между двумя государствами, имеющими общую границу, против возможной агрессии Германии в будущем, между двумя государствами, являющимися союзниками в теперешней войне против Германии». Нарком также зачитал советское заявление по вопросу о договорах по послевоенным вопросам. В нем, в частности, указывалось на право СССР и Великобритании «заключать соглашения по послевоенным вопросам с пограничными союзными государствами, не ставя это в зависимость от консультации и согласования между ними, поскольку такого рода соглашения касаются вопросов непосредственной безопасности их границ и соответствующих пограничных с ним государств...»¹³⁴

Данное заявление было показательным для концепций безопасности, существовавших в Москве в данный период. В НКВД господствовало убеждение в том, что вопросы послевоенного устройства «надо разрабатывать с точки зрения максимальной безопасности советских границ от нового нападения, а также с точки зрения того, как мы мыслим себе будущую Европу с точки зрения наибольшей устойчивости и безопасности»¹³⁵. В заявлении Молотова подчеркивался при этом и другой аспект, своего рода минимум требований СССР, — обеспечение «непосредственной безопасности», то есть фактически отсутствие прямых угроз границам СССР в виде враждебных государств. В реализации этой цели советская сторона стремилась сохранить максимальную «свободу рук», не ставя заключение договоров с приграничными государствами в зависимость от консультаций и соглашений с Лондоном и Вашингтоном.

Договор с Чехословакией был важен для Москвы и как определенная альтернатива бри-

танским планам «конфедераций». Он задавал иной образец выстраивания системы европейской безопасности: не в виде объединений отдельных малых государств, а за счет двусторонних договоров о взаимопомощи между малым (средним) государством и «великой державой». Эта идея находила отражение и в пропагандистских мероприятиях. Радиостанция «За национальное освобождение», вещавшая на территорию Чехословакии из Москвы, в ноябре 1943 г. противопоставляла планам «федераций» и «конфедераций» «славянскую русофильскую ориентацию, тесный дружественный союз с СССР»¹³⁶.

Заявление Идена о том, что у него «нет возражений против договора» СССР и Чехословакии, приятно удивило Молотова. Однако британский министр еще в период подготовки к конференции предусмотрительно зарезервировал возможность одобрения советско-чехословацкого договора при двух основных условиях: возможности присоединения к нему Польши и наличия благоприятной атмосферы при обсуждении других вопросов, затрагивавших советско-польские отношения¹³⁷.

Хотя Иден дал согласие на советско-чехословацкий договор 24 октября, обсуждение польского вопроса, с которым он связывал свое согласие на договор, состоялось лишь 29 октября. Настрой сторон не предвещал достижения крупных результатов. Советское правительство продолжало придерживаться точки зрения о невозможности возобновления дипломатических отношений с польским правительством в эмиграции, пока оно не изменит своей «враждебной позиции» в отношении СССР¹³⁸. По каналам разведки в августе — октябре в Москву поступали сведения о подготовке польского правительства «к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении ее на территорию Польши». Указывалось на то, что польское правительство и военные круги «фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии. Допускают, что англичане знают об указанных инструкциях [об оказании сопротивления Красной армии] уполномоченному польского правительства и молчаливо одобряют их»¹³⁹.

В период подготовки к конференции НКВД во внутренних разработках четко сформулировал советскую позицию: «При обсуждении польского вопроса дать понять, что, так как Польша является нашим соседом и имеет с нами общие границы, — вопросы о советско-польских отно-

шениях касаются раньше всего нас самих, что нынешнее польское правительство хуже правительства Сикорского. Сказать, что мы за независимую Польшу, готовы помочь, но хотим, чтобы там было правительство, дружественное по отношению к Советскому Союзу»¹⁴⁰. При этом, по всей видимости, не исключалось, что дискуссии по польскому вопросу могут пойти достаточно далеко — было разработано два проекта по вопросу советско-польской границы. За ее основу предполагалось взять «линию Керзона» с небольшими отклонениями: район Ломжи, «имеющий значительное польское население», должен был отойти Польше; район Белостока, «имеющий преимущественно белорусское население», — Белорусской ССР; район Сувалок, Клайпедская область и ряд восточных районов Восточной Пруссии — Литовской ССР¹⁴¹.

Несмотря на нежелание Москвы возобновлять отношения с польским эмигрантским правительством, советское руководство не хотело предпринимать резких шагов, которые могли бы создать впечатление о создании в СССР в это время нового польского правительства вокруг Союза польских патриотов (образован в марте 1943 г. с центром в Москве). Показателен тот факт, что советская делегация предусмотрительно отказалась от идеи разослать меморандум Союза польских офицеров всем членам Московской конференции, что в октябре 1943 г. предлагал сделать Лозовский¹⁴². Характерен и другой факт: в ноябре 1943 г. Сталин лично вычеркнул имя председателя союза В.Л. Василевской из списка награждаемых орденом Ленина¹⁴³ — такой жест мог быть неправильно истолкован за рубежом. Вместе с тем 1-я польская пехотная дивизия имени Т. Костюшко, сформированная на территории СССР с весны 1943 г., после того как была удовлетворена соответствующая просьба Василевской к Сталину¹⁴⁴, пользовалась вниманием. Свидетельства тому — решения Политбюро о награждении ее солдат и офицеров¹⁴⁵. Москва хотела продемонстрировать роль дивизии в борьбе с Германией, противопоставив дивизию агентам польского правительства, которые, с советской точки зрения, сотрудничали с немцами.

В целом, ожидать принятия серьезных решений по Польше на Московской конференции было затруднительно. На заседании 29 октября Иден вновь заявил о желательности возобновления дипломатических отношений между СССР и Польшей, отдельно упомянув проблему поставок польскому движению Со-

противления оружия и военных материалов. Молотов подчеркнул, что «оружие можно давать только в надежные руки», выразив также недовольство советской стороны в связи с тем, что участие 2-го польского корпуса (бывшая армия Андерса) в военных действиях затягивается. На том обсуждение польского вопроса и закончилось¹⁴⁶.

Противоречия между советской и британской позициями выявились и по вопросам, касавшимся ситуации в Югославии. Иден стремился скоординировать политику Лондона и Москвы в отношении партизан во главе с лидером Коммунистической партии Югославии И. Б. Тито и четников во главе с Д. Михайловичем, министром обороны эмигрантского правительства. Фактически британский министр хотел использовать влияние СССР на Тито с целью смягчить его позицию в отношении эмигрантского правительства и короля Петра II Карагеоргиевича и одновременно укрепить позиции Михайловича, добившись одновременной отправки советской военной миссии как к партизанам, так и к четникам.

Молотов, ссылаясь на недостаточность информации, которой располагала советская сторона, стремился не брать никаких обязательств. В этом смысле он вновь следовал позиции, сформулированной в период подготовки к конференции¹⁴⁷. Нарком заявил о планах по отправке военной миссии к Тито, дав понять при этом, что по поводу аналогичной миссии к Михайловичу, который «поддерживает оккупантов и даже действует с ними заодно», у Москвы есть серьезные сомнения. При этом был поставлен вопрос о получении у британцев какой-либо базы в Африке для того, чтобы поддерживать связь с советской военной миссией в Югославии¹⁴⁸.

Безусловно, говоря о скудности получаемой из Югославии информации, Молотов не раскрывал всех карт. Как отмечают исследователи, «после роспуска Коминтерна И. Тито продолжал поддерживать прямую радиосвязь с Г. М. Димитровым, передавая через него информацию, предназначенную для правительства СССР, Сталина, а также радиостанции „Свободная Югославия”»¹⁴⁹. Действительно, по старым коминтерновским каналам в Москву поступали подробные отчеты о боевых действиях в Югославии, где указывалось, в том числе и на сотрудничество четников с германскими войсками¹⁵⁰, а также личные оценки Тито по поводу меняющейся военно-политической обстановки.

Более того, советская разведка имела доступ по крайней мере к некоторым британским телеграммам, поступавшим в Лондон из Каира, где с конца сентября 1943 г. располагались югославское эмигрантское правительство и король Петр. По ним Москва могла судить о далеко идущих планах эмигрантского правительства. Как сообщалось в Лондон, «югославский премьер-министр в основном был озабочен необходимостью сберечь имеющиеся в распоряжении Михайловича резервы для того периода, когда немцы будут изгнаны из Югославии»¹⁵¹.

Еще одна проблема, по которой советская и британская позиции не совпадали, заключалась в так называемых «мирных пробных шарах» со стороны вражеских государств. В течение 1943 г. и Москва, и Лондон неоднократно информировали друг о друга о различных маневрах союзников Германии по выходу из войны и поискам компромиссного мира. Так, накануне Московской конференции от Керра поступала информация о зондаже со стороны Венгрии, Молотов же сообщил британскому правительству о дипломатических маневрах Японии¹⁵². Тем не менее эта дипломатическая переписка выявила немаловажные расхождения между позициями СССР и Великобритании. Британцы, активно контактировавшие в Стамбуле с сотрудником венгерского МИД Л. Верешем, утверждавшим, что он представляет серьезную политическую группу Венгрии (во главе с премьер-министром М. Каллаи), и желавшим получить от Великобритании условия перемирия с Венгрией, выступали за предоставление ему достаточно благоприятного ответа. Согласно этому британскому ответу, хотя венгерское правительство должно было заявить о принятии «безоговорочной капитуляции» как можно скорее, тем не менее ему предоставлялась возможность считать, что «еще не настало время для подобного заявления». В таком случае венгерские власти должны были пойти на сокращение своих военных усилий в пользу Германии, дабы продемонстрировать действительную готовность сотрудничать с союзниками.

Советская сторона выступала против пункта о возможной отсрочке заявления о «безоговорочной капитуляции». Однако в британском ответе, переданном 9 сентября Верешу, пожелание Москвы не было учтено. В НКВД из англо-венгерских переговоров были сделаны серьезные выводы. В записке заведующего III Европейским отделом Смирнова от 15 октября подчеркивалось: «Тот факт, что еще в пери-

од активного участия Венгрии на стороне оси Англия решила пересмотреть свои позиции в отношении Венгрии в сторону смягчения... показывает, что в английской политике послевоенной Венгрии отводится особая роль... Венгрия должна стать объектом активной английской политики в послевоенной Юго-Восточной Европе, где Англия готовится обеспечить свои господствующие позиции, став на место ослабленных и разгромленных Германии, Франции и Италии»¹⁵³. Советская сторона имела возможность «перепроверить» достоверность сообщаемой британцами информации и по «неофициальным» каналам. По приводимым в литературе сведениям, один из венгерских агентов британского Управления специальных операций (СОЕ) сообщал информацию о переговорах с Вершем советскому торговому аташе в Анкаре¹⁵⁴.

В целом, за советско-британскими разногласиями по венгерскому вопросу стояла не просто борьба теоретических концепций. Принцип «безоговорочной капитуляции» больше всего отвечал интересам СССР в обеспечении своей безопасности, позволяя добиться наиболее жестких условий в отношении стран — сателлитов Германии. Так, в частности, в документе о капитуляции Венгрии комиссия Ворошилова предусматривала оккупацию советскими вооруженными силами ее территории, а также «установление контроля Главнокомандующего советскими вооруженными силами над судоходством по реке Дунаю и другим водным путям Венгрии»¹⁵⁵.

Напротив, отказ от принципа «безоговорочной капитуляции» открывал дверь планам, подобным тем, что развивались применительно к Венгрии весной — осенью 1943 г. спецслужбами как Великобритании, так и США. Их основная суть сводилась к тому, что поддерживались контакты с оппозиционными группами в странах-сателлитах, которые должны были «выйти на свет» в период высадки англо-американских войск на Балканах. Это могло перекрыть Красной армии доступ в Восточную и Центральную Европу¹⁵⁶. Учитывая взрывоопасный потенциал вопроса о «пробных мирных шарах», на Московской конференции министры иностранных дел сошлись на минимальной договоренности о необходимости информировать друг друга о «всякого рода пробных предложениях мира» и консультироваться с целью согласованных действий «в отношении подобных предложений».

Взаимная осторожность характеризовала и обсуждение германского вопроса на конференции. Еще в период подготовки к ней НКВД считал, что «одним из наиболее актуальных вопросов, по которым англо-американцы хотели бы прошупать нашу позицию, является „германский вопрос“, в частности вопрос о наших отношениях к условиям будущего перемирия с Германией и вопрос о ее послевоенном устройстве». Литвинов полагал, что у самих Вашингтона и Лондона отсутствуют «готовые предложения» по данному вопросу, выдвинут же он был «главным образом в результате антисоветской пропаганды, связанной с некоторыми нашими выступлениями и с образованием комитета „Свободная Германия” и Союза офицеров»¹⁵⁷.

Деятельность указанного комитета, образованного в июле 1943 г. в Москве из числа германских военнопленных, а также антифашистских германских общественных и профсоюзных деятелей и депутатов рейхстага, находившихся в СССР, рассматривалась послами Стэндли и Керром с опаской¹⁵⁸. Официальная позиция советского правительства в отношении комитета состояла в том, что он используется прежде всего в пропагандистских целях¹⁵⁹. Как и в случае с Союзом польских патриотов, в действиях СССР заметна определенная осторожность. Когда в октябре 1943 г. от советских дипломатических работников в США стали поступать предложения привлечь к деятельности комитета «Свободная Германия» известных германских писателей, находившихся в эмиграции (Г. Манна, Л. Фейхтвангера и др.; Г. Манн и во все хотел переехать в Москву на постоянное жительство), не кто иной, как ветеран Коминтерна Мануильский, вынес следующую резолюцию: «Обождать по политическим причинам»¹⁶⁰.

Дополнительным стимулом к сдержанности при обсуждении германского вопроса служило и другое соображение, выдвинутое Литвиновым: «Не в интересах союзников теперь же прокламировать те крайние меры, к которым придется прибегнуть для обезвреживания Германии в качестве агрессора и максимального ослабления ее в этих целях в военном, экономическом и территориальном отношениях... Публичное обсуждение этих мер может быть лишь на пользу Гитлеру, поскольку оно может спланивать немцев и усиливать их сопротивление». По данным советской разведки, и сами британцы не питали особых надежд на принятие решений по Германии на Московской конференции: «Иден считает маловероятным, чтобы три дер-

жавы пришли к какому-либо твердому соглашению по германскому вопросу», — говорилось в одном из донесений¹⁶¹.

Показательно, что даже американское правительство, о планах которого по раздроблению Германии («план Уэллеса») было известно как Лондону, так и Москве¹⁶², вело себя достаточно осторожно и не конкретизировало вариантов «децентрализации» Германии. При обсуждении данного вопроса на заседании 25 октября Иден и Молотов также воздержались от детальной разработки темы. Британский министр сослался на то, что его правительство «еще не приняло окончательного решения», Молотов, по воспоминаниям Хэлла, положительно отреагировавший на его предложения и даже заявивший в частной беседе об энтузиазме Сталина по их поводу¹⁶³, на официальном заседании высказывался осторожно. Помимо опасений о том, что разговоры о расчленении Германии могут быть «на руку Гитлеру», нарком также упомянул: советское правительство, «вероятно, несколько отстало в изучении данного вопроса... наши руководители сейчас больше заняты военными проблемами»¹⁶⁴.

Помимо взаимной осторожности достижению конкретных договоренностей по германскому вопросу препятствовал тот факт, что и внутри самих союзных правительств по нему не было единства. Особенно это касалось Москвы и Лондона. Несмотря на то что комиссия Литвинова в сентябре — октябре 1943 г. представила достаточно подробные разработки по разделению Германии на несколько государств (от 3 до 7)¹⁶⁵, в комиссии Ворошилова преобладали более осторожные мнения в этом вопросе¹⁶⁶.

Главным практическим решением Московской конференции, связанным с германским вопросом, стала Декларация об Австрии. Это было во многом британское «детище». Разрабатывая австрийскую проблему еще в мае, Иден исходил из того, что заявление о предоставлении независимости Австрии после войны усилит движение Сопrotивления в Австрии, а также может стать первым шагом в разработке дальнейших планов относительно ее судьбы. Одним из вариантов могла стать Центрально-либо Юго-Восточноевропейская конфедерация (в которую помимо Австрии могли войти Польша, Чехословакия и Венгрия)¹⁶⁷.

В этом отношении британское предложение об Австрии было связано и с проблемой конфедераций, что верно отметили в комиссии

Литвинова¹⁶⁸. Если образование конфедераций рассматривалось по большей части как нежелательное явление, к предоставлению независимости Австрии, напротив, в НКВД относились положительно, о чем Литвинов специально писал Сталину и Молотову 4 октября¹⁶⁹. В подготовленной в рамках его комиссии записке «О послевоенном устройстве Австрии» (11 октября) отмечалось, что создание «жизнеспособного, но малого государства» на австрийской территории отвечает интересам СССР¹⁷⁰.

В итоге на самой конференции стороны сошлись на условиях, которые устраивали всех. В Декларации об Австрии признавалась незаконность аншлюса, подчеркивалось желание трех держав видеть «восстановленной свободную и независимую Австрию», а также отмечалось, что «ее собственный вклад в дело ее освобождения», не снимая с нее ответственности за участие в войне на стороне Германии, будет «неизбежно» принят во внимание. Декларация была встречена позитивно (в частности, «Движение свободных австрийцев» в Великобритании выражало за нее «глубокую благодарность»¹⁷¹), ее положения использовались в советской радиопропаганде на Австрию¹⁷².

Если Иден шел на уступки Молотову в вопросах Декларации четырех, отказываясь от формулировок, которые могли сократить свободу внешнеполитического маневра СССР, а также по проблеме «самоограничения» великих держав, то он рассчитывал, что успешное решение вопроса о Военно-политической комиссии (ВПК) позволит в определенной степени их сбалансировать. Самому созданию комиссии, которая бы занималась согласованием политических курсов трех государств, он отводил важное место — без нее «невозможно никакое [мирное] урегулирование. В подобном случае очень скоро после завершения одной войны, мы будем готовиться к следующей»¹⁷³. Ухватившись за идею послания Сталина от 22 августа о создании ВПК «для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии», британский министр решил «убить сразу двух зайцев». Во-первых, функции ВПК, образованной 26 сентября главным образом для рассмотрения вопросов, связанных с условиями перемирия с Италией, необходимо было расширить; во-вторых, перенести место ее расположения из Алжира в Лондон¹⁷⁴. Последнее соображение, явно нацеленное на укрепление британских дипломатических позиций перед лицом Вашингтона,

должно было, как надеялись в Лондоне, встретить в Москве положительную реакцию¹⁷⁵.

Британские расчеты были небезосновательны. Литвинов, еще в начале октября размышляя о планах создания «союзной комиссии», отмечал, что ее пребывание «в Вашингтоне или Лондоне имеет для нас то преимущество, что наши представители не будут обязаны высказать сразу свое мнение по спорным вопросам, ссылаясь на необходимость получения инструкций из Москвы». Тем не менее он предлагал «добиваться создания этой комиссии в Москве»¹⁷⁶. Молотов, однако, не стал выступать с подобными предложениями.

К вопросу о ВПК в Москве относились серьезно. Малейшие попытки на Западе принизить ее значение наталкивались на ответ. Показательно, что после появления в «Таймс» одной из статей, в которых ВПК называлась «комиссией экспертов», Молотов специально отметил этот факт в письме Керру (от 30 сентября), указав на нежелательность подобных наименований¹⁷⁷. В преддверии конференции НКВД стремился к серьезному расширению функций ВПК, позиционируя ее как действенный орган межсоюзнического контроля за выполнением условий перемирия странами «оси». В письме Гамильтону от 14 октября Молотов, конкретизируя позицию, сформулированную 25 сентября¹⁷⁸, полагал, что ВПК «должна направлять и координировать деятельность организуемых на вражеских территориях военных органов и любых гражданских властей союзников по вопросам перемирия и контроля за осуществлением перемирия», издавать время от времени «инструкции и директивы для правительства Италии и, при аналогичных обстоятельствах, для правительств других стран оси с тем, чтобы военно-оперативные вопросы полностью подлежат ведению Союзных Главнокомандующих»¹⁷⁹. Западными союзниками подобное расширение функций ВПК, которое влекло усиление позиций СССР в итальянском вопросе, воспринималось негативно. Как говорилось на заседании британского кабинета министров 18 октября, «на изъятие контрольных полномочий у Главнокомандующего» правительство Великобритании идти не собиралось¹⁸⁰.

На самой конференции инициативу в вопросе трансформации ВПК проявили уже британцы. Поскольку ВПК в Алжире, существовавшая к началу Московской конференции, занималась итальянскими делами, Идену было необходимо каким-то образом соотнести новую

предлагаемую им комиссию (в Лондоне) со схемой контроля и управления Италией. На заседании 22 октября он изложил свою концепцию, суть которой НКВД суммировал следующим образом: «В настоящее время в Италии и Алжире не создавать никаких межсоюзнических органов, кроме Контрольной комиссии». В Италии ключевую роль в течение периода военных действий должна играть контрольная комиссия во главе с союзным Главнокомандующим. После занятия Рима и возвращения туда итальянского правительства создается Консультативный совет (КС) при Главнокомандующем, состоящий из высоких комиссаров (представителей США, Великобритании, СССР, а также, «если будет решено», ФКНО, Греции и Югославии), имеющий право предоставлять рекомендации Главнокомандующему. После окончания военной кампании в Италии КС получает от Главнокомандующего «исполнительную власть над работой по контролю»¹⁸¹. Внося указанные предложения, Иден стремился максимально сократить влияние СССР на ситуацию в Италии, сосредоточив контроль над ней в руках Главнокомандующего, действующего по инструкциям англо-американского Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ).

23 октября состоялось совещание в кабинете у Сталина с участием Молотова и его заместителей, что скорее всего свидетельствовало об обсуждении вопросов конференции. В фонде секретариата Вышинского сохранились недатированные краткие пометки, которые, с большой долей вероятности, могут быть отнесены именно к совещанию 23 октября. Приведем их в имеющемся виде с небольшим пропуском:

«У Т. Ст.

Ит. К ия-Конс. Совет из 6-ти (на худой конец) <...>

~~Конс. Лонд. Совет — После Назначить советника — Лондон~~

Любой вопрос, из связан с войной

Состав Лонд. — от 3 госуд.

Конс. совет по вопр Италии

~~Конс. Евр. Евр. Совет по К-т Европ. делам в Лондон»~~¹⁸².

Из этих, пусть и обрывочных, данных можно сделать два немаловажных вывода:

— во-первых, к потенциально важной комиссии в Лондоне (после исправлений фигурировала под названием «Европейский комитет»), членство в которой ограничивалось тремя государствами, испытывали осторожность. Отсюда — невысокий уровень

представительства (советник) и ограниченный круг вопросов для рассмотрения (непосредственно связанных с войной);

- во-вторых, возможности влиять на ситуацию в Италии придавали большое значение — отсюда согласие на идею о КС и нежелание чрезмерного расширения его состава («на худой конец»).

К 24 октября НКВД сформулировал свою позицию по предложениям Идена о межсоюзных органах. Советская сторона соглашалась с созданием комиссии в Лондоне (пока она обозначалась как ВПК) из представителей трех держав (участие ФКНО в ней считалось «нецелесообразным»), а также с образованием КС по Италии с участием представителей ФКНО, Греции и Югославии, «не допуская дальнейшего расширения». Особо оговаривалось, однако, что КС должен начать «функционировать немедленно на юге Италии, не дожидаясь занятия Рима», не будучи подчинен Союзному Главнокомандующему¹⁸³.

Готовность СССР согласиться с «итальянскими» предложениями Идена вызвала недоумение и даже подозрение в Форин-офисе. Здесь понимали, что они сводят советское влияние на ситуацию в Италии к минимуму¹⁸⁴. Однако в НКВД, по всей видимости, в конечном счете готовы были отнести Апеннинский полуостров в зону британских интересов¹⁸⁵, сохранив, однако, определенное влияние на политическую ситуацию в Италии (в том числе через итальянских коммунистов). К тому же создавался немаловажный прецедент для ситуации в Центральной и Восточной Европе.

Хотя сама идея создания ВПК в Лондоне не вызвала протестов с советской стороны, пунктом советско-британских разногласий стал вопрос о ее функциях. Британцы стремились к расширению компетенции комиссии и превращении ее в площадку для обсуждения не только военных, но и послевоенных вопросов. Ожидавшийся Керром уровень советского представительства — «т. Вышинский, которого мы надеемся увидеть в Лондоне»¹⁸⁶, — был достаточно высок. Одновременно это послужило бы символом своего рода преемственности между ВПК в Алжире и в Лондоне.

Молотов стремился свести первоочередные функции ВПК к подготовке условий перемирия с Германией и ее союзниками, а также контролю за осуществлением принятых условий перемирия. В целом нарком стремился приблизить ее функции к тому кругу проблем, которые сами

британцы обрисовали в своем меморандуме от 1 июля 1943 г. Как следует из предложений по данному меморандуму, представленных комиссией Ворошилова, советская сторона хотела добиться четырех основных целей:

- а) закрепить применение принципа безоговорочной капитуляции;
- б) усилить роль главнокомандующего «на данном театре военных действий» в реализации условий перемирия;
- в) создать возможности для вхождения в комиссию по вопросам перемирия в Европе союзных республик СССР, «на территории которых происходили военные действия»;
- г) обеспечить принципы равенства и единогласия в руководящем органе комиссии, что фактически давало бы Москве право вето¹⁸⁷.

Не хотел Молотов и того, чтобы комиссия в Лондоне становилась единственной площадкой, на которой обсуждались бы все европейские проблемы. Это могло сократить свободу дипломатического маневра СССР. В итоге нарком умело использовал предложение Хэлла о том, «чтобы в Вашингтоне, Лондоне или Москве собирать совещание во главе с министром иностранных дел при участии двух послов союзных государств»¹⁸⁸.

В целом советские поправки были в незначительной степени учтены в итоговых решениях по Европейской консультативной комиссии (ЕКК) — так стала называться комиссия в Лондоне — и КС в Италии¹⁸⁹. Хотя круг вопросов, которые могла рассматривать ЕКК, теоретически оставался весьма широким («европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать»), советская сторона добилась не только возможности пересмотреть компетенцию комиссии, но и того, что разработка условий капитуляции стран «оси» была признана одной из первых ее задач. Упомянут также формат трехстороннего обсуждения в соответствии с предложениями Хэлла, поддержанными Молотовым. В отношении КС в Италии были учтены советские запросы о его незамедлительном создании, а также пожелание о прикомандировании к верховным комиссарам небольшого штата «технических советников, гражданских и военных» (британская делегация настаивала ранее на упоминании лишь «технических» советников)¹⁹⁰.

Если с тем фактом, что военный контроль за ситуацией в Италии будет сосредоточен в руках американцев и британцев, советская

сторона согласилась относительно легко, то по вопросу о проведении там политических мероприятий по демократизации она первоначально заняла более жесткую позицию, которую в ходе дискуссии Молотов, однако, несколько смягчил. Это отразилось и на работе редакционной комиссии конференции, где Вышинский снял наиболее жесткие формулировки, критиковавшие медлительность англо-американских властей в ликвидации фашистских организаций и устранении профашистских элементов из административных органов¹⁹¹.

В опубликованной Декларации об Италии выражалось единство взглядов трех стран на меры, которые необходимо провести на итальянской территории, и даже подчеркивалось, что, хотя время, «когда будет возможно полностью осуществить вышеуказанные принципы», определяется ОКНШ, СССР, США и Великобритания будут «консультироваться друг с другом по этому вопросу» (данная фраза была вставлена по настоянию Хэлла). То, что советской делегации удалось зафиксировать в декларации конкретные меры по демократизации Италии, рассматривалось в НКВД как одно из важных достижений на конференции. «Причем это было сделано таким образом, — отмечалось в отчете Саксина, — что инициатором проведения демократических мероприятий в Италии были не всеми признанные демократы — Вашингтон и Лондон, а Москва — Советское правительство»¹⁹².

Различие точек зрения сказалось и при обсуждении французского вопроса. Ярко проявившись еще в ходе признания ФКНО в августе 1943 г., оно давало о себе знать и во время Московской конференции. В период подготовки к ней в НКВД подчеркивали, что «наша позиция по отношению к ФКНО определена в нашей формуле признания этого Комитета»; в случае британского предложения об образовании французского правительства на базе ФКНО советская делегация не должна была возражать, что свидетельствовало о готовности оказать поддержку организации Ш. де Голля¹⁹³. В противовес подобным ожиданиям направленная Иденом Молотову 24 октября «Основная схема управления освобожденной Францией» не только не упоминала о создании французского правительства, но и была нацелена на сведение роли ФКНО к минимуму. Комитет мог направить миссию по гражданским делам при штабе Главнокомандующего, однако ей отводились консультативные функции. Назначение французского офицера, который должен был управлять

гражданскими делами, также входило в компетенцию Главнокомандующего. Эксперты НКВД в своих внутренних оценках не без оснований усмотрели в этом «стремление таким образом получить от Советского Союза визу на право бесконтрольной деятельности англо-американского АМГОТа в освобожденной Франции»¹⁹⁴. Опыт АМГОТа на территории Италии подвергался серьезной критике как публично (на страницах журнала «Война и рабочий класс»)¹⁹⁵, так и во внутренних разработках НКВД¹⁹⁶. Закономерно, что на заседании 27 октября Молотов ясно указал на те положения схемы управления освобожденной Францией, которые вызывали у СССР сомнения. Было решено, что вопрос будет передан на рассмотрение ЕКК.

Если при обсуждении большинства указанных выше проблем основная дискуссия разворачивалась между Молотовым и Иденом, то в вопросах о послевоенном экономическом сотрудничестве с СССР и экономической реконструкции после войны роль главной скрипки играл Хэлл. В американских предложениях по данным проблемам многое устраивало советскую сторону. Готовность Вашингтона вести переговоры по вопросам восстановления СССР после войны была подтверждением для Москвы, что предложения, сделанные еще в ходе десятидневного визита Д. Нельсона в первой половине октября 1943 г., достаточно серьезны¹⁹⁷.

Реагируя на поступившее от Хэлла 25 октября предложение о предварительных переговорах по советско-американскому сотрудничеству в деле послевоенного восстановления СССР, нарком внешней торговли А.И. Микоян писал Молотову: «Как и следовало ожидать (курсив мой. — И.М.), в представленном документе Американская Делегация выражает желание сотрудничать в деле возмещения военного ущерба в СССР.. Следует дать согласие на ведение указанных переговоров»¹⁹⁸. Несмотря на позитивный настрой, Микоян не исключал, что в ходе Московской конференции Хэлл может поставить и вопрос о материальной компенсации за помощь, оказанную СССР по ленд-лизу. Основной контраргумент, по мнению наркома внешней торговли, должен был основываться на морально-политических факторах: «Советский Союз, выносящий на своих плечах основную тяжесть борьбы против фашистской агрессии, принес Соединенным Штатам огромные, не поддающиеся оценке и исчислению (выделено Вышинским. — И.М.), выгоды...»¹⁹⁹

Позитивно в это время воспринимались даже меры по либерализации международной торговли, с которыми выступали американцы. Как писал Микоян Молотову еще до начала конференции, «Советская Сторона заинтересована в том, чтобы были облегчены условия международной торговли, и в связи с этим для нас нет оснований отказываться от участия в международных соглашениях по данному вопросу. Советская Сторона, учитывая наличие государственной монополии внешней торговли, при которой размер таможенных пошлин имеет лишь условное значение, могла бы пойти на существенное снижение, а в отдельных случаях и на полную отмену таможенных пошлин». Микоян не был против и вхождения СССР в Международную валютную организацию и принятия за основу американского проекта Международного стабилизационного фонда с рядом поправок²⁰⁰.

Молотов, опираясь на эту точку зрения, говорил на конференции о том, что «наши экономические органы относятся положительно к тем предложениям, которые сформулированы американским правительством» по вопросу международного экономического сотрудничества.

Риск, однако, с советской точки зрения, состоял в том, что западные союзники попытаются связать вопрос об экономическом сотрудничестве с проблемой репараций. На совещании у Сталина 23 октября Вышинский сделал следующую пометку карандашом: «Надо отделить вопросы возмещения убытков от улучшения экономических отношений»²⁰¹.

Действительно, уже на Московской конференции вопрос о репарациях вызвал определенные противоречия. Молотова не удовлетворило то, что в американских предложениях не говорилось о репарациях со стран-союзников Германии, а также то, что объем репараций связывался с тем, насколько они могут быть получены «без такого ущерба для уровня жизни в Германии и для роста производства, который создал бы серьезные экономические и политические проблемы». Нарком отказывался следовать этой логике, подчеркивая, что «не в меньшей, а в большей мере заслуживает внимания вопрос о жизненном уровне тех стран, которые пострадали от нападения Германии», о чем в предложениях Хэлла говорилось «неясно»²⁰². Молотов, не последовав в этом вопросе рекомендациям комиссии Литвинова, высказался против принятия на конференции решения о создании комиссии по репарациям. Как представляется, свою роль в этом сыграл

и чисто практический вопрос: советская позиция по репарационному вопросу еще не была детализирована. Как отмечал Литвинов, «у нас вопрос репараций тщательно еще не разрабатывался ввиду отсутствия тов. Майского»²⁰³. Действительно, решение о создании Комиссии по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками (во главе с Майским), будет принято Политбюро лишь 22 ноября 1943 г.²⁰⁴

В этом же духе нарком отстаивал позицию о первоочередном восстановлении «объединенных и присоединившихся к ним наций», а не всех третьих государств через структуры Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРА), как можно было понять из предложений Хэлла. По данному вопросу Молотов вновь опирался на аргументацию, ранее предложенную Микояном²⁰⁵.

Еще одним вопросом, в котором выявились немаловажные трения в позициях СССР, с одной стороны, и Великобритании и США, с другой, был Иран. Целью союзников было подписание на конференции документа, в котором была бы сформулирована общая позиция трех держав по Ирану. И Лондон, и Вашингтон хотели получить от Москвы подтверждения обязательства о выводе войск из Ирана «не позднее шести месяцев после окончания войны с Германией», зафиксированного в советско-английско-иранском договоре от 29 января 1942 г. За этим стояли подозрения по поводу возможных действий СССР в Иране, которые новая советско-английская декларация (наряду с отдельным заявлением США аналогичного содержания) должна была несколько смягчить²⁰⁶. Британцы надеялись, что в отдельной декларации по общей политике трех государств в Иране будут даны заверения союзников в стремлении облегчить продовольственную и транспортную ситуацию в стране. Американская сторона хотела видеть в тексте данной декларации одобрение деятельности зарубежных советников при иранском правительстве, являвшихся в основном гражданами США.

Все эти попытки англо-американцев вызвали в Москве настороженность. В объемном документе «Об английской и американской политике в Иране», составленном Кавтарадзе в период подготовки к конференции, указывалось: «Одну из своих задач англичане видят „в защите Ирана от русского влияния“». Англичане считают, что среди верхушечных слоев иранцев сильно развиты опасения о том, что „русские отка-

жуются после войны покидать Иран"... Англичане обхаживают нынешнего молодого шаха Ирана, действуя на него через близкого им министра двора Али. Англичане ведут линию на дезорганизацию правительственной власти в Иране, стремясь дискредитировать правительство, возглавляемое лицами более или менее лояльно относящимися к нам, чтобы привести к власти своих людей..." Действия американцев, которых в Иране «интересует прежде всего нефть» и которые «без предварительного согласования с иранцами и нами» ввели на территорию страны свои войска, также оценивались негативно²⁰⁷. Само название одной из разработок по «иранскому вопросу» в преддверии конференции говорило само за себя: «Проявление враждебного отношения к нам со стороны англичан и американцев»²⁰⁸.

В сформулированных в Средневосточном отделе НКВД предложениях по иранскому вопросу указывалось на теоретическое согласие с британскими предложениями, призывавшими к сотрудничеству между тремя государствами в Тегеране, облегчению давления на иранскую экономику и координации политики в отношении иранского правительства. Однако советская сторона должна была в случае дискуссии по ним прежде всего призвать самих англичан и американцев к следованию заявленным принципам (критиковалось несогласованное решение англичан о передаче южного участка иранских железных дорог американцам, солидные расходы в иранской валюте, что било по финансам Тегерана, и т.д.)²⁰⁹.

Не исключено, что подготовка НКВД к обсуждению иранского вопроса на Московской конференции столкнулась и со сложностями организационного характера. В документе, представленном Молотовым Сталину 18 октября, в отношении пункта «Совместная политика в Иране» (исполнители — Кавтарадзе, Смирнов, Михайлов) указано: «Материал не предоставлен»²¹⁰. При этом в фонде секретариата Вышинского содержится большое количество недатированных, но явно относящихся к октябрю 1943 г. документов по иранской проблематике²¹¹.

Кавтарадзе и бывший посол в Тегеране Смирнов, являвшиеся советскими представителями в комиссии по Ирану, работавшей в рамках Московской конференции, не видели смысла идти навстречу англо-американским пожеланиям и повторять обязательства в отношении вывода советских войск. Ссылаясь на отсутствие договора между США и Ираном,

аналогичного советско-английско-иранскому, они ушли от подписания декларации²¹². Как говорилось во внутреннем циркуляре Молотова по итогам конференции, одна из причин заключалась в том, что «это поставило бы в одно положение нас и американцев, которые пока еще не имеют договорных отношений с Ираном»²¹³.

Еще меньше симпатий вызывало американское предложение относительно зарубежных советников. За их деятельностью в НКВД пристально следили еще с 1942 г.²¹⁴ и рассматривали ее через призму утверждения американского и британского влияния в Иране. Британское предложение о совместной политике по улучшению продовольственной и транспортной ситуации в Иране также не обещало советской стороне дивидендов. И в том, и в другом отношении ситуация была достаточно тяжелой, а средства СССР по ее улучшению — ограничены. Лондону же это было на руку: приобщив Москву к декларации, он мог «разделить» иранскую критику политики союзников, а также приободрить Иран в свете его недавнего вступления в войну с Германией (9 сентября). Наконец, еще один довод советской стороны в пользу воздержания от каких-либо решений по иранскому вопросу состоял в том, что Москва не хотела создавать ситуацию, при которой дела, касавшиеся Ирана, решались бы без его ведома и участия.

В итоге предложение по вопросу «Совместная политика в Иране», принятое Московской конференцией, было, по сути, лишено конкретики. Стороны заявили об отсутствии «фундаментальной разницы» в политике в отношении Ирана, признали невозможность достичь согласия по вопросу о целесообразности немедленного опубликования какой-либо декларации по Ирану и согласились продолжить обсуждение вопроса дипломатическими представителями в Тегеране (данное предложение было принято по инициативе американских представителей)²¹⁵.

Более конкретных результатов на конференции в Москве удалось достичь по вопросу подписания Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Первоначально она даже не входила в повестку дня конференции, однако в конце концов стала одним из ее символов (так называемая Московская декларация). Ее инициатором был Черчилль. Непосредственным стимулом к выдвиганию его предложения стала ситуация на Додеканезских островах, военные действия на которых привлекали особое внимание

премьера. Выступая перед британским кабинетом 8 октября, Черчилль упомянул о недавнем расстреле немцами 100 итальянских офицеров на острове Кос (до выхода Италии из войны он контролировался итальянскими войсками) и заявил, что было бы желательным «опубликовать сейчас декларацию от нашего имени, а также Соединенных Штатов и России о том, что такое же количество германских офицеров или членов нацистской партии, какое было убито ими людей в различных странах, будет возвращено в эти страны после войны для суда»²¹⁶. 12 октября послание с проектом декларации было отправлено Сталину. В нем отмечалось, что по мере освобождения от фашистского господства все новых территорий «отступающие гитлеровцы и гунны удваивают свои зверства». Черчилль рассчитывал, что угроза возвращения германских преступников в места совершения ими преступлений может оказать «сдерживающее влияние на террор врага».

К проблеме германских преступлений на захваченных территориях в Москве по понятным причинам относились особенно внимательно, причем позиция союзников в этом вопросе вызывала определенное недовольство. На протяжении 1941–1943 гг. Молотов направил посольствам и миссиям, аккредитованным на территории СССР, несколько нот, касавшихся зверств германских властей на захваченных территориях. Ответов по существу на них не поступало. Как писал Лозовский в мае 1943 г., «вот уже четвертая нота о зверствах немцев, но ни один посол и ни один посланник союзных с нами стран не высказался публично по этому вопросу»²¹⁷. Неудивительно, что к идее Черчилля в Москве отнеслись позитивно. 22 октября Молотов сообщил Хэллу, что Сталин в принципе «не возражает против подписания декларации по вопросу о немецких зверствах». Рузвельт предложил, чтобы декларация была согласована уже в Москве. В итоге ее текст, принятый с небольшими советскими поправками, в которых подчеркивалась роль «чудовищных преступлений», совершенных на территории СССР, был принят на конференции и опубликован от имени Рузвельта, Сталина и Черчилля.

Хотя в центре Московской конференции находились переговоры трех министров иностранных дел, Сталин, ключевая фигура в советской внешней политике, зримо и незримо присутствовал на ней. На протяжении работы конференции Молотов (нередко вместе с заместителями) ближе к ночи посещал кабинет

Сталина и, по всей видимости, информировал его о ходе переговоров²¹⁸. Неслучайным представляется и одно из указаний в период планирования заседаний конференции в особняке на Спиридоновке: установить «кремлевские телефоны в комнатах №№ 7 (кабинет Молотова), 29 (кабинет Молотова), 28 (кабинет Подцероб и Погудина), 25 (для секретариата Конференции)»²¹⁹. В случае необходимости оперативная связь с «Верховным» была обеспечена.

Важную роль сыграли личные встречи Сталина с Иденом (21 и 27 октября) и Хэллом (25 октября и на ужине 30 октября). Помимо обсуждения вопросов, непосредственно к Московской конференции не относившихся (северные конвои, британский персонал, место проведения будущей конференции глав правительств и др.), Сталин во время встреч с британским министром иностранных дел давал своего рода сигналы о реакции советского правительства на ход конференции. Если 21 октября Верховный был достаточно сдержан — «Дела идут пока хорошо», — то спустя шесть дней он был настроен оптимистичнее: «...Молотов говорит, что надо быть удовлетворенным ходом конференции». На ужине 30 октября Сталин уже совершенно уверенно говорил Хэллу, что «у вас была удачная конференция»²²⁰. Характерной чертой указанных встреч с Иденом было также своеобразное подшучивание Сталина над Молотовым. По всей видимости, Верховный хотел продемонстрировать, кто в конечном счете определяет действия советского правительства²²¹. «Беседы министра со Сталиным прошли очень хорошо, — докладывал в Лондон первый заместитель Идена А. Кадоган. — Он [Иден] считает, что мы недооценивали ощущение изоляции, которое до сих пор испытывали русские и которое лишь еще больше обострялось на фоне их огромных побед. Теперь очевидно, что они изо всех сил стремятся к успеху конференции»²²².

Наиболее значимым по своим долгосрочным последствиям было заявление Сталина, сделанное Хэллу во время ужина 30 октября. Государственный секретарь сообщил его содержание Рузвельту лишь 2 ноября, соблюдая максимальную секретность: одна часть сообщения была зашифрована кодом ВМФ, другая — армейским. Его суть состояла в обещании Сталина о том, что СССР окажет помощь в войне с Японией после нанесения поражения Германии²²³. Хотя эти слова главы советского правительства не соответствовали настроениям, преобладавшим в это время в НКВД, они,

безусловно, не были спонтанными. Исследователи отмечают, что уже решение ГКО августа 1943 г. о строительстве железной дороги Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань под руководством НКВД может рассматриваться как важный индикатор в изменении советской позиции²²⁴. В сентябре был замечен и интерес к получению от союзников сведений по Дальнему Востоку. В обмен на предоставление британцам информации, поступавшей от агента Сильвер (приближенного Субхаса Чандра Боса, главы «Индийской национальной армии»), советские органы хотели получать от Лондона разведданные именно по Дальнему Востоку²²⁵.

К концу конференции даже в деталях дипломатической повседневности было заметно, насколько позиция Москвы по отношению к Японии изменилась. В период ее подготовки проявлялась максимальная осторожность: сотрудники НКВД внимательно следили за тем, чтобы американские и британские представители не оказались поселены в ту же гостиницу, где жили японцы²²⁶. Хотя в ходе переговоров Молотов и говорил, «по секрету» о том, что, «когда наши союзники бьют японцев», советские люди приветствуют это²²⁷, об осмотрительности также не забывали. Когда 27 октября во время антракта на концерте в Центральном доме Красной армии, куда были приглашены американцы и британцы, генерал Исмей спросил, присутствуют ли в зале японцы, К. Волохов, сотрудник НКВД, прикомандированный к Идену на период визита, ответил, что нет, приглашения им не посылались²²⁸. Однако 30 октября обстановка была уже иной. Сюжет фильма, который высокие гости смотрели после ужина, говорил сам за себя — борьба красных партизан против японцев в Сибири в 1918 г. (был снят в 1938 г. и вызвал тогда протест японского посла). Как отмечал Гарриман, «не предпринималось попыток скрыть цель, стоящую за выбором фильма»²²⁹.

Итоги Московской конференции были расценены как большой успех во всех союзных столицах. В передовице «Правды» от 2 ноября подчеркивалось: «Важной стороной всей Московской конференции является то, что она впервые дала возможность прийти к общим существенным решениям трем ведущим союзным державам». Рузвельт в послании Черчиллю называл конференцию «подлинным началом британо-российско-американского сотрудничества, которое должно привести к скорому поражению Гитлера»²³⁰. Черчилль также считал, что Московская конференция достигла

«больших результатов»²³¹. Вскоре после ее окончания Госдепартамент прислал НКВД специальную подборку мнений и оценок ведущих американских газет и журналов, подавляющая часть которых была положительной. «Результаты Московской конференции превосходят наиболее оптимистичные надежды и должны приветствоваться как великая победа Объединенных Наций, соизмеримая с победой на полях сражений», — писала влиятельная «Нью-Йорк Таймс»²³². Несмотря на критический настрой НКВД в отношении Хэлла («настроен к нам недружелюбно», — отмечалось в характеристике на госсекретаря, составленной до совещания²³³), после конференции отмечалось, что влияние Хэлла в сенате способствовало благоприятной реакции на итоги переговоров²³⁴.

Дело было, однако, не только в достигнутых в Москве конкретных соглашениях, но и в самой атмосфере союзной солидарности, впервые за все время войны столь явственно проявившейся во время московского форума. Не случайно Иден в своем отчете перед парламентом говорил о царившей на конференции «дружеской атмосфере взаимной заинтересованности и взаимного доверия»²³⁵. Самого британского министра по итогам конференции советская сторона буквально задарила. Просьба Идена приобрести несколько банок черной икры и бутылок водки для подарков королю Георгу VI, Черчиллю и некоторым членам парламента обернулась двумя визитами Волохова в посольство. По их итогам он сделал следующую красноречивую запись в служебном дневнике: «Передача подарков Идену 30 октября 1943 г. Сегодня в 9 часов вечера передал личному секретарю Идена Лоуфорд 8 двухкилограммовых банок зернистой икры и 10 поллитровых и 2 литровых бутылки водки и 10 пачек папирос высшего качества и пакет фотографий, отображающих работу московской конференции... В 1 час ночи передал капитану Болтону 12 кг черной икры и 75 бутылок вина для Идена от тов. Микояна А. И.»²³⁶

Западные союзники в один голос констатировали на редкость конструктивную позицию советской стороны, сделавшей все возможное для успеха конференции²³⁷. В ее ходе, телеграфировал Иден Черчиллю, «было много признаков того, что члены советского правительства искренне хотят поставить отношения с нами и Соединенными Штатами на почву постоянной дружбы»²³⁸. Керр, как и другие западные участники переговоров, видел главную причину этого нового настроя в том, что «Советы почув-

ствовавали, что они впервые свободно допущены в наш интимный круг как равные»²³⁹. Удовлетворение от вхождения на равных в клуб великих держав ощущается даже в сухом циркуляре Молотова для НКВД по итогам конференции: «Замечания и предложения советской делегации весьма серьезно принимались во внимание. В общем, работу конференции, принимая во внимание поставленную перед ней задачу, общую повестку дня, а также то, что это была первая встреча трех министров, следует считать удовлетворительной»²⁴⁰.

Положительные оценки итогов Московской конференции были вполне оправданны. Конференция, перед началом которой мало кто ожидал позитивных результатов, знаменовала собой углубление сотрудничества ведущих держав антигитлеровской коалиции. Тот факт, что министрам иностранных дел удалось достигнуть согласованных решений по столь широкому кругу вопросов, говорил о наличии определенного схождения в позициях трех государств и их готовности идти на компромиссы. Принятие на конференции Декларации четырех указывало на возможность продолжения сотрудничества СССР, США и Великобритании и после окончания войны. Стремление Молотова ускорить процесс разработки вопросов, связанных с будущим учреждением «всеобщей международной организации», подчеркивало заинтересованность Советского Союза в укреплении своего нового статуса одной из ведущих держав мира. Свое значение имело и решение о создании ЕКК, которое означало продвижение в институционализации сотрудничества антигитлеровской коалиции, создавало механизм трехстороннего обсуждения вопросов, связанных с окончанием военных действий.

Советская дипломатия в ходе Московской конференции действовала весьма успешно. Идя на уступки в одних вопросах (присоединение Китая к Декларации четырех, смягчение изначальной позиции по второму фронту), в других она жестко отстаивала свои позиции, убедив, прежде всего британскую сторону, пойти на немаловажные уступки (договор с Чехословакией, компетенция ЕКК). Сам трехсторонний формат конференции, наряду с нежеланием Вашингтона создавать у Москвы впечатления англо-американского «заговора», давал советской дипломатии пространство для маневра. Грамотно прощупав пункты разногласий между США и Великобританией, Молотов их умело

использовал. Согласие Сталина на последующее вступление СССР в войну с Японией давало серьезный стимул к советско-американскому сближению, при котором Лондону было бы сложнее играть роль «брокера».

Существенную роль в успехе советской делегации на конференции сыграли и факторы организационного порядка: тщательная подготовка к совещанию, проработка различных вариантов аргументации и предложений; взаимодействие с другими ведомствами, в том числе разведывательными органами²⁴¹ и наркоматом внешней торговли; проведение конференции на «домашней площадке», что, среди прочего, позволяло оперативно дорабатывать свою позицию по тем или иным пунктам, обеспечивало общую слаженность действий советской дипломатии.

Подтверждением того значения, которое придавалось успешному завершению Московской конференции, стало и составление уникального в своем роде отчета по ее результатам. Написанный к декабрю 1943 г. членом советской делегации Саксиным, он был крайне обширным и детализированным (на 177 машинописных страницах; в последующем столь подробных отчетов по конференциям военного времени не составлялось). Внутренний документ НКВД, содержащий предложение о написании отчета и иных формах систематизации и популяризации результатов конференции, давал характерную мотивировку: «Московская конференция трех держав — крупное событие в жизни НКВД. Всем сотрудникам НКВД нужно всесторонне изучить опыт работы Конференции и по возможности дать предложения по реализации ее решений»²⁴².

Для Молотова успешное завершение Московской конференции, председателем которой он являлся, было и большим личным достижением. В отчете Саксина отмечалось: «После окончания работы Конференции глава американской делегации К. Хэлл, обращаясь к председателю Конференции В. М. Молотову, заявил: „Я уверен, что выражу не только собственное мнение, но и мнение г-на Идена, если скажу, что оба мы в восторге от манеры, с которой Вы проводили работу Конференции...“»²⁴³ «Его положение в качестве второго после Сталина человека стало более явно, чем в мои предыдущие визиты», — писал Гарриман Рузвельту²⁴⁴. Сочетая жесткость в отстаивании советских позиций с умением учитывать мнение партнеров, Молотов произвел сильное личное впечатление на

западных участников. «Молотов проводил заседания с неизменным тактом, мастерством и хорошим настроением, — говорилось в британском отчете о конференции. — Его манера вести дискуссию завоевала наше уважение и искреннюю признательность»²⁴⁵.

Разумеется, Московская конференция не разрешила всех противоречий в антигитлеровской коалиции. Хотя американские и британские представители подтвердили решение об открытии второго фронта весной 1944 г., это еще не гарантировало его точного соблюдения. В своих внутренних оценках американцы и особенно англичане резервировали за собой возможность изменения намеченного срока²⁴⁶. По ряду вопросов на Московской конференции не удалось достичь решения (будущее Германии, Польша, Иран, проблема федераций), некоторые совместные решения (как Декларация об ответственности гитлеровцев за свершенные преступления) впоследствии вызывали разли-

чие в интерпретациях при их применении на практике²⁴⁷. Не стало полностью сбалансированным после конференции и взаимодействие в рамках «Большой тройки». Несмотря на то, что советской стороне удалось сделать шаг по направлению к равноправному сотрудничеству с США и Великобританией, это отнюдь не означало свертывания особых отношений между Лондоном и Вашингтоном.

В целом же положительные результаты Московской конференции, безусловно, преобладали. Являясь самой длительной по продолжительности конференцией трех держав в годы войны и весьма сложной по своей повестке дня, она способствовала консолидации государств антигитлеровской коалиции, принесла компромиссные решения по целому ряду дипломатических вопросов, а также в немалой степени подготовила результаты следующей, Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

¹ Переписка. Т. 1. С. 141–142; Т. 2. С. 76–77.

² Concrete No. 85, 10.VIII.1943 // TNA, CAB 65/39/10.

³ W.M. (43) 114th Conclusion, Conf. Annex, 11.VIII.1943 // Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Eden — Cadogan (only), 21.VIII.1943 // TNA, FO 954/2.

⁶ Печатнов В. О. Сталин — Рузвельт — Черчилль: «Большая тройка» через призму переписки военных лет // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5. С. 64.

⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 6 т. Т. 1: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.): Сборник документов. М., 1978 (далее — Московская конференция). С. 39–43, 47–48.

⁸ О подобных опасениях, связанных с отправкой Идена в Вашингтон, говорил в свое время посол Великобритании в США лорд Э. Галифакс. См.: FRUS. 1943. Vol. 3. P. 2.

⁹ Eden — Cadogan (only), 21.VIII.1943 // TNA, FO 954/2.

¹⁰ Схожую точку зрения см. в: Watson D. Molotov and the Moscow Conference, October 1943 // British Association for Slavonic & East European Studies. Conference Paper (Cambridge, April 2002). P. 6.

¹¹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 263.

¹² Слова Хэлла Идену в марте 1943 г. См.: FRUS. 1943. Vol. 3. P. 40.

¹³ Московская конференция. С. 37–43.

¹⁴ From Quadrant to War Cabinet, 14.IX.1943 // TNA, Premier Office 3/172/1.

¹⁵ W.M. (43) 134th Conclusions, 4.X.1943 // TNA, CAB 65/36/2; W.M. (43) 135th Conclusions, Conf. Annex, 5.X.1943 // TNA, CAB 65/40/1.

¹⁶ Eden — Cadogan (only), 21.VIII.1943 // TNA, FO 954/2.

¹⁷ Московская конференция. С. 40–43, 47–48.

¹⁸ Британцам к этому времени проект был уже известен — он был вручен Идену в Квебеке в августе 1943 г. См.: FRUS. 1943. Vol. 1. Washington, 1963. P. 522 n 25.

¹⁹ Sainsbury K. Op. cit. P. 12.

²⁰ Московская конференция. С. 43–47. См. подробнее: Смирнова Н. А. Позиция США на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. // Американский ежегодник. М., 1974. С. 141–173.

²¹ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 525–528, 531–533, 535–536.

²² Московская конференция. С. 48–51.

²³ Там же. С. 51. См. также: АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 1–2.

²⁴ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 263. Даже в рамках обсуждения внутри НКВД (в комиссии Литвинова) о Японии предпочитали не говорить. См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 238.

- ²⁵ Переписка. Т. 2. С. 96.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 48.
- ²⁷ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 535–536.
- ²⁸ W.P. (43) 434, Foreign Secretaries' Conference at Moscow, Memorandum by Eden, 4.X.1943 (Annex C (ii)) // TNA, CAB 66/41/34.
- ²⁹ Переписка. Т. 2. С. 95.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 42. Д. 44. Л. 31–35.
- ³¹ В литературе нередко упоминается ее центральная роль в подготовке к конференции. В связи с этим ряд зарубежных исследователей даже полагает, что отзыв Литвинова из Вашингтона был связан не с недовольством Сталина действиями американцев, а подчеркивал заинтересованность в компетенции и знаниях бывшего наркома для формулирования послевоенной политики Советского Союза. См.: Roberts G. Litvinov's Lost Peace. P. 35; Watson D. Molotov and the Moscow Conference. P. 4; Watson D. Molotov: a Biography. Basingstoke, 2005. P. 205. Подобная точка зрения представляется спорной.
- ³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Л. 50–51.
- ³³ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 222–225, 235–236, 670.
- ³⁴ Там же. С. 263–264.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Л. 4–7.
- ³⁶ См. подробнее: Печатнов В. О. Переписка У. Черчилля с И. В. Сталиным в годы Великой Отечественной войны: По документам британских архивов // Международная жизнь. 2010. № 7. С. 105–132.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 32, 36.
- ³⁸ Watson D. Molotov and the Moscow Conference. P. 10. О своей надежде, что конференция принесет «положительные результаты» Керр говорил и послу Китая (Foo Y. W. Op. cit. P. 103).
- ³⁹ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 432.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Л. 49.
- ⁴¹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 275–276.
- ⁴² Там же. С. 315–316.
- ⁴³ Там же. С. 326–327.
- ⁴⁴ Там же. С. 316.
- ⁴⁵ В фонде секретариата Вышинского сохранился любопытный недатированный документ. Он представляет собой согласованную на 1-м заседании (19 октября) повестку дня конференции из 17 пунктов (см.: Московская конференция. С. 253–254). При этом подавляющая часть из них перечеркнута Вышинским (за исключением пунктов № 1–4, 10, 15; см.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 1). Хотя конкретный смысл остается не до конца ясным, представляется вероятным, что в этом дополнительно отразилось нежелание Вышинского подробно обсуждать перечеркнутые вопросы.
- ⁴⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Л. 18–20.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1049. Л. 13.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 42. Д. 44. Л. 31–35. См. также: На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / Науч. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008 (далее — На приеме у Сталина). С. 421.
- ⁴⁹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 316–317.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Л. 21–27.
- ⁵¹ Как сообщал Керр Молотову 30 сентября, Иден «устроил все, чтобы отправиться в Москву 2 октября, остановиться по пути в Алжире, с тем чтобы ознакомиться с последними событиями в Италии, так что он смог бы информировать конференцию. 2. Поскольку, однако, насколько г-н Иден осведомлен, еще не было ответа от Маршала Сталина на предложение Президента Рузвельта, чтобы встреча состоялась в Лондоне 15 октября, г-н Иден приостановил все приготовления до тех пор, пока не будет достигнуто решение по этому вопросу». См.: АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 9.
- ⁵² АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 20.
- ⁵³ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 541–543; Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. 2. P. 1265.
- ⁵⁴ W.M. (43) 135th Conclusions, Conf. Annex, 5.X.1943 // TNA, CAB 65/40/1; W.M. (43) 137th Conclusions, Conf. Annex, 8.X.1943 // Ibid. 65/40/3. Свои завершающие заметки по поводу конференции Черчилль подготовил для Идена 11 октября (TNA, CAB 66/41/47; опубли. в: Churchill W.S. The Second World War. Vol. 5. Boston, 1985. P. 251–252).
- ⁵⁵ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 547; Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1278.
- ⁵⁶ Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1256; Sainsbury K. Op. cit. P. 13. Британские представители в Вашингтоне также сомневались в том, что можно заинтересовать СССР в Декларации четырех, не решив вопросов, которые действительно интересовали Москву (западные границы, Германия, обращение с освобожденными странами). См.: Concrete No. 477 (Annex II to: W.P. (43) 389) // TNA, CAB 66/40/39.
- ⁵⁷ From FO to Moscow, 18.X.1943 // TNA, FO 954/3.
- ⁵⁸ From Cairo to FO, 16.X.1943 // Ibid. 371/37030.
- ⁵⁹ К 60-летию Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) // Дипломатический вестник. 2003. №10.
- ⁶⁰ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 31.
- ⁶¹ Там же. Л. 74.

- ⁶² Там же. Л. 55.
- ⁶³ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 9. Л. 5.
- ⁶⁴ Как отмечал Черчилль в мемуарах, «было смелым шагом для этого ветерана, при его слабом здоровье, предпринять свою первую поездку по воздуху» (Churchill W.S. Op. cit. Vol. 5. P. 212).
- ⁶⁵ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 50. Д. 18. Л. 19.
- ⁶⁶ Там же. Л. 31.
- ⁶⁷ Там же. Л. 15; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 22, 47–48, 53.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 50. Д. 18. Л. 25.
- ⁶⁹ Там же. Л. 16.
- ⁷⁰ Полный список американской делегации см.: Московская конференция. С. 63–64.
- ⁷¹ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 563–565.
- ⁷² См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России: В. 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 304–305.
- ⁷³ Watson D. Molotov: a Biography. P. 207.
- ⁷⁴ Так писал сам Молотов в ориентировке советским дипломатическим представителям по результатам конференции. См.: Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 67.
- ⁷⁵ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 55.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 42. Д. 44. Л. 44.
- ⁷⁷ Там же. П. 39. Д. 6. Л. 20.
- ⁷⁸ Московская конференция. С. 90.
- ⁷⁹ From Moscow to FO, 20.X.1943 // TNA, FO 371/37030.
- ⁸⁰ From FO to Moscow, 18.X.1943 // Ibid. 954/3. Показательно, что в мемуарах, в которых Черчилль отнюдь не хотел выглядеть убежденным противником «Оверлорда», он исключил данный абзац из цитируемой телеграммы. См.: Churchill W. S. Op. cit. Vol. 5. P. 241.
- ⁸¹ Британский историк Дж. Феррис отметил, что разведка Великобритании и США перед началом «Оверлорда» «не знала количества танков в танковых дивизиях или количества дивизий во Франции». Это было серьезным «техническим прочетом». См.: Ferris J. Intelligence and Overlord: A Snapshot from 6 June 1944 // The Normandy Campaign 1944: Sixty Years On / Ed. by J. Buckley. London, 2006. P. 191.
- ⁸² См., к примеру: The Guy Liddell Diaries: 1942–1945. Vol. 2 / Ed. by N. West. London, 2005. P. 123.
- ⁸³ Московская конференция. С. 215, 308.
- ⁸⁴ FRUS. 1943. Vol. 3. P. 792–798. См. также: Beardsley E.H. Secrets between Friends: Applied Science Exchange between the Western Allies and the Soviet Union during World War II // Social Studies of Science. 1977. Vol. 7. No. 4. P. 447–473.
- ⁸⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 68.
- ⁸⁶ From FO to Moscow, 26.X.1943; From FO to Moscow, 29.X.1943 // W. Churchill Archive, Chartwell Papers (далее — CHAR) 20: Official: Prime Minister, 1940–1945.
- ⁸⁷ Московская конференция. С. 202. См. также: From Moscow to FO, 29.X.1943 // CHAR 20.
- ⁸⁸ Московская конференция. С. 340–348.
- ⁸⁹ Там же. С. 311.
- ⁹⁰ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 53.
- ⁹¹ Там же. Л. 5.
- ⁹² Московская конференция. С. 123.
- ⁹³ Приведено в: Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л. Н. Нежинский, А. В. Игнатъев. М., 1999. С. 458.
- ⁹⁴ Вопрос о мотивах СССР при формулировании предложения о Турции — объект дискуссий. См. различные точки зрения в: Tamkin N. Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45: Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. Basingstoke, 2009. P. 132; Гасанлы Дж. СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 125.
- ⁹⁵ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 82–83. См. также: Roberts G. Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 46. No. 1. P. 71.
- ⁹⁶ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 6. К схожему выводу касательно возможных целей Москвы приходит К. Сейнсбери, не имевший доступа к советским архивным документам. См.: Sainsbury K. Op. cit. P. 33.
- ⁹⁷ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 7.
- ⁹⁸ W.P. (43) 420, Policy towards Turkey, Memo by Eden, 27.IX.1943 // TNA, CAB 66/41/20. См. также: Sainsbury K. Op. cit. P. 332; Tamkin N. Op. cit. P. 132.
- ⁹⁹ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 644; Московская конференция. С. 303–304.
- ¹⁰⁰ FRUS.Cairo and Tehran. P. 153.
- ¹⁰¹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 238.
- ¹⁰² Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы, 1930–1950-е годы. М., 2005. С. 323–324.

- 103 Московская конференция. С. 123.
- 104 ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 580–583.
- 105 Один из ведущих западных исследователей Московской конференции, британский историк К. Сейнсбери, приписывает Сталину далекоидущие цели: обеспечить вступление Швеции в войну, дабы она была оккупирована Германией, и использовать это для советской оккупации Финляндии (Sainsbury K. Op. cit. P. 33). Как демонстрируют архивные материалы, цели СССР были намного более ограниченными.
- 106 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 6–7.
- 107 Московская конференция. С. 104. Рузвельт также полагал, что эти недавние события учитывались советской стороной. См.: FRUS. 1943. Vol. 1. P. 644.
- 108 Copy of telegram from FO to Washington, 18.XI.1943 (Annex to: C.O.S. (44) 242 (0)) // TNA, CAB 80/81.
- 109 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 24, 683; СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 208.
- 110 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 235.
- 111 Там же. Л. 282.
- 112 Foo Y.W. Op. cit. P. 104–105. Первый вариант Декларации был передан Хэллом китайским представителям еще 20 сентября (Ibid. P. 116).
- 113 Московская конференция. С. 256.
- 114 FRUS. 1943. Vol. 1. P. 541.
- 115 Ibid. P. 542.
- 116 Roll D.L. The Hopkins Touch. Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler. Oxford, 2013. P. 306.
- 117 Тегеран-43: взгляд 60 лет спустя. М., 2004. С. 17.
- 118 Московская конференция. С. 115.
- 119 FRUS. 1943. Vol. 1. P. 756. См. также: Московская конференция. С. 183.
- 120 Заместитель Идена О. Сарджент еще в сентябре 1943 г. предупреждал, что СССР может воспринять данную статью декларации «как направленную против него». См.: Concrete No. 522 (W.P. (43) 389, AnnexIV) // TNA, CAB 66/40/39.
- 121 Московская конференция. С. 65.
- 122 См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 239.
- 123 Там же. С. 285.
- 124 Там же. С. 323.
- 125 АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 10–12.
- 126 Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Л. 1–3.
- 127 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 318–319.
- 128 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 214–215.
- 129 Московская конференция. С. 180.
- 130 Там же. С. 290.
- 131 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 67.
- 132 Так Рузвельт отреагировал на британские предложения по вопросу «о соглашениях между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам», поступившие в Вашингтон 5 октября. См.: FRUS. 1943. Vol. 1. P. 544.
- 133 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 51.
- 134 Московская конференция. С. 159. См. подробнее: Марьина В.В. Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны: В 2 кн. М., 2007. Кн. 2: 1941–1945 гг.
- 135 Слова Е. В. Тарле. См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 239.
- 136 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 189. Л. 17.
- 137 W.P. (43) 423, Proposed Anglo-Soviet Agreement <...>, Memo by Eden, 28.IX.1943 // TNA, CAB 66/41/23.
- 138 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 266.
- 139 ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 178–179, 399, 431.
- 140 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 124.
- 141 Там же. Л. 124–125.
- 142 Там же. Л. 4.
- 143 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 5.
- 144 Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012. С. 369.
- 145 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 4.
- 146 Отчет Идена о нем см.: The Great Powers and the Polish Question, 1941–45 / Ed. by A. Polonsky. London, 1976. P. 157–158.
- 147 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 56. В более раннем проекте аргумент в пользу того, чтобы не говорить о Михайловиче, был сформулирован еще жестче: «...заявить, что мы считаем вопрос о Михайловиче частным, не имеющим существенного значения, и что мы не интересуемся этим вопросом». См.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 194.

- 148 Московская конференция. С. 143–146, 239–240.
- 149 Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 160. О наличии радиосвязи между Москвой и Тито знали и в Лондоне. См.: W.M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15. См. также: Отношения России (СССР) с Югославией, 1941–1945 гг. М., 1998. С. 531.
- 150 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 192. Л. 4.
- 151 ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 473.
- 152 Там же. С. 363–364; САНО. Т. 1. С. 456.
- 153 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 167–169, 185.
- 154 Meszerics T. Undermine, of Bring Them Over: SOE and OSS Plans for Hungary in 1943 // *Journal of Contemporary History*. 2008. Vol. 43. No. 2. P. 214.
- 155 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 284.
- 156 Meszerics T. Op. cit. P. 202, 210. В целом о британской политике в Юго-Восточной Европе см.: Barker E. *British Policy in South-East Europe in the Second World War*. London, 1976.
- 157 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 264, 286–287.
- 158 Позицию Стэндли см. в: FRUS. 1943. Vol. 3. P. 553–554, 572; позицию Керра см. в: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 227.
- 159 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 227. Об этом Сталин лично говорил Идену во время встречи 21 октября. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 281. Л. 7. Данный фрагмент не вошел в опубликованную версию беседы. См.: Московская конференция. С. 123.
- 160 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 38. Л. 1.
- 161 ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 432.
- 162 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 21; САНО. Т. 1. С. 369.
- 163 Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1285.
- 164 Московская конференция. С. 169.
- 165 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 252–263.
- 166 См. об этом: Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. М., 1999. С. 103–105; Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009. С. 70.
- 167 W.P. (43) 218, Austria, Memo by Eden, 25.V.1943 // TNA, CAB 66/37/18.
- 168 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 301.
- 169 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-б. П. 39. Д. 6. Л. 1–3.
- 170 Там же. Ф. 0512. Оп. 4. П. 12. Д. 12. Л. 1–7. Цит. по: Mueller W. Stalin and Austria: New Evidence on Soviet Policy in a Secondary Theatre of the Cold War, 1938–53/55 // *Cold War History*. 2006. Vol. 6. No. 1. P. 66.
- 171 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 112.
- 172 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 189. Л. 10.
- 173 W.P. (43) 217, Armistices and Related Problems, Memo by Eden, 25.V.1943 // TNA, CAB/66/37/17.
- 174 W.P. (43) 444, Scope and Functions of the Politico-Military Commission, Memo by Eden, 6.X.1943 // TNA, CAB 66/41/44. Британские предложения по ВПК были сообщены Москве 17 октября.
- 175 W.M. (43) 137th Conclusions, Conf. Annex, 8.X.1943 // TNA, CAB 65/40/3.
- 176 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 276–277.
- 177 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 8.
- 178 САМО. Т. 1. С. 371–372.
- 179 АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 40.
- 180 W.M. (43) 142nd Conclusions, Conf. Annex, 18.X.1943 // TNA, CAB 65/40/5
- 181 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 328.
- 182 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 1об.
- 183 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 329. См. также: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 36.
- 184 Rothwell V. Anthony Eden: A Political Biography, 1931–57. Manchester, 1992. P. 76.
- 185 Как отмечал Штейн в записке «Вопросы международных союзов и блоков в Европе» (22.IX.1943 г., в двух экземплярах), «послевоенная Западная Европа, освобожденная от гитлеровского режима, будет находиться в непосредственной орбите английского влияния». См.: АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 10.
- 186 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 110.
- 187 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 313–314.
- 188 Этот факт подмечен в: Watson D. Molotov and the Moscow Conference. P. 16.
- 189 В редакционной комиссии до последнего велись арьергардные бои за название этого органа — советская сторона настаивала на «Военно-политической комиссии», но затем пошла на уступку. См.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 38.
- 190 Московская конференция. С. 322–324.
- 191 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 30–31.

- 192 Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 42. Д. 44. Л. 86.
- 193 Там же. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 49.
- 194 Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 42. Д. 44. Л. 97.
- 195 См.: Волинский Л. АМГОТ // Война и рабочий класс. 1943. № 7; Волинский Л. Еще об АМГОТе // Там же. № 8. Иден был осведомлен о критике АМГОТа в СССР и жаловался на нее в свое время Майскому. См.: Поздеева Л. В. И. М. Майский и А. Иден // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 181.
- 196 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 4.
- 197 В московском посольстве США отмечали, что весь визит, в ходе которого Нельсон был принят лично Сталиным (15 октября), прошел в атмосфере «чрезвычайной сердечности и исключительного сотрудничества со стороны советских официальных лиц». См.: FRUS. 1943. Vol. III. P. 715.
- 198 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 41. Д. 35. Л. 19.
- 199 Там же. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 202.
- 200 Там же. Л. 205.
- 201 Там же. Л. 106.
- 202 Московская конференция. С. 232.
- 203 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 292. Майский, завершивший свои дела в посольстве СССР в Лондоне 14 сентября, прибыл в Москву лишь 23 октября. См. подробнее: Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. М., 1971. С. 688–689.
- 204 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1385. Л. 37.
- 205 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 41. Д. 35. Л. 25–26.
- 206 FRUS. 1943. Vol. 1. P. 573–574, 733.
- 207 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 92–93.
- 208 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 41. Д. 35. Л. 46–48.
- 209 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 84–85.
- 210 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 41. Д. 35. Л. 26.
- 211 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 84–118.
- 212 FRUS. 1943. Vol. 1. P. 674–679.
- 213 АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 18. Д. 148. Л. 167.
- 214 См. подробнее: АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 13.
- 215 Московская конференция. С. 317; FRUS. 1943. Vol. 1. P. 679.
- 216 W.M. (43) 137th Conclusions, 8.X.1943 // TNA, CAB 65/36/5.
- 217 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 660 (примеч. 62).
- 218 На приеме у Сталина. С. 421–423. См. также: Roberts G. Molotov: Stalin's Cold Warrior. Washington, 2012. P. 68.
- 219 АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 19.
- 220 FRUS. 1943. Vol. 1. P. 685.
- 221 Сокращенные записи бесед Сталина с Иденом см.: Московская конференция. С. 120–123, 197–209; полный вариант: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 281; отчеты Идена о встречах: TNA, FO 954/3.
- 222 From FO to Washington, 29.X.1943 // TNA, FO 371/37030.
- 223 FRUS. Cairo and Tehran. P. 147.
- 224 Hasegawa T. Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. Cambridge (Mass.), 2005. P. 24.
- 225 The Guy Liddell Diaries. Vol. 2. P. 122.
- 226 Первых в итоге поселили в «Савой», тогда как японцы проживали в «Метрополе». См.: АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 36–37.
- 227 Московская конференция. С. 118.
- 228 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 108. В письме Молотову от 4 ноября Иден оценил работу Волохова весьма высоко: «Я чрезвычайно благодарен Вам и ему за его приятное общество и внимание» (Там же. Л. 113).
- 229 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 690.
- 230 FRUS. Cairo and Tehran. P. 42.
- 231 W.M. (43) 148th Conclusions, 1.XI.1943 // TNA, CAB 65/36/16.
- 232 АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 101.
- 233 Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 115.
- 234 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 30.
- 235 House of Commons, November 11, 1943. P. 1324.
- 236 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 111.
- 237 Положительный отклик Гопкинса см. в: CAMO. Т. 1. С. 394; Гарримана (с нюансами) в: FRUS. 1943. Vol. 3. P. 589; советника Госдепартамента Ч. Болена в: Library of Congress (далее — LOC), W.A. Harriman Papers, Chronological Files, Cont. 170; секретаря

ря Идена О. Харви в: *The War Diaries of Oliver Harvey*. London, 1978. P. 313; членов британского кабинета министров в: W.M. (43) 148th Conclusions, 1.XI.1943 // TNA, CAB 65/36/16; W.M. (43) 152nd Conclusions, 10.XI.1943 // Ibid. 65/36/20.

²³⁸ For Prime Minister from the Secretary of State, 29.X.1943 // CHAR 20.

²³⁹ From Dominions Office to Canada e.a., 8.XI.1943 // TNA, FO 371/37031.

²⁴⁰ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 18. Д. 148. Л. 174.

²⁴¹ В распоряжении комиссии Литвинова, к примеру, имелся специальный меморандум американского «мозгового центра» — Совета по внешним сношениям (иначе — Совета по международным отношениям) — касательно репарационного вопроса, позволивший заранее предвидеть ряд позиций США. См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 290–291. Во внутренней документации НКВД этот меморандум относили к разряду секретных документов — он был получен, по всей видимости, по каналам разведки. См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 192.

²⁴² Там же. Ф. 0511. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 73.

²⁴³ К 60-летию Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) // *Дипломатический вестник*. 2003. № 10.

²⁴⁴ FRUS. Cairo and Tehran. P. 65.

²⁴⁵ From Moscow to FO, 6.XI.1943 // TNA, FO 371/37031.

²⁴⁶ W.M. (43) 147th Conclusions, Conf. Annex, 27.X.1943 // TNA, CAB 65/40/6.

²⁴⁷ См. подробнее: Kochavi A.J. *The Moscow Declaration, the Kharkov Trial, and the Question of a Policy on Major War Criminals in the Second World War* // *History*. 1991. Vol. 76. No. 248. P. 401–417.

Дипломатия Советского Союза на Тегеранской конференции

(28 ноября — 1 декабря 1943 г.)

И. Э. Магадеев

Рузвельт и Черчилль, как известно, давно приглашали Сталина на встречу втроем¹. Однако только теперь, после коренного перелома в ходе войны, советский лидер почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы принять это приглашение. За ним уже стояли великие военные победы, возросшая мощь и авторитет советского государства, позволявшие рассчитывать на успешное отстаивание интересов СССР.

К ноябрю 1943 г. стало очевидно: прогнозы некоторых британских и американских аналитиков о том, что наступление Красной армии замедлится после летних успехов, не оправдались. Освобождение Киева (6 ноября) расценивалось в Лондоне как «впечатляющая операция, результаты которой могут быть крайне серьезны для противника... Успехи русских на протяжении трех последних недель продемонстрировали, что немцы не смогут удержать линию, на которой они планировали закрепиться»². В британской прессе восторженно писали о победах Красной армии и ее умелом командовании³.

Эти победы означали не только дальнейшее продвижение советских войск по направлению к Восточной и Центральной Европе, но подчеркивали возможность провести конференцию со Сталиным в период тяжелых боев на Днепре, что могло сделать Москву более уступчивой⁴. 14 ноября премьер-министр Южно-Африканского союза фельдмаршал Я. Смэтс, близкий друг Черчилля, нередко мысливший с ним в унисон, писал британскому премьеру: «Москва устраивает салюты в честь великих побед почти ежедневно,

в то время как наши достижения заставляют людей думать, что Россия одна выигрывает войну. Последствия этого могут быть достаточно серьезными для хода войны, но еще более серьезными — для послевоенного мира, в котором Россия выступит в качестве великого победителя»⁵.

Сталину принадлежало и предложение о месте созыва конференции. В посланиях Черчиллю и Рузвельту от 8 сентября Сталин соглашался со сроками предполагаемой встречи, указанными ранее Рузвельтом, но в качестве места ее проведения впервые предлагал «страну, где имеется представительство всех трех государств, например Иран». Черчилль быстро согласился и вскоре предложил кодовое название для встречи («Эврика»). Рузвельта, однако, вариант Тегерана не устраивал. Ссылаясь на необходимость подписания (в течение десяти дней) документов, поступавших из Конгресса, он призывал Сталина перенести место встречи в Египет или Асмару (бывшую столицу итальянской Эритреи), либо, после подсказки Черчилля, в Хаббанию близ Багдада⁶.

Для Сталина выбор Тегерана был весьма удобен. С одной стороны, соглашаясь покинуть пределы СССР, он делал шаг навстречу союзникам. С другой, организация конференции в соседнем Иране не требовала длительного перелета и многодневного отсутствия в Москве; это было место, где он мог быть уверен в собственной безопасности, где ситуация контролировалась советскими военными органами и могла быть обеспечена надежная связь со Ставкой. О том, что тегеранский вариант стал рассматриваться в Кремле достаточ-

* **Искандэр Эдуардович Магадеев** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России.

но рано, свидетельствует ряд косвенных фактов. Как пишет О. А. Ржешевский, «в августе в иранскую столицу направилась группа специалистов советских органов госбезопасности с целью выяснить условия, необходимые для проведения конференции и обеспечения безопасности ее участников»⁷. 15 октября в Тегеран прибыл 131-й мотострелковый полк погранвойск НКВД, приступивший к патрулированию улиц, охране советского посольства и комендатуры, других важных объектов, «а затем и зданий, где непосредственно проходила Тегеранская конференция»⁸.

В итоге Рузвельт согласился на Тегеран только 8 ноября. В послании Сталину он сослался на то, что нашел способ, как избежать рисков со сроками подписания документов. Говоря о времени проведения конференции (предлагался промежуток с 27 по 30 ноября), Рузвельт фактически передавал «ключи» в руки Сталина: «Мы... будем совещаться столько, сколько Вы сочтете возможным находиться в отъезде». Одновременно президент приглашал Молотова и советского военного представителя на конференцию в Каир (22–26 ноября), но при этом рукой Гопкинса из послания была вычеркнута фраза об участии в данной конференции Чан Кайши⁹. Показательно, что на сей раз Рузвельт и его командование в этом вопросе преодолели сопротивление Черчилля, который был настроен резко против приглашения советских представителей в Каир. Однако Рузвельт и Маршалл настояли на этом с тем, чтобы показать, что союзники «ничего не прячут от России»¹⁰. Сталин поначалу согласился принять это приглашение, но, когда он узнал от Черчилля о планируемом китайском участии, это согласие было взято назад. Как писал Иден Черчиллю 14 ноября, «...возможное присутствие Чан Кайши в Каире спугнуло Молотова»¹¹.

Готовясь к встрече с Рузвельтом и Черчиллем, Сталин хотел заранее знать повестку дня конференции. Это отвечало не только общей настороженности советской дипломатии по отношению к капиталистическим государствам, но и личному подходу Сталина. По замечанию одного из мемуаристов, «он вообще очень тщательно готовился к любому разговору. У него была справка по любому обсуждаемому вопросу», он «владел предметом разговора досконально»¹². Однако, как поспешил проинформировать Молотова Гарриман, в прошлом встречи между Рузвельтом и Черчиллем «проходили в весьма неофициальной обстановке. Не было никакой повестки дня. Президент и премьер-министр давали возможность своим военным советникам

вести переговоры и приглашали их тогда, когда нужно было выносить решение». Молотов возражать не стал¹³. Даже согласившись на подобный сценарий, Сталин терял не так уж много. Фактически он обладал карт-бланшем по вопросу о сроках своего пребывания в Тегеране и при необходимости мог всегда уехать. Кроме того, недавно прошедшая Московская конференция уже очертила примерный круг вопросов, которые могли быть затронуты на встрече лидеров.

Несмотря на отсутствие повестки дня будущей конференции, было ясно, что советская сторона обязательно поднимет вопрос об открытии второго фронта весной 1944 г. Еще в период Московской конференции налицо было стремление НКВД зафиксировать сроки «Оверлорда». В советском проекте решения по данному вопросу подчеркивалось, что «советская делегация... выразила надежду, что указанный г-ном Иденом и г-ном Хэллом план вторжения англо-американских войск в Северную Францию весной 1944 г. будет осуществлен»¹⁴.

Англо-американская операция на севере Франции отвечала как общей заинтересованности союзников в разгроме Германии, так и интересам СССР. При таком сценарии была бы создана реальная угроза жизненным центрам Германии, отвлечены германские силы с фронта войны с СССР. Одновременно это позволило бы реализовать интересы Советского Союза в сфере безопасности в Восточной и Центральной Европе. Как следовало из документов комиссии Ворошилова, по окончании войны советские вооруженные силы (по документам о капитуляции соответствующих государств) должны были занять территорию Финляндии, Румынии, Венгрии, принять участие в оккупации Германии¹⁵.

В преддверии Тегеранской конференции концепции дальнейшего ведения войны, разработывавшиеся в Москве и Вашингтоне, были явно ближе друг к другу, нежели те, что держал в уме Черчилль. По словам А. Ю. Борисова, «вырисовывалась значительная область советско-американского согласия»¹⁶. Во время совещаний на борту линкора «Айова», на котором Рузвельт переплыл Атлантический океан, по пути на встречу с Черчиллем и Чан Кайши в Каире, президент, размышляя о политических последствиях открытия второго фронта, говорил: «Пусть британцы берут Францию, Люксембург, Бельгию, Баден, Баварию и Вюртемберг... Соединенные Штаты должны занять северо-западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также

в [порты] Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты»¹⁷. Однако для осуществления подобных планов необходимо было серьезное американское военное присутствие в Западной Европе. Именно операция «Оверлорд» и позволяла их осуществить.

Позиция Великобритании была иной. Осенью 1943 г. Черчилль видел, как США наращивают свою мощь, как Рузвельт и американское командование все более настойчиво продавливают вариант «Оверлорда»; все яснее становилось и превосходство американских сил при проведении этой операции. В этой обстановке Черчилль пытался придать максимально возможный приоритет тому театру военных действий, на котором Великобритания сохраняла превосходство, — итальянскому. Продолжение итальянской кампании с занятием Рима и закреплением на линии По — Римини дало бы еще одно преимущество — возможность развернуть дальнейшие военные действия на восток, организовать «правофланговое наступление из Северной Италии, используя Истринский полуостров и Люблянский проход на Вену»¹⁸.

Привлекал премьер-министра и балканский сценарий дальнейшего развития событий. Во время совещания с начальниками штабов 18 ноября на Мальте Черчилль подчеркивал: «Новые усилия должны быть предприняты, чтобы установить контроль в Адриатике... если наши операции в иных частях Средиземноморья вызовут задержку во взятии Рима, они должны быть отложены. Представляется, что военное командование должно провести операции на Балканах. СОВЕ проделало хорошую работу в организации саботажа и подрывных действий, но эта фаза уже пройдена»¹⁹. В случае успехов планов Черчилля высадка англо-американских войск на Балканах и их присутствие в Юго-Восточной Европе, став «детонаторами» внутривосточных изменений в странах «оси», преградили бы путь на запад советским войскам. С точки зрения Лондона, это бы не только сэкономило британские силы, но и сократило влияние Советского Союза.

Сталин прибыл в Тегеран 26 ноября, Рузвельт и Черчилль днем позже. Важным организационным моментом, остававшимся пока нерешенным, был вопрос о том, где остановится Рузвельт на время конференции. В то время как советское и британское посольства стояли вплотную друг к другу, американская миссия находилась в удалении, что создавало пробле-

мы, связанные с постоянным передвижением по городу. Еще 22 ноября в послании Сталину президент задал вопрос: «Где, по Вашему мнению, должны мы жить?» — словно намекая на возможность приглашения с советской стороны.

Черчилль хотел перехватить инициативу, предложив Рузвельту остановиться в британском посольстве и оповестив об этом Сталина. Однако президент не желал упускать возможность установить личный доверительный контакт со Сталиным и втайне зондировал почву для переезда в советскую резиденцию через своих представителей в Тегеране²⁰. После некоторых переговоров Рузвельт с готовностью согласился принять приглашение советской стороны, подтвержденное Молотовым Гарриману в ночь с 27 на 28 ноября. Нарком подчеркнул угрозу, связанную с возможными враждебными актами в отношении руководителей трех государств в случае их перемещения по городу²¹. В 15 часов 28 ноября Рузвельт переехал в главное здание посольства СССР (советская делегация расположилась в других зданиях на его территории). В разговоре с Ворошиловым в тот же день, до начала открытия самой конференции, Рузвельт настраивал собеседника на позитивный лад, заявив об уверенности в успехе конференции. Президент отметил, что «чувствует себя в советском посольстве не только в абсолютной безопасности, но также чувствует, что здесь, в этом зале, мы примем такие важные решения, которые принесут огромную пользу для союзников». Ворошилов ответил в том же позитивном духе, заметив, что «вопрос о его безопасности не может даже стоять и он может чувствовать себя здесь, как дома...»²². Таким образом, еще до официального открытия конференции Сталин получил немаловажное преимущество — возможность двусторонних встреч с Рузвельтом при отсутствии Черчилля.

Все участники понимали, что вопрос об открытии второго фронта будет ключевым на Тегеранской конференции. И советская, и американская сторона осознавали, что главное противодействие может исходить от Черчилля. Беседуя с премьер-министром до начала официального открытия конференции, Ворошилов сообщил ему о непростоном положении на советско-германском фронте. По результатам разговора советский военачальник записал: «Да, да, я это знаю, заявил Черчилль, мы должны все сделать и сделаем, чтобы облегчить положение ваших армий, ведь мы понимаем, в каком мы долгу у Вас, сквозь слезы (крокодиловы) проговорил Черчилль, протягивая мне руку»²³.

Первое заседание конференции 28 ноября начал Рузвельт, «как самый молодой из присутствующих». После обзора ситуации на Тихоокеанском театре военных действий Рузвельт поставил вопрос, напрямую связанный со вторым фронтом: как использовать англо-американские войска в Средиземном море, учитывая невозможность проведения высадки во Франции ранее 1 мая 1944 г.?

В своем ответе Верховный дал, по более поздним словам Идена, «крайне интересный обзор ситуации на русском фронте»²⁴, подчеркнув масштаб происходивших сражений (со стороны Германии и сателлитов в них принимали участие 260 дивизий, со стороны СССР — от 300 до 330), а также сложности, с которыми сталкивалась Красная армия: потерю Житомира (19 ноября) и Коростеня (25 ноября). Затем Сталин ясно расставил приоритеты: итальянский театр военных действий имеет вспомогательное значение (обеспечение свободного плавания по Средиземному морю), главное — «удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии»²⁵.

Черчилля подобные перспективы не устраивали. Указывая на имеющийся до планируемого начала «Оверлорда» промежуток времени, он предлагал использовать его для захвата Рима (что должно было, согласно его расчетам, произойти в январе) и продвижения до линии Пиза — Римини. Отсюда можно было предпринимать высадку в Южной Франции, осуществлять рейды в Югославию, увеличивалась при этом возможность вступления в войну Турции. Хотя среди всех этих операций Черчилль упомянул и «Оверлорд», но он явно терялся среди других предложенных вариантов.

Сталин как раз на это и обратил внимание: «По-моему, было бы лучше, чтобы за базу всех операций в 1944 году была взята операция „Оверлорд“...» В Италии же глава советского правительства предлагал перейти к обороне, «отказавшись от захвата Рима», и начать операцию в Южной Франции. К концу первого заседания ключевая проблема выявилась достаточно рельефно. Черчилль заявил, что считает «очень отрицательным фактом праздное пребывание нашей армии в районе Средиземного моря. Поэтому мы не можем гарантировать, что будет выдержана точно дата 1 мая». Учитывая вышеприведенные размышления британского премьера, можно было судить о том, что новая отсрочка «Оверлорда» на деле означала бы раз-

ворот стратегии от Северной Франции на Балканы и в Центральную Европу. Фактически, за частным, казалось бы, вопросом о дате начала «Оверлорда» стала скрываться ключевая проблема, касавшаяся как дальнейшей стратегии ведения войны, так и определения очертаний послевоенного мира.

Обсуждение проблемы второго фронта продолжили 29 ноября военные представители. Начальник британского Генштаба генерал А. Брук развил рассуждения, ранее высказанные Черчиллем: необходимо использовать имеющийся до начала «Оверлорда» промежуток времени для активных военных действий в Италии с перспективой операций и на Балканах. Его американский коллега генерал Дж. Маршалл указал на проблемы, связанные с недостатком десантных судов, — тема, уже хорошо знакомая советским военным. В своем выступлении Ворошилов поставил вопрос ребром: «...из доклада генерала Маршалла он понял, что американцы считают операцию „Оверлорд“ основной операцией, считает ли генерал Брук... эту операцию также главной операцией...» По воспоминаниям одного из переводчиков советской делегации, В. М. Бережкова, «резкость постановки этих вопросов вызвала в зале некоторое замешательство»²⁶. Британский военачальник ушел от прямого ответа, еще раз подчеркнув роль военных действий в Италии. Когда Ворошилов повторил свой вопрос, диалог стал в чем-то напоминать их «пикировку» год назад, в августе 1942 г. в Москве²⁷. Было ясно, что необходимо достигнуть принципиального политического решения, исходя из которого и происходило бы планирование военных операций.

В промежутке между заседанием военных представителей и новой встречей глав правительств произошла церемония передачи почетного меча — дара короля Великобритании Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование героической обороны города. Задуманная британцами еще давно (Иден говорил о ней Молотову и Сталину во время Московской конференции²⁸), на данной стадии Тегеранской конференции она еще раз подчеркнула решающий вклад СССР в войну с общим противником.

На таком фоне началось второе заседание глав правительств 29 ноября. Сталин, как и ранее Ворошилов, решил прямо выяснить главное, оставляя детали в стороне: «Если можно, то я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией „Оверлорд“». Ответ Рузвельта: «Этот вопрос

еще не решен», — явно разочаровал Сталина, усматривавшего в этом неготовность союзников к разработке операции. Черчилль, встревоженный возможностью советского вмешательства в этот вопрос, напрямую спросил Сталина, кого он хотел бы видеть на посту главнокомандующего этой операцией²⁹. Сталин, однако, дал понять, что «русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские хотели бы знать, кто будет главнокомандующим». Подобный ответ, как отмечал Бережков, явно приободрил Черчилля³⁰. Используя все свое красноречие, он начал развивать ранее высказанные мысли. Силы, находящиеся в Средиземноморье, не должны «простаивать», ожидая «Оверлорда», их можно применить для самых разных целей: в Италии, для захвата Родоса, в Южной Франции. Черчилль, прибегая к излюбленной британской дипломатической практике, предлагал передать часть вопросов в военную комиссию, часть — на обсуждение Молотова, Идена и Гопкинса. Сталин мог увидеть за всем этим отвлекающие маневры, стремление уйти от обсуждения главного. Поэтому он четко расставил приоритеты, заявив, что «не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции»³¹. Затем Сталин перешел в наступление, подвергнув сомнению правильность британских данных по германским силам на Балканах и пригрозив возможностью своего скорого отъезда. После того как Черчилль заявил, что не может дать обязательства о проведении «Оверлорда» в мае 1944 г., Сталин прозрачно намекнул: «Сколько времени мы намерены оставаться в Тегеране?» За этой фразой официального протокола вполне могла стоять и более красочная сцена: «Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал: — Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте...»³² В итоге обстановку разрядил Рузвельт, однако его слова скорее указывали на согласие с логикой Сталина, чем Черчилля: «Я возражаю против отсрочки операции „Оверлорд“, в то время как г-н Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море». В итоге было решено, что Рузвельт и Черчилль согласуют свои точки зрения и сообщат их Сталину; комиссия в составе министров иностранных дел и Гопкинса рассмотрит тем временем ряд поднятых на заседании вопросов.

Заседание ОКНШ, на котором должны были быть согласованы точки зрения британцев и американцев, состоялось утром 30 ноября. Они сошлись на 1 июня как дате начала операции по высадке в Северной Франции. Проект решения был отправлен Рузвельту, который собственноручно исправил слова о начале «Оверлорда» «к 1 июня» на «в течение мая»³³. Он предпочел несколько приукрасить решение ОКНШ, нежели рисковать новым туром дискуссий со Сталиным.

В результате принятых ОКНШ решений Рузвельт днем 30 ноября во время ланча смог «сообщить маршалу Сталину приятную для него новость о том, что «Оверлорд» намечен на май 1944 г. и будет проведен «при поддержке десанта в Южной Франции». Сталин выразил свое удовлетворение данным решением («большое удовлетворение», согласно американской записи)³⁴ и заверил Рузвельта и Черчилля, что «к моменту начала десантных операций во Франции русские подготовят сильный удар по немцам». Мысли, высказанные во время этой неофициальной беседы, были повторены в тот же день на официальном заседании конференции. Сталин был явно доволен тем, что по главному вопросу ему удалось достичь своей цели. Свидетельством тому стала не только выраженная им готовность задержаться в Тегеране до 3 декабря для обсуждения политических вопросов, но и предоставленная информация о методах дезинформации противника, которые использовала советская разведка. В итоге в военных решениях конференции указывалось, что «операция „Оверлорд“ будет предпринята в течение мая 1944 г., вместе с операцией против Южной Франции... советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с восточного на западный фронт». По сути, речь шла о новом этапе коалиционной войны с более тесной, чем прежде, координацией военных действий трех государств: «...военные штабы трех держав должны отныне держать тесный контакт друг с другом в отношении предстоящих операций в Европе».

Решение о согласовании сроков проведения «Оверлорда» косвенно также получило отражение в формулировке Декларации трех держав, которая должна была продемонстрировать немцам и мировому общественному мнению единство союзников: «Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга»³⁵.

Большинство исследователей отмечают, что окончательное решение об «Оверлорде» было принято в Тегеране под совместным нажимом Сталина и Рузвельта на их основного оппонента Черчилля. Как следует из телеграммы по итогам Тегеранской конференции, оценки советской делегации были несколько иными: «Вначале Черчилль и Рузвельт отказывались назвать срок начала операции „Оверлорд“... Рузвельт, хотя и прямо не поддержал Черчилля в отношении операций в Средиземном море, но также указал, что из-за недостатка десантных средств „Оверлорд“, возможно, придется отложить... В результате обсуждения этого вопроса и после нажима с нашей стороны Черчилль и Рузвельт заявили, что операция „Оверлорд“ будет предпринята в точно установленный месяц весной 1944 года...»³⁶ Таким образом, основным фактором в принятии итогового решения считалось не советско-американское давление на Черчилля, а нажим Сталина на Рузвельта и Черчилля. Решающую роль советского руководителя в этом ключевом вопросе признавали и американские деятели. Так, в декабре 1943 г. военный министр Г. Стимсон записал в своем дневнике: «Чем больше я изучаю записи конференции и размышляю об этом, тем яснее становится, что Иосиф Сталин спас положение с Оверлордом и всем тем, за что выступало американское командование»³⁷.

С проблемой второго фронта были непосредственно связаны еще два вопроса, обсуждавшиеся в Тегеране. Первый из них касался Японии. Несмотря на далекие, казалось бы, друг от друга проблемы «Оверлорда» и войны в Тихом океане, в Москве понимали их фактическую взаимосвязь³⁸. Сталин хорошо знал о том, что при личной встрече Рузвельт может поставить вопрос об участии СССР в войне с Японией. Об этом еще 19 июля в Москву писал Громыко, передавая содержание разговора с Гопкинсом³⁹.

О том, что СССР был готов пойти навстречу американским пожеланиям, как учитывая собственные интересы на Дальнем Востоке, так и с целью ускорить открытие второго фронта в Европе, свидетельствовало неформальное заявление Сталина Хэллу во время Московской конференции. В Тегеране глава советского правительства уже 28 ноября подчеркнул, что вступление СССР в войну с Японией «может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать». Это заявление Черчилль при личной встрече со Сталиным 30 ноября назвал

«историческим» — такая реакция премьер-министра в немалой степени была связана с тем, что британское руководство не ожидало, что Москва сама поднимет в Тегеране вопрос о войне с Японией⁴⁰. Безусловно, заявление Сталина принимал в расчет и Рузвельт — это был еще один стимул поддержать Москву в вопросе второго фронта.

Президент хотел сразу перевести разговор относительно Японии в практическое русло и получить от советской разведки данные «о выпуске самолетов и строительстве тоннажа в Японии», а также запрашивал информацию относительно Приморского края, которая могла быть необходима для размещения там американских бомбардировщиков, интересовался сведениями о дальневосточных портах, возможным взаимодействием с СССР при наступлении на северную часть Курильских островов⁴¹.

Сталин не спешил с конкретными ответами на американские предложения. Приняв принципиальное решение о вступлении в войну против Японии после нанесения поражения Германии, он не торопился уже сейчас осложнять отношения с Токио. Показательно, что запросы американцев о сотрудничестве с советскими органами по транзиту материалов, поступавших из зоны Персидского залива через советскую территорию для Китая, не находили в это время большого отклика⁴². Но уже одним своим заявлением по Японии Сталин внес вклад в позитивное для советской стороны решение вопроса второго фронта. Рузвельт не только с еще большей готовностью стал поддерживать идею «Оверлорда», но и отказался на данный момент от выделения новых ресурсов на тихоокеанский театр военных действий — операция «Пират» (высадка на Андаманских островах в Бенгальском заливе), обсуждавшаяся на Каирской конференции, была отменена⁴³.

Проблема вступления в войну Турции также была неразрывно связана с определением дальнейшей стратегии ведения войны. Сталин, в отличие от Молотова на Московской конференции, выразил в Тегеране свое сомнение в том, что Турцию удастся убедить вступить в войну. По сообщениям разведки, поступавшим в Москву накануне Тегеранской конференции, можно было судить о том, что Анкара достаточно твердо настроена придерживаться (по крайней мере, официально) политики нейтралитета вплоть до открытия второго фронта англо-американцами или нападения на Турцию Германии или Болгарии⁴⁴.

В ходе самой Тегеранской конференции Сталин достаточно быстро понял, что любое упоминание о Турции будет играть на руку планам Черчилля, отвлекая внимание от «Оверлорда» в пользу Балкан. Поэтому, резонно было сделать основной акцент именно на требованиях об открытии второго фронта: это не только отвечало основным стратегическим интересам СССР, но и было наиболее вероятным способом убедить Турцию вступить в войну. Не исключено и то, что сама ситуация на советско-германском фронте к концу ноября могла подталкивать Сталина к выводу о том, что значение вступления Турции в войну снизилось. «Что же касается Турции, то я сомневаюсь в том, что Турция вступит в войну. Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее ни оказывали. Это мое мнение», — говорил он на заседании 28 ноября. Рузвельт и Черчилль были всерьез удивлены, учитывая к тому же, что еще 10 ноября в заявлении Литвинова прессы по итогам Московской конференции было особо указано на обсуждение на ней вопроса о вступлении Турции в войну, что воспринималось как сигнал о значении, которое придается Москвой данному вопросу⁴⁵.

В итоге решения, принятые в Тегеране по Турции, носили расплывчатый характер: стороны согласились, что «с военной точки зрения крайне желательно, чтобы Турция вступила в войну на стороне союзников до конца года». Было согласовано, что для достижения этой цели Рузвельт, Черчилль и Вышинский встретятся в Каире с турецким президентом И. Инёню (встреча состоялась 4–6 декабря 1943 г.).

Проблема Турции помимо вопроса об открытии второго фронта была тесно связана с другим важным вопросом, больше касавшимся уже послевоенного устройства, а именно — режимом черноморских проливов. С инициативой по его постановке выступил Черчилль, заявив на заседании 29 ноября о том, что «если Турция не примет предложения о вступлении в войну, то это может иметь серьезные политические последствия для Турции и отразится на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл». Такой ход премьер-министра был отнюдь не спонтанным. В британском правительстве уже в январе 1943 г. всерьез думали о возможных требованиях СССР в отношении доступа к незамерзающим портам и контроля над проливами: КНШ выступал против предоставления Москве баз в районе проливов или неограниченного права прохода военных судов. В качестве наи-

меньшего зла рассматривалось изменение Конвенции о проливах 1936 г.⁴⁶ Сталин был в курсе этих рекомендаций, получив текст британского доклада по каналам разведки⁴⁷.

Не случайно в Тегеране советская сторона хотела уточнить намерения Черчилля в отношении пересмотра режима проливов. Реагируя на заявление британского премьер-министра на заседании 29 ноября, а также, по всей видимости, имея в виду информацию, поступавшую от советской разведки, 30 ноября Сталин заявил: «Такая большая страна, как Россия, оказалась запертой в Черном море и не имеет из него выхода... если теперь англичане не хотят больше душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили режим проливов». Попытки Молотова добиться от Черчилля уточнения его позиции по изменению режима проливов не принесли, однако, результатов. Британский премьер, держа в уме возможную реакцию турок на столь важные разговоры у них за спиной, не стал вдаваться в детали. В целом обсуждение вопроса о проливах было отложено.

Наконец, еще один вопрос, обсуждавшийся в связи с возможным вступлением Турции в войну, касался Болгарии. Черчилль хотел выяснить реакцию СССР на возможное начало военных действий между Турцией и Болгарией: объявит ли Москва войну Софии в подобном случае? С точки зрения британцев, «дипломатические и подрывные действия» со стороны СССР были одним из трех основных способов добиться капитуляции Болгарии, наряду с воздушными бомбардировками и вступлением Турции в войну⁴⁸.

Болгария занимала важное место в системе обеспечения безопасности СССР. Тот факт, что Советский Союз в отличие от Великобритании и США не находился с ней в состоянии войны, мог стать немаловажным преимуществом в деле послевоенного сближения двух государств. Как свидетельствовала справка НКВД «Будущее Болгарии», подготовленная накануне Московской конференции, при определенных обстоятельствах СССР был готов учесть некоторые пожелания Софии: «Сейчас нам невыгодно выступать с поддержкой болгарских территориальных претензий. Если удастся добиться поворота во внешней политике Болгарии, некоторые претензии могут быть приняты во внимание. Можем поддержать требование Болгарии на сохранение в ее руках части Фракии у Эгейского моря»⁴⁹.

В Тегеране Сталин отнюдь не торопился говорить о готовности СССР вступить в войну с Болгарией. На заседании 1 декабря он указал на то, что от Турции следует требовать вступления в войну «именно против Германии». Возможные сценарии, которые Верховный обрисовал Рузвельту и Черчиллю, в случае подобного шага Анкары (Болгария не нападет на Турцию, Турция не нападет на Болгарию; Германия оккупирует Болгарию, в связи с чем последняя «обратится к Советскому правительству с просьбой о помощи»), также не предполагали открытой конфронтации СССР и Болгарии. Тем не менее Сталин дал заверение в том, что если Болгария объявит войну Турции или нападет на нее, СССР окажется с Болгарией в состоянии войны, что было зафиксировано в военных решениях конференции. Учитывая, однако, что Сталин явно сомневался в готовности Турции вступить в войну с Германией, подобное заявление могло преследовать тактические цели и не означало, что Москва стремилась к открытой конфронтации с Софией.

Вопрос о совместной политике в отношении движения Сопротивления в Югославии также был поднят в Тегеране. Советская сторона подтвердила ранее заявленное стремление отправить военную миссию к Тито, британцы согласились предоставить базу в Каире для поддержания связи с этой миссией. Согласно американской записи переговоров, Молотов даже выступил с идеей отправки миссии и к Михайловичу, против чего советская сторона выступала ранее. Иден, однако, не стал настаивать на данном предложении⁵⁰. Не исключено, что изменение советской позиции было элементом дипломатического маневрирования: заинтересовать британцев идеей отправки советской миссии к Михайловичу для получения от них обещанной базы в Каире. Как свидетельствовали позиции, озвучиваемые советским послом при югославском правительстве в эмиграции Н. В. Новиковым в январе 1944 г., а также точка зрения Сталина, переданная Димитровым Тито в феврале того же года, отношение к Михайловичу оставалось резко негативным: «...правительство в Каире, включая Дразу Михайловича, должно быть низложено, причем оно должно полностью отчитаться перед правительством АВНОЮ (Антифашистское вече народного освобождения Югославии. — *И. М.*) об истраченных огромных суммах народных средств»⁵¹.

Еще один вопрос, который со времени Московской конференции связывался с мерами по

сокращению сроков войны, затрагивал Швецию. Хотя американские дипломаты ожидали, что в Тегеране Сталин будет настаивать на «значении сотрудничества Швеции в ведении войны»⁵², советская сторона не стала развивать ранее высказанную идею получения авиабаз. В Тегеране шведский вопрос не обсуждался, однако была затронута другая связанная с ним проблема — Финляндия. На заседании 1 декабря Сталин сообщил о демаршах, предпринимавшихся финнами через заместителя шведского министра иностранных дел Э. Бохемана, для организации переговоров с Москвой. Попытки советского посланника в Швеции А. М. Коллонтай выяснить взгляды финнов на условия выхода из войны привели к получению 29 ноября послания, переданного через того же Бохемана, о готовности Хельсинки принять советско-финляндскую границу 1939 г. с некоторыми поправками в пользу СССР. Сталина подобный ответ не удовлетворил: он увидел в нем свидетельство того, что финны «не хотят серьезных переговоров с Советским правительством. Они еще верят в победу Германии»⁵³.

В ходе Тегеранской конференции Сталин несколько смягчил позицию НКВД по советским условиям в отношении Финляндии, сформулированную в марте — октябре 1943 г. (разрыв с Германией и удаление германских войск из Финляндии, восстановление советско-финского мирного договора 1940 г, демобилизация финской армии, возмещение ущерба, возвращение Петсамо)⁵⁴. В отношении Петсамо он выразил готовность рассматривать его как элемент «обмена»: СССР возвращал себе этот ранее переданный Финляндии город, но при этом отказывался от прав аренды на полуостров Ханко (получены по мирному договору 1940 г. сроком на 30 лет). Для британцев, считавших, что Ханко — это «безусловно, одно из мест, где русские захотят иметь базу»⁵⁵, это заявление было неожиданным. В целом слова Сталина о готовности вести переговоры с финнами указывали на более гибкую позицию по сравнению с той, что озвучивалась Молотовым ранее⁵⁶.

Хотя никаких конкретных решений по финскому вопросу в Тегеране принято не было, информация Сталина произвела положительный эффект: СССР не только информировал союзников о «пробных шарах» со стороны Хельсинки, но и демонстрировал готовность обсудить с ними свою возможную реакцию на них.

Если большинство из вышеуказанных вопросов касались непосредственно ведения

войны, то ряд других затрагивал проблемы послевоенного устройства. Вопрос о западных границах СССР был в этом смысле одним из ключевых и наиболее сложных. При обсуждении ситуации вокруг Финляндии Черчилль заявил о том, что «Советский Союз должен иметь обеспеченные подходы к Ленинграду», Рузвельт также упомянул о том, что, согласно его информации, «финны готовы отодвинуть границу от Ленинграда на Карельском перешейке»⁵⁷. Во время личной встречи со Сталиным 1 декабря президент по собственной инициативе поднял вопрос о прибалтийских республиках СССР. Он высказал Сталину свою давнюю идею: «Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом, и совсем недавно составляли часть Советского Союза, и, когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита». Дополнительным стимулом для озвучивания этой идеи для Рузвельта было и недавнее (18 ноября) выступление Хэлла в конгрессе, в котором подчеркивалась необходимости проведения плебисцитов на освобожденных территориях, в том числе в Прибалтике и на Балканах⁵⁸.

Сталин заявил о том, что «у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю», подчеркнув, что плебисцит не должен проходить под какой-либо формой международного контроля. В телеграмме советским послам по итогам Тегеранской конференции Сталин собственноручно вставил во фразу Молотова, описывавшую его ответ Рузвельту, следующие слова: «вопрос о Прибалтике не подлежит дискуссии, так как Прибалтика входит в состав СССР»⁵⁹. По всей видимости, Верховный хотел подчеркнуть для советских представителей за рубежом жесткость занимаемой по данному вопросу позиции. Рузвельт, хотя и учитывавший настроения в США в период приближающихся выборов, мыслил, однако, весьма реалистично. Еще в марте он говорил Идену о том, что понимает: «...русские армии во время падения Германии будут находиться на территории балтийских государств, и никто из нас не сможет заставить их уйти оттуда»⁶⁰.

Еще один непростой вопрос, который, по выражению Молотова, Рузвельт и Черчилль «щупали» в Тегеране⁶¹, касался Польши. Его обсуждение выявило как разногласия, так и определенное сходство в точках зрения трех держав. Попытка Рузвельта поставить вопрос о восста-

новлении СССР отношений с эмигрантским польским правительством, как и схожий демарш Идена во время Московской конференции, натолкнулось на жесткую реакцию Сталина: «Агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами. Они убивают партизан. Вы не можете себе представить, что они там делают»⁶². Подобные же оценки фигурировали в данных советской разведки⁶³.

Однако в рамках «Большой тройки» имелась и некоторая общность взглядов по вопросу о Польше. По сути, главы всех трех государств сходились в том, что именно великие державы будут определять основные параметры решения польской проблемы. Как говорил Рузвельт Идену, «в конце концов, что будет иметь Польша, а что нет, решать крупным державам. Он, президент, не намерен идти на мирную конференцию и торговаться с Польшей или другими малыми государствами; в том, что касается вопроса Польши, важно добиться такого решения, которое будет способствовать поддержанию мира»⁶⁴.

В неформальном разговоре наедине со Сталиным 1 декабря президент был еще откровенней, ясно дав тому понять, что в вопросе о Польше его волнуют в основном внутривнутриполитические соображения — голоса избирателей польского происхождения. Аппетиты эмигрантского польского правительства во всех трех союзных столицах расценивались как чрезмерные. Гарриман вспоминал о диалоге Литвинова с Иденом во время Московской конференции, когда заместитель наркома говорил о том, что Польша должна научиться существовать как «малое государство» в рамках этнографических границ и оставить претензии на статус «великой державы»⁶⁵. Иден имел схожие претензии к полякам⁶⁶.

Таким образом, в рамках «Большой тройки» к концу 1943 г. имелась определенная основа для компромисса по польскому вопросу на базе его решения великими державами. Конкретным выражением этого был относительный консенсус по вопросу границ Польши. Как Черчилль, отказавшийся от встречи с польском премьер-министром С. Миколайчиком перед отъездом в Тегеран⁶⁷, так и Иден в качестве основы восточной границы Польши рассматривали «линию Керзона» с одним, однако, немаловажным изменением в пользу Польши — передачей ей Львова. В качестве компенсации за уступки на востоке, на западе Польша должна была получить Данциг, Восточную Пруссию и Верхнюю Силезию⁶⁸. Рузвельт придерживался схожей точки зрения.

И британцы, и американцы предусматривали возможность существенных перемещений населения в период установления окончательных границ Польши и СССР.

Основа для базового компромисса по вопросу границ Польши выявилась в Тегеране достаточно быстро. Уже во время ужина после первого заседания 28 ноября Сталин упомянул о возможности передвинуть западную границу Польши на запад до р. Одер и заявил о том, что «русские помогут полякам получить границу по Одру»⁶⁹. Показательно, что Сталин, руководствуясь, вполне вероятно, и долгосрочными стратегическими соображениями, в тактическом отношении смягчил советскую позицию по сравнению с той, которой призывал придерживаться НКВД (в лице Деканозова), опасавшийся расширения Польши за счет Восточной Пруссии (записка от 3 октября)⁷⁰.

Во время ужина 28 ноября Черчилль ухватился за слова Сталина. Заявив о том, что при определении границы между СССР и Польшей соображения относительно советской безопасности должны быть «руководящим принципом», он выдвинул свое известное предложение о «трех спичках»: как солдаты «принимают левее» во время строевых упражнений, так СССР, Польша и Германия должны передвинуться на запад. Согласно британской записи беседы, идея «понравилась» Сталину⁷¹.

Черчилль вновь вернулся к своей метафоре на заседании 1 декабря. Сталин подчеркнул, что «советское правительство стоит на точке зрения этой границы (между СССР и Польшей на момент 22 июня 1941 г. — *И. М.*) и считает это правильным»⁷². Далее, согласно американской записи беседы, Иден заявил, что эта граница известна как «линия Риббентропа — Молотова». Сталин ответил, что название не имеет значения, советская сторона в любом случае рассматривает ее как правильную, однако Молотов счел нужным уточнить: «...граница 1939 г. была линией Керзона». Участники конференции даже начали изучать расположение различных «линий» на карте, причем Сталин, хотя и признавая, что формально Львов лежит западнее «линии Керзона», подчеркнул, что город находится в регионе с доминированием украинского населения и поэтому не может быть передан Польше⁷³.

Итогом всех этих дискуссий стала так называемая тегеранская формула по вопросу польских границ, предложенная Черчиллем: «В принципе было принято, что очаг польского

государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опфельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах». В обмен на согласие с данной формулой Сталин, однако, выдвинул дополнительное условие — предоставление СССР незамерзающих портов Кенигсберга и Мемеля с соответствующей частью территории Восточной Пруссии.

В Тегеране Сталин впервые поставил вопрос о получении «части Германии» (согласно британской записи беседы) в разговоре с Черчиллем во время ужина 28 ноября⁷⁴. В дальнейшем на заседании конференции 1 декабря он развил и конкретизировал свою мысль, используя — что показательно — не только стратегические соображения («русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море»), но и исторические: «...это исконно славянские земли». Слова Сталина не были спонтанными: в НКВД идеи о получении контроля над Кенигсбергом развивались с декабря 1941 г.⁷⁵; в предложениях по советско-польской границе, сформулированных накануне Московской конференции, подчеркивалось, что в состав СССР должны войти район Сувалок, Клайпедская область, восточные районы Восточной Пруссии, «населенные преимущественно литовцами»⁷⁶.

Вряд ли Сталин рассчитывал на решение вопроса о Кенигсберге уже в Тегеране (британцы надеялись, что в дальнейшем его еще удастся отговорить от этого запроса)⁷⁷. Скорее он «закидывал удочку» для прощупывания реакции западных союзников, а также формулировал свою позицию для ее отстаивания на следующих встречах.

Прошедшая перед Тегераном Каирская конференция дала дополнительный стимул к выяснению позиции Москвы по Дальнему Востоку. В коммюнике по ее итогам, опубликованном 1 декабря, говорилось, что все территории, захваченные Японией у Китая, должны быть возвращены последнему. Определенные опасения в связи с этим в Лондоне вызывал вопрос о Маньчжурии — в Форин-офисе считали, что «русские могут иметь определенные виды на распоряжение Маньчжурией»⁷⁸. Сталин, уже знакомый с текстом Каирского коммюнике, заявил на заседании 30 ноября о своем согласии с тем, «чтобы была создана независимая Корея

и чтобы Формоза и Маньчжурия были возвращены Китаю». Воспользовавшись моментом, Рузвельт упомянул о своей идее свободных портов, наличие которых могло облегчить СССР доступ к теплым морям. Президент не только зондировал советские намерения, но и стремился повысить интерес Москвы к вступлению в войну против Японии. Хотя этот обмен мнениями не привел к конкретным решениям, сам по себе он говорил о серьезном укреплении позиций СССР, перед которым открывались новые возможности по усилению своего присутствия на просторах мирового океана. Сталин явно был доволен ходом обсуждений, заявив, что «если и дальше переговоры будут идти успешно, то он готов остаться еще на один день и выехать не 2-го, а 3-го декабря».

К числу ключевых вопросов, затрагивавших послевоенное устройство, относились также германский и французский. Инициативу о начале обсуждения в Тегеране первого из них советские и американские документы приписывают разным лидерам. В телеграмме по итогам конференции, имея в виду заседание от 1 декабря, Молотов писал о том, что «по инициативе Рузвельта был поставлен вопрос о послевоенном устройстве Германии»⁷⁹. Однако американские и британские записи указывают на то, что уже во время ужина 28 ноября сам Сталин начал дискуссию по германскому вопросу, указав на то, что любые меры по контролю и разоружению Германии не смогут предотвратить ее возрождения. При этом он не стал уточнять, какие меры СССР считает по-настоящему эффективными. Не исключено, что член американской делегации Болен, составивший меморандум по итогам этого разговора, был прав: «...очевидно, Сталин стремился вызвать дискуссию и выяснить взгляды президента и премьер-министра по данным вопросам, не раскрывая, однако, какие решения он предлагает сам»⁸⁰.

Во время нового обсуждения германского вопроса 1 декабря Сталин не выступал с конкретными предложениями, предпочитая предоставить инициативу Рузвельту и Черчиллю. Президент США обрисовал схему разделения Германии на пять самостоятельных государств, представлявшую собой несколько модифицированный вариант «плана Уэллеса». Также предлагалось выделить районы Кильского канала и Гамбурга (под управлением Объединенных Наций или четырех держав), Рурскую и Сарскую области (под контролем Объединенных Наций либо «попечителей всей Европы»).

В вопросе о разделении Германии Черчилль, по словам Молотова, «был настроен менее решительно»⁸¹. В Тегеране Черчилль остановился на двух ключевых проблемах — изоляции Пруссии и отделении от Германии южных провинций, которые должны были, по его мысли, войти в состав Дунайской федерации. Сформулировав эти мысли перед Сталиным еще во время ужина 28 ноября, Черчилль натолкнулся на следующий ответ: «Все это очень хорошо, но недостаточно»⁸². Особую неприязнь вызывали британские планы создания конфедераций. На заседании 1 декабря Сталин заявил: «Если мы решим дробить Германию»⁸³, то не надо создавать новых объединений». Глава советского правительства подчеркнул: «Венгрия и Австрия должны существовать отдельно друг от друга». Согласно американской записи беседы, Сталин также добавил, что было бы «большой ошибкой объединять венгров с немцами, так как немцы будут просто контролировать венгров...»⁸⁴.

Обобщая, можно сказать, что позиция, занятая Сталиным по германскому вопросу, имела выжидательный характер. Тем не менее определенное сходство советских и американских позиций было налицо: речь шла не только об общем принципе (необходимость расчленения Германии, в пользу которого высказывалась комиссия Литвинова), но и о некоторых деталях. Так, к примеру, за установление контроля над Кильским каналом ратовал не только Рузвельт, но и комиссия Ворошилова⁸⁵. В целом Сталин, как говорилось в телеграмме советским послам по итогам конференции, «положительно отнесся к плану Рузвельта, не предвещая вопроса о количестве государств, на которое следует раздробить Германию»⁸⁶, и не раскрывая советских планов. При этом наработки комиссии Литвинова, сосредоточенные вокруг идеи разделения Германии на три государства (Пруссия; Южно-германское государство в составе Бадена, Вюртемберга, Баварии и Саксонии; Вестфальско-Рейнское государство), были достаточно близки планам, озвученным Рузвельтом⁸⁷.

Проблема Германии была тесно связана с перспективами дальнейшего сотрудничества стран «Большой тройки» и планами создания после войны международной организации по обеспечению безопасности. Как общая германская угроза объединила СССР, США и Великобританию в деле ведения войны, точно так же требовало их сотрудничества проведение мероприятий по окончательной нейтрализации этой угрозы после окончания военных действий.

В Тегеране связь между указанными вопросами проявилась весьма наглядно. Во время встречи со Сталиным 29 ноября Рузвельт развил перед ним свои идеи о структуре международной организации: Общая организация из 35–50 государств, Исполнительный комитет из 10–11 государств, Полицейский комитет в составе СССР, США, Великобритании и Китая.

Вопрос о структуре международной организации как таковой на Тегеранской конференции не входил в число приоритетных для советской делегации. Показательно, что в телеграмме по ее итогам он был предпоследним по счету⁸⁸. Идеи Сталина, озвученные во время беседы с Рузвельтом, по всей видимости, не были окончательными. Он призывал учесть то, что Китай не будет иметь достаточной мощи для предъявления требований какой-либо европейской державе, что европейские государства не одобряют право Китая использовать механизм Полицейского комитета для навязывания им каких-либо решений. В связи с этим он предлагал создать не одну, а две организации (европейскую и дальневосточную либо европейскую и мировую) — Рузвельт указал на сходство этой позиции с той, что занимал Черчилль. Вместе с тем, когда Молотов в телеграмме по итогам конференции изложил указанную точку зрения Сталина в качестве реакции на предложения Рузвельта, Верховный вычеркнул эти слова, вставив вместо них сухое: «Тов. Сталин не возражал».

Глава советского правительства не только не хотел на данной стадии углубляться в обсуждение вопроса о международной организации, но и, вполне возможно, вновь прибегал к дипломатическому «зондажу». Сознательно высказывая Рузвельту идеи, схожие с черчиллевскими (Сталин знал о проектах британского премьера), он проверял: как отреагирует президент? В пользу того, чтобы в Тегеране не углубляться в вопрос о международной организации, говорило и то, что советская точка зрения по нему не была окончательно сформулирована. Показательно, что секретная разработка Штейна «Основные принципы создания Международной организации по охране безопасности и мира» (в трех экземплярах) появилась уже после Тегеранской конференции — 16 декабря⁸⁹. Рузвельт все же считал, что Сталин является сторонником «регионального плана Черчилля».

То, что действительно интересовало Сталина применительно к переговорам о международной организации в Тегеране, это возможности, которые бы она предоставила «Большой

тройке» по занятию стратегических пунктов для предотвращения возможной будущей агрессии со стороны Германии и Японии. Причем, как можно было понять из слов Сталина, речь шла о пунктах не только на территории Германии и Японии, но и вне их⁹⁰. Подобная мера давала бы будущей международной организации эффективные средства борьбы с угрозой агрессии и одновременно могла существенно расширить возможности СССР в обеспечении собственной безопасности. Рузвельт, для которого тезис о праве Объединенных Наций на занятие стратегических пунктов был частью его излюбленной схемы «четырёх полицейских», согласился со Сталиным на «сто процентов», однако уклонился от более предметного обсуждения этой важной проблемы⁹¹.

Вопрос о стратегических пунктах был связан с обсуждением в Тегеране не только германского, но и французского вопроса. По более позднему свидетельству, между Сталиным и Рузвельтом даже состоялся следующий диалог. «Если будет мировая полицейская сила, нужны и полицейские участки в стратегических пунктах», — сказал президент. «Вы захотите Дакар, не так ли?», — ответил Сталин⁹². О возможности передачи Дакара США в качестве военно-морской базы упоминалось и во время встречи Молотова с Иденом и Гопкинсом 30 ноября⁹³.

Упоминание о возможности передать часть французской колониальной империи под контроль Объединенных Наций после войны было отнюдь не случайным. Позиция, занятая в Тегеране главой советского правительства по французскому вопросу, была весьма неожиданной для союзников. Как позднее говорил Иден на заседании британского кабинета министров, «на Тегеранской конференции был обнаружен один из крайне интересных фактов», а именно, что «Сталин настроен крайне критично по отношению к французам... Он говорил о том, что французы по-настоящему не постарались в этой войне, он, безусловно, рассматривал французское государство как прогнившее»⁹⁴.

Действительно, начиная с первого дня конференции Сталин высказывал весьма критические суждения как в отношении бывшего и нынешнего руководства Франции, так и, в меньшей степени, де Голля. Во время ужина 28 ноября он подчеркнул, что прогерманская позиция, занятая нынешним правящим классом Франции, не дает оснований для сохранения за ней ряда колониальных владений. В последующем пере-

сказе Молотова идеи Верховного были таковы: «При этих условиях нельзя гарантировать, что стратегически важные пункты Французской империи, если они останутся в руках Франции после нынешней войны, не будут использованы против союзников Германией и Японией в случае их попытки развязать новую войну. Чтобы этого не случилось, такие стратегические пункты должны быть взяты под контроль международной организацией, созданной для поддержания мира»⁹⁵. Сталин также настаивал на том, что Франция приложила недостаточно усилий в войне, ее правители «открыли фронт» для германской армии, по поводу чего он даже вступил в небольшой спор с Черчиллем. Не преминул Верховный и критически отозваться о де Голле, посчитав, что «в политике де Голль не является реалистом», и охарактеризовав его как представителя «символической» Франции, однако ведущего себя так, словно он стоял во главе великой державы⁹⁶.

Эти высказывания не противоречили общей позитивной линии СССР в отношении ФКНО. Во-первых, большая часть этих критических замечаний относилась к «вишистской» Франции, являвшейся союзницей Германии, — она должна была, исходя из этого, понести наказание после войны. Характер подобного наказания — потеря по крайней мере части колониальной империи — вполне к тому же соответствовал давней позиции СССР по борьбе с колониализмом. Во-вторых, как заметил Болен, эти высказывания были направлены прежде всего на выяснение позиций американцев и британцев, представляя собой дипломатический зондаж⁹⁷. Ряд действий Сталина в отношении ФКНО осенью 1943 г. говорил о его благожелательном расположении к данной организации. Так, в сентябре он не только дал согласие на обмен военными миссиями с ней, но и лично заявил ее главе в Москве генералу Э. Пети, что «Франция в будущем снова возродится... мы и впредь будем помогать французам»⁹⁸.

Вместе с тем подобные дружественные шаги не означали, что Москва готова удовлетворить все запросы де Голля. Идеи французского генерала (в передаче директора его кабинета Г. Палевского) о том, что «все важные дела послевоенной Европы будут решаться двумя силами — СССР и Францией», в условиях 1943 г. вполне резонно могли расцениваться как чересчур амбициозные. Показательно, что неоднократные попытки де Голля летом — осенью 1943 г. организовать встречу со Сталиным не

увенчались успехом. Москва предпочитала подождать дальнейшего развития событий, не собираясь на данном этапе осложнять отношения с Вашингтоном и Лондоном разногласиями по Франции⁹⁹. Таким образом, позиция, занятая Сталиным в Тегеране, отвечала скорее тактическим целям по выявлению американской и британской позиции по французскому вопросу.

В целом обсуждение французского вопроса в Тегеране проходило, как это признавал Иден¹⁰⁰, под знаком советско-американского сближения за счет некоторой маргинализации Черчилля. Особенно показательна в этом смысле была проблема Индокитая. Когда во время личной встречи с Рузвельтом 28 ноября Сталин заявил о том, что «не представляет себе, чтобы союзники проливали кровь за освобождение Индокитая и чтобы потом Франция получила Индокитай для восстановления там колониального режима», Рузвельт согласился с ним на «сто процентов»¹⁰¹. Хотя в данном случае речь шла о французском колониализме, президент был не лучшего мнения и о его британском варианте¹⁰². Не случайно в Тегеране Сталин и Рузвельт сошлись и в вопросе по Индии, признав, что это «больное место Черчилля», хотя никто из двоих не стал осложнять отношения с Лондоном обсуждением данной проблемы на конференции.

Однако небольшой «укол» Черчилля по индийскому вопросу Сталин все же сделал, хотя этот эпизод Тегеранской конференции малоизвестен. Одна из переводчиц советской делегации в Тегеране, легендарная разведчица З. В. Зарубина, вспоминала о том, что во время празднования дня рождения Черчилля 30 ноября Сталина обслуживал сикх. Он поворачивается к сикху и говорит: «Большое спасибо, что вы меня так обслуживали, сегодня все так хорошо, такой важный день, день рождения премьер-министра Черчилля. Я хотел бы, — сказал Верховный индусу, — чтобы вы выпили бокал шампанского»¹⁰³. Неординарный жест Сталина вызвал небольшой переполох и недоумение у британцев. Одна из возможных его интерпретаций: продемонстрировать, что в отличие от британских аристократов глава государства, выходец из крестьян, готов на равных и с уважением беседовать с представителями «колониальных» народов.

Одним из заметных решений Тегеранской конференции, стоявшим несколько особняком от всех вышеперечисленных, стало принятие Декларации трех держав об Иране. Модификации (по сравнению со временем Московской

конференции) подверглась не только советская позиция по данному вопросу, но и общий контекст его обсуждения. Британцы, проявившие инициативу по Ирану во время конференции в Москве, продолжили свои усилия и после нее. По свидетельству американского посланника в Иране Л. Дрейфуса, они поставили иранские власти в известность о дискуссиях в Москве¹⁰⁴, стремясь тем самым привлечь официальный Тегеран к своим попыткам склонить СССР к подписанию декларации.

Созыв конференции «Большой тройки» в иранской столице был хорошим стимулом для этого. Еще до ее начала, 25 ноября, премьер-министр А. Сохейли упоминал о декларации в беседе с американцами. После прибытия Рузвельта в Тегеран на желательность подписания декларации намекнул президенту его личный представитель бригадный генерал П. Хэрли, имевший в Иране хорошие связи. Сами иранские власти основную ставку делали все же на британцев. Именно в беседе с Иденом 29 ноября Сохейли и министр иностранных дел М. Саед напрямую заговорили о желательности подписания на конференции «объединенного коммюнике», которое бы содержало следующие пункты: признание союзниками помощи в войне, оказываемой Ираном; подтверждение его независимости, суверенитета и территориальной целостности; учет его экономических нужд при обсуждении мирного договора по итогам войны.

Тогда же, 29 ноября, Сохейли проинформировал о своем демарше и Дрейфуса. Американцы оперативно, в тот же день, подготовили проект декларации по Ирану, предусмотрительно не став упоминать в нем о «зарубежных советниках» — пункте, вызывавшем у СССР негативную реакцию. Роль посредника взял на себя Хэрли. 30 ноября он переговорил с Иденом, согласовав американскую и британскую позиции по декларации, а затем с Рузвельтом, убеждая его обсудить этот вопрос лично со Сталиным. Хотя уже днем ранее Молотов выразил Сохейли согласие СССР на подписание декларации, Хэрли опасался, что советская делегация не твердо стоит на этой позиции, и хотел подстраховаться личным вмешательством президента¹⁰⁵.

В итоге, после беседы Рузвельта со Сталиным, текст декларации был согласован уже в последний день конференции, вечером 1 декабря. Завершающим аккордом дискуссии по этому вопросу в тот день стал спор Сталина и Черчилля о названии. Британский премьер настаивал на использовании слова «Персия»

вместо «Иран», дабы, по его словам, избежать путаницы между Ираком и Ираном. Сталина подобная аргументация не убеждала, и он стоял на своем. Черчилль согласился, однако Сталин не упустил случая вновь уязвить премьер-министра в момент подписания декларации, настояв на том, чтобы Черчилль первым поставил свою подпись — дабы больше не было споров о названии страны, в которой три главы государства сейчас находятся¹⁰⁶.

Декларация трех держав об Иране удовлетворяла основным запросам иранской стороны. В ней признавалась помощь Ирана «в деле ведения войны против общего врага» (особенно в транспортировке грузов по ленд-лизу для СССР), указывалось на готовность трех держав оказывать ему экономическую помощь (при учете, однако, требований, накладываемых войной), рассмотреть экономические проблемы Ирана после войны, «сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана».

Американские дипломаты были удивлены поворотом в советской позиции по этому документу, подозревая, что за этим стоит «общий сдвиг последнего времени в отношении СССР к Ирану»¹⁰⁷. Причиной изменения советской позиции, судя по всему, стало личное вмешательство Сталина. Еще накануне отъезда в Тегеран, по воспоминаниям командующего авиацией дальнего действия маршала А. Е. Голованова, он сделал резкий выговор наркому внутренних дел Берии, который выступил против идеи встречи Сталина во время предстоящей конференции с молодым шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви: «Понял я лишь одно — шел разговор об иранском шахе, и это было причиной вспыльчивости Верховного. Ни прежде, ни потом видеть его таким мне не доводилось»¹⁰⁸. Сам Молотов в последующем вспоминал: «В Тегеране в 1943 году Сталин пошел на прием к юному шаху Ирана — тот даже растерялся. Берия был против такого визита»¹⁰⁹.

Визит Сталина к 24-летнему шаху, состоявшийся 1 декабря в Тегеране, был хорошо рассчитан. Сталин стал единственным из глав «Большой тройки», кто запросил встречи с шахом на его собственной территории. Как и в эпизоде с сикхом, глава советского государства словно демонстрировал, что в отличие от «империалистов» он готов говорить с народами Востока на равных. Рузвельт, отклонивший предложение Пехлеви быть его гостем во дворце, встретился с шахом 30 ноября на территории советского

посольства. Черчилль в тот же день, после довольно долгого ожидания, принял его в британском посольстве. Это были краткие встречи, имевшие чисто формальный характер.

Во время этого же визита Пехлеви собирался навестить Сталина; в советское посольство позвонили с вопросом, «когда его превосходительство Сталин может принять шаха Ирана... Довольно быстро был получен ответ, который гласил: „Глава советской делегации спрашивает, когда шах Ирана найдет время и сможет его принять?“»¹¹⁰ Иранский представитель, звонивший в советское посольство, растерялся, посчитав, что его неправильно поняли, и заявил, что должен доложить об этом шаху. Разобравшись в ситуации, иранские власти уточнили дату — 1 декабря. Своим решением лично поехать к шаху Сталин не только оказал последнему большую честь (особенно на фоне неуклюжих действий Рузвельта и Черчилля), но и подверг себя определенному риску. В отчете службы безопасности Сталина говорилось, что «место и время беседы были известны агентуре противника», что потребовало проведения дополнительных мероприятий¹¹¹. По одному из иранских свидетельств, советская сторона настаивала на том, чтобы во дворце во время встречи находились представители лишь советской охраны¹¹². По всей видимости, опасения перед возможными действиями германской агентуры в Иране были достаточно велики.

Позднее Молотов характеризовал встречу Сталина с Пехлеви как попытку получить шаха «в союзники»¹¹³. Действительно, в ходе полтора часового разговора Верховный не только заверил Пехлеви в своем стремлении укрепить как Иран в целом, так и личные позиции шаха в особенности, но и выразил готовность пойти на конкретные шаги в этом направлении — передать иранской армии 20 танков и 20 самолетов, а также отправить советских офицеров в качестве инструкторов¹¹⁴. Эти предложения должны были не только развеять разного рода опасения иранских властей, связанные с пребыванием советских войск на севере страны (в том числе относительно политической ситуации в Иранском Азербайджане)¹¹⁵, но и продемонстрировать шаху готовность Москвы помочь в укреплении его армии. Пехлеви придавал этому вопросу большое значение.

Визит Сталина к шаху был серьезным дипломатическим успехом СССР. Уже после окончания Тегеранской конференции Пехлеви направил Сталину послание, в котором подчер-

кивал: «Ваш визит к нам оставил у меня весьма глубокие воспоминания». В другом послании, на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина, шах выражал «удовлетворение, которое вызвала у меня декларация Тегеранской конференции об Иране, декларация, выработке которой ваша страна содействовала столь действенным образом»¹¹⁶. Посланник Дрейфус в своем отчете об организации Тегеранской конференции прямо писал о грубых ошибках американской делегации в отношении с шахом на фоне дипломатического обращения с ним Сталина¹¹⁷. Британские представители в Тегеране, которым иранские власти передали содержание разговора Сталина и Пехлеви, были в некоторой степени обеспокоены: «К сожалению, шах был задет за слабые точки. Он был раздражен тем, что Рузвельт не смог навестить его, а визит Сталина ему польстил». Иден тем не менее призывал не сгущать краски применительно к нынешней политике СССР в Иране, хотя и предвидел возможности для дальнейших трудностей в отношениях Москвы и Лондона по данной проблеме: «В целом отношение Сталина к шаху, наряду с советским участием в совместной декларации по Персии, кажется мне обнадеживающим явлением. Возможно, что русские могут иметь некоторые скрытые дурные намерения, но не было бы ничего обнадеживающего в том, если бы они отказались участвовать в декларации и заняли враждебную шаху позицию». В Лондоне соглашались с тем, что Сталин своим визитом к шаху «одержал важную личную победу»¹¹⁸.

В немалой степени эта оценка действий главы советской делегации может быть распространена и на результаты обсуждения большинства других вопросов на Тегеранской конференции. Сталину удалось добиться от Рузвельта и Черчилля обязательств по главному — открытию второго фронта. Наличие относительно точной даты начала «Оверлорда» служило немаловажным залогом того, что в этот раз высадка на севере Франции наконец-то будет предпринята. Четко расставив приоритеты, хозяин Кремля сумел одновременно представить ряд шагов, отвечавших собственным интересам СССР, в качестве уступок союзникам. Среди них: заявление о вступлении СССР в войну против Японии после поражения Германии; проведение военных операций на советско-германском фронте в период «Оверлорда». Глава советской делегации умело демонстрировал готовность СССР действовать в духе солидарности анти-

гитлеровской коалиции, делясь информацией о мирных «пробных шарах» (как он сделал в случае с Финляндией) и словно призывая союзников действовать в схожем духе. Несколько смягчив позицию НКВД в отношении западной границы Польши, он сумел сделать еще один шаг в сторону признания Лондоном и Вашингтоном западной границы СССР. Проведя зондаж позиций США и Великобритании по германскому и французскому вопросам, он не стал детально раскрывать советских планов по ним. Благоприятным для советской стороны было и все большее осознание Рузвельтом и Черчиллем решающей роли партизан, а не четников в движении Сопротивления в Югославии.

Сравнивая советскую дипломатию на Московской и Тегеранской конференциях, можно выделить немаловажное отличие. Если в первом случае ее можно (с некоторыми оговорками) обозначить как НКВДовскую и основанную на тщательной предварительной разработке вопросов коллективом дипломатов, то во втором случае речь шла уже о личной дипломатии, повышавшей значение индивидуальных качеств переговорщиков и превращавшей их в реальный фактор политического влияния.

В Тегеране проявились сильные стороны сталинской личной дипломатии: настойчивость, уверенное владение проблематикой переговоров (это поражало Идена и Черчилля еще в период переговоров 1941–1942 гг.)¹¹⁹, точный расчет, умение «продать» нужное решение, способность играть на противоречиях между союзниками. Уверенность Сталина, опиравшегося на победы Красной армии и чувствовавшего себя хозяином в Тегеране, проявлялась и в манере его выступлений. По воспоминаниям Зарубиной, «во время выступлений на конференции Сталина слушали затаив дыхание... Я бы сказала так: Верховный говорил очень медленно и очень тихо. И было удивительно, как все его слушали»¹²⁰.

В целом он произвел сильное впечатление на западных партнеров. Даже Брук, далеко не поклонник главы советского государства, вынужден был признать: «Надо признать, что Сталин обладает военным складом ума очень высокого калибра. Ни разу в своих заявлениях он не сделал какой-либо стратегической ошибки, ни разу не упустил всех последствий той или иной ситуации быстрым и точным взглядом. В этом отношении он выгодно отличался от своих двух партнеров. Рузвельт и не претендовал всерьез на звание стратега, давая Маршаллу или Леги

говорить за себя. Уинстон, с другой стороны, был гораздо более неровен: временами блистал, но был слишком импульсивен и склонен увлекаться нереальными планами без глубокого предварительного продумывания, которого они требовали»¹²¹. Сын Г. Гопкинса Роберт, видевший Сталина впервые и удивленный его небольшим ростом (при первой встрече со Сталиным это бросалось в глаза многим¹²²), тем не менее признавал — это «настоящий лидер»¹²³.

Характерной чертой дипломатии Сталина также была тактика «кнута и пряника», уже неплохо известная в это время прежде всего британцам по переговорам в Москве в августе 1942 г.¹²⁴ Пусть и не в такой выраженной форме, как тогда, Сталин применял ее и в Тегеране. Жестко отстаивая свою точку зрения по вопросу о втором фронте, он смягчил ранее заявленную советскую позицию по Ирану, выразил готовность прислушиваться к мнениям союзников по вопросам переговоров с Финляндией. Тактика «кнута и пряника» проявлялась и в других отношениях. Разница в отношении Сталина к Рузвельту и к Черчиллю в Тегеране была заметна всем присутствовавшим на конференции. По отношению к президенту Верховный держался подчеркнуто вежливо, даже почтительно, не позволяя себе колкостей, неудобных вопросов и язвительных замечаний. По свидетельству начальника охраны Сталина Н. С. Власика, «Сталин вообще очень внимательно и тепло относился к Рузвельту, ценя, видимо, в нем ту искренность и доброжелательность, которую он проявил в течение всех переговоров»¹²⁵. Зять Рузвельта Дж. Беттигер, присутствовавший в Тегеране, писал о «начале формирования дружбы» Сталина и Рузвельта», которая давала ему «растущее чувство уверенности в будущем»¹²⁶. Рузвельт, со своей стороны, остался под большим впечатлением от первой встречи с советским лидером. «...После этой встречи, — сообщал в Москву посол в Великобритании Ф. Т. Гусев о разговоре со своим американским коллегой Дж. Вайнантом, — Рузвельт, якобы, говорил Гопкинсу и своим послам, что это была одна из самых откровенных бесед за все время, как ему приходилось вести беседы с государственными деятелями. Прежде всего, Рузвельт был поражен простотой и откровенностью тов. Сталина в беседе с ним, трезвым подходом в оценке положения и деловыми предложениями»¹²⁷. Единственная шероховатость произошла лишь в самом конце конфе-

ренции. Во время ужина 1 декабря, работая над коммюнике конференции и услышав чьи-то слова, Сталин раздраженно сказал: «Ради бога, позвольте нам закончить работу». Лишь обернувшись, он понял, что эти слова принадлежали Рузвельту (президент просил Болена перевести что-то для Сталина)¹²⁸.

Дружба Сталина и Рузвельта в Тегеране была дружбой «за», но и в определенной степени дружбой «против». Один из показательных эпизодов солидарности Сталина и Рузвельта в противовес Черчиллю произошел во время ужина 29 ноября. Тогда Сталин, вернувшись к уже озвученной им мысли об угрозе быстрого восстановления Германии после войны, заявил, что необходимо соблюсти два условия: ликвидировать 50 или 100 тыс. чел. из состава военного командования Германии; сохранить в руках союзников стратегические пункты. В ответ на крайне резкую реакцию Черчилля на первую часть заявления («подобное отношение противоречит британскому чувству справедливости», — в том числе сказал премьер-министра, восприняв Сталина вполне всерьез), Рузвельт, заявив, что «его функция — посредничество», перевел все в шутку: пусть будет ликвидировано только 49 тыс. германских офицеров. Разъяренный Черчилль покинул комнату, однако, вскоре, следуя уговорам Сталина и Молотова, вернулся¹²⁹.

Рост взаимопонимания между Сталиным и Рузвельтом не означал отхода от императива советской дипломатии опираться прежде всего на собственные силы и победы Красной армии. По воспоминаниям Г. К. Жукова, вернувшись из Тегерана, Сталин сказал: «Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит. Ну а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию»¹³⁰.

Показательно и то, что в отношениях с Рузвельтом Сталин не отказывался от излюбленной им тактики дипломатического зондажа. Глава советского государства, который, по словам Молотова, «своим-то далеко не всем доверял»¹³¹, сохранял настороженность и в отношении президента — проверить его намерения было отнюдь не лишним. Именно в этом смысле можно истолковывать слова Сталина Рузвельту во время ужина 28 ноября о желательности конкретизировать понятие «безоговорочной капитуляции» — «какое количество оружия, средств транспорта и т.д. должен выдать противник... не называя их безоговорочной капитуляцией».

Молотов, воспринявший эти слова, по всей видимости, всерьез, дал указание разработать вопрос Деканозову. Однако на проекте памятной записки, поступившем в декабре 1943 г. от последнего и составленном в духе заявления Сталина в Тегеране, Молотов написал: «Вопрос отпал»¹³². Можно предполагать, что сразу отличить зондаж Сталина от действительного внешнеполитического выража подчас не в силах был даже Молотов.

Несмотря на это, в целом в Тегеране в отношениях Сталина и Рузвельта царило согласие. Подобная ситуация отнюдь не нравилась британцам, считавшим (по словам Брука), что «президент в кармане у Сталина»¹³³. Частые уколы Сталина в адрес Черчилля, если оставить в стороне морально-этический аспект дела, были весьма эффективным инструментом дипломатии. Благодаря тонкому анализу Майского в период его пребывания в Лондоне в качестве посла и личному знакомству с Черчиллем, Сталин достаточно неплохо представлял себе «эмоционально-художественный» темперамент британского премьера¹³⁴. Создать для него некомфортный психологический климат на конференции, использовать готовность Рузвельта «подыграть» Сталину в этом вопросе — все это способствовало достижению конкретных политических результатов. В итоге как психологическое, так и физическое состояние Черчилля, уже накануне конференции страдавшего от простуды и высокой температуры, оставляло в Тегеране желать лучшего. Хотя, по воспоминаниям сотрудников охраны Черчилля, премьер-министр был достаточно свеж и бодр в Тегеране¹³⁵, большая часть участников признавала обратное. По свидетельству Зарубиной, «что касается Черчилля, то в этот период времени он был, безусловно, нездоров. Производил впечатление дряхлеющего человека»¹³⁶. Хотя, как известно, Черчилль переживет и Рузвельта, и Сталина, его самочувствие в Тегеране было не из лучших. 29 ноября он сетовал своему личному врачу лорду У. Морану: «Иногда мне кажется, что я почти выдохся»¹³⁷.

Несмотря на имевшиеся противоречия, атмосфера солидарности союзников (прежде всего СССР и США), проявившаяся уже в ходе Московской конференции, была еще более характерна для переговоров в Тегеране. Показательно, что советская сторона, оставляя «в тени» некоторые спорные вопросы, не хотела их обсуждением портить общего позитивного фона конференции. Когда 1 декабря Черчилль под-

нял вопрос об отправке британских подводных лодок в Черное море, «чтобы топить там румын и немцев», Сталин не стал спорить: «Хорошо, за всякую помощь, оказанную нам, мы будем благодарить». Однако когда Черчилль попытался развить свою мысль, он натолкнулся на краткий вопрос Сталина не без ноток раздражения: «Вопрос исчерпан?»¹³⁸ Как следовало из разработок НКВД октября 1943 г., советское отношение к отправке британских сил в Черное море было отрицательным: «...в Черном море советский военный флот сам справится со своими военными задачами, как справляется до сих пор, а союзный военный флот имеет немало серьезных задач в других морях...»¹³⁹

Стремление советской стороны поддержать дружественный настрой проявилось и в щедрых подарках западным лидерам. Премьер-министру не только была привезена партия коньяка, который, как было известно в Москве еще со времен его визита в августе 1942 г., он любил, но и обещано построить в Великобритании коньячный завод¹⁴⁰. Достаточно роскошным был и подарок Сталина на день рождения Черчилля, отмеченный в Тегеране 30 ноября, — каракулевая шапка и большая фарфоровая скульптурная группа на сюжет русских народных сказок¹⁴¹. Рузвельта Сталин решил удивить крупным лососем (президент был заядлым рыбаком), от которого гость, по воспоминаниям одного из советских служащих, присутствовавших в Тегеране, «был в восторге», а также ящиком советского шампанского, которое также пришлось президенту по вкусу¹⁴².

В целом Сталину удалось достичь целей, поставленных им в Тегеране. Сделать это удалось без серьезного ущерба для его основных обязанностей по руководству военными действиями СССР. Во время конференции Сталин не только лично контролировал обсуждение широкого круга дипломатических вопросов, но и оставался «на прямой связи» с фронтом: три раза в день ему докладывали сведения о военной обстановке¹⁴³.

Тегеранская конференция официально закончилась 1 декабря — «Рузвельт и Черчилль, намеревавшиеся остаться на конференции до 3 декабря, изменили решение в связи с резким ухудшением погоды, которое могло задержать их отлет в Каир» для встречи с Инёнью¹⁴⁴. Сталин также вылетел из иранской столицы 1 декабря, отправившись в Москву тем же путем, каким прибыл в Тегеран (самолетом до Баку, далее поездом). В Москву он вернулся 6 декабря.

Решения Тегеранской конференции имели огромное значение. Фактически за непосредственным коренным переломом на фронтах войны произошел новый коренной перелом, была пройдена «поворотная точка» — на этот раз в стратегии ведения войны странами антигитлеровской коалиции. Военные решения конференции указывали на то, что коалиционная война вступает в новую фазу. Договоренность об одновременном проведении «Оверлорда» на западе Европы и советских наступательных действий на востоке говорила о том, что отношения в рамках «Большой тройки» наполнились «новым содержанием — согласованием планов их военных операций»¹⁴⁵. Решения по широкому кругу вопросов (от помощи партизанам в Югославии до совместных действий по дезинформации противника), достигнутые в Тегеране, указывали на готовность трех сторон формулировать общую стратегию на различных театрах военных действий, глубже посвящать друг друга в свои планы и предпринимать действия по их совместной реализации.

Все это явно свидетельствовало об усилении доверия между СССР, США и Великобританией. «Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели», — говорилось в Декларации трех держав, принятой на конференции и опубликованной 7 декабря. В трех столицах признавали успех конференции. Рузвельт в послании Сталину 3 декабря характеризовал ее как «огромный успех»¹⁴⁶ и называл «историческим событием, подтверждающим не только нашу способность совместно вести войну, но также работать для дела грядущего мира в полнейшем согласии». В отчете британскому кабинету министров Иден говорил о том, что «на протяжении всех сложных дискуссий отношение маршала Сталина было дружественным и в наивысшей степени нацеленным на сотрудничество, ухудшения ситуации по сравнению с той, что была достигнута после переговоров в Москве, не произошло»¹⁴⁷.

Учитывая достигнутый в Тегеране успех, Сталин не случайно стремился подчеркнуть позитивное отношение советской стороны к результатам конференции. Заголовок сводки ТАСС по ее итогам он собственноручно исправил с нейтрального «Конференция глав правительств Советского Союза, США и Великобритании» на «Конференция лидеров трех союзных держав»¹⁴⁸. Его правка циркуляра Молотова советским послам по итогам конференции также

показательна: она сглаживала моменты расхождений между союзниками и усиливала впечатление об их согласии по основным вопросам. Там, где нарком изложил позицию Черчилля по Франции, отличавшуюся от заявленных точек зрения Сталина и Рузвельта, а также слова самого Сталина о возможности создания двух международных организаций (что не совпадало с концепцией Рузвельта), Верховный зачеркнул текст Молотова и дописал: Черчилль «не возражал, или возражал очень слабо», «тов. Сталин не возражал»¹⁴⁹. Такой же оптимистический тон был задан всей советской пропаганде.

Общее укрепление антигитлеровской коалиции, отразившееся в решениях, принятых на Тегеранской конференции, сопровождалось серьезными процессами внутренней трансформации самой коалиции. За совместным подшучиванием Сталина и Рузвельта над Черчиллем в Тегеране скрывалось нечто большее, чем личные отношения. Рост военно-экономических потенциалов СССР и США при относительном ослаблении вклада Великобритании в войну указывал на то, что в рамках «Большой тройки» появляются два лидера. После Тегерана Черчилль говорил, что именно во время этой конференции он почувствовал, «какая мы маленькая нация». По его словам, «маленький бедный английский ослик» оказался между «огромным русским медведем» с одной стороны и «огромным американским бизоном» с другой¹⁵⁰.

Изменение стратегического баланса сил в рамках антигитлеровской коалиции наиболее ярко проявилось в Тегеране в связи с вопросом о создании второго фронта. Обоюдная заинтересованность СССР и США в его открытии на севере Франции в 1944 г. перевесила все красноречие и дипломатическое искусство Черчилля. Сталин, по одному из свидетельств, констатировал: «Как ни дрался, как ни старался Черчилль обвести нас вокруг пальца, а все-таки пришлось сдаться. Однако противник он достойный!»¹⁵¹

В результате решения о приоритете операции «Оверлорд» над британской средиземноморской и балканской стратегией не только открывался путь к скорейшей победе над Германией — по сути, за этим решением проглядывали контуры послевоенного мира. Нанесение основного удара в Северной Франции создавало условия для серьезного усиления позиций СССР в Восточной и Центральной Европе, а США — в Западной.

В единодушном осуждении колониализма Сталиным и Рузвельтом в Тегеране просматривалась и другая ключевая черта послевоенного мира — постепенный закат колониальных империй, в том числе главной из них — Британской. Черчилль словно предчувствовал масштабы грядущих изменений, говоря Морану в Тегеране: «Проблемы колоссального значения проходят перед нашими глазами, а мы лишь пылинки, осевшие в ночи на карту мира...»¹⁵²

Решения Тегеранской конференции указывали еще на один потенциальный путь дальнейшего развития международных отношений — закрепление роли «Большой тройки» как ведущих держав послевоенного мира, согласованно определяющих основные контуры системы безопасности в рамках всеобщей международной организации.

Не случайно Рузвельт, основной сторонник этой концепции, начал конференцию с приветствия собравшихся на ней участников как «членов новой семьи», а закончил следующими словами: «Мы доказали здесь, в Тегеране, что различные идеалы наших государств могут составить единое гармоничное целое, развиваясь вместе ради общего блага нас самих и всего мира. Покидая эту историческую встречу, мы можем впервые видеть в небе традиционный символ надежды — радугу»¹⁵³. Каким из этих надежд суждено было воплотиться в жизнь, а каким — нет, должно было показать дальнейшее развитие событий.

¹ Историю предыдущих приглашений Сталина см., к примеру: Eubank K. Summitat Tehran. N. Y., 1985; Mayle P.D. Eureka Summit: Agreement in Principle and the Big Three at Tehran, 1943. Newark, 1987.

² W.M. (43) 151st Conclusions, 8.XI.1943 // TNA, CAB 65/36/19.

³ См., к примеру: Brief Press Summary, 16.XI.1943 (in Grand 43) // TNA, FO 800/410.

⁴ По некоторым данным, Черчилль имел в этом смысле определенные надежды. См.: Sharp T. The Origins of the «Teheran Formula» on Polish Frontiers // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. No. 2. P. 391.

⁵ For Prime Minister from the Field Marshal Smuts, 14.XI.1943 // TNA, FO 800/410.

⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 6 т. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. М., 1978 (далее — Тегеранская конференция). С. 55–60.

⁷ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 389.

- ⁸ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 689.
- ⁹ My Dear Mr. Stalin: the Complete Correspondence between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin (далее — My Dear Mr. Stalin) / Ed. by S. Butler. New Haven, 2005. P. 181.
- ¹⁰ Stoler M. Allies and Adversaries: the Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U.S. Strategy in World War II. Chapel Hill, 2000. P. 167.
- ¹¹ For Prime Minister from Foreign Secretary, 14.XI.1943 // TNA, FO 800/410.
- ¹² Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 235.
- ¹³ Тегеранская конференция. С. 79–80.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 5.
- ¹⁵ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 273–274.
- ¹⁶ Борисов А.Ю. Тегеран — Ялта — Потсдам // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход / Сост. А.А. Ахтамзян. М., 2010. С. 492. См. также: Stoler M.A. War by Conference // The International History Review. 1986. Vol. 8. No. 4. P. 623.
- ¹⁷ FRUS. Cairo and Tehran. P. 254.
- ¹⁸ Churchill W.S. Op. cit. Vol. 5. P. 304.
- ¹⁹ С.О.С. (Sextant), 18.XI.1943 // TNA, CAB 99/25.
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 23. Д. 248. Л. 107–108.
- ²¹ См. подробнее: Кузнец Ю.Л. Тегеран-43. М., 2003.
- ²² РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 123. Л. 18.
- ²³ Там же. Л. 17.
- ²⁴ W.M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15.
- ²⁵ Тегеранская конференция. С. 97.
- ²⁶ Бережков В.М. Тегеран, 1943. М., 1968. С. 60.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 123. Л. 6–7.
- ²⁸ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 218. Л. 6.
- ²⁹ FRUS. Cairo and Tehran. P. 542.
- ³⁰ Бережков В.М. Указ. соч. С. 68.
- ³¹ Тегеранская конференция. С. 132.
- ³² Бережков В.М. Указ. соч. С. 75.
- ³³ FRUS. Cairo and Tehran. P. 564 n 10.
- ³⁴ Ibid. P.565.
- ³⁵ Тегеранская конференция. С. 173–175.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 99.
- ³⁷ LOC. Henry L. Stimson Diaries (6.XII.1943).
- ³⁸ Славинский Б.Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999. С. 327.
- ³⁹ САМО. Т. 1. С. 351–352.
- ⁴⁰ С.О.С. (Sextant), 26.XI.1943 // TNA, CAB 99/25.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 8; Тегеранская конференция. С.113, 118–120.
- ⁴² FRUS. 1943. Vol. 3. P. 785.
- ⁴³ Иден подчеркивал прямую связь между этим решением и заявлением Сталина относительно Японии. См.: W.M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15.
- ⁴⁴ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 561.
- ⁴⁵ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 701–702.
- ⁴⁶ Lewis J. Changing Direction: British Military Planning for Post-War Strategic Defence, 1942–1947. 2nd ed. London, 2003. P. 58.
- ⁴⁷ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 576–577.
- ⁴⁸ J.S. (Sextant) 9, 25.XI.1943 // TNA, CAB 99/25.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-б. П. 41. Д. 35. Л. 26.
- ⁵⁰ FRUS. Cairo and Tehran. P. 575; W.M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15.
- ⁵¹ Отношения России (СССР) с Югославией. С. 218–219.
- ⁵² FRUS. Cairo and Tehran. P. 182.
- ⁵³ Тегеранская конференция. С. 158.
- ⁵⁴ САМО. Т. 1. С. 298–299; СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 268, 273. Позицию НКВД в преддверии Московской конференции («Наше отношение к Финляндии») см. в: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 235.
- ⁵⁵ W.P. (43) 438, Western Frontiers of the U.S.S.R., Memo by Eden, 5.X.1943 // TNA, CAB 66/41/38.

- 56 См.: Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 323–324.
- 57 Тегеранская конференция. С. 159.
- 58 Brief Press Summary, 16.XI.1943 (in Grand 43) // TNA, FO 800/410.
- 59 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 101. См. также: FRUS. Cairo and Tehran. P. 510.
- 60 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 13.
- 61 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 100.
- 62 Тегеранская конференция. С. 163.
- 63 ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 521–522.
- 64 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 15.
- 65 Kochanski H. *The Eagle Unbowed: Poland and the Poles in the Second World War*. Cambridge (Mass.), 2012. P. 352.
- 66 Edento O'Malley, 12.XI.1943 // TNA, FO 954/19.
- 67 Попытка организовать встречу исходила от Миколайчика. См.: For Prime Minister from Foreign Secretary, 17.XI.1943 // TNA, FO 800/410.
- 68 W.P. (43) 438, *Western Frontiers of the U.S.S.R.*, Memo by Eden, 5.X.1943 // TNA, CAB 66/41/38.
- 69 FRUS. Cairo and Tehran. P. 510.
- 70 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 266.
- 71 W.P. (44) 8, *Records of the Anglo-American-Russian Conversations in Tehran <...>*, 7.I.1944 // TNA, CAB 66/45/8. Советская запись данной беседы не публиковалась.
- 72 Тегеранская конференция. С. 165.
- 73 FRUS. Cairo and Tehran. P. 599–601.
- 74 W.P. (44) 8, *Records of the Anglo-American-Russian Conversations in Tehran <...>*, 7.I.1944 // TNA, CAB 66/45/8.
- 75 См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 138.
- 76 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 124.
- 77 For Prime Minister from Foreign Secretary, 24.XII.1943 // TNA, FO 954/19.
- 78 W.M. (43) 163rd Conclusions, Conf. Annex, 29.XI.1943 // TNA, CAB 65/40/14.
- 79 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 102.
- 80 FRUS. Cairo and Tehran. P. 510, 514; W.P. (44) 8, *Records of the Anglo-American-Russian Conversations in Tehran <...>*, 7.I.1944 // TNA, CAB 66/45/8.
- 81 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 101.
- 82 *Records of the Anglo-American-Russian Conversations in Tehran <...>*, 7.I.1944 // TNA, CAB 66/45/8.
- 83 При публикации в данное высказывание Сталина было внесено изменение, «смягчившее» его тон: «Если будет решено разделить Германию». См.: Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. С. 22.
- 84 FRUS. Cairo and Tehran. P. 603.
- 85 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 274.
- 86 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 102.
- 87 См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 252–263, 299–300, 309–312.
- 88 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103–104.
- 89 АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 298.
- 90 В американской записи беседы зафиксированы слова Сталина о «стратегических пунктах либо внутри Германии вдоль германских границ, либо даже дальше». См.: FRUS. Cairo and Tehran. P. 532.
- 91 Тегеранская конференция. С. 117–118.
- 92 Costigliola F. *Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War*. Princeton, 2012. P. 200. Сталин, действительно, упоминал о Дакаре во время встречи с Рузвельтом 29 ноября. Не исключено, что он реагировал тем самым на замечание Рузвельта днем ранее о том, что «Дакар в ненадежных руках — прямая угроза для американцев». См.: FRUS. Cairo and Tehran. P. 509, 532.
- 93 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 64. При публикации запись была отредактирована. См.: Тегеранская конференция. С. 144.
- 94 W.M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15.
- 95 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103.
- 96 Там же. Л. 4. При публикации запись была отредактирована. Вариант, зафиксированный в советской архивной записи, подтверждается и американскими источниками. См.: FRUS. Cairo and Tehran. P. 514.
- 97 FRUS. Cairo and Tehran. P. 514.
- 98 Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 269–273.
- 99 Там же. С. 245, 253. См. также: СССР и Франция в годы Второй мировой войны / Отв. ред. М. М. Наринский. М., 2006. С. 154–181.

- 100 W.M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB65/40/15.
- 101 Тегеранская конференция. С. 91.
- 102 Doenecke J., Stoler M. *Debating Franklin D. Roosevelt's Foreign Policies*. Oxford, 2005. P. 54.
- 103 В Тегеране Сталин говорил негромко // Политический журнал. 2004. № 12 (15).
- 104 FRUS. Cairo and Tehran. P. 841.
- 105 Ibid. P. 619–620, 623–625, 629, 648–649, 840–842.
- 106 Ibid. P. 838.
- 107 Dreyfus to Secretary of State, Dec. 9, 1943 // National Archives of the United States (далее — NA), Record Group (далее — RG) 59, 123 P. Hurley.
- 108 Голованов А. Е. Указ. соч. С. 352.
- 109 Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002. С. 88.
- 110 Голованов А. Е. Указ. соч. С. 364. См. также: *The Rise and Fall of the Pahlavi Dynasty: Memoirs of Former General Hussein Fardust*. Delhi, 2008. P. 57.
- 111 Жилиев В., Гамов А. В поезде Сталина «зайцами» ехали уголовники // Комсомольская правда. 2007. 7 мая. Статья написана на основе рассекреченных документов из архива ФСО. См. также: ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 613.
- 112 *The Rise and Fall of the Pahlavi Dynasty*. P. 58
- 113 Чуев Ф. И. Указ. соч. С. 88–89.
- 114 О содержании беседы иранские власти проинформировали англичан. См.: *From Tehran to FO, 7.XII.1943* // TNA, FO 371/35104. Советская запись беседы не публиковалась.
- 115 Один из примеров иранских опасений см. в: АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 73. Д. 40. Л. 8.
- 116 АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 18. Л. 3, 7.
- 117 *The Visit of President Roosevelt to Tehran and Its Repercussions on Irano-American Relations*. 10.XII.1943 // NA, RG 84, U.S. Legation and Embassy, Tehran, Classified General Records, Conf. Correspondence 1943, Box 3.
- 118 Minute, 16.XII.1943 // TNA, FO 371/35104.
- 119 См., к примеру, реакцию Идена в: *Документы внешней политики СССР, 1942*. Т. 25. Кн. 1. Тула, 2010. С. 10.
- 120 В Тегеране Сталин говорил негромко // Политический журнал. 2004. № 12 (15).
- 121 *War Diaries 1939–1945*. Field Marshal Lord Alanbrooke / Ed. by A. Danchev and D. Todman. London, 2001. P. 483.
- 122 См. свидетельство Зарубиной в: В Тегеране Сталин говорил негромко // Политический журнал. 2004. № 12 (15).
- 123 Roll D.L. Op. cit. P. 321.
- 124 См. впечатления Черчилля в: *Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence*. Vol. 1 / Ed. by W.F. Kimball. Princeton, 1984. P. 566. См. также: Reynolds D. *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s*. Oxford, 2006. P. 240.
- 125 Логинов В. М. *Живой Сталин: Откровения главного телохранителя Вождя*. М., 2010. С. 51.
- 126 Reynolds D. Op. cit. P. 240.
- 127 АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 63. Л. 202–203.
- 128 FRUS. Cairo and Tehran. P. 838.
- 129 Ibid. P. 553–554. См. также: Costigliola F. Op. cit. P. 199; Watson D. *Molotov: a Biography*. P. 213.
- 130 Жуков Г. К. *Воспоминания и размышления: В 2 т. М., 2002*. Т. 2. С. 191.
- 131 Чуев Ф. И. Указ. соч. С. 42.
- 132 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 329.
- 133 Nisbet R. *Roosevelt and Stalin* // *Modern Age*. 1986. Vol. 30. No. 2. P. 110.
- 134 *Выражение Майского*. См.: Майский И. М. *Дневник дипломата, Лондон, 1934–1943: В 2 кн. М., 2006–2009*. Кн. 2. Ч. 2. С. 250.
- 135 Present at the Creation: Danny Mander Guarding the P.M. at Teheran, 1942–43. An Interview with Susan Kidder // *Finest Hour*. 2008. No. 138.
- 136 В Тегеране Сталин говорил негромко // Политический журнал. 2004. № 12 (15).
- 137 Roll D.L. Op. cit. P. 323.
- 138 Тегеранская конференция. С. 163.
- 139 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 83.
- 140 Неvejeин В. А. *Сталин о войне: Застольные речи, 1933–1945 гг. М., 2007*. С. 183.
- 141 Бережков В. М. Указ. соч. С. 98.
- 142 Логинов В. М. Указ. соч. С. 51, 125.
- 143 Штеменко С. М. Указ. соч. С. 150.
- 144 Волков Ф. Д. *За кулисами Второй мировой войны*. М., 1985. С. 190.
- 145 Сиполс В. Я. *Великая Победа и дипломатия*. М., 2000. С. 187.

¹⁴⁶ Именно так она определена в оригинале послания — «greatsuccess» (см.: *My Dear Mr. Stalin*. P. 192). В переводе послания, вошедшем в «Переписку», смысл несколько скрадывается — «конференция была весьма успешной» (см.: *Переписка*. Т. 2. С. 111).

¹⁴⁷ W.M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15. Слова Идена из этого же отчета о том, что «премьер-министр и маршал Сталин установили прекрасные отношения», представляются все же преувеличенными.

¹⁴⁸ Roberts G. *Stalin's Wars*. P. 87.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103–104.

¹⁵⁰ *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945* / Ed. by D. Dilks. London, 1971. P. 582.

¹⁵¹ Голованов А. Е. Указ. соч. С. 365.

¹⁵² Roll D. L. *Op. cit.* P. 323.

¹⁵³ Kimball W. F. *The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman*. Princeton, 1991. P. 103.

ДОКУМЕНТЫ

Советская дипломатия в период подготовки и проведения Московской и Тегеранской конференций 1943 г.

Публикация и перевод (документы № 5 и № 6) И. Э. Магадеева

№ 1

План встречи, размещения, протокольного приема, обслуживания, приема в Кремле и проводов английской и американской делегаций на совещании трех¹

Сов. секретно

УТВЕРЖДАЮ. [Подпись]
(В. Молотов)

9.X.43 г.

ПЛАН

встречи, размещения, протокольного приема, обслуживания, приема в Кремле и проводов английской и американской делегаций на совещании трех.

1. Встреча в Тегеране.

[а) На тегеранском аэродроме английскую и американскую делегации встречает и провожает Поверенный в Делах т. Максимов]

а) На тегеранском аэродроме английскую и американскую делегации встречают и провожают Поверенный в Делах т. Максимов², советник т. Садчиков³, военный атташе полковник Разин⁴, Нач. Сов. Транспортного Управления генерал Королев⁵ и Торгпред т. Мигунов⁶.

[Для встречи английской и американской делегаций в Тегеране и сопровождения глав делегаций до Москвы командировать в Тегеран т.т. Новикова и Зарубина] Кроме того, для встречи английской и американской делегаций в Тегеране и сопровождения глав делегаций до Москвы в Тегеран командированы т.т. Волохов К. и Тимофеев А.

2. Встреча на аэродроме в Москве⁷.

а) Делегации встречают следующие т.т.:

Молотов В. М.

Литвинов М. М.

[Деканозов В. Г. Крутиков ⁸]		
Деканозов В. Г.		
Майский И. М.		
Степанов М. С. ⁹	—	НКВТ
Синилов ¹⁰	—	комендант г. Москвы
Яснов ¹¹	—	Зам. Председателя Моссовета
Голиков ¹²	—	Представитель НКО
Новиков К. В. ¹³		
Зарубин Г. Н. ¹⁴		
Евстигнеев ¹⁵	—	ОВС НКО
Фомин Г. М. ¹⁶	—	
Кириллов ¹⁷	—	НКВТ

б) Для встречи выставляется почетный караул, вывешиваются советские, английские и американские флаги и исполняются гимны этих стран.

3. Протокольные визиты.

[Если английская и американская делегации придут в один день, то вечером того же дня или на другой день главы английской и американской делегаций наносят протокольный визит:

а/ Тов. Сталину И. В. в присутствии тов. Молотова В. М. или¹⁸

б/¹⁹ Только тов. Молотову В. М., а затем тов. Сталину И. В. в присутствии тов. Молотова В. М.²¹]

Если английская и американская делегации придут в один день, то вечером того же дня или на другой день главы английской и американской делегаций наносят протокольный визит вместе или раздельно тов. Молотову В. М.

4. Ответный визит²².

В ответ на визит Хэлла и Идена тов. Молотов В. М. посылает им свою визитную карточку. Остальное время этого дня делегации посвящают отдыху.

5. Прикомандирование к Идену и Хэллу ответственных работников НКВД.

Со дня приезда Министров прикомандировать к Идену — Референта Протокольного Отдела т. Волохова К., а к Хэллу — Отв. Референта Отдела Печати т. Тимофеева А. Тт. Волохов и Тимофеев должны находиться в распоряжении лиц, к которым они прикомандированы, в течение всего времени нахождения Министров в Москве.

6. Размещение делегаций.

а) В соответствии с пожеланием англичан Иден и [15] 16 сопровождающих его лиц размещаются в зданиях английского посольства.

[б) Хэлл и 4 члена американской делегации размещаются в особняке по Мертвому переулку. Согласиться, если того пожелают американцы, с размещением Хэлла, части или всей американской делегации в зданиях американского посольства. Предварительно запросить американское посольство о плане размещения членов делегации]

б) В соответствии с пожеланием американцев Хэлл и четыре члена американской делегации размещаются в зданиях американского посольства.

Генералы Дин²³ и Вандерберг²⁴ и их помощники размещаются в помещениях Американской Миссии Снабжения.

[в) Для размещения остального состава английской и американской делегаций, а также для размещения команд английских и американских самолетов, предоставить три этажа гостиницы «Савой». «Савой» предлагается по той причине, что в «Метрополе» проживают японцы и иностранные корреспонденты, а «Националь» заселен дипломатическим составом инспосольств и миссий, выселение которого будет сопряжено с осложнениями]

в) Остальную часть английской и американской делегаций, а также команды английских и американских самолетов, всего в составе 45 человек американцев и 40 человек англичан, разместить в гостинице «Националь», поручив тов. Краснову²⁵ («Интурист») к 14 октября освободить в этой гостинице 65 номеров.

г) Оплата помещений, фактически занимаемых делегациями, должна производиться соответственно за счет делегаций.

д) В качестве рабочего помещения для совещания трех выделить особняк по Спиридоновке 17.

7. Питание.

а) Для проживающих в гостинице питание организуется «Интуристом» за счет средств делегаций. Поручить Наркомторгу СССР т. Шарову²⁶ отпустить «Интуристу» дополнительные фонды продуктов.

б) В соответствии с пожеланиями Английского Посольства, члены английской делегации, размещающиеся в здании Посольства, обеспечиваются продуктами из магазина д/к²⁷. То же следует сделать и в отношении американской делегации, размещающейся в здании Американского Посольства.

в) Разрешить составу обеих делегаций для расходов по оплате помещения и питанию произвести обмен инвалюты на советскую валюту по дипломатическому курсу.

г) На время деловых заседаний в особняке организовать буфет (чай, кофе, холодная закуска, фрукты, коктейль, папиросы). [Организацию буфета поручить 1-му Отделу НКГБ за счет средств НКВД] Организацию буфета поручить т. Егнатшвили²⁸ за счет средств НКВД.

д) Бюробину²⁹ отпускать в распоряжение английского и американского посольства бензин для нужд, связанных с обслуживанием делегаций по фактической потребности.

8. Транспорт.

Для обслуживания личного состава делегаций автотранспортом выделить (с шоферами и бензином):

а) из гаража СНК СССР — 10 машин,

б) из гаража НКВД СССР — 10 машин,

в) из гаража НКО — 10 машин.

[Автотранспорт предоставить бесплатно. Ответственный за транспорт т. Федоров. НКГБ]

Расходы по транспорту принять на счет НКВД.

Отв. за транспорт тов. Райхман³⁰ (НКГБ СССР).

9. Бомбоубежище.

На случай воздушных тревог, предоставить для состава делегаций бомбоубежище на ст. метро «Кировские Ворота».

10. Киносъемки и фотографирование.

Приезд и проводы делегаций заснять на киноленту.

11. Средства.

Обязать НКФ СССР отпустить в распоряжение НКВД аванс в сумме 100 тыс. рублей на расходы, связанные с обслуживанием делегаций.

12. Досуг (театр, кино и пр.)

Исходя из 10–12-дневного пребывания делегаций в Москве предполагается следующий план посещения театров и др. видов развлечения:

а) Большой театр «Лебединое озеро» и «Иван Сусанин».

б) Ансамбль проф. Александрова³¹ (Консерватория).

в) В особняке по Спиридоновке показать кинохронику (в том числе приезд делегаций), «Орловскую битву», «Швейк против Гитлера», киножурналы.

[г) Показать 2–3 колхоза, университет, школы, окрестности Москвы, 2–3 госпиталя, если того пожелают делегации]

г) Показать колхоз, завод, ВУЗ, школы, 2–3 госпиталя, если того пожелают делегации.

[13. По окончании работ Конференции советская сторона тов. И. В. Сталин устраивает обед в Кремле в честь Идена и Хэлла]

13. По окончании работ Конференции устраивается от имени т. Сталина И. В. обед в Кремле в честь Идена и Хэлла.

14. Проводы.

Порядок проводов такой же, как и встречи. На проводах участвуют те же лица, что и на встрече.

Разослано:

т. Вышинскому,

т. Деканозову,

т. Меркулову,

Протокол. Отд., Верно: [Подпись: (Успенская)]

Отд. Америки,

2-й Европ. Отд.

№ 2

**Записка заместителя народного комиссара
иностраннных дел СССР А. Е. Корнейчука № 1451
наркомун иностраннных дел СССР В. М. Молотову.**

Секретно.

«10» октября 1943 г.

Тов. В. М. Молотову.

Направляю на Ваше рассмотрение материалы и предложения, подготовленные комиссией, по вопросам (п. п. 8 и 11) предстоящего совещания Трех.

Комиссией подготовлены:

1. Справка и досье документов по вопросу о польско-чехословацкой конфедерации³².
2. Справка по вопросу о союзах и проектах федерации на Балканах.
3. Юридическая справка о федерациях и конфедерациях.
4. Проект предложения по вопросу об объединении стран Европы — памятная записка в ответ на ноту Керра от 6 октября с. г. по этому вопросу (п. 11 плана работы совещания).
5. Справка по вопросу о совместной политике в отношении движения сопротивления в Югославии.
6. Проект ответа на английское предложение по вопросу: «Совместная политика в отношении движения сопротивления в Югославии». (См. ноту Керра от 8 октября с. г. с предложением по п. 8).

Кроме того, комиссией подготовлены справки и досье по вопросу о планах будущего устройства Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Греции, Румынии и Венгрии (по высказываниям политических деятелей, прессы и по документам НКВД).

Законченную справку и досье по Болгарии направляю также на Ваше рассмотрение.

[Подпись: (А. Корнейчук)]

1. Первым вопросом повестки дня совещания поставить вопрос о мероприятиях по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе.

Этот вопрос внести в следующей формулировке:

«Советское Правительство предлагает рассмотреть вопрос о мероприятиях по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе. Имеются в виду такие безотлагательные мероприятия со стороны Правительств Великобритании и США еще в 1943 г., которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Западную Европу через Ла-Манш и которые, наряду с мощными ударами советских войск по основным силам германской армии на советско-германском фронте, должны коренным образом подорвать военно-стратегическое положение Германии и привести к решительному сокращению сроков войны».

2. Сообщить совещанию содержание полученных от ампра³³ и англопра³⁴ ответов на предложение совпра³⁵ по этому вопросу.

3. Предложить высказаться представителям обоих правительств, в целях уточнения позиции этих правительств и определения мероприятий и связанных с этими мероприятиями обязательств Правительств Англии и Америки по данному вопросу.

4. Отвести возможные попытки свести обсуждение вопроса к военно-технической стороне дела. В случае, если англичане и американцы будут все же предлагать обсудить военно-техническую сторону дела, не возражать, но ограничиться лишь заслушиванием информации военных экспертов.

5. Так как в результате обсуждения этого вопроса на совещании английские и американские представители, очевидно, не согласятся на какие-либо обязательства в духе нашего предложения, то, подводя итог этому обсуждению, сделать заявление, текст которого представить для занесения в протокол совещания.

Текст заявления: «Советское Правительство, внося на обсуждение тройственного совещания вопрос о мероприятиях по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе, имело в виду следующее.

Как известно, еще летом 1942 г., во время посещения В. М. Молотовым Лондона и Вашингтона, по согласованию между тремя Правительствами были приняты и опубликованы англо-советское и советско-американское коммюнике о договоренности в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году.

Как известно, вторжение англо-американских войск в Западную Европу в 1942 г. осуществлено не было. Но тогда же вновь было заявлено о ведущихся приготовлениях к вторжению на континент Европы англо-американских войск в большом масштабе в 1943 году.

В начале 1943 года г. Черчилль и г. Рузвельт дважды сообщали о своих решениях осуществить вторжение в Западную Европу, причем ставилась задача поставить Германию на колени уже в 1943 году, а срок вторжения определялся не позже сентября месяца. В мае 1943 г.³⁶ г. Черчиллем и г. Рузвельтом было принято решение, вновь откладывающее вторжение англо-американских войск в Западную Европу на весну 1944 года³⁷.

В конце августа 1943 г. Советскому Правительству было сообщено совместное решение Английского и Американского Правительств, принятое на совещании в Квебеке. В этом решении говорится о военных операциях, которые должны быть приняты в течение 1943 и 1944 г.г., причем ничего не говорится о мероприятиях по осуществлению ранее принятых решений относительно форсирования канала и вторжения в Западную Европу ни осенью 1943 года, ни даже весной 1944 года, как об этом неоднократно заявлялось Английским и Американским Правительствами в течение всего текущего года.

В связи с вышеизложенным и учитывая, что вооруженные силы Советского Союза все еще вынуждены противостоять подавляющей части вооруженных сил Германии и ее союзников, и придавая исключительно важное значение решительному сокращению сроков войны и военного поражения Германии, Советское Правительство не может не выразить своего неудовлетворения по поводу[«].

АВПРФ. Ф. 06. Он. 5-б. П. 39. Д. 6. Л. 4-7.

№ 3

Записка народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова в Политбюро ЦК ВКП(б) с приложениями.

Копия.

В Политбюро ЦК ВКП(б)

тов. И. В. Сталину.

Копии: т.т. К. Е. Ворошилову, А. И. Микояну, Л. П. Берия, Г. М. Маленкову.

В связи с предстоящим Совещанием Представителей СССР, США и Великобритании препровождаю:

1. Список вопросов, представленных Правительствами трех держав к обсуждению на Совещании.
2. Проекты предложений Советской Делегации по большинству вопросов; остальные предложения будут представлены дополнительно.

[Подпись: (В. Молотов)]

18 октября 1943 года.

К совещанию трех.

1.

СПИСОК ВОПРОСОВ

1. Рассмотрение мероприятий по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе.

СССР.

(Есть советские предложения)

2. Обмен мнениями о положении в Италии и на Балканах.
Великобритания
(Английских предложений нет)
3. Создание аппарата для рассмотрения вопросов, требующих повседневного и тесного сотрудничества, в особенности функции и компетенция Политико-Военной Комиссии в Алжире.
Великобритания.
(Английских предложений нет)
4. Методы рассмотрения текущих политических и экономических вопросов, а также тех, которые могут возникнуть в ходе войны.
США.
(Американских предложений нет)
5. Мирные пробные шары со стороны вражеских государств.
Великобритания.
(Английская информация от 14.X. с. г. об условиях капитуляции Румынии)
6. Вопрос о соглашении между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам.
Великобритания.
(Английское предложение есть)
7. Совместная политика в отношении движения сопротивления в Югославии.
Великобритания.
(Английское предложение есть)
8. Политика в отношении территории союзных стран, освобождаемой в результате наступления вооруженных сил союзников.
Великобритания.
(Английское предложение есть)
9. Отношение к Французскому Комитету, в особенности его положение во французской метрополии и создание возможного французского правительства.
Великобритания.
(Английских предложений нет)
10. Совместная политика в отношении Турции.
Великобритания.
(Английское предложение есть)
11. Совместная политика в Иране.
Великобритания.
(Английское предложение есть)
12. Экономические вопросы реконструкции.
 - а) Сотрудничество в возмещении военного ущерба в СССР.
 - б) Совместные действия по оказанию помощи другим странам.
 - в) Сотрудничество на международной основе при рассмотрении таких вопросов, как продовольствие и сельское хозяйство, транспорт и средства связи, финансы и торговля, и международное бюро труда.
 - г) Вопрос о репарациях.
 - д) Любые особые вопросы, которые может пожелать поставить любое из двух других правительств.США.
(Американских предложений нет)
13. А. Принципиальное соглашение в отношении обращения с Германией и другими вражескими странами в Европе.
 - а) в течение периода перемирия, например, контрольная комиссия и пр.
 - б) при мирном урегулировании, например, граница, военная оккупация, разоружение, репарации, децентрализация германской правительственной системы и т. д. (Австрия).Великобритания.
(Английских предложений нет, кроме вопроса об Австрии)
- Б. Обращение с Германией и другими вражескими странами в Европе.
 - а) Международной военный, политический и экономический контроль над Германией в течение периода перемирия.

б) Шаги, направленные к окончательному урегулированию: будущий статут германской правительственной системы, границы и другие вопросы, срок периода перемирия.

США.

14. Отношение между СССР и Польшей и политика в отношении Польши вообще.

Великобритания.

(Английских предложений нет)

15. Будущее Польши, дунайских и балканских стран, включая вопросы федераций.

Великобритания.

(Английских предложений нет)

16. Вопрос о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности.

Великобритания.

(Английское предложение есть — Декларация Трех)

На случай, если американцы предложат дать свой проект «Декларации Четырех» от имени трех наций:

17. Декларация трех наций по вопросу о всеобщей безопасности.

США.

(Предложение есть — Декларация Трех)

К совещанию трех.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ,

представленные группами НКВД по пунктам английской и американской повестки дня

По п. 1 /англ. повестки/

Обмен мнениями о положении в Италии и на Балканах

/т. Суриц³⁸, Штейн³⁹, Горелкин⁴⁰, Костылев⁴¹, Сергеев⁴², Голунский⁴³/

Представлены:

а) Положение в Италии /записка на 12 стр./.

Предложение или вывод:

Реорганизация кабинета /Бадольо/ до изгнания немцев из Рима /стр. 12/.

б) Положение на Балканах /записка на 12 стр./.

Предложение:

... «Представляется желательным при обмене мнений на предстоящей Конференции внести больше ясности в вопрос о форме и характере будущей власти на освобожденных территориях Греции и Югославии.

Разработку этих вопросов можно было бы сосредоточить в военно-политической комиссии» /стр. 10/.

Территориальные проблемы Балканского п/о

Предложение:

Обсуждение этого вопроса в настоящий момент было бы нежелательно. Оно преждевременно поставило бы некоторые особо деликатные вопросы, по которым нет надобности в данный момент расшифровывать нашу позицию. Вполне достаточно было бы ограничиться фиксацией негативной позиции по отношению к территориальным проблемам Балканского п/о. Эта позиция свелась бы к декларации о том, что Союзные державы не признают никаких территориальных изменений, происшедших на Балканах со времени нападения Италии на Албанию /апрель 1939 г./, Италии на Грецию /октябрь 1940 г./ и Германии на Грецию и Югославию /апрель 1941 г./ /стр. 11–12 т. Суриц/.

в) О «совоюющей стране» /справка на 5 стр./.

«Таким образом, понятие «совместно воюющей страны» в английском толковании есть чисто фактическое понятие, при котором остаются в силе все юридические обязанности Италии, установленные соглашением о перемирии /выдача преступников войны, оплата репараций и т. д./ . Союзники будут вправе, но не обязаны сделать с этих условий те или иные скидки в пользу Италии, если она это «заслужит».

Вряд ли есть основания возражать против такой постановки вопроса. Мы при этом ничего не теряем, а выигрываем не только военную помощь итальянской армии и флота, но и возможность

на основе лозунга борьбы с фашистской Германией облегчить мобилизацию всех антифашистских сил Италии и более решительное выкорчевывание остатков фашизма в самой Италии.

Следовало бы лишь возражать против намечающегося в английском толковании отождествления признания Италии в качестве «совместно воюющей страны» с признанием правительства Бадольо. Войну с Германией могло бы вести более решительно другое правительство, не скомпрометированное, как правительство Бадольо, личным участием его членов в осуществлении фашистской агрессии[»].

г) Англо-греческие отношения /справка/

Предложений нет

д) Греко-американские отношения /справка/

Предложений нет

е) Англо-югославские отношения /справка/

Предложений нет

ж) Американско-югославские отношения /справка/

Предложений нет

По п. 2

Материалы не представлены.

Предложений нет

/т. Вышинский, Голунский, Грибанов⁴⁴/

По п. 3

Вопрос о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности.

/т. Литвинов, Деканозов, Саксин⁴⁵/.

Представлена записка на 15 стр.

Выводы и предложения.

Иден и Хэлл могут в достаточной мере удовлетвориться общей декларацией о том, что в основном вопросе об отношении с Германией после⁴⁶ констатируется солидарность между тремя правительствами, а именно, что будут приняты все необходимые меры, предупреждающие возможность агрессии Германии в будущем. Идену и Хэллу должно быть разъяснено, что не в интересах союзников теперь же прокламировать те крайние меры, к которым придется прибегнуть для обезвреживания Германии в качестве агрессора и максимального ослабления ее, в этих целях, в военном, экономическом и территориальном отношениях, и что публичное обсуждение этих мер будет лишь на пользу Гитлеру, поскольку оно может спланировать немцев и усилить их сопротивление.

Если Иден и Хэлл не удовлетворятся общей декларацией об отсутствии серьезных разногласий и будут настаивать на обсуждении намеченных ими проблем в отдельности, то мы вправе потребовать от них, как инициаторов, конкретных предложений по этим проблемам. Это нужно для того, чтобы нам не приписывалась инициатива тех крайних мероприятий, к которым придется прибегать в обращении с Германией. Мы сможем тогда отвечать согласием на некоторые предложения, некоторые из них отвергать, а по другим выдвигать наши контрпредложения.

Можно догадываться, что их интересует вопрос о возможности участия в оккупации побежденных стран военных сил всех союзников, и не только тех из них, которые первыми непосредственно займут эти страны.

Предложение: Нам надо поэтому решить, готовы ли мы уже на данной стадии связать себя какими-либо обязательствами в отношении Германии и ее сателлитов.

В вопросах длительной оккупации /поскольку нет разработанных материалов/ придется использовать опыт Италии и вновь созданной Военно-политической Комиссии /стр. 31–32/

По п. 7

Совместная политика в отношении Турции.

/т. Кавтарадзе⁴⁷, Суриц, Лаврентьев⁴⁸, Костылев/.

Представлена записка.

По п. 8

Совместная политика в отношении движения сопротивления в Югославии

/т. Корнейчук, Зорин⁴⁹/.

Представлена записка /Зорина-Сергеева/ на 14 стр.

По п. 9

Мирные пробные шары со стороны вражеских государств /Венгрия, Румыния/
/т. Новиков К. В., Смирнов⁵⁰/.

Представлена записка.

Работа забракована и возвращена для переделки как неудовлетворительная.

По п. 10

Отношение к Французскому Комитету, в особенности его положение во Французской метрополии, и создание возможного французского правительства.

/т. Лозовский⁵¹, Мануильский⁵²/.

Представлена справка на 45 стр. «О позиции США и Англии во французском вопросе».

В справке имеются выводы — 4 пункта:

1. Они хотят установить в послевоенной Франции режим реакции, способный подавить революционное движение в стране.

2. Англия и США не намерены допустить полного восстановления Французской империи в прежних ее размерах.

3. Делают ставку на реакционные силы Франции.

4. Между Англией и США имеются противоречия по вопросу о гегемонии над Францией.

Кроме того, 7.X.43 г. т.т. Лозовский и Мануильский дали предложения: «Наша тактика на конференции по французскому вопросу».

По п. 11.

Будущее Польши, дунайских и балканских стран, включая вопрос о Финляндии.

/т. Корнейчук, Павлов А. П.⁵³, Новиков Н. В.⁵⁴, Зорин/

а/ Будущее Польши

Представлена справка и досье.

Предложений нет

б/ Будущее Болгарии

Представлена справка /Зорина-Сионского/

В конце справки даются

«Наши возможные позиции»:

Сейчас нам невыгодно выступать с поддержкой болгарских территориальных претензий.

Если удастся добиться поворота во внешней политике Болгарии, некоторые претензии могут быть приняты во внимание. Можем поддержать требование Болгарии на сохранение в ее руках части Фракии у Эгейского моря.

в/ «Союзы (Альянсы) и проекты Федераций на Балканах» /с 1912 г./.

/Составители и эксперты-консультанты С. Крылов⁵⁵ и И. Перетерский⁵⁶/.

Предложений нет

г) «Распределение компетенций в Федерациях»

Исторический обзор А. П. Павлова по конституциям

США 1787 г.

Швейцарии 1874 г.

Канады 1867 г.

Австралийского Союза 1900 г.

/Акт/ Южно-Афр. Союза 1909 г.

Германии 1919 г.

д/ Польско-чехословацкая конфедерация

Представлены обширные досье по этому вопросу и справка Новикова Н. В. от 9.X. 1943 г.

Имеются выводы /на одной странице/

Об отношении правительств Англии, США, Чехословакии и Польши к вопросу о Польско-чехословацкой конфедерации.

Предложений нет.

По п. 12

Совместная политика в Иране.

/т. Кавтарадзе, Смирнов, Михайлов⁵⁷/.

Материал не представлен.

По п. 13

Послевоенное экономическое сотрудничество.

/т. Барановский⁵⁸, Зарубин, Арутюнян⁵⁹, Аркадьев⁶⁰, Микоян/.

По п. 14

Декларация 4-х стран /ам. проект плюс англ. поправки/.

Материал не представлен.

п. 15 /вне повестки/

ФИНЛЯНДИЯ

/т. Лозовский, Саксин/.

Представлена справка /обзор англ. и американской печати/ с выводами.

Предложений нет.

По п. 16

Методы рассмотрения текущих политических и экономических вопросов /пункт из американской повестки/.

/т. Литвинов/.

Представлена записка т. Литвинова на 3 стр. от 6.X.43 г. с предложениями.

Предложение американцев о создании аппарата для совместного решения вопросов Л. считается приемлемым и выгодным, поскольку:

1. все спорные вопросы решаются совместно,
2. легче разоблачать сговор Англии и США,
3. легче иметь полную информацию о стратегических планах США и Англии,
4. легче оказывать постоянное давление на Англию и США.

Должны добиваться создания Комиссии в Москве.

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Л. 16–27.

№ 4

Из воспоминаний З. В. Зарубиной о Тегеранской конференции 1943 г.

<...>

— Каковы ваши личные впечатления от лидеров «большой тройки»?

— Не приходится говорить о том, что они все трое были совершенно разные. Я впервые видела Иосифа Виссарионовича Сталина. Однажды утром он пришел навестить Рузвельта и узнать, как тот себя чувствует. А переводчиков не было. Я там оказалась. Сталин говорит: я могу к нему пройти? Я зашла к Рузвельту, спросила — пожалуйста! Я оказалась, таким образом, с утра между двумя лидерами государств антигитлеровской коалиции. Разговор начался с простых вопросов Сталина к Рузвельту: как вы себя чувствуете? как вы спали? Президент США отвечал: да я спал хорошо, мне здесь все нравится, но с утра в пруду квакали лягушки — я никак не мог заснуть. Я повернулась, смотрю на Сталина и от сильного волнения забыла, как будут «лягушки» по-русски. Говорю: Иосиф Виссарионович, те маленькие зеленые животные, которые так квакают в пруду, не давали президенту Соединенных Штатов спать. Я всегда начинаю свои воспоминания именно с этого момента, поскольку это был своего рода шок и провал.

— Что вам запомнилось в облике Сталина?

— Я была просто поражена, что он такого невысокого роста. Он был не выше меня, и это меня очень удивило. Лицо у Верховного главнокомандующего показалось мне очень утомленным (я говорю уже обо всех остальных встречах, на которых мне довелось бывать). Он редко смотрел в глаза. Те несколько случаев, когда мне приходилось быть связующим звеном, в глаза он не смотрел, глядел вроде как в сторону, практически непрерывно куря свою «Герцеговину Флор». Но когда он уж смотрел, было такое ощущение, что ему видно все насквозь. С тех пор у меня навсегда сохранилось впечатление от этого пронизывающего взгляда.

— Что запомнилось еще?

— Во время выступлений на конференции Сталина слушали затаив дыхание. В зале заседания достаточно было ему только кивнуть головой — вся служба моментально на это отвечала. Я бы сказала так: Верховный говорил очень медленно и очень тихо. И было удивительно, как все его слушали. В зале заседаний Тегеранской конференции было не так уж много народа, всего человек двенадцать сидели за столом (если не десять). Был последовательный перевод. На первом пленарном заседании выступил вначале Рузвельт. Президент США сразу взял неформальный тон.

И меня поразило — никакой повестки дня. Просто — давайте поговорим, в семейной обстановке, мы все здесь собрались ради очень важной цели. Эта непринужденность меня удивила.

Сталин принял это совершенно спокойно — давайте. И после заседания меня многие с английской и американской стороны спрашивали — ну, как Сталин себя вел? Отвечаю — очень хорошо, лояльно, терпимо ко всему относился. Часто употреблял выражения «если мне не изменяет память», «если я не ошибаюсь».

Они говорят: не может быть! Это не тот Сталин, о котором мы знали. Такова была запоздалая реакция западного окружения. Поэтому, когда он говорил медленно, тщательно подбирая слова и формулировки, немножко с акцентом, в зале, пока не переведет Павлов, была необыкновенная тишина. Все было тихо-тихо. Только Черчилль иногда переспрашивал: «What did he say? What did he say?» — «Что он сказал?» То есть в какой-то момент ему не хватало терпения.

— Что можно сказать об остальных лидерах?

— Что касается Черчилля, то в этот период времени он был, безусловно, нездоров. Производил впечатление дряхлеющего человека. Во многом этому способствовала его грузность, избыточный вес. И он пыхтел постоянно сигарой, и его переводить надо было, безусловно, уметь. Он замечательный оратор. Мог произнести длинную тираду, говоря переводчику — не прерывай меня (для перевода). Переводчик был вынужден записывать за ним. Когда Черчилль говорил — он мыслил, и это было заметно. Иными словами, он выкладывал не заранее продуманные формулировки, а часто импровизировал.

У Рузвельта была другая манера речи. Какая-то вальяжная, свободная. Если вы не знали, что он инвалид, то и никаких оснований предположить это у вас не было. Особенно, когда он сидел за столом — высокий мужчина, пенсне поблескивает, говорит свободно, иногда слегка поднимая голову, чтобы получше разглядеть собеседника.

Переводчик Рузвельта, впоследствии ставший американским послом в России⁶¹, считал, что Рузвельт на Тегеранской конференции неправильно себя вел. Он не понял и недооценил Сталина и решил, что, если похлопать его по плечу, они будут как бы друзьями. Как будто богатый дядюшка приехал. Он вел себя с Черчиллем и Сталиным, как с бедными родственниками. И эта непринужденность один раз чуть не привела к кризису на конференции, но в остальном — сидели, беседовали и внимательно слушали друг друга.

Пленарные заседания начинались в четыре часа дня. Но дело все в том, что это только за столом переговоров, однако, кроме этого, были ланчи, встречи один на один, потом пленарное заседание, потом ужин. По существу, это было бесконечное общение. Просто не знаю, как выдержали все это переводчики. Стенограмм тогда не вели. Еще одно, с чем я столкнулась потом. Понимаете, не было официального протокола. И поэтому одна из причин разночтений именно в этом. У одних одна запись, у других другая. Стали сравнивать записи, они не всегда сходились. Это было лишней пружиной, которая позволяла нас «заводить» во времена «холодной войны». Дескать, вы там что-то не так прочли. Особенно это касается Ялты и Потсдама.

<...>

— Как вела себя делегация СССР на переговорах?

— Делегация СССР не только вела себя на равных — Сталин был хозяином, поскольку переговоры проходили на территории нашего посольства. Он был прекрасным восточным хозяином, но нарочито скромным. После церемонии вручения меча они все вышли на балкон, там и состоялась единственная съемка участников конференции.

Под конец произошло то самое главное, чего все так ждали, — оглашение даты открытия второго фронта. Когда 29 ноября 1943 года они разошлись после ужина, то его советник Гарри Гопкинс по просьбе Рузвельта поздно вечером пришел в британское посольство. О чем они там говорили, трудно судить, но, как потом лично мне передавали участники конференции, Гопкинс сказал Черчиллю: перестань дурака валять, давай назовем точную дату открытия второго фронта.

Следующий день — дата рождения Черчилля. Меня с утра вызывают и говорят: срочно готовься, будешь переводить Сталина и Черчилля, очень конфиденциальный и важный разговор.

Арнольд Бирс потом рассказывал: «Я иду и думаю — вот неужели сейчас я узнаю эту историческую дату — день открытия второго фронта. Я один буду знать этот секрет! Как я его удержу?» Все чувствуют — кульминация!

Сталин очень хорошо принял Черчилля, хотя встреча не была запланирована. Сказал — пожалуйста, садитесь и поинтересовался как бы между прочим: ну, так как там со вторым фронтом? Черчилль ответил — сегодня за ланчем.

За ланчем собрались три руководителя стран антигитлеровской коалиции. Три руководителя и три переводчика — шесть человек. Там и была оглашена эта историческая дата. И 30 ноября 1943 года все уже расслабились, потому что решение уже принято и сегодня день рождения Черчилля.

Какие-то подарки нужны были. И это всех озадачило. От имени Гарримана кто-то из американцев поехал в город и купил большую холстину какого-то необыкновенного персидского шелка. Рузвельт поручил кому-то купить в магазине древностей вазу.

А Сталин был, как всегда, ко всему готов. Я случайно оказалась тем человеком, который сопровождал подарок Верховного Черчиллю — белую папаху, бекешу такого же цвета и ящик коньяка. Так я еще утром оказалась в зале английского посольства, где вечером ожидался прием. Мне разрешили войти в комнату, где стоял шикарно накрытый стол. Впервые в своей жизни я видела такое. Человек на тридцать был этот стол. Вечером состоялось празднование дня рождения Черчилля.

— Как прошел сам день рождения?

— Черчилль вызывает переводчика и говорит: ты сегодня самый главный — ты должен сидеть по левую руку от Сталина и вести себя как хозяин. Мало ли, как он будет вести себя за столом со всеми этими приборами. Смотри на его настроение, он первый раз на приеме такого уровня.

И вот когда собрались и начали пить коктейль, Сталин сказал: не понимаю, что это такое. Короче говоря, ему дали виски, но он сказал, что виски хорошо, а водка лучше. Когда он сел и увидел за столом такое разнообразие приборов, он сказал, что чувствует себя, как в музее, и попросил объяснить, как всем этим пользоваться.

Звучали хорошие тосты, но потом произнес тост Сталин. Переводчик Павлов в своей красивой дипломатической форме встал и начал было переводить. В этот момент как раз в зал вносят мороженое. И это мороженое по неловкости персонала вывалили на Павлова. Опять афронт. Все ожидали, как отреагирует переводчик Сталина, но он продолжал невозмутимо переводить. Такие мелочи, конечно, запоминаются.

После празднования Черчилль интересовался впечатлениями Сталина о дне рождения в целом — как Сталин, как он отреагировал? Как ему понравилось? Премьер-министру Великобритании передали, что Сталин себя чувствовал очень свободно, хорошо. Они с Рузвельтом были очень довольны.

— Больше никаких неожиданностей не было?

— Сталин сделал еще одну вещь. Он всегда делал неожиданные вещи. Верховный поворачивается к Бирсу и говорит: мне нравится, как меня обслуживают за столом. А ему прислуживал индус-сикх в чалме. Сталин интересуется: могу ли я его поблагодарить? Он поворачивается к сикху и говорит: большое спасибо, что вы меня так обслуживали, сегодня все так хорошо, такой важный день, день рождения премьер-министра Черчилля. Я хотел бы, сказал Верховный индусу, чтобы вы выпили бокал шампанского.

Сикх не ожидал подобного развития событий, не на шутку перепугался. Переводчик шептал сикху — выпей, выпей. Сикх смотрел на свое начальство и ждал команды. Потом все сразу задумались — а что мог означать этот жест Сталина?

Такие чисто человеческие ситуации, с одной стороны, выглядели диссонансом на фоне протокольных мероприятий, с другой — создавали определенную атмосферу и колорит этих встреч. Все чувствовали, что мы делаем большое дело.

30 ноября 1943 года конференция прошла свою высшую точку. 1 декабря погода изменилась в худшую сторону. Рузвельт стал опасаться, как он долетит. Конец конференции был немножко скомканный, торжественного финала не было. Самым звучным аккордом, таким образом, были передача меча, день рождения Черчилля и подписание коммюнике.

<...>

Беседовал Михаил Ходаренок.

Опубликовано в: Политический журнал. 2004 № 12(15).

Из отчета министра иностранных дел Великобритании Э. Идена Кабинету министров Великобритании о Каирской и Тегеранской конференциях 1943 г.

Совершенно секретно.

Копия № 6.

Протоколы заседаний Военного кабинета (1943 г.). Решение № 169. Запись № 2.

Конфиденциальное приложение.

(13 декабря 1943 г. — 17.30 ч)

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ отмечает: тот факт, что конференция в Каире началась с обсуждения вопросов войны с Японией (вследствие присутствия Чан Кайши), был неблагоприятным с нашей точки зрения. В ходе обсуждения были согласованы операции, которые должны иметь место в Бирме, но Президент⁶² взял на себя обязательство перед Генералиссимусом⁶³, что они будут сопровождаться десантной операцией в Индийском океане⁶⁴. Эта десантная операция могла быть осуществлена лишь за счет жизненно важных операций в Средиземноморье, она не была одобрена Премьер-министром⁶⁵. Генералиссимус покинул Каир спустя три или четыре дня, удовлетворенный тем, что он услышал, в то время как американцы и мы были вынуждены отправиться в Тегеран, не имея возможности принять решение о наших общих планах в Европе в 1944 году.

Конференция в Тегеране началась с запроса Маршала Сталина о том, чтобы наши планы были раскрыты. Президент дал затем обзор ситуации на Дальнем Востоке, после чего Сталин представил крайне интересное сообщение о ситуации на русском фронте, где он собирался продолжить оказывать давление [на немцев] на протяжении зимы, после чего, весной, должно последовать мощное наступление. Так как англо-американские планы не были согласованы, мы оказались в неудачном положении — необходимости обсуждать вопросы с американцами в присутствии русских и выразить наше несогласие с американским предложением о том, что и ОВЕРЛОРД, и ЭНВИЛ, и БУККАНИР — все они будут предприняты весной 1944 года. Премьер-министр проявил большое спокойствие в этих затруднительных обстоятельствах, и до завершения дискуссий удалось обеспечить принятие разумного решения. Детали было решено проработать на обратном пути в Каир. На протяжении этих сложных дискуссий позиция Маршала Сталина была дружественной и в наивысшей степени нацеленной на сотрудничество, регресса по сравнению с переговорами в Москве не произошло. Каждый вечер имелась возможность для близких бесед по самым различным политическим и военным вопросам, Премьер-министр и Маршал Сталин установили прекрасные отношения.

По возвращении в Каир необходимо было детальнее проработать наши планы. Путем спокойного убеждения Премьер-министр сумел донести до Президента тот факт, что ОВЕРЛОРД, ЭНВИЛ и БУККАНИР не могут быть проведены одновременно. В конце концов, Президент, на которого значительно повлияло заявление Маршала Сталина о позиции России в отношении Японии после поражения Германии, согласился телеграфировать Генералиссимусу о том, что БУККАНИР все же придется отложить. Ликвидировав тем самым огромное препятствие на пути общего решения, военная конференция завершилась в полном согласии и в атмосфере всеобщего удовлетворения.

<...>

В ходе Тегеранской конференции обнаружился один крайне интересный факт, а именно то, что Фельдмаршал [sic] Сталин очень критично настроен в отношении французов. Крайне неблагоприятное впечатление на него произвел Мистер Бержере⁶⁶, являвшийся французским послом в Москве в более ранний период войны. Он сказал, что французы не приложили по-настоящему серьезных усилий в эту войну, и он, безусловно, рассматривал французское государство как прогнившее. Он и Президент Рузвельт придерживались примерно одинаковых точек зрения в своих мыслях о Франции, полагая, что не все [колониальные] владения будут возвращены ей [после войны]. Президент Рузвельт, по всей видимости, держит в уме идею о том, что Соединенные Штаты могут получить Дакар; неплохо будет и нам получить Бизерту.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ дал затем обзор дискуссий по вопросу границ Польши.

Министр иностранных дел сообщил о заявлении Фельдмаршала [sic] Сталина о желании русских послать миссию к Тито. Было даже высказано предложение о желательности возможной отправки миссии к генералу Михайловичу. Они очень стремятся выяснить реальное положение дел, ясно подчеркнув, что желают работать вместе с нами в этом вопросе. По всей видимости, у русских до настоящего времени не было аккредитованного представителя при Тито. Между ними существовала, однако, радиосвязь, в войсках Тито есть и некоторые сбежавшие русские военнопленные.

Министр иностранных дел рассказал о своем предложении сделать на следующий день заявление в Палате общин с идеей о том, что правительство должно иметь возможность решать балканские вопросы со своими союзниками как оно посчитает нужным; если дать разыграться личным симпатиям и предпочтениям в отношении отдельных балканских лидеров или партий, сложится невыносимая ситуация. <...>

The National Archives of Great Britain. Cabinet Office 65/40/15.

№ 6

Из отчета главы имперского Генштаба А. Брука Кабинету министров Великобритании о Каирской и Тегеранской конференциях 1943 г.

Совершенно секретно.

Копия № 4.

Протоколы заседаний Военного кабинета (1943 г.). Решение № 174.

Конфиденциальное приложение.

(22 декабря 1943 г. — 12.15 ч)

ГЛАВА ИМПЕРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА представил Военному кабинету обзор Каирской и Тегеранской конференций и его последующей поездки на итальянский фронт.

Прибытие Генералиссимуса Чан Кайши в первый же день конференции оказало двоякое влияние на ход переговоров. Во-первых, учитывая дефицит времени перед отправлением Президента и Премьер-министра в Тегеран, не удалось последовать сложившейся практике и провести полноценные штабные переговоры по различным проблемам для выработки решения до их обсуждения на высшем уровне. Во-вторых, стало необходимым рассмотреть вопросы войны с Японией в качестве первого пункта повестки дня до принятия какого-либо решения по операциям в Европе. Таким образом, Комитеты начальников штабов США и Великобритании вынуждены были отправиться в Тегеран до того, как им удалось согласовать между собой удовлетворительное решение по вопросам высочайшего значения.

В переговорах с Генералиссимусом Президент взял на себя обязательство провести следующей весной операцию по высадке на Андаманских островах — операцию, которая должна была быть проведена преимущественно британцами и в отношении которой британский Комитет начальников штабов не был настроен благожелательно. Была предпринята попытка обсудить с китайскими генералами различные планы в Юго-Восточной Азии и на китайском театре военных действий, но безрезультатно. Ясно, что они не имели полномочий выступать с предложениями или выражать свое мнение.

Конференция затем переместилась в Тегеран, где вновь переговоры с самого начала пошли на высшем уровне. Маршал Сталин настаивал на раннем проведении ОВЕРЛОРДА, а также был серьезно расположен в пользу одновременной операции на Юге Франции (ЭНВИЛ). Объединенный комитет начальников штабов провел встречу с Маршалом Ворошиловым, детально обсудив ОВЕРЛОРД и вопрос о дате его проведения. В конце концов удалось достичь соглашения по этой операции, а также по операции на Юге Франции; русские при этом обещали провести в эти же сроки весеннее наступление.

Маршал Сталин дал ценную гарантию того, что он объявит войну Болгарии, если та выступит против Турции, при условии, что Турция вступит в войну, но он проявил мало интереса к ситуа-

ции на Балканах или к возможности открытия проливов⁶⁷. Русские, по всей видимости, не осознают военных преимуществ, которые можно получить в этой части света, хотя видимое отсутствие у них интереса может проистекать и из других мотивов.

<...>

The National Archives of Great Britain. Cabinet Office 65/40/18.

¹ Имеется в трех вариантах: публикуемый ниже; проект (датирован 6 октября); документ с пометкой 2-го Европейского отдела НКВД (1323/2ЕО; стоит дата 22 октября). Текст проекта, отличный от итогового плана, дается курсивом в квадратных скобках. Отличия между публикуемым ниже текстом и вариантом, датированным 22 октября, незначительны.

² Максимов Михаил Алексеевич (1901–1978?) — в 1942–1944 гг. советник посольства СССР в Иране, в 1944–1946 гг. посол СССР в Иране.

³ Садчиков Иван Васильевич (1906–1989) — в 1939–1943 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД, в 1943–1945 гг. заведующий Средневосточным отделом НКВД СССР.

⁴ Разин Борис Григорьевич (1905–1976) — в 1941–1949 гг. военный атташе при посольстве СССР в Иране.

⁵ Генерал Королев А.М. — начальник советского транспортного управления в Иране, занимавшегося вопросами ленд-лиза.

⁶ Мигунов В.П. (1903–?) — в 1942–1945 гг. торговый представитель СССР в Иране.

⁷ На полях дописано: «Павлов В.Н., Подцероб Б.Ф.». Имелись в виду: Павлов Владимир Николаевич (1915–1993), в 1941–1947 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР, переводчик с английского во время бесед И.В. Сталина и В.М. Молотова; Подцероб Борис Федорович (1910–1983), в 1943–1949 гг. старший помощник Молотова.

⁸ По всей видимости, имелся в виду: Крутиков Алексей Дмитриевич (1901/2–1962), в 1938–1948 гг. заместитель, затем 1-й заместитель народного комиссара (с 1946 г. — министра) внешней торговли СССР.

⁹ Степанов Михаил Степанович (1897–1966) — заместитель наркома внешней торговли СССР.

¹⁰ Синилов Кузьма Романович (1902–1957) — генерал-майор (позднее генерал-лейтенант), в 1941–1953 гг. военный комендант Москвы.

¹¹ Яснов Михаил Алексеевич (1906–1991) — в 1938–1949 гг. заместитель председателя Московского городского совета.

¹² По всей видимости, имелся в виду: Голиков Филипп Иванович (1900–1980), генерал-полковник (позднее маршал), в 1943–1950 гг. начальник главного управления кадров НКО (с 1946 г. — МО) СССР.

¹³ Новиков Кирилл Васильевич (1905–1983) — в 1942–1947 гг. заведующий II Европейским отделом НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР.

¹⁴ Зарубин Георгий Николаевич (1900–1958) — в 1941–1944 гг. заведующий Отделом американских стран НКВД СССР.

¹⁵ Евстигнеев Владимир Николаевич (1900–1964) — генерал-майор, в 1941–1945 гг. начальник Отдела внешних сношений НКО СССР.

¹⁶ Сотрудник II Европейского отдела НКВД СССР.

¹⁷ Кириллов В.Г. — начальник протокольной части НКВД СССР.

¹⁸ Слово «или» вписано от руки.

¹⁹ Затем исправлено на: а)

²⁰ Затем исправлено на: Тов.

²¹ Текст «а затем тов. Сталину И.В. в присутствии тов. Молотова В.М.» вписан от руки.

²² Рядом с текстом стоит: (?).

²³ Дин Джон Рассел (1896–1982) — генерал-майор, в 1943–1945 гг. глава военной миссии США в СССР.

²⁴ Вандерберг Хойт Сенфорд (1899–1954) — полковник (позднее генерал) ВВС США, в 1943–1944 гг. глава военно-воздушной миссии США в СССР.

²⁵ Краснов П.Е. — в 1941–1945 гг. глава «Интуриста».

²⁶ Шаров А.В. (1900–?) — заместитель наркома торговли СССР.

²⁷ По всей видимости: «магазин для дипломатического корпуса».

²⁸ Егнатшвили (Егнатшвили) Александр Яковлевич (1887–1948) — комиссар государственной безопасности, в 1941–1943 гг. заместитель начальника 1-го отдела НКВД, затем в НКГБ.

²⁹ Бюро по обслуживанию иностранцев.

³⁰ По всей видимости, имелся в виду: Райхман Леонид Федорович (1908–1990), комиссар государственной безопасности (позднее генерал-лейтенант), в 1943–1951 гг. заместитель 2-го Управления НКГБ (с 1946 г. — МГБ) СССР.

³¹ Александров Александр Васильевич (1883–1947) — генерал-майор, с 1928 г. глава Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР.

³² Здесь и далее подчеркнуто и выделено Молотовым.

³³ Американского правительства.

³⁴ Английского правительства.

- ³⁵ Советского правительства.
- ³⁶ Текст «В мае 1943 г.» обведен в кружок.
- ³⁷ Текст всего предложения отчеркнут вертикальной волнистой чертой на полях.
- ³⁸ Суриц Яков Захарович (188–1952) — в 1940–1945 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, член Комиссии по послевоенному устройству (комиссия Литвинова).
- ³⁹ Штейн Борис Ефимович (1892–1961) — в 1939–1945 гг. сотрудник Высшей дипломатической школы НКВД СССР, член Комиссии по послевоенному устройству (комиссия Литвинова).
- ⁴⁰ Горелкин Николай Васильевич (189 — ?) — сотрудник НКВД СССР, бывший посол СССР в Италии (1939–1941).
- ⁴¹ Костылев Михаил Алексеевич (1900–1974) — в 1942–1944 гг. советник посольства СССР в Турции, в 1944 г. представитель СССР при правительстве Италии.
- ⁴² Сергеев Михаил Григорьевич (1903–?) — в 1939–1943 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, в 1943–1945 гг. заведующий I Европейским отделом НКВД СССР, бывший генеральный консул СССР в Милане (1937–1939).
- ⁴³ Голунский Сергей Александрович (1895–1962) — в 1941–1945 гг. эксперт-консультант Договорно-правового отдела НКВД СССР.
- ⁴⁴ Грибанов Михаил Григорьевич (1906–1987) — в 1943–1945 гг. помощник заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского.
- ⁴⁵ Саксин Георгий Филиппович (1904–1982) — в 1942–1943 гг. секретарь Комиссии по подготовке дипломатических материалов, в 1943–1944 гг. советник посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне.
- ⁴⁶ Так в тексте. По всей видимости, имеется в виду «после войны».
- ⁴⁷ Кавтарадзе Сергей Иванович (1885–1971) — в 1941–1943 гг. заведующий Средневосточным отделом НКВД СССР, в 1943–1945 гг. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.
- ⁴⁸ Лаврентьев Анатолий Иосифович (1904–1984) — в 1941–1943 гг. ответственный сотрудник ТАСС, в 1943 г. заведующий I Европейским отделом НКВД СССР, в 1943–1944 гг. заведующий Ближневосточным отделом НКВД СССР.
- ⁴⁹ Зорин Валериан Александрович (1902–1986) — в 1943–1945 гг. заведующий IV Европейским отделом НКВД СССР.
- ⁵⁰ Смирнов Андрей Андреевич (1905–1982) — в 1941–1943 гг. посол СССР в Иране, в 1943–1949 гг. заведующий III Европейским отделом НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР.
- ⁵¹ Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878–1952) — в 1939–1946 гг. заместитель наркома (с 1946 г. — министра) иностранных дел СССР.
- ⁵² Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) — в 1922–1943 гг. на руководящих постах в Коминтерне, в 1942–1944 гг. на руководящей работе в ЦК ВКП(б) и Главном политическом управлении Красной армии.
- ⁵³ Павлов Алексей Павлович (1905–1982) — в 1939–1945 гг. заместитель заведующего, заведующий Правовым отделом НКВД СССР.
- ⁵⁴ Новиков Николай Васильевич (1903–1989) — в 1941–1943 гг. заведующий IV Европейским отделом НКВД СССР, в 1943–1945 гг. посланник СССР в Египте.
- ⁵⁵ Крылов Сергей Борисович (1888–1958) — в 1942–1946 гг. эксперт-консультант Правового отдела НКВД СССР, член Комиссии по вопросам перемирия (комиссия Ворошилова).
- ⁵⁶ Перетерский Иван Сергеевич (1889–1956) — в 1943–1947 гг. эксперт-консультант, затем заместитель начальника Правового отдела НКВД (с 1946 г. — Договорно-правового управления МИД) СССР.
- ⁵⁷ Михайлов Константин Александрович (1904–1985) — в 1943–1944 гг. посол СССР в Иране.
- ⁵⁸ Барановский Анатолий Максимович (1906–1987) — в 1942–1944 гг. эксперт-консультант НКВД СССР.
- ⁵⁹ Арутюнян Амазасп Авакимович (1902–1971) — в 1943–1944 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, в 1944–1954 гг. заместитель заведующего, заведующий Экономическим отделом НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР.
- ⁶⁰ Аркадьев Георгий Петрович (1905–1993) — в 1936–1943 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, в 1944–1947 гг. заместитель заведующего Экономическим отделом НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР.
- ⁶¹ Болен Чарльз Юстис (1904–1974) — в 1943–1945 гг. сотрудник посольства США в Москве, затем в центральном аппарате Госдепартамента США, переводчик Рузвельта на Тегеранской и Ялтинской конференциях, в 1953–1957 гг. посол США в СССР.
- ⁶² Франклин Рузвельт.
- ⁶³ Чан Кайши.
- ⁶⁴ Операция «Букканир» («Пират») — план по высадке десанта на Андаманские острова в Бенгальском заливе.
- ⁶⁵ Уинстон Черчилль.
- ⁶⁶ Так в тексте: «Mr. Bergeret». По всей видимости, имелся в виду: Бержери (Bergery) Гастон (1892–1974), в апреле — июне 1941 г. посол правительства «Виши» в СССР.
- ⁶⁷ Имелась в виду возможность открытия Турцией проливов для кораблей союзников по антигитлеровской коалиции.

ДИПЛОМАТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Книга тридцать восьмая

В. О. Печатнов

Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР 7

А. Ф. Носкова

Восточная Европа в советской политике в годы Великой Отечественной войны 44

С. А. РоманенкоВосстановление Югославии и планы переустройства
Юго-Восточной Европы. 57**ДОКУМЕНТЫ** 85**Т. В. Волокитина, Л. В. Ревякина**Антигитлеровская коалиция и страны-сателлиты Германии:
подготовка и заключение соглашений о перемирии 110**А. Ф. Носкова**СССР — Польша и западные союзники: интересы, противоречия,
результаты (1941–1944 гг.) 145**Т. В. Волокитина**

Болгария во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны 159

Т. В. Волокитина, Л. В. РевякинаСоюзная советская контрольная комиссия в Болгарии
(ноябрь 1944 — декабрь 1947 г.) 179**Е. О. Обичкина**

Идеология и геополитика в советской дипломатии периода освобождения 201

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ОТ МОСКВЫ ДО ТЕГЕРАНА

Книга тридцать девятая

А. Ф. Носкова

По пути к Тегерану: дипломатический разворот Москвы 249

И. Э. Магадеев

Дипломатия СССР на международных конференциях второй половины 1943 г. 260

И. Э. МагадеевСоветская дипломатия на Московской конференции
союзной тройки (19–30 октября 1943 г.) 267**И. Э. Магадеев**

Дипломатия Советского Союза на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) 301

ДОКУМЕНТЫСоветская дипломатия в период подготовки
и проведения Московской и Тегеранской конференций 1943 г. 324

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ XIII
ВОЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Верстка Д. В. Панин

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Г. В. Брагова
Н. В. Лиханова
Ю. П. Кириленко

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 23.10.2015.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 43.0. Уч. изд. л. 33.8. Тираж 500 экз. Заказ № 89.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru